

**Міністерство освіти і науки України
Херсонський державний університет**

**Науковий вісник
Херсонського державного університету
Серія "Лінгвістика"**

Випуск 18

Херсон – 2013

ББК 81.2 Ук
Н 34
УДК 81'1

Наукове фахове видання, затверджене постановою Президії ВАК України від 10 березня 2010 р., № 1-05/2 (Бюлетень ВАК України. – 2010. – № 4. – С. 7).

Науковий вісник Херсонського державного університету. Серія “Лінгвістика”: Збірник наукових праць. Випуск XVIII. – Херсон: ХДУ, 2013. – 327 с.

Розглядаються актуальні проблеми сучасної лінгвістики, теоретичні та історичні аспекти функційної граматики, з'ясовуються напрями еволюції морфологічних і синтаксичних категорій, а також їхні функційні вияви в тексті, простежуються особливості українських говорів, висвітлюються тенденції сучасного словотвору, встановлюються особливості функційної семантики фразеологічних і лексичних одиниць, визначаються шляхи кодифікації граматичних норм мови.

Для науковців, викладачів, аспірантів і студентів-філологів.

Редакційна колегія:

- ОЛЕКСЕНКО Володимир – головний редактор, доктор філологічних наук, професор, Херсонський державний університет.
- БЄЛСХОВА Лариса – заступник головного редактора, доктор філологічних наук, професор, Херсонський державний університет.
- ТРОПІНА Ніна – заступник головного редактора, доктор філологічних наук, професор, Херсонський державний університет.
- ГАЙДУЧЕНКО Галина – відповідальний секретар, кандидат філологічних наук, доцент, Херсонський державний університет.
- БЄЛЯЄВ Юрій – кандидат філологічних наук, професор, Херсонський державний університет.
- ОЖОГАН Василь – доктор філологічних наук, професор, Національний університет “Києво-Могилянська академія”.
- ГАЙДАСНКО Ірина – кандидат філологічних наук, доцент, Херсонський державний університет.
- ГОРОДЕНСЬКА Катерина – доктор філологічних наук, професор, Інститут української мови НАН України.
- ЗАГНІТКО Анатолій – доктор філологічних наук, професор, Донецький національний університет.
- МАНАКІН Володимир – доктор філологічних наук, професор, Запорізький національний університет.
- РУДЕНКО Людмила – доктор філологічних наук, професор, Херсонський державний університет.

Друкується за ухвалою вченої ради Херсонського державного університету (протокол № 10 від 27 травня 2013 р.).

© ХДУ, 2013
© Колектив авторів

ЗМІСТ

Розділ I. Теоретичні питання мовознавства

<i>Алла Величко</i> Русский язык и русская речь сегодня. Состояние и направление движения	7
<i>Татьяна Владимировна</i> Моделирование априорных условий коммуникации.....	12
<i>Владимир Глуценко, Вадим Овчаренко, Ирина Рябинина</i> Методология изучения истории русского языка: А. И. Соболевский и А. А. Шахматов ...	17
<i>Валентина Маслова</i> Статус картины мира и ее типы в антропоцентрической парадигме	28
<i>Наталья Матвеева</i> "Концептографические"/"глоссографические" словари в системе традиционной и учебной лексикографии	35
<i>Игорь Меньшиков</i> Согласование и управление как разновидности синтаксической связи.....	41
<i>Марина Вас. Пименова</i> Устойчивые единицы древнерусского текста: семантика и структура	45
<i>Марина Вл. Пименова</i> Методика анализа и теоретические установки кемеровской школы концептуальных исследований	50
<i>Ирина Синица</i> Инофон как объект лингвоперсонологии.....	59
<i>Нина Тропина</i> Мировидение и метафорическая номинация: новая технократическая модель	63
<i>Александра Ховалкина</i> Единство теории и практики – научное и жизненное кредо Л.В. Щербы и Н.М. Шанского	68
<i>Наталья Хруцкая</i> О вариативности языковой системы и перспективах динамики вариантов слов	73
Розділ II. Когнітивна лінгвістика, семантика, термінологія, ономазіологія	
<i>Диана Абжелієва</i> Актуализация признаков в метаязыке русских орнитонимов	78
<i>Ольга Баринова</i> Лексико-грамматические параметры адъективных колоративов как парадигматического класса слов	82
<i>Анна Галаева</i> Структурно-семантические модели технократических глагольных инноваций	87

<i>Маргарита Жадлун</i>	
"Вода – Смерть" как компонент семантического наполнения концепта "вода" в идиостилях М. Цветаевой и А. Ахматовой	93
<i>Татьяна Калугина</i>	
Проблема определения ономаσιологической единицы.....	97
<i>Ульяна Карпенко</i>	
Первокорень слова "гордый"	100
<i>Татьяна Клименко</i>	
Лексические концепты "свет" и "тьма" как фреймовые структуры	102
<i>Наталья Коч</i>	
Ориентационная метафора "верх/низ" и концепт "гордыня/смирение" в христианской лингвокультуре Древней Руси	106
<i>Юлия Крацова</i>	
Репрезентация метафорического концепта "птица" в русской литературе	111
<i>Луиза Петрова</i>	
Типы внутрисловной глагольной мотивации (на материале глаголов физического действия).....	117
<i>Любовь Проскурина</i>	
Роль аббревиации в технической терминологии (на примере терминологии ремонта летательных аппаратов)	121
<i>Алена Просяная</i>	
Ролевая позиция объекта в фрейме "рыболовецкая деятельность" (на материале русских говоров Одесщины).....	127
<i>Надежда Стеценко</i>	
Фрейминг как средство интерпретации печатных новостей	130
<i>Валентина Сембирцева</i>	
Специфика мотивационного поля	135
<i>Елена Семиколенова, Татьяна Чабаненко</i>	
Парадигмы с "пустыми клетками": состав, разновидности, способы номинации.....	140
<i>Елизавета Цымбалюк</i>	
Ономаσιологическая структура в системе средств описания межуровневой функциональной омонимии (на материале омогруппы предлога-приставки от в текстах XVII века)	146
Розділ III. Антропоцентрична парадигма: мовна картина світу, мовна особистість	
<i>Людмила Богданова</i>	
Время и деньги как ценности в русской лингвокультуре	152
<i>Наталья Божко</i>	
Учет этнокультурной специфики и психологических особенностей студентов из Монголии при обучении русскому языку	157
<i>Наталія Войцехівська</i>	
Типологія конфліктної особистості.....	161

<i>Ольга Гамали, Ольга Каневская</i> Своеобразие индивидуальной художественной картины мира Всеволода Гаршина	167
<i>Ирина Герасименко</i> Отражение форм мышления в семантической структуре колоративов	173
<i>Анна Дасько</i> Гуманистический аксиологический аспект этического компонента культуры	177
<i>Людмила Иванова</i> Европа в видении Н. С. Гумилева (лингвоимагологический аспект)	183
<i>Валентина Кравченко</i> Антропонимная номинация приазовских греков в пространстве межкультурной коммуникации	188
<i>Ольга Муравьева</i> Метафорическая экспликация концепта "любовь" в русскоязычных произведениях Т.Г. Шевченко	192
<i>Елена Ситникова</i> Внутренний лексикон человека с позиций теории языковой личности.....	197
<i>Надежда Стрелок</i> Русско-английские соответствия в жестовой фразеологии	203
<i>Наталья Ушакова</i> Русская ономастика в курсе лингвострановедения для иностранных студентов-филологов	207
<i>Юлия Шевченко</i> "Обломов" как лингвокультурный типаж: лингвистические методы исследования.....	212
Розділ IV. Дискурс. Художній дискурс. Мова засобів масової комунікації	
<i>Наталья Барбара</i> Украинизмы-вкрапления в русских газетных текстах.....	217
<i>Елена Бражник</i> Онимное пространство стихотворения "Юдифь" Н. Гумилёва.....	223
<i>Алла Габидуллина</i> Словесный повтор как средство создания комического эффекта	226
<i>Рита Гладкова</i> Экспрессивно-стилистическая маркированность авторских новообразований в русской художественной речи (на материале произведений К.Г. Паустовского)	230
<i>Зоя Гончарова</i> Языковая игра в публицистическом дискурсе: концептуальный аспект лингвистического анализа	234
<i>Світлана Гузенко</i> До проблеми інтерференції у мові сучасних українських ЗМІ	239
<i>Владимир Изотов</i> Тмезис как словотекст.....	243

<i>Елена Колесниченко</i>	
Каламбурный парадокс в произведениях М.М. Жванецкого	247
<i>Елена Куварова</i>	
Структурные типы рассеянного эпистолярного вокатива в русском языке	253
<i>Марина Мельник</i>	
Явление лексической интерференции в компьютерном дискурсе	258
<i>Тетяна Миронова</i>	
Авторські параметри відносно перекладацьких в одному з англомовних текстів (досвід когнітивно-комунікативного аналізу англійського перекладу оповідання К.Г.Паустовського "Золотий лин")	261
<i>Ирина Одинцова</i>	
Рефрейминг как когнитивная техника работы с языковым материалом	266
<i>Анна Пикалова</i>	
Функции синтаксического повтора в устной научной речи	272
<i>Ольга Синявская</i>	
Коммерческая номинация как средство манипулятивного воздействия на потребителя.....	276
<i>Наталья Собченко</i>	
Игровая природа рекламного дискурса	282
<i>Елена Столярская</i>	
Структурные и стилистические типы специальной лексики в журнальной рекламе бытовой техники и транспортных средств	286
<i>Юлия Костянюк</i>	
Состав, структура и функционирование топонимов в "Истории Пугачева" А.С.Пушкина	291
<i>Геннадий Манаенко</i>	
Специфика корреляции значений "мира текста" и смыслов "мира дискурса"	297
<i>Наталья Сыромля</i>	
Экспликация символа "солнце" в поэтическом тексте детского русскоязычного журнала.....	302
<i>Людмила Черкун</i>	
Приемы структурно-семантического преобразования фразеологизмов в иронических детективах Д. Донцовой.....	305
<i>Надежда Чернявская</i>	
Образная репрезентация человека в виртуальном дискурсе	308
<i>Ольга Шутова</i>	
Адресат и адресант научно-популярного дискурса	311
<i>Людмила Фомина, Лина Гукова</i>	
Традиционный формат -ск в экспрессивном топонимиконе	317
Відомості про авторів	323

Розділ І

ТЕОРЕТИЧНІ ПИТАННЯ МОВОЗНАВСТВА

УДК 81.271

Алла Величко
(Москва)

РУССКИЙ ЯЗЫК И РУССКАЯ РЕЧЬ СЕГОДНЯ. СОСТОЯНИЕ И НАПРАВЛЕНИЕ ДВИЖЕНИЯ

У статті розглянуто зміни, що відбулися в сучасній російській мові. Аналізуються нові явища в лексиці, граматиці, стилістиці.

Ключові слова: *нові явища мови, граматика, лексика, культура мови, мовна норма.*

The article is devoted to the changes that have occurred in modern russian language. Analyzes new developments in vocabulary, grammar, stylistic.

Keywords: *new phenomena of language, grammar, vocabulary, speech, linguistic norm.*

Развитие лингвистической науки на современном этапе отмечено углублением и расширением тематики, проблематики, появлением новых направлений исследования, а также новизной подходов. Но в богатстве и разнообразии тем и проблем остаются и такие, которые не теряют своей актуальности в любое время. К таким темам относится вопрос о состоянии языка в современный период.

Для исследователей язык всегда был интересен как живая, живущая, постоянно меняющаяся система. Язык живет в речи его носителей, в употреблении. Язык как продукт человеческого сознания – это отражение материальной и духовной жизни данного социума. Он живет и меняется вместе с обществом. Лингвисты всегда наблюдают за языком, который звучит вокруг них, соотносят его с тем, который закреплён нормой.

Последние десятилетия, стремительно изменяющие нашу жизнь, да и самих людей, столь же решительно меняют русский язык. Изменения, происходящие в языке, новые черты русского языка последнего времени привлекает, естественно, внимание исследователей. Появилось и появляется множество работ, этой тематики. При всем содержательном и жанровом разнообразии таких работ их объединяет то, что они, в основном, ставят целью фиксацию, классификацию и описание новых языковых фактов, констатацию тенденций в изменении русского языка. Как представляется, очень важно, также, чтобы лингвисты, русисты определяли свое отношение к новым тенденциям, не просто фиксировали, но и оценивали языковые и речевые новшества и тем самым способствовали формированию у носителей русского языка правильное отношение к языку, которым они пользуются. Что происходит с русским языком последних двух или трех десятилетий? Какие новые языковые характеризуют современную жизнь русского языка? Как их следует квалифицировать и как к ним относиться? Таковы вопросы, которые определяют содержание данной статьи.

Современная лингвистика изучает языковые явления с позиций антропоцентризма языка. Человек в центре языка. Язык связан с внешней жизнью человека, жизнью вокруг него. Экономические, политические, общественные изменения в жизни общества вносят изменения и в язык, которым пользуются члены социума. С приходом новой жизни происходят изменения и в самом человеке: меняются его взгляды, пристрастия, его система ценностей, характер отношений с членами общества и отношение к себе. Определенным образом трансформируется и речь человека: он начинает использовать другие языковые

средства для выражения своего мировосприятия, следовательно, начинает меняться его языковая личность.

Объектом нашего наблюдения над особенностями языка последнего времени были тексты тех функциональных разновидностей языка, а также речь тех лиц, где должен реализовываться литературный язык. Это материалы периодики, радио- и телепередач, интервью и выступления политических деятелей, речь журналистов, обозревателей, актеров, речь образованных городских жителей социокультурной сферы общения, студенческой молодежи, а также частично язык произведений современной художественной литературы. Новые явления рассматривались с проекцией на литературный язык.

Основные призывы современной жизни России – демократизация общества и свобода слова – сказались, безусловно, положительно на особенностях речи русских. Они стали говорить проще, естественнее, их речь стала более индивидуализированной.

Вместе с тем слова "демократия" и "свобода", понимаемые нередко слишком вольно, слишком широко, повлекли за собой целый ряд негативных последствий. К сожалению, особенностью языковой ситуации в России последних десятилетий является падение речевой культуры, что отмечают все специалисты-филологи, да и сами носители языка. Наблюдается пренебрежительное отношение к слову, к чистоте и правильности речи. Сегодня не слишком строго следят за тем, как произнести слово, где поставить ударение. Прослеживается "размывание" литературных норм. Например: *Я достаточно плохо вас слышу, Я хочу озвучить одну мысль, контактный телефон, булка хлеба/черного/белого, обречен на успех, на удачу.* Типично небрежное обращение с ударениями, которое встречается и у дикторов, журналистов: *дОговор, катАлог, обеспЕчение, укрАинский, укрАинец, звѐнит* и др. Укрепилось употребление глагола *кушать* вместо *есть* по отношению к себе или к собеседнику (*Кушать хочется, Пойдем кушать*). Этот глагол активизировался в первую очередь в молодежной речи. Кстати, речь современной молодежи сейчас активно пополняется новыми словами, оборотами (*классный, крутой, не парься* и т.д.). Студенты предпочитают использовать их "обрезки" слов (*универ, преподы* и под.). Молодежь открыто, свободно использует нецензурную лексику. Нарочитое употребление жаргонной, вульгарной, сниженной лексики стало непременным условием и критерием "современности" у молодежи. Вообще меняется манера общения современных молодых людей (громкая речь, смех, вульгарные крики).

Показательно, что такие слова стали не только приметой молодежной, студенческой речи, но и нередко для людей другого возраста и общественного статуса. Речь образованных людей – актеров, журналистов, политических деятелей становится стилистически небрежной, нередко отличается неправильным словоупотреблением, содержит неправильно построенные предложения. Некоторые примеры: *Вчера у нас на депутатской тусовке...; ... а недавно известный актер засветился и как режиссер; Нескучный сад, к сожалению, достаточно заброшен; Когда обстановка в стране в целом устаканилась...; Помимо экскурсий по Кремлю школьники могут напрямую соприкоснуться с историей* и т.д.

"Сейчас литературный язык оказался под ударом просторечной стихии, стал "расползаться" в сущности и в географическом пространстве", – отмечает В.Г. Костомаров [3, с. 23]. Процесс падения речевой и языковой культуры, к сожалению, не обошел и современную художественную литературу, искусство, СМИ. Небрежное обращение с ударением, со словом вообще встречается у дикторов и у теле- и радио-ведущих. Многие режиссеры считают необходимым включить (очевидно, как наиболее яркое в их представлении и доступное для них) средство выражения их авторского замысла нецензурные и матерные словечки в спектакли, кинофильмы. Нас буквально захлестнула массовая культура. Не случайно, общество, язык быстро реагировали на ее внедрение тем, в частности, что по отношению к явлениям массовой культуры используются более сдержанные и менее определенные по семантике слова соответствующего тематического ряда. *автор, создатель, сочинитель, а не писатель или композитор, исполнитель или даже звезда, но не певец* (ср.: *сочинитель песен, автор стихов*).

В последнее время значительно активизировался процесс взаимодействия и взаимопроникновения стилей, в результате чего в литературном языке закрепляются, (причем без стилистической и экспрессивно-оценочной окраски) слова из официально-делового языка просторечия, жаргонизмы, например: *тусовка, крутой, разборка, тупта, оттянуться, совок, отслеживать, подвижки, наработки, беспредел, котировка* и под. С другой стороны, официально-деловой стиль в силу его общественной значимости является "престижной" разновидностью книжной речи, поэтому зачастую стремление избежать разговорности, стремление выразиться "книжно" ведет к использованию (нередко неоправданному) слов и конструкций официально-делового стиля.

Известно, что изменения в языке в первую очередь затрагивают его лексический состав. Следует обратить внимание на то, что изменения коснулись внутренней жизни слов, Наметилась тенденция к изменению объема семантики слова. С одной стороны, некоторые слова расширили свое значение или употребление. Например, теперь высшие учебные учреждения все называются университетами, хотя это противоречит значению этого слов зафиксированному в толковых словарях ('учебное и одновременно научно-исследовательское учреждение с различными естественно-математическими и гуманитарными отделениями, факультетами' [4, с. 832]). Сейчас мы имеем *Гуманитарный, Лингвистический, Технический, Педагогический, Открытый, Свободный* и др. *университеты*. Если же слово "университет" не подходит, то современный россиянин смело использует титул "академия": *Медицинская академия* (бывший институт). *Академия танца* (бывшее балетное училище), *Академия музыки, Академия леса* (Лесотехнический институт), Телеакадемия. Многие школы стали *гимназиями*, а средние учебные заведения – *лицеями*.

Такие переименования, может быть, характеризуют новое отношение русского человека к своей жизни – стремление поднять (хотя бы внешне) статус своего учреждения, а тем самым и свой престиж. Не случайно слова, которые кажутся менее престижными именованиями сходных учреждений, понятий, теперь теряют свою популярность (*училище, институт, техникум*).

Очевидно, по той же причине охотно употребляются и кажущиеся более престижными для русского слуха названия учреждений и заведений: *фирма, офис супермаркет, гипермаркет*; обозначения профессий (очевидно, не всегда оправданное): *стилист, ландшафтный архитектор, менеджер* (= старший продавец), *президент банка, компании* (вместо *руководитель, директор*), *маркетолог*.

Очевидно, легкое тщеславие – неплохая черта, проявление самоуважения, правда, смена "вывески", к сожалению, не всегда показатель качества, содержания, сути.

Русский язык двух последних десятилетий характеризует огромное количество иностранных слов, появившихся и постоянно появляющихся в русском языке. Это слова, связанные с разными сферами жизни – бытовой, общественно-политической, экономической, культурной, спортивной: *чипсы, хот-дог, кетчуп, джек-пот, дилер, ноу-хау, брифинг, рейтинг, электорат, легитимность, мониторинг, саммит, импичмент, , шоу, хит, шлягер, шансон. кастинг. блокбастер, бодибилдинг* и т.д. Это явление обычно объясняют так: языковая ситуация в современной России формировалась в те годы, когда в страну хлынули иностранные товары, продукция культуры, стали входить новые понятия. Все эти новые реалии нуждались в назывании, в словесном обозначении, и мы вместе с новыми реалиями, естественно, приняли и их иноязычные наименования.. Объяснение, в общем, правильное, но чисто внешнее и, на наш взгляд, одностороннее.

Другой линией заимствований стало увлечение россиян использованием для обозначения известных, традиционных предметов, явлений, понятий новых иностранных названий вместо привычных, давно живущих в русском языке слов (пусть и пришедших когда-то из других языков). Такие новые слова нередко затрудняют понимание сообщения, влияют на эффективность общения: *вратарь – голкипер; терпимость – толерантность; проверка, контроль – тестирование, тест; согласие, взаимопонимание – консенсус; выходные – викэнд; томатный соус – кетчуп; охранник – секьюрити; самоубийство –*

суицид, дипломат (вид портфеля) – кейс; образ – имидж; популярность – рейтинг; консультативный – консалтинговый и т. д.

Увлечение иностранными словами приняло характер бума или эпидемии. Создается впечатление, что люди тщательно изучают иностранные словари, чтобы вставить в свою речь что-нибудь нерусское. Ср.: *Но он не получил от этого никаких предпочтений; В хорошем фильме или романе должен быть мессидж*. По некоторым подсчетам, в день россиянин может встретить до пятидесяти новых, часто незнакомых, ему слов.

Как относиться к этому явлению? Почему русские, имея столь богатый и развитый язык, язык с мощными словообразовательными возможностями, выбирают самый простой путь – путь прямого заимствования? Как при этом характеризуется языковая личность россиян? Слишком легкое, неразборчивое включение в наш обиход заимствований не может не настораживать. Здесь нередко можно заметить недостаток вкуса, показное, неуместное стремление продемонстрировать свое знание иностранного слова, неуважение к родному языку. Реклама приглашает на отдых такой фразой: *"Вас ждут сноубордпарк, моунтенбайк, айсклайпинг"*. Нелепыми представляются и фразы: *"Ручка (пишущая) имеет оригинальный дизайн", "Наш салон предлагает дизайн ногтей"*. Не приведет ли такая погоня за "точным" и "экономным" обозначениями к потере чего-то большего – чистоты и самобытности языка, да и не деформируется ли вслед за этим и русское национальное самосознание, восприятие жизни? Ведь язык – отражение духовной сущности нации. Не разучиться бы думать, жить своим умом. М.В.Ломоносов оставил такое завещание своим современникам и потомкам: *"Сами свой разум употребляйте!"* Может быть, и для нас актуальны слова А.С. Пушкина, обращенные им к брату: *"Сперва хочу с тобой поборниться; как тебе не стыдно, мой милый, писать полурусское, полуфранцузское письмо, ты не московская кузина"* [5, с. 30].

Существует выражение "весомое слово", метафорический смысл которого родился как признание материальной красоты слова. Для тех, кто любит и понимает родной язык, слово имеет не только особое звучание, но и цвет, вкус и запах. Чрезмерное количество иностранных слов, чужих по облику, по звучанию, лишает любой язык его самобытности. Сейчас русский язык так развит, что располагает всеми средствами для создания собственных именовании. Но мы, к сожалению, идем по пути, начатому еще в XVIII веке, по пути легкого принятия иностранных слов. Это стало, можно сказать, чертой национальной языковой личности русских. Но не стоит забывать, что раньше русский язык не был еще достаточно развит, не выработал своих средств для использования в интеллектуальной, социальной, культурной сферах жизни. Однако сейчас уже не XVIII век! Козьма Прутков, если вдуматься, очень точно сказал: *"Иностранное слово аудиенция вполне можно заменить русским словом уедиенция"*. Однако и сейчас сохраняют актуальность слов, которые почти двести лет назад с грустью написал А.С.Пушкин: *"...леность наша охотнее выражается на языке чужом..."* [6, с. 14].

Грамматика языка, к счастью, подвергается изменениям значительно медленнее. Это основа языка и ее "сдвинуть" гораздо труднее. Но и на грамматическом уровне языка отмечаются изменения разного характера. К нежелательным явлениям относятся следующие. Фиксируются неправильные грамматические формы слов. Наметилась тенденция не склонять или неправильно склонять сложные числительные (**Мне не хватило триста рублей; *Я не хотела расставаться с пятистами рублями, *в двухтысяча третьем году*).

К грамматическим ошибкам относятся нарушения семантической сочетаемости слов. Так, широко распространены неправильные по смыслу сочетания со слово **достаточно**: *Они живут достаточно бедно, Он достаточно плохо знает язык; мне достаточно трудно ответить на ваш вопрос*. Отметим, что приведенные примеры взяты из публичных официальных выступлений, интервью известных людей. В этих примерах уместнее было бы употребить для выражения значения степени слово **довольно**. Другой случай подобного неправильного употребления – это распространившееся некорректное употребление конструкции **обречен на что**: *Вы просто обречены на успех, Фильм обречен на зрительский успех*. Ср также название российского сериала *"Обреченная стать звездой"*.

Фразы с нарушением внутренних связей между словами (*Это две большие разницы; Эти факты, к сожалению, имеют место быть*), неправильность которых раньше все понимали и которые если употребляли, то только в ситуациях языковой игры с оговоркой типа *"как иногда говорят"*, *"как говорят в Одессе"*, теперь нередко используются в нейтральной или деловой речи, и их ошибочность многими не осознается.

В речи носителей языка в последнее время все чаще наблюдается неправильное употребление деепричастных оборотов, причем в публичной речи людей, где таких ошибок, казалось бы, не должно быть. Например: *Прослужив 24 года в этих помещениях, это уже родной дом; Участвуя в конкурсе, ему достался 13 номер, и он считал, что ему повезло; Соприкоснувшись с этим творчеством, оно не может не волновать; Я сознательно не называю имя нашего героя, потому что сказав вам его имя, вы сразу вспомните его фамилию; Обратившись в наш медицинский центр, вам окажут необходимую высококвалифицированную помощь*

В русском языке последнего времени получили продуктивность сочетания с определительным значением, образованные по модели **сущ.+ сущ.:** *мастер-класс, гала-концерт, хит-парад, ток-шоу, дог-шоу, Лад-галерея, джек-пот, пен-клуб, мебель-экслюзив, арт-форум*. Подобные образования не характерны для русской грамматической системы, для общерусского языкового типа. Они отличаются как от внешне сходных сочетаний, так называемых приложений (*Москва-река, город-спутник, диван-кровать, кресло-качалка*), так и от сложных слов типа *спортклуб*. Данная модель получила распространение, очевидно, под влиянием языков аналитического типа. Такие новообразования вряд ли оправданы: одну их часть (а то и обе) обычно составляют иностранные слова, искусственно навязываемые языку, грамматическая характеристика которых, к тому же, неясна (мы условно отнесли их к существительным).

Еще более странными выглядят сходные образования, в которых используются иностранные слова с сохранением нерусской графики: *vip-персона, vip-зал ожидания, vip-кинотеатр*.

В речи стали появляться усеченные слова: *профи, анимэ, универ*. Появилась группа слов, образованных от прилагательных без суффикса, путем усечения: *беспредел, инфантил, неформал, примитив, интим, серьез, наив, криминал, посыл, корпоратив*. Носителями языка, владеющими литературным языком, все названные новообразования воспринимаются как нерусские, тогда как "ощущение "русскости" есть один из решающих моментов этнического, национального самосознания русского человека, русской языковой личности" [2, с. 140].

В статье мы, конечно, коснулись не всех новых черт русского языка наших дней. Тем не менее, приведенные наблюдения позволяют сделать некоторые обобщения и выводы. Многообразие и разнообразие перемен в нашей стране обусловили пеструю картину языковых изменений. Сегодня русский язык живет активно, бурно, но не совсем правильно. Все изменения, происходящие в языке, по-разному воспринимаются и в разной степени принимаются носителями языка. В современной России сосуществуют и довольно четко различаются разные типы речевого поведения, которыми пользуются разные группы носителей языка.

Исследователи Саратовского университета, давно занимающиеся вопросами функциональной дифференциации языка, культуры речи и культуры общения [1, с. 103-111], выделяют в рамках литературного языка нашего времени следующие типы речевой культуры.

- полнофункциональный тип, означающий полное владение литературным языком и правильное, целесообразное его использование;
- неполнофункциональный тип, когда допускаются нарушения, в том числе и черты так называемой "самоуверенной неграмотности", осознанно используются слова в неправильном значении или без учета коннотаций;
- среднелитературный тип, характерный для массовой части носителей русского языка, обладающих не очень высоким, но и не очень низким уровнем речевой и общей

культуры; эта группа носителей языка характеризуется намеренным пренебрежением нормами литературного употребления, сдвигами в сознании относительно эталонов хорошей речи;

– литературно-жаргонизирующий тип, когда используются просторечия, жаргонные, диалектные слова, неуместно используется иностранная лексика и бранные слова;;

– обиходный тип, когда человек не прилагает никаких усилий для эффективности своей речи, в любых условиях пользуется только разговорной, обиходной речью.

Саратовские исследователи отмечают, что три последних типа речевого поведения ущербны, не соотносятся с принципами общения в деловой, официальной и социокультурной сферах, и за пределами бытового общения не должны использоваться. Между тем, как показывают наблюдения, именно эти типы речевой культуры в настоящее время получают распространение

Как относиться к изменениям в русском языке? Мнения специалисты здесь разошлись. Существует точка зрения, что язык вообще нельзя испортить, что язык – это "саморегулируемая система", и он сам все расставит на свои места. Такой пассивный оптимизм не кажется оправданным. Нам ближе другая позиция. Нельзя забывать, что литературный язык развивается и функционирует не стихийно. Мы знаем, что создавался современный русский литературный язык трудами и заботами лучших писателей, ученых, общественных деятелей России, начиная с М.В.Ломоносова и до А.С.Пушкина. Затем лучшие писатели, журналисты вносили свой вклад в эту сокровищницу, лучшие лингвисты всегда заботились о сохранении чистоты русского языка.

Сегодня в судьбе русского языка основную роль должны играть те носители русского языка, которые реально влияют на его развитие: лингвисты, журналисты, учителя, представители властных структур. Чтобы язык, меняясь, развивался, необходима планомерная, разумная и гибкая борьба за правильность и чистоту русской речи, нужна активная, интересно поставленная работа наиболее образованных и публичных людей, побуждающая к пользованию настоящим литературным языком, языком красивым, богатым и самобытным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гольдин В.Е., Сиротинина О.Б., Ягубова М.А. Русский язык и культура речи. М.,2002: 103 – 111.
2. Караулов Ю.В. Русский язык и языковая личность. М., 2003:140
3. Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи, СПб.,1999 , с. 23
4. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1990: 832
5. Пушкин А.С.. О причинах, замедливших ход нашей словесности // Собр. Соч. в 10-ти томах, изд. 4, Л., 1978г., т. 7: 14).
6. Пушкин А.С.. Письмо Л.С.Пушкину 24 января 1822г. из Кишинева в Петербург // Собр. Соч. в 10-ти томах, т.10: 30.

УДК 81'373.2

**Татьяна Владимировна
(Россия, Москва)**

МОДЕЛИРОВАНИЕ АПРИОРНЫХ УСЛОВИЙ КОММУНИКАЦИИ

Статтю присвячено моделюванню пресуппозиції міжкультурної комунікації. Концептуальне підґрунтя моделювання складають принципи триєдності та фрактальності. Модель репрезентує логічний перехід від емпіричного до теоретичного осмислення комунікації.

Ключові слова: модель, пресуппозиція, комунікація, мовна особистість.

This article is about the presupposition model of cross-cultural communication, which is based on the principle of fractal. This way of modeling shows a change from the imperial teaching to the theoretical reasoning of communication.

Key words: *model, presupposition, communication, linguistic personality.*

Каждый из нас по праву рождения смотрит на мир, на Другого и на себя через призму родного языка и культуры, оставаясь в пределах привычных представлений и стереотипов мышления. Когда же мы владеем еще одним языком, мы не просто расширяем круг потенциальных собеседников, но существенно повышаем уровень коммуникабельности, а значит и уровень культуры. Ведь культура – это не что иное, как поле общения, в котором способность к взаимопониманию и сопереживанию приобретает особое значение.

Если же уровень владения языком собеседника-инофона не высок, а область пересечения когнитивных пространств говорящего и адресата изначально ограничена, то в общении могут возникать различные барьеры. Это делает актуальным изучение априорных условий коммуникации между представителями различных этнических культур. Решающее значение при этом приобретает общий опыт, тезаурус, ценности, знания, представления, фреймы-сценарии встреч, событий, а также установки, правила и нормы, регулирующие речевое поведение.

При существенных отличиях социокультурных и лингвокогнитивных баз коммуникантов, общение развивается прежде всего благодаря универсальности структуры языковой личности и потенциальной общности и/или взаимодополнительности их индивидуальных миров. Определенную роль играет также универсальность предметного кода (УПК Н.И. Жинкина), лежащего в основе человеческого мировосприятия, языковых механизмов, объединяющих типологически близкие и далекие языки, и общность их эволюционного развития.

Характеризуя данную пресуппозицию как "построенную на экстралингвистической основе, на знании ситуации", Г.В. Колшанский отмечает, что она "является наиболее доступной для всех коммуникантов" [4, с. 88]. При таком подходе в категорию пресуппозиции входят личностные особенности общающихся, их социокультурный и экзистенциальный опыт бытия. Таким образом, общий пресуппозиционный фонд включает как минимум прагматические, или ситуативные, социокультурные и экзистенциальные пресуппозиции.

Чтобы проиллюстрировать своеобразие национальных языковых личностей, сравним западноевропейский и российский опыт совместной профессиональной деятельности. Согласно проведенным исследованиям, для ее успеха в России люди должны вступить в личные, доверительные отношения, опирающиеся на мораль, которая носит "конвенциональный" характер. В итоге у россиян оказался не выработан опыт социального взаимодействия, предусматривающий определенные права и обязанности каждого. Осложнение в межкультурной коммуникации могут также вызвать непривычные для представителей западноевропейской культуры идеалы коллективизма, сформировавшие "слишком историчное, слишком общественное" самосознание россиян [1, с. 8-9]. Более того, направленность русского речевого поведения на достижение взаимности наложила свой отпечаток на характер производственной деятельности, успешность которой зависит от сложившихся межличностных отношений.

Очевидно, что подобная деловая коммуникация значительно отличается от западноевропейской, которая, согласно Г.П. Грайсу, подчиняется принципу кооперации: коммуникативный вклад каждого участника диалога определяется совместно принятой целью. При этом речевое поведение должно соответствовать постулатам качества информации (не говори того, что является ложным, или того, для чего у тебя нет достаточных оснований), количества информации (твое высказывание должно содержать не меньше, но и не больше информации, чем требуется), релевантности информации (не

отклоняйся от темы) и способа ее изложения (избегай непонятных выражений и неоднозначности, будь краток и организован) [3].

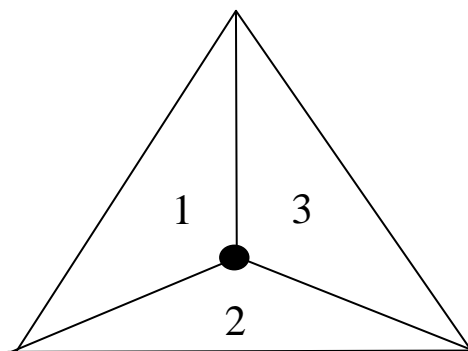
Определенные различия наблюдаются и в обыденном речевом поведении носителей русского и западноевропейских языков. Так, например, для американцев, англичан, шведов, датчан, французов, а также для носителей польского языка русское приглашение *Приходите завтра к нам в гости* представляется несколько агрессивным. Описанная ситуация отражает характерную для этих языков соотнесенность повелительного наклонения с прямым волеизъявлением, которое воспринимается как нежелательное вторжение в сферу личной свободы. Что же касается русского речевого поведения, то в нем повелительное наклонение выступает как нейтральная форма побуждения, а нежелательным является использование инфинитива: *Молчать! Встать!* и т. п. В свою очередь приглашение иностранца *Вы хотите с нами сегодня поужинать?* кажется русскому адресату слишком "прямым", вынуждающим ответить *Хочу / Не хочу*. Вместе с тем, непривычным для носителей русской и западноевропейской речевой культуры может оказаться казахское застолье, в ходе которого в центре внимания находятся *кудайы конак* (божий гость), *арнайы конак* (особый гость) и *кыдырма конак* (специально приглашенный гость) и для них готовятся специальные угощения.

Не удивительно, что изучением проблем, связанных с пресуппозицией межкультурного общения, сегодня занимаются специалисты едва ли не всех наук о человеке. Это обусловлено тем, что "социальные факты не редуцируемы к разрозненным фрагментам" и на приближение к истине "могут претендовать науки о человеке, идущие навстречу интегральности своего объекта" [5, с. 361–362].

В поисках методологии, выполняющей "функцию интегративную, всенакрывающую и на самом верху организующую формы мышления и деятельности, <...> функцию, задающую целое самого мышления" [6, с. 550], обратимся к моделированию пресуппозиции межкультурного общения, опираясь на имеющийся опыт создания подобных моделей. Здесь, прежде всего, следует назвать "порождающую модель" Платона, который ввел понятие "триады" и раскрыл процесс превращения идеи в идеал: *paradeigma* ('идея', 'прообраз') – *de'miourgos* ('создатель') – *kosmos* ('мир, построенный согласно прообразу'). А платоновское учение об интеллектуальной способности, контролирующей волевою и аффективную способности человека, вошло в научный дискурс как триада <*ratio – emotion – intuitio*>.

Триадный метод был развит Аристотелем, объединившим в коммуникационной модели говорящего текст и того, кто испытывает его воздействие: *ethos* ('обычай', 'правило') — *logos* ('слово', 'разум') — *pathos* ('чувство', 'страсть') и раскрыл в модели процесса природу деятельности: *dynamis* ("возможность" деятельности, готовность к ней) – *energeia* (сама деятельность) – *entelecheia* ("осуществленность", соотносимая с представлениями о ее совершенном исполнении). Преобразуем процессуальную философскую триаду Аристотеля с учетом психолингвистической специфики деятельности межкультурного общения. Для этого представим линейную триаду в виде треугольника, передающего целостное единство интенциональной направленности на речевое взаимодействие (психологический план) и собственно речевого взаимодействия (лингвистический план) с этическими представлениями говорящего (этический план). Интерпретация общения как целостности и выделение в ней трех сторон, составляющих предмет изучения психологии, лингвистики и философии (этики), приближает к пониманию языковой личности, имеющей как индивидуальные, так и этнокультурные особенности.

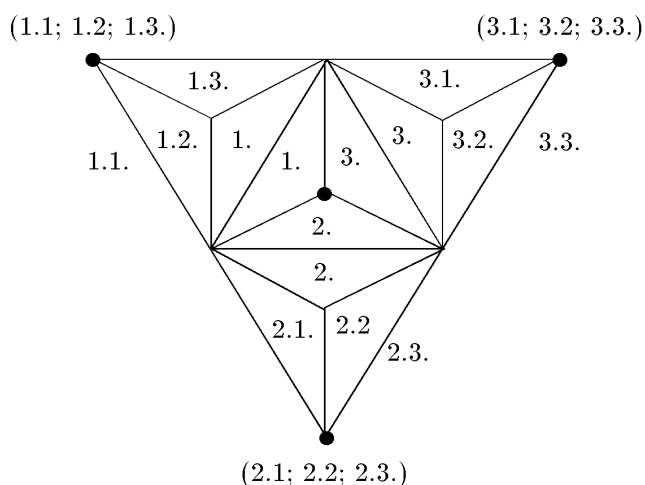
Уподобим пресуппозицию межличностного общения, характерную для русской языковой личности, основанию пирамиды, имеющей форму тетраэдра. Тогда психологический (1), лингвистический (2) и этический (3) ракурсы исследования речевого взаимодействия могут быть представлены в виде ее боковых граней. Полученная фигура (модель 1-го порядка) может рассматриваться как первичная целостность, соответствующая этикетной речевой субъектности <Я – Вы/Ты>.

Модель 1-го порядку

Начальные диалогические отношения в силу готовности коммуникантов к "свободному самораскрытию" (М.М. Бахтин) достигают в процессе взаимодействия уровня совокупной субъектности <Я + Вы/Ты>. Это выражается в значительном приращении психологической, лингвистической и этической составляющих общения. Следовательно, модель 2-го порядка может быть образована прибавлением к боковым граням модели 1-го порядка 3-х тетраэдров, построенных на ее боковых гранях как на основаниях. Так, **психологическая** (1) сторона раскрывается триединством перцептивного (1.1), коммуникативного (1.2) и интерактивного (1.3) планов; **лингвистическая** (2) – взаимодействием речи (2.1), языка (2.2) и дискурса (2.3), а **этическая** (3) – единством простонародных (3.1), философских (3.2) и вероучительных (3.3) представлений о нравственном поведении.

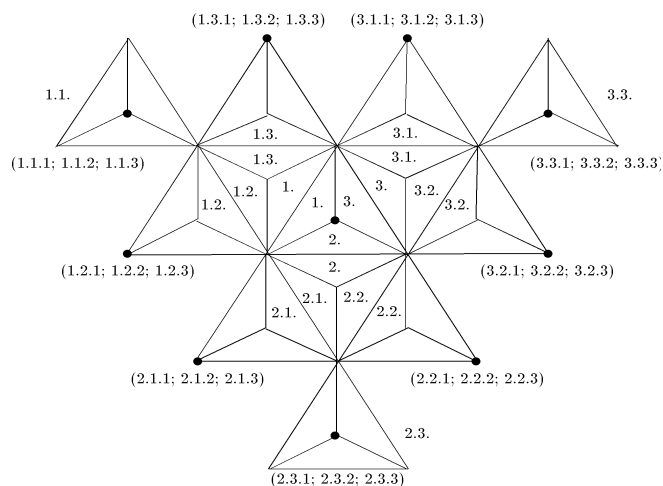
Одной из отличительных черт общения с установкой на взаимность выступает стремление коммуникантов к "единству", которое проявляется в активизации идеи совместности и искомой целостности личностных взаимоотношений. "Личность, – писал Л. С. Выготский, – становится для себя тем, что она есть в себе, через то, что она представляет собой для других" [2, с. 196]. Поэтому по мере становления межличностных отношений в сознании коммуникантов возникает как бы два смысловых и вместе с тем силовых центра: <Я> и <Другой во мне>. Это позволяет говорить об особой отраженной субъектности, на основе которой в процессе развития речевого взаимодействия формируется единое <Мы>.

Модель 2-го порядка

Аналогом межличностного общения, достигающего в своем развитии уровня единой речевой субъектности <единое Мы>, является модель 3-го порядка, которая возникает как

результат дальнейшего раскрытия граней модели 2-го порядка. **Перцептивный план** развивается как целостное взаимодействие аффективного (1.1.1), когнитивного (1.1.2) и мотивационно-смыслового (1.1.3) аспектов формирования образа адресата. **Коммуникативный план** – как процесс самовыражения и обмена информацией, имеющей эмоциональную (1.2.1), интеллектуальную (1.2.2) и духовную (1.2.3) значимость. **Интерактивный план** – как единство взаимодействия (1.3.1), взаимопонимания (1.3.2) и взаимоотношений (1.3.3). **Речь** развивается как триединство локутивного (2.1.1), иллокутивного (2.1.2)

Модель 3-го

и перлокутивного (2.1.3) аспектов. **Языковой план** – как взаимодействие семантики (2.2.1), синтактики (2.2.2) и прагматики (2.2.3). **Дискурс** (как процесс) разворачивается как целостное единство готовности к строительству отношений (2.3.1), собственно межличностной дискурсивной практики (2.3.2) и ценностных ориентиров поведения (2.3.3). **Простонародные этические представления** о нравственном законе обнаруживают в своем развитии целостность мифопоэтических (3.1.1), общинно-родовых (3.1.2) и ритуалистических (3.1.3) стереотипов должного поведения. **Философские представления** развиваются как этическое учение о принятии "иного" (3.2.1), о нравственных принципах (3.2.2) и о свободе воли (3.2.3). **Вероучительные этические представления** – как заповеди отношения к самому себе (3.3.1), к ближнему (3.3.2) и к Богу (3.3.3).

Таким образом, достаточно абстрактное понимание развития межличностного речевого взаимодействия получает наглядное выражение, способствуя осмыслению механизмов внутреннего "взаимоСодействия" (П.К. Анохин). Концептуальную основу представленной модели составляют фундаментальный принцип триединства материального, идеального (рационального) и духовного, проявляющихся в самом человеке и во всех сферах бытия, и принцип фрактальности (от лат. fractus – рассеченный), согласно которому каждая выделенная из целого часть подобна целому.

Описанный способ моделирования может рассматриваться как возможный вариант концептуализации речевого общения представителей различных лингвокультурных общностей. А поскольку подобное взаимодействие отличается этнокультурным своеобразием, данная модель позволяет изучать национальные языковые личности на единой методологической основе. Смоделировав пресуппозицию межличностного общения, характерную для коммуниканта-инофона, и расположив обе модели зеркально по отношению к друг другу, мы можем получить начальное представление о тех априорных условиях, в которых будет формироваться их речевое взаимодействие. Если когнитивные пространства общающихся изначально имеют зоны пересечения, это может быть отображено

взаимопроникновением моделей. (Полное слияние моделей невозможно в силу личностного способа бытия.)

Предложенный вариант моделирования представляет собой логический переход от преимущественно эмпирического изучения общения к теоретическому осмыслению последовательно усложняющегося межличностного взаимодействия, в которое всё более полно вовлекаются вербально-семантический, тезаурусный и мотивационный уровни языковой личности (Ю.Н. Караулов). В представленной модели очевидно стремление автора внести свой вклад в концептуализацию русского межличностного общения и в разработку холистической интерпретации межкультурного диалога. Разумеется, содержательная сторона модели требует уточнения и дальнейшей разработки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абульханова К.А. Российский менталитет: кросс-культурный и типологический подходы // Российский менталитет: вопросы психологической теории и практики. – М.: Институт психологии РАН, 1997. – С. 7 – 37.
2. Выготский Л.С. Развитие высших психических функций. – М.: Изд-во АПН РСФСР, 1960. – 500 с.
3. Грайс Г.П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. Лингвистическая прагматика. – М.: Издательская группа "Прогресс", 1985. – С. 217-237.
4. Колшанский Г.В. Контекстная семантика. – М.: КомКнига, 2005. – 152 с.
5. Леви-Строс К. Путь масок. – М.: Республика, 2000. – 399 с.
6. Щедровицкий Г.П. Философия. Наука. Методология. – М.: Шк. Культ Политики, 1997. – 656 с.

УДК 811.161.2'0 + 811.161.1'0

Владимир Глущенко,
Вадим Овчаренко,
Ирина Рябинина
(Славянск)

МЕТОДОЛОГИЯ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА: А. И. СОБОЛЕВСКИЙ И А. А. ШАХМАТОВ

У статті розглянуто погляди видатних учених кінця XIX ст. – початку XX ст. О. І. Соболевського й О. О. Шахматова на полемічні питання методології вивчення історії російської мови (джерела вивчення; порівняльний, історичний та порівняльно-історичний методи; хронологізація мовних явищ).

Ключові слова: *порівняльно-історичний метод, джерела вивчення історії мови, реконструкція, хронологізація.*

The article describes the views of prominent scientists of the late XIXth –early XXth centuries A. I. Sobolevskiy and A. A. Shakhmatov on controversial issues of methodology of studying of the history of Russian language (source of study; comparative, historical and comparative-historical methods; chronology of linguistic phenomena).

Key words: *comparative-historical method, sources of learning of the history of language, reconstruction, chronology.*

Несмотря на наличие монографических исследований [14], научное наследие русских языковедов конца XIX в. – начала XX в. остается изученным недостаточно. Это и обуславливает актуальность и научную новизну данной статьи. Ее целью является характеристика методологии изучения истории русского языка (в контексте других

славянских языков) в трудах А. И. Соболевского и А. А. Шахматова, чьи методологические позиции были во многом различными.

Значительным вкладом в сравнительно-историческое языкознание стала разработка учеными Московской школы положения о необходимости синтеза сравнительных и исторических данных в исследовании истории языковых явлений, т. е. применения сравнительно-исторического метода.

Если проанализировать взгляды ученых Московской школы на связь сравнительного и исторического изучения языков в целом, можно отметить, что в теоретическом и практическом аспектах они различали три метода генетических исследований: сравнительный, исторический и сравнительно-исторический.

Представители школы большое внимание уделяли, с одной стороны, критике работ, в которых языковой материал исследован с помощью сравнительного или исторического метода, с другой, обоснованию преимуществ сравнительно-исторического метода.

При этом вопрос о методах генетических исследований они тесно связывали с источниками изучения. "Характер источников, – указывал Н. Н. Дурново, – определяет и методы изучения истории языка" [16, с. 17].

Рассмотрим особенности сравнительного, исторического и сравнительно-исторического методов в интерпретации ученых Московской школы, уделяя особое внимание источникам изучения.

По мнению ученых школы, суть "сравнительного" метода заключается в сравнении явлений современных языков (диалектов) без учета фактов их истории. Таким образом, единственным источником изучения здесь выступают современные языковые (диалектные) данные [52, с. 14].

Подробно о недостатках сравнительного метода писал А. А. Шахматов. Полемизируя с учеными, которые не признавали существования в прошлом "общерусского праязыка", А. А. Шахматов высказал мнение, что эти ученые используют не сравнительно-исторический, а лишь сравнительный метод, в значительной степени игнорируя историю языковых явлений, их относительную хронологию. В связи с этим А. А. Шахматов отмечал: "Сравнительный метод может давать неоспоримые результаты только тогда, когда он является одновременно историческим; сравнительному методу, который в данном случае пользуется сопоставлением фактов из современной жизни русских языков, из периода конечного их развития, мы противопоставляем метод сравнительно-исторический, который использует факты в их истории" [там же]. Характер аргументации, приводимой далее А. А. Шахматовым, убеждает в том, что он имел в виду не только исследования Ф. Миклошича, но и книгу С. Смаль-Стоцкого и Т. Гартнера "Grammatik der ruthenischen (ukrainischen) Sprache" [65], которую ученый здесь не упоминает. Несколько ранее А. А. Шахматов посвятил критическому рассмотрению этого труда развернутую рецензию.

Считая грамматику С. Смаль-Стоцкого и Т. Гартнера "ценным приобретением для славяноведения", А. А. Шахматов вместе с тем отмечает, что она не внесла ничего нового в историческое и сравнительное изучение славянских языков, хотя авторы ставили перед собой такую цель. Тот раздел грамматики, в котором они рассматривают вопрос о месте украинского языка среди других славянских, "с точки зрения исторической науки не выдерживает критики": авторы "совсем пренебрегли историей языка" [63, с. 7, 9].

Проведенный В. А. Глушенко анализ рецензии А. А. Шахматова показывает, что критику ученого вызвало не само сравнение, а его характер (без учета истории) и следствия (сделаны выводы генетического характера). А. А. Шахматов обращает внимание на хронологизацию явлений языковой истории, на необходимость различения ранних (праязыковых) и поздних изменений.

Историческим ученые Московской школы называли метод, с помощью которого изучают факты истории языка, содержащихся в древних письменных памятниках: этот метод является "реконструкцией языковых явлений по памятникам языка – рукописям, надписям и

т. д." [31, с. 9]. Таким образом, источником изучения здесь выступают "исторические памятники и документы" [16, с. 17].

Наиболее выдающимся представителем исторического метода ученые школы считали А. И. Соболевского [31, с. 5]. То, что А. И. Соболевский опирался на древние письменные памятники, объясняется его философскими взглядами, в основе которых, как и у младограмматиков, лежал позитивизм с присущей ему ориентацией на достоверный факт как на начало и результат исследования [38, с. 23; 26, с. 85–86]. Факты прошлого содержатся, по мнению А. И. Соболевского, только в древних письменных памятниках: современные диалектные данные могут лишь подтверждать те выводы, к которым исследователь приходит путем изучения памятников [47, с. 41].

Так же подходил к источникам изучения истории языка А. Е. Крымский, который писал: "Я, изучая древнюю историю любого языка (не только украинского), считаю нужным искать указания, прежде всего, в древних его памятниках: необходимо кропотливо рыться в старых рукописях, брать оттуда больше фактических данных – и оперировать только документально засвидетельствованными лингвистическими фактами. Всякая исторически-лингвистическая гипотеза, против которой мне говорят своими фактами древние письменные источники, навеивает мне истинный страх, и я предпочитаю сказать "не знаем" или даже "никогда не будем знать", чем строить гипотетическую картину, которая могла бы вызвать во мне самое определенное сомнение" [28, с. III]. Такой подход А. Е. Крымский сознательно противопоставлял ориентации на современные диалектные данные, которую он связывал с именем А. А. Шахматова [там же].

Именно поэтому в посвященных источникам изучения истории языка подробных разделах капитальных трудов А. И. Соболевского и А. Е. Крымского говорится только о древних письменных памятниках [43, с. 5–18; 30, с. 43–82]. И это следует объяснять отнюдь не незнанием современных диалектов. Так, А. И. Соболевскому принадлежит ряд трудов по диалектологии восточнославянских языков, в том числе обобщающее монографическое исследование "Опыт русской диалектологии" [45], являющееся переработкой "Очерков русской диалектология" [46]. А. Е. Крымский был замечательным знатоком украинских говоров. Можно отметить, в частности, что он вместе с К. П. Михальчуком составил "Программу для собирания особенностей малорусских говоров" [35].

А. А. Шахматов высоко оценивал диалектологические исследования А. И. Соболевского и А. Е. Крымского. Он отмечал, например, что "Очерк русской диалектологии" содержит "полный обзор тех знаний о современных русских говорах, которые имеет наука" [60, с. 581]. А. Е. Крымского А. А. Шахматов характеризовал как "отличного знатока современного малорусского языка в его наречиях" [51, с. 144].

Вместе с тем, по мнению А. А. Шахматова, ориентация А. И. Соболевского и А. Е. Крымского на материал древних письменных памятников как на приоритетный источник изучения истории языка не дает этим лингвистам возможности использовать в их историко-фонетических исследованиях тот богатый, информативный материал современных говоров, который имеется в их распоряжении. А это значительно обедняет результаты. В частности, существенный недостаток "Украинской грамматики" [30] А. А. Шахматов усматривал именно в недостаточной ориентации на современные диалектные данные: А. Е. Крымский-диалектолог "не использовал в достаточной мере своих знаний для предложенного им исторического очерка" [51, с. 144], и это отрицательно повлияло на значимость выводов ученого.

Анализ работ А. И. Соболевского, Н. М. Каринского, А. Е. Крымского показывает, что современные диалектные данные они использовали очень ограниченно, с целью подтверждения уже полученных результатов изучения материала древних письменных памятников. По сути, диалектным данным отведена констатирующая роль: они указывают, сохранилось то или иное явление в современных говорах (с возможной модификацией).

С этим была связана очень важная особенность: представители исторического метода предполагали, что в диалектах "общерусского языка" и восточнославянских языках раннего периода могли быть черты, утраченные современными говорами.

Так, А. И. Соболевский реконструировал, в частности, такую особенность "галицко-волынского наречия" XIII – XIV вв., как "очень редкая" взаимозаменяемость шипящих и свистящих согласных [47, с. 111–112, 116]. Для псковского говора XIV в. он предполагает переход $e > a$ [там же, с. 146, 155]; Н. М. Каринский приписывает эту черту псковскому говору XV в. [24, с. 152–156]. Последнему, по мнению Н. М. Каринского, присущи, в частности, и такие особенности, как взаимозаменяемость **и** и **ы** и отвердение **р** [там же, с. 173–176, 180–183].

Для А. А. Шахматова как представителя Московской школы такой подход был неприемлем из методологических соображений. Очевидно, это было связано с шахматовским пониманием устойчивости языка. Ученый считал, что за несколько веков, которые отделяют современные восточнославянские языки от их предка, "общерусского языка", в языковых системах не могло произойти изменений столь значительных, чтобы отдельные языковые черты были утрачены без каких-либо следов [55, с. 108–109, 182].

Поэтому А. А. Шахматов очень критически отнесся к приведенным выше реконструкциям А. И. Соболевского и Н. М. Каринского. Он отмечал, в частности, что ни А. И. Соболевский, ни Н. М. Каринский не указали на рефлекс переход $e > a$ в современных псковских говорах [57, с. 128]. Взаимозаменяемость букв **е** и **я** в псковских памятниках XIV – XV вв. А. А. Шахматов объяснил южнославянским влиянием [там же, с. 129]¹. Такого же происхождения и некоторые другие особенности псковских памятников: взаимозаменяемость букв **и** и **ы**, написание типа серобра, з берега, поперокъ [там же, с. 141–142, 149].

Таким образом, отражением живого произношения А. А. Шахматов считал только те явления памятников, которые подтверждаются современными данными [23, с. 104]. Это характеризует позицию Московской школы в целом. В работах ученых этой школы содержится критика древних письменных памятников как источника изучения истории языковых явлений и – в связи с этим – критика позиций сторонников исторического метода.

Углубленное изучение памятников позволило А. А. Шахматову сделать вывод о том, что они "не всегда дают надежный материал для определения звукового состава прошедших веков: действительно, преемственность письма, книжного языка и самой литературы неизбежно ведет за собой перенос из одной литературной эпохи в другую звуков и форм, давно исчезнувших из языка, чуждых живому произношению" [62, с. 36]. Таким образом, в памятниках представлен искусственный язык [там же, с. 22]. Это связано с тем, что "письмо развивается самостоятельно, независимо от языка" [55, с. 183]. При этом необходимо учитывать то, что памятники могут отражать церковное произношение [там же, с. 191]. К тому же "показания памятников скудны: в письменность проникли не все говоры, некоторые из них никогда не получали письменного отображения" [там же, с. 183]. Кроме того, памятники всегда ограничены определенной эпохой, история же языка "неизбежно заводит исследователя в эпохи доисторические, не знавшие письма" [там же, с. 11].

На этом основании был критически оценен тот подход к памятникам, который отражен в трудах представителей исторического метода. Так, С. М. Кульбакин отмечал как недостаток работ А. И. Соболевского "одностороннее пристрастие к рукописям и историческому методу, в узком смысле этого термина. Это пристрастие к рукописному материалу порождает иногда чрезмерное доверие к букве и заставляет игнорировать данные сравнительного (сравнительно-исторического – В. Г., В. О., И. Р.) метода и свидетельства живых говоров, иногда более архаичных, чем старый литературный язык" [31, с. 5].

¹ Это положение А. И. Соболевский назвал неудачным, не аргументировав, однако, своего взгляда [41, с. 232].

А. А. Шахматов подчеркивал случайность того материала, который дают исследователю письменные памятники (на примере "Украинской грамматики" А. Е. Крымского): "И начало, и объем истории малорусского языка определены в грамматике проф. Крымского случайными обстоятельствами: наличием и содержанием памятников древней и поздней письменности малорусской" [51, с. 144]. По мнению А. А. Шахматова, А. Е. Крымский, который обычно делает орфографические данные "исходной точкой в своих рассуждениях" [там же, с. 153], относится к памятникам недостаточно критически [там же, с. 144]. В работе А. Е. Крымского "выводы, построенные на сравнительно-историческом методе, оставлены в стороне и заменены наблюдениями над сложной, иногда безнадёжной по своей случайности графикой памятников" [там же]¹. Существенный недостаток, "одностороннюю направленность" исследований А. Е. Крымского А. А. Шахматов усматривал в том, что "всё свое внимание автор направил на изучение филологических данных памятников южнорусской письменности" [там же]. А. А. Шахматов обосновывает свое мнение ссылкой, в частности, на предложенную А. Е. Крымским интерпретацию истории звука е в украинском языке. Так, недостаточно аргументированной представляется А. А. Шахматову [там же, с. 145] реконструкция мягких согласных перед е в древнекиевском договоре XI в., основанная на написании йотированного ~ вместо е [30, с. 192]. По мнению А. А. Шахматова, А. Е. Крымский "избежал бы ряда затруднений в понимании и изложении судьбы звука е в малорусском языке, если бы последовательно продумал соответствующие явления в том действительно историческом освещении, которое дает только сравнительный (сравнительно-исторический – В. Г., В. О., И. Р.) метод" [51, с. 149].

В целом можно отметить, что критическое отношение А. А. Шахматова и других ученых Московской школы к древним письменным памятникам как источникам изучения истории языка опиралось на превосходное знание памятников и разработанную систему тщательных приемов отделения графических и орфографических явлений от собственно фонетических.

"Сравнительному" и "историческому" методам ученые Московской школы противопоставляли сравнительно-исторический [52, с. 14]. На необходимости сочетания исторического изучения языков со сравнительным постоянно настаивал Ф. Ф. Фортунатов. По его мнению, "историческое изучение всех доступных исследователю отдельных человеческих языков является вместе с тем необходимо сравнительным изучением отдельных языков" [50, с. 24].

Так же и сравнительное изучение языков не даст желаемого результата без исторического подхода к языковым явлениям. Таким образом, лингвистические исследования становятся эффективными благодаря приему внешней реконструкции.

Проведенный В. А. Глущенко анализ высказываний ученых Московской школы [14, с. 102–173] показывает, что они считали характерным признаком сравнительно-исторического метода широкое использование разнообразных источников изучения истории языка, причем приоритетным источником являются современные языковые (диалектные) данные, а важнейшим среди вспомогательных – материал древних письменных памятников [61, с. 2–3; 62, с. 37; 56, с. 8–11, 182–184; 5, с. 7–8, 16; 6, с. 14–15; 4, с. 29–31; 17, с. 26–27; 19, с. 14–17; 32, с. 11]².

¹ На недооценку А. Е. Крымским сравнительно-исторического метода указывают современные исследователи научного наследия ученого [20, с. 38].

² Таким образом, в этом плане противостояли позиции не только А. И. Соболевского и А. А. Шахматова, как традиционно считают, но и представителей исторического и сравнительно-исторического (Московская школа) методов в целом. Кроме этих двух источников, ученые Московской школы выделяют материал других славянских языков, а также слова, формы и частично фонетические особенности иностранных языков, заимствованные у восточных славян, и письменные свидетельства иностранцев о восточнославянском населении, содержащие соответствующий лингвистический материал.

Это стало продолжением традиций Харьковской школы и было связано с теоретическими установками и практическими исследованиями ученых Казанской школы [2, т. 1, с. 45, 349; т. 2, с. 51, 58] и младограмматиков. Последние выступили с призывом изучать прежде всего "живые" говоры [36, с. 180–192; 37, с. 441–458], однако в практике их исследований современные диалектные данные выступают как дополнение к материалу древних памятников. На это указывал их современник К. Ю. Аппель [1, с. 361–362]. Обращение компаративистов 70-х гг. XIX в. – 30-х гг. XX в. к современным диалектам было глубоко закономерным [34, с. 94–95]. Характерно, что Е. Ф. Будде видел в нем "новейший поворот в направлении языкознания вообще, и русского языкознания в частности" [5, с. 7].

Таким образом, блестящие открытия А. А. Шахматова, во многом обусловленные его ориентацией на материал современных территориальных диалектов, были подкреплены данными памятников, авторитетным знатоком которых также был А. А. Шахматов. Этим же путем шли и другие ученые Московской школы.

И все же для школы была характерна некоторая недооценка памятников как источника изучения истории языка.

Проведенный В. А. Глущенко анализ показывает, что взгляды представителей Московской школы на древние письменные памятники в этом плане со временем изменились. Важность результатов, полученных на материале древних памятников Л. Л. Васильевым и принятых А. А. Шахматовым и Н. Н. Дурново, способствовала более высокой оценке этими учеными экспланаторных возможностей памятников [14].

Уникальность Л. Л. Васильева-языковеда, которую признавали современники [58, VI, IX; 18, с. 858], во многом можно объяснить тем, что он был учеником двух лингвистов-антиподов – А. И. Соболевского и А. А. Шахматова. У А. И. Соболевского Л. Л. Васильев взял нацеленность на материал прежде всего древних памятников, от которого исследователь переходит к современным диалектным данным. Примером может служить работа Л. Л. Васильева "О значении каморы в некоторых древнерусских памятниках XVI – XVII веков" [11]. Автор указывает здесь на то, что он сделал некоторые наблюдения над употреблением каморы над буквой **о** в памятниках XVI в., но "ключ к ... загадке" [там же, с. 8] он нашел после ознакомления с трудом О. Брока "Описание одного говора из юго-западной части Тотемского уезда" [3]. Это дало Л. Л. Васильеву возможность исследовать употребление каморы в памятниках XVI – XVII вв., от которых ученый переходит к материалу говоров современного русского и других славянских языков [11, с. 17–63].

Приведенный пример позволяет выявить и существенное отличие Л. Л. Васильева от А. И. Соболевского в подходе к современному диалектному материалу, в чем, несомненно, на Л. Л. Васильева влиял А. А. Шахматов. Л. Л. Васильев более широко, чем А. И. Соболевский, использует современные диалектные данные, они играют более важную и конструктивную роль, помогая изучить условия возникновения и развития фонетических явлений.

Л. Л. Васильев исследовал фонетические условия и на материале древних памятников. Этот материал для него, несомненно, был более значимым, чем для А. А. Шахматова. Характерно, что А. А. Шахматов сам признавал это. В отзыве на указанную работу Л. Л. Васильева [11] А. А. Шахматов отмечал, что он путем анализа современного диалектного материала пришел к аналогичным выводам об "отношении современных **о** и **о̇** ударных в некоторых великорусских говорах к двойственной природе ударений, стоявших над **о**". Учений пишет: "Но я не мог даже помыслить о том, что в рукописи XVI в. можно найти различие **о** и **о̇**, которое так поразило меня, как и Л. Л. Васильева, впервые в описании Тотемского договора, которое дал проф. О. Брок" [58, VI].

В отличие от Ф. Ф. Фортунатова и А. А. Шахматова, которые при моделировании историко-языковых явлений, следуя дивергентно-конвергентной теории, моделировали

Последние два источника в теоретическом аспекте наиболее подробно осветил Н. Н. Дурново [16, с. 16–25; 19, с. 17–43; 15, с. 11, 31, 220–228].

процессы дивергенции в духе теории "родословного дерева" А. Шлейхера, А. И. Соболевский и Е. Ф. Будде давали историческую интерпретацию восточнославянского языкового материала в духе "волновой" теории [13].

А. И. Соболевский обращался к "волновой" теории, в частности, для доказательства локализации "нового h" в "галицко-волынском наречии" [44, с. 19–21; 42, с. 316]. В рамках "волновой" теории сближалось смешение ж, ш и з, с в русских говорах с подобным явлением польского языка в книге Е. Ф. Будде "К истории великорусских говоров" [5, с. 295]. Несмотря на критику А. А. Шахматова, Е. Ф. Будде и в дальнейшем трактовал подобным образом некоторые черты русских говоров (дзекание-цекание, отвердение ч), говоря не о заимствовании, а о том, что западная часть "среднерусских" говоров (в шахматовском понимании этого термина) "пережила общие явления с польскими говорами" [6, с. 195].

Особенности хронологизация в трудах ученых Московской школы и их современников связаны с приоритетностью того или иного источника изучения истории языка. Позиции ученых Московской школы и представителей исторического метода здесь не совпадали. Это наиболее отчетливо отражено в трудах А. А. Шахматова и А. И. Соболевского.

В вопросах хронологизации А. И. Соболевский придерживался традиционных позиций. Отдавая предпочтительную абсолютной хронологизации, он датировал те или иные изменения в языке почти исключительно по памятникам, нередко ограничиваясь лишь указанием на первые фиксации в древних рукописях. Так, в связи с отвердением р в "смоленско-полоцком говоре" А. И. Соболевский отмечает, что оно отражено в памятниках конца XIV в. – начала XV в. [48, с. 22], однако вопроса о времени возникновения указанного явления ученый не ставит. Обратившись к хронологии аканья, А. И. Соболевский указывает, что "первые следы аканья в памятниках относятся лишь к XIV в." [43, с. 76]. Ученый придавал большое значение времени отражения тех или иных явлений в памятниках; так, в связи с увеличением случаев аканья в рукописях XV – XVI вв. А. И. Соболевский приходит к выводу, что "аканье и связанные с ним звуковые явления в XV – XVI вв. имели уже внушительные размеры, близкие к размерам современного аканья" [там же, с. 80].

Следовательно, здесь можно говорить об отождествлении А. И. Соболевским времени возникновения фонетических явлений со временем их отражения в памятниках. В связи с этим, в частности с хронологизацией аканья и "переходом у в в" [там же, с. 122] в трудах А. И. Соболевского, В. В. Виноградов писал: "Прежде всего на почве отождествления буквы со звуком бессознательно создавалась склонность судить о хронологии фонетических процессов по их графическим обнаружениям" [12, с. 187]. В. В. Виноградов отмечал [там же, с. 187–188], что подобным образом устанавливалась хронология различных процессов в трудах других языковедов начала XX в.: у Д. К. Зеленина – прогрессивного ассимилятивного смягчения к в русских говорах [22, с. 20–22, 376, 426], у Л. Л. Васильева – перехода е > о после мягких согласных (кроме шипящих и ц) в русском языке [8, с. 212], у А. Е. Крымского – ряда звуковых явлений украинского языка [30].

С этим связана важная особенность абсолютной хронологизации у А. И. Соболевского и других историков языка, которые устанавливали хронологию фонетических явлений путем обращения к памятникам: большинство явлений датировано сравнительно поздним временем (после возникновения у восточных славян письменности).

Такой подход вызвал критику А. А. Шахматова [51, с. 144–147; 53, с. 337–339], обусловленную иным пониманием приема хронологизации, органически связанным с особенностями сравнительно-исторического метода в трудах ученых Московской школы.

По А. А. Шахматову, отражение тех или иных фонетических явлений в памятниках имеет во многом случайный характер. Это касается, в частности, первых фиксаций [51, с. 144]. Недостаточное количество памятников, особенно древних, ограниченность графических средств, консерватизм, преемственность письма – всё это не способствует отражению в памятниках древних явлений [62, с. 22, 36; 56, с. 285–287; 53, с. 337].

Таким образом, и в вопросах хронологизации письменные памятники как источники изучения истории языка казались А. А. Шахматову ненадежными. В связи с этим он писал: "Письменные памятники ни в коем случае не могут служить бесспорными показателями хронологии звуковых явлений: так, например, памятниками аканье засвидетельствовано, в очень слабой притом степени, не ранее XIV в., а между тем связь восточнорусского и белорусского аканья ведет неизбежно к утверждению, что это явление более древнее" [53, с. 338].

Признавая значение памятников для хронологизации языковых процессов, А. А. Шахматов отдавал бесспорное преимущество другому источнику хронологизации – современным диалектным данным. Они дают возможность устанавливать относительную хронологию языковых явлений, которая в трудах А. А. Шахматова и других представителей Московской школы явно преобладает над абсолютной.

Такой подход обусловил значительную архаизацию многих фонетических явлений в трудах А. А. Шахматова (а вслед за ним – и в работах других ученых Московской школы), что противостояло сравнительно поздней датировке у представителей исторического метода, прежде всего у А. И. Соболевского.

Чтобы убедиться в этом, достаточно выборочно сравнить некоторые хронологии А. И. Соболевского и А. А. Шахматова. Так, по А. И. Соболевскому, переход г взрывного во фрикативный согласный в "галицко-волынском наречии" осуществился в XIV в. [47, с. 117; 43, с. 112]. А. А. Шахматов считал, что переход $g > \gamma$ имел место еще в диалектах праславянского языка. А. И. Соболевский датировал переход $e > o$ (различной локализации) XII – XIII вв. [43, с. 59]. А. А. Шахматов, приняв положение В. Ягича [64, с. 37] и Ф. Ф. Фортунатова [49, с. 311–312] о двух этапах изменения $e > o$ (сначала после шипящих и j, а позже и после других мягких согласных), вслед за Ф. Ф. Фортунатовым относил первый этап к праславянскому языку [59, с. 8–9, 17–18].

Такой характер хронологизации обусловил значительные колебания А. А. Шахматова в датировке некоторых процессов. Так, палатализацию и лабиализацию (лабиовеляризацию) согласных перед гласными переднего и заднего ряда А. А. Шахматов хронологизировал по-разному: в ранних работах он считал этот процесс "общерусской" инновацией (она возникла параллельно и на западославянской территории), в более поздних – праславянской.

Для А. А. Шахматова характерно стремление анализировать не отдельные языковые факты, взятые изолированно, а группы родственных фактов. Он реконструирует не только отдельные звуки, но и целые признаки звуков (например, палатализованность и лабиализованность согласных в праславянском и "общерусском" языках). Это дало ученому возможность установить основные закономерности развития праславянской и правосточнославянской фонетических систем [27, с. 55–60].

Как отмечает В. А. Глущенко, другие представители Московской школы были склонны рассматривать реконструированные архетипы и фонетические законы как в значительной степени изолированные, невзаимосвязанные. Об этом наглядно свидетельствует отношение ученых Московской школы к шахматовской концепции взаимодействия вокализма и консонантизма в истории восточнославянских языков [14, с. 144–161]: она не получила должной оценки в трудах Е. Ф. Будде, Н. Н. Дурново, С. М. Кульбакина, В. К. Поржезинского [там же, с. 159–160].

Как изолированные выступают архетипы и фонетические законы и в трудах представителей младограмматизма. В лингвистической историографии широко распространено положение об "атомизме" младограмматиков [25, с. 19; 21, с. 173]. Однако, по мнению В. А. Глущенко, об атомистическом, изолированном изучении отдельных элементов языка в работах младограмматиков можно говорить только в плане отсутствия внутренней связи между реконструированными архетипами и фонетическими законами. Сама же их реконструкция, а также генетическое отождествление фактов в исследованиях языковедов XIX в. – начала XX в., в том числе в трудах младограмматиков, предусматривали системное понимание языковых явлений [14, с. 31–40].

То же самое необходимо сказать о работах А. И. Соболевского. В его интерпретации историческая фонетика является историей отдельных фонетических явлений, выступающих как изолированные. Это может быть иллюстрировано, например, обращением к переходам $e > o$ и $e > a$, которые А. И. Соболевский, в отличие от А. А. Шахматова, никак не связывает [43, с. 59–67, 86–88]¹. Обращение к "Лекциям по истории русского языка" показывает, что А. И. Соболевский признавал связь только между теми фонетическими законами, которые в то время были хорошо и всесторонне исследованы в трудах ученых Харьковской и Московской школ и в работах самого А. И. Соболевского. Это серия изменений в вокализме и консонантизме, обусловленных падением редуцированных на восточнославянской территории [там же, с. 50–57, 103–122].

В целом же архетипы и фонетические законы выступают у А. И. Соболевского как изолированные, невзаимосвязанные. Вместе с тем в его работах объективно отразились системные свойства языка (в приеме генетического отождествления фактов и в процедуре реконструкции отдельных архетипов и фонетических законов). Следовательно, приписывать А. И. Соболевскому исключительно асистемный подход к фактам языка было бы методологически неправильным. Очевидно, здесь следует говорить об определенной ограниченности А. И. Соболевского в понимании системного характера языковых изменений и о соответствующей интерпретации им историко-фонетических явлений [14].

По мнению А. А. Шахматова, реконструкция архетипов и фонетических законов как изолированных существенно ограничивает значимость полученных результатов. Именно такой недостаток присущ трудам А. И. Соболевского и чешского языковеда Я. Гебауэра [62, с. 34–36].

Перспективы дальнейших исследований мы видим в раскрытии вклада других представителей русского и мирового языкознания XIX в. – начала XXI в. в развитие лингвистической методологии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аппель К. Ю. Некоторые общие вопросы языкознания / К. Ю. Аппель // Рус. филол. вестн. – 1886. – Т. 15. – С. 158–169; Т. 16. – С. 353–365.
2. Бодуэн де Куртенэ И. А. Избранные труды по общему языкознанию / И. А. Бодуэн де Куртенэ. – М. : Изд-во АН СССР, 1963. – Т. 1. – 384 с.; Т. 2. – 391 с.
3. Брок О. Описание одного говора из юго-западной части Тотемского уезда / О. Брок // Сб. Отд-ния рус. яз. и словесности. – 1907. – Т. 83. № 4. – 151 с.
4. Будде Е. Ф. Вопросы методологии русского языкознания : пособие для преподавателей русского языка в средней школе и для самообразования / Е. Ф. Будде. – Казань, 1917. – 169 с.
5. Будде Е. Ф. К истории великорусских говоров : опыт историко-сравнительного исследования народного говора в Касимовском уезде Рязанской губернии / Е. Ф. Будде. – Казань, 1896. – 377, II с.
6. Будде Е. Ф. Лекции по истории русского языка / Е. Ф. Будде. – 1906/7 ак. г. – Казань, 1907. – 253 с.
7. Будде Е. Ф. Лекции по истории русского языка / Е. Ф. Будде. – 2-е изд. – Казань, 1913. – 364 с.
8. Васильев Л. Л. К истории звука h в московском говоре XIV – XVII вв. / Л. Л. Васильев // Изв. Отд-ния рус. яз. и словесности. – 1905. – Т. 10. Кн. 2. – С. 177–227.
9. Васильев Л. Л. К характеристике сильно акающих говоров / Л. Л. Васильев // Рус. филол. вестн. – 1907. – Т. 58. № 4. – С. 241–262.
10. Васильев Л. Л. Можно ли основываться в доказательство существования в предке малорусского наречия мягких согласных перед e на современных малорусских формах

¹ В этом плане уместно сопоставить рассмотрение переходов $e > o$ и $e > a$ (через промежуточные звуки \ddot{o} , \ddot{a}) в истории украинского языка как параллельных, взаимосвязанных у А. Е. Крымского [30, с. 198–201ε, 369–420α; 29, с. 99], на что указывали исследователи [20, с. 34] и в чем нельзя не видеть влияния А. А. Шахматова.

- повелительного наклонения в роде *ведить?* / Л. Л. Васильев // Рус. филол. вестн. – 1913. – Т. 70. № 3. – С. 170–172.
11. Васильев Л. Л. О значении каморы в некоторых древнерусских памятниках XVI – XVII веков : к вопросу о произношении звука *o* в великорусском наречии / Л. Л. Васильев // Сб. по рус. яз. и словесности. – 1929. – Т. 1. Вып. 2. – 164 с.
 12. Виноградов В. В. Методы изучения рукописей, как материала для построения исторической фонетики русского языка, в исследованиях академика А. А. Шахматова / В. В. Виноградов // Изв. Отд-ния рус. яз. и словесности. – 1922. – Т. 25 (1920 г.). – С. 172–197.
 13. Глущенко В. А. Моделювання історії східнослов'янських мов у компаративістиці 70-х рр. XIX ст. – 30-х рр. XX ст. / В. А. Глущенко, В. М. Овчаренко // Мовознавство. – 2006. – № 1. – С. 17–28.
 14. Глущенко В. А. Принципи порівняльно-історичного дослідження в українському і російському мовознавстві (70-і рр. XIX ст. – 20-і рр. XX ст.) / Глущенко Володимир Андрійович / НАН України, Ін-т мовознавства ім. О. О. Потебні; відп. ред. О. Б. Ткаченко. – Донецьк, 1998. – 222 с.
 15. Дурново Н. Н. Введение в историю русского языка / Н. Н. Дурново. – М. : Наука, 1969. – 295 с.
 16. Дурново Н. Н. Записки по истории русского языка. Фонетика и диалектология / Н. Н. Дурново. [– Литограф. изд.] – Харьков, 1912. – Вып. 1 и 2. – 211, 44 с.
 17. Дурново Н. Н. Лекции по истории русского языка, читанные осенью 1907–8 ак. г. в Московском университете / Н. Н. Дурново. [– Литограф. изд.– М., 1907–8]. – 208 с.
 18. Дурново Н. Н. Леонид Лазаревич Васильев [некролог] / Н. Н. Дурново // Slavica. – 1926. – Роѣ. 4. Seš. 4. – S. 858–860.
 19. Дурново Н. Н. Очерк истории русского языка / Н. Н. Дурново. – М. ; Л. : Госиздат, 1924. – 376 с.
 20. Жовтобрюх М. А. Питання історичної фонетики української мови в науковій спадщині А. Ю. Кримського / М. А. Жовтобрюх // А. Ю. Кримський – україніст і орієнталіст (Матеріали ювілейної сесії до 100-річчя з дня народження) / відп. ред. І. К. Білодід. – К. : Наук. думка, 1974. – С. 26–40.
 21. Звегинцев В. А. Структурализм в лингвистике / В. А. Звегинцев // Системный анализ и научное знание / отв. ред. Д. П. Горский. – М. : Наука, 1978. – С. 172–186.
 22. Зеленин Д. К. Великорусские говоры с неорганическим и непереходным смягчением заднебных согласных в связи с течениями позднейшей великорусской колонизации / Д. К. Зеленин. – СПб., 1913. – XVI, 544 с.
 23. Истрина Е. С. Труды А. А. Шахматова по русскому языку / Е. С. Истрина // Изв. Отд-ния рус. яз. и словесности. – 1922. – Т. 25 (1920 г.). – С. 100–106.
 24. Каринский Н. М. Язык Пскова и его области в XV веке / Н. М. Каринский. – СПб., 1909. – 209 с.
 25. Кацнельсон С. Д. Вступительная статья / С. Д. Кацнельсон // Пауль Г. Принципы истории языка. – М. : Изд-во иностр. лит., 1960. – С. 5–20.
 26. Колесов В. В. Алексей Иванович Соболевский / В. В. Колесов // Русская речь. – 1975. – № 4. – С. 85–91.
 27. Колесов В. В. Значение лингвистических трудов А. А. Шахматова для современного славянского языкознания / В. В. Колесов // Вопр. языкознания. – 1971. – № 2. – С. 53–61.
 28. Кримський А. Ю. Передне слово / А. Ю. Кримський // Шахматов О. О., Кримський А. Ю. Нариси з історії української мови та хрестоматія з пам'ятників письменської староукраїнщини XI – XVIII вв. – К., 1924. – С. III–IV.
 29. Кримський А. Ю. Українська мова, звідкіля вона взялася і як розвивалася / А. Ю. Кримський // Шахматов О. О., Кримський А. Ю. Нариси з історії української мови та хрестоматія з пам'ятників письменської староукраїнщини XI – XVIII вв. – К., 1924. – С. 87–128.
 30. Крымский А. Е. Украинская грамматика для учеников высших классов гимназий и семинарий Приднепровья / А. Е. Крымский. – М., 1907. – Т. 1. Вып. 1. – С. 1–2, 16–200, 217–272; М., 1908. – Т. 1. Вып. 2 и 6. – С. 201–210v, 369–429, 454–545.
 31. Кульбакин С. М. История русского языка. Краткая фонетика : из лекций, читанных в 1909–10 уч. ак. г. / С. М. Кульбакин. [– Литограф. изд.–] Харьков, [1909–10]. – 115 с.
 32. Кульбакин С. М. Украинский язык : краткий очерк исторической фонетики и морфологии / С. М. Кульбакин. – Харьков, 1919. – IV, 104 с.

33. Ларин Б. А. Историческая диалектология русского языка в курсе лекций академика А. А. Шахматова и наши современные задачи / Б. А. Ларин // Уч. зап. Ленингр. ун-та. – 1960. – № 267. Вып. 52. – С. 3–16.
34. Макаров В. И. Живая речь как сфера действия фонетического закона и основной источник изучения истории языка / В. И. Макаров // Русское языкознание : республиканский межведомственный научный сб. – 1992. – Вып. 25. – С. 90–99.
35. Михальчук К. П. Программа для собирания особенностей малорусских говоров / К. П. Михальчук, А. Е. Крымский. – СПб., 1910. – III, 163 с.
36. Остгоф Г. Предисловие к книге "Морфологические исследования в области индоевропейских языков" / Г. Остгоф, К. Бругман // Звегинцев В. А. История языкознания XIX – XX веков в очерках и извлечениях. – 3-е изд. – М. : Просвещение, 1964. – Ч. 1. – С. 187–198.
37. Пауль Г. Принципы истории языка / Г. Пауль. – М. : Изд-во иностр. лит., 1960. – 500 с.
38. Перетц В. Н. Некролог [А. И. Соболевского] / В. Н. Перетц // Изв. АН СССР. Сер. 7. Отд-ние гуманитарных наук. – 1930. – № 1. – С. 17–24.
39. Поржезинский В. К. Важнейшие моменты в истории сравнительного языковедения / В. К. Поржезинский. – Варшава, 1897. – 26 с.
40. Русанівський В. М. Питання історичної граматики в працях А. Ю. Кримського / В. М. Русанівський // А. Ю. Кримський – українціст і орієнталіст (Матеріали ювілейної сесії до 100-річчя з дня народження) / відп. ред. І. К. Білодід. – К. : Наук. думка, 1974. – С. 40–49.
41. Соболевский А. И. Важная особенность старого псковского говора [рец.] : Николай Каринский. Язык Пскова и его области в XV веке / А. И. Соболевский. – СПб., 1909 // Рус. филол. вестн. – 1909. – Т. 62. № 3 и 4. – С. 231–234.
42. Соболевский А. И. Древнекиевский говор / А. И. Соболевский // Изв. Отд-ния рус. яз. и словесности. – 1905. – Т. 10. Кн. 1. – С. 308–323.
43. Соболевский А. И. Лекции по истории русского языка. – 4-е изд. – М., 1907. – 309 с.
44. Соболевский А. И. О русских говорах вообще и белорусских говорах в частности / А. И. Соболевский // Изв. Отд-ния рус. яз. и словесности. – 1904. – Т. 9. Кн. 2. – С. 14–23.
45. Соболевский А. И. Опыт русской диалектологии : Наречия великорусское и белорусское / А. И. Соболевский. – СПб., 1897. – Вып. 1. – 2, 108, 3 с.
46. Соболевский А. И. Очерк русской диалектологии / А. И. Соболевский // Живая старина. – 1892. – Вып. 1. – С. 3–24; вып. 2. – С. 3–26; вып. 3. – С. 3–30; вып. 4. – С. 3–61.
47. Соболевский А. И. Очерки из истории русского языка / А. И. Соболевский. – К., 1884. – Ч. 1. – 156, 90 с.
48. Соболевский А. И. Смоленско-полоцкий говор в XIII – XV вв. // Рус. филол. вестн. – 1886. – Т. 15. – С. 7–24.
49. Фортунатов Ф. Ф. Сравнительная фонетика индоевропейских языков : краткий очерк / Ф. Ф. Фортунатов // Фортунатов Ф. Ф. Избр. труды : в 2-х т. – М. : Учпедгиз, 1956. – Т. 1. – С. 199–450.
50. Фортунатов Ф. Ф. Сравнительное языковедение : общий курс / Ф. Ф. Фортунатов // Фортунатов Ф. Ф. Избр. труды : в 2-х т. – М. : Учпедгиз, 1956. – Т. 1. – С. 21–197.
51. Шахматов А. А. [Рец. :] А. Е. Крымский. Украинская грамматика для учеников высших классов гимназий и семинарий Приднепровья / А. А. Шахматов. – М., 1907 – 8 // Rocznik slawistyczny. – 1909. – Т. 2. – S. 135–174.
52. Шахматов А. А. Введение в курс истории русского языка : Исторический процесс образования русских племен и наречий / А. А. Шахматов. – Пг., 1916. – Ч. 1. – 146, III с.
53. Шахматов А. А. [Рец. :] Д. К. Зеленін. Великорусские говоры с неорганическим и непереходным смягчением задненебных согласных в связи с течениями позднейшей великорусской колонизации / А. А. Шахматов. – СПб., 1913 // Изв. Отд-ния рус. яз. и словесности. – 1915. – Т. 20. Кн. 3. – С. 332–358.
54. Шахматов А. А. [Рец. :] Е. Ф. Будде. К истории великорусских говоров. Опыт историко-сравнительного исследования народного говора в Касимовском уезде Рязанской губернии. Казань, 1896 / А. А. Шахматов // Сб. Отд-ния рус. яз. и словесности. – 1898. – Т. 46. – С. 25–73.
55. Шахматов А. А. Курс истории русского языка (читан в С.-Петербургском ун-те в 1908-9 уч. г.) : введение / А. А. Шахматов. – 2-е [литограф.] изд. – СПб., 1910 – 11. – Ч. 1. – 407 с.

56. Шахматов А. А. Курс истории русского языка (читан в С.-Петербургском ун-те в 1909 – 10 уч. г.) : Очерк истории звуков русского языка / А. А. Шахматов. [– Литограф. изд.– СПб., 1909 – 10.] – Ч. 2. – 797, 5, 13 с.
57. Шахматов А. А. Несколько заметок об языке псковских памятников XIV – XV в. (По поводу книги "Николай Каринский. Язык Пскова и его области в XV веке". СПб., 1909) / А. А. Шахматов // Журн. м-ва нар. просвещения. – 1909. – Ч. 22. № 7. – С. 105–177.
58. [Шахматов А. А.] Отзыв А. А. Шахматова о труде Л. Л. Васильева ["О значении каморы в некоторых древнерусских памятниках XVI – XVII веков : к вопросу о произношении звука *o* в великорусском наречии"] / А. А. Шахматов // Сб. по рус. яз. и словесности. – 1929. – Т. 1. Вып. 2. – С. III–X.
59. Шахматов А. А. Очерк древнейшего периода истории русского языка / А. А. Шахматов // Энциклопедия слав. филол. – 1915.– Вып. 11. – XXVIII, II, L, 369 с.
60. Шахматов А. А. Русский язык / А. А. Шахматов // Энциклопедический словарь / изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. – СПб., 1899. – Т. 28. – С. 564–581.
61. Шахматов А. А. Русский язык : лекции, читанные в Моск. ун-те. 1890 – 91 ак. г. / А. А. Шахматов. [– Литограф. изд. – М., 1890 – 91]. – 179 с.
62. Шахматов А. А. [Рец. :] J. Gebauer. Historická mluvnice jazyka českého. Díl. 1. V Praze a ve Vídni, 1894. Díl. 3. V Praze a ve Vídni, 1896 / А. А. Шахматов // Сб. Отд-ния рус. яз. и словесности. – 1900. – Т. 66. № 6. – С. 17–105.
63. Шахматов О. О. До питання про початок української мови. Кілька слів на нову працю з граматики українського языка : Grammatik der ruthenischen (ukrainischen) Sprache von S. von Smal-Stocky und T. Gartner. Wien, 1913 / О. О. Шахматов // Україна. – 1914. – Кн. 1. – С. 7–19.
64. Ягич И. В. Критические заметки по истории русского языка / И. В. Ягич // Сб. Отд-ния рус. яз. и словесности. – 1889. – Т. 46. № 4. – VI, 171 с.
65. Smal-Stocky S. Grammatik der ruthenischen (ukrainischen) Sprache / S. Smal-Stocky, T. Gartner. – Wien, 1913. – XV, 550 s.
66. Шахматов А. А. Великорусская диалектология : лекции, читанные в Петроградском ун-те в 1919 – 20 уч. г. / А. А. Шахматов // Архив Російської АН, СПб., ф. 134, оп. 1, од. зб. 273, арк. 1–13.
67. Шахматов А. А. Историческая этнография восточной Европы. 1920 / А. А. Шахматов // Архив Російської АН, СПб., ф. 134, оп. 1, од. зб. 81, арк. 1–71.

УДК 811. 161.1

Валентина Маслова
(Витебск)

СТАТУС КАРТИНЫ МИРА И ЕЕ ТИПЫ В АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЕ

У статті проаналізовано три типи картини світу – концептуальна, мовна і поетична, показані їхні подібність і відмінність, а також їхній статус в антропоцентричній парадигмі.

Ключові слова: картина світу, мовна картина світу, поетична картина світу, образ світу.

The article analyzes three types of world views – conceptual, linguistic and poetic, it shows their similarities and differences, and their status in the anthropocentric paradigm.

Key words: world view, language world view, poetic world view, the image of the world.

Появление антропоцентрической парадигмы в гуманитарных науках привело к ряду изменений. Теперь исследователь языка и культуры должен учитывать, что он есть носитель некоторой этнической культуры, которая не только вооружает, но и ограничивает его определенной системой категорий, при помощи которых он может составить представление о своей и о чужой культуре, потому что каждый язык, сквозь призму которого его носитель

вбирает в себя культуру и миропонимание, по-своему членит мир, т.е. имеет свой способ его концептуализации. Отсюда заключаем, что каждый язык имеет в некоторой степени особую картину мира, и языковая личность обязана организовывать содержание высказывания в соответствии с ней.

Совокупность знаний о мире, о человеке и его культуре, запечатленных в языковой форме, в различных концепциях называется то как "языковой промежуточный мир", то как "языковая репрезентация мира", то как "языковая модель мира", то как "языковая картина мира". В силу большей распространенности мы выбираем последний термин. Картина мира – базисное понятие философии, антропологии, лингвокультурологии, когнитивной лингвистики и ряда других наук.

Цель данной статьи – попытка типологизировать представления о картинах мира, дополнить их выделением поэтической картины мира.

Из истории изучения. Интерес к языковой картине мира обнаруживается еще в работах В.Гумбольдта, который писал, что "различные языки являются для нации органами их оригинального мышления и восприятия" [3, с. 324]. В гуманитарные науки данный термин пришел из работ Л.Витгенштейна, который вполне осознавал его метафоричность и подчеркивал синонимичность психологическому понятию "образ мира".

К концу XX века появилось много работ, посвященных данной проблеме – работы Г.А. Брутяна, С.А. Васильева, Г.В. Колшанского, Н.И. Сукаленко, М. Блэка, Д. Хаймса, коллективная монография "Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира" (1988) и др. Возросший интерес к этой проблеме связан с когнитивными исследованиями последних лет.

В современной лингвистике существует несколько направлений в изучении языковой картины мира. Это 1) типологические исследования: славянская языковая картина мира, балканская модель мира и т.д.; 2) изучение языковой картины мира в аспекте реконструкции духовной культуры народа; 3) исследуются отдельные лингвоспецифичные концепты, обладающие двумя свойствами: они являются частотными и "ключевыми" для данной культуры (они дают "ключ" к пониманию ментальности, отображенной в "категориях и формах языка"). Это работы А. Вежбицкой, В.В. Колесова, М.В. Пименовой, А.Д. Шмелева, Е.С. Яковлевой и др.; 4) исследование отдельных сторон языка: отражение языковой картины мира в русской лексике, словообразовании, в зеркале метафор и т.д. [20 с. 9]. Но наибольший интерес, с нашей точки зрения, представляет еще одно направление – 5) поэтическая картина мира, интерес к которой проявляется лишь в последнее десятилетие [10].

В современных исследованиях по когнитивной лингвистике до сих пор принято различать лишь языковую и концептуальную картины мира (впервые их разграничил Г.А. Брутян). О. Н. Кондратьева отмечает по этому поводу: "Поскольку концептуализация мира осуществляется через язык, возникает вопрос о соотношении мира, его образа, существующего в сознании, и образа, закрепленного в языке. Постановка подобной проблемы способствовала выделению двух форм картины мира – концептуальной и языковой" [6, с. 23].

Сразу после разграничения этих двух терминов в лингвистике ставится вопрос об их соотношении. И здесь наблюдаются следующие подходы. Согласно первому, языковая картина мира считается шире концептуальной. Во втором подходе утверждается совпадение, идентичность языковой и концептуальной картин мира. Элементы подобной точки зрения можно отыскать у Г.В. Колшанского, который полагает, что "в гносеологическом плане действительно не отношение "язык-мышление", а "языкомышление – мир"" и "правильно поэтому говорить не о языковой картине мира, а о языково-мыслительной картине мира" [5, с. 37]. Согласно третьей концепции, концептуальная картина мира признается более масштабной по сравнению с языковой. Подобное решение присутствует в работах большинства лингвистов (Г.Г. Почепцов, Б.А. Серебренников, В.Н. Телия и др.). По Г.Г. Почепцову, языковое представление мира "информационно неполно и/ или неточно", и причину этого он видит в том, что "отражению подвергается не мир в целом, а лишь его

пики, т.е. его составляющие, которые представляются говорящему наиболее важными, наиболее релевантными, наиболее полно характеризующими мир" [13, с. 111–112]. Сходной точки зрения придерживается Д.С. Лихачев [7, с. 9] и другие исследователи [9, с. 67; 15].

Мы разделяем точку зрения, согласно которой *картина мира*, которую можно назвать знанием о мире, лежит в основе индивидуального и общественного сознания. Язык же выполняет требования познавательного процесса. Концептуальные картины мира у разных людей могут быть различными, например, у представителей разных эпох, разных социальных, возрастных групп, разных областей научного знания и т.д. С другой стороны, люди, говорящие на разных языках, могут иметь при определенных условиях близкие концептуальные картины мира, а люди, говорящие на одном языке – разные. Следовательно, в концептуальной картине мира взаимодействует общечеловеческое, национальное и личностное. Она, конечно же, шире и языковой и поэтической картин мира и лишь частично покрывается ими.

Языковая картина мира не стоит в одном ряду со специальными картинами мира (химической, физической и др.), она им предшествует и формирует их, потому что человек способен понимать мир и самого себя благодаря языку, в котором закрепляется общественно-исторический опыт – как общечеловеческий, так и национальный. В силу специфики языка в сознании его носителей возникает определенная языковая картина мира, сквозь призму которой человек видит мир.

Языковая картина мира не есть простой набор "фотографий" предметов, процессов, свойств, ибо включает в себя и позицию отражающего субъекта, его отношение к этим объектам, причем, позиция субъекта – такая же реальность, как и сами объекты. Более того, поскольку отражение мира человеком не пассивное, а деятельностное, отношение к объектам не только порождается этими объектами, но и способно изменить их (через деятельность). Человеческая деятельность протекает в определенном климате, где преобладает определенный рельеф, флора и фауна, которые в совокупности обуславливают жизнедеятельность того или иного народа; все это находит отображение в каждой конкретной языковой картине мира, причем оно одновременно интернационально и глубоко национально. Следовательно, языковая картина мира есть репрезентант концептуального мира, а репрезентирующая система всегда беднее репрезентируемого мира, как метаязык беднее естественного языка.

И концептуальная и языковая картины мира отводят человеку определенное место во Вселенной и тем самым помогают ему ориентироваться в реальности, обе картины мира являются результатом духовно-практической деятельности людей. Все частные картины мира – и научная, и религиозная, и философская, и поэтическая, и др. – добавляют свое видение мира в общую концептуальную картину.

Считается, что в языковой картине мира отображаются наивные представления народа – это не что иное, как сложившаяся давно и сохранившаяся доньше национальная картина мира, отражающая мировосприятие и миропонимание народа, зафиксированная в языке, ограниченная рамками консервативной культуры [11, с. 10-11].

Большинство лингвистов определяют языковую картину мира именно как "наивную" (Ю. Д. Апресян, С. Г. Воркачев, В. А. Маслова, М. В. Пименова, Е. В. Урысон). Так, Ю.Д. Апресян подчеркивал донаучный характер языковой картины мира, называя ее наивной картиной. "Наивная" картина мира становится одним из основных объектов изучения в Московской семантической школе, Школе логического анализа языка и др. Например, *глобус* – наглядная модель географической картины земли: это шар (или почти шар), на который нанесены условные обозначения океанов, материков, морей, рек, гор и т.д. А наивная картина мира, отображенная в языке, совершенно иная: земля плоская, поэтому имеет края (*вся земля от края и до края; на краю земли, по всей земле*), внутри она поляя (*под землей, провалиться сквозь землю, из-под земли, толща земли*), она может держать человека, а может гореть у него под ногами, т.е. земля неустойчива (*как земля держит,*

земля горит под ногами), землей может называться народ (*немецкая земля*), это нечто важное, сакральное, поэтому ей кланяются (*поклониться земле, земной поклон*).

Наша задача – изучение обыденных представлений о мире и человеке, которые хотя и заложены в определенном языке, но скрыты в значении языкового знака. "Семантика языкового знака отражает наивное понятие о вещи, свойстве, действии, процессе, событии и т. п." [1, с. 56]. Языковая картина мира как бы дополняет объективные знания о реальности, часто искажая их (см. научное значение и языковое толкование таких слов, как *атом, точка, свет, тепло* и т.д.).

Поскольку познание мира человеком постепенно избавляется от ошибок и заблуждений, его концептуальная картина мира постоянно уточняется, меняется, как бы перерисовывается, тогда как языковая картина мира еще долгое время хранит следы этих ошибок и заблуждений. Так, довольно часто для обозначения и передачи состояния эмоционального подъема говорящий использует фразеологизм *воспарить душой*, не всегда осознавая, что это выражение связано с архаическими представлениями о наличии внутри человека субстанции – души, которая мыслилась в мифологической картине мира в виде пара и могла покидать тело, перемещаясь к небесам. И человек, и мир в наивной картине мира представлены не так, как в научной (логически правильной): *дождь идет* (хотя с точки зрения логики здравого смысла он *падает*, т.к. *идти* можно только по горизонтальной или наклонной поверхности); у человека в разных ситуациях могут неадекватно действовать разные органы (от удивления может *отвалиться челюсть*), он может *нутром чуют*, от горя он становится *чернее тучи* и т.д.

Наивная картина мира по-своему классифицирует способы восприятия, в ней отмечаются собственные родо-видовые отношения. Так, зрение в народной анатомии – есть также видовое понятие для многих способов восприятия: *вижу дом* (зрение), *вижу, что вы не понимаете этого* (рацио), *смотрю – кругом мокро* (осязание) и т.д.

На наивную картину мира оказали влияние существовавшие ранее, но уже отжившие, представления, которые сейчас считаются предрассудками или культурными традициями. Считалось, что вещие сны предупреждают о будущих событиях, о которых можно узнать духовным зрением, отсюда выражение *не знать/ не ведать ни сном, ни духом*.

Многие научные понятия в языке представлены по-иному. Так, согласно Медицинской энциклопедии, *кровь* – это жидкая ткань, циркулирующая в кровеносной системе позвоночных животных и человека. Состоит из плазмы и форменных элементов (эритроциты, лейкоциты, тромбоциты и т. д.).

В наивной картине мира *кровь* является выразителем социального происхождения и этнической принадлежности человека (*благородная кровь; голубая кровь; дворянская кровь; рабочая кровь*) и результатом человеческих поступков – *на крови* (ценой преступления). Кровь считается носителем родовых отношений, кровного родства (*одной крови, кровь заговорила, родные по крови; родная кровь даёт о себе знать*). Кровь может быть носителем силы и энергии (*кровь бурлит, кровь вскипает, кровь играет, горячая кровь*), страха (кровь в жилах стынет, кровь леденеет). О чем-то, достигнутом большим трудом, говорят *потом и кровью*, о небольших потерях – *малой кровью* и т.д.

По мнению Ю.Д. Апресяна, каждый естественный язык отражает определенный способ восприятия и организации ("концептуализации") мира, а его значения складываются в некую коллективную философию, которая навязывается в качестве обязательной всем носителям языка [1]. При таком подходе язык рассматривается как определенная концептуальная система и как средство оформления системы знаний о мире.

Таким образом, языковая картина мира в главном совпадает с логическим отражением мира в сознании людей (концептуальной картиной мира). Но при этом сохраняются отдельные участки в языковой картине мира, к которым, по нашему убеждению, относится и фразеология, паремиология, семантика некоторых слов, которые хранят архаичные знания о мире и человеке, именно эта часть языковой картины мира варьируется от языка к языку.

Известно, что картина мира древних славян характеризовалась двоичными оппозициями типа свой – чужой, прямой – кривой, друг – враг, жизнь – смерть, чет – нечет,

север – юг, правый – левый, мужской – женский и др. (см. работы В.В. Иванова и В.Н. Топорова). Каждое из указанных противопоставлений является частным случаем жизненно важной, определяющей картину мира славян оппозиции **благоприятный – неблагоприятный**. Например, интересное диссертационное исследование Е.И. Холявко посвящено анализу оппозиции *прямой – кривой*, где автору удалось выделить 6 основных направлений в развитии типов вторичной номинации этой оппозиции [19]. Почти каждое из них породило идиомы, в основе которых лежат мифологемы и архетипы: *согнула да скрючила* (о болезни), *кривой* (разг.) – одноглазый, слепой на один глаз. *согнуло в три погибели; каб яго у сук сагнула* (о смерти). Семантика этих выражений формировалась под влиянием широко распространенного обряда скорченного погребения, отражающего идею реинкарнации.

Как утверждает М.М. Маковский, первоначения индоевропейского праязыка – **разрывать и гнуть** [8], а все остальные значения – это метафоры от первоначальных. И действительно, многие негативные явления связаны с данными номинациями. Так, значение 'подчинять своей воле, угнетать, неволить' связано с глаголами *гнуть, кривить*: рус. *гнуть* 'подчинять своей воле' [14, с. 322], *гнуть кого в дугу, в крюк* 'обижать, теснить, неволить, покорять силою' [4, с. 362]. (аналогичны значения рус. фразеологизмов: (*согнуть в три дуги, три погибели, согнуть кого в бараний рог* [12, с. 108, 120]; значение 'несправедливый, неправедный, ложный' тоже заложено в данных глаголах (ср. *загнуть* (разг.) – соврать).

Показательно, что взаимосвязь представлений о кривизне, изогнутости и болезни, смерти нашла отражение не только в семантике вторичных номинаций, но и ряде пословиц, поговорок, например: *Уходила, умучила, согнула да скрючила* (о болезни). *В крюк свело, согнуло, скорчило. Эх, друг, согнуло тебя в крюк!*

Негативная коннотации ФЕ *связать по рукам и ногам* в значении "лишить возможности действовать свободно" обусловлена влиянием представлений о физическом действии связывания как магической практики вязания узлов. Аналогичные причины лежат в основе ФЕ *вить веревки* (подчинить своей воле), семантика которого формировалась в тесной связи с магическими актами витья, вязания, плетения в системе представления древних славян о кривизне. Они генетически соотносятся с мифологемой узла (ср. глагол *завязать* в значении "покончить с чем-либо") – узелка, талисмана, который носят на шее, привязывают к руке и которому приписывают свойство отгонять злых духов и тем самым предохранять от болезни и несчастья. Символические функции этих процессов сходны и связаны с обрядовой значимостью нити.

Немалую роль в формировании языковой картины мира играет мифологическая информация, мифологические концепты, ибо языковая картина мира создается разными красками, наиболее яркими, с нашей точки зрения, являются мифологемы, образно-метафоричные слова, коннотативные слова и др. Для образа человека важны также *душа, сердце* (см. об этом в работах М.В. Пименовой), а в иных традициях – *печень*. Так, у тюрков *печень* имела статус центра, со всеми вытекающими отсюда последствиями [17, с. 69]. Например, тувинцы связывали с печенью проявления душевных состояний – гнева, горя, радости, а также моральных качеств, например, доброты: *даш баарлыг* – "безжалостный" (буквально: с каменной печенью); *баары ажыыр* – "жалеть, переживать" (букв. печень его щемит).

Печень воспринималась как центр организма, по-видимому, благодаря ряду своих естественных качеств: печень особенно уязвима, ее поражение чревато печальными последствиями. Также *печень* и *сердце* являются непарными органами, уже это обстоятельство определяет их особый статус. Кроме того, в течение жизни человека печень меняется, и эта изменчивость истолковывалась как индикация состояния человека. Неудивительно, что гадание по печени (гепатоскопия) получило широкое распространение у многих народов.

Таким образом, многие образы и архетипы, от которых веет глубокой архаикой, прорастают сквозь позднейшие напластования сознания и до сих пор остаются константами мировоззрения.

В языке отражена наивная картина мира, которая складывается как ответ на духовные и практические потребности человека, как необходимая когнитивная основа его адаптации к миру. По всей вероятности, совокупность предметных образно-наглядных эталонных представлений о предметах, явлениях, с которыми человек на протяжении жизни встречается чаще, чем с другими; в целом формирует некоторую стабильную языковую картину отражения объективной действительности [16].

Общность выполняемой функции в бытовой практической деятельности человека, в его сознании может объединять объекты в одну группу, например, общность функции таких органов, как *рот* и *глаза* при выражении удивления человека обозначается в языке с помощью идиом *раскрыть рот, таращить глаза*, и в то же время может разграничить даже очень близкие в научной классификации объекты, например, в ФЕ *встать на ноги* – “обрести самостоятельность, независимость” и *встать на колени* – “выражать свою покорность” колени, как часть ног, противопоставлены собственно ногам, так как в составе идиомы соматизм **колени** приобретает квазисимвольное значение “вид недопустимой опоры” в отличие от значения соматизма **ноги** – “вид необходимой опоры” (см. об этом в работах В.Н. Телия).

Именно в содержательной стороне языка (в меньшей степени в грамматике) явлена картина мира данного этноса, которая становится фундаментом всех культурных стереотипов. Ее анализ помогает понять, чем отличаются национальные культуры, как они дополняют друг друга на уровне мировой культуры. При этом мы абсолютно солидарны с А.Вежицкой, которая пишет: “Если бы значения всех слов были бы культурноспецифичны, то вообще было бы невозможно исследовать культурные различия” [2, с. 291]. Поэтому занимаясь культурно-национальным аспектом, мы учитываем и универсальные свойства языковых единиц.

Если языковая картина мира универсальна, а творцом ее является весь народ, то поэтическая – индивидуальна, она создается в текстах одного человека, представителя данного народа. Следовательно, языковая картина мира и картина мира, реконструируемая на материале поэтических текстов одного автора, соотносимы, но не тождественны. Поскольку внечеловеческих и всечеловеческих картин мира не бывает, поэтому каждая из типов картин мира содержит хотя бы частичку истины, понимаемую каждым по-своему.

Однако не сам язык создает эту субъективную картину мира, а поэт. Поэтическая картина мира является индивидуально-авторской, она в значительной степени субъективна и несет в себе черты языковой личности ее создателя. Это образная, “очеловеченная” картина, в которой личность поэта предстает как отражение ее существования. Такая картина мира понимается нами как альтернатива миру реальному. Это образ мира, сконструированный сквозь призму сознания и языка поэта, он является результатом его духовной активности. Материальным выражением поэтической картины мира являются все произведения поэта, их единое текстовое пространство, а материалом общей поэтической картины мира – целые направления в поэзии и целые эпохи.

В поэзии любого крупного национального поэта много и общего, наднационального, ведь поэзия не без основания считается древнейшим способом освобождения человеческого духа, являя собой проповедь истины, наделенной поэтической энергией. Поэзия – это такой способ формальной организации слов, в результате которого не столько разъясняется смысл слова, сколько усложняется и генерируется новый, неожиданный, воспринимаемый носителями языка как открытие. В поэзии нам явлен самый сложный семиотический язык. И дело не только в особом строе стихотворной речи, ее ритмичности и рифмованности, а в том, что именно провидец-поэт может прорваться поэтической мыслью к основе, к сердцевине бытия [18, с. 93].

Поэтический текст лишь очерчивает границы рисуемой им картины мира. А основные цветовые мазки накладывает читатель. Поэзия имеет в себе мудрость, и эту мудрость в

одежде красоты легко схватывает словом поэт, но она трудно извлекается из текста. Поэзия ценна тем, что образы ее символичны, многозначны, текучи, оставляют зазор для читательского восприятия и понимания.

М. Цветаева, лучший русский поэт XX века, поэт-философ, но философ не классический, а противоречивый, подчас иррациональный. Она проявляет неиссякаемый интерес к хаотичной, сплошь сотканной из противоречий внутренней жизни личности. И сама она вся состоит из взаимоисключающих черт: сдержанность и неукротимость, непримиримость и кротость, долготерпение и вспыльчивость, общительность и стремление к одиночеству. Ее мировидение и миропонимание накладывает отпечаток на ее творчество. Так, в стихотворении "Заочность" воспевается любовь, в которой расстояние помогает любящим сохранить накал страстей и высоту их отношений, а в других стихотворениях, наоборот, она жаждет встреч и разлука для нее горька и невыносима. Часто внутри одного стихотворного цикла она кардинально меняет свои взгляды, направленность симпатии: *Богатому даю на хлеб...* Здесь идет игра со смыслом.

Поэтическая картина мира М. Цветаевой – это только одна картина. Исследование поэтических картин различных поэтов позволит свести их в единую общую поэтическую картину XX или XXI века.

Выводы.

1. В антропоцентрической парадигме у разных лингвистических областей знаний обнаруживаются сходные черты: интегративный подход к языку, максимальное внимание к триаде "язык – человек – культура", стремление к исследованию концептов и картины мира, что позволяет дать более глубокую и многоаспектную характеристику изучаемых феноменов.

2. Проблема изучения языковой картины мира тесно связана с проблемой концептуальной картины мира. Языковая картина мира эксплицирует различные картины мира человека и отображает общую (концептуальную) картину мира. Человеческая деятельность одновременно и универсальна, и национально-специфична. Эти ее свойства определяют как своеобразие языковой картины мира, так и универсальность. Наивная картина мира обыденного сознания, отображенная в языке, имеет интерпретирующий характер.

3. Между картиной мира, как отражением реального мира, и языковой картиной мира, как фиксацией этого отражения, существуют сложные отношения. Причем, роль языка состоит не только в передаче сообщения, но в семантической структуризации того, что подлежит сообщению. Возникает как бы "пространство значений" (в терминологии А.Н.Леонтьева), т.е. закрепленные в языке знания о мире и человеке, куда непременно вплетается национально-культурный опыт конкретной языковой общности. Формируется мир говорящих на данном языке, т.е. языковая картина мира как совокупность знаний о мире, запечатленных в лексике, фразеологии, грамматике, паремиологии, тексте.

4. Наивная картина мира отличается значительной прагматичностью. Прагматичность эта особого рода: знания, отображенные в языке, могут далеко отходить от научных (*солнце садится, дождь идет* и под.). Их критерием выступает не логическая непротиворечивость, а сама по себе целостность и универсальность модели, ее способность служить объясняющей (чаще квазиобъясняющей) матрицей для структурирования опыта нации.

5. Поэтическая картина мира – еще одна ипостась общей, концептуальной картины мира. В поэзии любого крупного национального поэта много и общего, наднационального, универсального, но много и национального, и, что особенно важно, индивидуально-личностного. Поэт создает виртуальную, а не реальную картину мира, которая искажает, затемняет реальность, но одновременно открывает ее в новом свете.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апресян Ю.Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // ВЯ, 1995, № 1.

2. Вежицкая А. Семантические универсалии и описание языков. – М., 1999. – 776 с.
3. Гумбольд В. О различии строения человеческих языков и его влияния на духовное развитие человечества // В. Гумбольдт. Избранные труды по языкознанию. – М., 1984.
4. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. – М.: Русский язык, 1989-1991. – Т. I, II, IV; 1982. – Т. III. – 555 с.
5. Колшанский Г.В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке. 2-е изд. – М., 1990.
6. Кондратьева О.Н. Концепты внутреннего мира человека (на примере концептов душа, сердце, ум). АКД. – Екатеринбург, 2004. – 24 с.
7. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Русская словесность. Антология / Под ред. В.П. Нерознака. – М., 1997.
8. Маковский М.М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках. Образ мира и миры образов. – М., 1996.
9. Маслова В.А. Лингвокультурология. – М., 2001.
10. Маслова В.А. Поэт и культура. Концептосфера Марины Цветаевой. – М.: "Флинта", "Наука", 2004, – 256 с.
11. Пименова М.В. Этногерменевтика наивной языковой картины внутреннего мира. – Кемерово, 1999. – 262 с.
12. Пословицы и поговорки русского народа: Из сборника В.И. Даля / Под общ. ред. Б.П. Кирдана; Вступ. слово М.А.Шолохова; Послесл. В.П. Аникина. – М.: Правда, 1987. – 656 с.
13. Почепцов Г.Г. Языковая ментальность : способы представления мира // Вопросы языкознания. – 1990. – № 6. – С. 110-122.
14. Словарь русского языка: В 4 т. / Ин-т русского языка АН СССР; гл. ред. А.П.Евгеньева. – 3-е изд., стереотипное. – М.: Русский язык, 1984-1988. – Т. I-IV.
15. Степин В.С., Толстых В.И. Поиск новых ценностей и стратегия развития / В.С. Степин (отв. Ред.), В.И. Толстых // Россия в глобализующемся мире: мировоззренческие и социокультурные аспекты. – М., Наука, 2007, – 640 с.
16. Сукаленко Н.И. Отражение обыденного сознания в образной языковой картине мира. – Киев, 1992.
17. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. – Новосибирск, 1989, С. 69
18. Хайдеггер М. Искусство и пространство // Самосознание Европейской культуры XX века. – М., 1991.
19. Холякко Е.И. Вторичные номинации, мотивированные этнокультурными представлениями о кривизне. – Гомель, 2002.
20. Яковлева Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени, восприятия). – М., 1994.

УДК 81'374

Наталья Матвеева
(Николаев)

"КОНЦЕПТОГРАФИЧЕСКИЕ"/" ГЛОССОГРАФИЧЕСКИЕ" СЛОВАРИ В СИСТЕМЕ ТРАДИЦИОННОЙ И УЧЕБНОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ

У статті проаналізовано теоретичні питання створення тлумачних словників, у тому числі навчальних, а також енциклопедичних словників. Запропоновано принципи укладання "концептографічних" та "глосографічних" словників.

Ключові слова: концепт, концептографія, глосографія, тлумачні, енциклопедичні словники.

In the article the theoretical issues concerning the formation of explanatory dictionaries, including educational ones, and also encyclopedic dictionaries are analyzed. The principles of compilation of "conceptographic" and "glossographic" dictionaries are proposed.

Key words: *concept, conceptography, glossography, explanatory dictionaries, encyclopedic dictionaries.*

С каждым годом совершенствуется оптимальная стратегия в области лексикографии, выражающаяся, прежде всего, в разработке типологии словарей. Разрабатывался преимущественно тип толкового словаря, основная задача которого – разъяснение значений и отчасти употреблений слов посредством различных объяснений, перифраз, синонимов и т.п.

В последние десятилетия широкое развитие получила *учебная лексикография* – "специализированная область лексикографии, содержанием которой являются теоретические и практические аспекты педагогически ориентированного описания языковых единиц в словарях и других произведениях словарного типа" [12, с. 8].

Язык как объект научного рассмотрения описывается обычно без учета и с учетом факта его присущности говорящему человеку. Первый подход называют *лингвоцентрическим*, второй – *антропоцентрическим*. Фундаментальное свойство учебной лексикографии – ее антропоцентрический характер, т.е. осознанная направленность на удовлетворение вполне определенных потребностей, возникающих у вполне определенных пользователей.

Наряду с толковыми (филологическими) как академическими, так и учебными, в лексикографии существуют и энциклопедические словари.

Филологический и энциклопедический типы словарей впервые в русской лексикографии определенно противопоставлены в предисловии к Толковому словарю русского языка под ред. Д. Н. Ушакова: "Как и все предыдущие словари русского языка, новый Толковый словарь не есть энциклопедический словарь языка, т.е. он не должен давать и не дает (разрядка наша – Н.М.) ни анализа, ни даже полного описания предметов и явлений; он "толкует" значение слова или различные его значения, если их несколько, и указывает случаи употребления слов" [15, с. 5]. В. Г. Ветвицкий, говоря о готовившемся в то время *Школьном толковом словаре* (под ред. А. И. Бабкина), подчеркнул: "...в этом словаре, естественно (разрядка наша – Н. М.), не должно быть полного описания предметов и явлений, называемых словом, как и во всяком филологическом слове" [3, с. 96].

Однако практический анализ данной альтернативы во многих работах лингвистов позволяет посмотреть на нее настороженно и даже критически. И не только потому, что едва ли не в любой филологический словарь проникают энциклопедические толкования. Почему, в частности, в том же *Толковом словаре* для школьников нужно непременно разграничивать и противопоставлять два типа толкования и объема информации? Ведь практические воспитательно-образовательные задачи приобщения к духовному богатству народа требуют иного: глубокого ознакомления учащейся молодежи с общей историей, историей отечественной культуры, а добиться этого только на уровне филологических толкований (без энциклопедической информации) вряд ли в полной мере возможно.

Отбор словника в энциклопедиях основывается на том, что повседневные слова данного языка уже известны читателю. Ее задача поэтому сводится к толкованию специальных слов (терминов, имен, названий и т.д.). Толковый словарь, напротив, разъясняет, прежде всего, "повседневные" слова. И все же точки соприкосновения между двумя типами словарей существуют: оба они имеют дело с взаимодействием слов и вещей, слов и понятий, хотя подходят к подобному взаимодействию с разных позиций и с разными целями, не во всем совпадающими.

В 60–80 гг. XX столетия у многих лингвистов возникло убеждение, согласно которому в лексикографии и лексикологии должны изучаться слова, а не понятия, выражаемые с помощью слов, и была высказана необходимость изучать язык как определенную замкнутую систему. Р. А. Будагов справедливо считает, что причина такого непримиримого противопоставления двух типов словарей и толкований строится в абсолютизации в лингвистике XX века идеи Ф. де Соссюра об изучении языка "в самом себе и

для себя" [1, с. 20]. Очевидно, под влиянием именно сосюрговской теории обычно большее внимание обращается на филологические достоинства и недостатки словарей, и не всегда учитывается их вклад в культуру того или иного народа (не исследуются словари как источник самых разных знаний). Вместе с тем действительность свидетельствует о том, что за последние 50 лет во всем мире резко возрос интерес к самым различным проблемам социологии языка.

До недавнего времени в языкознании было распространено мнение, согласно которому энциклопедические толкования понятий и предметов отличаются от филологических объяснений значений слов, как правило, только своей широтой. Согласно этой точке зрения, энциклопедические и филологические описания отличаются в основном с помощью количественных характеристик языков. Наблюдения А. И. Киселевского показали, что такого критерия недостаточно: и энциклопедические статьи бывают предельно лаконичными и экономными с точки зрения языковых средств. Исследователь решает не только вопрос, что отличает эти словари, но и что их объединяет. На основании анализа ученый доказал, что хотя интерпретация семантики слова отличается в обоих видах словарей, и для энциклопедического толкования, и для филологического объяснения характерна определенная композиционная целостность. Так, филологическое толкование слова, как правило, базируется на основном, достаточном для идентификации понятия минимуме релевантных признаков. Для стола, например, его назначение (*обеденный, письменный, кухонный; стол заказов; справоч; диетический* и т.д.) важнее размера и тем более формы, и та, в свою очередь, все же нужнее материала, из которого изготовлен стол и т.д. [4, с. 26].

Структура энциклопедического описания также стандартна, и она складывается преимущественно из двух частей: начальная часть статьи (семантическое описание) и последующая часть (предметное описание). Начальная конструкция описания энциклопедической статьи (семантическое описание) в значительной степени напоминает весь принцип логического построения описания значения слова в толковом (филологическом) словаре [5, с. 11]. Если семантическую часть языка описания энциклопедической статьи можно в известном смысле сблизить с языком описания толкового словаря, то вторая структурная часть языка описания энциклопедической статьи (предметное описание) не имеет соответствий в языке толкового словаря. В энциклопедических статьях вслед за семантическим описанием следует предметное описание всех сопутствующих деталей понятия. Предметное описание энциклопедий не связано с характеристикой слова, и в некоторых случаях предметная часть описания ограничивается от семантического описания определенным знаком.

По определению А. И. Киселевского, "языком-объектом можно считать всякое первичное высказывание о предметной сфере, а метаязыком – итоговое описание, строящееся на базе некоторого первичного описания" [5, с. 11]. Иначе говоря, филологические дефиниции представляют номинативную функцию языковой единицы, а энциклопедические описания, представляя экстралингвистическую информацию, хранимую словом, фразеологизмом или афоризмом, раскрывают их кумулятивную функцию.

Таким образом, овладевая строевыми единицами языка, обучаемый одновременно получает естественную возможность усвоить тот или иной объем сведений по истории, культуре, географии, экономике, образу жизни изучаемой страны. Объем информации в зависимости от конкретной заголовочной единицы может быть различным.

Аргументы в пользу совмещения обоих типов словарей в одном в науке накоплены, и обусловлены они реальностями жизни: связью значения слова с понятием, лексики языка – с "миром вещей" (отсюда известное направление школы "слов и вещей" Г. Шухардта, немецкая диалектография Г. Венкера-Ф. Вредэ, французское направление, идущее от Жильерона – "география слов" (Wortgeographie), стремление восточнославянской филологии решать на материале языка и его диалектов проблемы истории материальной и духовной культуры восточных славян (И. И. Срезневский, Ф. И. Буслаев, А. А. Потебня, Я. К. Грот, А. И. Соболевский, А. А. Шахматов, Е. Ф. Карский, В. В. Виноградов, Б. А. Ларин и др.). В

XIX – нач. XX века диалектология у европейцев входила в состав этнографической науки [см. 16, с. 70]. "Развиваясь, язык вечно стремится к полному общему и частному соответствию мира слов миру понятий" [6, с. 1]. "Словарь должен быть хранителем, истолкователем всех фактов образованности народа, насколько она выражается звуками его языка, и потому полнота объяснений слов тем более в нем необходима, чем теснее связана она с особенностями жизни народа" [13, с. 12].

С появлением нового лингвистического направления – *когнитивной лингвистики* – современное языкознание сделало значительный шаг от системно-структурного анализа языка к его анализу в связи с ментальной деятельностью человека. Этот факт не мог не отразиться на теории и практике лексикографии. Так, опора на понятие о фреймах перспективна при создании "антропонимических" словарей, ориентирующихся на реальное восприятие и функционирование лексики в сознании человека. В связи с этим целесообразно ориентироваться на такой аспект фрейма, как ассоциативно-ситуативное поле, характеризующееся выраженным национально-историческим своеобразием. Фрейм можно интерпретировать как способ представления типовых знаний определенного, в частности национально-культурного, социума о стереотипных ситуациях. Целью концептуального анализа в когнитивной лингвистике "является раскрытие максимально всех знаний (представлений, образов, гештальтов), характерных для той или иной культуры, то есть это метод оформления того, что знает интуиция о том, что существует в коллективном неосознанном и передается языком, пребывающем в действии, то есть в речи" [17, с. 286].

Концепт как сложное структурированное целое нуждается в формировании соответствующей модели, которая отображала бы все его свойства.

Такой моделью концепта, по нашему мнению, может стать собственно *метод концептуального анализа*. В широком научном значении этот метод состоит в расчленении мысли на ее конечные (на определенном этапе) логические элементы. В языкознании разработкой метода концептуального анализа занимался французский лингвист Э. Бэнвенист. Так, в книге *Общая лингвистика* он подчеркивал, что "наука о языке должна выбрать для себя образец для подражания" среди "наук математических или индуктивных". Исследователь предлагает новый метод, где, "принимая за отправную точку естественное языковое выражение, лингвисты путем анализа проводят точное членение каждого выражения на его составные элементы, потом с помощью дальнейших последовательных операций, деление каждого элемента на более простые единицы. Цель этого метода состоит в выделении различительных единиц языка..." [2, с. 37–38]. Таким образом, метод концептуального анализа базируется на изучении языка, который является не только способом общения, познания и отражения объективного мира, но и способом его интерпретации.

Целью этого метода является анализ понятия, стоящего за языковым знаком. С помощью концептуального анализа объединяется языковая и культурная семантика слова, которая размежевывается прикладной лингвистикой в связи с разделением на языковую и концептуальную картины мира. В процессе этого анализа раскрывается не только *поверхностное* (филологическое), но и *глубинное* (культурное), связанное с ментальной деятельностью индивида содержание понятия. Эту мысль можно представить и несколько иначе. Так, по мнению Й. А. Стернина, "Любой концепт, независимо от типа, имеет базовый слой... – чувственный образ, кодирующий умственную единицу в универсальном предметном коде, плюс некоторые дополнительные концептуальные признаки. Когнитивные прослойки, отображающие развитие концепта, его принадлежность к другим концептам, дополняют базовую когнитивную прослойку" [14, с. 58–61]. Исследователь считает, что базовый слой концепта – это его ядро, а периферию составляют различного рода интерпретационные прослойки.

Перенося эту информацию в лексикографию, отметим, что ядром концепта, его базовым слоем, кодирующим главную информацию о предмете в сознании, является филологическое значение слова, а периферию составляет энциклопедическая информация о предмете. Такого рода информация, как правило, и представляется в различных

произведениях словарного типа: филологических и энциклопедических. Действительно, в основе лексического значения слова всегда лежит главный признак предмета, выделяемый коллективным опытом какого-либо социума. Например, филологическое значение слова РЫБА выглядит так: *"Живущее в воде и дышащее жабрами позвоночное животное с конечностями в виде плавников, с холодной кровью и с кожей, покрытой чешуей"*. Вместе с тем у этого существа есть много других признаков, которые отмечаются в словарях энциклопедических. В некоторых ситуациях именно эти дополнительные признаки рыбы являются более значительными, чем основной, и могут быть для человека очень важными. Это та информация, которую человек накопил о данном объекте за долгую историю контактов с ним.

Учитывая достижения предшествующих исследователей (Е. А. Селивановой, Л. О. Чернейко, И. А. Стернина, О. В. Пашиной, О. Ю. Лукашковой, Ю. С. Степанова, А. В. Рудаковой и нек. др.), последовательность этапов проведения метода концептуального анализа (который, как уже отмечалось, является абстрактной моделью структуры самого концепта, отражающей потенциально все его свойства) можно очертить следующим образом:

Во-первых, выявление концепта (концептов), имеющего культурологическое значение для изучения концептосферы народа и определение ее национальных особенностей.

Во-вторых, анализ внутреннего строения концепта, который проводится в такой последовательности: 1) этимологический анализ слова, представляющего концепт; 2) определение основных значений вербального выражения концепта, то есть анализ языковой семантики ключевого слова (имени концепта); 3) выделение основных, актуальных и пассивных признаков концепта и соответственно анализ языковой семантики лексем, представляющих признаки концепта в языке; 4) анализ синонимических единиц, представляющих концепт или (в зависимости от названия концепта) описание производных единиц, обозначающих лиц, качества, действия, состояния и т.д.

В-третьих, анализ репрезентации концепта (его имени или содержания) в выбранных контекстах (контекстуальный анализ): во фразеологизмах, поговорках, афоризмах, периодике, индивидуально-авторских номинациях и контекстах и т.д., что предполагает следующие приемы: 1) анализ прямого и скрытого содержания, а также переносного значения слова, которое представляет концепт; 2) выявление всех возможных значений и способов употребления имени концепта; 3) определение частотности функционирования концепта; 4) компонентный анализ; 5) композиционный анализ; 6) анализ лексической сочетаемости; 7) исследование парадигматических и синтагматических отношений.

Естественно, что в зависимости от самого концепта все приемы концептуального анализа могут использоваться либо выборочно, либо пополняться новыми этапами. Достоверность полученных результатов целесообразно подтвердить социолингвистическим экспериментом.

Важность изучения культурных концептов состоит в том, что они выполняют функцию посредников между человеком и окружающей действительностью, поэтому концептуальный анализ, направленный на системное исследование и описание знаний о мире, является основным способом изучения языковой картины мира.

Поскольку язык – один из способов формирования концептов в сознании человека, считаем возможным лексикографировать концепты в специальных словарях. Представляется, что наряду с филологическими и энциклопедическими, – имеют полное право на жизнь словари, в которых органично синтезируются признаки одних и других *как сознательная лексикографическая установка*. Сейчас это особенно актуально: обществом осознана необходимость глубокого непредвзятого постижения отечественной истории и богатейшей мировой культуры нашего многовекового прошлого. Долг лексикографа – послужить этому процессу.

В лексикографии созрели предпосылки для выделения особой области – концептографии, которую понимаем как комплексное толкование лексических единиц, входящих в состав концептонимии. Представленность в словарях комплексной

интерпретации слова в его связи с понятием, которое это слово обозначает, (то есть, филологическое значение слова плюс энциклопедическая информация) должно быть главным принципом словарей "концептографического" типа.

При этом следует признать, что и категория лексико-семантической трудности (ЛСТ) и собственно "глоссема", находясь в пределах когнитивной семантики, в широком смысле являются *концептами* [10; 11].

Практика реально существующих многочисленных и разнообразных глоссариев показывает, что реально существует и особая отрасль учебной лексикографии, обслуживающая потребности создания словарей лексико-семантических трудностей письменных текстов, которую можно назвать "глоссографией". Под *глоссографией* понимаем теорию и практику создания особого жанра учебных словарей антропоцентрического типа, состоящих из потенциально "трудных" в семантическом отношении слов и выражений, встречающихся в различного рода письменных текстах, а внутри данного жанра – типы глоссографических словарей соответствующего функционального стиля. Каждый из названных типов может представлять словарную серию как совокупность одинаковых по жанру и характеру лексикографирования словарей, различающихся либо массивом вовлеченных в описание единиц, либо адресатом.

Считаем необходимым терминологически разграничивать в глоссографии *глоссема* (самое слово или выражение, представляющее семантическую "трудность" в тексте), т. е. левую часть словарной статьи, и *глоссограмму* – комплексную интерпретацию "трудных" слов и выражений, т. е. правую часть словарной статьи.

"Глоссографические" словари, включая в себя "малоизвестную" и "неизвестную" лексику, тем самым отличаются как от энциклопедического (в котором отражается и "известная" лексика), так и от филологического словаря (в котором "известная" лексика представлена шире, чем два других ее типа). См, например, словари [7; 8; 9]

Для дальнейшей разработки теоретических основ "концептографии"/"глоссографии" целесообразно изучить мировую лексикографию с целью выявления словарей, имеющих "концептографические"/"глоссографические" черты со специфическими принципами их структурирования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Будагов Р. А. Толковые словари в национальной культуре народов. – М.: МГУ, 1989. – 151 с.
2. Бэнвенист Э. Общая лингвистика / Эмиль Бэнвенист ; [общ. ред., вступ. ст. и коммент. Ю. С. Степанова]. – [2-е изд., стереотип.]. – М. : Едиториал УРСС, 2002. – 448 с.
3. Ветвицкий В. Г. О работе над составлением "Школьного толкового словаря" // РЯШ. – 1963. – № 3. – С. 96-100.
4. Девкин В. Д. Структура лексического значения // Лексика и лексикография. Сб. научных трудов. – М.: Ин-т языкознания РАН, 1992. – С. 21-35.
5. Киселевский А. И. Языки и метаязыки энциклопедий и толковых словарей. – Минск: Изд-во БГУ, 1977. – 173 с.
6. Крушевский Н.В. Очерк науки о языке. – Казань. 1883.
7. Макаров В. И., Матвеева Н. П. Словарь лексических трудностей художественной литературы. – К.: Радянська школа, 1989. – 367 с.
8. Макаров В. И., Матвеева Н. П. От Ромула до наших дней... Словарь лексических трудностей художественной литературы. – М.: "Былина", 1993. – 368 с.
9. Макаров В. И., Матвеева Н. П. Русская художественная литература: Лексические трудности. – М.: Современник, 1998. – 303 с. – (Словари школьника).
10. Матвеева Н. П. Лексико-семантические трудности письменного текста и их лексикографическая интерпретация : дис. ... доктора филол. наук : 10.02.15 / Наталия Петровна Матвеева. – К., 1997. – 400 с.
11. Матвеева Н. Глоссонимия русского и украинского языков и ее лексикографическая интерпретация (на материале облигаторных художественных текстов) / Nataliya Matveyeva. – Poznań : Wydawnictwo Naukowe UAM, 2009. – 254 с.

12. Морковкин В. В. Основы теории учебной лексикографии. – М.: изд-во ин-та рус. яз. им. А.С. Пушкина. 1990. – 72 с.
13. Срезневский И. И. Записка о словаре малорусского наречия, составленном А. Афанасьевым // Изв. АН, отд. рус. яз. и словесн. Т. 3, вып. 5. – 1854. – С. 199-204.
14. Стернин И.А. Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Сб. научных трудов. – Воронеж, 2001. – С. 58–61.
15. Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. Н. Ушакова: В 4-х тт. – М.: Гос. изд. иностр. и нац. словарей. 1934-1940.
16. Толстой Н. И., Толстая С. М. Д. К. Зеленин – диалектолог // Проблемы славянской этнографии. – Л.: Наука, 1979. – С. 68-74.
17. Чернейко Л. О. Лингво-философский анализ абстрактного имени. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1997. – 320 с.

УДК 801.161.1'367

Игорь Меньшиков
(Днепропетровск)

СОГЛАСОВАНИЕ И УПРАВЛЕНИЕ КАК РАЗНОВИДНОСТИ СИНТАКСИЧЕСКОЙ СВЯЗИ

У статті узгодження як один із типів підрядного синтаксичного зв'язку протиставляється уподібненню як засобу реалізації та маркування неієрархічних відношень між компонентами мовленнєвих ланцюгів. Описана сфера функціонування уподібнення у різних синтаксичних конструкціях.

Ключові слова: підрядний зв'язок, узгодження, позасистемні синтаксичні зв'язки, уподібнення, синтаксичне й семантичне уподібнення.

In suggested article the agreement, as one of the types of subordinate syntactic connection is given as the opposite one to assimilation as mean of realization and marking of not hierarchical relations between components of speech clusters. The sphere of functioning of assimilation in different syntactic constructions is described.

Key words: subordinate connection, agreement, extrasystem syntactic connection, assimilation, syntactic and semantic assimilation.

В целом ряде справочных лексикографических изданий, касающихся лингвистической терминологии, такие понятия, как согласование и уподобление, не всегда чётко противопоставлены друг другу, а слова, обозначающие эти понятия, в особенности второе из них, до сих пор не соотносятся со сколько-нибудь полной номенклатурой соответствующих синтаксических фигур. Более того, некоторые лингвисты вообще считают возможным квалифицировать согласование и уподобление (с теми или иными детерминантами этих терминов) в качестве синонимов. Так, в самом, пожалуй, популярном Словаре лингвистических терминов О. С. Ахмановой читаем:

Уподобление грамматическое. *То же, что согласование.* И ниже:

Уподобление синтаксическое. *То же, что согласование неполное* [1, с. 486]. Сам же термин *согласование* вводится в словарь с уточнением в скобках: *грамматическое уподобление* [1, с. 437].

А. М. Ломов термину *согласование* с некоторыми, правда, оговорками ставит в соответствие ещё и такую дефиницию: *уподобление сказуемого подлежащему в двусоставных предложениях по общим грамматическим значениям* [5, с. 349].

Первая из приведенных словарных статей словаря О. С. Ахмановой просто дублируется и в Базовом словаре лингвистических терминов [12, с. 149]. Однако большинство лингвистов связывают рассматриваемые нами понятия с принципиально разными лингвистическими явлениями, о чём, в частности, прямо пишет И. С. Попова,

квалифицируя в самом общем виде согласование как совершенно конкретный тип подчинительной синтаксической связи, а уподобление – как способ реализации разных типов синтаксических связей, как системных, в том числе и связи сочинительной, так и внесистемных [8, с. 234].

Что касается согласования как одного из видов подчинительной связи, то особых проблем при лексикографическом во всяком случае дефинировании соответствующего термина не возникает. Можно, правда, говорить о каких-то частностях относительно, скажем, того, что именно происходит при согласовании: **уподобляется** ли зависимый компонент главному по некоторым общим для них грамматическим значениям [5, с. 348], **ставится** ли зависимое слово в той же форме, что и главное [11, с. 600], **предопределяются** ли формы рода, числа и падежа подчиняющегося имени формами рода, числа и падежа подчиняющего имени [2, с. 488], **требует** ли главное слово постановки зависимого слова в тех же (всех или некоторых) грамматических формах, в которых выступает главное [10, с. 319], **обуславливается** ли выбор грамматической формы зависимого слова грамматическими формами опорного [13, с. 644] и т. д. Можно принимать или не принимать как нечто абсолютное три декларированных Н. Ю. Шведовой варианта сочетаемости тех грамматических категорий, в рамках которых при согласовании осуществляется уподобление формы зависимого слова форме главного, а именно: 1) в роде, числе и падеже, 2) в числе и падеже, 3) только в падеже [9, с. 20]. Можно, наконец, поставить под сомнение и степень адекватности отдельных утверждений, касающихся каких-то особых случаев согласования или, скажем, различного рода колебаний в этой области. Однако вне дискуссий остаётся толкование сути согласования именно как подчинительной связи, при которой осуществляется уподобление формы зависимого слова форме главного в тех или иных общих для этих слов грамматических категориях.

С уподоблением как одним из способов реализации разных типов синтаксической связи и средств её формальной маркировки дело обстоит несколько сложнее, и не столько потому, что уподобление словоформ имеет место при самых разных, в том числе и при неиерархических семантико-грамматических отношениях между компонентами речевой цепи, сколько потому, что проявлять себя такого рода неиерархические отношения в русском языке могут самым различным способом и между компонентами самых разных синтаксических конструкций.

О двух грамматических явлениях, связанных с уподоблением формы одного слова форме другого, но по существу не представляющих собой согласования как одного из видов подчинительной связи: о "согласовании" подлежащего со сказуемым и о "согласовании" приложения с определяемым им существительным, – говорится довольно часто, в том числе и в справочно-лексикографических изданиях. Что касается синтаксической связи между подлежащим и сказуемым, то можно встретить и уже знакомую нам по А. М. Ломову прямую декларацию типа *согласование служит для связи подлежащего и сказуемого* [3, с. 200], и менее категоричные суждения, не идентифицирующие согласование и уподобление в предикативной основе двусоставного предложения, а лишь указывающие, что **иногда** как согласование квалифицируется формальное уподобление главных членов двусоставного предложения [4, с. 479] или что **нередко** согласование соотносится с отношениями между подлежащим и сказуемым [13, с. 644]. Есть, как известно, для такого рода синтаксической связи и специальный термин – **координация** [6, с. 163; 11, с. 265; 13, с. 253], снимающий в данном случае различного рода оговорки относительно и согласования, и уподобления.

Разная степень категоричности у лингвистов и при квалификации в качестве согласования синтаксической связи в конструкциях с приложением, компоненты которых уподобляют друг другу свои грамматические формы. Как правило, в таких конструкциях тоже усматривается какой-то особый вид согласования [2, с. 488; 9, с. 57–58] и даже предлагаются свои термины – *взаимосогласование* [10, с. 320] и *корреляция* [7, с. 10; 8, с. 248], обращение к которым не предполагает обязательной односторонней синтаксической иерархии, тем более что и уподобления форм лексических компонентов в аппозитивных

конструкциях, таких, например, конструкциях, как *в городе Старые Дороги*, а тем более в наименованиях типа *Море Лаптевых* или *Берег Слоновой Кости*, вообще может не быть ни в роде, ни в числе, ни в падеже.

В плане выражения синтаксическое согласование и синтаксическое уподобление имеют много общего и могут быть противопоставлены, конечно же, не только в предикативной основе предложения или в конструкциях с приложением. В различного рода изданиях есть немало суждений о неиерархическом уподоблении форм слов и в целом ряде других синтаксических фигурах. Так, И. Р. Выхованец обращает внимание на синтаксическую связанность определённого класса обращений, занимающих позицию подлежащего, со сказуемыми в предложениях типа *Хлопец, спой* и *Хлопцы, спойте* [13, с. 185], и выражается эта связанность уподоблением форм соответствующих слов. Уподобление, по О. С. Ахмановой, является одним из дифференциальных признаков вставного предложения (*Этот человек – он оказался старым другом моего отца – приехал поздно ночью*), отличающих его от предложения вводного, не связанного грамматически ни с одним членом основного предложения (*Вечор, ты помнишь, вьюга злилась*) [1, с. 72, 89]. Никакого подчинения при этом, естественно, нет.

Аналогичная ситуация и в сложном синтаксическом целом, когда в каком-то последующем предложении могут находиться слова, уподобляющие свои формы формам определённых слов из предыдущих предложений, особенно в сверхфразовых единствах смешанного строя и при цепной местоимённой связи (... *Золушка смотрела, улыбаясь, на пол. Около её босых ног стояли хрустальные тупельки. Они вздрагивали, сталкиваясь друг с другом...*) [5, с. 330].

Очень убедительную, на наш взгляд, модель возможности и даже необходимости уподобления формы одного слова форме другого при сочинительной связи, т.е. без наличия между этими словами согласования как одного из видов подчинительных отношения, показывает И. С. Попова [8, с. 234]. По этой модели построено такое, например, предложение, как *Принеси мне стакан, маме чашку и блюдо, а бабушке её любимую кружку*, которое может быть правильно понято только при фактическом уподоблении его однородных членов, как минимум, в их падежных формах. О согласовании как подчинительной связи говорить при этом не следует, поскольку такой связи между словоформами *мне, маме, бабушке*, с одной стороны, и словоформами *стакан, чашку и блюдо, кружку*, с другой стороны, просто нет. Однородные члены предложения связаны сочинительными отношениями.

Вполне определённо противопоставлены согласование и уподобление как явления различных планов во многих конструкциях с нестандартными синтаксическими (внесистемными) синтаксическими связями, например при расчленении, когда некоторый компонент высказывания подчиняется какому-то одному слову предложения, а уподобляет свою форму другому [7, с. 16–18], как это имеет место, например, в следующих предложениях:

Мой друг выглядит уставшим. / Моя подруга выглядит уставшей.

Я бы не назвал его умным. / Я бы не назвал её умной. / Я бы не назвал их умными.

Дом, в котором мы жили совсем развалился. / Хата, в которой мы жили, совсем развалилась.

Подчиняются выделенные слова глаголам *выглядит, назвал* и *жили*, а свою форму рода, а в некоторых случаях и числа уподобляют соответственно существительным *друг* и *подруга*, местоимениям *его, её* и *их*, существительным *дом* и *хата*.

Такой же по своей сути, что и в третьем из только что приведенных примеров, характер синтаксических отношений довольно часто реализуется в сложных местоимённо-соотносительных предложениях с тандемными скрепами типа *тот, который; та, которая; то, которое; те, которые*.

Возможна в русском языке и такая ситуация, при которой форма слова, расположенного на каком-то одном иерархическом уровне, может уподобиться форме такого

слова, которое находится уровнем или даже несколькими уровнями ниже. Например: *Один из наших студентов стал призёром Олимпийских игр* и *Одна из наших студенток стала призёром Олимпийских игр*. Слова *один* и *одна* синтаксически доминируют над словами *студент* и *студентка*, но не определяют их формы, как это должно было бы быть при согласовании как подчинительной связи, а наоборот – уподобляются им в роде и числе. Здесь можно, по-видимому, говорить о реализации обратной иерархии.

Уподобление как некая обусловленность формы слова теми или иными факторами, в том числе и конкретной коммуникативной ситуацией, может даже выходить за рамки собственно синтаксических отношений. Так, например, наличие в некотором предложении наречия с указанием на время действия (*сегодня, вчера, завтра* и т. п.), а также каких-либо иных жёстких маркеров реального времени (*в прошлом году, на будущей неделе* и т. п.) определяет не только темпоральную логику соответствующего высказывания, но и степень полноты его парадигмы. Возможно, разумеется, что-нибудь вроде *Сегодня мы идем в театр; Сегодня мы пойдём в театр; Сегодня мы ходили в театр* и даже *Идём мы вчера в театр и вдруг видим такую картину...* Однако есть и своего рода табу: *Вчера мы пойдём в театр; Ходили мы завтра в театр; Ездили мы в будущем году на Кавказ* и т. п. Грамматическая форма времени сказуемого в последних трёх примерах должна соответствовать лексическому значению сопутствующего этому сказуемому обстоятельства. И такое соответствие следует, очевидно, квалифицировать только как уподобление, причём уподобление особого рода: с обратной иерархией и отсутствием общей категориальной базы, обуславливающей выбор той или иной грамматической формы.

И в заключение ещё одна коммуникативная ситуация. В таком сверхфразовом единстве, как, например, *Осенью мы жили в деревне, далеко от города. Хорошо помню вереницу домов по обеим сторонам небольшой речушки и уток на ней, то ли домашних, то ли диких*, нет никаких лексических средств связи входящих в него предложений и ничто ни с чем не согласуется. Но формально эти предложения, коль скоро они представляют собой сложное синтаксическое целое, всё же связаны, и связаны они только уподоблением формы слова *помню* форме слова *мы*, причём уподоблением лишь по одному общему для этих слов категориальному параметру – первому лицу местоимения *мы* и глагола *помню*. И это опять же не согласование, а именно уподобление.

Таким образом, согласование и уподобление – это не только грамматические явления двух разных планов: характера синтаксической связи и способа её маркировки, – но и синтаксические конструкты со своей функциональной спецификой. И если согласование конкретизирует только какой-то один комплекс подчинительных связей слов, то уподобление сводит в единую коммуникативно значимую и функционально детерминируемую систему самые разные семантико-грамматические отношения между компонентами тоже самых разных речевых цепей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – М.: Сов. энцикл., 1966. – 608 с.
2. Грамматика современного русского литературного языка / Под ред. Н. Ю. Шведовой. – М.: Наука, 1970. – 768 с.
3. Кротевич Є. В. Словник лінгвістичних термінів / Є. В. Кротевич, Н.С.Родзевич. – К.: Вид-во АН УРСР, 1957. – 236 с.
4. Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В. Н. Ярцевой. – М.: Сов. энцикл., 1990. – 688 с.
5. Ломов А. М. Словарь-справочник по синтаксису современного русского языка / А. М. Ломов. – М.: Восток-Запад, 2007. – 416 с.
6. Матвеева Т. В. Полный словарь лингвистических терминов / Т. В. Матвеева. – Ростов н/Д: Феникс, 2010. – 562 с.
7. Меньшиков И. И. Нестандартные синтаксические связи в современном русском языке / И. И. Меньшиков, И. И. Турута. – Д.: ДГУ, 1997. – 36 с.

8. Попова І. С. Фундаментальні категорії метамови українського синтаксису (одиниця, зв'язок, модель) / І. С. Попова. – Д.: Вид-во ДНУ, 2006. – 432 с.
9. Русская грамматика: в 2 т. – М.: Наука. – Т.2: Синтаксис. – 710 с.
10. Русский язык. Энциклопедия / под ред. Ф. П. Филина. – М.: Сов. энцикл., 1979. – 432 с.
11. Стариченок В. Д. Большой лингвистический словарь / В. Д. Стариченок. – Ростов н/Д: Феникс, 2008. – 811 с.
12. Столярова Л. П. Базовый словарь лингвистических терминов / Л. П. Столярова, Т. С. Пристайко, Л. П. Попко. – К.: Изд-во Гос. академии руководящих кадров культуры и искусств, 2003. – 192 с.
13. Українська мова. Енциклопедія / за ред. В. М. Русанівського, О. О. Тараненка. – К.: Укр. енцикл., 2000. – 752 с.

УДК 81.42

Марина Вас. Пименова
(Владимир, Россия)

УСТОЙЧИВЫЕ ЕДИНИЦЫ ДРЕВНЕРУССКОГО ТЕКСТА: СЕМАНТИКА И СТРУКТУРА

Стаття присвячена класифікації стійких формул-синтагм (сінкрет), що представляють собою мінімальні одиниці давньоруського тексту.

Ключові слова: сінкретизм, формули-синтагми (сінкретем), метонімія, давньоруський текст.

The article focuses on the classification of stable formulas-syntagmas (sinkretem), representing minimum unit of ancient text.

Key words: syncretism, formula-syntagma (sinkretemy), metonymy, Old Russian text.

Необходимо отметить, что лингвисты уже с середины XIX в. обращают внимание на относительно устойчивые лексические единицы древнего текста, использующиеся при описании сходных ситуаций-ритуалов. Б.А. Ларин в работе 1956 г. "Очерки по фразеологии", намечающей системный диахронический подход к изучению устойчивых сочетаний, указывает, что "...в практике словарного дела уже давно (в России более трех столетий тому назад) приводятся и поясняются словосочетания с особым значением, не сводящимся к обычному значению его компонентов" [9, с. 129]. Однако если на синхронном уровне устойчивые сочетания (фразеологические единицы) изучены последовательно и основательно, имеются фундаментальные синхронные и ретроспективные историко-этимологические словари, то перспективная линия изучения (от древнейшего состояния к современному) фактически не представлена: историки языка прослеживают развитие лишь отдельных устойчивых сочетаний древнего текста (и в лучшем случае до XVII в.), в современных продолжающихся толково-переводных исторических словарях (как и в историческом словаре И.И. Срезневского) подобные сочетания приводятся спорадически, не системно. Недостаточная разработанность перспективной линии изучения устойчивых сочетаний объясняется прежде всего тем, что, как отмечает В.М. Мокиенко, "ни в одном разделе языкознания, вероятно, синхрония не отграничивается от диахронии столь последовательно и непримиримо, как во фразеологии" [14, с. 21].

При изучении устойчивых сочетаний в средневековых текстах многие исследователи проводят параллели с современным фразеологическим составом языка, используя для их наименования термины *фразеологизм, фразеологическая единица, фразеологический оборот, фразема* и предлагая классификации, в основу которых чаще всего положен современный критерий степени семантической спаянности, или аналитичности, компонентов

(Н.Л. Антадзе, В.Л. Архангельский, В.В. Виноградов, М.М. Копыленко, Б.А. Ларин, В.М. Мокиенко, Г.А. Селиванов, Н.И. Толстой, С.Г. Шулежкова и др.) [2; 5; 9; 14; 20; 24].

С другой стороны, ряд ученых употребляет самые различные терминологические определения для данных единиц, чем имплицитно указывает на их отличие от современных фразеологизмов, хотя среди критериев выделения указываются в большинстве случаев традиционные "фразеологические" дифференциальные признаки, отличающие фразеологизм, с одной стороны, от слова (раздельнооформленность), с другой стороны, – от свободного словосочетания и сочетания слов (нерасчлененность значения или идиоматичность, то есть невыводимость цельного значений из значений составляющих данную единицу компонентов; устойчивость, воспроизводимость, постоянство лексико-грамматического состава, единство синтаксических функций и под.)

Приведем примеры предложенных в разные годы терминов: *неизменные/заученные выражения* (В.О. Ключевский), *украшающие эпитеты* (Ф.И. Буслаев), *"неотлучные" эпитеты* (Е.В. Барсов), *формулы* (А.С. Орлов), *шаблонные сочетания* (А.М. Пешковский), *стойкие литературные формулы* (В.П. Адрианова-Перетц), *традиционные устойчивые сочетания/литературные формулы* (О.В. Творогов), *устойчивые сочетания на метонимической основе* (Л.Я. Костючук), *выражения/словесные формулы* (Д.С. Лихачев), *устойчивые словесные комплексы – УСК* (А.Г. Ломов), *традиционные словосочетания-штампы* (Т.Н. Кандаурова), *формулы-синтагмы* (В.В. Колесов), *коллокации* (Е.М. Верещагин), *формулы-матрицы* (Ф.Н. Двинятин), *устойчивые формулы* (О.П. Лопутько), "синсемическая" комбинация слов, *фигуры (figurae)* (Р. Пиккио) и т.д. [7; 10; 11; 12; 15; 16; 17; 21].

Следует отметить, что каждый из приведенных терминов по-своему справедлив и, безусловно, имеет право на существование, однако все они в большинстве случаев используются изолированно, вне какой-либо терминологической системы.

Мы предлагаем обозначать минимальные лексические единицы древнерусского текста термином **синкретемы** (корень *синкрет-* + суффикс *-ем-*), который находится в одном ряду, во-первых, с терминами *синкрета*, *синкретизм*, *синкретсемия*, во-вторых, с терминами, указывающими на минимальные единицы различных языковых уровней – *синтаксема*, *фразема*, *лексема*, *семема*, *морфема*, *фонема* и под.

От современных фразеологизмов (фразем) синкретемы отличаются прежде всего с семантической точки зрения, поскольку *реализуют* отражающее древнюю концептуальную форму ментальности (ментализацию) *синкретичное значение, основанное на метонимии* (а не на метафоре, как большинство современных фразеологических единиц), причем особенности метонимии как переноса по смежности [7, с. 145] предопределяют следующие частные дифференциальные признаки синкретем: а) регулярность метонимии – относительную лексико-семантическую *системность* данных единиц (в отличие от метафорической нерегулярности, индивидуальности и вторичности фразеологизмов); б) построение метонимией *синтагмы* (а не парадигмы) – *синтагматический (линейный) характер* проявления всех типов отношений между знаками в древнем тексте, предопределяющий особенности структурно-семантических типов синкретем; в) разработка объема (а не содержания) понятия – особую/преимущественную связь значения с *денотатом/денотатами*, предопределяющую особенности семантики отдельных видов синкретем).

Следует отметить, что большинство устойчивых сочетаний древнего текста воспринимается рядом исследователей вне лексико-семантической системы как единичные средства "украшения" в стилистической/риторической функции (В.М. Жирмунский, А.Г. Ломов, Н.Г. Михайловская, И.П. Смирнов, М.Ф. Антонова и т.д.) [11]. Мы вслед за А.А. Потемной, А.М. Пешковским, Б.А. Успенским, В.В. Колесовым и др. считаем, что данные единицы, являясь "строительным материалом" древнего текста, употребляются не в художественной ("украшающей"), а в семантической функции, предполагающей, например, "...разложение восприятия на сходные по содержанию элементы, из коих один представлен

субстанцію, а другой ее деятельностью; это попытка объяснения явления" [19, с. 330]; "...переход действия на объект, ... предмет существует только во время самого действия: *дело* возникает во время *деланья* и прекращается вместе с ним, *песня* – во время *пения* и т.д." [16, с. 262]; выражение оценочного значения, поскольку данные единицы, "...появляясь вне зависимости от конкретной ситуации, являются признаком непосредственно оценочной (идеологической) позиции автора" [22, с. 23-24]; реализацию понятия собирательного смысла: "индивидуальное и коллективное", "частное и общее", "внутреннее и внешнее", "духовное и материальное", "суть и сущность" [7, с. 145, 166, 203-204] и под.

Синкретема состоит из форм минимум двух лексико-грамматически связанных слов, причем в данной структуре синтагматически (линейно) выражаются все типы отношений между лексическими единицами (не только синтагматические, но и парадигматические, и эпидигматические), в связи с чем мы предлагаем выделять следующие структурно-семантические типы синкретем.

1) Синкретемы **парадигматического структурно-семантического типа**, соединенные наиболее древней, по мнению А.А. Потебни, паратактической (сочинительной) связью [19, с. 216-217, 248-262]. К данному типу относятся следующие виды: а) **парные именованья** – устойчивые двухкомпонентные сочетания, представляющие собой сочинительное соединение семантически связанных лексических единиц (чаще существительных), реализующих нерасчлененное значение парности [1] (*радость и веселье, небо и земля, хлеб и соль, гуси-лебеди*); б) **двандва** – "модель сочетания формульного типа, удвоение видовых понятий, в котором образуется родовое понятие сакрального смысла" [6], это устойчивые сочетания, компоненты которых представлены антропонимами ("имя + имя": *Петръ и Павелъ, Борисъ и Глѣбъ, Петръ и Феврония*).

Значение синкретем данного структурно-семантического типа создается либо соединением однородных, рядоположенных сущностей, которые условно можно определить как синонимичные/согипонимичные (*лѣпота и красота, честь и слава, краса-баса; Флоръ и Лавръ, Борисъ и Глѣбъ*), либо соединением разнородных (противопоставленных – антонимичных) сущностей (*небо и земля, северъ и югъ, день и ночь, животъ и смерть*).

2) Представляющие собой большую часть минимальных единиц древнерусского текста синкретемы **синтагматического структурно-семантического типа**, соединенные подчинительной связью. Это, во-первых, атрибутивные сочетания ("прилагательное + существительное"): а) **словосочетания с постоянными эпитетами** (*добрый молодец, красна девица, синее море, чисто поле*); б) **словосочетания с устойчивыми книжными атрибутами** (*великий князь, святыи духъ, божьство слово*). Во-вторых, синкретичное значение синтагматического типа выражают глагольные синкретемы: а) **описательные глагольно-именные обороты (ОГИО – сътворити миръ, взяти победу, възложити чьсть)** [8]; б) **конструкции с императивом**, выражающие благопожелания / проклятия (*дажь Богъ, помози Богъ, будь здоров, иди к черту*). В-третьих, подобное значение реализуют **предикативные конструкции**: а) интенсифицирующие (*бысть сѣча зла, трусъ же бѣ страшень, бысть радость велика, бяше в градѣ горестъ смертна/печаль горкаа*) [12]; б) аксиологические / выражающие оценку (*тѣломъ бяше красень, красень бѣ взоромъ и чистъ душею, съврѣшень разумом*) [18]. В-четвертых, синтагматическое значение выражают **устойчивые сравнительные обороты** (*аки мѣлния, яко свѣтила, акы волци*) [4].

3) Синкретемы **эпидигматического структурно-семантического типа**, к которому принадлежит единственный вид – **этимологические фигуры (figura etymologica)** – объединенные общим корнем (этимомом) имена существительные и родственные им прилагательные/глагольные формы (*свет светлый, видеть видение, льститъ лестию, мыслию смыслити*) [13].

Следует отметить, что синкретемы варьируются на лексико-грамматическом уровне, вследствие чего каждый из видов может быть представлен несколькими частными структурно-семантическими моделями.

Приведем примеры моделей, по которым образованы глагольные словосочетания: а) продуктивная – глаг. + сущ. вин. п. (*взяти рать, избыть болезнь, дати мудрость, даровати прозрение, прияти вѣсть, творити врѣдъ*), б) непродуктивные – глаг. + сущ. тв. п. (*бити челом, глазами поковыати, костью пати*), глаг. + сущ. дат. п. (*сѣмьрти предати, книгам разумети*) и под.

Наибольшим разнообразием отличается структура этимологических фигур. Ср.: подл. + сказ. (*одождит дождь*), сказ. + доп. род. п. (*добытка добыша*), сказ. + доп. вин.п. (*мосты мостити*), вин.п. внутреннего объекта с переходным глаг. (*видети видение*), вин.п. внутреннего объекта с непереходным глаг. (*пословаше посольство*), тв. п. орудия (*метлой мести*), тв. п. способа (*льстяше льстию*) и др., причем модели, по которым образованы этимологические фигуры, включают в себя и модели других синкретем (постоянных эпитетов/книжных атрибутов – *свет светлый, просветивый свет*; глагольно-именных оборотов – *стрелой застрелить, повозы возить, исполчити полки, ряды рядить, воздати воздаяние*; парных именовании – *видимая и невидимая, неразумный и безумный*), что создает дополнительную системность данного структурно-семантического вида синкретем.

Как мы уже указывали, возникающая в связи с синкретичной "метонимичностью" преимущественная связь значений с денотатом/денотатами предопределяет особенности семантики отдельных видов синкретем.

Так, например, **парные именования** указывают на денотат, который возникает в результате синкретичной парности двух предполагающих друг друга предметов, явлений и т.д., например: *мать и отец* – 'родители', *день и ночь* – 'сутки', *небо и земля* – 'вселенная', *сѣмо и овамо* – 'езде', *щит и меч* – 'оружие' и др.

Словосочетания с постоянными эпитетами указывают на денотат, соответствующий представлениям о том, каким он должен быть, отвечающий норме, стандарту, идеалу (*добрый молодец, красна девица, белый свет, белый день, белые руки, буйна голова, цветное платье, синее море, черный ворон, серый волк, бела лебедь, чистое поле, ярый воск, зелено вино, стрелы калѣные, скатный жемчуг, идолице поганое* и т.д.).

Словосочетания с устойчивыми книжными атрибутами (УКА), на наш взгляд, представлены двумя основными лексико-семантическими разновидностями.

Словосочетания с УКА первой разновидности (которые с определенной долей условности можно соотнести с современными "ограничительными"/"эллизионными"/терминологическими и под. сочетаниями "прилагательное + существительное") называют денотат, обладающий признаком, выделяющим его из однородного ряда, превращающим его именно в этот денотат (объект, явление) в сопоставлении с денотатом "родовым". Ср.: ("именно этот/это"): *великия князь* ('титул верховного правителя Древней Руси') – князь, *сынъ божи* ('наименование второго лица святой троицы') – сын, *слово божие* ('священное писание') – слово, *царствие небесное* ('рай') – царствие, *правая вѣра* ('православие') – вера, *чърныя ризы* ('монашеская одежда') – ризы, *труба архангелова* ('звуковой знак, возвещающий о начале Страшного суда') – труба, *зѣлыи сѣвѣтъникъ* ('дьявол') – советник, *тъма кромѣшная* ('ад') – тьма, *воровское время* ('ночь') – время и др.

Словосочетания с УКА второй разновидности ("описательные"/ "детерминирующие" сочетания) с семантической точки зрения не отличаются от словосочетаний с постоянными эпитетами, поскольку, как и данные единицы, указывают на денотат, представляющий собой то, что должно, являющийся таким, каким он должен быть, соответствующий норме, идеалу. Отличия словосочетаний с постоянными эпитетами и данной разновидности словосочетаний с устойчивыми книжными атрибутами – экстралингвистические, состоящие в том, что словосочетания с УКА имеют в виду идеалы христиански ориентированной личности. Ср. ("именно такой / -ая / -ое / -ие"): *благовѣрный/христолюбивый князь, святая богородица, святое евангелие, святыи святители, святыи пророки, святыи епископы, святая пасха,*

святая троица, святая молитва, святые иконы, святой соборъ / храмъ, святая церковь, зловѣрный Мамай, безбожные татары и др.

Устойчивые сравнения (с союзами *ако, яко, како, что, акы*) указывают на денотат, уподобляемый другому, например: *аки агньць (свѣтила, сълньце, свѣща, звѣзда, мълнія, дъньница, луна)* – святой, *яко сокол млады* – богатырь; *ако звери диви (акы волци, акы нѣкаа ехидна)* – враги и др. Пейоративные сравнительные обороты предопределены, как правило, библейскими образами "нечистых" животных (*нѣ акы свиния въ калѣ грѣховенѣ присно калящеса, акы пѣси на своя блювотины възвращающесея, акы нетопыреве, во тму пруть* и др.).

Описательные глагольно-именные обороты связаны с "раздваивающимся" денотатом, например: 'победить' – *взяти/створити победу*, 'мириться' – *сътворити/възяти миръ*, 'любить' – *любѣ деяти*, 'заплакать' – *источити/испустити слезы*, 'молиться' – *творити/ приносити молитвы*, 'согрешить' – *грѣх сотворити*, 'верить' – *веру яти*, 'чествовать' – *възложити чѣсть* и под.

Этимологические фигуры обозначают качественно и количественно "удвоенный" денотат – объект, существующий только в процессе реализации определенного признака или во время соответствующего действия [16, с. 232], например: *свет светлый, жить жизнью, воровством воровать, сослужить службу, взглянуть взглядом, мосты мостить, радоваться радостью* и др. П. Бицилли, пишет, что для средневекового восприятия радость "...не просто эмоция, состояние души, или акт радования, но некоторая вещь, присоединяющаяся к этому акту и усугубляющая его" [3, с. 45].

Необходимо отметить, что в современном русском языке функционируют восходящие к древним моделям устойчивые сочетания, которые чаще всего не фиксируются в фразеологических словарях, так как не отвечают одному из основных признаков современных фразеологизмов – метафорической образности. Например: *базар-вокзал, пьянка-гулянка, штучки-дрючки* [24] (парные именованья), *гремит гром, снится сон, варится варенье* (этимологические фигуры), *черное золото, зачетная книжка, детский сад* (устойчивые атрибуты), *дать совет, найти решение, одержать победу* (ОГИО) и под. Последовательно фиксируются в словарях, пожалуй, только устойчивые сравнения, поскольку данный вид сочетаний представляет собой "развернутую метафору" (*как истукан, как угорелая кошка, как прошлогодний снег, как из-за угла мешком прибитый, как кровь с молоком, как по писаному* и др.).

В заключение следует подчеркнуть, что вопросы, связанные с терминологическим наименованием, типологией устойчивых сочетаний по семантике и структуре, их отграничением от свободных словосочетаний, требуют дальнейшего изучения в плане диахронии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Артамонова М.В. Парные именованья в древнерусском тексте: Дис. ... канд. филол. наук. – Владимир, 2005. – 171 с.
2. Архангельский В.Л. Устойчивые фразы в современном русском языке. Основы теории устойчивых фраз и проблемы общей фразеологии. – Ростов н/Дону, 1964. – 315 с.
3. Бицилли П.М. Элементы средневековой культуры. – Одесса, 1919. – 167 с.
4. Богрова К.М. Устойчивое сравнение в древнерусском тексте: Дис. ... канд. филол. наук. – Владимир, 2012. – 170 с.
5. Виноградов В.В. Избранные труды: Лексикология и лексикография / Под ред. В.Г. Костомарова. – М., 1977. – 312 с.
6. Жолобов О.Ф. Двойственное число и отношения двоичности в древнерусском тексте (на материале сказания о Борисе и Глебе) // Русский язык донационального периода / Под ред. В.В. Колесова, О.А. Черепановой. – СПб., 1993. – С. 88-96.
7. Колесов В.В. Древнерусский литературный язык. – Л., 1989. – 295 с.
8. Лагузова Е.Н. Описательный глагольно-именной оборот как единица номинации. – М., 2003. – 242 с.

9. Ларин Б.А. История русского языка и общее языкознание: Избр. раб. – М., 1977. – С. 11-42; 125-149.
10. Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. – Л., 1967. – 372с.
11. Ломов А.Г. Устойчивые словесные комплексы древнейших русских летописей: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Самарканд, 1969. – 33 с.
12. Лопутько О.П. Устойчивая формула в истории русского литературного языка (X-XV вв.). – Новосибирск, 2001. – 226 с.
13. Миклошич Ф. Изобразительные средства славянского эпоса. – М., 1895. – 34 с.
14. Мокиенко В.М. Историческая фразеология: этнография или лингвистика? // ВЯ. – 1973. – № 2. – С. 21-34.
15. Орлов А.С. Об особенностях формы русских воинских повестей (кончая XVII в.). – М., 1902. – 50 с.
16. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. – 5-е изд. – М., 1935. – 452 с.
17. Пиккио Р. Slavia Orthodoxa: Литература и язык / Отв. ред. Н.Н. Запольская. – М., 2003. – 720 с.
18. Пименова М. Вас. *Красотою украси*: выражение эстетической оценки в древнерусском тексте. СПб.; Владимир: ВГПУ, 2007. – 415 с.
19. Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. – Т. 3. Об изменении значения и заменах существительного. – М., 1968. – 551с.
20. Селиванов Г.А. Фразеология Новгородских договорных грамот XIII-XIV вв.: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Саратов, 1953. – 21 с.
21. Творогов О.В. Традиционные устойчивые сочетания в "Повести временных лет" // ТОДРЛ. – Т. 18. – М.; Л., 1962. – С. 277-284.
22. Успенский Б.А. Поэтика композиции: Структура художественного текста и типология композиционной формы. – М., 1970. – 225 с.
23. Шулежкова С.Г. Состояние и перспективы развития исторической фразеологии // Русский язык: История и современное состояние / Материалы научной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения А.А. Дементьева. – Самара, 1999. – С. 73-77.
24. Янко-Триницкая Н.А. "Штучки-дрючки" устной речи // Русская речь. – 1968. – № 4. – С. 48-52.

УДК 81`42

Марина Вл. Пименова
(*Кемерово*)

МЕТОДИКА АНАЛИЗА И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ УСТАНОВКИ КЕМЕРОВСКОЙ ШКОЛЫ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

У статті розглядаються наукові підходи вивчення концептів, що сформувалися в Кемеровській школі когнітивної лінгвістики.

Ключові слова: когнітивна лінгвістика, концепт, методика концептуальних досліджень, структура концепту.

The article deals with scientific approaches exploring concepts that have emerged in the Kemerovo School of Cognitive Linguistics.

Key words: cognitive linguistics, concept, conceptual reserch methodology, structure concept.

В России первой докторской диссертацией, посвященной исследованию концептов, была диссертация М. Вл. Пименовой "Концепты внутреннего мира человека (русско-английские соответствия)" [2001], основные положения которой были изложены в монографии [9].

Методика изучения концептов в Кемеровской школе концептуальных исследований формировалась постепенно. Первоначально детальному изучению подвергались образные признаки концептов, то, что в зарубежной лингвистике именуется концептуальными

метафорами. Оказалось, что "за бортом" анализа остается часть языкового материала, которая постепенно вовлекалась в процесс описания.

Концептуальная структура формируется шестью классами признаков: мотивирующим признаком слова – репрезентанта концепта (иногда в словаре может быть указано несколько мотивирующих признаков, это зависит от истории слова, когда первичный признак уже забыт и не воссоздается), образными признаками (выявляемыми через сочетаемостные свойства слова – репрезентанта концепта), понятийными признаками, объективированными в виде семантических компонентов слова – репрезентанта концепта, а также синонимами, ценностными признаками (актуализируемыми как в виде коннотаций, так и в сочетаниях со словом – репрезентантом концепта), функциональными признаками (отображающими функциональную значимость референта, скрывающегося за концептом), категориальными признаками (дименсиональными, качественными, количественными, ценностно-оценочными, пространственными и временными), символическими признаками – выражающими сложные мифологические, религиозные или иные культурные понятия, закрепленные за словом – репрезентантом концепта, ироническими признаками (выражающими утрату ценностного компонента в структуре концепта, которая в концептуальной картине мира первоначально существовала; ср. концепт *тёща*). Понятие есть часть концепта; понятийные признаки входят в структуру концепта. Процессы концептуализации и категоризации тесно взаимосвязаны и переплетены между собой. Эти процессы помогают нам вычленил некий объект – реально или виртуально существующий – из общего фона подобных объектов, наделить его общими с другими и присущими только ему одному признаками [13, с. 17].

Исследование концептуальной структуры позволяет выявить более глубокие и существенные свойства референта. Такие свойства представляют обобщённые признаки предмета или явления, которые считаются самыми важными и необходимыми для их опознания. Референциальные признаки формируют структуру концепта. *Структура концепта* – это совокупность обобщённых признаков, необходимых и достаточных для идентификации предмета или явления как фрагмента картины мира. Изучение языка и отдельных его единиц способно приоткрыть тайны познания мира народом. "Общение людей есть не что иное, как обмен добытыми результатами теоретического и практического познания мира от самых элементарных единиц информации до универсальных законов, относящихся к природе мироздания" [8, с. 5]. Познание есть процесс образования или выявления признаков объектов мира, это процесс построения информации или упорядочивание знаний о мире.

Концепт и слово и сочетания слов, репрезентирующие концепт, образуют единство; их единство можно сравнить с образом айсберга. Соотношение слова и концепта можно уподобить видимой и невидимой части айсберга. Компоненты лексического значения слова выражают значимые, но не в полном объёме, концептуальные признаки. Концепт объёмнее лексического значения слова. Концептуальные признаки, объективированные в виде сем и семем, – это элементы далеко не полной структуры концепта, т. к. в эту структуру включаются и другие, не менее значимые, признаки. Структура концепта гораздо сложнее и многограннее, чем лексическое значение слова. Остановимся подробнее на методике концептуального анализа. В качестве примера возьмем концепт *сердце*.

Концепты отличаются от лексического значения тем, что сохраняют свою структуру, не теряют включенные в эту структуру признаки на всём протяжении истории народа (ср. с явлением десемантизации слова). Структура концептов только пополняется за счёт появления дополнительных признаков. Такое пополнение зависит от развития материальной и духовной культуры народа. Так, например, *сердцем* в народе до сих пор называют "подложечку", "солнечное сплетение"; в научной парадигме *сердце* – это телесный орган, от которого зависит кровообращение; из-за развития науки и техники у концепта *сердце* в XX веке появился новый образный признак – 'мотор' (*сердце – пламенный мотор*), сам человек, тело и его части при этом представляются метафорами механизма (*сердце работает*;

отлаженная работа организма; сердце, как часы). Формы для выражения того или иного признака концепта могут устаревать, сами признаки не устаревают и не исчезают. Появляются новые формы для их языкового выражения. Слово хранит память о концептуме – внутренней форме.

Язык – хранилище народного, национального мировидения. В языке мир классифицируется по специфическим признакам. Признак концепта – это атом смысла; при возникновении слова первичным будет мотивирующий признак (в этом случае речь идёт о внутренней форме слова). По мере освоения в речи слово обростаёт дополнительными смыслами, что связано с интерпретацией и познанием нового. Далее появляются вторичные значения слова, для которых свойственно "овеществление" абстрактных смыслов: мотивирующий признак характеризуется приращением образных признаков, "примеривающих" рождающийся концепт к уже существующим в сознании носителей языка. Эти образы в дальнейшем предполагают развитие понятийных признаков. Одновременно в структуре концепта появляются категориальные признаки и признаки природного и предметного миров.

Выявление структуры концепта возможно через наблюдения за сочетаемостью соответствующих языковых знаков. Концепт рассеян в языковых знаках, его объективирующих. Чтобы восстановить структуру концепта, необходимо исследовать весь языковой корпус, в котором репрезентирован концепт – лексические единицы, фразеологию, паремиологический фонд, включая систему устойчивых сравнений, запечатлевших образы-эталон, свойственные определённому языку. Существенную помощь окажут также и авторские контексты, т.к. писатели и поэты используют языковой фонд, варьируя формы для выражения того или иного признака концепта, при этом, однако, они редко создают новые признаки.

Так, например, у концепта сердце в его структуру входит витальный признак 'сон'. В русском языке существует выражение, прямо вербализующее этот признак – сон сердца. Авторы могут использовать его почти дословно в разных контекстах (И сердца трепетные сны. Пушкин. Евгений Онегин; Опять ты сердцу посылаешь Успокоительные сны... Некрасов. Тишина; Сердца сон, кремешный, как могила! Клюев). При этом встречаются разные варианты объективации конкретного признака у одного и того же автора (Смеется сердца забытью И с тьмой сливает мановеньем Мечту блестящую свою. Баратынский. Бал; Где сердца ветреные сны И мысли праздные стремленья Разумно мной усыплены... Баратынский. Князю Петру Андреевичу Вяземскому; И сердца пламенные сны! Баратынский. Две доли). Сон может осознаваться как некое физическое качество (сонное сердце). Сны сердца интерпретируются как некое физическое или ментальное состояние, выражающееся в соответствующих глагольных предикатах (Уймись, волнения страсти! Засни, безнадежное сердце! Кукольник. Сомнение; Милая, мне скоро стукнет тридцать, И земля милей мне с каждым днём. Оттого и сердцу стало сниться, Что горю я розовым огнём. Есенин. Видно, так заведено навеки...; Сердце, хоть ты бы заснуло Здесь на коленях у милой. Есенин. Глупое сердце, не бейся...; Но сердце снова тихим сном В минувшем любит забываться. Пушкин. Нет, нет, напрасны ваши пени...; Та жизнь прошла, И сердце спит, Утомлено. Блок. Та жизнь прошла...; Где б ни скитался я, так нежно снятся сердцу Мои родные васильки. Бальмонт. Где б я ни странствовал; Сердцу снится душистый горошек, И звенит голубая звезда. Есенин. Ах, как много на свете кошек...; Край любимый! Сердцу снятся Скирды солнца в водах лонных. Есенин. Край любимый! Сердцу снятся...).

Структура концепта может расширяться за счёт авторских инноваций. В английский язык вошёл фразеологизм *to wear one's heart upon one's sleeve*. При дословной передаче образность этого выражения совершенно непонятна носителям русского языка ("носить сердце на рукаве"). Мотивировка соотносится с исторической реалией – существовал рыцарский обычай носить на рукаве своей одежды цвета своей дамы. У Шекспира вкладывается это выражение в уста Яго (он говорит "Я буду носить сердце на рукаве на расклевание галкам" в значении "если бы я ходил с душой нараспашку, меня заклевал бы любой

глупец"), презиравшего открытых и откровенных людей, умевшего скрывать свои чувства. Шекспировский фразеологизм употребляли в своих произведениях многие авторы, сохраняя или переосмысляя его первоначальную форму и значение (ср.: *'I've had something up my sleeve'*. Christie. *The Mystery of King's Abbot*).

Исследование концепта происходит в несколько этапов. Первый этап – анализ мотивирующего признака (мотивирующих признаков), т. е. внутренней формы слова, репрезентирующего концепт. В случае нескольких репрезентантов выделенные мотивирующие признаки сравниваются между собой. Второй этап – определение способов концептуализации как вторичного переосмысления соответствующей лексемы: исследование концептуальных метафор и метонимии. Третий этап – выявление понятийных признаков концепта путем описания лексического значения слова-репрезентанта концепта посредством определения его семантических компонентов (здесь уместно говорить о компонентах значения, или семах / семемах), описание синонимического ряда лексемы-репрезентанта концепта. Четвёртый этап – изучение категориальных признаков. Пятый этап – изучение символических признаков концепта. Возможны шестой (изучение стереотипов и / или иронических признаков) и седьмой этап – исследование сценария. Сценарий – это событие, разворачивающееся во времени и / или пространстве, предполагающее наличие субъекта, объекта, цели, условий возникновения, времени и места действия. Такое событие обусловлено причинами, послужившими его появлению [12, с. 58–120].

Как появляется концепт и как развивается его структура во времени? Ядром будущего концепта, который в дальнейшем обрстет новыми признаками, служит мотивирующий признак, положенный в основу номинации. Как пишет О. М. Фрейденберг, "первобытное мышление не знает отвлеченных понятий. Оно основано на мифологических образах" [20, с. 19]. Первоначальное развитие концептуальной структуры предполагает развитие образов на основе внутренней формы слова – репрезентанта концепта, т. е. образные признаки концепта – следующий этап переосмысления мотивирующего признака. Затем параллельно развиваются абстрактные понятийные признаки и оценка, при этом оценка может исторически меняться на крайне противоположную, как это произошло с концептом *мечта* в русском языке. Рассмотрим структуру на примере концепта *сердце*.

Мотивирующим называется такой признак, который послужил основанием для именованного некоего фрагмента мира, это внутренняя форма слова. В зависимости от времени появления слова в языке у соответствующего концепта может быть несколько мотивирующих признаков. Чем древнее слово, тем больше мотивирующих признаков у концепта, скрывающегося за этим словом. "Внутренняя форма есть тоже центр образа, один из его признаков, преобладающий над всеми остальными. ... Внутренняя форма, кроме фактического единства образа, дает еще знание этого единства; она есть не образ предмета, а образ образа, т. е. представление" [15, с. 100]. Новое слово появляется в языке на основе признака, уже зафиксированного в ранее существовавшем слове – концептуме (в терминологии В. В. Колесова). Мотивирующие признаки не исчезают, они функционируют в виде стертых метафор, переходя иногда в понятийные признаки (т. е. сохраняют прежнюю актуальность), их влияние заметно в развитии многих признаков, входящих в разные группы структуры концепта.

Середина и *сердце* – однокоренные слова. Внутренняя форма слова *сердце* связана с признаком того, что находится внутри тела, в самой его сердцевине. Этот признак подтверждается данными из других языков. Так, *сердце* в верхнелужицком языке *wutroba* (ср. в рус.: *утроба*), греч. *cardia* ("сердце" и "середина"), др.-ирл. *críde* при новоирл. *croithe* "середина", "сердце". Индоевропейский корень *k'rd-; ср. лит. *sirdis*, латыш. *sirds*; к этому корню восходят латин. *cor*, гот. *hairto*, др.-в.-нем. *herza* (совр. нем. *herz*), англ. *heart*, арм. *sirt*. Во многих языках лексема *сердце* имеет сходное звучание; ср.: укр. *сердце*, блр. *сэрца*, болг. *сърце*, с.-хорв. *срце*, словен. *srce*, чеш. *srdce*, словац. *srdce* (ср. рус. разг. *серёдка*: *сесть в серёдку* "сесть посередине, между кем-либо", *быть в серёдке*). Старославянский – *срьдьце*, общеславянский – *sъrdьse, корень *sъrd. Этимология слова *сердце* связывается с понятием

середины, сердцевины, глубины. Мотивирующий признак развился до символического. Глубина – символ тайного, нераскрытого, непознанного, непроявленного. Иное название глубины – бездна, символика которой дополняется значениями, развивающими символику Великой Богини-матери: любовью, жизнью, творением-рождением. Великую тайну составляют душа и *сердце* человека – та тайна, постижение которой составляет подлинный смысл жизни. В глубине человеческой природы сокрыт "потаянный сердца человек". Глубина есть цель устремлений познания мира. Сакральное значение глубины – центр, сосредоточение всех истин, абсолютная ценность, подлинная красота, высочайшая степень проявления скрытых качеств и возможностей.

Образные концептуальные признаки – первичный этап осмысления внутренней формы слова. Для исследователя интересна история появления тех или иных образных концептуальных признаков. О. М. Фрейденберг [20, с. 20] замечает, что до понятийного мышления причинность не осознавалась. Мышление носило пространственный, конкретный характер; каждая вещь воспринималась чувственно, и образ воспроизводил только внешнюю сторону предмета – то, что было видимо и осязаемо. Огромное значение имела слитность субъекта и объекта. Все предметы представлялись тождественными. Со временем характер мышления народа меняется, и причинно-следственные связи становятся основным способом переноса признаков разных понятий. Об образных признаках концепта *сердце* подробнее см.: [13].

Под *понятийными* понимаются *признаки* концепта, актуализированные в словарных значениях в виде семантических компонентов (сем/ семем) слова – репрезентанта концепта. Для анализа понятийных признаков привлекаются данные не только словарей современных языков, но и данные исторических словарей и словарей диалектов. Понятийные признаки концептов могут быть выявлены на основе анализа синонимов слов – репрезентантов концептов. Признаки, отмечаемые в толковых одноязычных словарях, представляют собой далеко не полный перечень понятийных признаков.

Научная и наивная картины мира могут в своих моделях чрезвычайно отличаться друг от друга. Расхождение это вызвано развитием науки в обществе. В языке фиксируются не только новые знания, но и знания, когда-то существовавшие у носителей языка. Язык хранит в себе первичные знания о природе, человеке и его месте в этом мире. Первичные знания фиксируются в языке в виде архаичных признаков концептов.

Архаичными понятийными называются признаки концептов, зафиксированные в исторических и историко-этимологических словарях конкретных языков, но не отмеченные в словарях современных языков, а также признаки, диктуемые языковым материалом, но отсутствующие в словарях. *Архаичные признаки* выражают наивные, обыденные представления народа на природу и человека, которые не утрачены языком, но уже не осознаются носителями современного языка. Архаичные признаки возможны только у тех концептов, история репрезентантов которых достаточно древняя.

Одним из редко употребляемых признаков, сохранившихся только в народной речи, является признак 'желудок' у концепта *сердце*: *засосет в сердце* (ср.: засосёт в желудке). В Остромировом Евангелии зафиксирован пример объективации этого признака: *От#гоth>пть срдца ваша обдениемь и пи"ньстви~мь и печальми житииск|ми* (Лук. XXI. 34). В "Словаре русских народных говоров" [2003, с. 190] это значение зафиксировано: "сердце. 2. желудок. "Сердцем крестьяне называют желудок. Когда они говорят, что сердце болит, это значит, что у них давит под ложечкой" ... Под сердце подкатывает. а) О катаре желудка. б) О желудочной боли. Сердце давит. Об ощущении тяжести, давления в желудке. Сердце давит, задавило, сосет. Хочется, захотелось есть".

Архаичные признаки *сердца* функционируют до сих пор в измененном виде. Начиная с эпохи Возрождения *сердце*, пронзенное стрелой Амура, стало символом любви земной. Этот символ сопровождается девизом "Все побеждает Любовь". В католической традиции эта эмблема связана с днем святого Валентина (покровителя всех влюбленных). Метафора *свинца на сердце* относит к крылатому греческому богу Эросу, у которого было два типа

чудесных стрел: золотые стрелы, попадая в *сердце*, несли мощный заряд любви, свинцовые стрелы гасили страсть в сердце.

В словарях русского языка не отмечено значение у лексемы *сердце*, известное тем, кто пользуется игральными картами. В английском одна из мастей игральных карт именуется *hearts*, в русском называемых *черви* / *червы* или *червонная масть*, обозначенная при помощи символического изображения одного или нескольких сердец. В народных говорах отмечены значения у слов *сердце* и *сердцовки*, которые метонимически связаны с тем, что соответствующая масть с изображением *сердца* на картах именуется *черви* (*червы*): "*сердца́*. мн. Дождевые черви" [СРНГ 2004, с. 194], "*сердцовки*. мн. Дождевые черви" [там же: 195]. Название масти игральных карт восходит к древнерусскому глаголу *чървити* со значением "красить в красный цвет" [19, с. 334], ср. латинское слово *vermiculus* "красный", образованное от *vermiculus* "червячок, кошениль, из которой добывали пурпурную краску".

Ценностно-оценочные признаки отображают ценностную картину мира этноса в двух вариантах – образом (через признаки ценности, имущества, богатства) и оценочном (через аксиологические признаки). Так, например, первоначально рана, кровь *сердца* были связаны с идеей жертвоприношения: "Плата кровью за освоение новых пространств бытия и обретение новых ступеней свободы выступает как атрибут существования людей на всем протяжении истории" [1, с. 91]. *Сердце* и кровь – символы жизни: жизнь была платой за новые пространства в битвах (*заплатить своей кровью; ценой чьей крови*).

Символическими называются такие *признаки*, которые восходят к существующему или утраченному мифу или ритуалу и могут восприниматься в виде метафоры, аллегии или культурного знака. Миф сохраняет ранее распространенное в народе представление о мироустройстве. В процессе развития народа мифы утрачиваются, но их возможно восстановить, анализируя стертые метафоры. "Религиозные ритуалы – это типичный пример деятельности, в основе которой лежат метафоры. Метафорика религиозных ритуалов обычно включает метонимию: объекты реального мира замещают сущности в соответствии некоторому аспекту реальности так, как это понимается в религии" [Лакофф, Джонсон 2004, с. 250].

Символы культуры, запечатленные в концептуальных структурах, многообразны и многоаспектны. Так, *сердце* издавна символизировало душу. Душа есть символ жизни, источник жизненных сил. Эти признаки наблюдаются и у *сердца*: *сердце* есть средоточие жизни, сосуд, содержащий в себе жизненные соки – кровь. *Сердце* воспринимается какместилище души и как ее заместитель. И *сердце*, и душа соотносятся не только с эмоциональной сферой жизни человека, но и его интеллектуальной сферой (ср.: *It ... confirming her most unfavourable opinion of his head and heart*. J. Austin. *Sense and Sensibility*). "Многие древние культуры не делали различия между чувствами и мыслями. Человек, который "позволяет сердцу управлять головой", считался скорее разумным, чем глупым" [Тресиддер 1999, с. 330]. В Библии сердцу свойственны все функции сознания: мышление, волеизъявление, ощущение, эмоции, совесть; сердце выступает центром, средоточием жизни. *Сердце* символично представляет "внутреннего человека", т. е. божественную составляющую человека единого – внешнего и духовного.

В символической картине мира русского и английского народов отобразилась теоцентрическая модель мира: бог – центр мира "большого" и "малого" – Макрокосмоса и Микрокосмоса. Середина, центр мира при этом – земля или солнце, центр тела – сердце. Другими словами, модель мира представляла собой круг с центральной точкой посередине. Круг считался символом совершенства, а модель круга (сферы) с обозначенной центральной точкой служила образом Бога и мира (круг с точкой посередине является древним астрологическим и астрономическим символом солнца).

Символическое отождествление сердца с Богом не случайно. Многие религии мира сходятся во мнении, что *сердце* – место Бога, сам Бог или его часть: "В буддизме сердце – суть природы Будды. ... В китайском буддизме сердце является одним из восьми Драгоценных Органов Будды. ... В индуизме сердце – божественный центр, место обитания

Брахмы: это Брахма, это все, Атман" [Словарь символов: Интернет-ресурс]. Согласно Библии, человек был создан из праха земного – глины. При этом в *сердце* хранится искра Божья – часть Бога. Бог скрывается в теле, в сердце, как в бесформенном коме глины (*Well, this cold clay clod Was man's heart: Crumble it, and what comes next? Is it God?* Browning. Love in a life).

Язык аккумулирует в своей системе знаков те знания, которые предшествовали научному познанию. Как пишет В. П. Владимирцев, ""народно-поэтическая кардиология" как прототип и аналог кардиологии научной – это целая система взаимообусловленных "первичных" представлений о сердце и их выражений в обряде, тексте, слове, "знаке", образе" [6, с. 204]. Глубина *сердца* в народном восприятии есть скрытая для осознания настоящая, истинная личность, сокровенное "я", раскрыть которое призывали древнеиндийские, древнеегипетские и древнегреческие мудрецы: "Познай самого себя, и ты познаешь весь мир". Весь мир в человеке, и человек есть целый мир – афоризм, повторяющийся у многих философов. Г. В. Лейбниц утверждал, что в самом себе человек должен увидеть целый "мир, полный бесконечности".

Концептуальные признаки связаны, с одной стороны, с символическими традициями в национальной культуре, с другой – с продолжающимся осмыслением мотивирующих признаков слова – репрезентанта концепта. У концепта *сердце* отмечены признаки Слова, Логоса. Концептуальные признаки слова-*сердца* определяются мотивирующим признаком 'середина' и ассоциативными связями между понятиями звука, слова, Бога и гармонии, которые наблюдаются у *сердца*. Слово "в мистической традиции – символ божественной власти. Индуистское представление о том, что вибрация священного первородного звука сделала задуманный мир явным, встречается во многих традициях" [Тресиддер 1999, с. 341]. В Библии сказано, что мир был создан словом Божиим, в Евангелии от Иоанна встречаем такое утверждение: "В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог. Оно было в начале у Бога. Все чрез Него начало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть. В Нем была жизнь, и жизнь была свет человеков" (Ин. 1: 1–4). Иоанн говорил о Слове жизни, о предвечном Логосе, Втором Лице Троицы: "И Слово стало плотью и обитало с нами, полное благодати и истины; и мы видели славу Его, славу как едиnorodного от Отца" (Ин. 1: 5,7). Логос – образ слова-мысли, выступающего в качестве творящего и упорядочивающего принципа мироздания. *Сердце*-слово есть тайна (*высказывать все тайны сердца*). Филон Александрийский учил, что Логос – это посредник между Богом и космосом, одновременно созидающая сила, именно через Логос человеческий разум способен понять и постичь Бога. "Логос неразрывно сопряжен с идеей центра" [1, с. 103], т. е. *сердца*.

Многие религиозные системы содержат в себе идею искупительной жертвы. Приобретаемые при жертвоприношении или самопожертвовании духовная энергия, чудесные способности равнозначны утраченному – принесенному в жертву или перенесенному негативному опыту. Языковые картины мира хранят в виде стертых метафор архаичные черты древних обрядов и ритуалов. Эти отголоски забытых традиций можно проследить, наблюдая за устойчивой, сохранившей доныне свою производность, метафорой "сердце – жертва".

Отголоски былых верований и мифов мы находим в непонятных современному носителю языка признаках концептов. Так, например, отзвуки древних взглядов на мир указывают на существовавшие ритуалы жертвоприношения, в том числе относящиеся к *сердцам* животным. В русском языке сохранились признаки жертвы злаковой – *сердца* из теста, хлеба, – замененной кровавой жертвы. Как пишет Дж. Фрэнгер, "К другому празднику мексиканцы вылепливали статуэтку в виде людей, которые ... лепили из теста, приготовленного из семян разных сортов... Им поклонялись, поставив в молельне каждого дома. ... На рассвете жрецы пронзали эти изображения веретенами, отрубали им головы, вырывали сердце и приносили их хозяину дома на блюде. После этого их съедали домочадцы" [21, с. 460]. В мифологиях разных народов замена кровавой жертвы на жертву злаковую (так называемый "дух хлеба") сохранились отголоски ритуальных жертвоприношений. "В число

животных, облик которых якобы принимает дух хлеба, входят волк, собака, заяц, лиса, петух, гусь, перепел, кошка, козел, корова (вол), свинья и лошадь" [21, с. 418].

Как указывает Э. Бенвенист, "жертвоприношения бывают разной природы и носят разные названия в зависимости от того, заключаются ли они в предметах или в молитвах. Поскольку сама молитва есть жертвоприношение, она действует собственной силой; в виде жестко фиксированных формул, сопровождающих ритуал, – она устанавливает отношения между человеком и божеством при посредстве царя или жреца" [2, с. 368]. Ф. И. Буслаев писал, что у глагола *молить* "в областном наречии вятском" отмечено значение "колоть, резать", что "молить в значении приносить жертву, давать обет употребляется в древнейших рукописях Ветхого Завета. ... Потому-то к глаголу *молить* и приставляется возвратное местоимение *ся*, которое теперь здесь ничего не значит, но первоначально имело смысл, т. е. приносить себя в жертву, а не умолять или просить себя. Отсюда же явствует, почему *молиться* употребляется с дательным падежом, т. е. приносить себя в жертву кому. ... О самоубийце доселе говорится намеком на языческую жертву: "вот це и чорту баран"" [5, с. 80–81]. Первоначально принесение в жертву себя соотносилось с мифами, в которых выражались космогонические представления (тело великана Имира послужило основой создания мира и Вселенной). В христианстве Бог воплотился в своем Сыне – Иисусе, в Библии именуемом Логосом, т.е. молитва – словесное (в речи или в мысли) обращение к Богу – есть повторение акта творения, когда пожелание человека, выраженное в его молитве, исполняется. Бог всемогущ, в его силах исполнить любое пожелание: "Знаю, что Ты все можешь, и что намерение Твое не может быть остановлено" (Иов, 42: 568).

В русском устном народном творчестве встречается несколько устойчивых формул, в которых так или иначе описываются действия с сердцем и другими сакральными телесными органами: "вынимать сердце со печенью", "вырвать / вынимать ретиво сердце", "досмотреть / посмотреть ретиво сердце": Ты пори у него груди белья, Вынимай у него ретиво сердце, Ретиво сердце и со печенью! (былина "Илья Муромец на Соколе-корабле"), Тут хватал-то Алеша саблю вострую, Срубил-то Идолицу буйну голову, Распорол-то его белу грудь, Вынимал-то тут ретиво сердце, Поставил буйну голову на остро копьё, Натыкал его сердце на кинжалище, И поехал назад (в) стольный Киев-град (былина "Алеша Попович и Тугарин Змеевич"), Уж я вырву ретиво серцьё со печенью (былина "Иван Годинович"), Выдергивал кинжалище острое, Спорол у нее белую грудь Посмотрел во утробе чадо милое (былина "Дунай"), Неси ты мне ножище-кинжалище, Распорю я у Кошья груди черные, Посмотрю я сердце богатырское (былина "Иван Годинович"). При действии изъятия сердца и печени "в славянских традициях мотивировки, как правило, отсутствуют, а это определенно означает, что на славянской почве практика давно исчезла из бытования", "за этими описаниями несомненно скрывались представления о значимости сердца и печени" [18, с. 24]. Однако в некоторых родственных культурах такая мотивированность может быть обозначена: "Южнославянская вештица поедает человеческие сердца; дотрагиваясь чудесной палочкой до груди спящего человека, она вынимает его сердце и съедает, после чего тело на груди срывается; человек без сердца в будущем обязательно умрет" [4, с. 369]. Ср. в англ.: ...*And in ten minutes from the time of firing the animal's heart and liver were lying smoking before us.* Haggard. King Solomon's mines; *So we took the heart and liver and buried them for a few minutes in a patch of snow to cool them off.* Haggard. King Solomon's mines; *'Or I'll have your heart and liver out.'* Dickens. Great expectations; ...*Or you go from my words in any partickler, no matter how small it is, and your heart and your liver shall be tore out, roasted and ate.* Dickens. Great expectations. Сердце и печень объединяет символ крови; кровь есть локус души и жизненных сил [11]. Для крови характерно взаимодействие с огнем и солнцем. Кровь издревле была связана с жертвоприношением. Различные жидкости: молоко, мед, вино, – используемые в ритуалах жертвоприношения, олицетворяют кровь.

Жертвоприношение *сердца* является одним из способов общения с Богом: *сердце* – это Бог или место Бога в теле человека. Вынув *сердце*, человек зрит Бога в нем. *Сердце* в таком случае выступает в качестве посредника между земным миром и божественным. Эта

аллегория для современного носителя языка ранее воспринималась буквально. Общение с миром богов грозило человеку его уничтожением. А так как взамен погибает жертвенный объект, тот, кто приносит жертву, может не опасаться за собственную жизнь.

Другая сторона такого жертвоприношения отражала представление о единстве жизни и смерти: жизнь переходит в смерть, и наоборот. *Сердце* как заместитель души или ее место – *сердце* – есть источник жизни в теле человека; исторгнув этот источник, жрец лишал человека жизни в этом мире, отсылая его душу в мир иной. Принесение в жертву *сердца* означало конец смертного существования и начало жизни вечной. Жизнь воспринималась как бесконечное повторения ритма рождения, смерти и возрождения. В некоторых мифологических традициях земная жизнь понималась как лишенная ценности, ложная, неистинная, иллюзорная.

В некоторых культурах соком *сердца*, его жизненной силой – кровью – питывалось солнце – Бог. Жертвоприношение обеспечивает циркуляцию жизненной силы – энергии – в космосе: от божества к природе и ее части – человеку, от человека – посредством принесения жертвы – вновь к божеству.

Общепринятым и не вызывающим сомнений утверждением является то, что язык отражает особенности проживания народа (климат, ландшафт, быт и пр.). В сознании современного человека сталкиваются две различные исторические традиции. Первая отражает ценности, идеалы и представления людей, сложившиеся как формы исторического опыта бытия в мире и образующие ядро сознания человека, т. к. именно это ядро и есть концептуальная картина мира, которую человек осваивает с языком. Другая историческая традиция обусловлена системой научного знания, которая не появилась одномоментно, а развивалась в течение всего периода становления народа. Система научного знания осваивается сознательно, именно это знание человеку дается со школьной скамьи, а концептуальная система скрывается в недрах языка, познается стихийно, неосознанно, ее усвоение происходит с момента рождения. Человек, не задумываясь, употребляет те или иные формы языка, потому что так принято. Редко кто из носителей языка задумывается, почему кровь называется *рудой*, насекомое с красными крыльями – *божьей коровкой*, а *сердце* имеет эпитет *ретивое*. Многие слова языка восходят к утраченному мифу, скрытому символу.

Исследование развития концептуальных структур в диахронии и в сопоставительном аспекте – перспективы особых направлений когнитивной лингвистики. Сложность таких исследований заключается в том, что многие концептуальные признаки в древних текстах отсутствуют, что связано со спецификой их функционирования. Воссоздать структуры концептов возможно, обратившись к фонду устного народного творчества. При этом особое внимание следует обращать на изменение категорий и форм мышления в разные эпохи, на смену верований и переходы в интерпретациях одних и тех же категорий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Адамчик В.В. Словарь символов и знаков [Текст] / В.В. Адамчик. – М.: АСТ, Мн.: Харвест, 2006. – 240 с.
2. Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов [Текст] / Э. Бенвенист. – М.: Прогресс–Универс, 1995. – 456 с.
3. Бердяев Н.А. Человек. Микрокосм и макрокосм [Текст] / Н.А. Бердяев // Русский космизм: Антология философской мысли. – М.: Педагогика-Пресс, 1993. – С. 171-175.
4. Берегова О. Символы славян [Текст] / О. Берегова. – СПб.: Диля, 2007. – 432 с.
5. Буслаев Ф.И. Догадки и мечтания о первобытном человечестве [Текст] / Ф.И. Буслаев. – М.: РОССПЕН, 2006. – 704 с.
6. Владимирцев В.П. К типологии мотивов сердца в фольклоре и этнографии [Текст] / В.П. Владимирцев // Фольклор и этнография: У этнографических истоков фольклорных сюжетов и образов. – Л., 1984. – С. 204-211.
7. Колесов В.В. Язык и ментальность [Текст] / В.В. Колесов. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2004. – 237 с.

8. Колшанский Г. В. Некоторые вопросы семантики языка в гносеологическом аспекте [Текст] / Г. В. Колшанский // Принципы и методы семантических исследований. – М., 1976. – С. 5-31.
9. Пименова М. В. Этногерменевтика языковой наивной картины внутреннего мира человека: [монография] [Текст] / М. В. Пименова. – Кемерово: Кузбассвузиздат, Landau: Verlag Empirische Pädagogik, 1999. – 262 с. (Серия "Этногерменевтика и этнориторика". Вып. 5).
10. Пименова М. В. Концепты внутреннего мира (русско-английские соответствия): дис. ... докт. филол. наук / Марина Владимировна Пименова. – СПб., 2001. – 497 с.
11. Пименова М. В. *Душа* и *дух*: особенности концептуализации: [монография] [Текст] / М.В. Пименова. – Кемерово: ИПК "Графика", 2004. – 386 с. (Серия "Концептуальные исследования". Вып. 3).
12. Пименова М.В. Особенности репрезентации концепта *чувство* в русской языковой картине мира [Текст] / М. В. Пименова // Мир человека и мир языка: коллективная монография. – Кемерово, ИПК "Графика", 2003. – С. 58-120 (Серия "Концептуальные исследования". Вып. 2).
13. Пименова М. В. Концепт *сердце*: образ, понятие, символ: [монография] [Текст] / М.В. Пименова. – Кемерово: КемГУ, 2007. – 500 с. (Серия "Концептуальные исследования". Вып. 9).
14. Пименова М.В. Методология концептуальных исследований / М.В. Пименова // Антология концептов: словарь / Под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. – М.: Гнозис, 2007. – С. 14-16.
15. Потебня А.А. Мысль и язык [Текст] / А.А. Потебня. – Киев: СИНТО, 1993. – 190 с.
16. Словарь русской народно-диалектной речи в Сибири XVII – первой половины XVIII в. [Текст]; сост. Л.Г. Панин. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд., 1991. – С. 141.
17. Словарь символов [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/simvol/778>
18. Смирнов Ю.И. Сердце и печень врага [Текст] / Ю.И. Смирнов // Сибирский филологический журнал. – 2004. – № 2. – С. 4-25.
19. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4-х т. [Текст] / М. Фасмер; изд-е 2-е, стереотип. – М.: Прогресс, 1987.
20. Фрейденберг О.М. Миф и литература древности [Текст] / О.М. Фрейденберг. – М.: Наука, 1978. – 605 с. (Серия "Исследования по фольклору и мифологии Востока").
21. Фрэйзер Дж. Золотая ветвь [Текст] / Дж. Фрэйзер. – М.: Изд-во политической литературы, 1986. – 703 с.

УДК 811.161.1

Ирина Синица
(Киев)**ИНОФОН КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВОПЕРСОНОЛОГИИ**

Стаття присвячена аналізу теорії мовної особистості з погляду антропоцентричної парадигми у лінгвістиці, вивченню особливостей її інтерпретацій у вивченні іноземних мов, зокрема дискутується питання про вторинну мовну особистість.

Ключові слова: мовна особистість, лінгвоперсоналогія, іноземна мова.

In this paper the author considers the theory of langual personality as a realization of anthropocentric paradigm of linguistics, studies its transformation in terms of learning foreign languages, discusses the question of the secondary langual personality.

Key words: langual personality, foreign language.

Антропоцентризм сучасної лінгвістики в цілому обумовлене перш за все центральною позицією людини в усіх напрямках її досліджень: граматиці, стилістиці, лінгвістиці тексту, дискурсивній лінгвістиці і др.

Личність стала одним з центральних, достатньо глибоко і всесторонньо вивчених понять в циклі гуманітарних дисциплін: психології, філософії, соціології і др.

Взаимосвязь и взаимообусловленность терминов "человек – индивид – личность" отмечается в большинстве работ. При этом личность понимается как субъективное воплощение индивида, его идеальная представленность в других людях, его инобытие в них и в себе как "другом", то есть его персонализация личная и общественная [11, с. 349]. В психологии, философии, социологии признаётся "коллективистическое самоопределение" личности. Актуализация личностного начала индивида здесь оценивается по совокупности (в "ансамбле") предметных, вещественно осязаемых отношений данного индивида к другому индивиду (индивидам), опосредованных через созданные вещи, точнее, через действия с этими вещами (к числу которых относятся и слова естественного языка). Поэтому поиск структуры личности осуществляется вне органического тела индивида (вне биологического человека) во "внутреннем пространстве личности" [4, с. 216].

Несводимость личности, с точки зрения психологии, лишь к интраиндивидуальному (субъективному) создаёт, таким образом, основания для рассмотрения в структуре личности и объективных (коллективистических) составляющих. Субъективное в личности, на наш взгляд, соизмеряется с внутренним пространством индивида, познание которого возможно лишь в процессе социологизации индивида, осуществляемой и в коммуникативной деятельности. Объективный компонент в структуре личности актуализируется в результате анализа и синтеза субъективных (интраиндивидуальных) характеристик личности как её типичных социокультурных проявлений. Диалектика субъективных и объективных составляющих философского понимания личности соответственно отражается и в различных психологических, лингвистических, культурологических типологиях личности.

Закономерным этапом в философском осмыслении личности, осознании её общественных начал стала разработка понятия "языковой личности" в современной философии, в рамках которой данное терминологическое словосочетание осмысливается как новое понятие. Языковую личность в философии определяют как целостное системное образование, определяемое совокупностью непрерывно взаимодействующих между собой знаков и символов, свойств, отношений и действий индивида. Языковой личности как системе свойственны следующие качественные характеристики: доступность, коммуникативность, деятельное начало, чувство реальности, гносеологические мотивы,мыслеобразующая функция, демонстративный фактор, эстетическая направленность, ментальность [1, с. 48-53].

В отличие от психологии, где в центре внимания чаще находятся эмоционально-волево-инициативные проявления личности, её социальные характеристики и структура, в отличие от философии, где систематизируются свойства личности, позволяющие охарактеризовать её как языковую, правовую и др., лингвистов прежде всего интересуют интеллектуальные, когнитивные, коммуникативные характеристики индивида, имеющие языковое выражение.

Филологическая интерпретация понятия "языковая личность" в русистике, прежде всего, связана с попытками описания особенностей отражения мышления индивида в созданных им текстах. Говоря о введении термина "языковая личность", многие исследователи вслед за В.И. Карасиком утверждают о первенстве Ю.Н. Караулова [5]. Хотя сам ученый в своем труде, ставшем уже классическим, называл В.В. Виноградова одним из тех, кто ввел в научный обиход это понятие, и посвятил анализу концепции автора параграф "Понятие языковой личности в трудах В.В. Виноградова" [7, с. 27-35]. Анализируя возможные пути попадания языковой личности в поле зрения лингвистики, а именно психолингвистический, лингводидактический, Ю.Н. Караулов так характеризует путь, избранный В.В. Виноградовым: "...ставя своей задачей исследование языка художественной литературы во всей его сложности и всем многообразии, он видит элементарный уровень, элементарную клеточку, отправной момент в изучении этого вербального целого – в индивидуальной речевой структуре" [7, с. 29]. Начиная с работ В.В. Виноградова, определяя личность как языковую, мы тем самым характеризуем способности человека к речемыслительным действиям. Данные способности каждый индивид реализует по-разному, демонстрируя разный уровень владения богатствами определённого языка. Описывая

особенности индивидуального использования языка, мы тем самым объективируем идеальные черты личности, актуализированные с помощью языковых средств.

Наиболее полно теория языковой личности как самостоятельного объекта лингвистических исследований разработана Ю.Н. Карауловым [7, с. 38]. Именно с этого времени наблюдаем процесс его мультипарадигмального изучения внутри языковедения. Считаем важным подчеркнуть, что личность определяется языковой прежде всего потому, что язык является главным средством выражения индивидуально-личностных черт человека в целом. При этом мы имеем все основания говорить отдельно о правовой, экономической, актерской и т. д. личностях как социально обусловленных вариантах языковой личности. На социальную и лингвостилистическую обусловленность изучения черт языковой личности указывал и В.В. Виноградов, в лингвистической теории исследования художественной прозы которого находим истоки разграничения социально-поведенческой и речевой реализаций языковой личности.

Под языковой личностью мы понимаем совокупность творческих (лингвистических) способностей и социопсихолингвистических характеристик индивида, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений, отображающих соответствующие черты личности и потому обладающих определённой когнитивной глубиной, коммуникативно-прагматической направленностью, структурно-языковой целостностью.

Предлагая различные аспекты интерпретации языковой личности, учёные основываются на главных свойствах языка и базовых понятиях языкознания. В зависимости от критериев описания языковой личности её характеризуют диалектную, коммуникативную, дискурсивную, соционическую и т. п. [см.: 2; 3; 5; 10 и др.].

Термин "языковая личность" получил различные интерпретации. Прежде всего, он обозначает человека как носителя языка в его способности осуществлять речевую деятельность, то есть комплекс психофизических свойств индивида, позволяющих создавать и воспринимать речевые произведения. Так характеризуют речевую личность. Языковую личность иногда интерпретируют как словарную, этносемантическую, определяя её как закреплённый в лексической системе базовый национально-культурный прототип носителя конкретного языка, своеобразный "семантический фоторобот", созданный на основе мировоззренческих установок, ценностных приоритетов, особенностей поведения, отображенных в словаре [2, с. 65-66].

Как один из вариантов, ориентируемых на национально-культурное своеобразие, рассматривают национальную языковую личность, соответствующую определённой национальной культуре. Общеизвестно, что языковое самосознание, составляющее основу языковой личности, является частью культурного самосознания. "Между осознанием элементов языка и других элементов культуры нет чётко выраженной границы... В переломные исторические эпохи родной язык становится символом национального самосознания. Существенно также, что осознание элементов языка или языковой структуры текстов совершается теми средствами и идёт по тем путям, которые предоставляет личности культура" [9, с. 35].

Языковую личность часто характеризуют в процессе литературного творчества и соотносят её с автором текста, который, используя личный тезаурус, создаёт тексты на основе индивидуальных знаний о мире, зафиксированных в значениях слов и ассоциативно-вербальных комплексах, соответствующих национально-психическому состоянию ума и личной заинтересованности в интерпретации определяемых фактов [6]. Таким образом, практически каждая отрасль лингвистики в зависимости от цели, аспектов и особенностей изучения языковой личности выработала свою интерпретацию данного понятия. Закономерным в связи со сказанным представляется формирование отдельного направления в филологии "лингвистической персонологии" как дисциплины, изучающей "личность в общении" [9].

В пределах изучения проблем билингвизма и связанных с ними вопросов изучения иностранных языков возник термин "вторичная языковая личность".

Личность, познающая окружающий мир и выражающая свои знания с помощью языковых средств, пользуется не только доставшимися ей "генетически" национальными богатствами языка, но и интерпретирует их в соответствии с личным социальным, культурным, профессиональным, речевым опытом. Поэтому индивидуальные картины мира содержат как объективно доставшиеся, так и индивидуально приобретённые, субъективно освоенные знания (языковые, профессиональные, культурные и др.). Это важно учитывать при изучении иностранных языков. Освоение неродного языка начинается со знакомства с его фонетическими, грамматическими и лексико-семантическими ресурсами. Особое значение для познания картины мира носителей другого языка имеет знакомство с его лексическими средствами. Выбор тем и соответственно лексико-тематических групп слов, представляющих ключевые концепты иной национальной культуры или актуализирующие те фрагменты картины мира, которые имеют транснациональный характер (семья, образование, мой день и др.), способствуют как актуализации базовых представлений личности, так и их формально-смысловой интерпретации с помощью средств другого языка. На базовом этапе изучения иностранного языка происходит расширение вербально-семантического уровня языковой личности за счёт пополнения лексического запаса родного языка лексическими эквивалентами второго языка. Сеем предположить, что в этот период изучающие иностранный язык не воспринимают его лексику как экспликатор иной национальной культуры во всём объёме её концептуального потенциала. Скорее, она воспринимается как "дубликат" своей "родной". Поэтому основные требования к изучающим иностранный язык на этом этапе включают базовое знание фонетической, лексической и грамматической систем языка, предусмотренное для порогового уровня и в рамках требований к профессионально-ориентированной коммуникативной компетенции, владеют основами диалогической и монологической речи, обладают способностью к аудированию в непосредственном общении и в звукозаписи, опираясь на изученный языковой материал, социокультурные знания и навыки/умения языковой и контекстуальной догадки. Прежде всего, учащиеся овладевают значениями иностранных слов, их коммуникативным потенциалом, который они способны использовать для выражения собственных мыслей. Здесь мы можем говорить об этапе овладения иным языковым кодом, отличным от кода родного языка. Созданные элементарные тексты, как правило, иллюстрируют знание основного лексического значения слова (то, что впоследствии формирует ядро концепта) и редко всё семантическое разнообразие лексемы. Анализируя коммуникативно-речевые способности языковой личности на базовом этапе изучения иностранного языка, мы констатируем этап формирования дополнительного языкового кода, параллельного родному языку. В связи со сказанным критично относимся к термину "вторичная языковая личность", активно используемому специалистами по изучению русского языка как иностранного [12]. Соглашаясь в целом с теоретическими основаниями описания данного лингвистического явления, считаем некорректным интерпретацию языковой личности как вторичной. Следовательно, существует первичная языковая личность, что, на наш взгляд, противоречит психологическим аспектам изучения здоровой личности как таковой.

Мы убеждены: способность индивида к изучению иностранных языков развивает определённые структурные уровни языковой личности, обогащая другими, кроме родного, языковыми кодами. С этой позиции основной целью овладения иностранным языком нам представляется формирование и расширение когнитивного и мотивационного уровней языковой личности на основе иноязычного вербального кода, с помощью которого происходит дифференциация на "свой" и "чужой", который углубляет знания о "чужом" до такой степени, когда языковая личность превращается в полилингва, когда языковая картина мира индивида включает национальный ("свой") и инациональный ("чужой") как составные фрагменты языковой картины мира индивида в целом. Именно в таком аспекте предстоит изучение языковой личности инофона.

ЛИТЕРАТУРА

1. Боринштейн Е. Р., Кавалеров А. А. Личность: ее языковые ценностные ориентации / Е. Р. Боринштейн, А. А. Кавалеров. – Одесса: Астропринт, 2001. – 168 с.
2. Воркачѳ С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании / С. Г. Воркачѳ // Филологические науки. – 2001. – № 1. – С. 64-72.
3. Голев Н. Д., Замилова А. В. Лингвосоционическая типология языковой личности и возможности ее применения в личностно-ориентированном обучении / Н. Д. Голев, А. В. Замилова // Электронный журнал: Вестник Кузбасской педагогической академии. Раздел: Филологические науки. Режим доступа: <http://vestnik.kuzspa.ru/articles/39/>
4. Ильенков Э. В. Так что же такое личность / Э.В. Ильенков // С чего начинается личность? – М., 1979. – С. 216.
5. Карасик В. И. Дискурсивная персонология / В.И.Карасик. // Язык, коммуникация и социальная среда. Выпуск 7. – Воронеж: ВГУ, 2007. – С. 78-86.
6. Караулов Ю. Н. На уровне языковой личности / Ю. Н. Караулов // Проблемная группа по экспериментальной и прикладной лингвистике. – Вып. 164. – М., 1985.– С. 12-18.
7. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. Изд.4-е, стереотип. / Ю.Н. Караулов. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 264 с.
8. Леонтьев А. А. Личность, деятельность, образование / А.А. Леонтьев // Языковое сознание и образ мира: Сб. статей / Отв. ред. Н.В. Уфимцева. – М., 2000. – С. 7-12.
9. Нерознак В.П. Лингвистическая персонология: к определению статуса дисциплины / В.П. Нерознак // Язык. Поэтика. Перевод: сб. науч. тр. Моск. линг. ун-та. Вып. 426. – М.: Изд-во Моск. линг. ун-та, 1996. – С. 112-116.
10. Никитина С. Е. Языковое сознание и самосознание личности в народной культуре / С. Е. Никитина. // Язык и личность: Сб. статей / Отв. ред. Д.Н. Шмелев. – М.: Наука, 1989. – С. 34-40.
11. Петровский В. А. Личность в психологии: парадигма субъектности / В.А. Петровский. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1996. – 512 с.
12. Халеева И. И. Вторичная языковая личность как реципиент инофонного текста / Халеева И. И. // Язык-система. Язык-текст. Язык-способность. – М., 1995. – С. 277-285.

УДК 81'373.611

Нина Тропина
(Херсон)**МИРОВИДЕНИЕ И МЕТАФОРИЧЕСКАЯ НОМИНАЦИЯ:
НОВАЯ ТЕХНОКРАТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ**

Становлення нової технократичної моделі метафори розглядається як результат виникнення нового технократичного світобачення, нового технократичного стереотипу світосприйняття.

Ключові слова: типологія метафор, метафорична номінація, мовна картина світу, стереотипи світосприйняття.

The article focuses on the formation of a new technocratic model of metaphor as the result of a new technocratic world view, a new technocratic stereotype perception of the world.

Key words: typology of metaphors, metaphorical nomination, language world, world perception stereotypes.

Одним из достижений антропоцентрической парадигмы языкознания является изучение метафоры не только и не столько как художественного тропа, но как средства номинации и когнитивного освоения действительности в "обычной" жизни, в науке (в публицистике метафора приближается к художественной, поскольку чаще всего выполняет

не только номинативную, но и эмоционально-воздействующую функцию). В когнитивной лингвистике изучение метафор стало едва ли не преобладающим направлением исследований: детально разработаны и активно используются на практике методы и приемы ее описания.

Взяв на вооружение и разрабатывая идею "языковой картины мира", выдвинутую первым философом и теоретиком лингвистики В. фон Гумбольдтом в первой половине 19 в., современная лингвистика активно исследует, как менталитет того или иного этноса закрепляется в "привычных", трафаретных метафорах, как метафорически моделируется мир. "Своеобычность" усматривается в том, какие сферы-доноры и сферы-реципиенты сопрягаются, какие признаки объектов "высвечиваются" в процессе метафоризации в различных языках и культурах. Вместе с тем, давно замечено, что национальная специфика в узуальных метафорах и индивидуально-авторское своеобразие в художественных метафорах проявляются на достаточно "дробном" уровне выделения сопрягаемых в процессе метафоризации сфер действительности (В. Гак) [2]; чем выше уровень обобщения, тем отчетливее проявляются общечеловеческие типы метафоризации, что дало основания назвать их С. Ульману панхроничными, т.е. присутствующими у всех народов во все времена – это метафоры зооморфные, антропоморфные, пространственные, синестезические [15]. Все более "дробные" типы могут быть сведены к этим архетипам.

Исследования номинативных метафор русского языка второй половины 20 – начала 21 в., на основе которых возникли новые узуальные значения слов, зафиксированные словарями неологизмов, а также анализ различных текстов (художественных, публицистических, научных) этого периода, дают основания предположить, что появилась новая модель метафоризации, активность функционирования которой позволяет утверждать, что (по крайней мере, в русском языке) наблюдается рождение нового архетипа метафор, ср.: *машина власти, работать в полнакала, приемопередатчики китов, подключиться к проблеме*. Этим новым архетипом, по нашему мнению [12; 13; 14], является технократический архетип, на основе которого появляются новые узуальные и индивидуально-авторские метафорические номинации. Суть этой метафоры заключается в том, что сферой-донором, сферой-поставщиком при такой метафоризации выступает техническая сфера – технические устройства, действия техники, свойства техники. Этот молодой архетип антонимичен антропоморфному и зооморфному архетипам метафор. Думается, что объяснить феномен появления нового продуктивного типа метафоризации можно исходя из постулата о том, что при метафоризации задействованы сложные когнитивные процессы, коллективное бессознательное и стереотипы мировосприятия, имеющие цивилизационно-исторические и этнические основы, меняющиеся вместе изменениями действительности, в которой существует все человечество и определенный этнос. В недрах традиционных типов цивилизации возникли стереотипы мировосприятия, при которых "мерилом" были либо природа – живая и неживая, включая животный мир, либо сам человек как существо биологическое, психическое и социальное. Такие стереотипы мировосприятия (мировидения) породили традиционные типы метафор, названные С. Ульманом, как уже говорилось, панхроничными.

Вместе с тем, по свидетельству историков, социологов, политологов, начиная с 17-18 вв. новой эры в рамках традиционной западной цивилизации "начала разбег" цивилизация техногенная, а во второй половине 20 в. она охватила все человечество [11, с. 4]. "Техногенная цивилизация (буквально – цивилизация, порожденная техникой) – современное состояние цивилизации, обусловленное развертыванием научно-технического прогресса. Наука и техника являются основой техногенной цивилизации, источником ее развития, средством решения любых возникающих в обществе проблем" [11, с. 7].

Характерными чертами техногенной цивилизации являются 1) быстрое изменение техники и технологии благодаря систематическому применению в производстве научных знаний; 2) как результат слияния науки и производства произошла и научно-техническая революция, существенным образом изменившая взаимоотношения человека и природы, место человека в системе производства; 3) ускоряющееся обновление той искусственно

созданной человеком предметной среды, в которой непосредственно протекает его жизнедеятельность" [8]. На базе техногенной цивилизации сформировалось два типа общества – индустриальное общество и постиндустриальное общество. Техногенная цивилизация характеризуется быстрыми темпами протекания: на протяжении одного-двух поколений происходит изменение образа жизни и формирование нового типа личности [8].

Неизбежным порождением техногенной цивилизации является возникновение технократического мышления и новых стереотипов мировидения. Технократическое мышление определяется как особый тип мышления, свойственный прежде всего инженерно-технической интеллигенции, при этом такое мышление затрагивает не только область техники, производства, но распространяется на модели управления обществом и государством. Возникает технократизм – "распространенный в западной общественной мысли принцип объяснения общественного развития, согласно которому власть в обществе должна принадлежать технократам – носителям технического прогресса, высшим слоям технических специалистов" [10]. "Технократическое" мировидение постепенно перерастает границы техники, перестает быть прерогативой "касты" технократов, пытающихся построить логически выверенные, научно обоснованные модели управления государством, обществом, производством, модели, где названные институты уподобляются технике и работа которых просчитывается подобно работе техники. Технократическое мировидение, при котором окружающий мир – макрокосм и самого себя – микрокосм человек начинает представлять, объяснять, "видеть" как подобное технике, становится частью и художественного и обыденного сознания – возникает технократический стереотип мировосприятия, постепенно "захватывающий" все большее и большее пространство. Техника становится не только помощником человека, но и предметом его научно-художественных фантазий. Еще в 19 в., в 1869 г. появляется знаменитое научно-фантастическое произведение Ж. Верна "2000 лье под водой", где техника – фантастическая подводная лодка – служит человеку. Однако уже в романах Г. Уэллса технический прогресс не только расширяет возможности человека, но и закладывает основы социальных конфликтов ("Война миров", "Машина времени"), а у Р. Ролана техника уже перестает подчиняться воле человека, бунтует ("Бунт машин, или Распоясавшаяся мысль", 1921) – т.е. открывается путь к восприятию техники как соперницы человека, пытающейся вырваться из его подчинения. Восприятие техники как некоего подобия человека, ее "одухотворение" позволило сделать следующий шаг, повернуть вектор метафоризации от традиционных типов в противоположную сторону: не технику уподоблять человеку, а человека уподоблять технике. И такой шаг был сделан – появилось мировосприятие, которое мы назвали "технократическим".

Порождением, "выходом во вне" технократического мировосприятия являются технократические метафоры, появившиеся в художественном, политическом, социальном, научном, обыденном (бытовом) дискурсах. Ю.С. Сорокин, исследователь развития словарного запаса русского литературного языка 19 в., отмечает использование в "нетехнических" значениях таких слов, как *аппарат*, *буксир*, *буфер*, *калибр*, *тормоз*, *механизм*, *машина*, *механический*, *механика*, уже в 19 в. [9]. Это дает основание считать, что именно в этом веке зарождающийся стереотип нового технократического мировосприятия начинает отражаться в языке, вносить новые краски в языковую картину мира русского этноса. Таких "нетехнических употреблений" технических слов пока немного, но они присутствуют в русском языке. Так, уже в 19 в. стали говорить не об *общественном организме*, а об *общественном механизме*, *машине власти*, *государственном механизме* [9]. (Отметим в скобках, что необычность, метафоричность лексемы *механизм* в нетехническом значении к настоящему времени стерлась. Ср.: "*Сегодня бюрократическая машина независимой Украины разрослась больше, чем это было в советские времена, а эффективность ее работы ниже*". – А. Свистунов, "Новый день", 21.03.2002.)

В 20 в. технократическая метафора становится более активной. Так, в "Марше авиаторов", написанном в начале XX в. (П. Герман, 1923 г.), сердце характеризуется как пламенный мотор:

Мы рождены, чтоб сказку сделать былью,
 Преодолеть пространство и простор,
 Нам разум дал стальные руки-крылья,
 А вместо сердца – *пламенный мотор*.

Но если в начале 20 века это – художественная метафора-перевертыш, в которой образ человека и самолета сливаются: у самолета *руки-крылья*, а у человека *сердце – пламенный мотор*, то в конце 20 в – начале 21 в. уподобление человека и его органов технике широко встречается не только в обыденных дискурсах сниженного регистра, в общем сленге, в социально дифференцированных субкодах языка, но и в дискурсах публицистических, агитационно-политических, где эти метафоры совмещают номинативную функцию с оценочной, воздействующей, фатической. Так, от нездорового человека можно услышать, что у него *"барахлит мотор"*, *"моторчик пошаливает"*, жалобы на болезнь суставов могут быть иронично звучать как *"шарниры заедает"*. Один из политиков областного масштаба в предвыборной агитационной статье, чтобы подчеркнуть свою работоспособность и целеустремленность, говорит о себе *"Я – машина, нацеленная на выборы"*, трудности продюсерской работы описываются как трудности вождения машины – *"...иногда разрулить ситуацию не получается, певица таки умудряется удрать из поднадзорного гостиничного номера и заявляется, к общему изумлению, на пресс-конференцию"*. – Дарья Донцова, "Лягушка Баскервилей".

Появившееся в 19 в. нетехническое значение слова механизм стало использоваться для номинации любых, как правило, сложных действий, явлений, органов. Ср.: *"Так, ряд медицинских генетиков утверждают: механизм действия фолиевой кислоты до конца не изучен, а потому добавлять ее в рацион всей популяции нельзя"*.- "Зеркало недели", 8.03.2002; *"У всех животных есть механизмы, запрещающие сексуальные отношения между родственниками, – это необходимо, чтобы избежать дефектного потомства"*. – "Московский комсомолец", 29.11-6.12.2001; *"Я совершенно убежден, что между этой возней и отсутствием жизнеспособного гражданского механизма есть прямая связь"*. – Ю. Пахомов. Утомленные властью // "Московский комсомолец", 29.11.-6.12.2001.

Привычные современному человеку технические образы помогают описать сложные биологические процессы (здесь как раз проявляется антонимичность стереотипов – не техника уподобляется живой природе, человеку, а человек и живое, биологическое, уподобляется теперь более понятной человеку технике): *"Недавно появились данные о новом методе химиотерапии злокачественных опухолей американскими учеными. Они используют фолиевую кислоту в качестве "буксира" для доставки лекарств раковым клеткам"*.- "Зеркало недели", 8.03.2002. Или: *"Оказалось, что они (клетки) свободно перемещаются до тех пор, пока не встретятся с соседними клетками, Обнаруженное явление получило название контактное торможение"*. – Евгеньева Т. Как двигаются клетки // Наука и жизнь, 1975, № 8, с. 33. Даже изучение генома человека стало именоваться словами из технической сферы: *"Генная инженерия служит человеку: она заставляет болезнетворные организмы синтезировать недостающие нам при заболеваниях белки, витамины, гормоны..."*. – "Московский комсомолец", 19.11-6.12.2001.

Ср., так же, как ученые популярно описывают "устройство" морских млекопитающих:

Локаторы морских млекопитающих куда сложнее, чем может показаться на первый взгляд;

Приемопередатчик китов работает направленно, и когда они исследуют окружение, им приходится вращаться наподобие радарной антенны;

Возможно, ночью "передатчик" кита работает лучше. – Ж.-И. Кусто и Ф. Диоле. Властелин морей // Наука и жизнь, 1975, № 8, с. 103 – 104.

В публицистических текстах, посвященных характеристикам политических и финансовых событий, очень активно используются лексемы *технолог*, *технология* и производные от них *политтехнология*, *политтехнолог*. Ни один крупный политический деятель, ни одна партия не обходиться без советов и помощи политтехнологов. Ср.:

"Пресловутые **политтехнологии** и черный пиар были испытаны на практике". – "Интер", 30.03.2002. "Сегодня политическая борьба – это не Нагорная политическая проповедь, а страшная схватка аналитических группировок, поединок **технологий**". – "Товарищ", №36, сентябрь 1999 г.

Политико-публицистический дискурс активно прибегает и к другим лексемам из технической сферы для характеристики отнюдь не технических явлений. Ср.:

"Мало кто знает, что Чехия давно уже превратилась в транзитную зону **перекачки** денег из России на Запад".- "МК", 13-20.12.2001;

"На 2002 год Путин и К0 запланировали **запуск** множества самых разнообразных реформ: коммунальной, судебной, социальной...".- "МК", 29.11-6.12.2001;

"Однако едва ли эксперты МБРР догадывались, какими методами местные власти будут **разруливать** эту проблему" (о проблеме перенаселенности Норильска). – "МК", 29.11-6.12.2001.

На рубеже 20-21 веков технологиями стали все сложные действия. Педагоги в наше время разрабатывают **технологии** обучения, воспитания, напр., разрабатываются **технологии** обучения русскому языку в национальных школах. Ср.: "**Технологии, методики, приемы** так называемого **"лингвистического программирования"** воздействуют сегодня на общественное сознание так, как это было предписано известной установкой А. Даллеса..." ("Товарищ", № 36, сентябрь 1999 г.). Даже артисты владеют не мастерством, а технологиями: "**У высококлассных артистов, владеющих технологией, этот процесс происходит прямо на глазах у зрителей – они так свободно импровизируют, как будто им кто-то диктует сверху**".- "МК", 19.11-6.12.2001).

Примеры использования технических слов для номинации нетехнических явлений можно множить: такие номинации используются очень широко. Активность использования технократических метафор как в номинативной, так и в художественной функции в различных дискурсах – научном (как в собственно-научном, так и в научно-популярном), политическом, публицистическом, художественном, бытовом – русского языка дает нам основание утверждать, что в процессе становления находится новый тип метафорической номинации (как узувальной, так и индивидуально-авторской) – технократический тип метафоризации, базирующийся на новом технократическом стереотипе мировосприятия, возникшем в результате смены традиционной цивилизации цивилизацией техногенной, утверждать, что языковая картина русского этноса приобретает технократические (или техногенные?) черты.

В настоящее время новый технократический тип метафорической номинации в русском языке пока только начинает изучаться [12; 13; 14; 15] и требует детального всестороннего описания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бердяев Н.А. Человек и машина (Проблема социологии и метафизики техники) // Вопросы философии. – 1989. – № 2. – С. 147 – 62.
2. Гак В.Г. Метафора: универсальное и специфическое // Метафора в языке и тексте. – М.: Наука, 1988. – С. 11-26.
3. Гумилев Л.Н. Ритмы Евразии: эпохи и цивилизации – М.: Экспресс, 1993. – 576 с.
4. Лакофф Д., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры. – М.: Прогресс, 1990. – С. 387–415.
5. Миронов А.В. Технократизм – вектор развития глобализации. – М.: МАКС Пресс, 2009. – 132 с.
6. Моисеев Н.Н. Современный антропогенез и цивилизационные разломы // Вопросы философии. – 1995. – № 1. – С. 3–30.
7. Некрасов С.И., Некрасова Н.А. Философия науки и техники: тематический словарь-справочник. Учебное пособие. – Орёл: ОГУ, 2010. – 289 с.

8. Пархоменко И.Т., Радугин А.А. Культурология в вопросах и ответах. – М.: Центр, 2001. [Электронный ресурс] / И.Т. Пархоменко. – Режим доступа: <http://www.countries.ru/library/civilis/civt.htm>
9. Сорокин Ю.С. Развитие словарного состава русского литературного языка в 30-90 гг. XIX в. – М.: Наука, 1965. – 565 с.
10. Социологический словарь. Технократизм [Электронный ресурс] / Технократизм. – Режим доступа: http://mirslovarei.com/content_soc/technokratizm-10591.html
11. Степин В.С. Научное познание и ценности техногенной цивилизации // Вопросы философии. – 1989. – № 10. – С. 3–18.
12. Тропина Н.П. Константы и новые векторы метафорической деривации русского языка // Teaching / learning paradigm of foreign languages / International Conference Materials/ November 15, 2002. – Šiallių universiteto leidykla. – 2002. – P.195-198.
13. Тропина Н.П. Семантическая деривация: мультипарадигмальное исследование (монография). – Херсон, Изд.- во ХГУ, 2003. – 332 с.
14. Тропина Н.П. Языковая картина русского этноса на рубеже столетий: сдвиг стереотипов / Мир русского слова и русское слово в мире. XI конгресс МАПРЯЛ, том 4, Heron Press, София, 2007. – С. 379-385.
15. Ульман С. Семантические универсалии // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 5: Языковые универсалии. – М.: Радуга, 1970. – С. 250-293.

УДК 81-139

Александра Ховалкина
(Симферополь)

ЕДИНСТВО ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ – НАУЧНОЕ И ЖИЗНЕННОЕ КРЕДО Л.В. ЩЕРБЫ И Н.М. ШАНСКОГО

У статті розглядаються й зіставляються біографічні дані двох російських учених, які відіграли вирішальну роль у визначенні напрямку освіти в школі й виші.

Ключові слова: наукова й викладацька діяльність, вітчизняні освітні традиції, практична спрямованість.

This article is considered and confronted biographical facts of two Russian scientists who played decisive role in the definition of the direction of education in school and institute of higher education.

Key words: science and educational work, native tradition of education, practical orientation.

Тезис, вынесенный в название доклада, представляет собой умозаключение, сделанное в результате пристального интереса к жизни и деятельности двух русских учёных-лингвистов, широко известных как академической науке, так и практике отечественного образования.

Их общность определена их славянским происхождением, принадлежностью к русской истории, русской науке, к собственно русистике. По периодизации жизненного пути Н.М. Шанский – младший современник Л.В. Щербы, по преемственности – ученик не только в самом общем смысле, но и через посредство В.В. Виноградова, учившегося у Л.В. Щербы и учившего Н.М. Шанского. Уже одним этим фактом определяется преемственность в русистике на рубеже двух эпох и направление её развития в постреволюционной России.

Объектом нашего рассмотрения, таким образом, является одна из сторон личностей двух учёных-славистов, **предметом** – практическая направленность их деятельности как определяющее свойство их человеческого призвания, **целью** – осмысление их устремлённости к широкой практической деятельности как проявление традиций

отечественной науки. **Методом** рассмотрения является сопоставительный анализ доступных для наблюдения фактов; процедуры анализа – сличение, рассуждение, умозаключение.

Знакомясь с биографическими данными Л.В. Щербы и Н.М. Шанского, включая данные их научной биографии, можно отметить общность их жизненных позиций, свойств ума и характера. Начальный период жизни обоих учёных, как жизни каждого образованного человека, определяется накоплением знаний – в гимназии и школе. В 1898 году Л.В. Щерба окончил с золотой медалью II киевскую гимназию, а Н.М. Шанский – в 1940 году обычную московскую школу, и также с золотой медалью.

Программа русской классической гимназии, как известно, давала достаточно глубокие знания древних и современных языков и имела общую гуманитарную направленность. Однако Л.В. Щерба вначале избрал естественный факультет Киевского университета имени Св. Владимира, откуда затем, в 1899 году перевёлся на историко-филологический факультет Петербургского университета.

Выбор Н.М. Шанского также колебался между математическим факультетом, куда его прочили школьные учителя, и гуманитарным направлением, к чему влекло его будущее призвание. Победила любовь к литературе и стихотворчеству, и в 1940 году он поступил в Московский институт истории, философии и литературы имени Н.Г. Чернышевского, который через год вошёл в состав МГУ имени М.В. Ломоносова.

Будущий учёный – действительный член двух Академий – Л.В. Щерба происходил из среды русской интеллигенции (отец, Владимир Степанович – инженер-техник; мать – Екатерина Валериевна – слушательница педагогических курсов). Будущий академик Н.М. Шанский происходил из семьи простых русских людей, не имевших образования. Отец – Максим Иванович – участник I Мировой войны, был рабочим кожевенного завода, а затем трудился в трамвайном депо; мать, Вера Дмитриевна, постигала грамоту в системе ликбеза. Демократически настроенная среда русской интеллигенции дала миру и стране учёного, чуткого к социальным вопросам и отзывчивого на запросы времени. Рабоче-крестьянская среда выдвинула своего представителя – выдающегося учёного, демократичного в силу своего происхождения и воспитания и отзывчивого на нужды своего народа.

Таким образом, профессиональное становление обоих учёных происходило в двух столичных университетах – Петербургском и Московском. Определяющим обстоятельством студенческой жизни Л.В. Щербы была встреча с выдающимся языковедом начала XX века – И.А. Бодуэном де Куртенэ. В книге В.В. Колесова "Л.В. Щерба" обращается внимание на совпадения в фактах биографии, во внешности и в характере учителя и ученика. В частности, обращает на себя внимание тот факт, что в 60-е годы XIX века Бодуэн де Куртенэ неожиданно оставил математический факультет и перешёл на историко-филологический, как и Л.В. Щерба, резко изменивший направление своего образования.

Учителями Н.М. Шанского была целая плеяда учёных, ставших классиками русской лингвистики советского периода: В.В. Виноградов, Р.И. Аванесов, С.В. Бернштейн, А.М. Селищев, Н.К. Гудзий, А.А. Реформатский, Е.М. Галкина-Федорук. Но главным наставником в науке стал Г.О. Винокур. Н.М. Шанский, слушая лекции Г.О. Винокура и занимаясь в его семинаре по словообразованию, воспринял от него широкий лингвистический кругозор, отношение к научному и педагогическому труду не только как к реализации творческих амбиций, но и как к способности к черновой работе [1, с. 8].

Оба учёных высоко чтили своих учителей: Бодуэн де Куртенэ для Л.В. Щербы "сделался кумиром на многие годы", а Г.О. Винокур даже для своего уже именитого и прославленного ученика, 74-летнего академика Н.М. Шанского, продолжал оставаться дорогим человеком, о чём свидетельствуют воспоминания Т.А. Бобровой.

В.В. Колесов, сопоставляя факты биографий И.А. Бодуэна де Куртенэ и Л.В. Щербы, отмечает общность их социального происхождения. В одно и то же время, на рубеже XVIII-XIX веков, в России появились первые Щербы (в Москве из Сербии) и первые Бодуэны (в Варшаве из Франции): наполеоновские войны подняли с места многие старинные роды, которые осели в России, чтобы затем дать миру великих учёных. "Оба они, – продолжает

В.В. Колесов, – и учитель, и ученик из инженерных семей, рождённые в той социальной среде, которая, сохраняя понятия о личной чести, воспитывала и демократизм в отношении к низшим по социальной ступени. И не только уважение, но и желание помощи, поддержки – дела. Всю свою жизнь и Бодуэн, и Щерба испытывали свойственное для них желание в самой отвлечённой науке, даже в самом теоретическом знании найти ту золотую крупицу практической пользы для всех, которая проистекала бы из новых открытий и достижений современной науки" [2, с. 12].

Н.М. Шанский, будучи генетически связанным с русским народом, вскормленным и вспоенным русской землёй, восходя к старинному русскому роду (Шанские, по свидетельству самого Н.М. – в хрониках России), но социально безусловно пролетарского происхождения, обладал не меньшим стремлением к самоотдаче. "... И более всего любит заниматься тем, что имеет непосредственный выход в практику" – читаем в прижизненном издании биографического сборника "Отечественные лексикографы XVIII-XX века" [3, с. 448]. Будучи младшим современником Л.В. Щербы, Н.М. Шанский стал прямым его преемником и последователем, сочетая в себе систематический труд исследователя в области теоретического языкознания и педагогической деятельности на широкой ниве образования и просвещения.

Практическая деятельность учёного-филолога связана, как правило, с преподаванием словесности в высшей школе. Однако подлинный демократизм носителей высокого научного знания проявляется в деятельном участии в организации школьного образования.

Путь Л.В. Щербы-учёного начинался с опытов преподавания языка и литературы в I кадетском корпусе. Затем, на протяжении всей жизни, Л.В. Щерба вёл преподавательскую и просветительскую работу и в школе, и на высших женских курсах (Бестужевских), и в педагогическом институте в Петрограде. Первый свой научный доклад "О служебном и самостоятельном значении грамматики как учебного предмета" Л.В. Щерба делает в 1904 году на I съезде преподавателей русского языка в военно-учебных заведениях с научно-теоретических и научно-методических позиций. Будущий учёный говорит о необходимости воспитывать у школьников самостоятельное мышление и сосредоточенное внимание к формам языка, выражающим те или иные мысли. В нём уже заявлен главный научный и жизненный принцип учёного: какой бы важной ни была теория, какой бы сложной она ни была – выведи из неё практическое следствие и передай людям [2, с. 21-22].

Путь к преподавательской деятельности Н.М. Шанского пролегал через аспирантуру, где он в течение года под руководством Г.О. Винокура работал над диссертационной темой "Синтаксис онегинской строфы", но затем, после смерти учителя, вынужден был сменить область исследований. За очень короткий срок под руководством Р.И. Аванесова была выполнена работа "Из истории имён существительных на –ость в современном русском литературном языке" – системное диахроническое исследование структурно-семантического разряда слов в сравнительно-историческом аспекте, с выходом в проблематику происхождения русского литературного языка [1, с. 8-9].

Практическая преподавательская деятельность Н.М. Шанского началась в Рязанском педагогическом институте в 1947 году, где он читал все историко-лингвистические курсы. Судя по его личным воспоминаниям о рязанском периоде жизни, своим становлением как учёного он обязан этому трудному периоду послевоенного времени.

Становление учёного Л.В. Щербы происходило под постоянным и заинтересованным вниманием Учителя и продолжалось с 1906 по 1909 годы в условиях длительной заграничной командировки в Лейпциге, Париже и Праге.

Дальнейшие годы научной и педагогической деятельности Шанского связаны не только с преподавательской, но организационно-просветительской деятельности. Работа в качестве старшего редактора в издательстве "Просвещение", чтение лекций издательским работникам, преподавание в Заочном полиграфическом институте, в Московском городском педагогическом институте им. В.В. Потёмкина, а затем, по приглашению В.В. Винаградова,

работа на кафедре русского языка филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова в качестве доцента, а затем и профессора.

С просвещением, и не только вузовским, связана и поистине необозримая деятельность Л.В. Щербы. Оценивая пройденный жизненный путь, Л.В. Щерба в своём научном творчестве особенно выделял последовательное единство теории и практики, создание научной фонетической школы и свою педагогическую деятельность. Ведущий принцип академика Л.В. Щербы – найти практическое применение знаниям самого высокого теоретического уровня, то есть войти в самые широкие области социальной и культурной жизни, вооружившись научной истиной, – в не меньшей мере можно отнести к основным жизненным установкам академика Н.М. Шанского.

Область научных интересов Л.В. Щербы – фонетика, фонология, синтаксис, общая теория языкознания, сравнительная грамматика индоевропейских языков, теория орфографии, диалектология. Область научных интересов Н.М. Шанского – лексикология, этимология, морфология, словообразование, ономастика. Полное совпадение интересов обоих учёных можно наблюдать в области широкого практического применения научных знаний. Это нашло выражение в разработке подходов к созданию фундаментальных трудов справочного характера, в пристальном интересе к вопросам лексикографии и методики преподавания русского и иностранных языков, а также русского для нерусских, в разработке методов лингвистического толкования художественных текстов.

Масштаб личностей, широкая эрудиция, общественный темперамент привели каждого из учёных к обдумыванию серьёзных научных проектов: академической грамматики русского литературного языка – у Л.В. Щербы и базисного русского языка в учебных целях – у Н.М. Шанского.

По свидетельству современников, Л.В. Щерба активно готовил выход такого труда: постоянно размышлял над ним, выносил эти размышления на обсуждение, готовил материалы. Он хотел видеть труд, излагающий грамматическое учение чётким, доступным и изящным языком. По замыслу учёного, таким фундаментальным пособием могли бы пользоваться не только специалисты, но и все образованные люди самых различных профессий [2, с. 84].

Проект Л.В. Щербы был осуществлён коллективом ведущих русистов страны, но первая академическая "Грамматика русского языка" в двух томах была опубликована в 1953-1954 годах, уже после смерти Льва Владимировича. Первая академическая грамматика была по характеру нормативно-описательной, то есть могла служить в качестве справочного пособия для всех, кто стремится правильно говорить и писать по-русски, и в этом отношении вполне соответствовала широким просветительским устремлениям академика. Последующие издания (1970 и 1980 годы) отошли уже от установок нормативности и отражали поиски моделей описания языка, то есть содержали много дискуссионного и не отстоявшегося в науке. Как отмечает В.В. Колесов, "Трудно оказалось исполнить классически ясный и до сих пор важный замысел Л.В. Щербы. Сложно выделить в языке основное и описать не мёртвую схему, не списки фонем и морфем, а живую речь во всех её "обертонках" [2, с. 85]. Требование, последовательно перебирая, описать все уровни языка, но обязательно с точки зрения всех, выйти на уровень категориальных смыслов – задача, посильная лишь академической науке.

Н.М. Шанский, будучи членом-корреспондентом Академии педагогических наук, в 1970 году принял руководство вновь созданным Научно-исследовательским институтом преподавания русского языка в национальной школе. Став, таким образом, во главе целого научного направления, выдающийся теоретик-лингвист призван был разработать концепцию обучения русскому языку нерусских, сопрягая теорию языка с практикой его преподавания в школах всех союзных республик Советского Союза. Николай Максимович увидел, обосновал и закрепил в термине лингводидактика их неразрывную, взаимообуславливающую связь [см.: 4]. Лингводидактика, по мнению автора этого термина, является важным выходом языкознания как науки в человеческую практику: "Прогресс в

обучении языку и прогресс в изучении языка – единое нерасторжимое целое, и одно стимулирует другое" [5, с. 15].

Центральное место в концепции отводится системному лингвистическому описанию, на основе которого может быть создан базисный русский язык, необходимый и достаточный для свободного общения [6, с. 197]. Построение эффективного обучения академик Шанский прямо связывает с уровнем развития теории и практики лингвистического описания, что означает, по мнению учёного, не только глубокий поуровневый анализ языка, но также сопоставительное, типологическое и сравнительно-историческое изучение русского и родного языков. Такое монолингвальное и билингвальное описание должно производиться с соблюдением требования строгой научности, а всякое отступление от строгой научности и системности чревато эмпиризмом, что с позиции учёного недопустимо.

"Николаю Максимовичу не удалось разработать и воплотить в жизнь все свои идеи, касающиеся общей и частной лингводидактики. Многому ещё не пришло время, не созрели исполнители" – свидетельствует Т. А. Боброва [1, с. 13-14]. И, кроме того, истёк исторический срок: в 1992 году Научно-исследовательский институт был реорганизован, а поставленные Н.М. Шанским задачи на какое-то время потеряли свою практическую актуальность. Тем не менее, вопрос о создании базисного русского языка современности на основе лингвистического описания современного русского языка с педагогическими целями сохраняет свою актуальность, поскольку сохраняется потребность в изучении русского языка нерусскими.

Не менее важной и трудной для выполнения, чем создание академической грамматики, была поставленная Л.В. Щербой задача создания академического нормативного словаря современного русского языка. Выполнение её растянулось на многие десятилетия, но в окончательном, соответствующем замыслу виде, она полностью не решена до сих пор. Полный комплект учебных словарей, задуманный Н.М. Шанским, также не был до конца реализован – в нём не оказалось стержневого словаря-справочника по грамматике, что легко объясняется отсутствием системного лингвистического описания языка в учебных целях для иноговорящих учащихся.

Л.В. Щерба, начавший свою трудовую жизнь учителем русского языка в I кадетском корпусе, всю свою жизнь был близок к школе и, находясь во время войны в эвакуации, активно участвовал в работе органов народного образования. О практической направленности этой стороны деятельности учёного говорят сами названия работ по методике, написанных с позиций высокого научного знания: "Образовательное значение языка", "Трудности синтаксиса русского языка для русских учащихся", "О взаимоотношении родного и иностранного языков", "О практическом и общеобразовательном значении иностранного языка", "Как надо изучать иностранный язык". С 1937 по 1944 годы Л.В. Щерба был главным редактором всех стабильных учебников по русскому языку для средней школы. "Действительно, не многие из русских учёных, академиков могут сказать о столь непосредственной и плодотворной связи с народным образованием, школой, школьным преподаванием, как Л.В. Щерба" – замечает В.В. Колесов. Сам Л.В. Щерба, сыгравший решающую роль в становлении школьного образования в 20-е – 30-е годы, объяснял это тем, что в нём сочетались теоретик-лингвист и методист-практик [2, с. 115].

Н.М. Шанский, начав свою трудовую деятельность в качестве преподавателя высшей школы, всю свою жизнь был связан с народным образованием, учительством и средней школой. С 1996 года, в течение 42-х лет, Н.М. Шанский был главным редактором научно-методического журнала "Русский язык в школе". С 1970 года в должности директора НИИ ПРЯНИШ при АПН СССР встал во главе целого научно-методического направления "русский язык в национальной школе", по-прежнему занимаясь вопросами преподавания родного языка в русской школе. Об этом говорят наименования многих его публикаций.

Как и Л.В. Щерба, Н.М. Шанский видел прямую связь, существующую между уровнем теоретических лингвистических знаний и развитием практики преподавания в школе и вузе, утвердив их единство в термине лингводидактика. В докладе на III Конгрессе

МАПРЯЛ в 1976 году (Варшава), Н.М. говорил о том, что "нельзя правильно определить будущее и стратегию лингвистики точно так же, как совершенно невозможно развивать лингводидактику без всё более тщательной и детальной разработки её лингвистических основ" [5, с. 15].

Подводя итог проведённому анализу, можно сделать следующий **вывод**. Эпохальность фигур обоих учёных – Л.В. Щербы и Н.М. Шанского – определяется не только глубиной их проникновения в сферу языка и не только широтой их лингвистических интересов, но также и значимостью их личного участия в послереволюционном и послевоенном становлении отечественного образования. Идеи, лёгшие в основу научной, образовательной, просветительской деятельности этих учёных, не только не исчерпали себя, но и как никогда раньше требуют своего развития и осуществления, взывая к той части современного общества, которая не готова порвать со своими историческими корнями, отечественной наукой, духовными и общественными традициями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Боброва Т.А. О Николае Максимовиче Шанском // Н.М. Шанский – теоретик, практик, педагог: Материалы мемориальной юбилейной международной научно-практической конференции. 22 ноября 2012 г. – Симферополь: Дом Писателей им. Домбровского, 2012. – С. 3-24.
2. Колесов В.В. Л.В. Щерба: Кн. для учащихся. – М.: Просвещение, 1987. – 160 с.: ил. – (Люди науки).
3. Отечественные лексикографы XVIII-XX века / Под. ред. Багатовой Г.Н. – М.: Наука, 2000. – 508 с.
4. Ховалкина А.А. Verba magistri: "русский язык как иностранный" с позиции концепции Н.М. Шанского "русский как неродной" // Н.М. Шанский – теоретик, практик, педагог: Материалы мемориальной юбилейной международной научно-практической конференции. 22 ноября 2012 г. – Симферополь: Дом Писателей им. Домбровского, 2012. – С. 125-138.
5. Шанский Н.М. Русская лингводидактика и языкознание. – "Русский язык в школе", 1976, № 6. – С. 14-18.
6. Шанский Н.М. Русское языкознание и лингводидактика. – М.: "Русский язык", 1985. – 239 с.

УДК 811.161

Наталья Хруцкая
(Киев)

О ВАРИАТИВНОСТИ ЯЗЫКОВОЙ СИСТЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВАХ ДИНАМИКИ ВАРИАНТОВ СЛОВ

Стаття присвячена темі варіативності мовних одиниць у мовній системі, важливості та необхідності аналізу та визначенню перспектив динаміки варіантів слів у майбутньому розвитку літературної мови.

Ключові слова: варіантність мовних одиниць, лінгвістичне прогнозування, критерії визначення потенціала варіанта слова, нормативність.

The article deals with variation of language units in the language system, importance and necessity of analysis and determination of perspectives of words variants dynamics in future development of literary language.

Key words: variations of language units, linguistic prognostication, determination criteria of potential word variant, norm/

Принцип системности в языке предполагает наличие определенным образом связанных между собой элементов, характеризующихся относительной селекцией

императивов по отношению к бесконечному многообразию диспозитивных и ненормативных явлений в языковой системе. Системное взаимодействие языковых явлений обуславливает вариативность языковых единиц на всех уровнях (подсистемах) языковой системы. В частности, В. В. Бабайцева указывает на то, что "при системном описании грамматического строя русского языка обычно выделяются типичные (ядерные) явления – "узловые пункты". Однако становится все более очевидным то, что такие явления не существуют изолированно, они связаны между собой системными отношениями, которые проявляются во взаимодействии типичных явлений, в переходах одних явлений в другие не только в диахронии, но и в синхронии" [1, с. 4]. Данное высказывание полностью соотносится с теорией вариантности языковых единиц, так как само понятие вариантности включает как процессы диахронических трансформаций, так и связи и преобразования в синхронной системе языка. Синхронное состояние языковой системы также динамично, для него характерна лишь относительная статика (аттрактор), так как именно в синхронии создаются предпосылки и условия для диахронических преобразований и трансформаций. Динамика диахронических процессов вариативности намечается в синхронии и нередко присутствует в ней в виде явлений, отражающих результаты исторических процессов эволюции языка. Императивность и вариативность предполагают друг друга. Изучение и описание языковой системы невозможно без анализа языковых вариантов, образующих систему соединительных звеньев как диахронического, так и синхронного характера. Явления вариантности свойственны всем уровням языковой системы, но они охватывают не различные языковые единицы, соотносящиеся как часть и целое, а лишь различные стороны одних и тех же единиц языка – слов. Общим основанием для появления и коэкзистенции вариантов является наличие в системе языковых единиц того или иного уровня парадигматических оппозиций, которые могут иметь не только бинарный, но и полинарный характер. Таким образом, в настоящее время существует необходимость объективного синхронно-диахронического исследования явления вариативности языковых единиц, которое создает острую проблему литературной нормы языка и ее кодификации для прогнозирования дальнейшей динамики нормы литературного языка.

Лабильность языковой системы, неодинаковая степень системности различных ее участков, многочисленные случаи асимметрии формы и содержания, борьба консервативной тенденции (устойчивости) с факторами языковой эволюции (стремление к экономии языковых средств, к проведению аналогий, достижению системности и регулярности, антиномии языкового знака и т. п.) приводят к тому, что в языке постоянно функционирует громадное количество параллельно существующих вариантов языковых единиц, благодаря экзистенции которых языковая система не только в диахронии, но и в синхронии предстает не статической, а саморегулирующейся подвижной и развивающейся системой. В этой системе выделяются центр (императивные варианты языковых единиц) и периферия (диспозитивные и ненормативные варианты языковых единиц), а также доминантные и рецессивные черты и направления развития как системы языка в целом, так и различных ее подсистем (особенно лексической как наименее жестко структурированной). В языковой системе, помимо основной, стабильной части лексического состава, всегда наличествуют элементы старого, уходящего, и нового, продуктивно развивающегося, соотношение которых константно изменяется. И именно в этих двух плоскостях наиболее остро стоит проблема литературной нормы и ее кодификации, оценки того, какой из сосуществующих вариантов входит в норму современного литературного языка, какой оказывается в транслятивной зоне, разделяющей нормативные и ненормативные варианты, а какой остаётся за границей нормативности и переходит в пассивный запас языка. Л. К. Граудина высказывает мысль о том, что "установление закономерностей эволюции литературного языка – одна из центральных задач в лингвистических исследованиях современного языка, которая нуждается в дальнейшем развитии" [2, с. 401]. Описание и анализ динамики литературной нормы произношения, ударения, формообразования и словоизменения на уровне подсистем языковой системы в формальном аспекте важен и актуален для дескрипции и оценки рестандартизации литературной нормы современного русского языка. С этой точки зрения

представляет интерес сравнение конкурентоспособности коэкзистенциальных вариантов языковых единиц в процессе динамики современной литературной нормы.

В настоящее время анализ конкурентоспособности коэкзистенциальных вариантов слов (далее КВС) необходим для определения основных тенденций эволюции языковой системы и ее подсистем и создания лингвопрогностической теории динамики нормы литературного языка и ее рестандартизации. Это позволит в будущем объективировать оценки альтернативных фактов современного языка и усовершенствовать лексикографическую параметризацию формальных языковых вариантов, поскольку нормативная характеристика вариантов языковых единиц и указания на тенденции колебания и изменения литературной нормы (языковая прогнозируемость) могли бы значительно повысить нормативную ценность современных словарей и справочников.

В связи со всем вышеизложенным предлагается конкретная методика для определения потенциала каждого из коэкзистенциальных вариантов вариантной пары (ряда) в определенной языковой подсистеме (фонетической, морфологической и т. п.) в процессе эволюции языковой системы. Данная методика, отвечающая принципам и лингвопрогностики, может быть использована для футурпрогностики не только в современном русском литературном языке, но и других языках аналогичной типологической модели.

1. Узуализация вариантной лексемы (лексы) в социуме (естественная (стихийная) – искусственная (целенаправленная)) / отсутствие узуализации. 2. Стадия конкуренции вариантов: стартовая / аугментарная / комплетивная. 3. Соответствие анализируемого варианта слова форме-репрезентанту (прототипу) и возможностям системы в целом: соответствует / не соответствует. 4. Силовая зона, в которой находится коэкзистенциальный вариант: сильная / транслятивная / слабая. 5. Функционально-стилистическая характеристика вариантной языковой единицы: нейтральное / профессиональное / разговорное / просторечное / народно-поэтическое / высокое / книжное. 6. Территориальные ограничения в использовании коэкзистенциального варианта лексической единицы: общеупотребительное / диалектное. 7. Темпоральная характеристика варианта: общеупотребительно в настоящее время / новое / устаревающее / устаревшее / архаизм. 8. Отношение сосуществующих вариантов к кодифицированной литературной норме: императивный вариант / диспозитивный вариант / ненормативный вариант. 9. Частотная зона использования параллельно существующих вариантов: широко употребительно / достаточно употребительно / редко в употреблении. 10. Продуктивность варианта: продуктивный / непродуктивный. 11. Соответствие динамике эволюции языковой системы и ее подсистем. 12. Лексикографическая параметризация.

Выделенные критерии потенциала формального варианта слова, к которым относятся: фонетические (орфоэпические и акцентологические), фонематические (фонемно-орфографические и собственно орфографические) и морфологические (собственно морфологические и морфолого-фонематические) дадут возможность: а) детерминировать перспективы развития каждого коэкзистенциального варианта пары (ряда) в эволюции языковой системы и литературного языка; б) на основании этого выявить основные тенденции динамики нормы русского литературного языка на современном этапе периода высокодинамического типа эволюции языковой нормы, так как только с учетом всех возможных для конкретного варианта критериев одновременно возможно определить нормативную правомерность той или иной лексической единицы и перспективы ее кодификации и прогнозирования тенденций нормативности [3].

Рассмотрим, как работает предложенная методика на примере следующей вариантной пары.

Включи'т – вклю'чит.

В настоящее время всё активнее функционируют акцентологические варианты глаголов будущего времени 2 лица единственного числа с ударением на корне слова, составляя конкуренцию нормативным вариантам с ударением на флексии: *бури'т* – *бу'рит*, *звони'т* – *зво'нит* и подобные. Лексикографические данные относительно акцентного

варианта включит и подобных противоречивы. ТСИВНСРЯ фиксирует анализируемый вариант как *разговорный* (с.61). В ОСРЯ (с.68) и КСТРЯГФУ (с.63) он отмечен как *! неправильный*. В других источниках КВС включит с ударением на корне вообще не представлен. Несмотря на отсутствие искусственной узуализации, вариант *включит* и подобные: 1) достаточно употребительны; 2) являются ненормативными; 3) не имеют территориальных ограничений; 4) используются в разговорной речи; 5) общеупотребительны в настоящее время; 6) находятся в транслятивной силовой зоне; 7) соответствуют русской акцентологической подсистеме и регрессивной направленности русского ударения, допускающей постановку ударения в глаголах на *-ить* на (пред)последнем слоге и являются коммуникативно целесообразными, поскольку способствуют преодолению омонимии в парадигме словоизменения; 8) находятся в нарастающей стадии конкуренции с нормативным вариантом *включи'т* (*звони'т*, *бури'т*); 9) являются продуктивными, хотя и противоречат литературной традиции; 10) естественно узуализированы, но не кодифицированы; 11) соответствуют динамике языковой системы. В будущем аналогичные варианты имеют перспективы вхождения в литературный язык на правах диспозитивных КВС.

Количество коэкзистенциальных вариантов в различных языковых подсистемах в настоящее время распределяется неравномерно. Наиболее высокий количественный показатель однотипных вариантных пар наблюдается на фонетическом и морфологическом языковых уровнях, а также в области орфографии.

В *фонетической подсистеме*, наряду с историческими фонетическими закономерностями, на изменения в современном произношении в наибольшей степени влияет письменная речь. Усиление "графического произношения" – одна из наиболее ярко выраженных тенденций в области орфоэпии в современном литературном языке. Еще одной существенной тенденцией в динамике современных орфоэпических норм является унификация, заключающаяся в устранении асистемных явлений – исключений и вариантов, противоречащих законам современной фонетической системы русского языка, что приводит к еще большему количеству сосуществующих вариантов-конкурентов, репрезентирующих "старшую" и "младшую" нормы произношения.

В *сфере акцентологии* на общем фоне многообразия акцентных вариантов достаточно сложной оказывается констатация собственно однонаправленных тенденций. Тем не менее можно выделить разнонаправленные тенденции общего плана, затрагивающие разные классы слов. Это: тенденция к ритмическому ударению, заключающаяся в смещении акцента к центру слова; тенденция к грамматикализации, которая заключается в изменении места акцента в отдельных словах и словоформах с целью дифференциации словоформ и частей речи; тенденция использования ударения в качестве маркера функционально-стилистической, темпоральной, социально-профессиональной дифференциации слова; перемещение ударения на первый слог в заимствованных словах под влиянием английских заимствований, имеющих акцент на первом слоге. Это также стимулирует появление в акцентологической подсистеме новых, часто ненормативных вариантов, стихийно узуализировавшихся в социуме.

Фонемно-орфографическая и орфографическая вариантность в настоящее время представлена в основном в сфере заимствованной лексики и обусловлена такими причинами, как несоответствие фонетических подсистем, графического изображения и правил правописания в языке-доноре и языке-реципиенте, а также отсутствием единообразных нормативных критериев для кодификации новых заимствований, что создает широкое поле вариативности.

В *морфологической подсистеме* наблюдается несколько иная картина. Под воздействием таких интралингвистических законов, как: закон традиции, сдерживающий инновационные процессы; аналогии, на основании которого устанавливаются продуктивные образцы слово- и формоизменения; и закон экономии языковых средств, – количество параллельно существующих вариантов постепенно уменьшается, и побеждает вариант либо более краткий, либо в наибольшей степени соответствующий прототипу. Как правило, в паре

сосуществующих вариантов один из компонентов является либо устаревшим, либо просторечным, т. е. находится за пределами литературного языка и из словаря исключается.

Язык как структурно-системное образование представляет собой приспособленный к осуществлению человеческой коммуникации инвентарь инвариантных и вариантных языковых единиц. Наибольшего единства он достигает при сознательном нормировании как обязательной и образцовой реализации языковой системы. И такое нормированное единство представляет собой литературный язык – высшую форму существования общенародного языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабайцева В. В. Явления переходности в грамматике русского языка. / В. В. Бабайцева. Явления непереходности в грамматическом строе современного русского языка / Межвуз. сб. научн. трудов – М., 1988. – С. 3 – 13.
2. Граудина Л. К. ЭВМ и культура речи: итоги и перспективное планирование / Л. К. Граудина. Культура русской речи и эффективность общения / отв. ред. Л. К. Граудина, Е.Н. Ширяев. – М., 1996. С. 397-415.
3. Хруцкая Н. В. Критерии оценки перспектив динамики членов вариантной пары (ряда) коэкзистенциальных вариантов слов в процессе эволюции нормы современного русского литературного языка / Н. В. Хруцкая. Мир русского слова и русское слово в мире. Т.3: Русский язык: диахрония и динамика языковых процессов. Функциональные разновидности русского языка / Мат. XI Конгресса МАПРЯЛ. Варна, 17-23/9 2007. – Heron Press. Sofia, 2007б. – С. 246-254.

ИСТОЧНИКИ

1. **ОСРЯ** – Орфоэпический словарь русского языка. Произношение, ударение, грамматические формы / Под. ред. Р. И. Аванесова. М., 1989.
2. **КСТРЯГФУ** – Н. А. Еськова. Краткий словарь трудностей русского языка : грамматические формы : ударение. – М.: Астрель: АТС, 2005.
3. **ТСиВНРЛЯ** – К. С. Горбачевич. Трудности словоупотребления и варианты норм русского литературного языка. – Л.: Наука, 1974.

Розділ II

КОГНІТИВНА ЛІНГВІСТИКА, СЕМАНТИКА, ТЕРМІНОЛОГІЯ, ОНОМАСІОЛОГІЯ

УДК 81'1

Диана Абжелиева
(Симферополь)

АКТУАЛИЗАЦІЯ ПРИЗНАКОВ В МЕТАЯЗЫКЕ РУССКИХ ОРНИТОНИМОВ

У статті зроблено спробу семантичного опису російських орнітонімів з метою визначення набору основних ознак в їх тлумаченні. Ядро семантичного опису орнітонімів представляють ознаки зовнішнього вигляду і колоративної характеристики птахів; локативна, просторово-часова характеристики перебувають у зоні периферії. Набір семантичних ознак у тлумаченні є непостійним.

Ключові слова: *семантична ознака, орнітонім.*

The article attempts to describe the semantic of Russian to identify a set of key features in their interpretation. The core of their semantic description signs is the appearance and characteristics of birds' colors; locative, spatial and temporal characteristics are within the periphery. A set of semantic features in the interpretation is inconsistent.

Key words: *semantic feature, bird's name.*

Исследование метаязыковых свойств естественного языка получило широкую популярность в конце XX века. При описании значений лексических единиц естественный язык содержит определенный набор некоторых универсальных семантических признаков, к примеру, строение предмета, назначение, местоположение в пространстве и времени, количество, внешние свойства и т. п. [9, с. 220-223].

Метаязык словарных определений учитывает практически все аспекты лексических значений (денотативный и сигнификативный, прагматический, парадигматический и синтагматический, стилистический, словообразовательный, грамматический, фразеологический и т.д.) [2, с. 7-13]. Но эти аспекты в разных словарных статьях представлены неравномерно, поэтому возникает проблема лексикографического описания нелимитируемого значения [1, с. 17], содержащего неисчислимо количество признаков [7, с. 2-5]. Так, вопросам включения различных типов информации в состав словарных толкований посвящены исследования М. Н. Правдина, В. Г. Гака, Л. П. Крысина; метаязык толкований исследуется в работах Н. З. Котеловой, А. И. Киселевского, И. С. Куликовой, Д. В. Салиной, А. Вежбицкой; типология дефиниций рассматривается в трудах Д. И. Арабатского, П. Н. Денисова, А. В. Иванова; классификация семантических признаков дефиниций проводится Д. Н. Шмелевым, Ю. Д. Апресяном, Ю. Н. Карауловым, И. А. Стерниным, Л. А. Грузберг.

В последние годы было написано немало работ в сфере дефинирования орнитонимов и их лингвокультурологической интерпретации, а также защищено несколько диссертаций (М. В. Кутьева, М. Ю. Россихина, Н. Ю. Костина, А. Г. Соколова). Интересными являются работы Н. Д. Голева в сфере определения общих особенностей принципов номинации в диалектной лексике флоры и фауны и Л. В. Амелиной, которая сделала попытку дать

сравнительно-сопоставительную характеристику лексических значений орнитонимов в русском и немецком языке.

Цель нашего исследования – определить объем семантических признаков, которые используются в лексикографическом описании орнитонимов в русском языке.

Для актуализации признаков орнитонимов мы предприняли попытку разложения всего материала по тематическим группам для выявления дифференцирующих признаков слов класса "Птицы".

Анализ дефиниций орнитонимов позволяет нам говорить о том, что наиболее распространенным дескриптором при толковании является размер птицы, который передается такими дифференциальными признаками [6, с.7-8], как *большая, крупная, небольшая, маленькая* и их различными вариантами.

Дифференциальный признак, обозначающий размер "*небольшая*" используется в толковании названий следующих птиц: *горлица, варакушка, зук, кобчик, коноплянка, пуночка, просянка, кулик, московка, мухоловка, овсянка, оляпка, песочник, песчанка, подорожник, чеглок, чибис, чиж, славка стриж, снегирь* и т.д.; "*маленькая*" – *соловей, пеночка, воробей*; "*крупная*" – *фрегат, фазан, гагара, аист, витютень, глухарь, желна, дрофа, гриф, индейка, коршун, марабу, орел, орлан, пеликан, павлин, сип, тетерев, сапсан* и т.д.; "*большая*" – *страус, пингвин, альбатрос, баклан*.

Описание размера птиц в некоторых случаях отсутствует, поэтому этот дескриптор носит выборочный характер, ср.: *цапля* "птица (**обычно крупная**) отряда голенастых, с длинной тонкой шеей..."; *крапивник* "**очень мелкая подвижная птичка отряда воробьиных**..."; *гагарка* "северная морская птица сем. чистиковых, **величиной с небольшую утку**".

Формы строения птиц фиксируются как обычная и необычная, с указанием на сходство с известным предметом: *глупыш*² "северная морская водоплавающая птица, **внешним видом напоминающая чайку**"; *гагарка* "северная морская птица сем. чистиковых, **величиной с небольшую утку**"; *зеленушка* "птица сем. вьюрковых, оливково-зеленой окраски **размером с воробья**".

Наиболее интересным и заслуживающим отдельного рассмотрения является описание внешнего вида орнитонимов. Их толкование описывается в основном в двух направлениях: особенности строения птицы и ее оперения. Приведем примеры интенсивности использования полного набора дескрипторов, характеризующих внешний вид птицы.

При толковании орнитонимов **клюв** представляется такими дескрипторами, как плоский (*утка*), длинный (*аист, бекас, дятел, пеликан*), прямой (*аист, альбатрос, песочник*), конический (*коноплянка*), острый (*дятел*), загнутый (*ибис, клест коршун, кроншнеп, орел*), дугообразный (*песочник*). **Крылья** – длинные (*стриж, сокол, коршун, буревестник, альбатрос*), острые (*стриж, сокол, перепел*), большие (*скворец*), короткие (*оляпка*), узкие (*буревестник, альбатрос*). **Хвост** – длинный (*коноплянка, баклан*), жесткий (*баклан*), вздернутый (*крапивник*), большой распускающийся (*павлин*), короткий (*перепел, скворец*). При описании **хохолка** как части тела птицы в большинстве случаев указывается лишь его наличие (*какаду, свиристель*). В редких случаях – размер: длинный (*чибис*), форма – узкий (*чибис*), веерообразный (*удод*). В качестве дескрипторов, использующихся при описании **ног**, выступают прилагательные 'длинный' (*цапля, фламинго, кулик, ибис, журавль, аист*), 'короткий' (*утка*), 'сильный' (*дрофа*); в отдельных случаях указывается наличие перепонки (*гусь, утка*). **Шея** – короткая (*утка*), тонкая (*цапля*), длинная (*гусь, журавль, лебедь, фламинго*).

Сравнение характеристик размера орнитонимов позволяет говорить о том, что в основном при формировании дефиниций авторы не останавливаются на определенном наборе признаков. Как правило, этот набор определяется самими авторами, что не совсем корректно для понимания, при этом при толковании некоторых орнитонимов вообще отсутствует какая-либо информация о внешнем виде. Здесь возникает вопрос об адекватности лексикографического описания [8, с. 8] языковой единицы:

ЦЕСАРКА, -и, род. мн. -рок, дат. -ркам, ж. Птица отряда куриных.

СВИЯЗЬ, -и, ж. Птица сем. утиных.

ЮРОК, юрка́, м. Северная таежная птица; вьюрок.

Можно предположить, что "значение слова для "наивного носителя языка" – это не набор дискретных семантических признаков, а то, что он имеет в виду или держит в голове, когда употребляет соответствующее слово. Оно должно быть закреплено в коллективном языковом сознании" [4, с.132-140]. В данном случае реализуется прототипическое значение слова (т.е. признаки, связанные с представлением о стандартном образце объекта), но признаки "наивного" понятия, дифференцирующие, отсутствуют. Носитель языка, на котором идет толкование, может отличить цесарку от обыкновенной курицы, но для остальных субъектов такое определение слова *цесарка* будет не достаточным [5, с. 5-10].

Не менее важным признаком, характеризующим орнитоним, является цвет оперения. В основном в названиях птиц оказываются наиболее частотными белый, черный, красный и серый цвета, что связано с реальной окраской птиц. Чаще всего фиксируется не только окраска всей особи, но и ее отдельных частей – головы, крыльев, ног (*шахин – рыжеголовый сокол, сорока-белобока, белоглазка – с характерным ободком из белых перышек вокруг глаза, бекас – с пестрой спинкой и белым брюшком и грудью, горихвостка – с рыже-красным хвостом, желна – с ярко-красным теменем, снегирь – с красной грудкой, пугалица – с белым хвостом и белой полосой на крыльях*).

Многократное употребление прилагательных, номинирующих широкий спектр цветовой гаммы, а также прилагательных оттеночного характера говорит о том, что дифференциальный признак окраски оперения птиц, скорее всего, является ситуативно-обусловленным, а представление об окраске птицы – размытым.

В описании внешнего вида птицы часто используются неточно определённые цветовые тона и оттенки. К примеру, бурый оттенок встречается у *сыча, славки, неясыти, кедровки*; оттенок серовато-бурый – у *соловья, щухи, луни, крапивника*; зеленовато-бурый – у *пеночки*.

Употребление колоративов, носящих коннотативный и оценочный характер, таких как *яркий (фазан, попугай, варакушка)* и *пестрый (удод, сойка, свиристель, попугай, щегол, щёголь)* также широко распространено при дефинировании орнитонимов.

Заметим, что при дефинировании отдельных птиц, выделяя отличительные характеристики цвета оперения, авторы подчеркивают половую принадлежность. Многие самцы птиц имеют яркое оперение.

КАНАРЁЙКА, -и, род. мн. -рёек, дат. -рёйкам, ж. Певчая птица сем. вьюрковых, с **ярко-желтым оперением**, распространена в качестве комнатной птицы.

КОСАЧ, -а́, м. **Тетерев-самец**, имеющий, в отличие от самки, **черное оперение** и **удлиненные перья в хвосте**. Глухарь самец имеет на хвосте **черные косицы** ---, почему и называется **косачом**.

ЛУНЬ, -я́, м. Хищная птица сем. ястребиных, с **серовато-белым оперением у взрослых самцов**.

СНЕГИРЬ, -я́, м. Небольшая лесная певчая птица сем. вьюрковых, с **красной грудью (у самцов)**.

При определении локативного признака орнитонимов учитывается, прежде всего, пространство, на котором обитают птицы. Выделяются такие интегральные признаки, как *земные* и *водные*. Промежуточным видом являются болотные (*бекас, дупель, выпь, кулик, чибис, турухтан*) птицы. К земным птицам относятся: 1) лесные (*вьюрок, дятел, дрозд, зяблик, иволга, кедровка, клест, кукушка, пересмешник, попугай, чиж, свиристель, снегирь*); 2) морские (*буревестник, кайра, пингвин, чистик, фрегат и т. д.*); 3) степные (*перепел*); 4) полевые (*степняк, дрофа*); 5) зона лесотундры (*казарка, плавунчик*). Отдельную группу составляют наименования водоплавающих птиц, которые могут относиться как к морским, так и болотным (*лебедь, лысуха, нырок, крохаль, чайка, пеликан, поганка, крачка, утка и т.д.*).

Локативний признак, широко використовується при дефінуванні орнітонімів, передається набором просторово-часових дескрипторів, одним з яких є прикметникове *перелетные*. Цей маркер присутній в трактуванні таких лексем, як *перепел, сойка, лебедь, соловей, скворец, ласточка, кукушка*).

Поміж перелічених, в дефінуції орнітонімів вказується характеристика по території поширення, яка може бути як конкретною, так і неопределеною, ср.: *южноазиатский павлин, австралийский эму, антарктический пингвин, южноамериканский какаду, северный чистик, северный юрок, полярная кайра*.

Существует также набор признаков, которые носят индивидуальный характер и репрезентируют дополнительную информацию о денотативном содержании орнітонімів. Так, по способности к вокализации, в которой выделяют пение и голосовые сигналы, птицы могут быть певчие (*дрозд, зяблик, пересмешник, иволга, чиж, соловей, снегирь, скворец, щегол, славка и т.д.*). Отдельно выделяется способность к подражанию другим голосам (*попугай, пересмешник, скворец, варакушка*).

Описание образа жизни встречается крайне редко, например, отдельно выделяются ночные птицы (*сова, выпь, сыч, козодой, филин*).

Рацион питания птиц достаточно широко описывается при дефінуванні орнітонімів, но не является носителем ядерного значения определяемого слова. Информация представляется как один из видовых признаков родового понятия, например:

ОРЛАН, -а, м. Крупная хищная птица сем. ястребиных, живущая около водных пространств и питающаяся преимущественно рыбой.

ОВСЯНКА 2, -и, род. мн. -нок, дат. -нкам, ж. Небольшая птица отряда воробьиных, питающаяся преимущественно семенами растений.

КРАЧКА, -и, род. мн. -чек, дат. -чкам, ж. Водоплавающая птица сем. чаек, гнездящаяся по отлогим речным, озерным, морским отмелям и питающаяся рыбой.

КОЗОДОЙ, -я, м. Ночная насекомоядная птица с широкой плоской головой и небольшим клювом глубокого разреза.

ГРИФ 1, -а, м. 2. Крупная хищная птица, гнездящаяся на скалах, обрывах, одиночных деревьях и постройкиках, питающаяся падалью.

СТЕРВЯТНИК, -а, м. Хищная птица сем. ястребиных, питающаяся падалью.

Иногда авторы выделяют в качестве дифференцирующего семантического признака какую-либо физическую функцию птицы, к примеру, *плавунчик – хорошо плавающий, страус – быстро бегающий, стриж – быстро летающий, попугай – способный подражать человеческой речи, синица, – хорошо лазящая, стенолаз – способный лазать по отвесным скалам, ласточка – юркая и быстрая в полете*.

Научная классификация птиц в лексикографической дефінуції представлена в основном на уровне отряда, семейства, рода и вида, к примеру, *отряд воробьиных (дрозд, иволга, мухоловка, оляпка, кедровка, камышевка, крапивник и т.д.); семейство ястребиных (стервятник, беркут, канюк, коршун, лунь, орел и т.д.); род попугаев (какаду, жако), род страусов (нанду, эму); вид (южноамериканский страус, южноазиатский павлин, австралийский страус) и т.д.*

Выводы. Анализ лексикографического описания орнітонімів позволяет нам говорить о том, что вопросы адекватного выбора дифференцирующих признаков, разграничения лексического значения и смысла слова, соотношения принципов филологического определения и энциклопедического описания, показа системных связей языковой единицы так и остаются проблемами составителей словаря.

Ядро семантического описания орнітонімів представляют признаки внешнего вида и колоративной характеристики птицы – т.е. ее структурно-релевантные признаки. Коммуникативно релевантные признаки, такие, как

ЛИТЕРАТУРА

1. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика / Ю.Д. Апресян; Избранные труды. – Т.1. – М., 1995.

2. Арбатский Д.И. О достаточности семантических определений / Д.И. Арбатский Д.И.; Вопросы языкознания. – 1975, № 6. – С. 7-13.
3. Гак В.Г. Лингвистические словари и экстралингвистическая информация / В.Г. Гак; Вопросы языкознания. – 1987. – № 2. – С. 13–16.
4. Голев Н. Д. Количественный аспект мотивационно-словообразовательных отношений (на материале отыменных образований русского языка) / Н. Д. Голев; Словосочетание, словосложение, аффиксация как способы словообразования: Сб. научных трудов. – Владивосток: ДВО АН СССР, 1990. – С. 132-140.
5. Дубкова О.В. Когнитивные основания выделения тематических групп (на материале анализа названий птиц в русском и китайском языках): автореф. дис. на соиск. науч. степени: к.фил.н: спец. 10.02.19 "Теория языка" / О.В. Дубкова. – Новосибирск, 2003. – 20 с.
6. Караулов Ю. Н. Общая и русская идеография. – М., 1976.
7. Костина Н.Т. Названия птиц как специфическая группа слов: На материале русского и английского языков): автореф. дис. на соиск. науч. степени: к.фил.н: спец. 10.02.19 "Теория языка" / Н.Т. Костина – Пенза, 2004. – 20 с.
8. Кутьева М. В. Национально-культурная специфика переносных значений орнитонимов в русском и испанском языках : диссертация ...канд. филол. наук : 10.02.20 / М. В. Кутьева; [Место защиты: Рос. ун-т дружбы народов]. – Москва, 2009. – 399 с.: ил. РГБ ОД, 61 09-10/415
9. Левицкий В. В. Семасиология / В. В. Левицкий. – Винница: Нова Книга, 2006. – 512с.
10. Голев Н. Д. О некоторых общих особенностях принципов номинации в диалектной лексике флоры и фауны / Голев Н. Д. [Электронный ресурс]. – Режим доступа:<http://archive.is/AP4C>

УДК 811.161.1'367.623

Ольга Барина
(Днепропетровск)

ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ ПАРАМЕТРЫ АДЪЕКТИВНЫХ КОЛОРАТИВОВ КАК ПАРАДИГМАТИЧЕСКОГО КЛАССА СЛОВ

У статті розглянуто морфологічні і семантичні особливості ад'єктивних колоративів як лексико-граматичної групи слів.

Ключові слова: колоратив, прикметники, семантика, морфологічні признаки.

The morphological and semantic features of adjective coloratives as lexical and grammatical group of Russian words are regarded.

Key words: colorative, adjective, semantics, morphological features.

Адъективные колоративы являются своеобразным парадигматическим классом слов, соотносящимся с прилагательными как частью речи, и в частности с прилагательными качественными и их лексической репрезентацией. Значимость лексики цветообозначения не вызывает сомнения. Практически все, что видимо глазу человека, имеет свой цвет, поэтому в процессе общения возникает потребность дать название некоторому выделенному фрагменту действительности, а именно: обозначить цвет определенного объекта, что обусловлено классифицирующей функцией человеческого мышления. И неудивительно, что цветовые прилагательные постоянно привлекают внимание ученых. В современной науке изучение колоративов осуществляется в разных аспектах, например, в словообразовательном [5], психолингвистическом [13], с точки зрения исторического развития семантического поля [7], когнитивистики [8].

Естественно, что многие характеристики прилагательных, называющих цвет, сопряжены с их частеречной принадлежностью и все адъективные колоративы относятся к качественным прилагательным. "Качественные прилагательные, указанно в Грамматике русского языка, обозначают свойство, присущее самому предмету или открываемое в нем, часто – такое, которое может характеризоваться разной степенью интенсивности: *белый* –

белее, красивый – красивее, хороший – лучше. Ядро этого разряда составляют прилагательные, основа которых обозначает признак не через отношение к предмету. Сюда принадлежат слова, называющие такие свойства и качества, которые непосредственно воспринимаются органами чувств: цветовые, пространственные... [10, т. 1, с. 539]. Значит, цветовые прилагательные, называющие признак все же через отношение к предмету типа *алебастровый, бирюзовый, янтарный* также считаются качественными. Относительно этого З. П. Данилова, рассматривая проблемы выделения лексико-грамматических разрядов прилагательных, задаётся вопросом: почему цветовые прилагательные не считаются относительными? Ведь "названия некоторых цветов еще и теперь явственно указывают на чувственные образы, типа *небесный – цвета неба (ясного)*" [6, с. 131 – 132]. Заметим, что причину такого и других "противоречий" лингвист видит в мнимости существующей классификации прилагательных на лексико-грамматические разряды, "реально не существующей в языке" [6, с. 134].

В указанной грамматике по поводу "относительных прилагательных в качественном значении" отмечается следующее: "Семантическая граница между качественными и относительными прилагательными условна и непостоянна: относительные прилагательные могут развивать качественные значения. При этом значение предметного отношения в прилагательном совмещается со значением качественной характеристики этого отношения" [10, т. 1, с. 541].

Таким образом, решение вопроса о принадлежности цветовых прилагательных к определённому лексико-грамматическому разряду прилагательных во многом связано с самой проблемой выделения таковых в пределах части речи, и целью нашей статьи является проанализировать семантические и морфологические особенности адъективных колоративов как группы слов, входящей в состав лексико-грамматического разряда качественных прилагательных. Работа выполнена исходя из традиционного понимания качественных прилагательных, изложенного в Академической грамматике русского языка [10, с. 539].

Рассмотрим прежде всего грамматические признаки качественных прилагательных у непроеизводных колоративов, которые, как известно, следующие: качественные прилагательные имеют два ряда форм – полные и краткие, могут образовать формы сравнительной степени, сочетаются с наречиями степени, от качественных прилагательных возможно образование наречий на -о и -е, также они характеризуются способностью образовать другие качественные прилагательные, называющие оттенки и степени качества, и существительные, называющие отвлеченные понятия. Кроме этого качественные прилагательные могут входить в антонимические пары. Всеми признаками качественных прилагательных обладают только два колоратива *белый* (белее, бел (-а, -о, -ы), бело, очень белый, беловатый, белизна) и *чёрный* (чернее, чёрен (-а, -о, -ы), черно, очень чёрный, черноватый, чернота), так как только для этих цветовых прилагательных возможны антагонистические отношения: при условии, что *белый* мыслится как самый светлый, а *чёрный* – самый тёмный из цветов. С другой стороны, если представлять *белый* как цвет снега, а *чёрный* – как цвет угля, то на этом уровне понимания значения слов антонимические отношения столь однозначно уже не прослеживаются. Шестью признаками обладают колоративы *жёлтый* (желтее, жёлт (-а, -о, -ы), жёлто, очень жёлтый, жёлтоватый, жёлтизна), *зеленый* (зеленее, зелен (-а, -о, -ы), зелено, очень зелёный, зелёноватый, зелень), *красный* (краснее, красен, красна, красно, красны, красно, очень красный, красноватый, краснота), *лиловый* (лиловее, лилов (-а, -о, -ы), лилово, совсем лиловый, лиловатый, лиловость), *рыжий* (рыжее, рыж (-а, -е, -ы), рыже, очень рыжий, рыжеватый, рыжесть), *серый* (серее, сер (-а, -о, -ы), серо, очень серый, сероватый, серизна), *синий* (синее, синь, синя, сине, сини, сине, очень темный, темноватый, темнота), *голубой* (голубее, краткая форма мужского рода не употребляется, но есть формы женского и среднего родов, а также форма множественного числа: голуба, голубо, голубы, голубо, очень голубой, голубоватый, голубизна); *алый* (алее, ал (-а, -о, -ы), ало, совсем алый, аловатый, алость). Пятью параметрами качественных

прилагательных характеризуется цветообозначение *румяный* (румянее, румян (-а, -о, -ы), румяно, очень румяный, румянность), четырьмя – *сизый* (сиз (-а, -о, -ы), сизо, чуть-чуть сизый, сизоватый, сизость); тремя – *пунцовый* (пунцов (-а, -о, -ы), пунцово, пунцовость), *багровый* (багров (-а, -о, -ы), багрово, совсем багровый, багровость), *багряный* (багрян (-а, -о, -ы), багряно, багряность); двумя – *оранжевый* (оранжево, оранжеватый); одним – *бурый* (бур (-а, -о, -ы), чуть-чуть бурый, буроватый), *коричневый* (коричневатый), *палевый* (палевость), *фиолетовый* (фиолетово).

Цветовые прилагательные, образованные от названий предметов явлений, как правило, не имеют морфологических признаков качественных прилагательных, но заметим, что в Толковом словаре русского языка С.И.Ожегова и Н. Ю. Шведовой в статьях некоторых из них уже фиксируются образованные от них отвлеченные существительные, например, в статье колоратива *белоснежный* приводится существительное *белоснежность* [9, с. 43], *бронзовый* – *бронзовость* [9, с. 60], *дымчатый* – *дымчатость* [9, с. 184], *жемчужный* – *жемчужность* [9, с. 192], *землистый* – *землистость* [9, с. 229], *золотистый* – *золотистость* [9, с. 232], *кирпичный* – *кирпичность* [9, с. 274], *кумачовый* – *кумачовость* [9, с. 314], *лазурный* – *лазурность* [9, с. 318], *лилейный* – *лилейность* [9, с. 326], *небесный* – *небесность* [9, с. 400], *огненный* – *огненность* [9, с. 443], *перламутровый* – *перламутровость* [9, с. 513], *песочный* – *песочность* [9, с. 515], *пурпурный* – *пурпурность* [9, с. 632], *ржавый* – *ржавость* [9, с. 679], *розовый* – *розовость* [9, с. 683], *свинцовый* – *свинцовость* [9, с. 703], *серебристый* – *серебристость* [9, с. 712], *сиреневый* – *сиреневость* [9, с. 719], *снежный* – *снежность* [9, с. 738], *чернильный* – *чернильность* [9, с. 881], *янтарный* – *янтарность* [9, с. 918]. Производные цветообозначения, образованные от названий предметов, кратких форм не образуют. Исключением являются следующие цветовые прилагательные: колоратив *золотистый*, для которого в Словаре С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой регистрируются краткие формы [9, с. 232]; *изумрудный* – имеет краткие формы – *изумруден*, *изумрудна* [9, с. 243]; *небесный* – *небесен*, *небесна* [9, с. 400]; *серебристый* – *серебрист* [9, с. 713], *смолистый* – *смолист* [9, с. 736] (цветовое значение последнего в рассматриваемом словаре не указано), *снежный* – *снежен*, *снежна* [9, с. 738]. В "Грамматике русского языка" ограничения на образование этих форм поясняются таким образом: "Как правило, кратких форм не имеют (или образуют редко) прилагательные, называющие такие признаки, проявления которых не связывается с представлением о возможном их изменении во времени" и к таким прилагательным относятся в том числе "некоторые прилагательные, называющие цвета: оранжевый, палевый, фиштакшкый"; и "краткие формы не характерны также для относительных прилагательных в качественном значении" [10, с. 555].

Производное цветное прилагательное *белёсый* имеет краткие формы *белёс* (-а, -о, -ы) и образует отвлеченное существительное *белёсость*, может сочетаться с наречием степени *совсем белёсый*.

Таким образом, непроизводные колоративы обладают различным набором морфологических признаков качественных прилагательных от всех семи до одного, тогда как среди производных цветообозначений только некоторые имеют указанные характеристики. Возможности существования морфологических параметров качественных прилагательных у цветовых прилагательных, образованных от названий предметов и явлений, препятствуют ограничения, обусловленные их связью с относительными прилагательными.

Одним из факторов, влияющих на употребительность колоратива в речи и соответственно на развитие морфологических характеристик качественного прилагательного, выступает, прежде всего, его семантика, которая во многом обусловлена положением цветного адъектива в системе цветообозначений в целом. По данным лингвистов Б. Берлина и П. Кея, которые одними из первых обосновали факт существования названий базовых цветов, во всех развитых языках основные цветообозначения, как правило, возникают в несколько этапов: сначала – *белый* и *черный*, затем – *красный*, далее – *желтый* и *зеленый*, потом – *синий*, за ним появляется колоратив *коричневый*, и уже на следующем этапе возникают цветные прилагательные *розовый*, *серый*, *оранжевый*, *фиолетовый* [2].

Этот перечень основных колоративов в русском языке дополняется прилагательным *голубой*, появление которого, по С. В. Кезиной, также происходит на последнем этапе развития названий базовых цветов [7, с. 35]. Таким образом, максимальное количество признаков качественных прилагательных у базовых цветовых прилагательных прямо пропорционально времени их возникновения. Но, учитывая то, что колоративы *серый*, *голубой*, в отличие от цветообозначений *коричневый*, *оранжевый* и *фиолетовый*, имеют столько же признаков, сколько и те цветовые прилагательные, которые появились раньше их, очевидно, существуют и другие причины. Мы считаем, что одной из таких причин может быть именно то, что семантика колоративов *оранжевый*, *фиолетовый* и *коричневый* развилась из значения цветов, появившихся хронологически раньше. Они интуитивно воспринимаются как особые проявления этих ранее выделяемых цветов или как их смешение, т. е. в определенном роде они являются уже уточнёнными названиями конкретных цветовых оттенков. Например, в толковых словарях *оранжевый* представляется как цвет, который является смешением красного и жёлтого, *фиолетовый* – красного и синего, *коричневый* – бурого и жёлтого:

ОРАНЖЕВЫЙ. Один из основных цветов солнечного спектра, средний между красным и жёлтым; жёлтый с красным оттенком, цвета апельсина [12, т. 8, стб. 994]. Имеющий окраску одного из основных цветов спектра – среднего между красным и жёлтым; цвета апельсина [11, т. 2, с. 636]. Имеющий окраску одного из основных цветов спектра – среднего между красным и жёлтым; цвета апельсина [3, с. 732]. Густо-жёлтый с красноватым оттенком, цвета апельсина [9, с. 458].

КОРИЧНЕВЫЙ. Цвета корицы или жареного кофе; буро-жёлтый с темным оттенком [12, т. 5, стб. 1428]. Темный буро-жёлтый; цвета корицы или жареного кофе [11, т. 2, с. 104]. Темный буро-жёлтый; цвета корицы или жареного кофе [3, с. 457]. Буро-жёлтый (цвета жареного кофе, спелого желудя) [9, с. 296].

ФИОЛЕТОВЫЙ. Синий с красноватым отливом, цвета фиалки [12, т. 16, стб. 1407]. Синий с красноватым оттенком, тёмно-лиловый, цвета фиалки [11, т. 4, с. 567]. Синий с красным оттенком, темно-лиловый [3, с. 1424].

Что касается колоратива *голубой*, семантика которого сформировалось на основе значения цветообозначения *синий*, то, по-видимому, большое влияние на развитие у него полного набора морфологических признаков качественных прилагательных оказало его весьма частое употребление. Согласно А. П. Василевичу, этому способствовала его положительная окраска, совершенно нехарактерная определенное время колоративу *синий* [4, с. 46].

Несмотря на то, что колоратив *серый* представляется как средний цвет между *белым* и *черным*, существует возможность различной степени проявления этого "промежуточного" цвета. Ю. Д. Апресян отмечает факт существования в наивной картине мира шкалы постепенного перехода от белого к черному [1, с. 298]. *Серый* может быть ближе или дальше к обоим своим полюсам, то есть к *белому* или *черному* цветам. Это обуславливает способность образовать формы сравнительной степени, кратких прилагательных и других качественных прилагательных, называющих оттенки качеств.

По-нашему мнению, отсутствие морфологических характеристик качественных прилагательных у производных колоративов, образованных от названий предметов, связано не столько с историей их вхождения в систему цветообозначений русского языка (переход относительных прилагательных в качественные в результате метафорического переноса), сколько с их семантическим характерным свойством, которое состоит именно в том, что они уже и так являются указанием на особенность проявления другого признака. Рассмотрим, к примеру, словарные толкования "красных" цветов, данные колоративам с помощью других цветообозначений в Большом толковом словаре русского языка под ред. С. А. Кузнецова: *бордовый* – тёмно-красный [3, с. 91]; *брусничный* – тёмно-красный [3, с. 99]; *вишневый* – тёмно-красный [3, с. 133]; *кирпичный* – коричневато-красный [3, с. 429]; *клюквенный* – тёмно-красный [3, с. 434]; *коралловый* – ярко-красный [3, с. 456]; *кровавый* – ярко-красный [3, с. 471]; *кумачовый* – ярко-красный [3, с. 480]; *малиновый* – тёмно-красный [3, с. 515];

медный – жёлто-красный, рыжий [3, с. 529]; *миндальный* – розовый [3, с. 543]; *огневой* – огненный [3, с. 697]; *огнистый* – огненный [3, с. 697]; *огненный* – ярко-красный [3, с. 697]; *охристый* – жёлто-красный [3, с. 770], *охровый* – жёлто-красный [3, с. 770]; *охряный* – жёлто-красный [3, с. 770]; *персиковый* – жёлтовато-красный [3, с. 825]; *пламенный* – ярко- или оранжево-красный [3, с. 837]; *пурпурный* – багряный [3, с. 929], (а *багряный* – это тоже ярко-красный [3, с. 55]); *пунцовый* – ярко-красный, багровый [3, с. 1046] (значение последнего цветового прилагательного: густо-красный, пурпурный, тёмно-красный с синеватым отливом [3, с. 55]); *розовый* – бледно-красный [3, с. 1127]; *рубиновый* – красный [3, с. 1131]; *рябиновый* – оранжево-красный [3, с. 1137]; *свекольный* – синевато-красный [3, с. 1155]; *фрез* – розовый с сиреневым оттенком [3, с. 1434].

Некоторые морфологические признаки качественных прилагательных исходят именно из того, что они могут обозначать свойство, характеризующееся разной степенью интенсивности. Предмет, который или *краснее*, или *красноватый*, сравнивается с обычным для него красным цветом. Но в приведенных выше примерах толкований колоративы *бордовый*, *коралловый* и под. тоже сравниваются с красным, и если представить шкалу красного цвета с двумя полюсами: красный и максимально темно-красный, то на разных отрезках будут расположены: *бордовый*, *брусничный*, *вишнёвый*, *клюквенный*, *малиновый*. И тогда, например, *бордовый*, который и так уже есть указанием на конкретное проявление красного, не может быть светлее или темнее. Более темный или более светлый красный уже имеет своё название. По этой же причине нехарактерны для русского языка употребления типа "*бордолее*".

Таким образом, цветовые прилагательные как парадигматический класс слов русского языка обладают различным количеством параметров качественных прилагательных. Большим количеством таких свойств характеризуются непроизводные цветообозначения русского языка, а производные – соответственно меньшим. На развитие морфологических признаков производных колоративов оказали ограничения, действующие в сфере относительных прилагательных, а также специфичность их семантики по отношению к непроизводным цветообозначениям. Непроизводные и производные колоративы относятся к одному лексико-грамматическому разряду, так как обозначают один и тот же признак, с той лишь разницей, что последние указывают свойство более конкретизировано, что не предполагает возможности его изменения и соответственно образования форм, значение которых связано с выражением различной степени качества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка / Ю. Д. Апресян. – Москва: Наука, 1974. – 367 с.
2. Берлин Б. Основные цвета: их универсальность и видоизменения / Б. Берлин, П. Кей. – М.: Знание, 1969. – 169 с.
3. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 2000. – 1536 с.
4. Василевич А. П., Кузнецова С. Н., Мищенко С. С. Цвет и названия цвета в русском языке / Под общ. ред. А. П. Василевича. – М: КомКнига, 2005. – 216 с.
5. Волков В. В. Деадъективное словообразование в русском языке / В. В. Волков. – Ужгород: Изд-во Уж. Г У, 1993. – 300 с.
6. Данилова З. П. К вопросу о лексико-грамматических разрядах прилагательных / З. П. Данилова // Вопросы теории и методики изучения русского языка. Морфология. – Казань: Изд-во Казанск. гос. пед. инст.-та, 1976. – С. 130 – 138.
7. Кезина С. В. Семантическое поле цветообозначений в русском языке (диахронический аспект): автореф. дис. ... док. филол. наук: спец. 10.02.01. "Русский язык" / С. В. Кезина. – Челябинск, 2010. – 51 с.
8. Козлова Н. Н. Когнитивный механизм метафоризации цвета (на материале фразеологизмов с колоративами *green/зелёный*): автореф. дис. ... канд. филол. наук: спец. 10.02.19. "Теория языка" / Н. Н. Козлова. – Иркутск, 2010 – 16 с.

9. Ожегов С. И. Словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. 4-е изд., доп. – М.: ООО "ИТИ Технологии", 2003. – 944 с.
10. Русская грамматика. М.: Наука, 1980. – Т. 1. – 783 с.
11. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. – 2-е изд. – М.: Рус. яз., 1981-1984.
12. Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. – М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1948 – 1965.
13. Фрумкина Р. М. Цвет, смысл, сходство: Аспекты психолингвистического анализа / Р. М. Фрумкина. – М.: Наука, 1984. – 173 с.

УДК 81'373.611

Анна Галаева
(Херсон)

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ ТЕХНОКРАТИЧЕСКИХ ГЛАГОЛЬНЫХ ИННОВАЦИЙ

У статті описуються моделі розвитку технічними дієсловами нових значень. При моделюванні враховується динаміка сем похідних і мотивуючих значень з погляду їх статусу в ієрархічній структурі і денотативного значення..

Ключові слова: *семантична деривація, семантика дієслова, семантичні моделі.*

The methods of development of new untechnical values of technical verbs are described in the article as models. While creating models the dynamics of semas of derivative and productive meanings is taken into account from point of their status in a hierarchical structure and denotative meaning.

Key words: *semantic derivation, semantics of verbs, semantic models.*

Одним из первых, кто обратил внимание на необходимость изучения лексической семантики (вещественного, реального, материального значения) русского глагола, был Ю.С. Маслов [7, с. 303]. Наиболее полно семантический анализ глаголов представлен в работах Н.Ю. Шведовой, Ю.Д. Апресяна, Е.В. Падучевой, Г.И. Кустовой, Р.И. Розиной и др. [11; 1; 8; 6; 9].

Несмотря то, что глагол отличает богатство и разнообразие семантических возможностей, изучению семантической деривации в сфере глагольной лексики посвящено сравнительно небольшое количество работ (Е.Ю. Ваулина [2], Н.А. Кожевникова [4] и др.). В конце XX – начале XXI вв. наблюдается активное развитие техническими глаголами нетехнических значений. Развитие метафорических нетехнических значений техническими глаголами практически не становилось объектом лингвистических исследований; исключением является работа Н.П. Тропиной [10, с. 259-285].

Исследования технократических инноваций с применением структурных методов позволяют конструировать модели технократической семантической деривации метафорического типа. Вслед за Н.П. Тропиной, под моделью в семантической деривации мы понимаем "описание способа образования семем, при котором учитывается денотативно-понятийное значение мотивирующей семемы, денотативно-понятийное значение производной семемы, а также семантический формант, характеризованный с содержательной и, возможно, формальной стороны. Денотативно-понятийное значение определяется через идеографическую отнесенность и вхождение в лексико-тематическую группу" [10, с. 123].

Предметом нашего исследования стали технические глаголы во вторичной номинации метафорического типа, которые были разделены по денотативному принципу на три лексико-семантические группы: глаголы включения / исключения техники, глаголы движения техники, глаголы работы техники / с / над техникой.

Основываясь на положении о том, что состояния, свойства, качества человека "мыслятся" при описываемых нами семантических процессах как состояния, свойства, качества технических механизмов и аппаратов, нами было выделено три модели технократической семантической деривации глаголов: 1) Глаголы включения / исключения техники > Физические действия и психические состояния человека; 2) Глаголы движения техники > Физические действия и психические состояния человека; 3) Глаголы работы техники / с / над техникой > Физические действия и психические состояния человека.

В каждой модели выделены способы образования новых семем технических глаголов:

1). Смена архисемы с сопутствующей актуализацией дифференциальной семы "качественная характеристика" и сохранением ее статуса в производном значении. При данном способе деривации в основе переноса лежит указание на сходство характеристик семантических дериватов, которое выражается конкретными дифференциальными признаками, ср.: *включать* в значении "начать действовать (о человеке)" от исходного "привести в действие (технический механизм)".

2). Смена архисемы с сопутствующим переходом всего объема дифференциальных сем в статус потенциальных в производном значении и прибавление новых дифференциальных сем. Образование новых дериватов может происходить путем перехода эксплицитных сем исходного значения в статус потенциальных сем в производном, кроме того, ядро нетехнического деривата образуют новые дифференциальные семы. Ср: *выключаться* в значении "приходить в бессознательное состояние, заснуть" от исходного "прекратить, прервать действие".

3). Смена архисемы с сопутствующей актуализацией скрытой периферийной семы исходного значения и ее переход в ядерную дифференциальную сему в производном. Наличие неосновных, имплицитных сем в составе исходного значения технических глаголов, актуализируясь, ложится в основу метафорического переноса, формируя ядро производного нетехнического значения. Ср: *бомбить* в значении "разрушать, сводить на нет" от исходного "атаковать с самолета, сбрасывая бомбы".

4). Смена архисемы с сопутствующей актуализацией ассоциативного признака (потенциальные семы исходного значения остаются на периферии в производном значении). Основанием технократической семантической деривации метафорического типа может быть ассоциативный признак. Связь исходного и результативного значений глагола строится на скрытых ассоциативных смыслах. И, хотя в дефиниции мотивированного значения может не содержаться указаний на мотивирующее, связь эта все равно уловима, так как она апеллирует к языковому чутью, лингвострановедческой компетенции говорящего. Ср: *бомбить* "заниматься рэкетом" от исходного "атаковать с самолета, сбрасывая бомбы".

Смена архисемы исходного значения является основой структурно-семантических преобразований лексического значения, т.е. метафоризации, и происходит в каждой представленной модели следующим образом: "смена состояния техники" → "физическое действие человека" / "психическое состояние человека", "передвижение в пространстве техники" → "физическое действие человека" / "психическое состояние человека", "работа техники / с / над техникой" → "физическое действие человека" / "психическое состояние человека".

В модели "глаголы включения / исключения техники (ГВ / ВТ) > физические действия и психические состояния человека (ФД / ПСЧ)" мы выделяем следующие способы образования новых семем:

1). Смена архисемы + актуализация ДС со значением "качественной характеристики" в виде ядерной эксплицитной:

$$\begin{array}{ccc} & \text{д>д} & \\ \text{ГВ / ВТ} & \rightarrow & \text{ФД / ПСЧ} \\ & \text{КХ} & \end{array}$$

По этой модели развили новое нетехническое значение лексема *включать*.

Пример описания особенностей модели. Перенос из техносферы в антропосферу; мотивирующая ЛСГ "глаголы включения / исключения" – пополняемая ЛСГ "физические действия лиц"; номинация: состояния технических механизмов и аппаратов – физическое действие человека; семантический формант: дифференциальная сема "толчок к действию" в составе мотивированного значения сохраняет свой статус. Тип: метафорический.

Включать "привести в действие" > "начать действовать": **"Включись в деловую среду! Теперь бизнес можно вести из дома"** //АиФ. – 2012. – № 39. – С. 18-19.

2). Смена архисемы + весь объем ДС исходного значения становится периферийным + новые ДС:

(д>п)+д

ГВ / ВТ → ФД / ПСЧ

По этой модели развили новое нетехническое значение лексемы *включать, включаться, выключать, выключаться, отключать, отключаться, врубаться, вырубать, вырубаться, отрубать, отрубаться*.

Пример описания особенностей модели.

Перенос из техносферы в антропосферу; мотивирующая ЛСГ "глаголы включения / исключения" – пополняемая ЛСГ "психические состояния лиц"; номинация: состояния технических механизмов и аппаратов – психическое состояние человека; семантический формант: дифференциальная сема "привести в действие" в составе мотивированного значения получает статус потенциальной семы, приобретаются новые дифференциальные семы. Тип: метафорический.

Включать "привести в действие" > "прийти в какое-либо состояние или притвориться каким-либо": **"Знаете, я однажды поймал себя на отвратительном чувстве обиды на весь белый свет. И тогда я запретил себе навсегда *включать* обиженного. Это унижительно..."** – из интервью доктора психологических наук Александра Суворова //Комсомольская правда. – 2011. – № 25. – С. 12.

3). Смена архисемы + актуализация ассоциативного признака:

п>п

ГВ / ВТ → ФД / ПСЧ

По этой модели развила новое нетехническое значение лексема *вырубаться*.

Пример описания особенностей модели.

Перенос из техносферы в антропосферу; мотивирующая ЛСГ "глаголы включения / исключения" – пополняемая ЛСГ "физические действия лиц"; номинация: состояния технических механизмов и аппаратов – физическое действие человека; семантический формант: актуализация имплицитных ассоциативных потенциальных сем "нарушение равновесия", "негативные последствия". Тип: метафорический.

Вырубаться "выключиться (при помощи рубильника)" > "нагло себя вести, идти на конфликт с кем-либо": **"Ты на меня не *вырубайся*, я то я тебе пятки к ушам приклею"** [3].

В модели "глаголы движения техники (ГДТ) > физические действия и психические состояния человека (ФД / ПСЧ)" мы выделяем следующие способы образования новых семем:

1). Смена архисемы + актуализация ДС со значением "качественной характеристики" в виде ядерной э ксплицитной:

д>д

ГДТ → ФД / ПСЧ

КХ

По этой модели развили новое нетехническое значение лексемы *рулить, подрулить, зарулить, дрейфовать, колесить, прокурсировать, тормозить, заглохнуть, газовать*.

Пример описания особенностей модели.

Перенос из техносферы в антропосферу; мотивирующая ЛСГ "глаголы движения техники" – пополняемая ЛСГ "физические действия лиц"; номинация: передвижения в пространстве технических механизмов и аппаратов – физическое действие человека;

семантический формант: дифференциальная сема "ход" в составе мотивированного значения сохраняет свой статус. Тип: метафорический.

Колесить "много ездить, разъезжать по разным направлениям" > "идти, двигаться" : "*Колесуй отсюда!*" [3].

2). Смена архисемы + весь объем ДС исходного значения становится периферийным + новые ДС:

(д>п)+д

ГДТ → ФД / ПСЧ

По этой модели развили новое нетехническое значение лексемы *приехать, доезжать, подъезжать, въезжать, съезжать, отъезжать, тормозить, тормозиться, затормозить, затормозиться, рулить*.

Пример описания особенностей модели.

Перенос из техносферы в антропосферу; мотивирующая ЛСГ "глаголы движения техники" – пополняемая ЛСГ "психические состояния лиц"; номинация: передвижения в пространстве технических механизмов и аппаратов – психическое состояние человека; семантический формант: дифференциальные семы "направление движения вниз", "удаление" в составе мотивированного значения получает статус потенциальной семы, приобретаются новые дифференциальные семы. Тип: метафорический.

Съезжать "спуститься с чего-нибудь (при езде)" > "сходить с ума, становиться странным": "*Я тоже умею съезжать с катушек, Я тоже люблю зажигать закаты. И ненавижу бездушных игрушек, И всегда мечтала податься в пираты!*" – из стихотворения Евгении Середкиной *Я тоже умею съезжать с катушек...*; источник: <http://www.stihi.ru>.

3). Смена архисемы + актуализация потенциальной семы, ее переход в дифференциальную:

п>д

ГДТ → ФД / ПСЧ

По этой модели развила новое нетехническое значение лексема *газовать*.

Пример описания особенностей модели.

Перенос из техносферы в антропосферу; мотивирующая ЛСГ "глаголы движения техники" – пополняемая ЛСГ "физические действия лиц"; номинация: передвижения в пространстве технических механизмов и аппаратов – физическое действие человека; семантический формант: скрытая потенциальная сема исходного значения "отдалиться, скрыться из виду" приобретает статус дифференциальной в производном значении. Тип: метафорический.

Газовать "увеличивать скорость движения автомашины" > "Уходить откуда-либо": "*Газуй отсюда, а то шины проколю – уходи отсюда, а то побью*" [3].

4). Смена архисемы + актуализация ассоциативного признака:

п>п

ГДТ → ФД / ПСЧ

По этой модели развили новое нетехническое значение лексемы *съездить, въезжать, заехать, глушить, заглушить, газовать*.

Пример описания особенностей модели.

Перенос из техносферы в антропосферу; мотивирующая ЛСГ "глаголы движения техники" – пополняемая ЛСГ "физические действия лиц"; номинация: передвижения в пространстве технических механизмов и аппаратов – физическое действие человека; семантический формант: актуализация имплицитных ассоциативных потенциальных сем "приближение", "резкое соприкосновение". Тип: метафорический.

Въезжать "едучи, попасть, проникнуть внутрь" > "ударять, ударяться": "*...он чуть ли не улегся мне на спину, то и дело норовя въехать в глаз локтем*" Колесова Н.В. – Как я мужа искала. // Огни Кузбаса. Кемерово, 2009. -№1. С. 43-67 .

В модели "глаголы работы техники / с / над техникой (ГРТ) > физические действия и психические состояния человека (ФД / ПСЧ)" мы выделяем следующие способы образования новых семем:

1). Смена архисемы + актуализация ДС со значением "качественной характеристики" в виде ядерной эксплицитной:

д>д
ГРТ → ФД / ПСЧ
КХ

По этой модели развили новое нетехническое значение лексемы *звонить, обзвонить, обзвониться, прозвонить, телеграфировать, бомбить*.

Пример описания особенностей модели.

Перенос из техносферы в антропосферу; мотивирующая ЛСГ "глаголы работы техники / с / над техникой" – пополняемая ЛСГ "физические действия лиц"; номинация: работа техники / с / над техникой – физическое действие человека; семантический формант: дифференциальная сема "разговаривать с большим количеством людей" в составе мотивированного значения сохраняет свой статус. Тип: метафорический.

Обзвонить "позвонить (по телефону) многим, во многие места" > "распространить слух, всем рассказать, разболтать что-либо; испортить дело лишними разговорами; сглазить": "Когда он узнал, что наше российское руководство решило его понизить, он **обзвонил** всем партнерам, всем своим знакомым, как с ним жестоко обошлись..." из поста "Про шефа"; источник: <http://serovaz.openblogs.info>.

2). Смена архисемы + весь объем ДС исходного значения становится периферийным + новые ДС:

(д>п)+д
ГРТ → ФД / ПСЧ

По этой модели развили новое нетехническое значение лексемы *звонить, фотографировать (фотить), бомбить*.

Пример описания особенностей модели.

Перенос из техносферы в антропосферу; мотивирующая ЛСГ "глаголы работы техники / с / над техникой" – пополняемая ЛСГ "физические действия лиц"; номинация: работа техники / с / над техникой – физическое действие человека; семантический формант: дифференциальная сема "разговаривать" в составе мотивированного значения получает статус потенциальной семы, приобретаются новые дифференциальные семы. Тип: метафорический.

Звонить "вызывать телефонным звонком для разговора по телефону; также вообще о телефонном разговоре" > "лгать, разносить сплетни": "У нас со свекровью отношения не сложились. По её вине. Она **звонила** про меня всякую чушь..." – из поста от 23.02.2012; источник: <http://www.baby.ru>

3). Смена архисемы + актуализация потенциальной семы, ее переход в дифференциальную:

п>д
ГРТ → ФД / ПСЧ

По этой модели развили новое нетехническое значение лексемы *пылесосить, бомбить, отбомбить, отбомбиться*.

Пример описания особенностей модели.

Перенос из техносферы в антропосферу; мотивирующая ЛСГ "глаголы работы техники / с / над техникой" – пополняемая ЛСГ "физические действия лиц"; номинация: работа техники / с / над техникой – физическое действие человека; семантический формант: скрытая потенциальная сема исходного значения "воздействовать" приобретает статус дифференциальной в производном значении. Тип: метафорический.

Пылесосить "чистить пылесосом" > "воздействовать, приставать, надоедать": "Любопытная статья о деятельности небезызвестной правозащитницы Ольги Романовой,

которая *пылесосит* мозги населению через "Эхо Москвы" и "Новую газету" – из поста "Скандал с Ольгой Романовой"; источник: <http://amikron.livejournal.com>.

4). Смена архисемы + актуализация ассоциативного признака:

п>п

ГРТ → ФД / ПСЧ

По этой модели развили новое нетехническое значение лексемы *фурычить*, *пылесосить*, *рихтовать*, *позвонить*, *бомбить*, *заряжать*, *заряжаться*, *подзаряжаться*.

Пример описания особенностей модели.

Перенос из техносферы в антропосферу; мотивирующая ЛСГ "глаголы работы техники / с / над техникой" – пополняемая ЛСГ "психические состояния лиц"; номинация: работа техники / с / над техникой – психическое состояние человека; семантический формант: актуализация имплицитных ассоциативных потенциальных сем "действовать", "качественно". Тип: метафорический.

Фурычить "работать, быть на ходу (о моторе, автомобиле, приборе и т.п.)" > "понимать, разбираться в чем-либо": "*Не лезь, в чем не фурычишь*" [3].

Выявление языковых закономерностей, связанных с процессом реконструкции деривационного акта, позволяет представить наиболее распространенные структурно-семантические модели развития нетехнических значений у технических глаголов. В результате анализа фактического материала установлено, что наиболее продуктивными из заявленных моделей являются модели "глаголы движения техники > физические действия и психические состояния человека", где новые семемы образуются путем смены архисемы с сопутствующей актуализацией дифференциальной семы "качественная характеристика" и сохранением ее статуса в производном значении, и "глаголы работы техники / с / над техникой > физические действия и психические состояния человека", где новые семемы образуются путем смены архисемы с сопутствующей актуализацией ассоциативного признака. Перспектива исследования заключается в том, чтобы выявить и описать все типы и виды технократической метафорической деривации современного русского языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апресян Ю.Д. Избранные труды: в 2т. / Ю.Д. Апресян М.: Язык рус. культуры, 1995. – Т.1: Лексическая семантика. – 472 с.
2. Ваулина Е.Ю. О глагольной метафоре / Е.Ю.Ваулина // Русская речь. – 1993. – №6. – С. 32 – 39.
3. Елистратов В.С. Толковый словарь русского арго / В.С. Елистратов. – М.: Азбуковник, 2000. – 694 с.
4. Кожевникова Н.А. Словоупотребление р русской поэзии начала XX века / Н.А. Кожевникова. – М.: Наука, 1986. – 256 с.
5. Курилович Е. Деривация лексическая и деривация синтаксическая (К теории частей речи, 1936) / Е. Курилович // Очерки по лингвистике. Сборник статей. – Москва: Иностранная литература, 1962. – С. 57 – 70.
6. Кустова Г. И. Глаголы изменения: процесс и наблюдатель / Г.И. Кустова // НТИ, Сер. 2. 1994. № 6. С. 16 – 31.
7. Маслов Ю.С. Вид и лексическое значение глагола в современном русском литературном языке / Ю.С. Маслов //Изв. АН СССР, отд. лит. и яз., 1948, т. 7, вып. 4, С. 303 – 316.
8. Падучева Е.В. Динамические модели в семантике лексики / Е.В. Падучева – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 608 с.
9. Розина Р. И. От происшествий к действиям (семантическая деривация как способ пополнения общего жаргона) / Р.И.Розина // Русский язык сегодня. Вып. 1: Сб. в честь Д. Н. Шмелева. – М.: Азбуковник, 2000. С. 418 – 432.
10. Тропина Н. П. Семантическая деривация: мультипарадигмальное исследование (монография) / Н. П. Тропина. – Херсон: Изд. ХГУ, 2003. – 332 с.
11. Шведова Н.Ю. Лексическая классификация русского глагола (на фоне чешской семантико-компонентной классификации) / Н.Ю. Шведова // Славянское языкознание: IV Международный съезд славистов. Киев – М., 1983. – С. 306 – 323.

**"ВОДА – СМЕРТЬ" КАК КОМПОНЕНТ СЕМАНТИЧЕСКОГО
НАПОЛНЕНИЯ КОНЦЕПТА "ВОДА" В ИДИОСТИЛЯХ
М. ЦВЕТАЕВОЙ И А. АХМАТОВОЙ**

У статті проаналізовані семантичні наповнення концепту "Вода", що пов'язані з ідеєю смерті в поезії М. Цветаєвої та А. Ахматової.

Ключові слова: мова, поняття "Смерть", концепт "Вода", ідиостиль, концептосфера.

The paper analyzes the semantic content of the concept of "Water", which is associated with the idea of death in poetry of Tsvetayeva and Akhmatova.

Key words: language, concept of "Death", the concept of "Water", idyostyle, conceptual scope.

*Мы говорим о смерти иначе, чем знаем о ней,
как будто мы знаем больше, чем ничего
К. Харп Ниббриг*

Каждая национальная культура формирует ряд образов, символов, концептов, сквозь призму которых просматриваются отличительные особенности восприятия мира определенным этносом.

Осмысление человеком окружающего его мира, взаимодействие с ним на различных этапах развития общества фиксирует язык.

Язык – "есть универсальная форма первичной концептуализации мира и рационализации человеческого опыта, выразитель и хранитель бессознательного и стихийного знания о мире, историческая память о социально значимых событиях человеческой жизни" [16, с. 268].

Понятие "Смерть" – одно из ключевых смыслов человеческого бытия. Будучи оппозиционным компонентом понятия "Жизнь", "Смерть" занимает важную позицию в ценностной системе координат любого человека.

Концепт "Вода" наряду с диадой "Жизнь – Смерть" относится к числу универсальных культурных концептов. Особенность данного концепта состоит в том, что он амбивалентен: вода – есть жизнь и в то же время вода – есть смерть. Так, в основе одного из первых осмыслений мира у Фалеса Милетского вода – начало и конец мира: "все появляется из воды и в воду все разлагается" [21, с. 109].

Данный концепт уже являлся объектом исследования многих ученых. В работах Ю. С. Степанова [20], Г. И. Складневской [19] вода рассматривается в качестве культурной константы. В. В. Колесов [15], Л. В. Балашова [3], Н. В. Гришина [3] анализируют концепт "Вода" в аспекте соотношения языка и сознания. Философскому осмыслению воды посвящена работа М. Х. Кусмидиновой [17], И. В. Войтешук [9], Т. И. Бадмаева [2], С. П. Васильева [7], О. В. Гунькина [12] в целом определяют роль данного концепта в языковой картине мира. И. А. Богданова [5] обращается к воде как к архетипу, функционирующему в текстах русских народных сказок и в художественных произведениях. Н. В. Гришина [11] проводит описание семантического (номинативного и метафорического) поля вода в диахронии (с XI в. по начало XXI в.).

Концепт "Вода" изучается также на примере творчества отдельных писателей и поэтов, например в работах А. В. Костина [16] (В. И. Даль), У. М. Дмитриева [14] (А. С. Пушкин), Е. В. Галдина [10] (И. А. Бродский), Н. А. Меженской [18] (В. Астафьев и В. Тендряков), Ю. Г. Бобковой [4] (В. П. Астафьев) и другие.

Функционирование концепта "Вода" в той или иной национальной картине мира, а также его использование в художественных произведениях как средства отражения авторского "я", его мировосприятия настолько многогранно и неисчерпаемо, что дает возможность исследователям рассматривать данный концепт в новых, ранее не изученных, аспектах, или на новом материале.

Целью данного исследования является изучение поэтического текста с точки зрения его концептуальной природы, а именно описание всех зафиксированных семантических наполнений концепта "Вода", связанных с идеей смерти, в идиостилях М. Цветаевой и А. Ахматовой.

В поэтических текстах М. Цветаевой и А. Ахматовой концепт "Вода" до сих пор не рассматривался в сопоставительном плане, а тем более – оппозиция "вода – смерть" как компонент семантического наполнения указанного концепта, это и определяет новизну данной работы.

Выбор в качестве материала исследования поэзии М. Цветаевой и А. Ахматовой объясняется тем, что М. Цветаева и А. Ахматова, живя и творя в непростое для русского народа время, буквально шли рука об руку со смертью. Тяжелые судьбы обеих способствовали тому, что тема смерти в их творчестве была едва ли не одной из главных. Горестей и бед, которые пришлось пережить поэтам, хватило бы на десяток судеб.

Рассмотрение понятия "Смерть" сквозь призму концепта "Вода" позволяет выявить ряд интересных смысловых наполнений "Воды – Смерти":

1. Вода – опасность.

Вода издревле воспринималась как опасная, губительная, вредоносная стихия. Данную семантику концепта воплощает в своих поэтических текстах, как М. Цветаева ("*Буйны, злы морские хляби*" [24, Т.1, с.383], "*Глубоки моря! / Ворочайся вспять! / Зачем рыбам – зря / Красоту швырять?*" [24, Т.1, с.544] – отрывки посвящены морякам, поэт предупреждает их о могуществе и коварстве водной стихии), так и А. Ахматова ("*И ледяные пенные столбы / Взбешенное выбрасывало море*" [1, Т.1, с.56] – речь идет о событиях Великой отечественной войны; "*Был блаженной моей колыбелью / Темный город у грозной реки*" [1, Т.1, с.82] – повествуется о Петербурге и реке Неве).

2. Вода – горе, беда.

Устойчивой ассоциацией в лингвокультуре русского народа считается ассоциация "вода – горе (беда)", это подтверждают пословицы и поговорки, в которых закреплена познавательный опыт этноса, передаваемый из поколения в поколение: *Где вода, там беда. От воды всегда жди беды* [13, Т.2, с.340], *Где много воды, там жди беды* [13, Т.1, с.118], *Путь водою – проходит бедою* [13, Т.1, с. 217]. Подобная ассоциация прослеживается и в идиостиле А. Ахматовой: "*Перед этим горем гнутся горы, / Не течет великая река, / Но крепки тюремные затворы, / А за ними "каторжные норы" / И смертельная тоска*" [1, Т.1, с.196] – отрывок из поэмы "Реквием". У М. Цветаевой также реализуется эта оппозиция: "*Горе ты горе, – соленое море! / Ты и накормишь, / Ты и напоишь, / Ты и закружишь, / Ты и заслужишь!*" [24, Т.1, с.441].

3. Вода – граница смерти.

Вода, будучи пространственным элементом, воспринимается как граница "своего" и чужого". Не случайно распространенным в славянской культуре является представление о том, что "тот свет" находится "по ту сторону моря", "за рекой". Аналогичное восприятие воды как границы находим у Цветаевой ("*Милый друг, ушедший дальше, чем за море! / Вот вам розы – протянитесь на них. ... / Милый друг, ушедший в вечное плаванье*" [24, Т.1, с.213], "*...За потустороннюю границу: / К Стиксу!...*" [24, Т.2, с.232], "*Опять подойду с узелком утром рано / К больничным дверям. / Вы просто уехали в жаркие страны, / К великим морям*" [24, Т.1, с.212]) и у Ахматовой ("*А за рекой на траурных знаменах / Злоещие смеются черепа*" [1, Т.1, с.142]). Следовательно, как справедливо заметила К. А. Вислова, вода – "переход между посюсторонним и потусторонним мирами" [8, с.283].

4. Вода – смерть (самоубийство).

В концептосфері обох поетес вода представлялась олицетворенням смерті. Так, у М. Цветаєвої вода могла служити средством ухода из жизни: *"Встать в полночную пору, / ...Над пучиной согнуться, / Бросить что-то в пучину... / – Никогда не вернуться – / Дело Царского Сына!"* [24, Т.1, с.441], *"Спускающейся в пруд / Лестницей трав несмятых, / И знающей, что ждут / Ризы – прекрасней снятых / По выходе из вод"* [24, Т.2, с.159], *"В воду пропуск / Вольный. Розам – цвесь! / Бросил – брошусь! / Вот тебе и месь!"* [24, Т.2, с.228]. Такое же смысловое наполнение концепта "Вода" представлено и в стихотворениях А. Ахматовой (*"О глубокая вода / В мельничном пруду, / Не от горя, от стыда / Я к тебе приду. / И без крика упаду"* [1, Т.2, с.19]). Вода в каком-то смысле есть "приглашение к смерти" [6, с. 43].

Ярким примером того, что А. Ахматова отождествляла воду со смертью, являются следующие строки: *"Заплакал и шапку снял моряк, / Что плавал в набитых смертью морях, / Вдоль смерти и смерти навстречу"* [1, Т.1, с.212]. А в строках стихотворения М. Цветаєвої: *"Без поворота и без возврата, / Часом и веком. / Это сестра провожает брата / В темную реку. / Без передыху и без пощады / это сестра оскользнулась взглядом / В братнюю руку"* [24, Т.2, с.116] – лирическую героиню можно сравнить с Хароном, героем древнегреческой мифологии, перевозчиком душ умерших через реку Стикс в подземное царство мертвых.

В рамках смысловой диады "вода – смерть" в следующих стихотворных отрывках М. Цветаєвої просматриваются известные фразеологические единицы: *"Вода любит концы. / Река любит тела"* [24, Т.2, с.229] – "концы в воду" [22, с.226], *"В ложке воды тебя – ох – потопит / Злой человек"* [24, Т.1, с.348] – "утопить (-ся) в ложке воды" [22, с. 557].

5. Вода – могила.

Стихия воды в идиостиле М. Цветаєвої воспринималась как могила: *"Тихо плыл, озаренный звездою, / По поверхности пруда / Темно-синий берет. / ... Над могилой, где дремлет ее маленький паж"* [24, Т.1, с.50], *"– На дне она, где ил: / И водоросли... Спать в них / Ушла..."* [24, Т.2 с.199], *"...Расщелины ледниковой / Синь, на дне опочишь коей..."* [24, Т.2, с.201]. Данное восприятие воды пришло в славянскую мифологию из древнегреческой.

О культе похорон в воде у индусов писал К. Г. Юнг: мертвеца помещали в дерево и пускали по воде, а так как дерево и вода – это материнские символы, следовательно, мертвец возвращался к матери, чтобы родиться заново [25, с.225].

Г. Башляр в произведении "Вода и грезы. Опыт воображения материи" отметил, что вода – "это стихия, помнящая о мертвых" [6, с.44], "материальная опора смерти" [6, с.49].

6. Вода – место обитания нечистой силы.

По представлениям древних славян, что в свою очередь также закреплено в фольклорных памятниках, вода являлась местом обитания различных существ (водяных, русалок, кикимор, чертей): *"У пруда русалку кликаю, / А русалка умерла"* [Ахматова: 1, Т.1, с.37], которые, с одной стороны, были враждебно настроены к человеку: *"Когда ж в пруду она исчезла / И успокоилась вода / Он понял – жестом злого жезла / Ее колдун увлек туда"* [Цветаева: 24, Т.1, с.24], а с другой, человек вовсе их не боялся: *"А по мне – хоть дно морское! / Пусть сам черт меня заест!"* [Цветаева: 24, Т.1, с.446].

В результате проведенного исследования можно сделать вывод, что смысловые наполнения концепта "Вода", связанные с идеей смерти (вода – опасная стихия, которая ассоциируется с горем (бедой), воспринимается как граница смерти, символизирует смерть (самоубийство), служит могилой), доминирующие в идиостилях М. Цветаєвої и А. Ахматовой, являются достаточно схожими между собой в силу того, что каждая из них была близка к русскому фольклору, славянской мифологии, традициям и истории русского народа. Но это не значит, что их поэтические миры дублируют друг друга. "Вещи равновелики. И совершенно разны", – говорила М. Цветаева [24, Т.5 с.433]. Так, М. Цветаева и А. Ахматова, словно проводящие, ведут нас строками своих стихотворений по музею собственной души, приоткрывая завесу смерти.

Полученные результаты позволяют утверждать, что "вода – смерть" как компонент семантического наполнения концепта "Вода" в творчестве М. Цветаєвої и А. Ахматовой

является, безусловно, важной составляющей концепта "Вода", воплощая его периферийную семантику.

Кроме того, смысловое наполнение концепта "Вода" компонентом "вода – смерть" в идиолектах М. Цветаевой и А. Ахматовой является "входом" в другой концепт, не менее значимый для концептосферы обеих поэтесс, а именно концепт "Смерть".

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахматова А. Сочинения: в 2 т.: Стихотворения и поэмы / Сост. и подгот. текста М. М. Кралина. – М.: Правда, 1990.
2. Бадмаева Т. И. Концепт "Вода" в английской лингвокультуре / Т. И. Бадмаева // Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2006. – 18 с.
3. Балашова Л. В., Гришина Н. В. Концепт "воды" в языковом сознании человека Древней Руси / Л. В. Балашова, Н. В. Гришина // Мурзинские чтения: Динамика языка в синхронии и диахронии: материалы межвузовской научной конференции. Пермь, 2002. – С. 102–108.
4. Бобкова Ю. Г. Концепт и способы его актуализации в идиостиле В. П. Астафьева: на материале цикла "Затеси" / Ю. Г. Бобкова // Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Пермь, 2007. – 24 с.
5. Богданова И. А. Функционирование архетипического концепта "вода" в текстах народного и индивидуального творчества / И. А. Богданова // Автореф. дисс. ...канд. филол. наук. – Челябинск, 2006. – 23 с.
6. Башляр Г. Вода и грезы. Опыт о воображении материи / Пер. с франц. Б. М. Скуратова. – М.: Издательство гуманитарной литературы, 1998. – 268 с.
7. Васильева С. П. Русская топонимия Приенисейской Сибири: картина мира / С. П. Васильева // Автореф. дисс. ...канд. филол. наук. – Красноярск, 2005. – 29 с.
8. Вислова К. А. Концепт "ВОДА": лингвокультурный аспект (на материале словарей разного типа) / К. А. Вислова // Ученые записки Таврического нац. ун-та им. В. И. Вернадского. – Серия "Филология". – Том 20 (59). – №1. – 2007. – С.283–286.
9. Войтешук И. В. Содержание и средства объективации концепта "вода" в языке речи / И. В. Войтешук // Автореф. дисс. канд. филол. наук. – Челябинск, 2002. – 23 с.
10. Галдин Е. В. Концепт ВОДА как полевая структура и способы его выражения в русском языке: На материале поэтических текстов И. А. Бродского / Е. В. Галдин // Автореф. дисс. ...канд. филол. наук. – Ставрополь, 2006. – 16 с.
11. Гришина Н. В. Концепт ВОДА в языковой картине мира: На основе номинативного и метафорического полей русского языка XI-XX вв. / Н. В. Гришина // Автореф. дисс. ...канд. филол. наук. – Саратов, 2002. – 29 с.
12. Гунькина О. В. Концепт "WASSER" в немецкоязычной художественной картине мира в диахроническом и синхроническом аспектах / О. В. Гунькина // Автореф. дисс. ...канд. филол. наук. – Воронеж, 2010. – 25 с.
13. Даль В. И. Пословицы русского народа: Сборник: В 2-х т. / В. И. Даль. – М. : Худож. лит., 1984.
14. Дмитриева У. М. Стихия воды в лирике А. С. Пушкина / У. М. Костин // Автореф. дисс. ...канд. филол. наук. – Новосибирск, – 2009. – 21 с.
15. Колесов В. В. Язык и ментальность / В. В. Колесов. – СПб. : "Петербургское востоковедение", 2004. – 328 с.
16. Костин А. В. Способы концептуализации обиходно-бытовых понятий в разножанровых произведениях В. И. Даля (на материале концепта "вода") / А. В. Костин // Автореф. дисс. ...канд. филол. наук. – Иваново, 2002. – 32 с.
17. Кусмидинова М. Х. Концепт Волги в историко-культурном развитии России / М. Х. Кусмидинова // Автореф. дис. ...канд. филол. наук. – Астрахань, 2010. – 28 с.
18. Меженская Н. А. Стихия ВОДА в языке художественной прозы В. Астафьева и В. Тендрякова / Н. А. Меженская // Автореф. дис. ...канд. филол. наук. – Белгород, 2010. – 23 с.
19. Складневская Г. Н. Метафора в системе языка. / Г. Н. Складневская. – СПб. : "Наука", 1993. – 152 с.
20. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры: Изд. 2-е, испр. и доп. / Ю. С. Степанов – М. : Академический проспект, 2001. – 990 с.

21. Фрагменты ранних греческих философов. Часть 1. / Составитель А. В. Лебедев – М.: Наука, 1989. – 576 с.
22. Фразеологический словарь русского языка. / Авторский коллектив: проф. Федосов И. В., канд. ф. н. Лапицкий А. Н. – М.: "ЮНВЕС", 2003. – 608 с.
23. Харт Ниббриг Кристиаан Л. Эстетика смерти / Пер. с нем. А. Белобратова. – СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2005. – 424 с.
24. Цветаева М. Собрание сочинений: в 7 тт. / Сост., подгот. текста и коммент. А. Саакянц и Л. Мнухина. – М.: Эллис Лак, 1994.
25. Юнг К. Г. Либи́до. Его метафоры и символы / К. Г. Юнг. – СПб., 1984. – 356 с.

УДК 811.161.1'37

Татьяна Калугина
(Киев)

ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКОЙ ЕДИНИЦЫ

У статті проаналізовано існуючі підходи до визначення ономазіологічної одиниці, встановлено її ознаки.

Ключові слова: *ономазіологія; мовний смисл; ономатама.*

In article the author analyzes the existing approaches to defining of onomasiological unit, sets its signs.

Key words: *onomasiology; language sense; onomatheme.*

Одной из важнейших задач современной ономазіологии является дальнейшее углубление теории языковых смыслов, предложенной проф. Е. Н. Сидоренко и создание полноценного описания языковых средств выражения различных языковых смыслов. При этом возникает необходимость введения соответствующих базовых дефиниций, среди которых основными являются такие единицы описания, как ономатама и ономазіологический ряд.

Каждому уровню языка соответствуют свои единицы. На синтаксическом уровне элементарной (минимальной), далее неделимой единицей является синтаксема – "минимальная, далее неделимая семантико-синтаксическая единица русского языка, выступающая одновременно как носитель элементарного смысла и как конструктивный компонент более сложных синтаксических построений, характеризуемая, следовательно, определенным набором синтаксических функций" [1, с. 4]. Однако синтаксема является единицей синтаксического уровня, а не номинативной единицей, позволяющей перейти на уровень категориального значения не только части речи или члена предложения, но и языкового смысла со своей минимальной единицей.

В статье поставлена цель – проанализировать существующие подходы к выделению ономазіологической единицы и определить дифференциальные признаки такой единицы.

Существуют различные термины для обозначения номинативной единицы: ономатама, номинанта, номинатема. Термин "ономатама" предложен В. М. Никитевичем для обозначения минимальной единицы номинации: "Номинативную функцию способна выполнять лишь такая единица, в которой присутствует основное понятийное лексическое значение с совмещенными с ним классифицирующими – деривационными и реляционными значениями. Назовем такую единицу ономатемой" [2, с. 123]. В. М. Никитевич определяет ономатему как ономазіологическую единицу, которая с точки зрения номинативного (ономазіологического) членения, являясь элементарной синтагмой значимых единиц, изоморфна формуле предложения [3, с. 12].

Э. В. Кузнецова определяет слово-ономатему как "знак, имеющий самостоятельное содержание, которое может быть осмыслено вне контекста, независимо от функционирования в составе предложений. Это обобщенная виртуальная единица лексической системы, главной функцией которой является номинация" [4, с. 29–30].

М. В. Федорова использует термин "номинанта" для словных и расчлененных единиц именования. Она выделяет четыре типа несвободных сочетаний: фраземы-идиомы (бить баклуши – бездельничать), лексикализованные сочетания (железная дорога, магнитный железняк), числовые формулы (триста пятьдесят три), номинативные группы (кто опоздал, что не твое) [5, с. 75–89].

В. И. Теркулов при обозначения "базовой единицы именования" опирается на понятие "концепт" и вводит термин "номинатема", под которым понимает структурную языковую единицу, модель, определяющую возможности тождественной номинации в речи при помощи различных своих субстантных речевых реализаций – глосс. "Объединение глосс в одну номинатему осуществляется ... по двум параметрам: они должны актуализировать один и тот же концепт и быть формально взаимосвязанными" [6, с. 28]. Структурными разновидностями номинатемы автор считает слово, сочетание слов и словосочетание [7, с. 14]. Номинатема, а не слово, на взгляд В. И. Теркулова, является исходной, атомарной формой номинативного выражения концепта [6, с. 28].

Значение номинатемы ученый представляет следующим образом: "На уровне языка это единое инвариантное значение-концепт, представляющее собой систему грамматических (смыслообразующих) и лексических (смыслоустанавливающих) сем, которые актуализируются в речи в глоссах в ситуациях денотации и коннотации, то есть формируют систему лексического и грамматического модифицирования номинатемы" [8, с. 81].

Он выделяет 3 типа модифицирования номинатемы: 1) грамматическую идентичность, основанную на тождестве грамматических показателей, значений и синтаксических функций глосс: "у Меркурия нет **спутника** (муж. р., ед.ч., род. п., дополнение)" – "у нее нет **спутника** (муж.р., ед.ч., род.п., дополнение)"; 2) грамматическую дублетность – грамматическое различие глосс, могущее существовать при выполнении разными глоссами идентичной синтаксической функции: "он стоял за **дверями** (**дверьми**)"; 3) грамматическое варьирование, при котором формы одной номинатемы связаны отношениями дополнительной дистрибуции, которая имеет своим источником различие в синтаксических функциях глосс: "я еду **в город**" / обстоятельство места, вин.п., ед.ч./" – "**город** был мал" /подлежащее, им.п.ад., ед.ч./.

Н. В. Дьячок описывает варианты и вариации номинатем типа "словосочетание + эллиптический универб". По ее мнению, в одну номинатему объединяются варианты, обладающие тождеством значения и частичным формальным (фонетическим) историческим тождеством [9, с. 73].

Л. Капшук под номинатемой понимает лексико-семантические варианты слова, репрезентирующие его лексическое значение в системе языка [10, с. 143]. Возразим против такого понимания термина. Термины "номинатема" и "лексико-семантические варианты слова" не могут быть признаны равнозначными, так как при таком понимании смешиваются ономасиологический и семасиологический подходы. Мы поддерживаем мнение Н. Д. Голева о том, что последовательный ономасиологический подход должен с необходимостью привести к отрицанию полисемии (=ее интерпретации как омонимии), поскольку мы имеем дело с разным идеальным содержанием, выраженным тождественной звуковой оболочкой, которая в принципе может и не быть тождественной [11, с. 15].

Из перечисленных терминов наиболее удачным мы считаем термин, предложенный В. М. Никитевичем – ономатема, так как его внутренняя форма отражает взаимосвязь с соответствующим подходом.

Как языковая единица, ономатема должна обладать набором дифференциальных признаков. К таким признакам, во-первых, относится связь ономатемы с номинацией, отмечаемая всеми лингвистами и не требующая подробного анализа. К этому критерию нам

хотелось бы добавить связь ономатемы с прономинальными языковыми средствами, которые, во-первых, служат категоризаторами языковых смыслов и, во-вторых, могут включаться в формирование номинативного значения языковой единицы в лексиях и фразовых номинантах.

Другим существенным признаком является вербализация языкового смысла. Теория языковых смыслов, предложенная Е. Н. Сидоренко, включает 13 компонентов: 1) предметность, 2) признак предмета, 3) количество и число, 4) качество, образ и способ действия, 5) мера и степень, 6) пространство, 7) время, 8) причина и следствие, 9) цель, 10) условие, 11) уступка, 12) процесс, 13) состояние. Все единицы именованья, независимо от формы выражения, распределяются в соответствии с названными языковыми смыслами, что выявляется логическим путем при помощи учебно-исследовательских вопросов (на уровне морфологии – морфологических, на уровне синтаксиса – синтаксических) [12].

Третьим признаком является возможность выражения тождественного содержания как нерасчлененно (словом, словоформой), так и расчлененно (предложно-падежной формой; словосочетанием, семантически эквивалентным слову; лексией; фразовым номинантом). О необходимости рассмотрения таких единиц писал В. Н. Мигирин: "Явления называются не только словами, но и структурами, имеющими строение словосочетания или предложения... Внутренней формой обладают не только слова, но и придаточные предложения, выступающие в качестве развернутых членов предложения и представляющие собой окказиональные названия" [13, с. 191]. Включая расчлененные единицы именованья в одну сферу с нерасчлененной единицей – словом – мы уходим от словоцентризма, присущего лингвистике XX века, что позволяет решить многие теоретические и практические задачи, ранее не имевшие решения, и пересмотреть целый ряд лингводидактических подходов.

С учетом названных критериев мы предлагаем следующее определение: ономатама – языковая единица именованья, формирующая номинативное, отображаемое прономинально значение слова или языковой конструкции и вербализующая (нерасчлененно или расчлененно) конкретный языковой смысл.

ЛИТЕРАТУРА

1. Золотова Г. А. Синтаксический словарь: Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. Изд. 2-е, исправленное / Галина Александровна Золотова. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 440 с.
2. Никитевич В. М. О минимальной номинативной единице и предмете ономатологии / В.М. Никитевич // Современный русский синтаксис. Словосочетание и предложение: Межвуз. сб. научн. трудов. – Владимир, 1986. – С. 115–124.
3. Никитевич В. М. Основы номинативной деривации / В. М. Никитевич. – Минск: Вышэйшая школа, 1985. – 158 с.
4. Кузнецова Э. В. Лексикология русского языка: Учеб. пособие для филол. фак. ун-тов. / Эра Васильевна Кузнецова. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Высш. шк., 1989. – 216 с.
5. Федорова М. В. Синонимия членов предложения, выраженных различными номинативными средствами (номинантами) / М. В. Федорова // Изучение синтаксической синонимии в вузе и школе: Межвуз. сб. научн. трудов. – Белгород, 1992. – С. 75–89.
6. Теркулов В. И. Гештальтная семантика глагольной номинатемы / В. И. Теркулов // Язык. Текст. Дискурс : Научный альманах Ставропольского отделения РАЛК / Под ред. проф. Г.Н. Манаенко. Вып. 9. – Ставрополь : Изд-во СГПИ, 2011. – С. 28–38.
7. Теркулов В. И. Слово и номинатема: опыт комплексного описания основной номинативной единицы языка / В. И. Теркулов. – Горловка: Изд-во ГГПИИЯ, 2007. – 240 с.
8. Теркулов В. И. О грамматическом модифицировании номинатемы [электронный ресурс] / В. И. Теркулов. – Режим доступа: http://archive.nbuv.gov.ua/portal/Soc_Gum/Nvkhdu/2010_X/15.pdf
9. Дьячок Н. В. Параметры определения вариантов и вариаций номинатем типа "словосочетание + эллиптический универб" / Н. В. Дьячок // Східнослов'янська філологія: від Нестора до сьогодення: матеріали Міжнар. наук. конф. – Горлівка : Вид-во ГДПІМ, 2010. – С. 71–74.

10. Капшук Л. К типологии комплексных объединений номинатом // Лилия Капшук // Лінгвістичні студії : збірник наукових праць Донецького національного університету. – Вип. 17. – Донецьк: Вид-во ДонНУ, 2008. – С. 143–146.
11. Голев Н. Д. Ономазиология как наука о номинации // Русское слово в языке и речи : сборник статей.– Вип. 2. – Кемерово: КГУ, 1977. – С. 13–23.
12. Сидоренко Е. Н. Языковые смыслы и ономазиологические средства их выражения. Монография / Евдокия Николаевна Сидоренко. – Симферополь: КРП "Издательство "Крымучпедгиз", 2008. – 128 с.
13. Мигирин В. Н. Язык как система категорий отображения / В. Н. Мигирин. – Кишинев : Штиинца, 1973. – 237 с.

УДК 81'42

Ульяна Карпенко
(Киев)

ПЕРВОКОРЕНЬ СЛОВА "ГОРДЫЙ"

У статті вивчається розвиток першокореня слова "гордый", розглядається поняття першокореня, трансляція його смислу та трансформація значень.

Ключові слова: смисл, значення, етимологія, першокорінь.

The article deals with the development of the primary root of the word "gordiy", the concept of the primary root, translation of it's sense and transformation of it's meanings.

Key words: sense, meaning, etymology, primary root.

Одной из важнейших задач данного исследования является определение первокорней, которые продолжают жить (и порождать) в современном русском языке. В процессе поиска первокорней выявляются закономерности путей последних, которые, трансформируясь полисемией, путешествуют по языкам, обрастают значениями, транслируя исходный смысл. Подобное исследование актуально для сравнительно-исторического языкознания в его новом когнитивном аспекте.

Первокорень соотносим с тем, что М. М. Маковский называет "душой слов": "...одно и то же значение, своеобразная "душа" слов, может в том или ином варианте... воплощаться и перевоплощаться в различных языковых оболочках, неодинаковых по своей типологии в языковом пространстве и во времени" [4, с. 71]. При выведении первокорня следует руководствоваться правилом В. И. Ильич-Свитыча, который отмечал необходимость исключения возможных заимствований, малонадёжных сближений, случайных соответствий.

Естественной средой для поиска первокорней являются этимологические словари. Когнитивный анализ выводит этимологические разыскания на новый виток развития, в частности, с позиций лингвокультурологии и межкультурной коммуникации.

Обратимся к изучению трансформации значений первокорня, заключённого в слове "гордый".

Гордый – праславянское, восходит к индоевропейскому корню *grdъ. Значение развивалось следующим образом: гордый, высокомерный, пренебрегающий трудностями, странный, глупый. Однокоренными словами являются латинское gurdus – глупый, тупой > надменный, сербохорватское грдан – безобразный, противный, польское hardy – непокорный, дерзкий. Далее оценочное отношение изменилось, в древнерусском гордыи обозначало "страшный, непокорный", а также "важный, великолепный". В чешском однокоренное слово hrdina обозначает герой [6, с. 106; 7, с.109].

В современном испанском слово gordo имеет значение "толстый" и восходит к латинскому gurdus – глупый, тупой [8, с. 278]. Очевидно, в пределах испанского языка значение развивалось по следующей логике: толстый, значит, здоровый, сильный, тупая

сила, глупость. Этот же путь осмысления передаёт пословица: "Сила есть – ума не надо". Она является общечеловеческой, поскольку имеет аналоги в других языках, например, в турецком: "Hem suçlu hem güçlü", буквально, "что виноват, что силён". Семантический примитив данной поговорки (atasözü – отцовского слова, назидания) следующий: кто силён, тот и прав, 'неосмысленная, наносящая ущерб сила', то есть "глупая сила".

Отталкиваясь от значения 'сила', выскажем предположения о родственности английского hard – 1) твёрдый; чёрствый, жёсткий, 2) сильный, 3) тяжёлый, 4) суровый (о климате), а также фразеологически связанное выражение to be hard on smb. – быть несправедливо строгим с кем-либо. Последнее передаёт значение 'несоответствия истине', 'глупости'. Слово современного английского языка hard восходит к староанглийскому heard, которое соотносится с древнесеверным harthr, древнефризийским herd, древневерхнемецким herti, готским hardus (твёрдый, тяжёлый), греческим kratus (сильный) [9, с. 708].

Учитывая придыхательный характер звука, обозначаемого буквой h в английском и его нулевой характер в итальянском, испанском, французском, предположим родство древнесеверного harthr с именем Артур, которое в английском написании выглядит как Arthur. О происхождении данного антропонима нет единого мнения. С одной стороны, предполагается, что это этрусское имя Artoriu, с другой, его связывают с кельтским Artua – облако, с третьей, считается, что антропоним произошёл от ирландского Art – медведь [10, с. 1091]. В русском языке также существует единая номинация медведя и человеческого имени Михаил. Допуская верность третьей версии, отметим, что Миша в представлении народов, на территории которых встречается животное медведь, видится носителем грозной силы. В таком случае, значение "сильный, страшный, медведь" соответствует корню Art – Arthur – harthr.

Опираясь на тот факт, что однокоренным является чешское слово hrdina (герой), обратимся к этимологии слова "герой", которое было заимствовано в русский из французского и восходит к латыни, куда оно пришло из греческого [1, с. 146; 3, с. 193]. В английский hero (герой) пришло из латыни hērōs, куда оно было заимствовано также из греческого [9, с. 728].

Греческое héros, очевидно, родственно санскритскому vír-а (сильный) [10, с. 357]. Таким образом, значение 'сильный' могло быть исходным в слове "герой". Этому корню санскрита родственно латинское vír – человек, мужчина [10, с. 357], от которого произошло имя прилагательное современного итальянского языка virile – мужественный. Очевидно, однокоренным является слово испанского языка varon – мужчина, которое более активно используется в латиноамериканском, в частности, в перуанском варианте испанского языка. В последнем функционирует также слово varuna – охранник (вышибала) ацтекского происхождения. Очевидно, корень *vr породил значение 'сильный человек'.

Таким образом, первокорень *grd- транслирует смысл 'прочный, твёрдый'. Значения трансформировались следующим образом: прочный, твёрдый, далее, с твёрдого прочного предмета был осуществлён метонимический перенос на человека, в результате чего в одном направлении образовался пучок значений 'носитель неосмысленной силы', 'толстый', в другом направлении сформировался пучок значений 'носитель созидательной силы', герой, мужчина, охранник, силач. Очевидно, пучки значений расходятся из одной точки и затем отдаляются, доходя до энантиосемии.

Первокорень – это первоэлемент, заложенный во внутреннюю форму того или иного слова. Первокорень повторяется в номинации предметов и явлений в разных языках, он подвергается фонетическим изменениям, которые часто приводят к его неузнаваемости. В задачи исследователя входит выявление первокорня при помощи этимологического анализа и сопоставления данных этимологических словарей разных языков. Количество первокорней ограничено. Искать их следует в диахронном аспекте, в разных родственных и неродственных языках.

Смысл первокорня инвариантен, его значения в разных языках варианты, они обусловлены национально-культурной спецификой. Связующим звеном смысла первокорня и вариантов его значений представляется общий семантический стержень полисемии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Большой словарь иностранных слов / А.Н. Булыко. – М., 2008. – 704 с.
2. Иллич-Свитыч В. М. Материалы к сравнительному словарю ностратических языков (индоевропейский, алтайский, уральский, дравидский, картвельский, семитохамитский) // Этимология. 1965. Материалы и исследования по индоевропейским и другим языкам / АН СССР. Ин-т русского языка. – М.: "Наука", 1967. – С. 321 – 373.
3. Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов. – М.: Изд-во Эксмо, 2007. – 944 с. – (Библиотека словарей).
4. Маковский М. М. Лингвистическая генетика: Проблемы онтогенеза в индоевропейских языках. Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Издательство ЛКИ, 2007. – 208 с.
5. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. – М.: "Астрель-АСТ", т. III (М-С), 2003, С. – 831.
6. Цыганенко Г.П. Этимологический словарь русского языка. – К.: "Радянська школа", 1970. – 597 с.
7. Шанский Н.М. и др. Краткий этимологический словарь русского языка. Пособие для учителей. Под ред. чл.-кор. АН СССР С. Г. Бархударова. Изд. 3-е, испр. и доп. М., "Просвещение", 1975. – 543 с.
8. Breve diccionario etimológico de la lengua castellana / Joan Coromines (2010): Breve diccionario etimológico de la lengua castellana. Tercera edición muy revisada y mejorada, editorial gredos, 2010. – 596 p.
9. Collins English dictionary, Third edition, Harper Collins Publishers, 1991. – p. 1791
10. Dizionario etimologico / redazione Diego Meldi (2005): Dizionario etimologico. Edizione Aggiornata. Rusconi libri. – Trento, 2005. – 1245 p.

УДК 811.161.1'37

Татьяна Клименко
(Днепропетровск)

ЛЕКСИЧЕСКИЕ КОНЦЕПТЫ "СВЕТ" И "ТЬМА" КАК ФРЕЙМОВЫЕ СТРУКТУРЫ

У статті розглянуто поняття фрейму в сучасній когнітивній лінгвістиці, проаналізовано поняття концепту та його співвідношення з фреймом; побудовано структуру фреймів СВІТЛО та ТЕМРЯВА.

Ключові слова: когнітивна лінгвістика фрейм, концепт.

This article deals with the notions of the frame in modern cognitive linguistics, analysis of the notion of the concept and its correlation with the frame, frames, LIGHT and DARKNESS structure is built.

Key words: cognitive linguistics, the frame, the concept.

В данной статье в общем виде ставится проблема исследования концепта и фрейма как понятий когнитивной лингвистики, их соотношения, а именно концептов СВЕТ и ТЬМА, их схематизации в рамках фреймовых структур. Эта проблема находится в русле актуальных исследований, так как понятия концепта и фрейма, как и самой когнитивной лингвистики, являются сравнительно новыми и, следовательно, недостаточно изученными. Проблему исследования фрейма и концепта, их соотношения затрагивают такие лингвисты, как Т. А. ван Дейк, В. З. Демьянков, А. Вежбицкая, С. А. Жаботинская, М. Минский, однако существует множество вопросов по данной тематике, которые еще остаются нерешенными.

Целью данной статьи является описание соотношения концептов СВЕТ и ТЬМА с фреймовыми структурами.

Когнитивистика как направление, изучающее процессы, методы и приемы получения, обработки, хранения и использования знаний, и как наука о знаниях связывает между собой множество различных наук: лингвистику, антропологию, социологию, философию, моделирование искусственного интеллекта и нейронауки. Когнитивная лингвистика как одна из дисциплин когнитивного цикла анализирует проблемы языковой концептуализации мира, тесно связанной с взаимоотношениями человека, природы и общества. Причем здесь рассматриваются недоступные непосредственному наблюдению объекты, исследование которых носит во многом теоретический характер. Когнитивная лингвистика фокусирует внимание на соотношении языка и мышления, на процессах познания, на когнитивной способности отдельной личности и других проблемах, связанных с мышлением и познанием. В качестве модельных конструктов выступают когнитивные структуры и процессы в сознании человека, такие как фреймы и концепты. Концепт представляется, как совокупность исчерпывающего количества смыслов, охваченных словом. В настоящее время описано множество культурнозначимых концептов, имена которых носят конкретное (ДОМ, МАТЬ и т.д.) или абстрактное значение (ВОЛЯ, ЛЮБОВЬ и т. д.).

В энциклопедической литературе фрейм определяется как "единица знаний, организованная вокруг некоторого понятия и содержащая данные о существенном, типичном и возможном для этого понятия". Особенно актуально это по отношению к культурно обусловленным, стереотипным ситуациям, например, поход в театр. Фреймы структурируют понимание мира в целом и обыденное поведение, и представляют собой своеобразную сеть, с такой точки зрения они соотносятся с понятиями "семантическое поле" и "тематическая группа". Таким образом, при помощи фреймов упорядочивается информация различного вида – теоретическая, эмпирическая и прагматическая. Непосредственно термин "фрейм" можно поставить в один ряд с терминами "стереотипная ситуация", "сценарий", "схема".

Т. А. ван Дейк считает, что фреймы – "это не произвольно выделяемые кусочки знаний, а единицы, организованные вокруг некоторого концепта", тем самым подчеркивается мысль о том, что фрейм необходимо связывать с идеями концепта, категории и прототипа [2, с. 112]. В. З. Демьянков под фреймом подразумевает "единицу знаний, организованную вокруг некоторого понятия, но, в отличие от ассоциаций, содержащая данные о существенном, типичном и возможном для этого понятия, структура данных для представления стереотипной ситуации" [3, с. 18].

В основе того или иного фрейма лежит доминантный концепт, объективации которого, представленные в символической кодировке на основе категорий предметности, признаковости и процессуальности, ассоциативно и грамматически связываются с объективациями других концептов, составляя различные семантические поля, которые входят в контексты, выражающие максимальный объем знаний об исследуемой структуре. Для того чтобы выявить особенности функционирования фреймовой структуры, необходимо обратиться к лексикографическим данным, репрезентирующим ту или иную доминантную сему, составить схему реализации фрейма и его возможных подфреймов, а затем сравнить полученную схему с единообразным способом выделенной схемой данной фреймовой структуры, реализованной непосредственно в тексте. За фреймом как структурой представления знаний, с точки зрения словарных толкований, стоит архисема, оформляемая рядом лексико-семантических групп. Ранее мы рассматривали концепты СВЕТ и ТЬМА, описывали их структуру, выясняли смыслы, присущие данным концептам в общезыковом и индивидуально авторском пространствах.

Лексико-семантическое поле СВЕТА и ТЬМЫ – это группа слов, обозначающих свет и тьму, обладающая высокой степенью организованности и образующих систему. Проведенный анализ лексикографического материала позволил извлечь понятийные признаки концептов СВЕТ и ТЬМА, которые составили несколько групп в зависимости от того, какие компоненты значения лексикализируются данными словами. Ядро концепта

имеет сегментную структуру, каждый сегмент представлен отдельной лексико-семантической группой: ЛСГ "свет как лучистая энергия", ЛСГ "свет как физическое явление", ЛСГ "освещение", ЛСГ "естественный источник света" ЛСГ "артефакты, связанные с использованием света", ЛСГ "химический элемент, обладающий ярким искрящимся отсветом", ЛСГ "вещественная природа света", ЛСГ "физические единицы измерения свойств света", ЛСГ "цвет как свойство света", ЛСГ "сфера науки, метод, изучающий свет", ЛСГ "религиозное почитание, связанное со светом". Лексико-семантические группы "отсутствие света", "тьма из-за частиц в воздухе", "тьма и часть суток", "неполная темнота" формируют ядро концепта ТЬМА.

Рассмотрев варианты репрезентации концептов СВЕТ и ТЬМА на базе лексикографических источников, мы пришли к выводу, что выявление закономерностей внутренней организации концепта и их взаимосвязей позволяет моделировать исследуемые концепты в виде межфреймового образования, интегрирующего пять базовых фреймов (по мнению С. А. Жаботинской): предметный, акциональный, таксономический, possessивный и компаративный. Последние характеризуют концепт соответственно по его количественным, качественным, бытийным, локативным и темпоральным, параметрам, с точки зрения исполняемых им семантических ролей, его таксономические и possessивные характеристики, а также его участие в межпространственных связях подобия, являющихся основанием метафоры.

Что же касается описания отдельного фрейма, представленного той или иной лексико-семантической группой, мы придерживались следующей схемы исследования: рассматривали

- толковые парадигмы слов и семный состав слов;
- парадигматические отношения слов внутри отдельной лексико-семантической группы;
- синтагматические отношения слов данной группы внутри контекста.

Все слова являются элементами лексической системы языка, связь значений слова внутри этой системы осуществляется при помощи различных групп, в том числе и лексико-семантических. "Термином лексико-семантическая группа можно обозначить любой семантический класс слов (лексем), объединенных хотя бы общей лексической парадигматической семьей" [1, с. 109]. Основным критерием выделения лексико-семантических групп является логический принцип сходства слов по каким-либо общим компонентам. Такой общий семантический элемент включает в себя несколько сем, например, сему принадлежности слов к одной части речи и смысловую сему. В нашем случае это имена существительные со смысловыми компонентами СВЕТ и ТЬМА.

Совокупная структура фрейма концепта СВЕТ включает следующие слоты:

- в предметном фрейме слоты [СВЕТ есть лучистая энергия], [СВЕТ как физическое явление];
- в акциональном фрейме слоты [СВЕТ действует как освещение], [СВЕТ – естественный источник света], [действуют физические единицы измерения свойств СВЕТА];
- в таксономическом фрейме слот [существует сфера науки, методы, изучающие СВЕТ], [существует религиозное почитание, связанное со СВЕТОМ];
- в possessивном фрейме слот [СВЕТ обладает цветом], [СВЕТ имеет вещественную природу], [СВЕТ имеет артефакты, связанные с его использованием];
- в компаративном фрейме слот [СВЕТ – химический элемент, обладающий ярким искрящимся отсветом].

К ядру концепта СВЕТ мы относим слова с семами "свет как лучистая энергия", "свет как физическое явление", "освещение", "естественный источник света". В словах, относящихся к периферии, сема "свет" представлена имплицитно и выявляется при помощи семного анализа; к периферии мы относим слова с семами "артефакты, связанные с

использованием света", "химический элемент, обладающий ярким искрящимся отсветом", "вещественная природа света", "физические единицы измерения свойств света", "цвет как свойство света", "сфера науки, метод, изучающий свет", "религиозное почитание, связанное со светом. Ядро концепта ТЬМА представляют слова с семой "отсутствие света", к периферии относятся существительные с семантическим элементом "тьма из-за частиц в воздухе", "тьма и часть суток", "неполная темнота".

Фреймовая структура СВЕТ схематически представлена на рисунке 1.1., фреймовая структура ТЬМА – на рисунке 1.2.

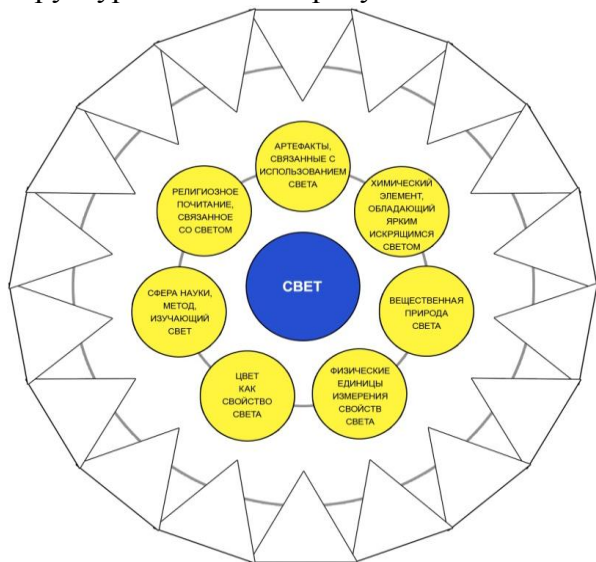

Рис. 1.1

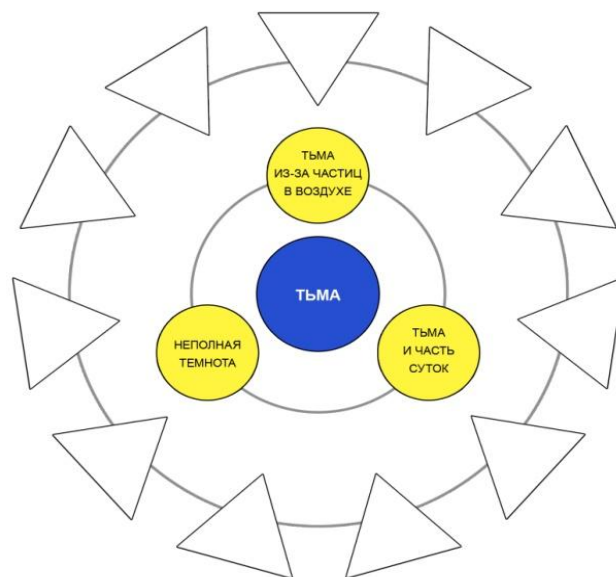

Рис.1.2

Совокупная структура фрейма концепта ТЬМА включает следующие слоты:

- в предметном фрейме слот [ТЬМА есть отсутствие света];
- в акциональном фрейме слот [ТЬМА возникает из-за частиц в воздухе];
- в таксономическом фрейме слот [ТЬМА есть часть суток], [неполная темнота].

Данная структура проиллюстрирована схемой 1.2.

Вопрос связей между слотами является спорным вопросом.

В основе фреймов "свет" и "тьма" лежат доминантные концепты СВЕТ и ТЬМА, объективации которых представлены в символической кодировке на основе категорий предметности, признаковости и процессуальности. Для выявления особенности функционирования фреймовых структур "свет" и "тьма", мы рассмотрели данные лексикографических источников, репрезентирующих доминантные семы "свет"/"тьма", составили схемы реализации фреймов и их возможных подфреймов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Васильев Л. М. Теория семантических полей / Л. М. Васильев // Вопросы языкознания. – 1971. – № 5. – С. 109 – 127.
2. Дейк Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация : [авторский сборник] / Тён Адрианус ван Дейк ; [пер. с нидерл. М. Дмитровская, С. Сухомлинова, С. Ромашко и др.]. – М. : БГК им. И. А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. – 310 с. – (Корпус гуманитарных дисциплин).
3. Демьянков В. З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода / В. З. Демьянков // Вопросы языкознания. – 1994. – № 4. – С. 17–33.
4. Энциклопедия Кругосвет / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/KOGNITIVNAYA_LINGVISTIKA.html

**ОРИЕНТАЦИОННАЯ МЕТАФОРА "ВЕРХ/НИЗ" И КОНЦЕПТ
"ГОРДИНЯ/СМИРЕНИЕ" В ХРИСТИАНСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ
ДРЕВНЕЙ РУСИ**

У статті проаналізовані концептуальні зв'язки орієнтаційної опозиції "верх/низ" із дихотомічним концептом ГОРДИНЯ/СМИРЕННЯ, сформованим у колективній свідомості східних слов'ян під впливом християнської релігії.

Ключові слова: дихотомічний концепт, діахронічний концепт, просторово-орієнтаційна когнітивна метафора, лінгвокультура Давньої Русі.

The conceptual relations of the orientation opposition "top / bottom" with dichotomous concept of PRIDE / HUMILITY, which was formed in the collective consciousness of the eastern Slavs under the influence of the Christian religion are analyzed.

Key words: dichotomous concept, diachronic concept, spatial and orientation cognitive metaphor, Old Russia linguistic culture.

Пространственно-ориентационные концепты исследуются в отечественном и зарубежном языкознании на материале мифологии, памятников письменности, современных дискурсов (Дж. Лайонз, К. Леви-Строс, Д. Лихачев, Е. Евтушенко, Н. Коч). Изучая универсальные оппозиции пространства как межкультурные, ученые пришли к выводу, что когнитивные карты локализации человека во вселенной как психическая основа ориентационных метафор и абстрактных концептов испытывают большое влияние телесного кода (А. Потебня, Вс. Иванов, В. Топоров, В. Телия, Ю. Степанов, Дж. Лакофф, М. Джонсон и др.).

Установление особенностей характера взаимосвязи телесной конституции человека и метафорического осмысления реальности через бинарности типа "верх/низ", "правый/левый", "передний/задний", "центральный/периферийный" и др. в контексте духовной и материальной культуры Древней Руси показывает, что первые оппозиции (верх, правый, внутри, передний, центральный) занимают высокую статусную позицию. Закрепившиеся ассоциации "верхний – это больший, лучший, умный и т. п.", "нижний – это меньший, худший, глупый и т. д." последовательно прослеживаются в самых ранних памятниках восточнославянской письменности: *З добрымъ бо думцею думая, князь висока стола добудеть, а с лихимъ думцею думая – меншего лишенъ будеть* (ДЗат XII в.).

Знаковыми проявлениями идеи "вышениа" в средневековой культуре являлись, например, архитектурные устройства с их смысловыми акцентами на верхних структурах. Сакральные места описывались древнерусскими писателями как некие духовные ориентиры, располагающиеся обязательно на возвышении: "Эти священные места – как бы маяки, населяющие Русскую землю. Пространство как бы нуждается в том, чтобы оно было как можно больше населено историческими воспоминаниями и церковными реликвиями. И не случайно автор "Сказания о Борисе и Глебе" говорит, что оба брата были просты и смиренны, на "высокая мѣста и жилища въселистася". Священные места в Русской земле представляются автору как некие возвышенности, вышки, созданные людьми" [3]. В "Хождении" игумена Даниила в Иерусалим упоминаются "высокие" места, идея существования которых несет в себе концептуально связанные смыслы святости и духовного возвышения: *И ту есть мѣсто на верху горы тоя, красно и високо зѣло, и на том мѣстѣ Авраамъ, пад на лицѣ своемъ, поклонися Святѣй Троици ...* (ХДан XII в.). Известно, что церковь ставилась на самом высоком месте, а ее срединное (центральное) положение

подчеркивало ее значимость: *и посредѣ града того [Иерусалима] создана есть церкви велика вверху во имя Честнаго Креста, исписана есть добрѣ вся* (там же).

Высота небесная, божественная, духовная в системе православных ценностей противопоставляется земному, греховному, телесному низу: *Не делай же ничего, ничего не говори земного. Они вознесли тебя в горний чин, присоединили тебя к небесному лику. Зачем же ты низвергаешься долу?* – пишет Иоанн Златоуст в "Слове о сквернословии". Христианская религия закрепляет за "верхом" статус доминирующей оппозиции, нарушая баланс космологической монархии "верх/низ" еще в большей степени, чем в языческом мире, однако при этом предоставляет мощный культурный медиатор – образ Иисуса Христа. Богочеловек, показывающий образец смирения и кротости, транслирует идею "нижения" (самоуничтожения) в восточнославянскую культуру как одну из центральных идей христианства [2, с. 19–27].

Характерной чертой дидактической (в основном проповеднической) литературы Древней Руси стал уничижительный стиль подачи информации. Воспевая добродетели святых или своих предшественников и подчеркивая их духовную высоту, писатели намеренно делают акцент на собственной ничтожности. *Азь худый дэдомъ своимъ Ярославомъ, благословленнымъ, славнымъ ...* – пишет Владимир Мономах в начале своего "Поучения". И далее князь продолжает: *Да не възношюся суетою мира сего в пустошнэмъ семь жити* (Поуч. Мон. XI в.). Нестор, автор "Жития Феодосия Печерского", приступая к описанию жизни киевского праведника обращается к Господу: *Благодарю тя, владыко мой, Господи Исусе Христе, яко съподобилъ мя еси недостойнаго съповѣдателя быти святымъ твоимъ въгодникомъ <...> еже выше моя силы, ему же и не бэхъ достоинъ – грубъ сы и неразумичьнъ, къ симъ же яко и не бэхъ ученъ никоеиждо хытрости, нъ въспоманухъ, Господи, слово твое, рекъшее: "Аще имате вэру яко и зърно горуцьно и речете горэ сей: преиди и въврзися въ море, и абие послушаетъ васъ"* (Жит. ФПеч. XII в.).

"Карнавальный" сценарий, по которому "верх" мог трансформироваться в "низ" и наоборот, являлся востребованным не только в мирской жизни, но и в сакральном контексте. Эволюционная изменчивость мира и воля Бога допускают возможность перехода полярных компонентов в свою противоположность: высокого в низкое, левого в правое, внешнего во внутреннее и наоборот. Ссылаясь на слова апостола Исаяи, митрополит Иларион предупреждает: *Всяка дэбрь исполнится и всяка гора и холмъ съмэрится, и будутъ криваа въ праваа, и острии въ пути гладькы* (Сл. Ил. XI в.). Концептуализируясь с понятиями "грех" и "зло", "низ" возвращается к своему исходному статусу: *Когда мы бываем низвержены искушением, тогда бесы немедленно приступают ... намерение же врагов наших состоит в том, чтобы к падению нашему прибавить еще рану* (Леств. 4: 69).

Сущность противоречия философии христианства, допускающей сосуществование полярных смыслов в пределах одного концепта, проясняется с помощью исследования характера соотношений базисных пространственных бинарностей с ключевыми концептами православной религии. В системе религиозно-этических воззрений своеобразным координатором полярностей "верх" и "низ" является дихотомический концепт ГОРДЫНЯ/СМИРЕНИЕ, одновременно принадлежащий к верхним и нижним ориентационным структурам. Таким образом, связи "низ – гордыня" и "низ – смирение" в контексте христианской морали исключают друг друга, создавая кватерную систему "верх – гордыня" → "низ – гордыня", "низ – смирение" → "верх – смирение", воплощенную в словах Евангелия от Луки: *Всякий возвышающий сам себя унижен будет, а унижающий себя возвысится* (Лк. 18: 14). Дискуссия о пределах смирения связана с психологической проблемой эгоцентризма религиозного фанатика, стремящегося возвыситься (подняться к Богу) через унижение плоти. В Древней Руси проблема разрешается одной из форм аскезы – юродством, где гордыне противопоставлено абсолютное смирение как полное принятие бесчестия и телесного уничтожения: *Якоже горделивый славам и честем радуется, тако смиреномудрый о своем бесчестии и уничтожению радуется* (Жит. КБел. XV в.) (см. наши публикации о средневековом аскетизме: [1]). Религиозный подвиг и вера защищает от греха

гордыни: *и сия помышлзя не впадаеши в ровь гордостныи* (ЖВИ, 126в. XIV–XV вв. – СлДРЯ II: 408). В светской средневековой литературе спор о мере смирения переносится в плоскость концептуального поля "власть" (см., например, переписку Ивана Грозного с Андреем Курбским).

Русская философская мысль трактует смирение гордыни как базовую ценность русской ментальности, сформированную под влиянием христианской религии (Н. Бердяев, С. Булгаков, П. Чаадаев, Н. Лосский, И. Ильин и др.). Такие черты русского характера, как покорность, кротость, терпимость, низкая самооценка, вселенское чувство сострадания и чувство вины, объясняются прежде всего созданием в коллективном сознании специфического концептуального поля понятия "гордыня", образованного по дихотомическому принципу, т.е. функционирующего только во взаимосвязи полярностей "гордыня" и "смирение" (ср. *терпэливыйи гордагш оукротить* (МПр, 11. XIV в.) – СлДРЯ II: 409). Интерпретация гордыни как недопустимого греха зиждится на ключевых идеях русской этической системы: "При обосновании негативного отношения к гордыне русская этическая мысль использовала в качестве аргументов такие идеи, как коллективная ответственность всех людей за мировое зло, бессилие человека, его смертность, ничтожество человеческой природы. Средневековые мыслители подчеркивали необоснованность притязаний человека, подверженного гордыне. Это вытекает из самого ничтожества его природы по субстанциальной основе (человек создан из праха), из его бессилия" [5]. Славянофилы усматривали в смиренности избранность русской нации, показывающей другим народам модель истинно христианского поведения (К. Леонтьев, А. Хомяков).

Особый взгляд на гордыню как смертный грех формируется в восточнославянской ментальности под влиянием не только Нового Завета и других канонических текстов, но и нравоучительной древнерусской литературы периода раннего христианства: *члв|къ моудръ оумльчить до врэмене ... гьрдзи сз възненавидэнь бодеть* (Изб. 1076 г., 170). В сочинениях отцов церкви Григория Нисского, Иоанна Златоуста, Иоанна Лествичника, а также деятелей русской церкви Кирилла Туровского, Нила Сорского и других проповедников христианства страсть гордыни (синонимы: *гордость, своелюбие, возношение, высокомерие, самомнение*) концептуализируется с не менее греховной страстью тщеславия (которое Лествичник сравнивает с паутиной – *пиявица паутинного тщеславия*) и противопоставляется смирению и терпению: *Ничто так не любо богу, как не возноситься в чинах, и ничто столь не омерзительно ему, как высокомерная заносчивая хвастливость (самомнимая величава гордость)* (КТур "О чел. душе" XII в.). В логично выстроенный Иоанном Лествичником ряд понятий "высота (верх), крылья, сила, начальник" неожиданно включается метафора противоположного ряда – "крылатый червь", транслирующая содержание информационного поля концепта "низ". Созданный контраст является приемом образования яркой и запоминающейся метафоры, выполняющей медиативную функцию и показывающей возможность перехода одной противоположности в другую: *Часто случается, что червь, достигши полного возраста, получает крылья и взлетает на высоту, так и тщеславие, усилившись, рождает гордость, всех зол начальницу и совершительницу* (Леств. 22: 45). Метафора "червя" то подчеркивает ничтожность посяганий человека, то позволяет ему ощутить свою разумность в уничтожении греха: *Червь смэрень .г. и худъ ты же славень и гордь. но аще разумень еси. самъ оуничжиши гордость свою* (ЗЦ, 72б. к. XIV в. – СлДРЯ II: 409) (ср. из проповеди Иосифа Волоцкого: *Сегодня славен, а завтра снедаем червями* – ИВол., 214). *Но вперите си разумнэи крилэ и възлетим от губящаго ны грэха!* – призывает Кирилл Туровский печерского игумена Василия и послушников монастыря (КТур XII в.).

Иоанн Лествичник, утверждавший, что "гордым бог противится а смиренным дает благодать" предостерегает: *Неусыпно наблюдай душевным твоим оком за възношением; ибо между обольщениями нет ничего губительнее сей страсти* (Леств. 27: 80); *Монах собственно есть тот, кто имеет невозносящееся око души* (Леств. 23: 22). Локализуется гордость в разуме, душе и сердце: *Паче же всего гордости не имейте в сердце и уме, но*

скажем: *смертны мы, сегодня живы, а завтра в гробу* (Поуч. ВМон. XI в.); *В ср(д)ци же гордость и величание* (МПр, 19. XIV в. – СлДРЯ II: 408).

Одержимый страстью гордыни попадает в категорию изгоев, так как гордость влечет за собой моральные и социальные преступления: *горди законъ престоупахоу* (ПНЧ, 203в. XIV в. – СлДРЯ II: 409); *не хотяше високаго и гордаго но всегда смэрена* (ГБ 199а XIV в. – СлДРЯ II: 409). Падение гордеца, его унижение – расплата, наказание за грех: *оуничежение гордымь* (СБЯр, 145 об. XIII в. – СлДРЯ II: 409).

Однако идея самоуничужения не является приобретением христианства или какой-либо отдельной культуры. Интересны в этом отношении наблюдения и выводы Х. Ортеги-и-Гассет: "В японском языке нет местоимений первого и второго лица ед. числа. Говорящий называет себя одним из следующих способов: "ничтожество", "глупец", а взамен местоимения второго лица он скажет "почтенное тело", "высочество" и т. п. Он говорит о себе в третьем лице, как об объекте, пребывающем во внешнем мире. Этикет устанавливает в каждой ситуации, кто из этих как бы внешних объектов должен быть обозначен как "Ничтожество", а кто – как "Почтенное тело". В языке североамериканских индейцев хупа местоимение третьего лица ед. числа варьируется в зависимости от того, относят ли его к ребенку или старику. Следует также сказать, что обращения типа *ваше высочество, ваше величество, ваше преосвященство* и т. п. предшествовали местоимениям "я" и "ты". Неудивительно, что лексика располагает малым количеством слов, которые с самого начала обозначали феномены психики" [4, с. 76]. Несомненно, что подобные этикетные формы, имеющиеся и в современной коммуникации, содержат в себе глубинные представления человека о себе, как о неодушевленной сущности. Намеренное умаление своих достоинств, по-видимому, также связано с давним табу на похвалу, так как самовосхваление может привлечь нежелательное внимание злых духов и зависть людей. Предположения Х. Ортеги-и-Гассета об онтогенезе социальной титулатуры имеет основания, если признать, что когнитивная модель "верх – низ" является одним из первичных допущений, формирующим миропонимание человека в связи с развитием его эгоцентризма.

Комплементарная оппозиция "гордыня – смирение" имеет в культуре знаковые телесные воплощения: поднятая вверх или опущенная вниз голова, прямой взгляд и опущенные долу глаза, выпрямленная и согбенная спина, несогнутые ноги и коленопреклонение. Телесный маркер смирения –склоненная голова – показывает смиренность ума (= мудрость) христианина. Устойчивые сочетания *выше главы* "сверх дозволенного; очень много", *посыпать главу* "покаяться" и пр. презентируют телесное выражение идеи "нижения": *согрэшенья наша выше главы нашея терпять; помазаникъ Божий Давыдъ, прелюбодэянье створивъ, посыпа главу свою и плакася горко* (Поуч. Мон. XI в.). Метафорические выражения *поклонить голову, склонить голову, смирить голову* означали "покориться, смириться" (т. е. унизиться): *Чрез естество облечеса нелепотие ... по всему подобие, яко нога венчеваема, глава же смиряема* (Тимоф. Временник, 111–112. XVII в.); *Ись же низу поклоньсз* (МПр XIV в. 41 об). Склонение головы также свидетельствует о признании своего зависимого положения, а также о стремлении к защищенности: *В истинных послушниках я не имею, где главу подклонить* (Леств. 13: 15).

Семантический оттенок содержит часто употребляемый глагол *восклонить*, где приставка имеет значение действия "приподнять, выпрямить, повернуть, направить", противоположного нижению: *Блаженааго же Бориса объртэвьше въ шатьръ възложивъше на кола, повезоша. И яко быша на бору, начать въскланяти святую главу свою* (СкБГл. XI в.); *Дньс въсклоненье главѣ и поновленье нашему спасенью дньс низу паденье* (СбЧуд, 139–140. XIV в. – СлДРЯ II: 68). Уже в древнерусский период глагол расширяет семантику: *Нужно въсклонишисз от сгорбленья* [от земных похотей] (ГБ, 40в. XIV в.); *Восклонитесь молитвою* (ЖФСт, 164. XII в.; Прл, 47в. XIII в.). Фразема *възклоньнь очима* означает "со взором устремленным вверх": *старьць великыма очима всеклоньнь* (Прл, 36а. XIII в.) (СлДРЯ II: 68–69).

Концептуалізуясь с християнськими ідеями спасення, смирення, "низ" отримує позитивну маркованість. Поклонення (служення) Богу являється в християнстві формою возвищення людини: *Нечистых бес, сказавший некогда Самому Господу: ... сия вся Тебе дам, аще над поклонимися* (Мф. 4:9); *Посему и мы, презирая его и вменяя за ничто влагаемые им помыслы, скажем ему: Иди за мною* (т. е. "отойди от меня") *сатано; Господу Богу моему поклонюся и Тому единому послужу* (Леств. 23: 48); *Да хвалимъ его убо и прославляемъ хвалимааго от ангель беспрѣстани, и поклонимся ему, емуже поклоняются херувими и серафими, яко, призря, призрѣ на люди своа* (Сл. Ил. XI в.).

"Чорно-біла" культура Русі, не допускаюча компромісів і відступлень, лише з часом трансформує інформаційне поле поняття "гордыня". Локалізація атрибутивних маркерів "высокомерие", "тщеславие" в поле "гордыня" і десакралізація означених значень дозволяє з часом сформувати відносно самостійну зону поняття "гордыня". Однак такі "засоби нагадування" (термін К. Леви-Строса), як, наприклад, просторечні фраземи *не задирай нос высоко; чем выше взлетишь, тем ниже упадешь; не кичись, а лучше в ножки поклонись* і т. п., визначають низький статус орієнтації "верх", концептуалізованій з поняттям "гордыня".

Дослідження просторової когніції і її мовних репрезентацій з допомогою тілесно орієнтованої метафори в її зв'язі з ключовими поняттями християнської лінгвокультури, дозволяє проаналізувати мовні нюанси не тільки просторово-орієнтаційного представлення, але і просторово-орієнтаційного поведінки людини Давньої Русі. Незважаючи на те, що перший компонент бінарності "верх – низ" має в свідомості статус позитивної опозити, його семантична позиція піддається трансформації, що виражається в амплітудних коливаннях крайніх членів орієнтаційної дихотомії. Динаміка таких коливань прослідковується в інформаційному полі діахронічного поняття ГОРДЫНЯ/СМИРЕНИЕ, маючому численні мовні репрезентації в давньоруській культурі. Зміна аксіологічних установок в суспільстві, неминливе в процесі історичного розвитку, впливає на можливість "карнавалізації" полярних орієнтаційних маркерів, концептуально зв'язаних з важливими культурними значеннями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Коч Н. Особенности концептуализации понятия "боль" в восточнославянской культуре (на материале памятников письменности древнерусского периода) // Сб. научн. статей. Сер. "Концептуальный и лингвальный миры". – М.: Флинта; Наука, 2013. – С. 235–247.
2. Коч Н. Языковая реальность "телесно ориентированной метафоры" // Актуальні проблеми іноземної філології: зб. наук. статей / [за ред. В. А. Зарви]. – Бердянськ: Вид-во БДУ, 2012. – 272 с. – Вип. VII. – С. 19–27.
3. Лихачев Д. С. Вводное слово // Библиотека литературы Древней Руси / под общ. ред. Д. С. Лихачева и др. [Электронный ресурс]. – СПб.: Наука, 1997. – Т. 1 / Режим доступа: <http://lib.pushkinskiydom.ru>.
4. Ортега-и-Гассет Х. Две великие метафоры: Теория метафоры: Сборник / Общ. ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной. – М.: Прогресс, 1990. – 512 с. – С. 68–81.
5. Рябов О. В. Гордыня и смирение в русской философской мысли XI–XX вв.: Основные аспекты проблемы [Электронный ресурс] // Философский альманах. – № 3–4. – 1999. – С. 168–183 / Режим доступа: <http://cens.ivanovo.ac.ru/olegria/gordynya-i-smirenje.htm>.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

1. ДанЗат – Слово Даниила Заточника // Библиотека литературы Древней Руси / [под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Поньрко]. – СПб.: Наука, 1997. – Т. 4: XII век. – 687 с. [Электронный ресурс] (далее – БЛДР) / Режим доступа: <http://lib.pushkinskiydom.ru>.
2. Жит. КБел. – Житие Кирилла Белозерского // Там же.
3. Жит. ФПеч. – Житие Феодосия Печерского // Там же. – Т. 1.

4. ИВол. – Иосиф Волоцкий, прп. Просветитель. – М.: Издательство Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1994. – 375 с.
5. Изб. 1076 г. – Изборник 1076 г. // БЛРД. – Т. 2.
6. КТур. – Слова и поучения Кирилла Туровского // Там же. – Т. 4.
7. Леств. – Преп. Иоанн Лествичник. Лествица, возводящая на небо. – Симферополь: Изд-во Шпатакова "Родное слово", 211. – 368 с.
8. ЛИ – Летопись Ипатьевская. Сп. ок. 1425 г. // ПСРЛ. – т. 2. – СПб., 1908.
9. Поуч. Мон. – Поучение Владимира Мономаха // БЛДР. – Т. 1.
10. СлДРЯ – Словарь древнерусского языка XI–XIV вв.: [в 10 тт.] / [под ред. Р. И. Аванесова]. – М.: Русский язык. – Т. II, 1989. – 494 с. (список сокращений источников см. Т. I; С. 24–68).
11. Сл. Ил. – Слово о законе Илариона // БЛДР. – Т. 1.
12. Тимоф. Врем. – Временник Ивана Тимофеева. – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1951.
13. ХДан – Хождение игумена Даниила // БЛДР. – Т. 4.

УДК 811.161.1'373.612.2'821

Юлия Кравцова
(Киев)

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ МЕТАФОРИЧЕСКОГО КОНЦЕПТА "ПТИЦА" В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

У статті описано метафоричний концепт "Птах", виявлений у російській поезії і прозі першої половини ХХ ст., відповідно до розробленої автором методики аналізу, що дозволяє визначати зміст і структуру цього ментального конструкту.

Ключові слова: метафоричний концепт, узуальна метафора, оказіональна метафора, репрезентант, асоціат.

The article provides a description of the metaphorical concept "Bird", detected in the Russian poetry and prose of the first half of the XX century in accordance with technique of analysis elaborated by the author, that allows to determine the content and structure of this mental construct.

Key words: metaphorical concept, usual metaphor, occasional metaphor, representative, associative.

Постановка проблеми. Исследование национально-культурной специфики метафорической концептуализации и репрезентации мира, отображающей традиции того или иного этнокультурного сообщества, способствует постижению сущности метафорического мышления и механизмов метафорической номинации. Метафорическая концептосфера этноса, входящая в состав общей концептосферы, содержит релевантные для него образные представления о мире, которые складываются на основе устойчивых ассоциаций у носителей языка и эксплицируются в разных метафорических наименованиях.

Репрезентация метафорических концептов наиболее ярко и полно осуществляется в художественных текстах, так как в метафорике писателя находят отражение сложившиеся стереотипы метафорического мышления данной этнокультуры, носителем которой он является, и его индивидуальные образные представления о мире, вербализуемые соответственно в узуальных и окказиональных метафорах.

Анализ последних публикаций. Понятие метафорического концепта (МК), эквивалентного понятию концептуальной метафоры, было введено, как известно, Дж. Лакоффом и М. Джонсоном для описания когнитивной природы метафоры (1980). На рубеже ХХ–ХХІ вв. термин "метафорический концепт" (= концептуальная метафора) получил широкое распространение в лингвометафорологии (А. Н. Баранов, И. М. Кобозева,

М. В. Никитин, И. В. Толочин, А. П. Чудинов и др.), что было обусловлено формированием лингвоконцептологии как самостоятельной отрасли языкознания (Д. С. Лихачев, Ю. С. Степанов, С. Г. Воркачев, В. И. Карасик и др.) и появлением различных методик исследования этнокультурных концептов (В. А. Маслова, М. В. Пименова, З. Д. Попова, И. А. Стернин и др.). МК обычно трактуется как устойчивое соответствие между областью источника и областью цели, фиксированное в языковой и культурной традиции этноса, или особая когнитивная структура, содержащая информацию об определенной области знания и хранящаяся в памяти носителей языка. Изучение метафоры как ментального явления привело к рассмотрению МК как некой абстрактной модели, которая реализуется каждый раз заново в результате ее наполнения новым содержанием – метафорическими выражениями, отображающими типовые представления, специфичные для той или иной этнокультуры (к примеру, *время – это деньги; жизнь – это игра* и т. п.). В соответствии с таким пониманием в специальной литературе представлены его описания на основе авторских методик (А. Н. Баранов, А. П. Чудинов и др.). Однако до настоящего времени нет общепринятой дефиниции МК, комплексной его характеристики как ментальной единицы, единой методики анализа.

Целью данной статьи является описание МК "Птица", характерного для произведений русских поэтов-прозаиков первой половины XX в., на основе разработанной автором методики исследования.

Изложение основного материала. МК понимается нами как ментальный конструкт, отражающий устойчивые в коллективном и индивидуальном сознании образные аналогово-ассоциативные связи реалий и эксплицируемый в процессе креативной вербальной деятельности человека в виде конкретных метафорических реализаций. Понятия концептуальной метафоры и метафорического концепта, по нашему мнению, не тождественны [7, с. 270]. МК является неким образно-ментальным инвариантом, который реализуется в различных языковых (речевых) метафорических вариациях.

Разработанная методика анализа МК [8] позволяет устанавливать его содержание и структуру. Содержание МК образуют все его языковые (узуальные метафоры, зафиксированные в толковых словарях) и речевые (окказиональные метафоры, выявленные в процессе изучения текстов, дискурсов) репрезентанты и ассоциаты – вербализованные когнитивные признаки (их языковые реализации), определяющие образные аналогово-ассоциативные связи реалий. Оно может периодически меняться: к примеру, языковые метафоры, утратив образный элемент, могут стать прямыми наименованиями и выйти из состава репрезентантов того или иного ментального конструкта. Структурация МК детерминирована значимостью когнитивных признаков метафорической проекции в данной этнокультуре: его ядро и приядерную зону составляют, как правило, наиболее существенные для носителей языка ассоциаты, что определяется количественным составом репрезентантов данного концепта, а периферию – индивидуально значимые когнитивные признаки. Следовательно, МК представляет собой сложное образно-ментальное образование, включающее в свой состав единицы вербального (узуальные и окказиональные метафорические значения) и невербального (ассоциаты) уровней и структурируемое в зависимости от иерархии смыслов, релевантных для данной этнокультуры.

Совокупность метафорических концептов индивидуума составляет его индивидуальную метафорическую концептосферу, которая, с одной стороны, является частью метафорической концептосферы и общей концептосферы этноса, а с другой – входит в концептуальную картину мира автора, реконструируемую на основе его идиолекта. Изучение индивидуально-авторских метафорических концептосфер на конкретном текстовом материале способствует установлению тех или иных компонентов концептосферы этноса на определенном этапе эволюции.

В поэзии и прозе А. Ахматовой [1], А. Белого [2; 3], З. Гиппиус [4], В. Инбер [5; 6], М. Кузмина [9], Б. Пастернака [10; 11], И. Сельвинского [12; 13], М. Цветаевой [14; 15]

виявлен МК "Птица", репрезентантами которого являются метафоры *птица, голубь, ястреб; стая; крыло, крылатый, бескрылый, обескрылеть; перо, оперенье, неоперившийся; ворковать, чирикать, щебетать, щебетание; взлететь, пролететь, улететь, полет, реять, порхать; наохлиться; гнездо, гнездиться*.

В русской литературе образ птицы традиционно ассоциируется со свободой, вдохновением. МК "Птица" в русской поэзии и прозе первой половины XX в. выражает авторские представления о личной и творческой свободе, – в этом случае он эксплицируется, как правило, в метафорах, сочетающихся чаще всего со словами *мысль, сердце, душа*. Кроме того, он отражает представления о различных проявлениях человеческой психики, быстротечности времени и др. В произведениях З. Гиппиус образ птицы является воплощением душевного подъема, счастья (*душа рвалась взлететь; крыла счастья*), быстротечности времени (*крылья острые времен*), А. Белого – множества кого-, чего-либо (*стаи людей; стаи облаков*). У А. Ахматовой он имплицитно выражает тоску и печаль (*птица-тоска; птицы смерти*). В поэзии и прозе М. Кузмина и М. Цветаевой образ птицы служит выражением творческой и личной свободы (*душа крылатая; крылатые мысли*), у Б. Пастернака он связан с движением (*порхание пурги*) или большим количеством чего-либо (*стаи хлопьев снежных*). В творчестве В. Инбер птица часто ассоциируется с творческим вдохновением (*птица вдохновения; слова крылатые*), И. Сельвинского – с движением (*крылатый ветер; метельные крыла*).

В соответствии с разработанной нами методикой анализ МК "Птица" осуществляется поэтапно: 1) на основе анализа метафорических контекстов, в которых эксплицируется данный МК, определяются особенности его языковой репрезентации, т. е. выясняется состав узуальных метафорических значений, зафиксированных в толковых словарях, отражающих лексику данного исторического периода; 2) выявляется индивидуальная специфика речевой реализации исследуемого МК путем интерпретации остальных репрезентантов – окказиональных (индивидуально-авторских и традиционно-художественных) метафорических значений; 3) на основе компонентно-семантического анализа всех репрезентантов данного МК и когнитивной интерпретации сем устанавливаются когнитивные признаки (ассоциаты) метафорической проекции, которые распределяются и описываются в соответствии с их квалификаторами; 4) полученные результаты когнитивной интерпретации сем должны быть подтверждены результатами метафорического моделирования (к примеру, построение метафорических моделей: "виды животных → психические свойства человека > проявления объекта" (субмодель "птицы → интеллект > активность"): *мысли – птицы ручные* [9, с. 109]; *мыслей-птиц высокое стремление* [9, с. 114]; "физические свойства животных → психические свойства человека > проявления объекта" (субмодель "части тела животных → интеллект > активность"): *мыслию крылатой* [9, с. 48]; *крылатые мысли* [9, с. 64]; "физические свойства животных → физические свойства человека > проявления объекта" (субмодель "части тела животных → речь > реализация"): *слова мои сегодня не крылатые* [5, с. 79]; *бескрылым словом* [5, с. 395]; *слова крылатые* [9, с. 34, 68]; *голос крылатый* [14, с. 97, 118]; "физические свойства животных → физические свойства человека > форма" (субмодель "части тела животных → внешний вид человека > очертания"): *под крыльями бровей* [14, с. 59]; *бровей крылатых* [15, с. 72] и т. п. – позволяет установить общий семантико-когнитивный признак, который лежит в основе метафоризации и является квалификатором ассоциата); 5) описывается содержание данного МК на семантическом (узуально-метафорическом и окказионально-метафорическом подуровнях) и когнитивном (ассоциативно-метафорическом) уровнях; 6) определяется частота и характер репрезентации выявленных ассоциатов в исследуемых текстах и дается их характеристика через указание квалификаторов; 7) описывается структура МК "Птица" – его ядра, приядерной и периферийной зон.

Содержание МК "Птица":

I. Семантический уровень (метафорические репрезентанты):

1. Узуально-метафорический подуровень:

Стая. 1. Большая группа людей: *музыкантов стая* [2, с. 194, 196]; *старушечья стая* [3, с. 68]; *стая девушек* [12, с. 195, 338; 13, с. 358] и др. 2. Масса, скопление, множество чего-л.: *в облачной стаяе* [2, с. 27]; *стаи хлопьев снежных* [10, с. 112]; *стихов моих белая стая* [1, с. 111]; *стая звуков* [2, с. 196; 10, с. 167]; *последних сновидений стая* [4, с. 261] и др.

Крылатый. О помыслах: вольный, свободный: *мыслию крылатой* [9, с. 48]; *слова не крылаты* [5, с. 79]; *голос крылатый* [9, с. 131; 14, с. 97, 118]; *душа крылатая* [9, с. 106; 14, с. 93]; *сердца крылатый взмах* [14, с. 227] и др.

Бескрылый. Лишенный творческой фантазии, силы: *бескрылым словом его ужасно сладко* [5, с. 395].

Щебетать. Говорить быстро, без умолку, звонко (о детях, женщинах): *барышни пробовали с ним щебетать* [3, с. 29].

Пролететь. Мелькнуть, пронестись: *птица-часы, как безвидная стая, не пролетают* [4, с. 280]; *мысли быстро пролетали* [15, с. 122].

Порхать. Легко, быстро двигаться, шевелиться: *смычок порхает по струнам* [6, с. 203]; *девичьи руки порхали по телу* [13, с. 149].

Гнездо. 1. Притон, тайное пристанище: *в разбойничьем гнезде* [13, с. 309]. 2. Семья, род: *улетели дети из гнезда* [12, с. 174].

Гнездиться. Тесниться (о мыслях, чувствах и т. п.); прочно держаться в ком-л., чем-л., корениться: *в душе гнездилась радость* [14, с. 142].

2. Оказионально-метафорический подуровень:

Птица. 1. О психических процессах человека (о мыслях, чувствах, переживаниях и т. п.): *темные мысли – серые птицы* [4, с. 106]; *мысли – птицы ручные* [9, с. 109]; *кормить из рук своенравную птицу вдохновения* [6, с. 407]; *выпустить птицу – мою тоску* [1, с. 65]; *сердце – пойманная птица* [9, с. 163] и др. 2. О внезапном появлении чего-л.: *птицы смерти в зените стоят* [1, с. 197]. 3. О быстротечности времени: *птица-часы, как безвидная стая, не пролетают* [4, с. 280].

Голубь. То же, что *птица* в 1 знач. (с позитивным оттенком): *мелькнул души молочный голубь* [9, с. 94]; *голубь моей печали* [9, с. 245].

Ястреб. То же, что *птица* в 1 знач. (с негативным оттенком): *мертвый ястреб – душа моя* [4, с. 121].

Крыло (крылья). 1. О быстром перемещении воздушных масс: *задев крылами, вдаль летит без звука ветер* [4, с. 111]; *метельные крыла* [12, с. 128]. 2. О сильном проявлении чего-л. (чувств, переживаний и т. п.): *крылами счастья* [4, с. 271]; *крылья сердца моего затрепетали* [9, с. 128]; *орлиная сущность вдохновения, его широкошумные крылья* [6, с. 355] и др. 3. Что-л. напоминающее своим видом крылья (крыло): *пароход с крыльями рей* [13, с. 191]; *под крыльями раскинутых бровей* [14, с. 59]; *рояль, подняв крыло, стоял* [12, с. 125]; *леса черно-бурое крыло* [5, с. 153] и др. 4. То же, что *птица* во 2 знач.: *черной смерти мелькало крыло* [1, с. 158]. 5. То же, что *птица* в 3 знач.: *крылья острые времен* [4, с. 158].

Крылатый. 1. Быстро перемещающиеся воздушные массы: *крылатым ветром* [4, с. 119]; *сумрак крылатый* [2, с. 116]. 2. Имеющий форму крыльев (крыла): *брови крылатые* [12, с. 100]; *бровей крылатых* [15, с. 72]; *рояль крылатый* [13, с. 290].

Обескрылеть. Лишиться способности легко перемещаться в воздухе: *обескрылев в мокрой мгле, тяжелый дым ползет* [4, с. 145].

Перо (перья). 1. Что-л. напоминающее своим видом перья (перо) птицы: *в облачных перьях* [13, с. 13]. 2. Слабое проявление чего-л. (о чувствах, воспоминаниях и т. п.): *перышком воспоминаний* [12, с. 134].

Оперенье. Что-л. напоминающее своим видом оперенье птицы: *лебяжьим опереньем луны* [5, с. 495]; *не качай опереньем, тис* [12, с. 293]; *просушивала оперенье крыл шхуна* [13, с. 244].

Неоперившийся. Еще не сформировавшийся, не сложившийся (о взглядах, позиции и т. п.): *неоперившегося просвещения* [11, с. 65].

Ворковать. Издавать приятные переливчатые звуки: *барабаны воркуют* [9, с. 129]; *Королев засмеялся воркующим смехом* [13, с. 405].

Чирикать. 1. Издавать высокие отрывистые звуки: *ручей чирикал по камушкам* [13, с. 168]; *маленький офицерик что-то чирикнул* [13, с. 286]. 2. Рассказывать, сообщать о чем-л. незначительном: *"Вечерка" чирикает о весне* [12, с. 186].

Щebetать. Непрерывно издавать высокие быстрые звуки: *дождь проливной щебетал* [5, с. 196]; *нежно защебетал маленький кран* [6, с. 264]; *отзвук щебечущей улицы* [11, с. 10]; *не щебечут деревья* [13, с. 9].

Щebetание. 1. Непрерывная быстрая звонкая речь: *женичины с тем же щебетанием проследовали мимо меня* [9, с. 243]. 2. Непрерывные высокие быстрые звуки: *щебетание дождевых капель* [6, с. 301].

Взлететь. Стремиться к чему-л. (о мечтах, желаниях и т. п.): *душа, как раненая птица, рвалась взлететь* [4, с. 82].

Улететь. Покинуть кого-л., что-л.: *улетели дети из гнезда* [12, с. 174].

Полет. О быстротечности времени: *полет столетий* [2, с. 23, 24, 25]; *о полете столетий* [2, с. 31, 32].

Реять. 1. Быть в пространстве, ощущаться (о звуках): *звуки реяли в воздухе* [3, с. 128]. 2. Быть в мыслях, воображении: *реет воспоминание* [2, с. 178].

Порхание. О быстром перемещении чего-л.: *порхание пурги* [10, с. 113]; *вьюги порханье* [11, с. 141].

Подпорхнуть. Легко, быстро переместиться куда-л.: *к ним подпархивает пара пристяжных* [11, с. 52].

Нахохлиться. Торчать в разные стороны, иметь взъерошенный вид: *почки верб нахохлятся зверятами* [12, с. 294].

Гнездо. 1. Совокупность, скопление чего-л.: *гнезда огней* [6, с. 91]; *гнезда квартир* [12, с. 65]. 2. Средоточие чего-л. (о переживаниях, состоянии и т. п.): *отчаянный гнездо* [14, с. 123].

Гнездиться. Находиться, располагаться где-л.: *здесь гнездилась кордонная батарея* [14, с. 493].

Чаще всего наблюдаются метафоры *птица, крылья, крылатый, стая*, реже – *гнездо, щебетать*, крайне редко или единично – все остальные.

II. Когнитивный уровень (ассоциаты):

1. Проявления объекта: 1) активность: ‘интеллектуально-творческий’ (*мысли-птицы; птица вдохновения; крылья вдохновения; крылатые слова*); ‘лишенный творческой силы’ (*слова бескрылые*); 2) обнаружение: ‘появившийся, ставший явным’ (*отчаянный гнездо; в душе гнездилась радость; реет воспоминание*); ‘внезапно появившийся’ (*птицы смерти; черной смерти крыло*).

2. Количество: 1) множество: большое количество ч.-л.’ (*в облачной стае; гнезда огней*); 2) совокупность: ‘общность, группа’ (*стая музыкантов*).

3. Форма (очертания): ‘округлый, изогнутый’ (*под крыльями раскинутых бровей; бровей крылатых*); ‘торчащие в разные стороны’ (*оперенье шкуны; в облачных перьях; почки верб нахохлятся зверятами*).

4. Динамика (перемещение): ‘быстро перемещающийся, движущийся’ (*метельные крыла; крылатым ветром; порханье вьюги; смычок порхает; подпархивает пара пристяжных*); ‘утративший способность быстро перемещаться’ (*тяжелый дым, обескрылев, ползет*).

5. Время (длительность): ‘быстро проходящий, быстротечный’ (*птица-часы; крылья времен; полет столетий*).

6. Звук: 1) темп: ‘быстро звучащий’ (*дождь щебетал; щебетание дождевых капель*); ‘медленно, плавно звучащий’ (*звуки реяли в воздухе*); 2) ритм: ‘прерывисто звучащий’ (*барабаны воркуют; ручей чирикал*).

7. Корреляция (расположение): ‘сосредоточенный в одном месте’ (*разбойничье гнездо; здесь гнездилась кордонная батарея*).

8. Оценочность: 'чистый, светлый' (*голубь души; голубь печали*); 'темный, мрачный' (*ястреб – душа моя*).

Следовательно, в содержание МК "Птица" входят следующие репрезентанты и ассоциаты:

1. Семантический уровень:

1) узуально-метафорический подуровень: *стая, крылатый, бескрылый, щебетать, пролететь, порхать, гнездо, гнездиться*;

2) окказионально-метафорический подуровень: *птица, голубь, ястреб, крыло, крылатый, обескрылеть, перо, оперенье, неоперившийся, ворковать, чирикать, щебетать, щебетание, взлететь, улететь, полет, реять, порхание, подпорхнуть, наохотиться, гнездо, гнездиться*.

2. Когнитивный (ассоциативно-метафорический) уровень:

'появившийся, ставший явным'; 'внезапно появившийся'; 'интеллектуально-творческий'; 'лишенный творческой силы'; 'большое количество ч.-л.'; 'общность, группа'; 'округлый, изогнутый'; 'торчащие в разные стороны'; 'быстро перемещающийся, движущийся'; 'утративший способность быстро перемещаться'; 'быстро проходящий, быстротечный'; 'быстро звучащий'; 'медленно, плавно звучащий'; 'прерывисто звучащий'; 'сосредоточенный в одном месте'; 'чистый, светлый'; 'темный, мрачный'.

Структура МК "Птица" организована таким образом:

1) ядерная зона: ассоциаты, квалифицируемые как "проявления объекта (активность)" – 33%, "количество (множество)" – 18%;

2) приядерная зона: ассоциаты с квалификаторами "форма (очертания)" – 9%, "динамика (перемещение)", "количество (совокупность)", "время (длительность)", "звук (темп)" – по 8%;

3) периферийная зона: ассоциаты, квалифицируемые как "проявления объекта (обнаружение)" – 3%, "звук (ритм)" – 2%, "корреляция (расположение)" – 2%, "оценочность" – 1%.

Выводы. МК "Птица" в русской литературе первой половины XX в. эксплицируется в узуальных и окказиональных метафорах *птица, стая, крыло, крылатый, бескрылый, ворковать, чирикать, щебетать, щебетание, реять, порхать* и др. В структуре данного МК доминируют ассоциаты, квалифицируемые как "проявления объекта (активность)". Результаты проведенного исследования свидетельствуют о том, что в сознании русских поэтов-прозаиков птица чаще всего ассоциируется с творческим вдохновением, свободой мышления и художественного выражения.

Предлагаемая методика анализа метафорических концептов позволяет устанавливать их содержание и структуру. При этом необходимо отметить, что исчерпывающее описание содержания того или иного метафорического концепта представляется очень сложным, так как трудно выявить все его индивидуально-речевые, в отличие от языковых, метафорические реализации. Кроме того, МК как ментальный конструкт не поддается полной вербализации его понятийных составляющих.

Перспективы дальнейших исследований. Активизация исследований в области метафорической концептуализации и репрезентации мира на разном языковом материале будет способствовать постепенной инвентаризации семантико-когнитивных характеристик выявленных метафорических концептов и более глубокому пониманию сущности и механизмов образно-метафорического мышления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахматова А. А. Узнают голос мой...: Стихотворения. Поэмы. Проза. Образ поэта. – М.: Педагогика, 1989. – 608 с.
2. Белый А. Избранное. – Ростов-на/Д: Феникс, 1996. – 446 с.
3. Белый А. Избранная проза. – М.: Советская Россия, 1988. – 464 с.

4. Гиппиус З. Н. Сочинения: Стихотворения. Проза. – Л.: Художественная литература, 1991. – 672 с.
5. Инбер В. Собрание сочинений: в 4-х т. Т. 1. Стихотворения и поэмы. – М.: Художественная литература, 1965. – 574 с.
6. Инбер В. Избранная проза. – М.: Художественная литература, 1971. – 512 с.
7. Кравцова Ю. В. Метафорическое моделирование мира: поэзия и проза. – К.: Изд-во НПУ им. М. П. Драгоманова, 2011. – 360 с.
8. Кравцова Ю. В. Методика анализа метафорического концепта // Науковий часопис Національного педагогічного університету імені М. П. Драгоманова. Серія 9. "Сучасні тенденції розвитку мов": [зб. наук. праць]. – Вип. 9. – К.: Вид-во НПУ ім. М. П. Драгоманова, 2012. – С. 126–133.
9. Кузмин М. А. Стихи и проза. – М.: Современник, 1989. – 431 с.
10. Пастернак Б. Избранное: в 2-х кн. Кн. 1. Стихотворения и поэмы. – М.: Просвещение, 1991. – 254 с.
11. Пастернак Б. Избранное: в 2-х кн. Кн. 2. Проза. – М.: Просвещение, 1991. – 208 с.
12. Сельвинский И. Л. Стихотворения. Царевна-Лебедь. – М.: Художественная литература, 1984. – 383 с.
13. Сельвинский И. Собрание сочинений: в 6-ти т. Т. 6. О, юность моя!. – М.: Художественная литература, 1974. – 510 с.
14. Цветаева М. И. Избранное. – М.: Просвещение, 1990. – 366 с.
15. Цветаева М. И. Сочинения: в 2-х т. Т. 2. Проза. Письма. – М.: Художественная литература, 1988. – 639 с.

УДК 802.01

Луиза Петрова
(Одесса)

ТИПЫ ВНУТРИСЛОВНОЙ ГЛАГОЛЬНОЙ МОТИВАЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ГЛАГОЛОВ ФИЗИЧЕСКОГО ДЕЙСТВИЯ)

Стаття присвячена дослідженню дериваційних зв'язків на рівні внутрісловної парадигми російського дієслова. Установлене типи мотиваційних відносин в структурі багатозначних непохідних дієслів фізичної дії, показана різна ступінь залежності семем один від одного.

Ключові слова: дієслово, внутрисловні відношення, мотивація, дериваційний потенціал.

The article deals with a derivational relations at the level of the intraverbal paradigm of the Russian verbs. The types of motivational relations in the structure of multi-valued verbs of physical action are defined, a different degree depending someone from another showed.

Keywords: derivational relations, motivation, derivational potential, verb.

Несмотря на сложности установления направления семантической мотивации внутри многозначного глагольного слова, в современной лингвистике постулируется возможность построения моделей регулярной многозначности и регулярного речевого варьирования предикатной семантики (Ю.Д. Апресян, Н.А. Боровикова, А.П. Чудинов), определения роли основных и производных значений в организации внутрисловной семантической структуры (Л.М. Васильев, Н.Д. Гарипова).

Семантические изменения во внутрисловной деривации, обусловленные различным соотношением понятийного и денотативного факторов и, следовательно, различным компонентным составом, позволяют провести аналогию со словообразовательными процессами, где отношения между мотивирующим и мотивируемым словами выражаются формально (словообразовательные аффиксы) и семантически (словообразовательное

значение) (см., например, работы А.Н. Тихонова, Ю.Д. Апресяна, Е.Л. Гинзбурга и др.). На основе этой аналогии мотивационные отношения во внутрисловной парадигме могут быть рассмотрены с формальной и содержательной точки зрения.

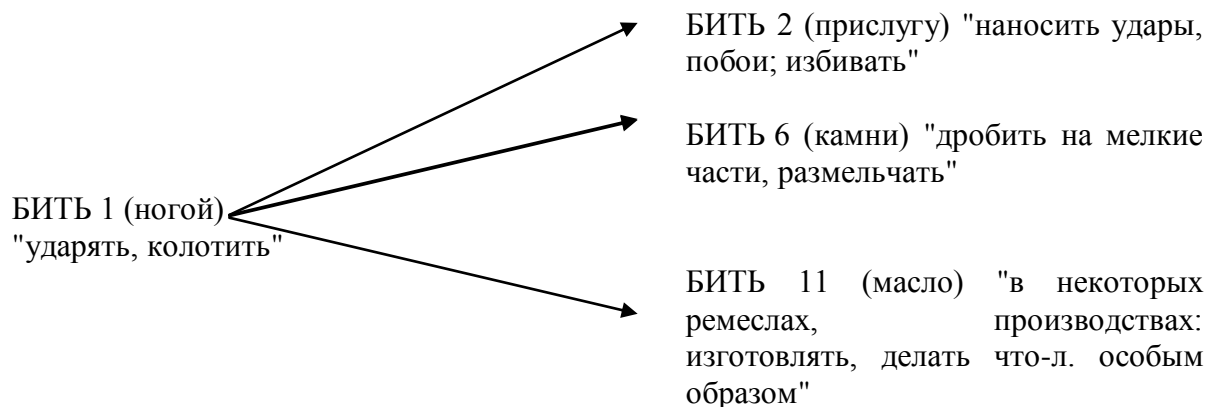
Известно, что в словообразовании существуют определенные правила, позволяющие установить направление мотивации и выделить те словообразовательные форманты, которые участвуют в создании нового слова. Чаще всего словообразовательный формант представляет собой "наименьшее в звуковом и семантическом отношении словообразовательное средство (средства) из числа тех, которыми мотивированное слово отличается от своих мотивирующих" [3, с. 41]. Применительно к лексической мотивации нельзя выделить какие-либо звуковые отрезки, семантическая же минимальная разница сохраняется. Эта разница может быть представлена различным образом. На наш взгляд, ее особенности объективно отражаются в типах смысловых отношений между основными (семантически независимыми) и производными значениями, выделенных Н.Д. Гариповой [2]: 1) основное значение и производное имеют одинаковую семантическую структуру, отличаясь разным содержанием нескольких или отдельных сем; 2) в смысловой структуре производного значения происходит перегруппировка сем; 3) производное значение имеет дополнительные семы, отсутствующие в основном значении; 4) производное значение отличается от основного значения отсутствием тех или иных сем.

Однако следует заметить, что мотивирующими в системе внутрисловной деривации не всегда являются только семантически независимые единицы, но часто и их производные. Поэтому возникает необходимость определить особенности внутрисловной деривации многозначной глагольной лексемы. В этом и заключается **цель** нашей статьи.

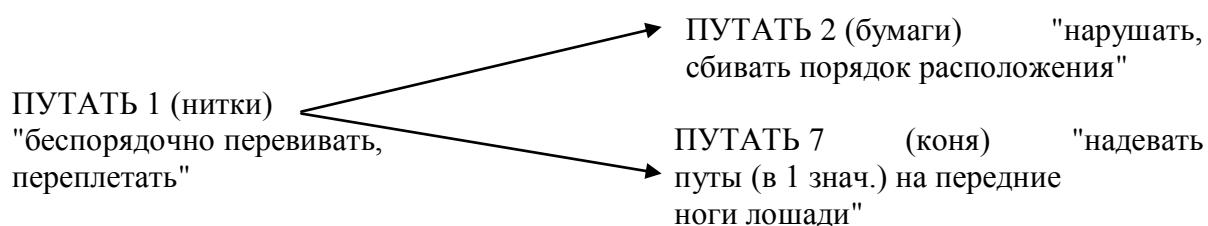
В процессе анализа мотивационных отношений во внутрисловной парадигме многозначных глаголов физического действия мы отметили следующие закономерности:

I. Формирование нового значения происходит на базе прямого номинативного значения, его оттеночного значения (лексико-семантической вариации – термин Н.В. Халиной [6]) или на основе одного из производных значений. Прямую связь мотивированного слова и мотивирующего мы называем **непосредственной лексической мотивацией**. Так, ЛСВ *качать 2* (головой) "производить колебательные движения чем-л." непосредственно мотивирован ЛСВ *качать 1* (колыбель) "приводить в колебательное, ритмичное движение из стороны в сторону или сверху вниз"; значение глагола *сосать 5* "о тупой ноющей боли в желудке, животе (от голода, недомогания и т.п.)" – оттеночным значением *сосать 1Б* (влагу) "вбирать воду, питательные соки из земли (о корнях растений)"; значение глагола *брать 12* "производить, оказывать на что-л. действие, свойственное тому или иному орудью, средству" – значением *брать 6* (камень) "добывать".

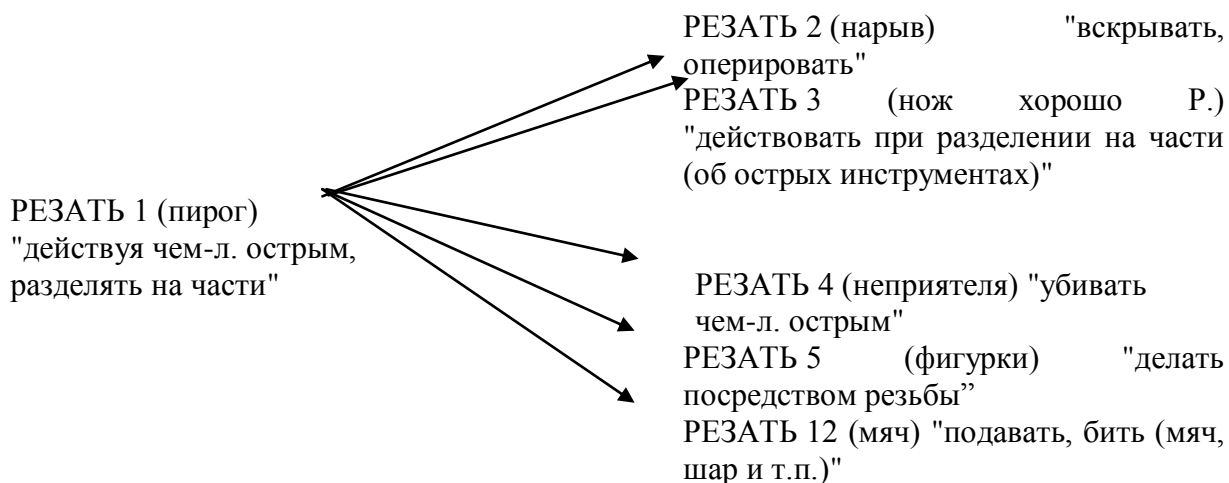
Как показали наблюдения, отношениями непосредственной мотивации связано большинство семем во внутрисловной парадигме многозначной лексемы. Выявлены случаи, когда одна семема является непосредственно мотивирующей для двух, трех и более ЛСВ. Семная структура производящей семемы может по-разному отражаться в различных мотивированных единицах – от полного перехода сем до частичного. Ср. следующие примеры:

В данном случае наблюдается полное транспонирование сем производящего ЛСВ в семную структуру производных.

В этом типе внутрисловной мотивации происходит частичный перенос сем производящей единицы: в семную структуру ЛСВ **путать 2** транспонируется сема 'беспорядочно', а в ЛСВ **путать 7** – сема 'переплетать'.

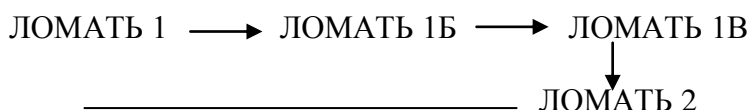

В производные ЛСВ **резать 2**, **резать 3** переходит вся семная структура производящего, остальные вторичные номинативы (**резать 4**, **резать 5**, **резать 12**) наследуют лишь сему 'действовать чем-либо острым'.

Внутри полисемной парадигмы выделены случаи *опосредованной мотивации*. Это явление характеризуется непрямими мотивационными связями. Между семемами, находящимися в мотивационных отношениях, располагаются промежуточные единицы – ЛСВ или оттенки значений.

Например, ЛСВ **ломать 1** (палку) "сгибая или ударяя с силой, разделять на части, куски" опосредованно мотивирует ЛСВ **ломать 2** (матросов) "калечить, увечить", поскольку между ними в деривационной цепи имеются лексико-семантические вариации **ломать 1Б** (дом) "разрушать, разбирать на части (строения)" – **ломать 1В** (часы) "приводить в

негодность, портить". *Ломать 2* и *ломать 1В* связаны отношениями непосредственной мотивации:

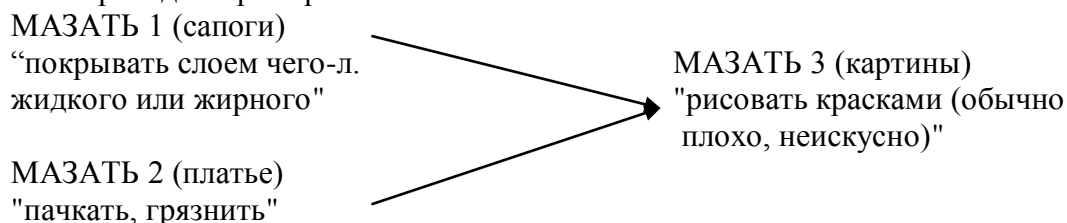

В отношениях опосредованной семантической мотивации, в частности, находятся ЛСВ *держать 1В* (ветку) "взяв в руки (в рот, в зубы и т.п.), не давать выпасть" – *держать 2* (балкон) "служить опорой чему-л.; поддерживать"; *грызть 1* (орехи) "крепко сдавливая зубами, раздроблять что-л. твердое; раскусывать" – *грызть 3* (сердце) "терзать, мучить, тревожить (о мыслях, чувствах и т.п.); *рвать' 1* (бумагу) "резким движением разделять на части" – *рвать' 5* (цветы) "дергая, отделять от ветки, стебля (что-л. растущее)" и др.

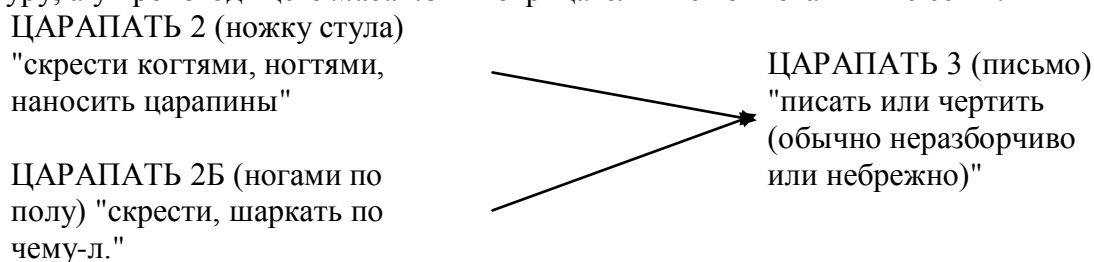
Как видим, отношениями опосредованной мотивации могут быть связаны семемы, находящиеся на минимальном расстоянии друг от друга (через оттеночные значения) в семантической структуре многозначной лексемы, так и семемы, располагающиеся на ее диаметрально противоположных уровнях, ср.: *готовить 1* (корабль к отплытию) "приводить что-л. в годное к употреблению или использованию состояние" – *готовить 2* (уроки) "трудиться над выполнением, осуществлением чего-л., разрабатывать что-л.", *но брать 1* (книгу) "принимать в руки, схватывать руками (зубами, щипцами и т.п.)" – *брать 13* "принимать какое-л. направление, направляться куда-л."

Количество промежуточных звеньев в такой цепи также может быть различным. Ср.: *БИТЬ 1* (кувалдой) → *бить 7* (в барабан) → *БИТЬ 8* (полночь) – одно звено; *БИТЬ 1* (ногой по земле) → *бить 2* (кулаками ребенка) → *бить 4* (рыбу) → *БИТЬ 5* (зенитки Б. по деревне) – два звена; *ПЛЕСТИ 1* (косу) → *плести 2* (корзину) → *плести 2Б* (фабулу) → *плести 3* (интригу) – *ПЛЕСТИ 4* (небылицы) – три звена; *РЕЗАТЬ 1* (мясо) → *резать 3* (нож Р. металл) → *резать 7* (рюкзак Р. плечи) → *резать 7В* (взгляд Р. сердце) → *резать 8* (студента на экзамене) → *РЕЗАТЬ 9* "ставить в безвыходное положение" – четыре звена; *ЛОВИТЬ 1* (шапку) → *ловить 2* (птиц) → *ловить 2Б* (беглых) → *ловить 2В* (директора) → *ловить 4* (случай) → *ловить 5* (каждый звук) → *ЛОВИТЬ 6* (кого-л. на плутовстве) – пять звеньев.

Расстояние между прямым номинативным значением и самым дальним периферийным ЛСВ, связанным опосредованными мотивационными отношениями, не превышает пяти звеньев (вспомним правило шести шагов Ю.Н. Караулова). С другой стороны, разные ЛСВ могут стать мотивирующими для одного производного, транспонируя в его семантическую структуру одинаковые семы. Наблюдения показывают, что производные ЛСВ могут быть мотивированы двумя семемами или семемой и оттеночным значением. Приведем примеры.

Производный ЛСВ *мазать 3* заимствует у производящего *мазать 1* всю семную структуру, а у производящего *мазать 2* – отрицательные коннотативные семы.

Производный ЛСВ *царапать 3* наследует сему 'скрести' как у производящей семемы *царапать 2*, так и у производящего оттеночного значения *царапать 2Б*.

Таким образом, установлены типы мотивационных отношений в деривационных парадигмах многозначных непроеводных глаголов физического действия, показана разная степень зависимости семем друг от друга и выявлено "подлинное соотношение значений" (Д.Н. Шмелев) в структуре многозначной лексемы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апресян Ю.Д. О регулярной многозначности / Ю.Д. Апресян // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. – М.: Наука, 1971. – Том XXX. – Вып. 6. – С. 509–523.
2. Гарипова Н.Д. К вопросу о роли основного значения в организации смысловой структуры многозначного глагола / Н.Д. Гарипова // Системные отношения в лексике и методы их изучения. – Уфа: Изд-во БашГУ, 1977. – С. 70–74.
3. Гинзбург Е.Л. Словообразование и синтаксис / Ефим Лейзерович Гинзбург. – М.: Либроком, 2010. – 264 с.
4. Русская грамматика [Под ред. Н.Ю. Шведовой и В.В. Лопатина]. – М.: Русский язык, 1990. – 639 с.
5. Тропина Н.П. Семантическая деривация в современном русском языке: дис. ... докт. филол. наук: 10.02.01 "Русский язык" / Нина Павловна Тропина. – К., 2003. – 401 с.
6. Халина Н.В. Семантическая структура многозначного глагола / Н.В. Халина // Вопросы словообразования в индоевропейских языках. Форма и значение. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 1985. – С. 125–133.
7. Шмелев Д.Н. Современный русский язык. Лексика / Дмитрий Николаевич Шмелев. – М.: Просвещение, 1977. – 335 с.

УДК 81'367.623

Любовь Проскурина
(Киев)

РОЛЬ АББРЕВИАЦИИ В ТЕХНИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ (НА ПРИМЕРЕ ТЕРМИНОЛОГИИ РЕМОНТА ЛЕТАТЕЛЬНЫХ АППАРАТОВ)

Стаття присвячена дослідженню ролі аббревіації в науково-технічній сфері на прикладі термінології ремонту літальних апаратів. У статті розглянуто причини використання спеціалістами з ремонту літальних апаратів аббревіації як засобу поповнення термінології, визначено продуктивні типи аббревіатур, виокремлено концептуальні зони зазначеної термінології з найбільш активною аббревіацією.

Ключові слова: аббревіація, аббревіатура, структурний тип аббревіатури, термінологія ремонту літальних апаратів

This article covers research of the role of abbreviation on scientific-technical sphere on example of terminology of the flying machines repair. Some reasons of using by the specialists in flying machines repair of abbreviation as a way of terminology refilling are examined in the article, and also the productive types of abbreviation are defined. The conceptual areas of given terminology with the most active abbreviation are marked out in the article.

Key words: abbreviation, structure type of abbreviation, terminology of flying machines repair.

Проникновение новейших технологий буквально во все сферы человеческой деятельности, особенно техническую и научно-практическую, порождает значительное

количество многокомпонентных составных наименований, цель которых – с наибольшей полнотой выделить существенные признаки терминируемых понятий. Этот процесс, однако, уравновешивается стремлением термина к краткости, требованием к точности и необходимостью экономии языковых средств при коммуникации специалистов в технической сфере. Отражением этих процессов является аббревиация, в той или иной степени сопровождающая любую терминологию.

Потребность в аббревиации различна в каждой терминологии и зависит от количества номенклатурных систем, частоты использования определенных многокомпонентных понятий в учебно-справочных материалах и текстах. На значительное количество аббревиатур в технических отраслевых терминологиях обращали внимание многие исследователи [1, 6, 8, 14]. Причины, по которым ни одна техническая терминология не может обойтись без значительного количества аббревиатур, представляют интерес для терминологов и сегодня, поскольку вслед за политиками аббревиатуры начали использовать в научных и учебных текстах специалисты именно технических областей знания.

Практически все современные технические терминологические системы можно отнести к стыковым (комплексным) терминосистемам, то есть, развивающимся на стыке нескольких смежных или вспомогательных терминологических систем. Развитие отрасли на стыке нескольких научных областей способствует появлению многокомпонентных терминов комплексного типа, наиболее частотные из которых подвергаются аббревиации. Аббревиатуры, появившиеся в стыковых терминосистемах, безусловно, имеют свою специфику и нуждаются в изучении и описании.

Русская авиационная терминологическая система относится к одной из сложных комплексных систем, однако исследовалась немногими лингвистами, например, М.Н. Бондарчук, а некоторые ее фрагменты и аспекты вообще остались без внимания специалистов. Аббревиатуры в русской авиационной терминологии также не подвергались исследованию. Исключением являются работы А.В. Межжериной, в которых рассматриваются особенности авиационных аббревиатур в аспекте перевода [9].

Одной из самостоятельных подсистем авиационной макротерминосистемы является терминология ремонта летательных аппаратов (в дальнейшем ЛА). Тут наблюдается активность неологизмов, образованных путем аббревиации, что объясняется, с одной стороны, мировым значением авиации и развитием авиаремонтного производства, появлением новейших технологий и сложных денотатов, а с другой стороны, стремлением к экономии времени и оптимизации работы ремонтников.

Цель данной статьи – рассмотреть и описать аббревиатуры терминологии ремонта ЛА, определить продуктивные способы аббревиации, выделить концептуальные зоны данной терминологии с наиболее активной аббревиацией.

В современной лингвистике аббревиация определяется как "способ образования существительных путем сложения сокращенных элементов слов, объединенных в одно сочетание" [2, с. 11]. Иными словами, это процесс создания единиц вторичной номинации, который заключается в линейном усечении компонентов исходного слова (словосочетания) и приводит к появлению его сокращенного варианта.

Когнитивная лингвистика рассматривает аббревиацию как особенность научно-технического типа мышления, "аббревиатурное мышление", "...мыслительную способность человека рефлексировать аббревиационные структуры языка и оперировать ими как единицами лингвокреативного уровня" [16, с. 11]. С такой точки зрения роль аббревиации в терминологии холодильной техники была рассмотрена, например, статье Е.И. Южаковой [17].

Аббревиатура трактуется как "существительное, состоящее из элементов (звуков, слов) или сегментов (слогов) слов, входящих в исходное словосочетание или исходное сложное слово. Последний компонент аббревиации может быть целым словом" [2, с. 11]. Таким образом, по мнению многих лингвистов, аббревиация как способ словообразования включает все типы сложносокращенных и сокращенных образований.

Описание структурных типов аббревиатур является одним из активно разрабатываемых направлений (В.В. Борисов, Е.П. Волошин, Ю.В. Горшунов, В.В. Борисов, А.П. Елдышев). Общепринятой классификацией является выделение структурных типов аббревиатур в зависимости от характера сокращения производящих основ, трансформируемых в аббревиатуры-слова.

Некоторые ученые считают аббревиацию только средством количественной экономии ("синтаксической композицией" [15, с. 171], разновидностью лексической конденсации [7, с. 120]), лексико-синтаксическим варьированием, когда сокращение является вариантом полной исходной формы слова или сокращаемого словосочетания. Для других аббревиатура – это новое слово, а не его вариант. В подтверждение этого мнения приводятся определенные доказательства, например, наличие производных слов, появление дополнительных коннотаций у некоторых аббревиатур. Однако смысл аббревиатуры в технической терминологии заключается в выполнении функции варианта слова, поскольку термины должны обеспечивать точное указание на реальные объекты и явления, устанавливать однозначное понимание специалистами передаваемой информации. Аббревиатура технического термина удовлетворяет это требование. В специальной лексике категориальная аббревиатура может трансформироваться в аббревиатуру-символ, утратить свой аббревиатурный характер и стать единицей номенклатурного мышления.

Далее, ученые подчеркивают, что "нельзя смешивать аббревиацию как способ словообразования и, соответственно как класс лексем (синхронный подход), с одной стороны, и процесс компрессии термина-словосочетания путем аббревиации (диахронический подход), с другой стороны. Неразличение этих подходов привело к неясности в использовании окказиональных аббревиатур, которые существуют только в письменной форме речи (их иногда называют графическими), и произносимых аббревиатур, закрепленных узусом и составляющих целый класс лексических единиц (их называют лексическими) в рамках словарного состава ЯСЦ" [8, с. 48]. Окказиональные аббревиатуры требуют постоянной расшифровки даже в научном тексте, их знает и в них ориентируется только узкий круг специалистов. Такие аббревиатуры преобладают в специфической терминологии ремонта ЛА. Большинство из них обслуживает многочисленные номенклатурные системы отрасли. В авиационной терминологии только номенклатура деталей ЛА (узлов, агрегатов), сопровождающаяся аббревиацией, исчисляется сотнями.

Активное использование аббревиатур при образовании номенов позволило некоторым ученым выделить номенклатурные аббревиатуры и понятийные аббревиатуры (И.Ю. Табакова). В терминологии ремонта ЛА присутствуют оба данных типа аббревиатур, но понятийных аббревиатур немного. К понятийным аббревиатурам можно отнести, например, наименования технологических процессов ремонта, некоторых физических явлений. Поэтому распределение аббревиатур в технической концептосфере неравномерно. Аббревиации чаще всего подвергаются наименования концептов, находящихся на периферии (слоты различных порядков). Тут мы имеем дело с графическим номенклатурным видом аббревиации.

Например, наименования большей части оборудования сопровождается аббревиацией, поскольку она помогает специалистам дифференцировать однородную продукцию, распределять ее по типам, разрядам, различать, уточнять, ускоряя процесс визуального и слухового восприятия.

Анализ показал, что наибольшее распространение в технической терминологии получают комплексные аббревиатуры в сочетании со словом, числом, знаком. З.Д. Попова и И.А. Стернин отмечают, что использование в научном описании сочетаний слов, знаковой символики, наглядно-пространственных схем и таблиц отражает разные формы мышления – словесное, символическое и пространственное [10, с. 151-152]. Деятельность современных инженеров-механиков и ремонтников требует подключения различных форм восприятия и мышления. Результаты их деятельности воплощаются в техническом научном тексте,

сопровождается таблицами, схемами, и различными комбинациями терминологических элементов, включающими аббревиатуры.

Комбинацию терминологических элементов, аббревиатур, буквенных и числовых компонентов – можно отнести к числу специфических способов образования терминов в технических терминологиях. В терминологии также свободнее и проще комбинируются отечественные, заимствованные и международные словообразовательные средства [16, с. 188]. Числовые компоненты, символы в сочетании с аббревиатурой отражают стремление любой терминологической единицы к точности, краткости за счет увеличения емкости знака. Буквенный компонент в номенклатурных буквенно-числовых единицах, выполняя функцию своеобразного маркера, обычно обозначает химический состав, качество, область применения, а числовой компонент указывает на процентное содержание какого-либо химического элемента, цветовую маркировку, емкость и некоторые другие параметры. Поэтому аббревиатуры с буквенно-числовыми компонентами удобны в использовании при стремительном развитии терминологии. Например, при усовершенствовании имеющегося прибора можно изменить числовой компонент, заменить или добавить букву-маркер или букву в аббревиатуре при необходимости (при уточнении видового понятия). Это позволит быстро дифференцировать и выбрать нужный материал или инструмент.

Аббревиатуры, символы и числовые обозначения взаимосвязаны в терминологии ремонта ЛА и играют в ней важную роль. Наименования материалов, инструментов и аппаратуры, посредством которых и осуществляется ремонт, составляют значительный пласт лексики ремонта ЛА. Практически 80% номенклатурных наименований сопровождается аббревиацией. Кроме того, дифференциация названий инструментов приборов, оборудования, средств ремонта (сплавов, жидкостей) требует использования цифр. Рассмотрим конкретные примеры.

В русской терминологии ремонта ЛА можно выделить практически все структурные типы аббревиации: инициальный, слоговой, смешанный (сложносоставной).

Аббревиатуры инициального типа чаще всего соединяются с общенаучным или с узкопрофессиональным термином. Как правило, аббревиатуры инициального типа входят в номенклатурные названия материалов (*смывка СЭУ-2*), приборов (*отсчетный микроскоп МБП-2*), деталей (*ротор ГТД*).

Иногда образуется сложная терминологическая единица (*АРД-диаграмма, АЭ-импульс, МГД-установка*). Данные единицы обладают признаками грамматической и фонетической цельноформленности. Соединение буквенной аббревиатуры со словом является современной тенденцией. Вероятнее всего, этот способ получил развитие под влиянием английского языка, заменяя в научных текстах словосочетания сложносокращенными словами [Лейчик, с. 55, 2007].

Среди инициального типа аббревиатур выделяют некоторые подтипы. Например, аббревиатуры, образованные из начальных букв слов, входящих в состав словосочетания (*НК – неразрушающий контроль, ТУ – технические условия на ремонт, КЭ – конструктивный элемент, ТТ – технические требования*). Чуть менее распространены аббревиатуры, образованные из начальных звуков слов, входящих в состав словосочетания (*АСК – автоматизированные системы контроля, ТОиР – техническое обслуживание и ремонт, ТЭС – техническая эксплуатация по состоянию*).

2. Аббревиатуры, образованные из начальных букв, компонентов сложных слов и слов, входящих в словосочетание (*ГГС – гидрогазовая система, ГТИ – галоидный течеискатель, ГПК – гиropolукомпас, ЛКП – лакокрасочные покрытия*).

3. Аббревиатуры, состоящие из начальных букв некоторых слов, входящих в состав словосочетания (*ТУ – технические условия на ремонт*).

4. Аббревиатуры, подобные словам ("словоиды", по определению В. Даниленко) (с. 131), состоящие из начальных букв слов, входящих в словосочетание (*БУК – блок управления коммутацией, ИДУС-1 (детонационная установка), ДиНК – диагностика и неразрушающий контроль*).

Слоговые аббревиатуры позволяют распознавать в сокращенных элементах слова, которые входят в состав названия [8, с. 59]. Этот тип представлен в терминологии ремонта ЛА, например, следующими наименованиями авиационных материалов: *алюник* (сплав алюминия и никеля), *кермет* (керамика и металл), *авиаль* (авиационный алюминий). В.М. Лейчик относит их к так называемым "цепочечным образованиям" [8, с. 56].

В некоторых случаях вместо слога используется усеченный слог (промежуточный склад – так называемый "*проск*", *ЭП – эпоксидные материалы*). Это допускается с целью придания слову благозвучия и удобства в произношении.

В терминологии ремонта ЛА можно выделить концептуальные зоны, прибегающие к аббревиации наиболее активно. Наибольший процент аббревиатурных образований приходится на опорные концепты "Материалы", "Средства ремонта", "Конструкция ЛА". Продуктивность аббревиации в этих терминологических блоках обусловлена не только необходимостью экономии языковых средств, но и наличием многочисленных номенклатур, потребностью четко дифференцировать разнообразные виды материалов и оборудования. Важным является тот факт, что аббревиатуры названий инструментов, ремонтных материалов не допускают семантических изменений и искажений при переходе от развернутого варианта к сокращенному и становятся символом словосочетания, образующего аббревиатуру. Восприятие аббревиатуры как условного знака, заменяющего наименование, способствует быстрому определению типа, разряда, а также различению, уточнению при коммуникации технических специалистов.

Аббревиация в терминологии ремонта ЛА используется в следующих случаях: при наименовании деталей летательного аппарата (*КВ – коленчатый вал, НВ – несущий винт, ХВ – хвостовой винт, детали ГТД, отстыковка ОЧК*); при наименовании инструментов, аппаратуры (*дефектоскоп АД-40И, толщиномер УТ-30К, аппараты типа РИД, ГУП, приборы типа РВП, приборы типа ПДК*); в названиях моющих средств (*смывка СЭУ-2, смывка СД (СП), АФТ-1, С-77*), в названиях жидкостей (*жидкость СМЖ-411-201, жидкость СМС типа МС и "Лабомир"*), при наименовании различных материалов (*анионоактивные ПАВ, герметик ВТУР, герметик УТ-32*).

Модели образования терминов с аббревиатурными компонентами разнообразны. Основными структурными моделями можно считать следующие модели:

- 1) "существительное + аббревиатура" (*герметик ВТУР, ротор ГТД*)
- 2) "существительное + аббревиатура + числовой маркер" (*прибор ИАД 2 (импедансный акустический датчик), лента МК-1, лента МК-2*)
- 3) "прилагательное + аббревиатура" (*полимерные КМ*)
- 4) "словосочетание + аббревиатура" (*рентгеновская пленка РНТМ*), "словосочетание + аббревиатура + числовой маркер" (*высокочувствительная трубка ЛИ-217, ванная для очистки УЗВ-15, магнитный дефектоскоп МДА-3-408*)
- 5) "существительное + аббревиатура + числовой маркер + буквенный маркер" (*комплект АЭРО-12А*)
- 6) "существительное + аббревиатура + числовой маркер + сочетание букв-маркеров" (*толщиномеры УТ-31МЦ*)

Наиболее распространенные модели: "существительное + аббревиатура + числовой маркер", "словосочетание + аббревиатура + числовой маркер". В таких наименованиях первый компонент (словосочетание) называет родовое понятие, а аббревиатура может указать на видовую дифференциацию родового понятия (*магнитный дефектоскоп МДА-3-408, ПМД-70, МД-50, ЦВН-3, ДМП-2*). Менее распространенной моделью является модель "прилагательное + аббревиатура" (*полимерные КМ, анионоактивные ПАВ*). В терминах такого типа прилагательное уточняет родовое понятие.

В терминологии ремонта летательных аппаратов большинство аббревиатур являются узкоспециальными. Они используются почти исключительно в терминологии ремонта ЛА: *ЛА (летательный аппарат), БСПС (бортовая система предупреждения столкновений)*,

ДТРД (двухконтурный турбореактивный двигатель), ДиНК (диагностика и неразрушающий контроль), ТОиР (техническое обслуживание и ремонт).

С другой стороны, поскольку терминология ремонта летательных аппаратов относится к стыковым дисциплинам и связана со многими техническими дисциплинами, она насыщена общенаучными и общетехническими терминами, среди которых встречаются и термины-аббревиатуры (*НК (неразрушающий контроль), КМ (композиционные материалы), кермет, алюмин).*

Статистический анализ показал, что наибольшей продуктивностью в терминологии ремонта ЛА обладает инициальный тип аббревиации. Максимальное количество сокращенных компонентов – 7 (НТЭВС – наставление по технической эксплуатации воздушных судов). Наиболее многочисленной группой являются аббревиации, состоящие из 3 букв (компонентов).

Симптоматично, что 95 % аббревиатур в терминологии ремонта ЛА требует расшифровки, уточнения и напоминания, поскольку их слишком много, они непонятны неспециалистам, студентам. В учебных и учебно-научных текстах либо список используемых аббревиатур предваряет изложение материала, либо аббревиатуры вводятся вместе с расшифровкой.

Далее, в авиационных словарях, в сборнике терминов ИКАО (1986) можно обнаружить международные авиационные аббревиатуры, которые были заимствованы из английского языка и функционируют в русской авиационной терминологии без перевода: *АТЕ (автоматическое испытательное оборудование, automatic test equipment), ELBA (бортовой аварийный приводной радиомаяк, emergency location beacon-aircraft), классификационный номер нагрузки (LCN load classification number).* Предпочтение аббревиатур на английском языке русским эквивалентам обусловлено необходимостью максимально оптимизировать и довести до автоматизма коммуникацию авиационных специалистов при различных обстоятельствах.

Итак, активность аббревиатурного способа образования в технических терминологиях связывают с появлением значительного количества многокомпонентных составных наименований, отражающих существенные признаки понятия, с одной стороны, и стремлением термина к краткости и экономии языковых средств, с другой. Аббревиация также помогает сохранять коммуникативную оперативность специалистов, оптимизируя процесс коммуникации в условиях усложнения информационного потока.

ЛИТЕРАТУРА

1. Астен Т.Б. Проблемы языковой экономии и аналитизма в условиях глобализации // *Философские проблемы глобализации: общество, культура, право.* – Ростов н/Д.: РГЭУ "РИНХ", 2007. – 131 с.
2. Базовый словарь лингвистических терминов. – К.: Издательство Государственной академии руководящих кадров культуры и искусств, 2003. – 192 с.
3. Володина М.Н. Когнитивно-информационная природа термина (на материале средств массовой информации) / М.Н.Володина. – М.: Издательство Московского университета, 2000. – 127 с.
1. Даниленко В.П. Русская терминология. Опыт лингвистического описания / В.П. Даниленко. – М.: Наука, 1977. – 246 с.
2. Кудрявцева Л. А. Моделирование динамики словарного состава языка: [монография] / Л.А. Кудрявцева. – К.: ИПЦ "Киевский университет", 2004. – 208 с.
3. Лейчик В.М. Терминоведение: предмет, методы, структура. Изд. 3-е. – М.: Издательство ЛКИ, 2007. – 256 с.
4. Межжерина А.В. Перевод английских авиационных терминов на русский язык / *Проблеми теорії і методики викладання філологічних дисциплін: зб. наук. праць.* – К. : КМУЦА, 1998. – С. 44-51
5. Попова З.Д., Стернин И.А. Общее языкознание. Учебное пособие / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: АСТ: Восток – Запад, 2007. – 408 с.

6. Російсько-українсько-англійська авіаційна термінологія. Посібник. Укладач Д. Г. Бабейчук. – К.: "Дієслово", 1997. – 160 с.
7. Російсько-українсько-авіаційний словник / За ред. Г.О. Кривова. – К., УкрНДІАТ, 1997. – 248 с.
8. Сборник терминов ИКАО / Международная организация гражданской авиации. – 6 изд. – Б.М., 1986. – 347 с.
9. Сухов Н.К. О применении буквенных сокращений в качестве научно-технических терминов. – Изв. АН СССР. Отдел технических наук, 1953, № 7, с. 105
10. Татаринев В. А. Дискурсивные параметры метафорического термина / В. А. Татаринев // Лингвопозитика. Лингвостилистика. Лингвориторика. – М.: Московский Лицей; Русский Филологический Вестник, 1999. – Т. 35. – С. 153–158. – (Библиотека журнала "Русский Филологический Вестник". Лингвистическая серия; вып. 3).
11. Татаринев В. А. Общее терминоведение: Энциклопедический словарь / В. А. Татаринев / Российское терминологическое общество РоссТерм. – М.: Московский Лицей, 2006. – 528 с. – (Библиотека журнала "Русский Филологический Вестник", Т. 44).
12. Южакова Е.И. Аббревиатурный тип мислення інженера / О.І. Южакова // Культура народів Причорномор'я. – 2007. – № 110. – Т.2. – С. 331 – 333.

УДК 811.161.1'282.4'33'373.2:639.2.081.1(477.74)

Алена Просяная
(Одесса)

РОЛЕВАЯ ПОЗИЦИЯ ОБЪЕКТА В ФРЕЙМЕ "РЫБОЛОВЕЦКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ" (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКИХ ГОВОРОВ ОДЕСЩИНЫ)

У статті розглядаються проблеми фреймової організації діалектної лексики. Дослідження проводиться на матеріалі російських говорів Одещини. Пропонується опис рольової позиції об'єкта в фреймі "Рыболовецкая деятельность" (на матеріалі російських говорів Одещини).

Ключові слова: *фрейм, діалектизм, рольова позиція, слот.*

This paper addresses the problem of framing dialect vocabulary, Research carried out on the material of Russian dialects Odesa. A description of the role the position of the object in the frame "Ribolovetskaya Deyatel'nost" (based on Russian dialect Odesa).

Key words: *frame, dailectisms role position slot.*

В теории знаний для их изучения и представления используются различные структуры – фреймы, сценарии, планы. Согласно М. Минскому, "фрейм – это структура данных, предназначенная для представления стереотипной ситуации" [5, с. 99]. Более развернуто можно сказать, что фрейм является концептуальной структурой для декларативного представления знаний о типизированной тематически единой ситуации, содержащей слоты, связанные между собой определенными семантическими отношениями. В целях наглядности фрейм часто представляют в виде таблицы, строки которой образуют слоты [2, с. 43].

Слово "фрейм" (от англ. frame, что означает "каркас" или "рамка") в современном понимании появилось в 1974 году, когда Марвин Минский предположил, что человеческий разум интерпретирует каждый новый объект, в частности языковой, посредством особых структур памяти, которые он назвал фреймами (комплексный пакет знаний, хранимый в мозгу либо в памяти компьютера, который описывает объект или понятие).

Большинство лингвистов рассматривает фрейм как категорию мыслительную, единицу памяти, особым образом организованную структуру представления знаний о том или ином явлении (М. Минский, Дж. Лакофф, Ч. Филлмор, Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков

и др.). Знание о явлении представляется в виде важнейших признаков, которые составляют суть этого явления. Эти представления существуют в сознании человека и образуют понятийные (концептуальные) "блоки", определяющие наше виденье действительности, наше восприятие и членение окружающего мира, а также обуславливающие национальную специфику стереотипов как поведенческих в целом, так и коммуникативных – в частности. Важным для определения фрейма является понимание того, как происходит структурирование нашего знания о том или ином явлении действительности и как проявляются понятийные блоки в языковом сознании. Процесс концептуализации связан, на наш взгляд, с ассоциативно-вербальными сетями, слотами, набор которых формирует в сознании человека фрейм-структуру. При восприятии и понимании произнесенной языковой структуры, например, слова, в сознании языковой личности возникают ассоциации, которые помогают ему идентифицировать услышанное слово с известными для него ключевыми словами, хранящимися в сознании и дающими имя слоту. Через понимание слота или нескольких слотов реципиент определяет фрейм, который имелся в виду в данном высказывании.

Таким образом, под фреймом понимается особым образом организованная структура знаний о типизированном объекте или стереотипной ситуации, а так же "семантическая версия системности гнезда однокоренных слов" [7, с.116-125].

Фрейм фиксирует те факты, которые характерны и типичны для данной культуры. Он закрепляет стандартные, стереотипные способы действия субъекта в какой-либо типичной ситуации и тем самым регулирует поведение человека (в том числе и речевое). Механизм регулирования М. Минский представляет так: человек, оказавшись в определенной ситуации, извлекает из памяти соответствующую структуру знаний о ней – фрейм, которую при необходимости корректирует применительно к реальности.

В зависимости от конкретной задачи структуризация фрейма может быть осуществлена более сложно; фрейм может включать вложенные подфреймы и отсылки к другим фреймам.

Цель данной статьи – на материале одесских говоров показать средства языковой реализации ролевой позиции "объект" во фрейме "Рыболовецкая деятельность". На языковом уровне объектные характеристики данного фрейма присущи лексическим единицам, входящим в тематическую группу "Рыбы". Материал исследования извлечен методом сплошной выборки из Словаря русских одесских говоров. Проведенный анализ позволил выделить соответствующие слоты: размер, цветовая характеристика рыб, внешняя характеристика (вид) рыб.

Слот 1. Размер

а) рыбы большого размера:

Пан. *Крупный сом.* Мелкий сом – эта саматей, кил на двадцать – ермак, а ежыли большы, так то пан. Ст. Некр., Нов. Некр., Мур. [4, с. 11].

Черта́н. Лещ. Чиртан здесь *большой* водица. Ст. Некр., Нов. Некр., Мур. [4, с. 276].

Бéленькая. Вид рыбы. У речки рыба разная есть: коруп, белинькая, ляшш, шшюка, сом. Троиц. [4, с. 35]. (Сом. *Крупная* пресноводная хищная рыба с голым, лишенным чешуи телом и несколькими парами усов.) [3, с. 192].

Желтомя́ска. Вид рыбы. Вокунь ловють, самонак, жылтамяска. Троиц. Ловицца рыба жылтамяска. Нов. Некр. Очинь нежная и фкусная, но реткая рыба жылтамяска. Ст. Некр. // СРНГ: нет. [4, с. 194], (смотри *бéленькая*).

Осетра. Осетр. В рике разна рыба: коруп, ласкырь, асетра пападаицца. Троиц. // СРНГ: осетер, осетер и осетер, осетер. [4, с. 354] (Осетр, осетра. *Крупная* промысловая рыба, ценная своим мясом и икрой.) [3, с. 645].

б) рыбы маленького размера

Абре́ц. Рыба, вид бычка. Абрица многа в лимани. Ст. Некр. Бычок есть пяскирь, абрец. Нов. Некр. // СРНГ: нет. [4, с. 15] (Бычок. Род *мелкой* рыбы, преимущественно

морской. Круглоротый бычок скрывался под камнем в тени. Лидин, Великий или Тихий.) [3, с. 131].

Густы'рь. Мелкая рыба, плотва. Троиц. // СРНГ: густерка [4, с. 153].

Ласкирь. Сорт мелкой рыбы. Ласкирь – эта мелкая жирная рыбка. Коса. [4, с. 282].

Маломёр. Рыба сом *небольшого* размера. Вокунь ловють, саменак, ляца, маламер – сом, ласкирь, талстамяска. Троиц. Рыба есть сом – маламер. Троиц. [4, с. 296].

Облещик. Мелкая рыба. В кубырь идет аблещик. Ст. Некр. // СРНГ: нет [4, с. 335].

Сомотей. Мелкий сом – эта саматей, кил на двадцать – ярмак, а ежели больше, так то пан. Ст. Некр. [4, с. 177].

Сомье. Собир. Мелкий карп. Самья у этам ставке видима-невидима. Самье – маленький корап. Ст. Некр., Нов. Некр. [4, с. 177].

Хлы'стик. Мелкий лещ. Рыбаки мелкава лица хлыстик или густырь. Коса [4, с. 261].

Чирюс. Небольшая скумбрия. Чирюс такжы скумбрия, но раждаица пожы, анна мелкая. Вилк. [4, с. 277].

Бабощка. Маленькая рыбка с красными плавниками, красноперка. В речки у нас ишо бабощка водица. Нов. Некр. Бабощка больши осинью клюеть. Ст. Некр. [4, с. 21].

Бобойка. Рыба бычок. На лимани многа рыбы усякай водица, и бобойки водяця, только малыи. Троиц. // СРНГ: нет. [4, с. 42], (смотри *абр'ец*). **Верховодка.** Вид мелкой рыбы. Налавили адну вирхавотку. Верховотка – рыбка такая мелкая, сверху плаваить. Алекс. [4, с. 75].

Платика. 1. Мелкая рыбка, плотва. Платика – мелкая такая рыбка. Рус. Ив. 2. Мелкий лещ. Лещ тожа два названия имеют: платика и чиртан. Вилк. Платику ловим, платика – лещ *нибольшой*. Нов. Некр., Ст. Некр. // СРНГ: нет. [4, с. 29].

Сигалетка. Маленькая рыба, малек. Скоря время сигалетак, из икры ани идуць. Коса. А эта рыба мечить сигалетак. Троиц. [4, с. 167].

Материал показал, что средний размер рыболовецкого объекта в фрейме не актуализируется.

Слот 2. Цветовая характеристика рыб

Овам. Белорыбица, ценная промысловая рыба сем. лососевых, с *серебристым* телом и *белым* брюхом. Есть ишо рыба билизна, анна жы овам называица. Нов. Некр. [4, с. 342].

Царек. Карась. В Дунае водица многа царька. Царек – та кругленькая зиркальная рыбка, чишуйка у ние *зеленинькая, краснинькая* – цвитная. Вас., Вилк., Коса [4, с. 266].

Бабушка. Название рыбы. Усякая рыба, и бабушка есть. Вас. // СРНГ: во 2-м знач. нет [4, с. 22]. (Чернуха – *красноперка* – вид пресноводных рыб семейства карповых, широко распространенный в водоемах Европы и Средней Азии.) [3, с. 678]

Белізня. Рыба жерех. Билизня – анна *белая* и длинная. Коса. // СРНГ: белезна [4, с. 36].

Белужина. Белуга. Рыбы многа, билужына... Вил. Рыба *белая* была, называли билужына. Усп. [4, с. 36].

Краснопера. Красноперка, рыба сем. карповых с *красными* плавниками. Рыба есть краснопера. Мирн. [4, с. 266].

Чернуха. Рыба *красноперка*. Лучшы фсиво юшка с чирнухи. Троиц. [4, с. 276].

Слот 3. Внешняя характеристика (вид) рыб

а) особенности головы:

Голов'ень. Голавль, пресноводная рыба. Чучугу и галавня ловим. Троиц. [4, с. 137] (Голавл'ь. Пресноводная рыба сем. карповых, с *толстой и широкой* головой. В чистой, прозрачной воде ходили стаи широколобых голавл'ей. Чехов. Мужики.) [3, с. 324].

Калкан. Камбала. У нас водица калкан. Прим. // СРНГ: в этом знач. нет. [4, с. 250] (Камбала. Промысловая морская рыба с *глазами на одной* стороне. Ловили и камбалу. Из морских глубин поднимали на поверхность плоскую, сплюснутую с боков рыбу. Чаковский, У нас уже утро.) [3, с. 22].

Гл'оса. Вид рыбы. Глосы многа сичас идеть. Прим. [4, с. 131]. (смотри *калкан*).

б) имеется ценное промысловое значение:

Оселёдец. Сельдь. В рике была самовина, асиледиц. Ник. [4, с. 354]. (Сельди – род рыб из семейства сельдевых, обитающая в основном в северной части Атлантического и Тихого океанов. *Обладает ценным промысловым значением.*) [3, с. 649].

Шалев. Судак. Вот скажем, судак, и у нас он судак называеця, а румыны йиво шалеф кличут. Ст. Некр. [4, с. 281]. (Судак. *Ценная промысловая рыба сем. окуневых.* ; Судакóвый. Прил. к судак. Судаковая икра. Судаковое филе.) [3, с. 300].

Лобáнь. Промысловая рыба сем. кефалей. У нас лабань, а на Азоускам мори – тарань. Коса. Лабань дюжа фкусная. Коса [4, с. 287]. (Кефаль. Морская промысловая рыба с удлинненным и сжатым с боков корпусом.) [3, с. 46].

Сула́. Рыба судак. На Азовском мори и сула есть. Коса. [4, с. 200]. (смотри. *шалев*).

Икря́нка, икря́нка. Рыба с икрой. Была многа икранки в речки. Икрянку нильзя лавить: пусть икру мечит. Ст. Некр. // СРНГ: нет. (Икростый. Содержащий *многа икры* (о рыбах). *Икростая шука*).

в) особенности тела:

У́гор. Рыба *со змеевидным телом*, угорь. У́гор в озери есть. Павл. [4, с. 238].

Подлещевка. Подлещик, речная рыба, сходная с лещем, а также лещ небольших размеров. Раньшы тут нас многа и ласкаря, и падлицефки была. Троиц. [4, с. 48] (Лещ. Пресноводная рыба сем. карповых, *с плоским телом*. Лещ лежал в сырой траве между плетей ежевики – толстый, розовый, и с черных его плавников стекала вода. Паустовский, Несколько слов об ужении рыбы.) [3, с. 180].

Зерка́льник. Зеркальный карп. Зиркальник – эта как вы карп называити. Коса. // СРНГ: нет. (Зеркальный карп – разновидность разводимого в прудах карпа с *крупными чешуйками*.)

Таким образом, ролевая позиция объекта во фрейме "Рыболовецкая деятельность" в русских одесских говорах представляется тремя слотами, которые актуализируют признаки размера, цвета и внешнего вида.

ЛИТЕРАТУРА

1. Войцева Е.А. Водохозяйственная лексика польского языка: от древности к современности / Елена Андреевна Войцева. – Черновцы: Букрек, 2010. – 60-61 с.
2. Вязикова Л.В., Петров А.В. Великое русское слово. (Сборник статей, посвященный Году русского языка) // А.В. Волынская. Лексика рыболовства на севере в XVI-XVII вв. (на материале деловой письменности). – Архангельск: Кира, 2007. С.– 13-24
3. Словарь русского языка. [под. ред. А.П. Евгеньевой]. – в 4-х т. – М.: Русский язык, 1981.
4. Словарь русских говоров Одесщины [под. ред. А.Ю. Карпенко]. – в 2-х томах. – Одесса: АстроПринт, 2000.
5. Колесов В.В. Русская диалектология / В.В. Колесов. – М.: Дрофа, 2006. – 267с.
6. Ярцева В.Н. Лингвистический энциклопедический словарь [под. ред. В.Н. Ярцевой.] – М.: Советская энциклопедия, 1990.
7. Шабалина А.Н. Порождение в рамках фрейма отрицательных ситуаций. [Электронный ресурс] – www.treko.ru.

УДК 004.823:070.16 (0.036)

Надежда Стеценко
(Киев)**ФРЕЙМИНГ КАК СРЕДСТВО ИНТЕРПРЕТАЦИИ
ПЕЧАТНЫХ НОВОСТЕЙ**

У статті зроблено спробу конкретизації поняття "новинний фреймінг". На прикладі української російськомовної преси досліджено вплив різних фреймів на інтерпретацію новин.

Ключові слова: *новинний медіатекст, фреймінг, інтерпретація новин, стереотипна ситуація, символічний маркер фреймів, прецедентний текст.*

The researcher attempts to concretize the term of news framing in the article. The influence of different frames on the news interpretation is studied on the example of Russian-language press in Ukraine.

Key words: *news mediatext, framing, news interpretation, stereotypical situation, symbolic frame marker, precedent text.*

Новостные медиатексты традиционно отличает подчеркнутая объективность изложения фактов, однако интерпретативность информации присутствует в текстах новостей в неменьшей степени, чем в других жанрах СМИ. Данное свойство является неотъемлемым для всей медиакommunikation в целом и новостной информации – в частности [6]. Работы, посвященные изучению приемов интерпретации достоверной информации на уровне лексики, синтаксиса, морфологии, композиционной структуры новостей, используют в основном англоязычный материал и материал российских медиа, тогда как русскоязычные СМИ Украины в данном аспекте практически не изучены, что обуславливает **актуальность** нашей работы. Для понимания механизмов интерпретации новостной информации, передаваемой в СМИ, представляется необходимым обращение к теории фреймов. **Целью** данной статьи является исследование понятия "новостной фрейминг" на материале украинской русскоязычной прессы. Для достижения поставленной цели предполагается выполнить следующие **задачи**: 1) проанализировать существующие определения фрейма для уточнения понятия "новостной фрейминг"; 2) определить влияние фреймов на механизм интерпретации новостей в украинской прессе.

Английское слово "фрейм" имеет множество значений (каркас, остов, корпус, конструкция, система, группа, блок данных). Термин "фрейм" активно используется в таких областях науки, как искусственный интеллект, инженерия знаний, социальные науки, издательские системы, компьютерные сети, программирование, видеографика. В самом обобщенном смысле данное понятие обозначает устойчивую когнитивную структуру, рамку, ячейку или ментальный образ, содержащий некую информацию. Впервые термин "фрейм" был употреблен М. Минским в книге "Frames for representing knowledge" (1975), посвященной проблеме представления знаний в памяти ЭВМ. В основе фреймовой модели лежит положение о восприятии действительности через сопоставление имеющихся в памяти структур данных, каждая из которых связана с конкретным концептуальным объектом памяти и информацией, получаемой из мира действительности [Цит. по: 5]. Исходной идеей фреймового подхода является то, что человек, познавая новую ситуацию, каждый раз обращается к своим знаниям, приобретенному опыту и выбирает в памяти некоторый известный заранее ситуативный шаблон, называемый фреймом. Выбор происходит так, чтобы путем незначительного изменения, дополнения новыми деталями без перестройки самого шаблона сделать его пригодным для представления новой, но по своему построению стереотипной ситуации целого класса. Можно утверждать, что фрейм организует наше понимание мира в целом, а тем самым и обыденное поведение (скажем, когда мы оплачиваем дорогу или покупаем что-либо в магазине) [1]. Таким образом, фрейм при таком подходе – это структура данных для представления стереотипной ситуации [4].

К нуждам лингвистики данное понятие адаптировано Ч.Филлмором. Исследователь отмечает, что многие слова образуют группы, каждую из которых лучше изучать как единое целое. Такие группы слов удерживает вместе то, что они мотивируются, определяются и взаимно структурируются особыми унифицированными конструкциями знания или связанными схематизациями опыта, для которых можно использовать общий термин "фрейм" [8]. Помимо данной дефиниции, Ч.Филлмор использовал такие термины, как "сценарий", "скрипт", "ситуационная модель", "когнитивная модель", "сцена", "прототип", "схема". В коммуникативистике, изучающей гуманитарные аспекты информационных

средств связи, понятие "фрейм" функционально связано с понятием "дискурс". Не будучи тождественными, они дополняют друг друга для обозначений тех или иных форм, способов, функций, целей и результатов сложносоставного процесса отбора, компоновки, фильтрации и изложения информации, программно предназначенной для потенциальной аудитории [3, с. 10]. В этой связи следует отметить интерпретацию понятия "фрейм", высказанную Т. ван Дейком. Ученый исходит из тезиса, что мы понимаем текст только тогда, когда мы понимаем ситуацию, о которой идет речь, а фреймы содержат общедоступное в данной культуре знание, описывая то, что в данном обществе является типичным [2]. Фрейминг как механизм использования фреймов характеризуется тем, что (согласно исследованиям Роберта Энтмана) позволяет выбирать определенные аспекты реальности и делать их более заметными в коммуникативном тексте, подчеркивая таким образом определенную трактовку проблемы.

Отметим, что в области НЛП понятие "фрейм" применяется для дополнительной информации, которая дается параллельно или перед основной информацией, и задает логические или эмоциональные рамки ее восприятия для формирования определенного отношения. Исследователи выделяют контекстуальные, эмоциональные, визуальные фреймы. Примером визуальных фреймов в газете могут быть фотографии, которые сообщают медиатексту смысл, соответствующий интенции автора.

Кроме фотографий, в печатных масс-медиа исследователи выделяют следующие символические маркеры фреймов: заголовки, подтверждающие примеры, ссылки на источники, схемы, графики, рисунки, коллажи, прецедентные факты, текстовые реминисценции, лингвистические метафоры [7]. Обратимся к примеру новостного медиатекста. В майском номере "Донецких новостей" ["Донецкие новости", №20, 05.-17.2012] была опубликована новостная заметка об утечке 18 тонн хлора на одной из фильтровальных станций в г. Макеевка Донецкой области. Текст содержал достаточное количество уточняющей информации, например: *"испарения хлора попали в атмосферу из разгерметизировавшейся цистерны"*, *"инцидент произошел 15 мая"*, *"подобная ситуация может произойти на многих фильтровальных станциях страны"* и пр. Публикация стала причиной большого общественного резонанса. Потрясенные жители Донецкой области беспокоили звонками областную администрацию, там информацию опровергали, но люди были уверены что от них скрывают правду о действительно произошедшей катастрофе.

В Макеевке произошла утечка хлора

РАБОТНИКИ МЧС ПРОВЕЛИ МАСШТАБНЫЕ УЧЕНИЯ

В течение нескольких дней в Донецкой области спасатели ликвидировали последствия различных катастроф. Наиболее масштабная из них – утечка 18 тонн хлора на фильтровальной станции в Макеевке.

Андрей Юрченко

Испарения хлора попали в атмосферу из разгерметизировавшейся цистерны. Инцидент произошел 15 мая. Даже при незначительном ветре образовавшемуся ядовитому облаку достаточно около получаса, чтобы накрыть внушительную часть Макеевки.

Как прокомментировал директор Департамента гражданской защиты МЧС Украины Василий Квашук, существующая

МЧС решает учебную задачу.

концентрация хлора в воздухе приводит к повреждению органов дыхания, в результате чего у человека может наступить смерть. Подобная ситуация

может возникнуть на многих фильтровальных станциях страны, где для дезинфекции воды до сих пор используют опасный хлор. Спасатели говорят, что

периодически им приходится бороться с ядовитыми веществами, вот и проводят масштабные учения, чтобы не допустить массовых смертей граждан. Как уверяют контролеры, с утечкой хлора донецкие спасатели справились достаточно оперативно.

Уже на следующий день, 16 мая, сотрудники МЧС боролись с другой условной опасностью. На подлете к Донецку загорелся пассажирский самолет. При аварийной посадке в аэропорту судно получило повреждения шасси, фюзеляжа и двигателей. Пришлось не только тушить пожар, но и эвакуировать людей.

Вечером того же дня спасатели тушили пожар на 8 этаже гостиницы «Виктория» в Донецке. А на четверг запланированы закрытые для прессы учения на стадионе «Донбасс Арена».

На подзаголовок "Работники МЧС провели масштабные учения" и скромную надпись под фотографией "МЧС решает учебную задачу" многие просто не обратили внимание (проведенный спустя некоторое время опрос показал достаточно высокий процент обманувшихся поначалу реципиентов). Читатели были уверены в действительности

произошедшей утечки ядовитого вещества, последствия которой благополучно ликвидировали. Многие жители региона продолжали пребывать в замешательстве и после выяснившихся обстоятельств. Для использованного фрейма "тактические учения" в данной новостной заметке журналистом были задействованы символические маркеры, которые могут быть названы типичными для ситуации описания действительно происходившей аварии техногенного характера. Во-первых, фотография, подобранная к приведенной ниже заметке, изображающая работников МЧС с брандспойтами, может восприниматься как иллюстративный материал и для реальной, а не только учебной ситуации. Во-вторых, в названии условное бедствие преподнесено как реально произошедшее – "В Макеевке произошла утечка хлора". Соответствие между достоверной информацией и заголовочной информацией заметки нарушено ради повышения сенсационности новости (компликация за счет введения в заголовок глагола "произошла", который подменил констатацию факта его интерпретацией). Таким образом, мы видим, что неправильное восприятие некоторыми читателями новостной информации в анализируемом примере было спровоцировано использованием символических маркеров, имеющих отношение к различным фреймам, к разным стереотипным ситуациям. Автором сознательно были отобраны маркеры, которые имели большую сенсационность, большой воздействующий потенциал. Особо следует сказать о конструкции текста данной новостной заметки. Стереотипным изложением новостной информации для данного газетного жанра является принцип перевернутой пирамиды, при котором основная и самая важная информация подается в начале текста, а затем, по мере убывания, менее важные уточняющие факты. В анализируемом примере медиатекста (кроме подзаголовка) первая часть заметки не содержит важного компонента об условности информации, а, напротив, преподносится автором как реально происходившая. Эффект реально происходившего бедствия усиливают комментарии Директора департамента гражданской защиты МЧС Украины, подобранные таким образом, что читатель не может убедиться в нереальности бедственной ситуации. Изложение новости в тексте приобрело черты занимательности с разгадкой-разъяснением в конце. Таким образом, неправильное понимание читателями информации можно объяснить еще и нарушением стереотипа подачи новости. Вне всякого сомнения, использование символических маркеров различных фреймов сообщает новостным материалам большой воздействующий потенциал, что в свою очередь повышает востребованность материалов читательской аудиторией.

Заголовок как символический маркер-переключатель медиафреймов в современных газетных новостях может использовать прецедентный экспрессивный текст, нарушающий нейтральность изложения новости. Состав использованного общеизвестного текста в заголовке может не претерпевать каких-либо изменений, однако его семантика обогащается дополнительными смысловыми оттенками, создавая определенный экспрессивный эффект. Примером могут служить следующие названия: заметка *"Отцы и дети"* (АиФ в Украине, № 44, 2010), содержащая информацию о дополнениях Верховной Рады в Семейный кодекс касательно проблем усыновления; *"Лед тронулся"* ("Киевский вестник", № 37, 07.04.2012) – заметка пресс-службы Запорожского обкома КПУ о начатых активных действиях правоохранителей; *"Деньги на бочку!"* (МК, № 48, 2010) – название для серии заметок об изменениях в Налоговом кодексе; *"Преступление и наказание"* ("Корреспондент", 12.10.2011) – о поправках в законопроект Украины. В первом примере использование названия произведения И.С.Тургенева не связано с позицией адресанта, а служит просто для привлечения внимания к статье. Во втором случае название косвенным образом показывает отношение автора к напечатанному, поскольку окрашивает объективные фактические данные эмоциональностью фразеологизма "деньги на бочку". Происхождение данного прецедентного феномена связано с пиратской традицией играть в азартные игры, складывая суммы ставок на бочку, чтобы любой мог следить за ними, и означает немедленный призыв отдать деньги. Таким образом, в результате использования этого фразеологизма в заголовке изменения в налоговом кодексе предстают не необходимой экономической реформой, а угрожающим актом по отношению к обыкновенному налогоплательщику.

Использование названия романа Ф.М. Достоевского "Преступление и наказание" для информации о законодательных изменениях заинтересовывает читателя прежде всего "узнаваемым" источником и его необычностью применения, тем самым нарушая нейтральный тон сообщаемой информации законодательных органов. Для расширения экспрессивных возможностей заголовков, усиления их функционально-стилистической значимости журналисты прибегают к всевозможным аналитическим трансформациям прецедентных текстов, поскольку преобразование делает стандартную речевую формулу экспрессивной, способствует созданию эффекта новизны, а значит способствует повышению интереса читательской аудитории к опубликованному новостному материалу. Одним из самых распространенных способов преобразований является замена компонентов (лексическая субституция) прецедентного текста. Название заметки о вывозе радиоактивных отходов *"Катится, катится ядерный вагон"* (АиФ в Украине, 2010, № 45, с. 6) является трансформацией строчки известной детской песни (автор – А. Тимофеевский); чрезвычайная важность информации словно контрастирует с беззаботным настроением цитаты, однако именно преобразованный вариант подводит читателя к мысли о том, что к проблеме радиоактивных отходов на Украине относятся слишком несерьезно. Аналогичным образом действует механизм трансформации следующих названий: *"Готовь аттестат с осени"* (АиФ, 2010, № 44) – об условиях поступления в учебные заведения (сравн. поговорку "готовь сани с весны, а колёса с осени"); *"Конституция требует жертв"* (АиФ в Украине, 2010, № 41) – о сокращении численности Кабмина (сравн. афоризм "красота требует жертв").

В приведенных примерах заголовки, предваряющие новостную информацию, служат для читателя своеобразным ключом к "базе данных", нейтрально изложенной текстом. Культурологическая информация, обрамляя новость, преподносит ее для восприятия в совершенно ином, экспрессивном варианте. Новостной текст в таком случае предстает в интерпретированном варианте, "пропущенном" через субъективное отношение автора медиатекста. Рассмотрим следующую заметку: *"Российская забава: хождение за три срока"* (*"Зеркало недели. Украина" № 43, 25.11.2011*):

Совет Федерации на заседании в пятницу назначил дату выборов президента РФ – выборы пройдут 4 марта 2012 года. "Именно Совет Федерации, являясь палатой высшего законодательного органа, в рамках своих конституционных полномочий назначает дату выборов президента РФ", – сказал сенаторам глава комитета по конституционному законодательству Алексей Александров.

Поскольку, подчеркнул он, в 2012 году из-за переноса выходных в связи с праздником 8 Марта 11 марта будет рабочим днем, то, соответственно, выборы назначаются на 4 марта. Выборы президента назначаются в соответствии с действующим законодательством не ранее, чем за 100 дней, и не позднее, чем за 90 дней до самого дня голосования по кандидатуре главы государства.

После того, как верхняя палата официально назначает дату выборов, дается официальный старт предвыборной президентской гонке. И граждане России, изъявившие желание баллотироваться на высший пост в государстве, могут начинать избирательную кампанию и сбор подписей в свою поддержку.

Основная фактологическая информация данного новостного текста – назначение даты выборов президента РФ Советом Федерации. Отметим, что В.В.Путин, на момент выхода заметки – действующий Премьер-министр РФ, один из реальных претендентов на пост главы государства, избравшийся на данную должность уже дважды, – в статье не упоминается. В то же время заголовок *"Российская забава: хождение за три срока"*, апеллируя к фоновым знаниям читателей (прецедентный текст *"Хождение за три моря"* Афанасия Никитина, литературный памятник 15в.), красноречиво намекает на стремление действующего Премьера баллотироваться на третий срок. Можно утверждать, что заголовок, благодаря созданию специфического настроения (*"российская забава"*), меняет восприятие информации текста, которая теперь рассматривается через призму позиции автора к участию Премьер-министра в *"предвыборной президентской гонке"*, а прием обращения к названию жанра

"хожений" меняет фокус поданной информации в целом и снижает ее официальность ("забава").

Таким образом, фрейминг в прессе позволяет автору медиатекста прибегать к интерпретации новостной информации соответственно своему замыслу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аджамоглян Г. Фрейм исламская угроза в современных СМИ. – 2011// Электронный ресурс: <http://journalist.masu.ru/index.php>.
2. Дейк Т. А. ван Эпизодические модели в обработке дискурса // Язык. Познание. Коммуникация: Сб. работ. – М.: Прогресс, 1989. – С. 68-110.
3. Землянова Л. М. Медиадискурсы и новостные фрейминги (исследования современных зарубежных коммуникативистов // Вестник Моск. ун-та. – Сер.10. – Журналистика. – 2006. – № 2. – С. 9-19.
4. Кубрякова Е. С., Демьянков В. З. и др. Краткий словарь когнитивных терминов. – М.: Филол. ф-т МГУ им. М.В. Ломоносова, 1997. – 245 с.
5. Назаретян Н. В. Понятие "фрейм" в когнитивной лингвистике. – 2011//Электронный ресурс: <http://conf.stavsu.ru/conf.asp>.
6. Негрышев А. А. Интерпретативность новостного медиатекста: о роли композиции в структурировании референциальных отношений "событие – текст" // Электронный ресурс: http://www.rusnauka.com/10_DN_2012/Philologia.
7. Пономарев Н. Ф. Фрейминг медиаповестки дня и типология медиафреймов// Вестник Пермского ун-та. – 2010. – Вып. 3 (9) – С. 62-67.
8. Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике: Когнитивные аспекты языка. – Вып. XXIII. – М.: Прогресс, 1988. – С. 52-92.

УДК 811.161.1:373.611

Валентина Сембирцева
(Симферополь)

СПЕЦИФИКА МОТИВАЦИОННОГО ПОЛЯ

У статті проаналізована специфіка мотиваційного поля з інваріантом "плодові дерева", до складу якого входять прості та складні за структурою похідні з образним значенням, а також стійкі та вільні порівняння.

Ключові слова: мотивація, мотиваційне поле, категорія образності, логічна схема мовного порівняння.

The article deals with specifics of the motivational field with invariant "плодовые деревья", which includes simple and difficult derivatives with figurative meaning, and also set and free comparisons.

Key words: motivation, motivational field, category of figurativeness, logical scheme of a language comparison.

В современной лингвистике широкое распространение получил полевой подход. Зарождение теории поля связано с именами Л. Вайсгербера, Г. Ипсена, Р. Мейера, В. Порцига, Й. Трира и других ученых. Основные этапы в развитии теории поля обзорно даны в исследованиях Л. М. Васильева, Ю. Н. Караулова, А. И. Кузнецовой, С. Г. Шафикова, Г. С. Щура. Интерес лингвистов к теории поля не ослабевает, и к настоящему времени накоплен достаточно богатый опыт в исследовании семантических полей. В то же время продолжает расти число работ, демонстрирующих разнообразные варианты практического применения полевого подхода к анализу лексического материала. Существенный вклад в

разработку полевой модели языка внесли ученые Воронежской школы, авторы коллективной монографии "Полевые структуры в системе языка" под ред. профессора З. Д. Поповой.

В зависимости от признака, положенного в основу классификации, лингвисты выделяют различные типы полей: лексико-семантические, морфосемантические, ассоциативные, синтагматические, символические и др. Одним из перспективных направлений является изучение мотивационных полей (далее МП).

Цель исследования – определить специфику мотивационного поля в русском языке. В качестве примера было взято лексическое множество с инвариантом *плодовые деревья*. Источником для сбора материала послужили толковые словари, "Словообразовательный словарь русского языка" А. Н. Тихонова [11], "Словарь устойчивых сравнений русского языка (синонимо-антонимический)" В. М. Огольцева [7], использовались также поисковые системы Интернета и Национальный корпус русского языка (НКРЯ).

Понятия "мотивационное поле", "мотивация", "мотивационные отношения", "внутренняя форма слова" входят в терминосистему мотивологии. По словам О. И. Блиновой, мотивология – это наука "...о мотивированных словах ... составляющих более 80 % лексических единиц языка; о внутренней форме слова... которая играет в языке образную, познавательную, системообразующую, культурологическую роль, выражает национальную самобытность языка и языковую картину мира" [2, с. 3].

В лингвистике разрабатываются разные аспекты мотивологии: социовозрастной (К. В. Гарганеева, Н. В. Соловьева), этнолингвистический, или этнокультурный (А. Д. Адилова, И. Е. Козлова), квантитативный (Н. Д. Голев), синтаксический (Т. А. Демешкина), ономазиологический (И. С. Торопцев), словообразовательный (И. С. Улуханов, М. Н. Янценецкая). Явления мотивологии рассматриваются с точки зрения сопоставления русского языка с другими языками: украинским и польским (А. Д. Адилова), французским (И. Е. Козлова), немецким (Н. А. Чижик), английским (А. С. Филатова).

Продуктивно использован мотивологический подход при исследовании лексико-семантических категорий оценочности, интенсивности (Е. В. Бельская), образности слова (О. И. Блинова, Е. А. Юрина).

Понятие "образность" является объектом исследования многих лингвистических направлений. Так, Е. А. Юрина рассматривает образность на основе языковых метафор, собственно образных слов, двухкомпонентных образных номинаций, устойчивых образных сочетаний. По мнению автора, образность представляет собой лингвистическую категорию, проявляющуюся "...в способности обозначить определенное явление внеязыковой действительности ... в ассоциативной связи с другим явлением, не тождественным обозначаемому, на основе их реального или мнимого сходства посредством метафорической внутренней формы языковой единицы" [14, с. 14].

Категория образности характеризуется двуплановой семантической структурой, в составе которой исследователи выделяют компонент *A* (объект сравнения), компонент *B* (образ сравнения) и компонент *C* (основание сравнения), а также элемент *t* – показатель сравнения [8, с. 34–35]. Вместе с тем, логическая схема языкового сравнения, по мнению В. М. Огольцева, может включать и факультативные компоненты α и β , распространяющие и логически ограничивающие элементы *A* и *B* [8, с. 34–35]. Например, *абрикосово-оранжевая роза* → '*оранжевая* (α) *роза* (*A*) *с оттенком цвета* (*C*) *плода* (β) *абрикоса* (*B*)'. Элементы логической схемы сравнения отражаются в структуре производного слова, однако отдельные ее составляющие могут быть выражены имплицитно, могут отражаться в словарной дефиниции или в контексте. Так, в приведенном примере первая основа композита называет образ сравнения (*B*), вторая основа ограничивает предмет сравнения (α), в качестве элемента *t* выступает суффикс *-ов-* (словообразовательный формант), основание сравнения определяется в словарной дефиниции.

Важным в толковании адъективов со значением цвета является элемент β , логически ограничивающий элемент *B*. В качестве элемента β могут выступать цвет плода (*апельсиновый, абрикосовый*), цвет ягоды (*малиновый, клубничный*), цвет корня/плода

(*свекольный, морковный*), цвет цветущего растения (*васильковый, сиреневый*), цвет семян растения (*гороховый, горчичный*), цвет листьев (*салатный*). В проведенном исследовании элемент β выражается лишь посредством имен, называющих плод (*лимонный*) или ягоду (*вишневый*).

В зависимости от предмета исследования лингвисты по-разному трактуют термин "мотивационное поле". З. В. Беркетова определяет МП как "... иерархически устроенное системное образование, которое включает лексему-мотиватор и все образованные от нее вторичные слова" [1, с. 548].

С. М. Толстая, отмечая важность мотивационных полей, утверждает, что необходима "... группировка слов на основе общности их мотивационной модели (мотивационного признака)" [12, с. 116]; такие мотивационные поля "... должны объединять разнородные в семантическом и денотативном отношении слова, например, все слова, мотивированные названиями растений (животных, частей тела, цветообозначениями и т. д.)" [12, с. 116].

По мнению Н. Д. Голева, исследовавшего проблемы мотивации с точки зрения ассоциативного аспекта, МП "представляет собой набор мотивирующих баз с определенным лексическим значением, определяемым мотивировочным признаком" [4, с. 32].

В настоящем исследовании в структуру МП входят субполя, объединенные общим значением; каждое субполе имеет ядро (субстантив), производные единицы различных частей речи с образным значением, а также устойчивые и свободные сравнения (УС и СС). Учитывая точку зрения М. В. Жуйковой и А. В. Евпак [5], мы включаем в состав МП значения исходного слова, образованные при помощи семантической деривации, а также сложные номинации, построенные по типу подчинительных словосочетаний.

МП *плодовые деревья* включает субполя с ядрами *абрикос, апельсин, вишня, лимон, персик, слива*. Выбор данных исходных субстантивов обусловлен высоким деривационным потенциалом (около 30 производных каждого субполя), а также разветвленной системой реализованных сем.

Рассмотрим субполе с ядром *слива*.

Субстантив *слива* реализует образное значение через конструкцию "сущ. *цвет* в Род. п. + сущ., обозначающее плод в Род. п.": ...у нее [т. Ады] были глаза **цвета сливы** и разрезом похожие на сливовые косточки, а взгляд, как у восточной рабыни, злой и покорный (И. Сахновский. Ревнивый бог случайностей. – НКРЯ). Кроме этого в поисковых системах Интернета зафиксировано выражение "нос сливой", которое в зависимости от определенного контекста может передавать семы 'размер', 'цвет', 'форма' ("*Но у дяди Зины был парадный китель, увешанный орденами от плечей до пояса и огромный нос сливой...*" [<http://www.modestclub.ru>]).

Образное значение однокоренного субстантива *сливки* ('сорт томата в форме плодов сливы...') базируется на семе 'форма', производное *тернослив (-а)* актуализирует признак 'цвет'. Ср.: "плодовое дерево, являющееся естественным гибридом тёрна и сливы; с круглыми темно-синими терпкими плодами; плоды этого дерева".

Адъектив *сливовый* передает цветовое значение при сочетании с определенными именами, в основном при описании цветков растений, предметов косметики, одежды, мебели и др. (Напр.: "*Sandra [сорт гамамелиса] с мелкими цветками и молодыми листьями сливового цвета...*" [<http://moisad.ua>]).

Основа прилагательного реализует широкую сочетаемость с другими основными цветами и их оттенками, при этом для основы характерна препозиция. Так, основа может сочетаться с адъективами *красный, синий, фиолетовый, черный (сливово-синий цвет одежды, сливово-фиолетовый цветок клематиса, сливово-черные тени для глаз, сливово-розовые румяна, сливово-лавандовый лилейник, сливово-сиреневая помада* и др.).

Адъектив входит в состав композитов, передающих яркость / насыщенность тона: *бледно-сливовая помада, густо-сливовые розы, нежно-сливовые тени, светло-сливовые нити мулине, ярко-сливовый цветок ахименеса*. В поисковых системах Интернета отмечены трехкомпонентные образования с основой адъектива: *темно-сливово-коричневый цветок*

ириса, насыщенно-сливово-пурпурные сенполии, насыщенно-сливово-малиновый гладиолус, черно-сливово-бордовый лилейник, сливово-фиолетово-лиловые тени: Очень крупные простые, полумахровые звезды [цветы сенполии] оттенка темно-сливово-красного цвета ... [http://flowerland.com.ua].

Композиты *сливовидный, сливообразный, сливоподобный* реализуют значение "по форме напоминающий плоды сливы, продолговатый". Адъективы могут сочетаться не только с лексемами, обозначающими плод, ягоду (*сливовидный крыжовник, сливоподобный томат*), но и с другими субстантивами (*сливообразный светильник, сливоподобные клетки*). Ср.: В результате **сливоподобные клетки** становятся похожими на чернослив, а функционирование организма нарушается [http://vodalechit.narod.ru].

Адъективы с основами *-видный, -образный* входят в состав ботанических терминов (*носток сливовидный / сливообразный, арония сливовидная*). Ср.: *арония сливовидная* – "низкий кустарник, имеющий плоды, похожие на плоды сливы"; *носток сливообразный* – "вид цианобактерий в форме сливы из рода носток, образующий колонии на дне водоёмов".

Свободное сравнение *крупный, как слива* передает сему 'размер'. Поскольку языковых сравнений насчитывается больше пяти, они перестают быть свободными и приобретают статус устойчивых. Приведем примеры: *Сорта [винограда] высокоурожайные, ягоды крупные, как слива* (Наш вестник // "Юный натуралист". – НКРЯ); *Везли кастрюлю с "табака", везли овощи, клубнику (местную, крупную, как слива)*... (С. Юрский. Почему в Париже картошка? – НКРЯ).

Итак, составляющие элементы субполя *слива* актуализируют семы 'цвет' (*слива, сливовый, сливово-красный, сливово-фиолетовый* и др.), 'форма' (*сливовидный, сливообразный, сливоподобный*), 'размер' (*нос сливой; крупный, как слива*).

Сема 'цвет' может передаваться посредством конструкции "сущ. *цвет* в Р. п + сущ., обозначающее плод, в Р. п." (*платье цвета сливы, обои цвета лимона*). Сочетаемость колоративов зависит от отнесенности их к простым или сложным единицам. Так, простые по структуре лексемы цвета проявляют очень широкую сочетаемость: в синтагму входят имена, называющие предметы косметики (*абрикосовый тональный крем*), одежду (*абрикосовая блуза*), мебель (*абрикосовый стол*), цветки растений (*абрикосовый цвет розы*), окрас животных (*абрикосовый пудель*), цвет вин, напитков (*абрикосовый цвет вина*) и др. Дистрибуция сложных адъективов имеет более ограниченный характер: она очерчена именами, называющими цветки растений, окрас животных, рыб, птиц.

Наряду с цветовыми семами внутри МП могут реализоваться и другие семы. Так, образное значение композитов с основами *-видный, -образный, -подобный* опирается на сему 'вид' (субполя *абрикос, апельсин, вишня, персик*), а также на сему 'форма' (субполя *лимон, слива*).

МП с инвариантом *плодовые деревья* имеет выход в различные тематические группы. В сложных адъективах с основами *-видный, -образный, -подобный* реализуются семы 'вид' и 'форма' (сема 'цвет' является нерелевантной, поскольку цветовой признак соотносится с предметами и явлениями различных сфер жизни). Композиты сочетаются с именами, которые относятся к сфере бытовой лексики (*лимоновидная люстра, лимонообразный камин, лимоноподобная бусина, сливообразный светильник*); к терминам медицины (*вишнеобразная опухоль, вишнеобразные ангиомы, сливоподобные клетки*); зоологии (*лимоновидные личинки, лимонообразные споры, лимоноподобный гриб*), анатомии (*лимоновидные глаза*). Таким образом, несмотря на то, что однокоренные производные входят в мотивационное поле, объединенное инвариантом "плодовые деревья", они соотносятся с другими тематическими сферами. М. В. Жуйкова назвала такие объединения "вторичными мотивационными группами" [5].

Анализируемые МП содержат не только цельноформленные образования, но и сравнительные конструкции, представленные УС и СС. В целом образное значение УС и СС совпадают, однако наблюдаются случаи наращивания определенных сем, реализующихся в СС. Так, МП с ядром *лимон* содержит УС, переносящие свойства лимона на человека ('желтый

от бессонницы, болезни' и 'выжатый, уставший'), однако СС передают также сему 'цвет' с референцией о предмете, одежде.

Таким образом, специфика мотивационного поля определяется такими параметрами.

1. В состав МП входят производные, образующие с исходным именем существительным словообразовательную пару. 2. МП содержит только единицы с образным значением, производные относятся к различным частям речи, являются простыми или сложными по структуре. 3. Различные семы ядерного (исходного) субстантива реализуются в отдельных образных производных, в устойчивых и свободных сравнениях. 4. Особая роль в актуализации сем базового субстантива отводится композитам с основами *-видный*, *-образный*, *-подобный*, а также устойчивым и свободным сравнениям, способным реализовать те семы, которые не могут передать другие конститuentы поля.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беркетова З. В. Мотивационное поле как один из типов семасиологических полей / З. В. Беркетова // Известия АН СССР. Серия лит-ры и языка. – Т. 48. – № 6. – М., 1990. – С. 548–552.
2. Блинова О. И. Мотивология и ее аспекты : [монография] / Ольга Иосифовна Блинова. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2010. – 304 с.
3. Голев Н. Д. Динамический аспект лексической мотивации : [монография] / Николай Данилович Голев. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1989. – 252 с.
4. Голев Н. Д. Мотивация и словообразование / Н. Д. Голев // Проблемы лексической и словообразовательной мотивации в русском языке. – Барнаул : Алтайск. ун-т, 1986. – С. 30–47.
5. Жуйкова М. В. Мотиваційні поля в лексичній підсистемі мови / М. В. Жуйкова, А. В. Євпак // Мовні і концептуальні картини світу. – Вип. 38. – К. : ВПЦ "Київський університет", 2012. – С. 232–238.
6. Наумов В. Г. Мотивологическая теория и практика: пути, направления, перспективы / В. Г. Наумов // Проблемы лексикографии, мотивологии, дериватологии. – Томск, 1998. – С. 167–173.
7. Огольцев В. М. Словарь устойчивых сравнений русского языка (синонимно-антонимический) / В. М. Огольцев. – М. : ООО "Русские словари", ООО "Издательство Астрель", ООО "Издательство АСТ", 2001. – 800 с.
8. Огольцев В. М. Устойчивые сравнения в системе русской фразеологии : [монография] / Василий Михайлович Огольцев. – Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1978. – 160 с.
9. Петров А. В. Предикатно-актантные поля в русском языке : [монография] / Александр Владимирович Петров. – Симферополь, 2012. – 360 с.
10. Попова З. Д. Полевые структуры в системе языка : [монография] / З. Д. Попова, И. А. Стернин, Е. И. Беляева. – Воронеж : Изд-во Воронежск. ун-та, 1989. – 196 с.
11. Тихонов А. Н. Словообразовательный словарь русского языка : в 2-х т. – М.: Рус. яз., 1985.
12. Толстая С. М. Мотивационные семантические модели и картина мира / С. М. Толстая // Русский язык в научном освещении. – № 1 (3). – М.: Языки славянской культуры, 2002. – С. 112–127.
13. Штейнгарт Е. А. Лексика алюминиевой промышленности в свете теории мотивации : дис. на соискание уч. степени канд. филол. наук : 10.02.01 "русский язык" / Е. А. Штейнгарт. – Томск, 2005. – 251 с.
14. Юрина Е. А. Комплексное исследование образной лексики русского языка : дис. на соискание уч. степени докт. филол. наук : 10.02.01 "русский язык" / Е. А. Юрина. – Томск, 2005. – 436 с.

**ПАРАДИГМЫ С "ПУСТЫМИ КЛЕТКАМИ":
СОСТАВ, РАЗНОВИДНОСТИ, СПОСОБЫ НОМИНАЦИИ**

У статті виокремлено два різновиди парадигм, у складі яких відсутні одна чи декілька словоформ. Проаналізовані способи номінації таких парадигм, для кожного типу запропоновано особливе позначення.

Ключові слова: форма слова, граматична система мови, неповна парадигма, когнитивно доцільна парадигма.

In this paper the varieties of paradigms, which include those missing one or more word forms are distinguished. The ways of nomination of such paradigms are analyzed, for each type a special designation is introduced.

Key words: word form, grammatical language system, incomplete paradigm, cognitive expedient paradigm.

Понятие парадигмы появилось еще в античные времена и прочно закрепилось в грамматике "для обозначения образца словоизменения как отражающего варьирование форм одного слова" [7, с. 366]. В современной морфологии парадигму определяют как "совокупность всех словоформ слова или его изменение по системе форм" [3, с. 367]. Однако далеко не каждое слово характеризуется полной парадигмой как идеальной языковой моделью. У многих из них "отсутствует одна или несколько словоформ в силу невозможности или затрудненности их образования" [3, с. 368]. Несмотря на длительную историю изучения таких парадигм, лингвистами до сих пор не решены вопросы об их составе, причинах появления, принципах классификации, не принята единая терминология. **Цель** нашей работы – проанализировать словарные определения парадигм, в составе которых представлены не все формы, предусмотренные грамматической системой языка, а также разграничить типы таких парадигм. В процессе наблюдения было выявлено три основных способа их номинации.

Чаще всего употребляется термин **неполная парадигма**. Его используют авторы академических грамматик русского языка ("Грамматика современного русского литературного языка" и "Русская грамматика"), создатели энциклопедии "Русский язык", А. В. Бондарко, В. С. Храковский, Б. Ю. Норман и другие лингвисты. Термин неполная парадигма встречаем и в работах украинских исследователей, например, у Д. И. Ганича и И. С. Олейника в "Словнику лінгвістичних термінів", у И. Р. Выхованца, у С. Л. Авдеевой. Наиболее последовательно это понятие раскрывается в "Русской грамматике": "Неполная парадигма – это парадигма, в составе которой отсутствует либо частная парадигма, характерная для слов данной части речи (например, отсутствует парадигма падежных форм мн. ч. у собирательных существительных), либо одна или несколько форм слова, традиционно неупотребительных или таких, образование которых почему-либо затруднено" [14, с. 455]. Иными словами, неполной считается парадигма, в которой по какой-либо причине отсутствует хотя бы одна словоформа из числа свойственных тому или иному лексико-грамматическому классу.

Несколько реже функционирует термин **дефектная парадигма**. Ему отдают предпочтение А. В. Исаченко, А. А. Зализняк, Н. А. Еськова, А. П. Соболева, И. А. Мельчук и другие. И. А. Мельчук отмечает, что парадигма "называется дефектной, если по крайней мере одной из комбинаций граммем в парадигме не соответствует никакая лекса" [9, с. 342]. Таким образом, понятия дефектная парадигма и неполная парадигма тождественны по

значению и являются лексическими дублетами. Поэтому неудивительно, что во многих случаях ученые используют оба термина как синонимы. Это помогает разнообразить научный текст, избежав повторов. Например, у А. Н. Тихонова: "Взаимосвязь и взаимообусловленность разноуровневых и внутриуровневых значений в глагольном слове недостаточно изучены. С ними связаны (...) дефектность его словоизменительной парадигмы (...) Выявление причин неполноты словоизменительной парадигмы (...) важно не только для теоретического осмысления сложного семантического устройства глагольной лексемы" [18, с. 6], "Неполнота, дефектность морфологических парадигм глагольного компонента в составе устойчивых оборотов требует особого внимания" [18, с. 6]; в трудах Ю. С. Маслова: "Неполнота видовой парадигмы, ее дефектность возникает там, где нет семантической потребности в образовании противоположного вида" [8, с. 94].

Однако не все лингвисты согласны с тем, что термины неполная парадигма и дефектная парадигма синонимичны. Т. В. Жеребило в "Словаре лингвистических терминов" предлагает следующие определения. Для неполной парадигмы: "парадигма, в которой недостаёт набора словоформ или слово не может принять форму, которая потенциально возможна (напр., парадигма времени глагола победить – невозможно сказать я победу; парадигма лица глаг. светать – невозможно сказать я светаю)"; для дефектной парадигмы: "парадигма, в которой представлены отдельные члены: налей щец; принеси дровец" [6]. Таким образом исследовательница разграничивает, во-первых, парадигмы, в которых отсутствует одна или несколько форм, во-вторых, парадигмы, представленные только одной словоформой. При этом, к сожалению, остается непонятным, почему за каждым из понятий закрепляется именно такой термин. А. А. Зализняк к дефектным парадигмам относит все, в которых отсутствует одна или несколько, и все, кроме одной или двух, падежные формы у существительных [5, с. 99 – 100]. Б. Ю. Норман среди случаев неполноты парадигмы рассматривает:

- отсутствие в парадигме отдельной словоформы;
- сведение всей парадигмы слова к одной словоформе;
- отсутствие в парадигме ряда словоформ с общим грамматическим значением;
- нереализованность какого-то грамматического значения у лексико-семантической группы слов [10, с. 13].

Отсюда следует, что термины неполная парадигма и дефектная парадигма употреблялись и продолжают употребляться как абсолютные синонимы.

Для обозначения парадигм, имеющих "хотя бы одну пустую клетку" [5, с. 30], используется термин **ущербная парадигма**. Например, в книге "Опыт описания русского языка в его письменной форме" читаем: "Особый случай представляют так называемые неполные, или ущербные, парадигмы" [2, с. 167]. Однако этот термин встречается довольно редко.

Таким образом, в лингвистике параллельно функционирует три различных способа номинации парадигм, одна или несколько форм которых отсутствуют: неполная, дефектная, ущербная. Их толкование, на первый взгляд, не вызывает разночтений, однако количество и состав подобных парадигм определяется учеными по-разному. Так, регулярно к неполным относят парадигмы, отдельные словоформы которых не образуются по формальным причинам, т. е. "от технической невозможности присоединения нужной морфемы" [8, с. 418]. Считается, что это вызвано фонологическими и акцентуальными особенностями слова. Среди наиболее распространенных фактов такой дефектности – отсутствие первого лица единственного числа у глаголов ощутить – *ощущу, убедить – *убежу или *убежду, деепричастий несовершенного вида от глаголов некоторых непродуктивных классов: беречь – *бережа, гаснуть – ?, писать – *пиша, течь – ? и др. Сюда же относятся "сравнительно редкие" случаи "прогулов", когда "грамматическая форма отсутствует по капризу языка", "просто так" [12, с. 121], как, например, формы родительного падежа множественного числа у существительных мечта, мольба.

С другой стороны, отмечено, что "явление грамматической дефективности чаще всего встречается там, где значение данной грамматической категории вступает в противоречие с лексическим значением соответствующих слов" [8, с. 418]. Приведем примеры. Отсутствие форм множественного числа у вещественных, собирательных, отвлеченных существительных, так называемых *singularia tantum*, типа медь, листва, гордость и др. вызвано семантическими причинами. А. А. Зализняк подчеркивает, что "отсутствие у *singularia tantum* словоформ со значением и внешними признаками мн. числа не абсолютно: его следует понимать лишь в том смысле, что в общей совокупности русских текстов такие формы встретятся очень редко или вообще не встретятся" [5, с. 58]. Значению сравнительной и превосходной степени некоторых качественных прилагательных, например, босой, немой, полый и др., противоречит их лексическое значение. Достаточно много подобных парадигм у глаголов. Так, в формах 1 и 2 лица единственного и множественного числа не употребляются глаголы, значение которых не совмещается с представлением о 1 или 2 лице как о производителе действия: зеленеть, тельиться, течь и др.; в формах 1 и 2 лица единственного числа – многосубъектные глаголы: толпиться, сползтись, сбежаться и др.; в формах повелительного наклонения – глаголы, обозначающие действия и процессы, которые не совершаются по воле субъекта, не носят целенаправленного характера: весить, стоять, видеть и др. Особую парадигму имеют безличные глаголы, "в которых действие предстает как процесс, совершающийся без участия какого-либо деятеля, как бы сам собой" [3, с. 310]. Как видим, подобная "дефективность" "распространяется на целые серии и группы слов" [18, с. 7]. Вопрос о статусе таких парадигм не получил однозначного решения в лингвистике. Существуют различные точки зрения.

Чаще всего реальной границы между парадигмами, отдельные формы которых отсутствуют по формальным и по семантическим причинам, не проводится. Этот принцип используют авторы академических грамматик, вузовских учебников, многих толковых и грамматических словарей. Так, в "Словаре-справочнике по русскому языку" под ред. А. Н. Тихонова, основная цель которого – "дать максимум грамматических сведений о слове", учесть "важнейшие трудности русского языка" и уделить внимание "случаям отсутствия в словоизменительной парадигме тех или иных грамматических форм слова" [17, с. 8], используется лишь одна помета "не употр."

При подобном подходе все парадигмы с пустыми клетками называют неполными, дефектными, ущербными. Однако Б. Ю. Норман подчеркивает, что термины дефектная или ущербная как будто указывают на "болезнь или уродство" [10, с. 14] парадигмы. Действительно, дефектный – это "имеющий изъяны, с дефектами" [11, с. 163], ущербный – "находящийся на ущербе", "недостаточный, ненормальный в каком-н. отношении" [11, с. 847]. С недостатком чего-либо связано и понятие неполный, т. е. "не достигший определенного, нужного размера, нормы, предела и т. п.", "не содержащий полного состава, комплекта и т. п. кого-л., чего-л." [16]. С точки зрения грамматики, только те парадигмы, отдельные формы которых не образуются из-за фонологических или акцентуальных особенностей слова, не имеют полного комплекта форм. Изъяны в таких парадигмах вызывают трудности, причиняют неудобства носителям языка. Так происходит при попытке образовать форму 1 лица единственного числа будущего времени глагола победить. В Интернете находим различные варианты: Термостат – я тебя все-таки **победю** (www.drive2.ru); Всё равно я вас всех **победю!** (www.baby.ru); Елена Ваенга: "Как я, Лена Хрулева, **побежу** коррупции?" (www.intermedia.ru); Если я **побежду** колбасу, вы дадите мне ее на обед (www.kotomatrix.ru). Многие сомневаются, какую же форму стоит выбрать, и ищут помощь в сети. В результате – сотни вопросов о том, как сказать правильно: *побежу, *победю или *побежду. Один из них стал предметом острой дискуссии на форуме информационного портала "ГРАМОТА.РУ", в ходе которой пользователи неоднократно ссылались на справочники, приводили примеры из классики, переписки писателей, размышляли о природе запрета на образование формы 1 лица единственного числа недостаточных глаголов типа победить, убедить, ощутить и подобных. У некоторых

носителей языка этот запрет вызывает протест. Так, на сайте радио "Эхо Москвы" Борис Акунин в своем блоге, ссылаясь на найденные Юрием Петровым данные "Пространственной русской грамматики" Н. И. Греча и "Русского правописания" Я. К. Грота, пишет: "А вот за глагольную форму "побежду" еще, пожалуй, поборюсь" [1].

Подтверждение этому находим во многих художественных текстах. Писатели используют ненормативную форму 1 лица единственного числа глагола победить для создания комического эффекта как прием языковой игры. Так, хорошо известны слова из песни В. С. Высоцкого "Чуду-юду я и так **победю**" или затруднения Винни-Пуха:

Хорошо быть медведем, ура!

Побежу...

(Нет, победю!)

Победю я и жару и мороз,

Лишь бы медом был вымазан нос!

Победю...

(Нет, побежду!)

Побежду я любую беду,

Лишь бы были все лапки в меду!..

(пер. Б. В. Захадера)

А у волка из мультфильма "Волчище – серый хвостище" этот выбор не вызывает никаких сомнений:

Чем дальше посижу, тем больше наловлю.

Чем больше наловлю – покушаю сытнее.

Чем больше рыбки съем, тем крепче я посплю.

Чем крепче я посплю – тем буду здоровее,

И всех **победю**, и всех **победю**!

Итак, потребность в форме 1 лица единственного числа глагола победить бесспорна, что подмечено на страничке одного из пользователей сети: – И то правда – глагола "побежду" катастрофически не хватает! (myasnick.com/sb_i_will_win/). Но литературная норма накладывает запрет на ее использование, вынуждая искать иные пути выражения. Д. Э. Розенталь предлагает в таких случаях обращаться к описательным конструкциям типа сумею (должен) победить [13, с. 175].

Иначе обстоит дело с формами, отсутствие которых вызвано семантическими причинами. Грамматическая модель допускает их образование. Например, мы легко можем построить частную парадигму множественного числа для существительного гордость – *гордости, *гордостей, *гордостям, *гордостями, *гордостях; форму сравнительной степени для прилагательного немой – *немее; форму повелительного наклонения для глагола видеть – *видь(те). А. А. Зализняк подчеркивает, что при необходимости подобные формы "все же могут быть образованы по общим правилам русского словоизменения" [4, с. 7]. Это подтверждают материалы Национального корпуса русского языка: Стал я божиться и клясться, что буду **немее** рыбы (А. В. Амфитеатров); На немного Патрика, что ли? – Сообразили сами? Вы – гений! Да-а, этому несчастному воспитаннику королевы неплохо бы быть еще **немее**... (Г. И. Полонский); – **Тай**, батюшка, **тай**! – говорила она, смотря на снег, – авось времечко скорей пролетит (М. Е. Салтыков-Щедрин); – Дедушка, а я буду каждый день сны видеть! – неожиданно заявил мальчик. – **Видь, видь**, птенчик Божий! – трогательно погладил его по голове старик. – **Видь**. И другим, может, в твоих снах правда откроется (М. П. Арцыбашев). Значит, неупотребительность форм – "явление, может быть, неудобное для лингвиста, но не приносящее никаких затруднений самому носителю языка" [10, с. 20].

Таким образом, парадигмы с пустыми клетками целесообразно разделить следующим образом:

- парадигмы, отдельные формы которых отсутствуют и считаются ненормативными, возможно, из-за сбоя в самой языковой системе (неблагозвучие, класс глагола и т. п.);
- парадигмы, отдельные формы которых традиционно в речи не употребляются, но при необходимости могут быть образованы в соответствии с грамматической моделью.

Попытки систематизировать подобные парадигмы предпринимались лингвистами. А. А. Зализняк в "Грамматическом словаре русского языка" использует, с одной стороны, помету нет, чтобы указать на "отсутствие у слова одной или нескольких форм, вызванное фонологическими или морфологическими трудностями" [4, с. 5]. Так, отсутствуют формы родительного падежа множественного числа у существительных мгла, темя, треска, тьма, хна и др. С другой стороны, ученый считает потенциально полными парадигмы, отдельные формы которых неупотребительны, и в их парадигматической схеме приводит все формы, предусмотренные грамматической системой языка. Поэтому глагол зеленеть, не употребляющийся в 1 и 2 лице, имеет парадигму, аналогичную парадигме глагола читать, все формы которого широко представлены в речи. Такой подход соответствует основной цели словаря – передать "информацию о том, как образуются все формы парадигмы, включая те, которые фактически неупотребительны" [4, с. 7].

Иной принцип разграничения парадигм использует И. К. Сазонова в толково-грамматическом словаре "Русский глагол и его причастные формы". Исследовательница вводит ряд помет, характеризующих факты отсутствия или неупотребительности причастных форм. Так, помета не образуется обозначает "случаи невозможности образования причастных форм у определенных классов глаголов" [15, с. 5]. Помета не употр. свидетельствует о неупотребительности причастия во всех или в некоторых лексических значениях глагола. Эта помета не является запретительной, а лишь "означает, что причастная форма или некоторые ее глагольные лексические значения в данный период развития языка не употребительны" [15, с. 5]. Таким образом, И. К. Сазонова отделяет факты невозможности образования словоформ от фактов их неупотребительности. Подобный подход представляется нам наиболее убедительным. Однако остается открытым вопрос о том, как следует называть парадигмы, отдельные формы которых в современном языке обычно не употребляются, но могут быть образованы "при наличии коммуникативной или эстетической сверхзадачи" [10, с. 14]. По нашему мнению, для таких парадигм оправданно ввести термин когнитивно целесообразные парадигмы, ибо их состав определяется когнитивной потребностью, языковым вкусом, смелостью в преодолении традиций. Другими словами, в речи реализуются лишь те грамматические формы, которые востребованы в той или иной ситуации.

Проведенное исследование позволяет сделать следующие **выводы**. В современной лингвистике не существует единого наименования парадигм, в составе которых отсутствует одна или несколько словоформ. Природа таких парадигм неоднородна. Среди них целесообразно выделять две основные разновидности. К первой относятся парадигмы, отдельные формы которых отсутствуют из-за сбоя в самой системе языка и считаются ненормативными. В грамматических словарях подобные формы сопровождаются пометами нет или не образуется, а сами парадигмы обоснованно называют неполными, дефектными, ущербными.

Вторую группу составляют парадигмы с потенциально возможными формами, т. е. с формами, которые могут быть образованы в соответствии с потребностями коммуникации и действующими грамматическими законами, хотя обычно в речи не употребляются или употребляются достаточно редко. Эти парадигмы занимают свое, особое место в языке. Их предлагается называть когнитивно целесообразными. В потенциальных формах своеобразно преломляются основополагающие элементы смысла, отражаются отношения "человек и окружающая действительность". Реализацию таких форм грамматика готова поддержать и поддерживает. Разграничение неполных и когнитивно целесообразных парадигм и

дальнейшее изучение каждой разновидности позволит более последовательно и систематизированно представить богатый потенциал и скрытые возможности форм русского слова.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акунин Б. Про "побежу – мужество" : итоги дискуссии [Электронный ресурс] / Б. Акунин. – Режим доступа : http://www.echo.msk.ru/blog/b_akunin/736123-echo/
2. Волоцкая З. М. Опыт описания русского языка в его письменной форме / З. М. Волоцкая, Т. Н. Молошная, Т. М. Николаева. – М. : Наука, 1964. – 186 с.
3. Грамматика современного русского литературного языка. – М. : Наука, 1970. – 767 с.
4. Зализняк А. А. Грамматический словарь русского языка : Словоизменение. / А. А. Зализняк. – [3-е изд.]. – М. : Рус. яз., 1987. – 880 с.
5. Зализняк А. А. "Русское именное словоизменение" с приложением избранных работ по современному русскому языку и общему языкознанию / А. А. Зализняк. – М. : Языки славянской культуры, 2002. – 752 с.
6. Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов [Электронный ресурс] / Т. В. Жеребило. – [5-е изд.]. – Назрань : Пилигрим, 2010. – 486 с. – Режим доступа к словарю : http://lingvistics_dictionary.academic.ru/
7. Лингвистический энциклопедический словарь / [гл. ред. В. Н. Ярцева]. – М. : Советская энциклопедия, 1990. – 685 с.
8. Маслов Ю. С. Избранные труды : Аспектология. Общее языкознание / Ю. С. Маслов. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 840 с.
9. Мельчук И. А. Курс общей морфологии : в 3 т. / И. А. Мельчук. – М. – Вена : "Языки русской культуры", Венский славистический альманах, Издательская группа "Прогресс", 1997. – Т. 1: Введение. – 1997. – 416 с.
10. Норман Б. Ю. О неполной парадигме слова / Б. Ю. Норман // Русский язык : система и функционирование (к 90-летию БГУ и 85-летию профессора П. П. Шубы) : сб. материалов V Междунар. науч. конф., 11–12 окт. 2011 г., Минск / [отв. ред. И. С. Ровдо]. – С. 13 – 23.
11. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – [4-е изд.]. – М. : А ТЕМП, 2004. – 944 с.
12. Панов М. В. Позиционная морфология русского языка / М. В. Панов. – М. : Наука, Школа "Языки русской культуры", 1999. – 275 с.
13. Розенталь Д. Э. Практическая стилистика русского языка / Д. Э. Розенталь. – [3-е изд.]. – М. : Высш. школа, 1974. – 352 с.
14. Русская грамматика: в 2 т. / [редкол.: Н. Ю. Шведова и др.] – М. : Наука, 1980. – Т. 1. – 1980. – 783 с.
15. Сазонова И. К. Русский глагол и его причастные формы : Толково-грамматический словарь / И. К. Сазонова. – М. : Рус. яз., 1989. – 590 с.
16. Словарь русского языка: в 4-х т. [Электронный ресурс] / [ред. А. П. Евгеньева]. – [4-е изд.]. – М. : Рус. яз. ; Полиграфресурсы, 1999. – Режим доступа к словарю : <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp>
17. Словарь-справочник по русскому языку : правописание, произношение, ударение, словообразование, морфемика, грамматика, частота употребления слов / А. Н. Тихонов, Е. Н. Тихонова, С. А. Тихонов. – М. : Словари, 1995. – 704 с.
18. Тихонов А. Н. Русский глагол : проблемы теории и лексикографирования / А. Н. Тихонов. – М. : Academia, 1998. – 280 с.

**ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА
В СИСТЕМЕ СРЕДСТВ ОПИСАНИЯ
МЕЖУРОВНЕВОЙ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ОМОНИМИИ
(НА МАТЕРИАЛЕ ОМОГРУППЫ ПРЕДЛОГА-ПРИСТАВКИ ОТ
В ТЕКСТАХ XVII ВЕКА)**

У статті розглядається ономасіологічна структура у межах проблематики функціональної омонімії. Подана методика когнітивно-ономасіологічного аналізу міжрівневих мовних одиниць. Описані моделі омогрупи непохідних прийменника і префікса ОТ в текстах XVII століття.

Ключові слова: ономасіологічна структура, ономасіологічний базис, ономасіологічна ознака, ономасіологічний предикат; міжрівневі функціональні омоніми; прийменник, префікс.

The article describes the onomasiological structure within the problem of the functional homonyms. It presents the methodology of the cognitive-onomasiological analysis of the interlevel language units. It describes the models of the non-derivative group of homonyms "the preposition and the prefix FROM" in the texts of the XVII century.

Key words: the onomasiological structure, the onomasiological basis, the onomasiological sign, the onomasiological predicate; the interlevel functional homonyms; the preposition, the prefix.

Актуальность. На рубеже XX – XXI веков ономасиология начинает "выходить за пределы лингвистической семантики" [10, с. 22]. Она приобретает междисциплинарный характер, развиваясь одновременно и в русле функциональной грамматической школы, и в когнитивном направлении, объединяясь с теорией языковых коммуникаций. Взаимосвязь ономасиологической и когнитивной теорий способствует успешному решению проблем в области функциональной омонимии, одного из продуктивных способов номинации, обеспечивающих потребность выражения нового понятия имеющимися средствами наименования.

В лингвистике последних десятилетий когнитивному и ономасиологическому обоснованию явлений переходности посвящены работы Н. А. Арутюновой, В. Г. Гака, С.А. Жаботинской, Е. С. Кубряковой.

Целью работы является установление принципов формирования омонимичных отношений у межуровневых функциональных омонимов предлога и приставки на материале памятника XVII века "Летописная книга" С. И. Шаховского. В ходе исследования были поставлены следующие **задачи**: 1) выявить значение ономасиологической структуры языковой единицы в формировании омонимичных отношений; 2) определить принципы моделирования семантики компонентов ономасиологических структур омонимичных предлогов и префиксов.

Когнитивная лингвистика и теория ономасиологии имеют общие принципы изучения языка, а также историю становления понятийного корпуса. По свидетельству Е.С. Кубряковой, ономасиология возникла из теории когнитивной лингвистики как дисциплина, изучающая средства и способы называния элементов внеязыковой действительности в ходе ее познания человеком, и основывалась на исследовании процессов порождения и понимания естественного языка, изучении принципов языковой категоризации, установлении когнитивно-семантических суперкатегорий [8, с. 20; 15]. Когнитивная лингвистика для выявления языковых принципов выражения означаемого в означаемом использует ономасиологический подход, цель которого – установить связь значения, подлежащего вербализации, с формой его выражения и выяснить способ

формирования данных значений в данном знаке [3, с. 148–149; 5, с. 21–22]. На основании этого отечественное языкознание на рубеже XX – XXI веков начинает изучать теорию ономаціології с изучения мотивации выбора и вербализации в когнитивном направлении лингвистики. При этом под мотивацией, в отличие от определения, существующего в словообразовании, предлагается понимать "сквозную для акта семиозиса лингвопсихоментальную операцию выбора мотиватора (-ов) из фрагмента знаний об обозначаемом, конечным результатом которой является формирование ономаціологической структуры производного знака различной природы" [11, с. 70]. Таким образом, номинативным средством языка признается производная единица в аспекте изучения ее внеязыкового содержания и этимологических изменений.

В связи с тем что создание производного языкового знака классифицируется как подведение обозначаемого под одну из базовых категорий человеческого опыта [7, с. 196–197], ономаціологія, связывая именуемые понятия с определенной языковой категорией, объединяет их в соответствующие классы и разряды. Наблюдается тестирование производной единицы по ономаціологическим критериям. Матрицей обязательного тестирования является ономаціологическая структура, в которой выделяются три компонента: ономаціологический базис, ономаціологический признак и ономаціологический предикат. Ономаціологический базис указывает на определенный понятийный класс, родовое понятие производной языковой единицы и играет ведущую роль в ее первичной категоризации и определении места в языковой картине мира. Ономаціологический признак осуществляет ее дальнейшую конкретизацию, выделяя ее внутри класса подобных, сужая, таким образом, исходное значение базиса. Ономаціологический предикат служит связующим звеном базиса и признака как выразитель семантики их отношений [2; 5, с. 24; 7, с. 196–199]. По мнению М. Докулила, при рассмотрении ономаціологической структуры слова ономаціологический базис, отображающий основные категории человеческого опыта, должен выражаться через частеречные форманты, а ономаціологический признак, дифференцирующий соответствующий предмет или явление действительности, – с помощью основы лексемы [2; 7, с. 196–198].

Внимание ономаціології к производному характеру языковой единицы обуславливает утверждение номинативной функции словообразования. По мнению Е.С. Кубряковой, словообразование обладает когнитивной природой вследствие выделения и фиксации словообразовательными средствами новых структур знания, закрепления и объективации неких концептуальных объединений, рождаемых в актах познания и оценки мира [7, с. 407]. В связи с чем словообразовательные модели начинают рассматриваться как "формулы регулярной свертки пропозициональной структуры", актуализируемой производными словами [7, с. 412] и утверждается наличие в производном слове таких компонентов пропозиции, как: диктум – объективный компонент смысла структуры, наименование языковой ситуации, модус – субъективный компонент смысла единицы, ее модальное значение, выражающееся через референцию содержащихся в семантике диктума разнообразных неактуализированных свойств, и предикат – форма приписывания признака предмету в соотнесенности с моментом коммуникации [4, с. 137–140]. Тринарная модель пропозициональной структуры и ономаціологической структуры: диктум, модус, предикат и базис, признак и предикат – свидетельствует об общих принципах описания языковой картины мира. Теория ономаціології использует ономаціологическую структуру, отображающую в языковой единице компоненты логической схемы пропозиции.

Таким образом, основной задачей когнитивно-ономаціологической характеристики является изучение сигнификативной функции производной единицы и ее роли в смысловой (целостной) структуре языковой единицы с учетом ее зависимости от исходного материала, подвергнувшегося трансформации.

Ономаціологическое направление, опираясь при анализе понятийного конструкта языкового знака на его словообразовательную структуру, определяет предлоги как

древнейшие корни-основы с материально не выраженными флексиями начальной формы [1, с. 234, 238–239; 6, с. 11; 9, с. 73, 110–113]; в связи с чем отсутствие словообразовательной членимости данных единиц трактуется как способность в чистом виде выражать базисную прототипическую семантику – некий уникальный, прагматически значимый языковой смысл, выполняющий функцию структурного категоризатора ментальной категории пространства. В аспекте ономаσιологической теории наличие у предлога пропозиционального значения при отсутствии словообразовательного членения может свидетельствовать о содержании в его прототипическом базисе первичного "сгустка" пропозициональной семантики, которая у производных слов представлена в виде "свернутой пропозициональной структуры".

Исследование семантики ономаσιологических структур омонимичных предлога и приставки *от-* в тексте XVII века "Летописная книга" С. И. Шаховского показало, что непродуцированные локативные предлоги и префиксы в своем исходном значении выражают ментальную категорию обобщенно-логического опыта освоения пространства. Определение непродуцированных локативных предлогов и омонимичных им префиксов как дейктических единиц, выражающих различные геометрические отношения в пространственном континууме, отвечает выявлению первичной категоризации данных единиц в языковой картине мира и отражает базис их ономаσιологических структур. В процессе исследования развития семантики омонимичных предлогов и префиксов *от* было установлено, что базисный компонент их ономаσιологических структур представлен семантикой вектора направления движения от ориентира, например: "...*Ивань Васильевич... отиде от... худыхъ градовъ...*" [13, с. 358], "...*король полский... от царьствующаго града отступи...*" [13, с. 360] и др.

Дальнейшее расширение семантики омонимичных предлога и префикса *от* зависит от актуализации их предикатного и признакового компонента в составе ономаσιологической структуры. Предикат ономаσιологической структуры префикса *от-* дополняет семантику ономаσιологического базиса, выражающего значение направления движения от ориентира, категориальной семантикой результативности данного движения (напр.: "...*король полский... отступи...*" [13, с. 360], "...*Борис... отложьше... свой... разумъ и восприель горделивое безумие...*" [13, с. 364]. На основании того, что показателем семантики грамматических отношений, выражаемых предлогом, является падеж, авалентность предлога *от* требует наличие родительного падежа, заполняющего позицию актанта сказуемого, то предикат ономаσιологической структуры предлога *от* должен смещать выраженное в семантике ономаσιологического базиса значение указания вектора направления движения как движение от ориентира на указание самого объекта-ориентира как отправного пункта движения (напр.: "...*прибежа... вльсникъ от восточныхъ страны...*" [13, с. 364], "...*прииде посланец от (крымского) царя...*" [13, с. 364] и т. п.). Таким образом, мы отмечаем поэтапное расширение значения общего базисного компонента ономаσιологических структур омонимичных предлога и префикса: на первом этапе – через актуализацию их предикатных компонентов, выражающих категорию уровня языка, на втором – через реализацию признаковых компонентов – дистрибутивного значения.

В процессе исследования памятника "Летописная книга" С. И. Шаховского были выявлены следующие типы контекстной актуализации и непродуцированных омонимичных предлогов и префиксов.

I. Модель дублирования предлогом всех семем префикса глагола (случаи тавтологического повтора предлога и префикса): "...*Ивань Васильевич... отиде от... худыхъ градовъ*" [13, с. 358], "...*король полский... от царьствующаго града отступи...*" [13, с. 360].

Например, в конструкции "отиде от... худыхъ градовъ..." [13, с. 358] выявляемый контекстом признаковый компонент ономаσιологической структуры предлога *от* формируется посредством лексемы "худые", актуализирующей семантику категории причины (ср.: от нечего делать, горе от ума и т. п.). В ономаσιологической структуре префикса *от-* признаковый компонент со значением причины формируется посредством семантического

сращения префикса с дублирующим его предлогом *от* в семантически целостное сочетание "*отыде от*".

II. Модель семантической эквивалентности предлога и префикса глагола (случаи синонимии лексико-семантических вариантов предлога и префикса): "*от их...супружества изыде муж великославен*" [13, с. 358] и др.

В конструкции "*изойти от (кого-, чего-либо)*" слово *изойти* обладает следующими словарными значениями: "1) (устар.) покинуть какое-либо место, помещение; выйти" и "3) начаться, произойти" [12, т. 5, с. 232]. Лексема *изойти* сформировалась на базе синтагмы "*идти из (кого-, чего-либо)*", в которой предлог *из* в своей ономазиологической структуре обладает базисным компонентом с семантикой вектора направления движения из границ объекта. На основании того, что предлог *из* соответствует семантике Р. п., предикатный компонент его ономазиологической структуры требует обозначения объекта как вместилища, из которого начинается движение (напр.: *идти из дома*); ономазиологический признак предлога *из* актуализируется в контексте через метафоризацию семы "вместилище" в семантике указания лица как части целого сообщества (напр.: *воин из дружины; муж (сын) из их супружества*), а также источника и причины действия (*идти из супружества*). Омонимичный префикс *из-* обладает предикативным компонентом с семантикой результативности действия и признаковым, дублирующим значения ономазиологического признака предлога.

В синтагме "*идти от (кого-, чего-либо)*" ономазиологический признак предлога *от* требует указания объекта как части, отделяемой от целого и принадлежащей этому целому (*муж [сын] от их супружества*), а целого как источника и причины названной части (*муж (сын) иде от их супружества*). Таким образом, предлог *от* дублирует следующие значения ономазиологического признака префикса *из-*: указание на объект как источник и причину возникновения другого объекта и принадлежность последнего первому как его часть.

III. Модель конкретизации предлогом объектной семантики префикса глагола: "*...скоросылники приходят от всьхъ градовъ царю Борису...*" [13, с. 366], "*...прибежа... вльсникъ от восточныя страны...*" [13, с. 364], "*...прииде посланец от [крымского] царя просити миру...*" [13, с. 364] и др.

Например, в конструкции "*...скоросылники приходят от всьхъ градовъ царю Борису...*" [13, с. 366] лексема *приходить* имеет значение "1) достигать какого-либо места" [12, т. 11, с. 331]; сформировалась на базе синтагмы "*ходить при (ком-, чем-либо)*", в которой ономазиологический базис предлога *при* обладает семантикой пространственной близости одного объекта по отношению к другому, выступающему в качестве ориентира для первого. На основании того, что предлог *при* формирует семантические отношения, обозначенные формой П. п., его ономазиологический предикат верифицирует дейктическую роль объекта и дублирует объектную семантику ономазиологического базиса. Предикат омонимичного предлогу префикса *при-* (*приходить (кому-, чему-либо)*), беспредложное управление Д. п.) в соответствии с категориальным значением префикса, обнаруживающего в самой результативной семантике значение достижения определенной цели, напротив, аннулирует сему постоянной относительной пространственной близости к объекту-ориентире во время производимого пути, замещая ее идеей направления к ориентире как к конечной точке движения ("*приходят ...царю Борису*"). Признаковый компонент префикса *при-* контекстуально усиливает целевую семантику ономазиологического предиката префикса *при-*, выражающегося с помощью семантики скорости производимого движения слова "*скоросылники*".

В синтагме "*приходить от (кого-, чего-либо, кому-, чему-либо* [без предлога, управление приставкой *при-*])" предлог *от* и префикс *при-* на основе значений предикатов своих ономазиологических структур образуют семантику ориентира начала и ориентира конца производимого движения как заданной геометрической траектории. В ономазиологическом признаке предлога *от* выделяется два значения: семантика указания

ориентира начала движения как вместилища, из границ которого движется объект, а также принадлежность последнего первому как его часть ("*скоросылники от всьхъ градовъ*"); указание множества объектов как исходных точек движения (направленных к одному ориентиру: "*приходят от всьхъ градовъ*"). А также в соответствии с целевой семантикой ономаσιологического признака префикса *при-* ономаσιологический признак предлога *от* должен обладать значением причины производимого пути (напр.: *прийти от глада, от пожара*), однако данное значение в ономаσιологическом признаке предлога *от* не выражено.

IV. Модель окказиональной конкретизации предлогом антонимичного префикса глагола: "*великий князь оттоиде к Богу*" [13, с. 360], "*Борись... отроча отведоша... на утѣшение*" [13, с. 362], "*уклони мысль свою на крестьяньское убиение*" [13, с. 360] и др. Например: "*великий князь оттоиде к Богу*". В конструкции "*оттоиде к (кому-, чему-либо)*" лексема *оттоиди*, образованная из сочетания "*от ту* (указательное местоимение) *иде*" [*отойти*] обладает значением "1) удалиться от кого-, чего-либо // отбыть, удалиться от места остановки [12, т. 8, с. 1676]; сформировалась на базе синтагмы "*идти от(кого-, чего-либо)*". На основании того, что предлог *от* формирует семантические отношения, обозначенные формой Р. п., то его ономаσιологический предикат дублирует объектную семантику ономаσιологического базиса, обладающего значением указания объекта как начальной точки движения. Предикатный компонент префикса *от-*, обладая семантикой результативности, приобретает значение удаления от названного ориентира.

Ономаσιологический базис предлога *к* выражает векторную семантику направления движения объекта к ориентиру. Так как предлог *к* соответствует семантике Д. п., то предикат ономаσιологической структуры предлога *к* выражает семантику указания объекта как ориентира, к которому направлено движение. Таким образом, контекстуальное соотношение признаков компонентов ономаσιологических структур префикса *от-* и предлога *к* в синтагме "*отойти к*" выявляет нейтрализацию обозначения начального пункта движения префиксальным глаголом *отойти* (ср.: *отойти от чего-либо*) с целью конкретизации его векторной семантики приближения к объекту.

Таким образом, анализ контекстной актуализации предлога *от* показал, что признаковый компонент ономаσιологической структуры предлога *от* соответствует следующим значениям:

1) обозначение части от целого ("*от их... супружества изыде муж великославен*", "*...прибежа... вьсникъ от восточныя страны...*", "*...скоросылники приходят от всьхъ градовъ царю Борису...*");

2) определение объекта как источника происхождения другого объекта ("*...от их... супружества изыде муж великославен...*").

Ономаσιологический признак префикса *от-* дублирует семантику ономаσιологического признака предлог *от*.

Выводы. Мы утверждаем наличие в цепи межуровневых функциональных омонимов общего инварианта – семантической универсалии, не актуализированной на различных уровнях языка и представленной семантикой ономаσιологического базиса омонимичных единиц с неактуализированным набором всевозможных признаков и предикатных омонимичных компонентов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Добиаш А. В. Опыт семасиологии частей речи и их форм на почве греческого языка / А. В. Добиаш. – Прага : Изд-во Др. Эд. Грегра, 1897. – 544 с.
2. Докулил М. Словообразование в чешском языке // Теория словопроизводства : резюме (на русском языке) / М. Докулил. – Прага, 1962. – 114 с.
3. Костадинова И. Ономаσιологический аспект словообразования и вопросы обучения лексике русского языка / И. Костадинова // Проблемы когнитивного и функционального описания русского и болгарского языков : сборник. Ч. 2. / [Под общей редакцией доц. д-ра Д. Митева и

- доц. д-ра А. Николовой]. – Шумен : Изд-во "Епископ Константин Преславский", 2003. – С. 148–162. – (Серия "Язык, коммуникация, культура").
4. Краткий словарь когнитивных терминов / [В. З. Демьянков, Е. С. Кубрякова, Л. Г. Лузина, Ю. Г. Панкрац; под общ. ред. Е. С. Кубряковой]. – М. : Филологический фак-т МГУ им. М. В. Ломоносова, 1997. – 245 с.
 5. Кубрякова Е. С. Ономазиологические характеристики комплексных единиц словообразовательной системы / Е. С. Кубрякова // Актуальные проблемы русского словообразования : сборник научных статей / [Отв. ред. А. Н. Тихонов]. – Ташкент : Укитувчи, 1982. – С. 21–25.
 6. Кубрякова Е. С. Части речи в ономазиологическом освещении / Е. С. Кубрякова – М. : Наука, 1978. – 115 с.
 7. Кубрякова Е. С. Язык и знание : На пути получения знаний о языке : Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е. С. Кубрякова. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
 8. Маслова В. А. Когнитивная лингвистика: учебное пособие / В. А. Маслова. – [3-е изд., перераб. и доп.]. – Минск : ТетраСистемс, 2008. – 272 с.
 9. Погодин А. Л. Следы корней-основ в славянских языках / А. Л. Погодин. – Варшава: Типография Варшавского учебного округа, 1903. – 310 с.
 10. Селиванова Е. А. Когнитивная ономазиология : Монография / Е. А. Селиванова. – К. : Фитосоцицентр, 2000. – 248 с.
 11. Селиванова Е. А. Когнитивно-ономазиологический аспект фразеологического семиозиса / Е. А. Селиванова // Фразеологизм в тексте и текст во фразеологизме : Четвертые Жуковские чтения) : материалы Международного научного симпозиума (Великий Новгород, 4–6 мая 2009 г.) / [Отв. ред. В. И. Макаров]. – Великий Новгород : НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2009. – С. 69–72.
 12. Словарь современного русского литературного языка : В 17-ти т. – М.–Л. : Изд-во АН СССР, 1950–1965.
 13. Шаховской С. И. Летописная книга / С. И. Шаховской // Памятники литературы Древней Руси: Конец XVI – начало XVII вв. / Вступит. статья Д. Лихачева; сост. и общ. ред. Л. Дмитриев и Д. Лихачев. – М. : Художественная литература, 1987. – 616 с. – С. 358 – 366.

Розділ III

АНТРОПОЦЕНТРИЧНА ПАРАДИГМА: МОВНА КАРТИНА СВІТУ, МОВНА ОСОБИСТІТЬ

УДК 811.161.1 (075.8)

Людмила Богданова
(Москва)

ВРЕМЯ И ДЕНЬГИ КАК ЦЕННОСТИ В РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

У статті в рамках когнітивного підходу до опису мови розглядаються лінгвокультурні феномени "час" і "гроші". У ході дослідження з'ясовується їх ціннісний статус і уточнюється характер відношення до грошей і часу в російському соціумі.

Ключові слова: когнітивний підхід, аксіологія, цінності, гроші, час, дружба.

The article deals with a concept of time and with a concept of money in the Russian language and culture within the framework of cognitive approach. In the course of the research the emphasis is put on the attitude of Russian people towards time and money and the place of time and money in the hierarchy of Russian values and its language manifestations.

Key words: cognitive approach, axiology, values, money, time, friendship.

В задачи данной статьи входит выявление аксиологического статуса феноменов "деньги" и "время" в русской лингвокультуре. Работа выполнена на материале толковых, фразеологических и культурологических словарей русского языка.

Когнитивный подход к изучению языка, прочно завоевав свои позиции в современной лингвистике, продолжает оставаться перспективным, поскольку изучение знаний, реализующихся во фреймах и сценариях, представляет собой изучение опыта взаимодействия человека с миром – с миром вещей и миром ценностей. Язык является не только орудием для выражения оценок и ценностей, он также способен сообщать о ценностях, поскольку они закреплены в значении и употреблении слов. Именно "через язык человек получает представление о мире и обществе, членом которого он стал, о его культуре, т.е. о правилах общежития, о системе ценностей, морали, поведении и т.п." [12, с. 5]. Информация о системе ценностей нередко "складируется" в метафорических концептах и моделях. Когнитивная метафора, понимаемая как средство постижения, представления и оценки какого-либо фрагмента действительности при помощи сценариев, фреймов и слотов, относящихся к иной понятийной сфере, способна отражать национальные, культурные и даже личностные особенности мировосприятия [7; 14 и др.]. Метафора служит "тем орудием мысли, при помощи которого нам удастся достигнуть самых отдаленных участков нашего концептуального поля, <...> метафора удлинит "руку" интеллекта" [9, с. 68]. Метафоры, которые "управляют нашим мышлением, – не просто порождения ума. Они влияют на нашу повседневную деятельность, вплоть до самых тривиальных деталей. Наши концепты структурируют наши ощущения, поведение, наше отношение к другим людям" [7, с. 25].

К метафорам, которые структурируют наши ощущения и наш образ жизни, относят зафиксированные в европейской культуре метафорические проекции типа "спор – это война", "жизнь – это путешествие", "время – это деньги" и др. Лакофф и Джонсон [7] на материале английского языка выявили основные концептуальные метафоры и когнитивные модели. Однако важно показать культурную обусловленность когнитивных метафор. Далек не всегда базовые метафорические концепты реализуются одинаково в разных языках [3].

Рассмотрим универсальное и специфическое в метафорической проекции ВРЕМЯ – ЭТО ДЕНЬГИ (TIME IS MONEY) и попытаемся проверить на материале русского языка, что для русского сознания представляется более ценным: деньги или время.

Деньги – это универсальная ценность, которая бесспорно, включается в систему материальных ценностей человека. "Деньги являются не только конкретным предметом, доступным нашему восприятию, но также своего рода абстрактной сущностью, поскольку мы отождествляем их с понятиями *сила, власть, свобода, горе, радость*" [1, с. 309]. Что касается понятия "время", то лингвокультурный характер этой категории, её ценностный потенциал нередко остаются в тени. Так, в частности, в Проекте "Польского аксиологического словаря" (заслуживающем, кстати говоря, пристального внимания лингвистов), наряду с нравственными ценностями (*добро, правда, любовь, милосердие, tozsamość* – умение быть самим собой и т.д.), представлены и материальные (*дом, богатство, деньги* и др.), однако "время" как ценностная категория не упоминается вовсе [2, с. 129-130]. Отчасти это объяснимо. Время – понятие большой степени абстрактности, но это абстрактное понятие, как отмечает Ю.С. Степанов, "окружено моральными ассоциациями" [11, с. 248]. Язык подсказывает нам, что, хотя время по отношению к нам не очень милосердно (оно нас *давит, поджимает, подгоняет, требует, не позволяет, не терпит, не ждёт...*), но мы должны его *беречь и ценить*. Вербальное осознание времени превращает его из сопутствующего устройству мира физического обстоятельства в ценностный компонент картины мира и формирует другие культурные концепты в языковом сознании, в частности, концепт "пунктуальность" [5, с. 155].

Очевидно, что в современной жизни для многих культур индустриального общества время является ценностью, которая сопоставима с деньгами (ср. почасовая оплата труда, поминутная или посекундная тарификация телефонных разговоров, посуточная оплата гостиницы и т.д.). И деньги, и время – считающиеся сущности ("любят счёт"). Мы ощущаем и понимаем время как сущность, которую можно потратить впустую или с пользой, сохранить (экономить) или потерять, растратив. Ср. *You're wasting my time. – Ты попусту тратишь моё время. This gadget will save you hours. – Это устройство сэкономит тебе много времени* [7].

В русском языке так же, как и в английском, время интерпретируется как ценный ограниченный ресурс: *время можно тратить и экономить*, подобно деньгам; времени, как и денег, обычно *не хватает*; оно может, как и деньги, неожиданно *появиться* (ср. *У меня появилась свободная минутка, и я тебе звоню*); наконец, оно может даже *кончиться, выйти* (ср. *Ваше время вышло – Деньги все вышли*). Кроме того, *время*, как и деньги, можно не только *потерять*, но и *найти*: *Ты сможешь найти для меня время?* Есть люди, которые *крадут* наше время: *Кто украл наше время?*

Время, как и деньги, может быть предметом любви, симпатии или антипатии. В русском языке и время, и деньги могут *работать на кого / что-либо* (*Время работает на нас*).

Однако есть и лингвокультурная специфика русской метафорической модели, которая проявляется, напр., в том, что высказывания *Как ты потратил своё свободное время?* и *Как ты провёл своё свободное время?* не являются полностью эквивалентными. В данном случае *потратить время* воспринимается скорее негативно: в вопросе с этим глаголом содержится скрытый упрек в неразумном и нерациональном использовании времени, в то время как *провести время* воспринимается нейтрально, что и проявляется в переводе. В частности, предложение с английским *spend* в значении 'тратить' (*How do you spend your time these days?*) на русский язык переводится с помощью глагола *провести*. Как отмечается в Словаре В.И. Даля, *тратить (время, деньги, слова)* нередко используется в значении 'тратить даром, попусту'. Особенно отчётливо это значение проявляется в сочетаниях с существительным *трата (трата времени – пустая трата)*, которое в Словаре В.И. Даля определяется как 'изъян, убыток, наклад, потеря' [4].

В русском выражении *провести время* скрывается, как нам кажется, иллюзия возможности управления временем: *человек* проводит время (является "проводником времени"), а не *время* проводит человека. На этом строится языковая игра: *Лето провело нас, мы его и не видали, не было тепла* (В.И. Даль); *О, как нас лето дивно провело!* (Вс. Вишневский). Иллюзия возможности управления временем отражается в идее ускорения хода времени. Время нередко мыслится как животное, лошадь, которую можно подгонять и даже загнать: *Клячу истории загоним* (В. Маяковский). Такое понимание времени, которое человек может ускорять по своему желанию, отразилось и в обыденной речи, и в словарях: ср. так же, как, имея дело с деньгами, можно *зачесть 100 рублей в уплату долга*, так же и с временем – можно *зачесть полгода за год* [8].

В отличие от английского языка, по-русски до недавнего времени невозможно было *инвестировать* или вложить время во что-нибудь или в кого-нибудь (ср.: *I've invested a lot of time in her*). В связи с этим выражение *денежные инвестиции* представляется не вполне корректным: временные или какие-либо другие инвестиции в русском языке, как правило, не представлены. Ср. словарное определение: *Инвестиция* – 'долгосрочное вложение *капитала* в какое-н. предприятие, дело, а также сам такой капитал' [6]. Однако в последнее время в разговорной речи иногда используется выражение *инвестировать время во что-л.* Ср. *Уже не хочу уходить, столько времени инвестировала в ожидание* (в очереди к врачу-окулисту в поликлинике МГУ).

По-русски можно *экономить время* так же, как и деньги, но нельзя *занять* или *одолжить* какое-нибудь количество времени. Ср. примеры на английском языке из [7]: *He is living on borrowed time*. По-русски пока невозможно выразить мысль *о накоплении какого-то количества времени* при вполне стандартном способе выражения в английском языке: *Put aside some time for ping pong* [7]. Хотя в русском языке такие модели не представлены, но сама мысль о том, что к нравственным ценностям можно относиться как к экономическим, не чужда русскому сознанию: *Спросите меня, что из прошлого я хотел бы получить в аренду на месяц? Не имущество, вообще не материальные ценности. Не деньги на сберкнижку хотел бы класть, а проценты с любви и дружбы получать* (Т. Тыссовская, Цена настоящего слова дороже коня).

Итак, мы видим, что в английском языке категория времени осмысливается в экономических терминах более последовательно, чем в русском языке. По-видимому, некоторую асимметрию в выражении этого метафорического концепта в русском и английском языках можно объяснить тем, что представление о времени как об экономической ценности сформировалось на русской почве значительно позднее, чем в Европе. Ср., напр., с какой иронией описывает И.А. Гончаров в романе "Обломов" отношение к жизни, характерное для Андрея Штольца: *Он шёл твёрдо, бодро; жил по бюджету, стараясь тратить каждый день, как каждый рубль, с ежесекундным, никогда не дремлющим контролем издержанного времени, труда, сил души и сердца* (выделено мной: Л.Б.).

У русских такие качества, как *расчётливость, умеренность, экономность, рациональность*, вызывают неприятие, поскольку *мелочиться* стыдно и неприлично. (Ср. комический эффект, возникающий из-за несоответствия между стереотипным представлением о русских и указанными качествами: **с чисто русской расчётливостью, *с чисто русской рациональностью, *с чисто русской пунктуальностью, *с чисто русской экономностью...*).

Известно, что "нестяжательное" отношение к деньгам – одна из самых "отчётливых духовных границ русской культуры" [11, с. 560]. Русский язык с давних времён хранит поучения, пословицы и поговорки, выражающие негативное отношение к богатству, демонстрирующие его преходящий характер, его вредное влияние на человека: *Где говорят деньги, там молчит совесть; Когда деньги говорят, тогда правда молчит; Богатство – вода, пришла и ушла; Не в деньгах счастье*. Христианские православные принципы утверждают, что деньги – это низкое и грязное в отличие от духовных помыслов и

устремлений. Русские народные сказки с детства внушают мысль, что быть богатым далеко не всегда хорошо. Именно поэтому у русских складывается особое отношение к деньгам, а через них – и ко времени. Русские купцы в прошлом и "новые русские" в настоящем сначала *огребают деньги лопатой, набивают карман, заколачивают бешеные деньги (бабки)*, а затем *бросают эти шальные (шалые) деньги на ветер, пускают их в трубу, швыряют деньги, сорят деньгами*. При этом русским социумом отрицательно оценивается и факт быстрого и лёгкого обогащения (нередко нечестным путём), и безрассудное расходование денег: *Мужик богатый гребёт деньги лопатой; Нелегко деньги нажить, да легко прожить; У дурака в горсти дыра; Дурак легко с деньгами расстаётся*. Ср. также словарные определения (выделение полужирным шрифтом в дефинициях здесь и далее наше: Л.Б.): *Бешеные деньги*. Разг. Экспр. Неодобр. – 'крупные суммы денег, **легко** доставшиеся и расходующиеся **небрежливо**' [13]: – *Крым, знаешь, да и вообще юг – это настоящее гнездо всех шатунов и аферистов... Тепло, море, горы, красота, деньги кругом шальные* (Куприн, С улицы).

В русском языковом сознании *бешеные, шальные и шальные деньги* противопоставляются *кровным деньгам*, заработанным честным тяжёлым трудом: *Даровой рубль дешёв, нажитый дорог*. Ср. также: *Я не видел этого мальчишка с отъезда его в университет, куда он поехал на кровные деньги, добытые кровным трудом на уроках у купцов, плативших не больше трёх рублей в месяц* (Г. Успенский, Разоренье).

Осуждение быстрого обогащения находим в следующих словарных дефинициях: *Набивать карман*. Разг. Неодобр. – '**быстрое** обогащение нечестным путём' [10]; *Грести лопатой*. Разг. Неодобр. – 'зарабатывать, получать уйму денег. Подразумевается, что деньги достаются **легко**': *Записался он адвокатом – пошли дела, и пошли, и пошли, огребай деньги лопатой* (А. Островский, Поздняя любовь) [10]; *Бросать на ветер*. Разг. Неодобр. – 'тратить, расходовать бесцельно, безрассудно' [10].

Для людей западного склада, особенно протестантов, характерно бережное, рациональное отношение к деньгам и времени. Анализ языковых средств, выражающих идею времени, позволяет обнаружить различие социальных норм, отражающихся в лексике. Так, напр., в русском языке слово *перерыв* – гипероним, который может обозначать и перерыв на обед в магазине, и перерыв между лекциями, и перерыв во время заседания и т.п. Ср. определение в Словаре С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой: *Перерыв* – 'промежуток, на время которого прекращается какая-н. деятельность'[8]. В немецком языке, кроме гиперонимов (*Unterbrechung, Pause*), много слов-гипонимов, конкретизирующих, уточняющих данное значение (*Unterrichtspause, Arbeitspause, Mittagspause, Tagungspause, Zwischenpause* и т.д.), наличие которых отражает более детализированное представление о времени в немецкой культуре, проявляющееся, в частности, в регламентации разного рода перерывов. Различное отношение к категории времени как к культурной ценности обусловлено разными моделями восприятия времени [5]. В монохронной модели, характерной, в частности, для немецкой культуры, время членится на отрезки, которым соответствуют запланированные на это время дела. В полихронной модели (русское восприятие времени) можно делать несколько дел одновременно. Точность во времени в немецкой культуре имеет большую значимость, чем в русской культуре. При этом у русских сформировано собственное отношение к пунктуальности, эталоном которой является немецкая точность [5, с. 162]:

Немца спрашивают:

– *Что такое русский, обладающий немецкой пунктуальностью?*

– *Это человек, который каждый день опаздывает на работу ровно на два часа.*

В Словаре В.И. Даля [4], где зафиксировано большое количество русских пословиц и поговорок, безусловно, нет заимствованного выражения "Время – деньги", зато представлены русские пословицы, указывающие на двойственное оценочное восприятие времени. С одной стороны, время – несомненная ценность: *Время дороже золота; Деньги пропали – наживёшь, время пропало – не вернёшь; Время деньги даёт, а на деньги и времени не купишь* [4]. С другой стороны, ценность времени трудно оценить, поскольку оно неосозаемая сущность, время изменчиво: *Время переходчиво; День да ночь – сутки прочь;*

Что было, то прошло и быльём поросло. Ср. также оценку времени в более современной поговорке: *Солдат спит, служба идёт.*

Деньги, несмотря на отмеченное ранее пренебрежительное к ним отношение, ценятся, пожалуй, всё-таки выше, чем время: *После Бога деньги первые; Денежка не Бог, а бережёт. Денежка дорожку прокладывает; Денежка рубль бережёт, а рубль голову стережёт; Горе – деньги, а вдвое – без денег; Хуже всех бед, когда денег нет* [4]. Ср. также современные поговорки о деньгах и трансформации старых поговорок, свидетельствующие о большой значимости денег в современном обществе: *Не в деньгах счастье, а в их количестве; Не учи меня жить, лучше помоги материально; Деньги – зло, причините мне его побольше; Деньги – зло. Для получения более подробной информации пришлите мне 1000 долларов; Если деньги вас не радуют, значит, они не ваши* и т.п.

Кроме того, надёжный источник выявления ценностного статуса тех или иных культурных понятий – наличие оценочных номинаций, так как назвать вещь и дать ей оценку – значит осмыслить её в полном объёме. Так, в частности, на основе языковых данных можно утверждать, что растратчик денег осуждается в русском коллективе в большей степени, чем тот, кто неразумно тратит своё время. Именные номинации с негативной оценкой, такие, как *расточитель, мот, транжир(а)*, относятся преимущественно к людям, способным растратить свои деньги или имущество, но не время. Точные наименования, обозначающие людей, неразумно и бессмысленно растрачивающих своё время, в русском языке отсутствуют (ср. *прожигатель жизни* – общее обозначение для людей, ведущих беспорядочный образ жизни).

Деньги проникают глубже в личную сферу русского человека, чем время, о чём свидетельствуют производные с субъективным компонентом значения. Так, с одной стороны, находим номинации *денежка, денежки, деньжата* с положительной оценкой. В словах *деньжонки, деньжишки*, прослеживается отрицательная оценка малых денег, как правило, своих, в слове *деньжищи* – отрицательная оценка чужих больших денег. С другой стороны, от слова *время* есть только одно оценочное производное слово – *времечко*.

Итак, деньги занимают важное место в ценностной картине мира, время ценится меньше, чем деньги. Что же им противопоставлено? Возможно, дружба.

Дружба в русском языковом сознании ценится выше, чем потраченное время, и это находит отражение в поговорках, демонстрирующих достаточно вольное обращение со временем: *Был бы друг, а время будет; Был бы друг, будет и досуг* [4] и др. Считается, что русский человек дружбу, братство ценит больше, чем деньги: *Не имей сто рублей, а имей сто друзей; Друга на деньги не купишь; Дружба дороже денег; Доброе братство дороже богатства* [4] и т.д. Однако "денежный вопрос", так же, как и "квартирный", может испортить человека: *Деньги портят человека.* Более того, деньги способны испортить и дружбу: *Друга не теряй, денег не давай; В долг давать – дружбу терять; Если хочешь врага нажить, так дай в долг денег!* [4]. Кроме того, деньги могут оказаться критерием проверки на истинность не только дружбы, но и любви. Ср.: *Денежки в кармане – все друзья с нами; Дружба дружбой, а денежки врозь; Были девушки – любили Сеню девушки, а не стало денежек – забыли Сеню девушки; С деньгами мил, без денег постыл.*

Материал показывает, что отношение к рассматриваемым феноменам далеко не однозначно в русском социуме, при этом преломление модели "время – деньги" в сознании говорящего на русском языке осложняется целым рядом факторов, к которым относятся культурные, исторические, экономические, социальные и другие специфические черты развития народа, его менталитет, система ценностей. Анализ метафорической природы обыденного сознания позволяет сделать наблюдения и выводы, касающиеся особенностей национальной образности мышления и нравственно-ценностных ориентиров, существующих в русской культуре.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агаркова Н.Э. Деньги // Антология концептов. – М.: Гнозис, 2007. – С. 304-312.

2. Бартминьский Ежи. Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике. – М.: Индрик, 2005. – 528 с.
3. Богданова Л.И. Концептуальная метафора в аспекте обучения иностранным языкам // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия "Русский и иностранные языки и методика их преподавания". 2005. №1 (3). – С. 141-149.
4. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В четырёх томах. – М.: Русский язык, 1999.
5. Зубкова В.Я. Пунктуальность // Антология концептов. – М.: Гнозис, 2007. – С. 155-164.
6. Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. – М.: Эксмо, 2005. – 944 с.
7. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живём. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.
8. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М.: Азбуковник, 1999. – 944 с.
9. Ортега-и-Гассет Х. Две главные метафоры // Теория метафоры. – М.: Наука, 1990. – С. 68-72.
10. Словарь образных выражений русского языка. – М.: Отечество, 1995. – 368 с.
11. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. – М.: Академический проект, 2001. – 990 с.
12. Тер-Минасова С.Г. Язык как орудие культуры. – М.: МГУ, 1999. – 110 с.
13. Фёдоров А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка. В 2 т.т. – М.: Цитадель, 1997.
14. Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры. – Екатеринбург, 2001. – 286 с.

УДК 81.243

**Наталья Божко
(Харьков)**

**УЧЕТ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ СПЕЦИФИКИ
И ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ СТУДЕНТОВ
ИЗ МОНГОЛИИ ПРИ ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ**

Стаття присвячена аналізу етнопсихологічних та етнокультурних особливостей монгольського етносу за умов вивчення нової мови та засвоєння нового етнокультурного середовища.

Ключові слова: міжетнічне спілкування, національно-культурна специфіка, освіта, комунікація, етнічна поведінка.

The article is devoted to the analysis of ethnopsychological and ethno-cultural peculiarities of the representatives of the Mongolian ethnic group in terms of learning a new language and development of new ethno-cultural environment.

Key words: inter-ethnic communication, national-cultural specificity, education, communication, ethnic behavior.

Социально-культурной реальностью современного мира является масштабная миграция населения, которая значительно увеличила инокультурную составляющую систем образования всех европейских стран.

Украина сегодня занимает одно из весьма престижных мест в мире по количеству иностранцев, обучающихся в ее высших учебных заведениях. Иностранный контингент современного студенчества страны постоянно меняется. В последнее время он стал активно пополняться выходцами из центрально-азиатского региона, среди которых появились и студенты из Монголии.

В связи с этим возникла насущная необходимость в изучении некоторых проблем национально-культурной специфики и психологических особенностей представителей

данного народа. Еще М.И.Бахтин писал, что осуществлению собственной деятельности (в нашем случае языковой) предшествует этап ориентирования в условиях этой деятельности: осознание усваиваемых фрагментов "чужой" культуры в терминах и понятиях своего лингвокультурного опыта. Результативность и эффективность общения напрямую зависит от национально-культурной специфики лингвокультурных общностей, в данное общение вступающих. В нашем случае оно имеет целью самый широкий спектр коммуникации: от социально-бытовой до учебной и профессиональной.

Исследованием различных проблем общения, межкультурной и межэтнической коммуникации занималось огромное количество исследователей: Агеев В.С. [1990], Бромлей Ю.В. [2000], Вежбицкая А. [1999], Гумилев Л.Н. [1993], Резников Е.Н. [2007], Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. [1990], Гачев Г.Д. [1988, 2003], Поршнева Б.Ф. [1979], Стефаненко Т.Г. [2007] и другие.

Познание языка идет параллельно всем другим видам познания. Изучая язык, студент-иностранец ставит перед собой задачу не только освоения лексики, грамматики и синтаксиса, чтобы получить доступ к академическому знанию, но и стремится через язык приблизить к себе новую для него культуру или хотя бы познакомиться с ней. Этот процесс весьма сложен, так как осуществляется с целью достижения совместимости с новой культурной средой, которая часто воспринимается как чуждая или даже агрессивная по отношению к субъекту аккультурации.

Аналогичные чувства испытывает и преподаватель, работающий в абсолютно незнакомой для него аудитории. Именно поэтому так важно иметь информацию об обучаемых им студентах. Иначе – ощущение потери контроля над ситуацией, собственной некомпетентности и неисполнения ожиданий, аналогичное чувствам, которые испытывает любой инофонец, попадающий в новую для него языковую и культурную среду.

Поэтому таким важным моментом является уровень информированности самого преподавателя о языковых, ментальных и прочих особенностях обучаемого.

Исследованиям определенных этнических характеристик монголов посвящены работы Жуковской Н.Л., Викторовой Л.Л., Ангаевой С. П. и Тыхеевой Ю.Ц., Цолмон Ш., Болд Лхамцэрэна и других. Здесь следует отметить, что данная тематика практически не исследовалась украинскими исследователями и в сегодняшней ситуации, вне всякого сомнения, заслуживает соответствующего внимания.

Начиная работу в монгольской или смешанной с монголами аудитории, преподаватель очень часто не готов к тому, что могут возникать ситуации, когда он не в состоянии предвидеть спонтанно возникающий выброс энергии внешне сначала абсолютно спокойных студентов.

Здесь мы можем наблюдать нарушение так называемых "этнических правил" общения. Резников Е.Н. пишет об этом так: *"Под правилами этнического поведения понимаются устоявшиеся алгоритмы (распорядок) действий этнофоров при реализации ими этнических норм и социальных ролей в этническом и межэтническом общении"* [4, с. 127].

В случае с монголами (как, прочем, и с другими представителями бывшего, так называемого "социалистического лагеря") складывается достаточно парадоксальная, хотя и вполне объяснимая, ситуация. Сведения о них сводятся, по большей части, к информации о том, что Монголия – одна из древнейших цивилизаций на земле, со своим неповторимым историческим прошлым, красивой, практически не тронутой природой, особенностями своего социально-экономического развития.

А ведь это страна, которую описывали и исследовали крупнейшие российские востоковеды, начиная еще с 18-го века, язык которой начали изучать в России еще по указу Петра I, в которой начинали свою воинскую биографию десять маршалов бывшего Советского Союза.

Розділ III. Антропоцентрична парадигма: мовна картина світу, мовна особистість

В данной статье мы попытаемся представить часть имеющейся на сегодняшний день информации, полезной для преподавателя, работающего в группе монгольских студентов, и ответить на некоторые волнующие всех нас вопросы.

Молодежь в возрасте до 30 лет составляет около 70 % почти трехмиллионного населения Монголии. На смену старому поколению, которое хорошо знает и помнит традиции своих предков, приходит новое поколение – монголы, которые стремятся жить в духе нового времени. У монгольской молодежи происходит закономерная смена приоритетов. Она выражается не только внешне (в смене причесок, которые становятся подчас весьма экстравагантными, формы и стиля одежды), но и в изменении многих внутренних установках.

Поэтому образование – одно из важнейших направлений внутренней политики Монголии. К настоящему времени неграмотность в стране практически ликвидирована, благодаря созданию сезонных школ-интернатов для детей из семей кочевников. Кроме того, предлагаются курсы профессиональной подготовки для молодых людей в возрасте 16-18 лет. На сегодняшний день в Монголии имеется 29 государственных и 40 частных университетов, главным образом в Улан-Баторе. Здесь следует отметить, что около 52% всех обучающихся составляют девушки (61% из них учатся в вузах).

К сожалению, стандарты образования резко упали, и дети богатых родителей стараются получить высшее образование за границей.

Обучение в монгольских вузах платное. По действующему законодательству государство оплачивает обучение студента, если оба его родителя пенсионеры, или отсутствует один из кормильцев (т.е. ребенок воспитывается в неполной семье). В некоторых вузах администрация снижает плату за обучение на 25 – 60 процентов, если студент 3 семестра учился на "отлично". При этом в вузах Монголии существует ещё одна система кредитования. За курс лекций каждый должен заплатить 330 тысяч тугриков, но студента не допустят к сдаче сессии, если за каждую пропущенную без уважительной причины лекцию он не заплатит 800 тугриков. А преподаватели, в свою очередь, обязаны вторично отчитать лекцию или провести консультацию. Студенты-отличники 1-го и 2-го курсов монгольских вузов поощряются государством, и имеют возможность продолжать обучение в вузах России, Украины, Америки, Германии и Китая (где сегодня обучается самое большое количество студентов).

Поэтому обучением за государственный счет в вузах Украины монгольские студенты очень дорожат, так как по договору они несут ответственность за каждое пропущенное ими занятие, следствием чего может быть снижение стипендии или полное лишение ее. Следующим шагом может быть снятие льготы на обучение за государственный счет, что приведет к необходимости оплаты за свой счет.

Но здесь следует заметить, что проведение воспитательных мероприятий с прогульщиками не должно быть жестким, так как в национальном характере монголов заложена некая эмоциональная защита, проявляющаяся в форме своеобразного неприятия слишком мощного эмоционального давления. Поэтому не следует удивляться, если ваши многословные аргументы не будут восприняты адекватно (с вашей точки зрения). И мы будем наблюдать нарушение межэтнических правил общения.

Специалисты, работавшие в Монголии, отмечают, что некоторые национальные черты характера монголов не могут быть оценены с чисто европейской точки зрения. Так, например, излишнее любопытство не есть отрицательная черта, а жизненная необходимость, сформировавшаяся в условиях достаточно скудного ландшафта и ставшая необходимой для выживания в сложных условиях. Поэтому преподаватель, работающий в группе монголов, должен быть готов к тому, что сидящий перед ним студент может без разрешения взять с его стола очки, ручку, журнал, записную книжку.

Поначалу это вызывает откровенное неприятие и раздражение, но с этим нужно постепенно, пошагово бороться, приучая к определенным нормам поведения, принятым в вузе.

Монголы весьма доброжелательны и очень ценят помощь и дружеское расположение к себе. Они абсолютно без проблем поддерживают хорошие отношения с представителями других народов, так как, согласно монгольской поговорке, *"человек, у которого много друзей, широк, как степь, человек, у которого нет друзей, узок, как ладонь"*.

Весьма важным моментом является отношение к временным ограничениям. Для монгола жизнь должна двигаться по определенному кругу, в котором не должно быть суеты, спешки и, разумеется, раздражения по поводу опоздания. Люди, которые когда-либо вели бизнес с монголами, отмечали, что опоздание на 15-30 минут для монгола – это норма. Они перестали считать опоздания знаком неуважения к себе лично, гневаться и раздражаться по такому поводу. Об этом должен помнить и преподаватель, работающий с монголами. Хотя это совсем не означает, что с такими проявлениями не следует бороться.

Монгольские студенты очень редко хмуры и угрюмо сосредоточены. Обычно им не свойственно мрачное настроение. Чаще они шутят, смеются, громко говорят, любят веселые песни. Хотя подчас абсолютно не контролируют уровень производимого ими шума. Во время занятия в группе, где есть несколько монгольских студентов, может возникнуть ситуация, когда преподаватель сталкивается с необходимостью выбора: кому из желающих ответить, предоставить слово, так как одновременно это хотят сделать все.

У монголов на генетическом уровне заложена любовь к движению, к любым формам активности, поэтому они не могут долго сидеть на месте, меняют позу, пересаживаются, даже по коридорам перемещаются очень быстро, с удовольствием занимаются в спортивных секциях и т.д. Психологи видят причину этого в их происхождении от пастухов, многие из которых и сегодня кочуют с места на место.

Работающие в монгольской аудитории отмечают несомненные языковые и мыслительные способности представителей этого народа. Ученые объясняют этот факт трудностями выживания монгола-кочевника в условиях практически экстремального климата, необходимостью постоянного поиска средств к существованию. Все это способствовало увеличению не только мускулатуры, но и, согласно исследованиям немецких и американских ученых, привело к развитию большего, чем у европеоидов, головного мозга у представителей народов, относящихся к монголоидной расе.

Но при высокой умственной одаренности монголы имеют закоренелую привычку откладывать на завтра все свои дела, которые можно было бы завершить сегодня. У самих монголов есть поговорка: *"не кончится монгольское завтра"*. Но это вовсе не означает, что представители этноса не могут собраться и быстро и качественно выполнить какую-либо работу. Особенно, если это касается каких-либо творческих моментов.

Авторы отмечают, что каждый второй монгол одарен от природы музыкальным слухом и голосом. Среди них много талантливых художников, которые пишут картины о своей родине. И большинство из них с удовольствием демонстрируют это, участвуя в различной внеаудиторной работе, проявляя при этом достаточно высокий уровень ответственности и организованности.

Болд Лхамцэрэн, исследователь художественных интересов монгольской молодежи, пишет: *"Ведущим фактором становления художественных интересов современных монгольских студентов в разных социокультурных средах является информационно-образовательный контекст, в котором они живут... Художественные интересы современных монгольских студентов свидетельствуют о том, что они склонны к интеграции в мировое сообщество"* [1, с. 7-8].

Весьма важный и интересный материал для понимания некоторых черт характера монголов дают нам поговорки и пословицы, которые являются мощным источником национальной культурной интерпретации, оценки человеком окружающего его пространства. Они есть по традиции передаваемый из поколения в поколение язык веками сформировавшейся обыденной культуры, в котором отражены все категории и установки жизненной философии народа – носителя языка.

Розділ III. Антропоцентрична парадигма: мовна картина світу, мовна особистість

Так, наприклад, в вираженні "чем скверно жить, лучше красиво умереть" прославляється смелість і висмеюється трусость. А уможвавлення "чем позорить свое имя, лучше переломать себе кости" – говорить о необхідності збереження почування собственого достоїнства.

В завершенні хотелось бы привести в качестве примеров некоторые пословицы и поговорки, иллюстрирующие определенные жизненные установки и черты характера монголов: "пока есть скакун – посмотри мир"; "если боишься – не делай, если сделал – не бойся"; "у живого человека всегда есть выход". И, наконец, одна из наиболее часто цитируемых: "самая мудрая из наук – дружба".

ЛИТЕРАТУРА

1. Болд Лхамцэрэн. Становление художественных интересов монгольских студентов в разных социокультурных средах. 13.00.01 – Общая педагогика, история педагогического образования. Автореф. дис. ... канд. пед. наук. – М., 2009. – 28 с.
2. Викторова Л.Л. Монголы. Происхождение народа и истоки культуры. – М., 1980. – 223с.
3. Жуковская Н.Л. Категории и символика традиционной культуры монголов. – М., 1988 – 194 с.
4. Резников Е.Н. Психология Этнического общения. – М.: Изд-во "Институт психологии РАН", 2007. – 160 с.
5. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология: Учебник для вузов/ Т.Г.Стефаненко. – М.: Аспект Пресс, 2007. – 368 с.
6. Цолмон Ш. Проблемы перевода монгольских фразеологизмов на русский язык //Вестник Бурятского госуниверситета. Сер. 18. Востоковедение. Вып. 1. Улан-Удэ, 2005. С. 163 – 167.

УДК 811.161.2'27'42

Наталія Войцехівська
(Київ)

ТИПОЛОГІЯ КОНФЛІКТНОЇ ОСОБИСТОСТІ

Описано типи конфліктної особистості; визначено ситуативні й характерологічні передумови конфліктності; проаналізовано соціально-психологічні, гендерні, вікові особливості агресивності у дискурсі.

Ключові слова: конфліктний дискурс, конфліктна особистість, конфронтація, суперечка, агресор, деструктивність, асоціальний.

The article describes the types of a conflict personality, identifies situational and characteristic background of conflict and highlights socio-psychological, gender and age characteristics of aggressiveness.

Key words: conflict discourse, conflict personality, confrontation, contention, aggressor, destructiveness, antisocial.

Вступ. Як соціальна істота людина потребує повсякденної мовленнєвої взаємодії, що може набувати ознак або комунікативної співпраці, або комунікативного суперництва. Зорієнтованість дискурсу на порозуміння/співдію чи непорозуміння/протидію залежить, насамперед, від учасників діалогу, їхніх комунікативних ролей, темпераменту, характеру, соціокультурних та індивідуально-психологічних особливостей, а також інтересів і цілей, які вони бажать досягти в результаті розмови.

Постановка проблеми. Акцент сучасної мовознавчої науки на комунікантах – як одному з головних понять антропологічної парадигми – дозволяє досліджувати процес спілкування не поза його творцями, а навпаки, у тісному зв'язку мовлення з людиною, її мисленням, практичною діяльністю (див., напр., праці Г. Емірсуїнової, С. Застровської, В. Рігованової, Л. Славової та ін.). З огляду на це, актуальним є запропоноване дослідження, в

якому за мету поставлено розгляд типології конфліктної особистості в ситуації комунікативного суперництва.

Виклад основного матеріалу. Ситуація комунікативного суперництва, або конфліктний дискурс, – це різновид діалогічної взаємодії, зорієнтований на досягнення антиетикетних цілей, що суперечать кооперативній спрямованості спілкування й призводять до дестабілізації стосунків мовців.

Будь-яка мовна особистість конфліктна за своєю природою, а тому конфронтаційна ситуація не виникає сама по собі, а створюється мовною особистістю, дії якої зорієнтовані на протиборство, комунікативне суперництво з іншим учасником дискурсу. Зазвичай ініціатором комунікативної суперечки виступає мовець конфліктного типу (або, у термінології психологів, конфліктогенна особистість) – схильна до підвищеної емоційності людина, яка загострює будь-які стосунки та конфліктує заради досягнення власної мети.

Такий тип комунікативної особистості корелює з деструктивним (за соціальними показниками) і грубостатистичним, непластичним (за психологічними показниками) типами особистості. Він орієнтується на силу наказів, вимог, погроз, образ тощо, не вважає за потрібне пояснювати свої дії, не терпить заперечень на свою адресу, не визнає права співрозмовника на власну думку, відмовляючись від співпраці з ним. У дискурсі зорієнтованість конфліктогенної людини на імпульсивну поведінку реалізується через малі стратегії домінування в ролі мовця, егоцентричність, моралізацію аспектів теми спілкування, висловлення невпевненості, песимістичності, іронії, сарказму, конфліктного зіткнення інтенцій. Через свою настирливість, невдоволення, роздратування й озлобленість конфліктна людина ігнорує специфіку ситуації спілкування та характеристики адресата, не враховує реакцію співрозмовника, через що діалог стає спонтанним. Комунікативний егоцентризм конфліктного мовця проявляється в перебиванні діалогічного партнера, лайці, образах і приниженнях. Це пов'язано з тим, що конфліктні люди з негнучким, ригідним характером не здатні сприймати чужу поведінку, якщо вона суперечить їхнім принципам і ціннісним критеріям [6, с. 69], мають завищений рівень самооцінки, а отже, надвисоку чутливість щодо зауважень на свою адресу, потребу в повазі з боку оточуючих.

Конфліктність особистості має ситуативну або характерологічну особливості, що впливають на її статус у групі та соціальні ролі. Зокрема, А. А. Налчаджян описує людей із стійкою агресивністю у різних ситуаціях та людей із стійкою агресивністю у повторюваних (схожих) ситуаціях [7, с. 643], а отже, конфліктний тип особистості буває ситуативно- і перманентно-конфліктного підтипів [1, с. 101].

Для ситуативно-конфліктного типу людей конфліктність виступає не постійною ознакою характеру, а наслідком певного розвитку подій у конфліктній ситуації. Їхній вибір на користь "комунікативного бою" зумовлюється відсутністю іншого альтернативного виходу з ситуації спілкування. До ситуативних передумов конфліктної особистості зараховують: незадоволення потреб, почуття невизначеності, невпевненості, дезорієнтацію, втому, нестійкість настрою, підвищену збудливість, недостатню чи спотворену інформованість, стан навіювання [6, с. 66-67].

Схильність до конфліктності має місце у знехтуваних або невизнаних "своїми" серед колег людей, якщо їхні інтереси і запити не задовольняються, а намір домінувати у колективі зустрічає опір співробітників, несправедливе ставлення та незадоволення [6, с. 67]. Ситуативна конфліктність спостерігається також на сімейно-побутовому рівні, напр.: *Другого дня вранці Тетяна Ничипорівна, зустрівшись в кухні із Мартою, демонстративно не відповіла їй на привітання. Дівчина майже не здивувалась. Ці сусіди, з якими вона підтримувала весь час доброцирі відносини, відразу зробилися їй такі чужі, що турбувати її перестали. Бо одного з дуже корисних у житті вмінь, а саме: вміння ворога гостро й постійно ненавидіти, Марті бракувало геть, і кожен, хто їй зло вчиняв, тим самим від неї віддалявся, обертаючись у порожнє місце, до якого вона нічого не могла почувати. Але Тетяна Ничипорівна, коли побачила, що її зневага не справляє на дівчину того враження,*

Розділ III. Антропоцентрична парадигма: мовна картина світу, мовна особистість

якого їй хотілося б, дізнала пекучої досади. Над усе її спокушало виселити Марту ..., здихатись одним нападом цієї зарази, подлянки, хвойди!

Тим часом, не стерпівши своєї і Мартиної мовчанки, вона за кілька день несподівано звернулась до дівчини вранці з войовничою промовою:

– Що ж це ви, баришня, на чужих чоловіків заздритись почали? – сказала вона схидно. – Чи, може, вже хлопців усіх перебрали, що чоловікові жонатому на шию вішаєтесь? Некрасиво, баришня, я скажу даже паскудно таке витівати. Вам, значить, на руку, що жони ввечері дома немає, так ви перед моїм чоловіком ножку вже одкидаєте? То вам, значить, нічого, що я з ним десятий рік чесно живу! Вам, значить, совершенно байдуже, що я всю сім'ю своїм потом годую!

Марта ... спокійно відповіла, знизавши плечами:

– Ви збожеволіли!

І вийшла. Тетяна Ничипорівна крикнула услід, потрясаючи каструлею:

– Сама божевільна! Мерзавка! Шлюха! (В. Підмогильний).

Як бачимо з прикладу, Марта виступає представником конформного типу, що уникає будь-яких проявів агресії (...вміння ворога гостро й постійно ненавидіти, Марті бракувало геть, і кожен, хто їй зло вчиняв, тим самим від неї віддалявся, обертаючись у порожнє місце, до якого вона нічого не могла почувати). Тетяна Ничипорівна, навпаки, – представниця ситуативно-конфронтаційного типу, оскільки піти на суперечку з сусідкою її "змушує" чоловік ("підбурювач/провокатор" конфлікту), який збрехав дружині про спробу зваблення його молодією сусідкою (Мартою). Іншого виходу із неприємної ситуації, аніж ворожнеча й налаштування всіх проти дівчини, Тетяна Ничипорівна для себе не знаходить. На підтвердження цієї думки наведемо уривок із тексту:

Вислухавши чоловікову доповідь, Тетяна Ничипорівна вжахнулась.

– Це, значить, коли мене дома немає? – спитала вона. Дарма, що темпераменту їй бракувало, замах на родинне життя її осканьєв. – Ах, подлянка! – скрикнула вона. – А перед людьми яке свята та божє!

І Тетяна Ничипорівна, ображена в найсвятіших своїх почуттях, з лагідної обивательки перекинулась на люту левицю (В. Підмогильний).

На відміну від ситуативно-конфліктного типу, перманентно-конфліктний різновид людей – це індивіди, для яких конфліктність виступає постійною ознакою їхньої поведінки й зумовлюється особливостями характеру. Конфронтаційні стосунки з іншими для людей цього типу є своєрідним катарсисом, розрядкою, що сприяє психологічному здоров'ю їхнього організму. Прикладом перманентно-конфліктної особистості може бути Мультик (кличка кримінального елемента), який протягом своєї поїздки проявляє вороже ставлення до майже усіх подорожуючих із ним у вагоні:

МУЛЬТИК: Братани, закурить не найдеться?

СЕРГІЙ: Братан, не курим.

АЛК: І тобі не советуєм...

МУЛЬТИК: Да ви шьо?

АЛК: А нічо-о... Тобі що, завестися ні з ким? Доколупуєшся, як п'яний до радіо...

МУЛЬТИК (нагнувшись, загрозовим шепотом): Ви, пацани, базар би фільтрували. Нас тут четверо їде, поняли? Щас тіки я свисну...

АЛК: Так, братан. Я лівою рукою жму сто двадцять. А в нього (показує на ПАШУ) – чорний пояс карате. А у цього (показує на СЕРГІЯ) – перший розряд по боксу. Ми твою банду замочим у моменті. Давай, зови їх!

МУЛЬТИК ... озирається – чи зауважив хто по вагону його ганьбу. Ніби ніхто. Пробурмотівши: "Ну ладно...", повертається до своєї компанії.

МУЛЬТИК (істерично): Ну, хватить! Дасть закурить хто-небудь, чи не? Замочу щас яку-нібудь падлу!.. (Підбігає до ЧОЛОВІКА, штовхає його грубо) – Ну, ти даєш закурити, фраєр? Пока ще по-доброму! (О. Ірванець).

Характерологічними передумовами виникнення конфліктів виступають стійкі якості й риси характеру, схильність до зіткнення з оточуючими, а також прагнення домінувати над іншими, негативне ставлення до людей, імпульсивність, занижена самокритичність, нестриманість у почуттях та емоціях, нетерпимість до недоліків інших, егоїзм, неувага до інших, користолюбство, антипатія та протидія, відсутність внутрішньої духовної культури тощо, що формуються середовищем і виступають наслідком психологічно неадекватного, однобічного виховання (напр., в умовах емоційного знехтування дитини в сім'ї, гіпер- або гіпопротекції як стилю порушеного сімейного виховання) [6, с. 67-68].

Тяжіння до агресії та насилля (як ситуативне, так і перманентне) зумовлюється особливостями нервової системи, рисами характеру, специфікою темпераменту, психологічною стійкістю і саморегуляцією, актуальністю емоційного стану, соціально-психологічними настановами й цінностями, ставленням до опонента, комунікативною компетентністю тощо, які роблять особистість більш сприйнятливою щодо впливу інших факторів, зокрема, соціальних та етнокультурних. Сутність цих факторів полягає в тому, що схильність до конфронтації залежить від умов життя і діяльності, а також досвіду, накопиченого під впливом середовища й соціального оточення, в якому існують свої поведінкові та мовленнєві стереотипи тощо.

Суттєве значення в продукуванні конфліктів і стимулюванні конфліктної поведінки має соціальна роль особистості. Залежно від соціальних ролей мовців-опонентів виділяють такі типи конфліктної поведінки, як: демонстративний; дратівливий; ригідний; агресивний; пасивно-агресивний; некерований; надто точний; безвольний; "провокактор"; "обвинувач"; "танк"; невинний брехун [2; 4, с. 103-107; 6, с. 82-83] та ін.

Не виключений зв'язок конфліктної мовленнєвої поведінки з віковими особливостями людини. Зокрема, у молодості негативізм (як протилежне конформізму поняття) проявляється у спрямованій проти дорослих норувливості, у беззмістовному впертому супротиві [6, с. 70].

Схильність до конфронтації спостерігається також на гендерному рівні. Зокрема, йдеться про такі гендерні стереотипи, як маскуліні агресивність і конфліктність та фемінні конформізм і поступливість.

Психологічні, соціальні, етнокультурні, гендерні та інші особливості зумовлюють відповідну манеру комунікативної поведінки конфліктної особистості. Це означає, що агресія й ворожість стосовно діалогічного партнера може бути прихованою або неприхованою.

Прихована агресія старанно маскується мовцем конфронтаційного типу через намагання фруструвати (досягнути психологічного стану наростаючого емоційно-вольового напруження, що виникає в конфліктних ситуаціях, які заважають досягненню мети або задоволенню потреб і бажань, загрожують людині або її престижу, людській гідності) співрозмовника. Явна агресія проявляється у вигляді конфліктогенів – вербальних і невербальних компонентів поведінки особистості або групи, "що сприяють виникненню та ескалації конфліктів" [6, с. 242]. Відповідно, йдеться про маніпулятора й агресора, або такі підтипи конфліктної особистості, як конфліктно-маніпуляторський і конфліктно-агресивний.

Для мовної особистості конфліктно-маніпуляторського підтипу співрозмовник виступає об'єктом маніпуляції, людиною, нижчою за інтелектуальними, моральними, етичними якостями. Пріоритетними для маніпулятора виступає нав'язування своєї думки та досвіду, що реалізуються в тактиках повчання, порад, зміни теми, самоствердження, залякування тощо. Маніпуляція комунікативним партнером проявляється і в манері мовлення: напр., ставити питання і не давати можливості отримати на нього відповідь, обвинувачувати і не приймати виправдань, перебивати, нав'язувати власну думку, постійно "ставити співрозмовника на місце", визначаючи для нього лише єдину позицію – позицію захисту та виправдовування. Наведемо приклад, маніпулятором у якому виступає Еврика, людина, яка відверто не поважає молодшого за себе Санька-Чорного:

Розділ III. Антропоцентрична парадигма: мовна картина світу, мовна особистість

САНЬКО-ЧОРНИЙ (зупиняється біля дверей). Мені з вами більше нічого тут робити! Я вам більше ні в чому не вірю. Хто ви такі зрештою?!

МАГНІТОФОН. А ти хто?

ЕВРИКА. Він? Жалюгідний боягуз. Дуже поширений у природі тип. Коли страшно – кусається першим. Краще витий і заспокойся. Пий!

САНЬКО-ЧОРНИЙ. А може, я не хочу більше пити з тобою!

ЕВРИКА. Чому "зі мною"?

САНЬКО-ЧОРНИЙ. Ні з ким не хочу!

ЕВРИКА. Він нас не знає! Він нам не вірить! (До САНЬКА-ЧОРНОГО). Так чому ти сюди ходиш?.. Хто тебе тягне?

САНЬКО-ЧОРНИЙ мовчить.

ЕВРИКА (підіймає пляшку горілки). Може, вона, рідненька? А крім того, хліб, сосиски, сир голландський та інша гастрономія. Одне слово, можливість надудлитися і нажертися за його рахунок (киває на ДЕНИСА). Чорний, а ти сам розумієш, що ти – паразит, блощиця, нахлібник?! Що?! Не подобається? Чи, може, я помиляюсь, Денисе?

ДЕНИС (зняквовіло). Нащо ти його так... Хіба справа в сосисках... І, зрештою, я сам знаю, з ким і як мені дружити.

ЕВРИКА. Денисе, я просто пояснив йому, що він являє собою на сьогоднішній день і що його з тобою зв'язує. А ти візьми ще одну халтурку, щоб Чорний міг повалятися тут і взавтра (показує на розкладушку).

ДЕНИС. А пішли б ви всі!.. (Вибігає з кімнати) (В. Кашин).

Конфліктно-агресивний тип характеризується негативним ставленням до співрозмовника, часто вираженим у формі агресії. Характеризуючи конфліктного агресора, К. Ф. Седов пише, що спілкування з ним нагадує арену боротьби, в якій він намагається якомога більше дошкулити співрозмовнику, створити моральний дискомфорт, обравши діалогічного партнера за об'єкт словесного знуцання [9].

Прояв агресивності у людей може мати різний ступінь, а тому доцільно виділяти: 1) людей із слабкою та високою агресивністю; 2) гіперагресивних людей (із депресивно-агресивним підтипом) [7, с. 549, 643]. Гіперагресивні та високо агресивні особистості – це, насамперед: 1) насильники з надмірним самоконтролем, 2) абсолютно не контролюючі себе насильники, 3) агресивні нарциси, 4) агресивні психопати, 5) хулігани, або авторитетні комплексні агресори, 6) інструментальні агресори [7, с. 644-647, 661-670].

У будь-якому разі агресивність виходить за межі соціальної норми, а тому природньо, що агресивність/конфліктність є асоціальною. Агресивні асоціальні особистості, або екстравертовані антисоціальні типи, за А. А. Налчаджяном, – це "діти й дорослі, які агресивно і відкрито порушують закони та інші соціальні норми" [7, с. 534] і класифікуються за трьома підтипами. Йдеться про а) екстравертний тип асоціальної особистості, представники якого шумлять, б'ються, відкрито й агресивно порушуючи соціальні норми; б) інтровертні асоціальні особистості, які мають протилежні форми прояву своєї настанови та в) асоціальні амбіверти, які порушують соціальні норми з використанням більш широкого репертуару агресивних дій – як фізичних, так і символічних. До асоціальних зараховується тип т.зв. "миролюбних злочинців", тобто людей, які порушують норми соціуму, але у "мирний", неагресивний спосіб [7, с. 535].

За ступенем прояву своєї конфліктності та її вираження мовними засобами конфліктного маніпулятора і конфліктного агресора можна зарахувати до демонстративно-конфліктного підтипу мовної особистості, поряд із яким стоїть приховано-конфліктний тип. Комунікант приховано-конфліктного типу (провокатор) володіє якостями конфліктного маніпулятора, що реалізуються ним не відкрито (приховано) через тактики провокації, брехні, втягування в конфлікт інших людей із наданням їм головних ролей у ньому. Залишаючись у тіні, провокатор задовольняє власні моральні чи матеріальні інтереси від ескалації конфлікту.

Аналізуючи конфліктогенні особистості, Є. В. Лаврентьєва виділяє поряд із імпульсивними мовцями з заниженою/завищеною самооцінкою агресивний (інвективний) тип [5, с. 219], на противагу якому виступає особистість із типом жертвовної поведінки, агресивні форми поведінки та стосунків якої зумовлюються комплексом психологічних якостей [3].

Конфліктна особистість схильна до зіткнення інтенцій, до глибоких та інтенсивних емоцій, до відхилення від комунікативних норм, зокрема вживання нецензурної грубої лексики. З цією метою конфліктогенною людиною використовуються такі тактики агресивної конфліктної поведінки, як: образа, звинувачення, іронія, погроза, провокація, наклеп, докір тощо, які супроводжуються навішуванням ярликів і негативною оцінкою фізичних/розумових здібностей опонента, його характеру, дій та вчинків.

Залежно від використовуваних стратегій, тактик і прийомів, їх обдуманості/спонтанності, особистість конфронтаційного типу буває емоційного та раціонального підтипів [1, с. 109]. Емоційна поведінка особистості передбачає безпосередні/щирі реакції на зовнішній вплив, позбавлені продуманості стратегій і бачення перспективи. Конфліктна особистість раціонального підтипу – це психічно стійка людина, не схильна до емоцій та імпульсивної поведінки; вона уміє оцінити комунікативну ситуацію, планувати комунікативну поведінку, здійснювати самоконтроль і контроль за поведінкою співрозмовника. Конфлікт для людей цього підтипу виступає засобом задоволення власних комунікативних потреб: власне, задля їхнього досягнення вони провокують його і, володіючи технікою спілкування та знаючи закони й механізми розгортання конфлікту, використовують суперечку у своїх інтересах. Такий тип особистості можна назвати ще цілеспрямовано-конфліктним.

Дещо поширеною характеристикою конфліктної мовної особистості стосовно використовуваних нею стратегій у фатичній поведінці є типологія К. Ф. Сєдова, який виділяє: 1) інвективний тип особистості, що демонструє понижену семіотичність мовленнєвої поведінки (комунікативними проявами тут виступають відображення емоційно-біологічних реакцій, що виражаються в афективній розрядці у формі лайки (інвективи)); 2) куртуазний тип, що вирізняється підвищеним ступенем семіотичності мовленнєвої поведінки, що обумовлена тяжінням мовця до етикетних форм соціальної взаємодії (в якості крайньої форм афекту перевага тут надається плачу); та 3) раціонально-евристичний тип, що в ситуації конфлікту опирається на розсудливість, здоровий глузд, виражає негативні емоції непрямим, опосередкованим способом, зазвичай у вигляді іронії [9].

Залежно від типу характеру і психологічної настанови конфронтаційний тип особистості поділяють на: 2) конфліктний тип особистості з грубо-статичною настановою та 3) імпульсивний тип особистості з варіабільно-стабільною і з варіабільно-лабільною настановою [8].

Оскільки в конфліктній ситуації можуть брати участь більше, ніж дві особи, учасників конфронтації класифікують залежно від їхньої ролі у дискурсі. Зокрема, йдеться про ворогуючі сторони, як постійних учасників конфлікту, та підбурювачів, помічників, організаторів, посередників і суддів, як епізодичних учасників суперечки. Епізодичні учасники конфліктної комунікативної ситуації можуть виконувати в ній як позитивну, так і негативну роль (підбурюючи мовців-опонентів до конфронтації, або ж, навпаки, сприяючи їхньому примиренню). Напр., як у комунікативній ситуації очікування в черзі на реєстрацію у РАГСі:

Ім довелося почекати, поки оформить свою розлуку попередня пара – дрібні міщани, що півголосом, але завзято сперечалися за розподіл спільного майна. Все цінніше вони встигли вже поділити і зараз змагалися за дві пари курей та три слоїки варення. Чоловік доводив своє право на обидва об'єкти.

– Ти подушки забрала? – казав він. – Хараши, хай я на камені спатиму, а куриці й варення – це мені, так і по закону виходить...

– А грамафон? Ти грамафона й забув, де твоя совість!

Розділ III. Антропоцентрична парадигма: мовна картина світу, мовна особистість

– *Та ви поділіться, – байдуже обізвався урядовець. – Кури одній стороні, а варення другій.*

– *Согласна, – заявила жінка. – Хай мені кури, а йому варення.*

І тут чоловік раптом виявив безодню великодушності:

– *Та я ще тобі й банку варення дам, коли миром!..* (В. Підмогильний).

Результати досліджень і висновки. Отже, конфліктні/конфліктогенні особистості – це деструктивні (за соціальними показниками), грубостатистичні, ригідні (за психологічними показниками) учасники дискурсу, конфронтаційність яких зумовлюється характерологічними або ситуативними особливостями, соціально-психологічними, етнокультурними, віковими, гендерними факторами, ситуацією комунікації та ставленням до мовця-опонента. Конфліктні мовні особистості класифікують за особливостями нервової системи, типом/рисами характеру, специфікою темпераменту, психологічною стійкістю, саморегуляцією та настановою; за манерою комунікативної поведінки, у т.ч. за обдуманістю/спонтанністю мовленнєвої поведінки, використовуваними стратегіями, тактиками і прийомами, ступенем семіотичності; а також за роллю у дискурсі тощо.

Перспективним є дослідження конформного та кооперативного типів особистості, як протилежних конфліктному різновиду людей.

ЛІТЕРАТУРА

1. Бородкин Ф. М. Внимание: конфликт! / Ф. М. Бородкин, Н. М. Коряк. – Новосибирск, 1989. – 190 с.
2. Емельянов С. М. Практикум по конфликтологии / Емельянов С. М. – СПб: Питер, 2009. – 384 с.
3. Журавлев В. И. Основы педагогической конфликтологии / Журавлев В. И. – М.: РПА, 1995. – 183 с.
4. Конфликтология / [под ред. А. С. Кармина]. – СПб., 1999. – 448 с.
5. Лаврентьева Е. В. Речевые жанры обвинения и оправдания в диалогическом единстве: дисс. на стиск. науч. степ. канд. филол. наук: спец. 10.02.01 "Русский язык" / Е. В. Лаврентьева. – Новосибирск, 2006. – 264 с.
6. Ложкин Г. В. Практическая психология конфликта: учеб. пособие / Г. В. Ложкин, Н.И. Порякель. – К.: МАУП, 2002. – 256 с.
7. Налчаджян А. А. Агрессивность человека / Налчаджян А. А. – СПб.: Питер, 2007. – 736 с.: ил. (Серия "Мастера психологии").
8. Норакидзе В. Г. Типы характера и фиксированная установка / Норакидзе В. Г. – Тбилиси: Изд-во "Мецниереба", 1966. – 191 с.
9. Седов К. Ф. Языковая личность в аспекте психолингвистической конфликтологии [Электронный ресурс] / К. Ф. Седов // Международная Интернет-конференция "Диалог – 2002". – М., 2002. – Режим доступа: <http://www.dialog-21.ru/digest/archive>.

УДК 800.005(075.8)

Ольга Гамали,
Ольга Каневская
(Кривой Рог)

СВОЕОБРАЗИЕ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КАРТИНЫ МИРА ВСЕВОЛОДА ГАРШИНА

У статті визначено риси індивідуальної художньої картини світу Всеволода Гаршина як яскравого зразку експресіонізму в російській літературі, а саме: психологізм, увага до художньої деталі, особлива експресія, що сформовані метафорами, алегорією, порівняннями та епітетами, гіперболами і літотами.

Ключові слова: *індивідуальна художня картина світу, експресіонізм, психологізм, художня деталь, експресія, тропи.*

The article deals with the peculiarity and the main features of Vsevolod Garshyn's artistic individual world view as an striking example of expressionism in Russian literature, such as: psychologism, an artistic detail, expression formed by metaphors, allegories, comparisons, epithets, hyperboles and litotes.

Key words: *an individual artistic world view; expressionism; psychologism, an artistic detail, expression, tropes.*

Стилистическое исследование художественного произведения, основывающееся на сложившейся под влиянием работ В.В. Виноградова, Г.О. Винокура, Ю.Н. Тынянова, Л.В. Щербы и др. традиции, предполагает содержательный анализ его художественной формы, или системы речевых средств. Еще В.В. Виноградов писал: "...действительность, раскрывающаяся в художественном произведении, воплощена в его речевой оболочке: предметы, лица, действия, называемые и воспроизводимые здесь, внутренне объединены и связаны, поставлены в разнообразные функциональные отношения. Все это сказывается и отражается в способах связи, употребления и динамического взаимодействия слов, выражений и конструкций во внутреннем композиционно-смысловом единстве словесно-художественного произведения. Состав речевых средств в структуре литературного произведения органически связан с его "содержанием" и зависит от характера отношения к нему со стороны автора" [1, с. 91]. Современная лингвистика текста бурно прогрессирует: это исследования по структурно-смысловому анализу текста И.Р. Гальперина, Н.А. Купиной, В.А. Кухаренко и др.; работы, относящиеся к изучению стилистических особенностей текста, В.В. Одинцова, С.Н. Иконникова и др. Многочисленны работы, посвященные описанию художественной речи, выразительно-изобразительных средств языка вообще, а также анализу идиостилей конкретных авторов.

В современной научной литературе утверждается: основной задачей анализа художественной литературы является исследование специфики языковых средств произведения и выяснение закономерностей их использования. Художественный текст, как отмечают лингвисты, обладая всеми особенностями, свойственными тексту вообще, отличается от других текстов прежде всего наличием эстетической и изобразительно-выразительной сторон. Это значит, что художественный текст, являющийся одновременно и статичным, и динамичным образованием, может изучаться в содержательном, формальном, стилистическом и других аспектах.

Методологической основой анализа текста служит представление о неразрывном единстве формы и содержания, об их взаимообусловленности и взаимоотношенности.

Таким образом, исследование художественного текста невозможно без расчленения его на составляющие, без изучения его стилистических особенностей. Однако такое членение будет оправданным, если будет проводиться с учетом разных текстовых уровней (лексического, синтаксического, композиционно-синтаксического), что способствует осмыслению текста как "целостного единства" (В.В. Виноградов).

Всеволод Михайлович Гаршин (1855–1888) – выдающийся русский прозаик, автор двух небольших книжек рассказов. Его творчество изучается прежде всего с литературоведческой стороны (работы П.В. Бекединова, С.Н. Булгакова, Г.А. Бялого, Н.А. Гуськова, А.Н. Латыниной, В.И. Порудоминского и др.), анализом языка произведений писателя плодотворно занимаются О.С. Лепехова, А.Г. Лошаков и др. Однако художественная картина мира В. Гаршина еще не стала предметом отдельного исследования.

Цель статьи – выявить черты художественной картины мира В. Гаршина.

С именем В. Гаршина связан ряд художественных открытий: тематическое и стилистическое обновление жанра аллегории ("Attalea princers", "Красный цветок"), соединение в рамках лирической прозы романтических и реалистических принципов

("Происшествие", "Ночь", "Трус", "Четыре дня"), преодоление натуралистических тенденций в социально-бытовом очерке ("Денщик и офицер", "Из воспоминаний рядового Иванова"), мастерство художественной детали.

В рассказах В. Гаршина созданы красочные картины, настолько эмоциональные и экспрессивные, что читателю кажется, будто он сам присутствует при происходящем, испытывает все чувства и ощущения, которые испытывают герои. Читатель вместе с персонажами переживает боль, страдания, голод, жажду, страх, борется за жизнь и побеждает. Эмоциональное воздействие художественной речи достигается, прежде всего, характером изображения персонажей и картин природы, экспрессивностью повествования, психологической достоверностью.

Напряженный психологизм гаршинской художественной картины мира достигается особой зримостью созданных образов. Так, с помощью нескольких эпитетов писатель смог подчеркнуть и передать весь ужас, который испытал главный герой в течение четырех дней, проведенных на поле битвы: *Какие-то странные звуки доходят до меня... Как будто бы кто-то стонет. ... Боже мой, да ведь это – я сам! Тихие, жалобные стоны; неужели мне в самом деле так больно?.. Дикие, безумные хриплые вопли вырываются из моей груди, и нет на них ответа. Громко разносятся они в ночном воздухе. Всё остальное молчит* [2, с. 5].

Характерно для автора использование метафоры как способа усиления психологизма: *Червяк этот мысль: что, дескать, друг мой, не лжешь ли ты всё это?* [2, с. 18]; *Говоришь горячо, как будто искренне, а в душе всегда сидит червяк, который точит и сосёт* [2, с. 18]; *...в книге вместо букв – валяющиеся ряды людей* [2, с. 34]; *Теперь он почувствовал, что в нём есть и другая сторона, та самая, о которой говорил ему робкий голос его души* [2, с. 96]; *Восторг этот родился в сердце, вырвался из него, хлынул горячей, широкой волной, разлился по всем членам, на мгновенье согрел и оживил закоченевшее несчастное существо* [2, с. 100].

Чувства персонажей, их эмоциональные состояния, мысли, окружающая природа передаются с помощью сравнений: *Кусты шевелятся и шелестят, точно разговаривают* [2, с. 16]; *Что-то острое и быстрое, как молния, пронизывает всё мое тело от кожи к груди и голове, и я снова падаю* [2, с. 5]; *Горло горит, жжёт как огнём* [2, с. 8]; *Его огромный диск... красен, как кровь* [2, с. 14]; *Деревья уже оголились и представлялись какими-то безобразными мертвецами* [2, с. 85].

Развёрнутые сравнения помогают автору выразить всю глубину переживаний персонажей: *...всё лицо точно осветило солнцем, как освещается мокрый и печальный луг, когда раздвинутся тучи, нависшие над ним, и дадут выглянуть солнышку* [2, с. 30].

Природа сопереживает персонажам рассказов Гаршина, участвует в повествовании, отсюда – частотность использования олицетворения: *Он смотрел на них, отличая знакомые созвездия и радуясь тому, что они, как ему казалось, понимают его и сочувствуют ему* [2, с. 180]; *Луна жалобно смотрит на меня круглым лицом* [2, с. 10]; *Маленькая травка следила за борьбой и замирала от волнения* [2, с. 85]. Писатель "одушевляет", "очеловечивает" и живые существа (птиц, животных, насекомых), и растения, и чувства человека. Внимательное, чуткое отношение к окружающему миру, проникновение вглубь человеческой души, художественно выраженное, – это определяющая черта психологизма Всеволода Гаршина.

В гаршинских рассказах встречаются различные (семантические, стилистические, семантико-стилистические) синонимы, которые более точно выражают мысль, её коммуникативную сущность, усиливают психологизм внутренней речи персонажей: *В прошлом нет опоры, потому что всё ложь, всё обман* [2, с. 10]; *Он вспомнил горе и страдание, какое довелось ему видеть в жизни, настоящее житейское горе, перед которым все его мучения в одиночку ничего не значили, и понял, что ему нужно идти туда, в это горе, взять на свою долю часть его, и только тогда в душе его настанет мир* [2, с. 100]. Синонимы несут яркую экспрессивную нагрузку: *– Эта песня безотраднa и уныла, – говорил сам бледный человек, – само время напевает её и, как будто бы назидание мне,*

напеває так удивительно однообразно [2, с. 10]; У Львових *тоска, уныние* [2, с. 44]; *Не верьте Нина Петровна! Всё врет! Выдумывает!* [2, с. 49]; *Завизжала и заскрежетала граната, раздался выстрел* [2, с. 49].

В. Гаршин, опираясь на антонимы, умело пользуется таким стилистическим приёмом, как антитеза: – *Под такт их хода прошла вся жизнь кажущимся разнообразием с горем и радостью, с отчаяньем и восторгом, с ненавистью и любовью* [2, с. 10]; *Он плакал и молился богу в промежутках между проклятиями, обращенными к своему врагу* [2, с. 173]; *Страшно; не могу больше жить за свой собственный страх и счёт; нужно, непременно нужно связать себя с общей жизнью, мучиться и радоваться, ненавидеть и любить не ради своего "я", всё пожирающего и ничего взамен не дающего, а ради общей людям правды, которая есть в мире, что бы я там не кричал, и которая говорит душе, несмотря на все старания заглушить её* [2, с. 100].

Герои гаршинских рассказов часто находятся в состоянии душевного и психического срыва, в стрессовой ситуации (война, болезнь, сумасшествие), переживают состояние душевного катарсиса, духовно и эмоционально очищаются. Эмоциональное и психическое состояние передается предельно достоверно и с психологической, и с художественной стороны с помощью многочисленных лексических повторов: *Думаешь ли ты на самом деле то, что теперь думаешь*; – *Да, тогда думал именно то, что думал; Любил отца и знал, что любишь; Да, тогда все казалось тем, как оно казалось* [2, с. 88]; *"Вот ты умрешь, умрешь, умрешь!" – шепчут они [кусты]... "Не увидишь, не увидишь, не увидишь!" – отвечают кусты с другой стороны* [2, с. 16]; *Думаешь-думаешь, оправдываешься-оправдываешься, а на дне души всё что-то повторяет: виновата, виновата, виновата...* [2, с. 39]; *Василий Петрович ел и думал, думал и ел* [2, с. 55]; – *Колокол! – повторил он. – Зачем колокол?* [2, с. 95].

Лексические повторы используются и в пейзажах (уточняют впечатление от увиденного, подчеркивают детали), и при описании монотонности существования, а также выражают авторское видение мира: *Широкое снежное поле. Белые холмы окружают его, на них белые же, заиндевевшие деревья* [2, с. 48]; *Проходит день, проходит ночь. Всё то же. // Наступает утро. Всё то же. Проходит ещё день* [2, с. 9]; *Это правда. // – Правда! Нашлась правда в такую минуту! // А минута казалась неизбежной* [2, с. 95]

Психологическая точность повествования усиливается и за счёт использования парцелляции, подчеркивающей напряжённость речи персонажей, находящихся в состоянии душевных страданий, размышлений и раздумий: *Поглядите-ка, поглядите, каков сероватый тон! ... Пониже, вон там, под облачком... прелесть! С зеленоватым оттенком* [2, с. 71]; *Пойдут люди в церковь: многим из них станет легче... Впрочем, помню, и мне легче становилось. Мальчиком был тогда* [2, с. 95].

Психологизм в прозе В. Гаршина сочетается с экспрессивностью речевого строя всего повествования, усиливается ею. Следует подчеркнуть, писателя отличает художественно целесообразное выразительное использование языковых единиц в их значениях, звучаниях, формах и конструкциях, актуализация таких экспрессивных средств (образительных, выразительных, лексических), которые воздействуют на психику читателя, создают многоплановость восприятия художественных образов.

Так, особая экспрессивность достигается умелым использованием эпитетов разных типов, их сочетаний:

– оценочных: *Совсем разбитый, одурманенный, я лежал почти в беспамятстве* [2, с. 7]; *...они опутывали его...пропитывали всё тело своим ужасным содержанием* [2, с. 180]; *...И призрачная борьба снова началась* [2, с. 180]; *...и началась долгая борьба, утомительная для нападавших и мучительная для защищающегося человека, тратившего остаток истощённых сил* [2, с. 181]; *Он был страшен* [2, с. 170]; *...а третья – та уж совсем отвратительная, гнусная старуха* [2, с. 18];

Розділ III. Антропоцентрична парадигма: мовна картина світу, мовна особистість

– описательных: ...была **тихая, тёплая и тёмная** ночь; **окно было открыто**; **звёзды блестели на чёрном небе** [2, с. 17]; **Она горит весело и ясно** и дымит с **приятным, немного резким** запахом [2, с. 18];

– характерологических: **Из кустов** **глядит на меня добрые, голубые** глаза Яковлева, **нашего ефрейтора** [2, с. 9]; **Это командует Петр Иванович**, **наш лазаретный офицер, высокий, худой и очень добрый** человек [2, с. 10]; ...**тою же быстрою, тяжёлою и решительною походкою, высоко подняв безумную голову, он вышел из конторы** [2, с. 170]; **Страшно бледный, с ввалившимися щеками, с глубоко ушедшими** **внутрь** **глазных впадин горящими** глазами, он, **уже шатающеюся походкой и часто спотыкаясь, продолжал свою бешеную ходьбу и говорил, говорил без конца** [2, с. 180];

– метафорических: **Звезды ласково мигали лучами, принимавшими до самого его сердца** [2, с. 5]; **Больной чувствовал, что из цветка длинными, похожими на змей, ползучими потоками** **извивается зло...** [2, с. 180];

– цветовых: **Бледно-розовые** **пятна** **заходили вокруг меня** [2, с. 5]; **Несколько звезд смотрело из далекого чистого неба, одна из них была ярче всех и горела красноватым сиянием** [2, с. 17]; ...**звёзды блестели на чёрном небе** [2, с. 181]; **Надо мной – клочок чёрно-синего неба, на котором горит большая звезда и несколько маленьких, вокруг что-то тёмное, высокое** [2, с. 5]; **В этот яркий красный цветок собралось все зло мира** [2, с. 179].

Подчеркнём, что для стиля писателя характерна цветопись – использование в одном контексте нескольких цветовых эпитетов, что создаёт особую образность и придаёт описываемому объекту осязаемую зримость: ...**почерневшая** **Нева. Скоро тронется лед, река будет голубая. Парк на той стороне зазеленеет. Острова также покроются зеленью** [2, с. 27]; ...**Обнажились сперва вершины бугров, зазеленела на них травка. Потом и вся степь зазеленела, хоть в оврагах еще лежал умиравший снег. Быстро...выросли кустики пионов, и на них пышные ярко-пурпуровые цветы** [2, с. 27]; **На десятки вёрст протянулась широкая и дрожащая серебряная полоса лунного света; остальное море было черно; ...ещё более чёрные, чем самое море, силуэты судов покачивались на рейде...** [2, с. 49]; ...**свет их проходил сквозь массу голубоватой воды, кишачую рыбами..., наполненную растениями, резко выделявшимися на неопределённом фоне своими кроваво-красными, бурыми и грязно-зелёными силуэтами** [2, с. 63].

Экспрессивность изображения усиливается посредством использования двойных (тройных) эпитетов, подобранных так, что один компонент уточняет первый: **Эти слова были сказаны громким, резким, звенящим** **голосом** [2, с. 169]; **Воспалённые, широко раскрытые** **глаза** **(он не спал десять суток)** **горели неподвижным горячим** **блеском;... спутанные курчавые** **волосы** **падали гривой на лоб; он быстрыми тяжёлыми шагами** **ходил из угла в угол конторы** [2, с. 170]; **Его отнесли на койку в беспомыслии, которое перешло в глубокий, мёртвый и долгий сон** [2, с. 172]; **Как мне хотелось вцепиться в его скверную смазливую белобрысую рожу!** [2, с. 19].

Активное употребление гипербол, придающее художественной речи особую экспрессию, объясняется тем, что сильное чувство увеличивает то, чем оно вызвано: [о цветке] **Это было таинственное, страшное существо, противоположное богу, Ариман, принявший скромный и невинный вид. Нужно было сорвать его и убить** [2, с. 179]; **Он [труп] совсем расплылся. Мириады червей падают из него. Как они копошатся!** [2, с. 16]; **Двенадцать тысяч... Эта цифра то носится передо мною в виде знаков, то растягивается бесконечной лентой, лежащих рядом трупов. Если их положить плечо с плечом, то составится дорога в восемь верст...** [2, с. 34].

Также свойственна гаршинскому стилю литота, которая заостряет внимание читателя, заставляет его "проникнуться" настроением, состоянием, чувствами персонажей: **Я лежу, кажется, на животе и вижу перед собою только маленький кусочек земли. Несколько травинок муравей, ползущий с одной стороны вниз головою какие-то кусочки сора от прошлогодней травы – вот весь мой мир** [2, с. 6].

Усиливается экспрессивность повествования и за счёт разнообразных перифраз: *"Прощайте, люди! Прощайте, кровожадные, кривляющиеся обезьяны!"* [2, с. 94]; [об оранжерее] *Конечно, многим может показаться раем и эта тюрьма после жалкого существования, которое они вели на воле* [2, с. 82]; [о картине] *я – язва растущая!* [2, с. 74]; *...пока ты пишешь картину – ты художник, творец; написана она – ты торгош* [2, с. 70].

Стремясь привлечь внимание читателя к определённой теме либо к определённой части этой темы, Гаршин прибегает к риторическим вопросам и восклицаниям, которые вводятся не только в авторскую речь, но и во внутренние монологи героев, и в диалогическую речь: – *Послушай, это, наконец, ужасно! Неужели ты говоришь правду? Неужели ты не брезгаешь нечестными средствами для достижения этого комфорта?..* [2, с. 55]; *Скучно, не правда ли?* [2, с. 67]; *Зачем верит? Верить-то мне нужно, необходимо нужно, но как поверить?* [2, с. 68]; *Буду ли я по-прежнему нюхать розу? Или сойду с рельсов?* [2, с. 75]; *Трус я или нет?* [2, с. 34]; *А если это – наши? О проклятые кусты! Зачем вы обросли вокруг меня таким густым забором?* [2, с. 15].

Обилие восклицательных предложений отражает эмоциональные переживания персонажей: восторг, жесточенность, нервное напряжение и т.д.: – *Смотрите, смотрите! – кричали в другой деревне взрослые – вот чудо-то!* [2, с. 254]; – *Да, да, да! – прокричал он вслух, каждый раз злобно надавливая кулаком на край стола, – нужно же как-то выбраться из путаницы* [2, с. 170]; *Ударь их в сердце, лиши их сна, стань перед их глазами призраком!* [2, с. 74]; *А как хороша жизнь!.. Вы, воспоминания, не мучьте меня, оставьте меня! ... Ах, тоска, тоска!* [2, с. 11].

С именем писателя, как было отмечено выше, связано стилистическое обновление жанра аллегории вообще ("Attalea princeps", "Красный цветок"), а также введение аллегорических образов в структуру произведений.

Так, аллегорией зла, ненависти является *красный цветок* в одноименном рассказе: *Цветок в его глазах осуществлял собою все зло; он впитал в себя всю невинно пролитую кровь (оттого он и был так красен), все слёзы, всю жёлчь человечества* [2, с. 179]; аллегорией войны, несчастья, ужаса – *бык: Бык, на глазах которого убивают подобных ему быков, чувствует, вероятно, что-нибудь похожее... Он не понимает, чему его смерть послужит, и только с ужасом смотрит выкатившимися глазами на кровь и ревет отчаянным, надрывающим душу голосом* [2, с.34]. Стремление к свободе, вольнолюбие, любовь к родной земле – *пальма Attalea: Послушайте меня: растите выше и шире, раскидывайтесь ветви, напирайте на рамы и стёкла, наша оранжерейя рассыплется в куски, и мы выйдем на свободу... Я хочу увидеть небо и солнце не сквозь эти решетки и стекла, – и я увижу!"* [2, с. 82-83]. *Оранжерейя* – аллегория тюрьмы, несвободы: *Она [травка] не знала южной природы, но тоже любила воздух и свободу. Оранжерейя и для нее была тюрьмой* [2, с. 83].

Сочетание нескольких тропов и стилистических фигур (аллегии, эпитетов, лексических повторов и др.) способствует выражению в тексте глубоко нравственного содержания – гневного протеста против войны и зла, которое она несёт людям: *Кузьма кажется мне единицею, одной из тех, из которых составляются десятки тысяч, написанные в реляциях. Его болезнью и страданиями я пробую измерить зло, причиняемое войной. Сколько муки и тоски здесь, в одной комнате, на одной постели, в одной груди – и всё это лишь капля в море горя и мук, испытываемых массою людей, которых посылают вперед, ворочают назад и кладут на поля грудами мёртвых и ещё стонущих и копошащихся окровавленных тел* [2, с. 38].

Как свидетельствует, проведённый нами анализ, В. Гаршин с предельной честностью и реалистическим психологизмом создал яркие образы. Автор "Красного цветка", по оценке многих исследователей, обладал человеческим состраданием, "великолепным чутьем боли" (А.П. Чехов). Язык гаршинских произведений, яркий и выразительный, обладает особенными качествами редкой эмоциональности и экспрессивности.

Таким образом, основные черты художественной речи В. Гаршина: метафоризация, аллегория, сравнения и эпитеты, гиперболы и литоты – создают художественную картину мира писателя, отличающуюся психологизмом, вниманием к художественной детали, особой экспрессией, что позволяет определить его творчество в целом как яркий пример экспрессионизма в русской литературе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Виноградов В. В. О языке художественной литературы / Виктор Владимирович Виноградов. – М.: Изд-во АН СССР, 1957. – 358 с.
2. Гаршин В. М. Рассказы / Всеволод Михайлович Гаршин. – Л.: Худож. лит., 1986. – 256 с.

УДК 811.161.1'371

Ирина Герасименко
(Горловка)

ОТРАЖЕНИЕ ФОРМ МЫШЛЕНИЯ В СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ КОЛОРАТИВОВ

У статті розглянуто колоративи, семантика яких відображає форми мислення людини. Йдеться про образні, символічні та кольорові значення в семантичній структурі колоративів, що зумовлені міфологічною та логічною формами мислення людини. Новизна статті – в розгляді компонентів значення колоративів крізь призму форм мислення.

Ключеві слова: колоратив, міфологічне мислення, логічне мислення, структура значення, семантика.

The given article studies the colour terms with the semantics resembling the forms of human thinking. It deals with figurative, symbolic and colour meanings in the semantic structure of colour terms which are conditioned by mythological and logical forms of human thinking. The novelty of the article is in the study of the colour terms meaning components in the light of the forms of thinking.

Key words: colour term, human thinking, logical thinking, meaning structure, semantics.

Ядро лексико-семантической группы колоративов русского языка обладает сложной семантической структурой. Это обусловлено многими факторами, в числе которых динамика развития форм человеческого мышления. Изучению причин, влияющих на структуру значения колоративов, посвящено немало работ (см., например, исследования В. В. Колесова, Н. А. Луценко, Л. Н. Мироновой, Е. В. Рахилиной, С. В. Кезиной, К. Роу и др.). Однако, несмотря на научный интерес к данной проблеме, многие аспекты остаются невыясненными. Цель статьи – рассмотреть компоненты значения колоративов русского языка с учётом теории развития форм мышления, предложенной Э. Кассирером, Леви-Брюлем, А. А. Потебней и др.

Если согласиться с тем, что мышление не только многомерно, но и динамично, то именно динамика развития мышления от первичного мифического (образного, "пра-логического" по Леви-Брюлю) к производному понятийному (логическому) могла вызвать образные, символические и собственно цветовые составляющие семантики колоративов как компонентов свободных и связанных структур.

Мифическая форма мышления отличается от последующих форм тем, что в ней ещё не произошло отделение образа от самой вещи, объективного от субъективного, внутреннего от внешнего. Как считает Э. Кассирер, вещи и явления природы в мифическом мышлении представляются символами, за которыми скрываются действия, умысел и воля сверхъестественных сил. Если следовать этой логике, то наличие профанных, сакральных,

инфернальных и др. смыслов в структуре значения наиболее древних колоративов, синкретизм их семантики связаны с первичной мифической (образной) ментальностью русского народа. Напротив, собственно цветковые значения обусловлены производной понятийной формой мышления русского народа. Рассмотрим их.

Сакральные, имеющие отношение к Божественному, религиозному, небесному, потустороннему и иррациональному, находясь в оппозиции к обыденным представлениям, реализуются в семантике многих колоративов. В их числе слово *белый*. Данный адъектив осмысливается в русской лингвокультуре не только как вербальный знак белого цвета (как и его эквиваленты во многих других языках мира), но и в качестве 'прото-цвета', 'сверх-цвета', 'не-цвета', 'перво-цвета'. Принято считать, что ещё на стадии мифического мышления, т. е. в период формирования первичной языковой структуры и системы значений, за данным колоративом закрепились коннотации начала жизни, начала света (об этом см. работы В. У. Тэрнера, Н. В. Злыдневой, В. Ш. Курмакаевой и др.). В этой связи Н. В. Злыднева пишет: "Выступая одновременно как эквивалент и света, и пустоты, он [колоратив *белый*. – И. Г.] осмысливается как прото-цвет и сверх-цвет" [7, с. 424].

Действительно, в язычестве акт творения или происхождения космоса связывали именно со светом. Свет характеризовался по отношению к источнику (свету светила) и проявлял себя "в рамках языческого космоса" [21, с. 170] (о небесном божестве благоденственного солнечного Белого Света см., например, у Б. А. Рыбакова [19]). Тем самым свет занимал "важное место в языческих верованиях" [14, с. 289]. Позднее, в христианстве, понятие "свет" осмысливалось как условие, первопричина бытия. Слово *свет* понималось вне зависимости от источников и получило сакральное значение. Отметим: "*И сказал Бог: да будет свет. И стал свет. И увидел Бог свет, что он хорош; и отделил Бог свет от тьмы. И назвал Бог свет днём, а тьму ночью*" (Книга Моисея 1: 3-5; цит. по: [1, с. 1]). Лексеме *свет* стали сочетать с прилагательным *белый*, что зафиксировано в русскоязычных описаниях Христа на Фаворе, в отображении его (белых как свет) одежд. Так, в Новом Завете находим: "[...] *одежды же Его сделались белыми как свет*" (От Матфея 17: 2; цит. по: [1, с. 20]). Как следствие, адъектив *белый* стал вербальным знаком "божественной славы, святости" [4, с. 173]. Поэтому слово *белый* использовалось для описания не только цвета одежд Иисуса, но и тех, кому дарована вечная жизнь: "*Впрочем у тебя в Сардисе есть несколько человек, которые не осквернили одежд своих и будут ходить со Мною в белых одеждах, ибо они достойны. Побеждающий облечётся в белые одежды; и не изглажу имени его из книги жизни, и исповедаю имя его пред Отцем Моим и пред Ангелами Его*", – находим в Библии (Откровение 3: 4-5 [1, с. 277]).

В библейских текстах белый цвет, выраженный адъективом *белый*, выступает свидетельством явления божественной энергии. Отсюда с белой лилией в руках, олицетворяющей чистоту и непорочное зачатие, предстал перед девой Марией Архангел Гавриил, в белых одеждах являлись людям и ангелы. Данные случаи свидетельствуют о том, что прилагательное *белый* в таких описаниях выступает "символом богоизбранности" [4, с. 173], реализует смысл 'святой'. Таким актуализатором богоизбранности стал колоратив *белый* и в идиоме *белый царь* 'русский царь'. В данном выражении слово *белый* не надделено спектральным признаком, лексемой *белый* символизируется святость, отмеченность высшими силами. "Народ называет *белым* веру свою, царя и отечество", – замечает В. И. Даль [5, с. 153]; ср. поговорку: *Нет у белого царя вора супротив курянина*. Это значит, что в силу синкретичности русского слова, обусловленного мифической формой мышления, смысл 'святой' у прилагательного *белый* перенесён с божественного на царственное.

Сакральные представления отображены не только в теологических текстах, но и во многих фразеологических (паремиологических). Например: *белый [Божий] свет; Не жилище на белом свете; Не видать света белого; до белого света*. Ср. поговорки: *Не мил и белый свет, когда милого нет; Помрётся, так прощай белый свет – и наша деревня; Без тебя опустел белый свет*. Как видим, в составе русских фразем и поговорок колоратив *белый* сочетается со словом *свет* (ср.: *белый [Божий] свет* – "окружающий мир, земля со всем существующим на ней; жизнь во всех её проявлениях") и понимается как речевой актуализатор цвета божественного света.

Колоратив *красный* в составе фольклорного выражения *красное солнце (солнышко)* также наделён сакральным значением вследствие сакрального поклонения ему (древние славяне "были солнцепоклонниками" [6, с. 105], как, впрочем, и другие народы, которые также "на заре человеческого существования поклонялись солнцу" [3, с. 323]). Поэтому прототипная семантика лексемы *красный* в составе сочетания *красное солнце* могла быть связана не со значениями 'светлый' или 'красивый', а 'нужный', 'полезный'. Ср.: *Когда воссияло солнце красное / На тое ли на небушко на ясное, / Тогда зарождался молодой Вольга, / Молодой Вольга Святославович* [18, с. 221]; *На светлой заре, рано-утренней, / На восходе красного солнышка* [2, с. 275]. Именно поэтому, надо полагать, выражение *красное солнышко* стало использоваться как ласкательное обращение и обрядовое описание-характеристика. Например: *Говорит тут Суханьша, Замантьев сын: "Ты гой еси, батюшко, Владимир – князь Сеславьевич, солнышко красное* [11, с. 66] (ср. паремию *Ты мой свет в окне, ясен месяц, красно солнышко*).

Сакральное включает широкий спектр представлений, относящихся к магии, эзотерике, мистике. Для их вербализации в русской лингвокультуре используется, например, колоратив *зелёный* как компонент фольклорных сочетаний *зелёный сад, зелёный луг, зелёная дубрава* и под. В языке устного народного творчества с помощью синтагм *зелёный сад, зелёный луг, зелёная дубрава* описываются атрибуты места, где происходят сакральные (как и инфернальные) события – различные превращения и волшебства: *Ступай с тестем в зелёный сад; в том саду стоит старый дуб, а в том дубе сидит царь Змиулан – от вас спрятался* [19 (2), с. 136]; [...] *Василиса Премудрая и тотчас обратила коней зелёным лугом, Ивана-царевича старым пастухом, а сама сделалась сминою овечкою* [18, с. 283]; *Ты сходи-ко, сокол милый брат, / Во поля, в луга во чистые, / Во леса-то во дремучие, / Во дубравушки зелёные, / Где сырой бор с ветром спорится, / Там все звери люты водятся* [18, с. 157].

Адъектив *зелёный* в фольклорной речи разных славянских (не только русского) народов регулярно получает определённые негативные коннотации при инфернальных описаниях элементов природы и "пространства, в котором находится нечистая сила и где она властвует" [15, с. 137]. Так, в южнославянском фольклоре в такое пространство изгоняется всё демоническое, поэтому там происходят "мифические события, влекущие за собой изменение положения вещей (например, отделение нечистой силы от человека)" [15, с. 137]. У восточнославянских (русского) народов к числу наделённых инфернальной силой объектов относятся зелёная трава (*отравушка, злодейка*), зелёная роща, зелёная ветка, зелёный пруттик и под. Например: *Я кошу, за мной растёт / Зелёная отравушка* [20, с. 353]; *Не сама ли ты, злодейка / Травка, уродилась, / По зелёному лужочку, / Травка, расстелилась: / Заняла ли ты, злодейка, / В лугу себе местечко* [18, с. 121]; *А Иван-царевич отправился в подводное царство; видит – и там свет такой же, как у нас; и там поля, и луга, и рощи зелёные, и солнышко греет* [18, с. 280]; *Катома-дядька дубовая шапка сломил с дерева зелёную ветку и бросил в колодезь: не успела ветка до воды долететь, как уж вся огнём вспыхнула!* [19 (2), с. 212]; *Ну, ступай же домой; у тебя на дворе есть яблонька, сломил с неё три зелёных прутика, сплети вместе и там, где собачка заперта, ударь ими по замку: замок тотчас разлетится на мелкие части* [19 (2), с. 274]. Как видим, выделенные сочетания вербализуют в русской лингвокультуре атрибуты неизведанных сил.

В свою очередь, профанные (обыденные, повседневные) представления, будучи противопоставленными сакральным и инфернальным, актуализированы в синтагмах *чёрный пёс, седой (седатый) пёс* как 'плохой'. Ср.: *"А собрал ли с крестьян муку?" – "Собрал, собрал, батюшка-барин!" – "Куда же ты её девал?" – "Вам да свиньям пятьдесят четвертей, чёрному псу да твоему родимому отцу сорок четвертей"* [19 (3), с. 131]; – *Ах ты старый пёс, ты седая борода, / И сгубил ты удача добра молодца, / Ещё молода Чурилушку Пленковича!* [13, с. 337]; *Испроговорит грозный царь Иван Васильевич: – Уж ты старая собака седатый пёс* [13, с. 294]. В основе семантики высказываний *чёрный пёс, седой (седатый) пёс* лежит тот лингвокультурный оценочный смысл, которым наделено это домашнее животное. В целом, выражая цветовой признак, слова *чёрный, седой (седатый)* как компоненты указанных сочетаний не просто обозначают окрас этого домашнего животного, а участвуют в передаче отчётливо негативного

смысла, вербализуют профанные представления древних славян. Синкретизм семантики рассматриваемых лексем может объясняться тем, что формирование смыслов у колоративов сопряжено с "нерасчленённостью мышления" [8, с. 35], его образной формой, с развитием номинации в направлении от целого (охватывающего всё окружающее) к частному (В. В. Колесов, Н. А. Луценко, С. В. Кезина, Н. Я. Марр), от "множественности к единству, от чужого или дальнего к себе" [9, с. 329]. Вероятно отсюда и совмещение разных смыслов в семантической структуре данных колоративов, их многозначность.

Профанные представления зафиксированы и в примере *Татьяка с мамкой золотые, / Я – серебряная дочь* [20, с. 35], который вербализует большую значимость золотого. Данная семантика адъективов *золотой, серебряный* восходит к профанному историко-культурному знанию о большей ценности золота, в свою очередь, "ниже по шкале находятся значения, коррелирующие с 'серебряным' (< 'серебро')" [12, с. 239].

Как видим, в русской лингвокультуре функционируют колоративы, которые в определённом окружении выступают как вербальные знаки сакральных, профанных, инфернальных представлений, восходящих к мифической (образной) форме мышления. Между тем "цветовая" семантика колоративов может не осложняться подобными смыслами. Так, собственно спектральные значения колоративов (*белый* как 'белый', *красный* как 'красный', *чёрный* как 'чёрный' и под.) реализуются в примерах типа *Стояла та же тишина, что и днём; за окном, слабо защищённым тонкой белой занавеской [...]* (Л. Андреев); *Когда я в сумерки проходил по дороге, / Заприметил в окошке красный огонёк* (А. Блок); *У второго мальчика, Павлуши, волосы были всклокоченные, чёрные [...]* [(И. Тургенев). Здесь основным значением этих лексем выступает их буквальная ("цветовая") семантика. Наличие только спектральных значений может быть вызвано динамикой мышления – от мифического (образного) к понятийному (логическому). Как пишет Э. Кассирер, при логической ("философской" в трактовке автора) форме мышления вещи рассматриваются сами по себе, согласно их природным законам и свойствам. Возможно поэтому в определённом лексемном окружении колоративы способны реализовывать только сему цвета. Более того, в современных языках (в том числе и в русском) функционируют лексемы, которые никаких, кроме "цветовых", значений не актуализируют (это относится, например, к словам *тёмно-красный, иссиня-чёрный, ярко-жёлтый* и под.). Связь семантики этих и подобных колоративов с формами мышления – предмет нашего дальнейшего рассмотрения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Библия. Книги священного писания Ветхого и Нового завета канонические. – Russian Bible : United Bible Societies, 1992. – 292 с.
2. Былины / [сост., вступ. ст., подгот. текстов и коммент. Селиванова Ф. М.]. – М.: Сов. Россия, 1988. – 576 с.
3. Гмызина Э. Цвет в повседневном обходе средневековой Руси : лингвокультурологический аспект / Э. Гмызина // Повседневность как текст культуры : материалы междунар. научн. конф., 27–29 апреля 2005 г., Киров. – Киров : Изд-во ВятГГУ, 2005. – С. 320–327.
4. Григорук С. И. Концепт белого цвета в русской поэзии серебряного века / С. И. Григорук // Вісник Харківського нац. ун-ту ім. В. Н. Каразіна. – № 631. Філологія. – Вип. 41. – Х., 2004. – С. 172–176.
5. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка : [в 4 т.]. / В. Даль. – М.: Рус. яз.. – Т. 1. – 1981. – 699 с.
6. Дёмин В. Н. Звёздная судьба народов России / В. Н. Дёмин. – М.: Армада-пресс, 2002. – 320 с., илл. – (Истина где-то рядом).
7. Злыднева Н. В. Белый цвет в русской культуре XX века / Н. В. Злыднева // Признаковое пространство культуры / [отв. ред. С. М. Толстая]. – М.: Индрик, 2002. – С. 424–431.
8. Кезина С. В. История цветообозначений в русском языке : учеб.-метод. пособие к спецкурсу / С. В. Кезина / Пензен. гос. пед. ун-т им. В. Г. Белинского. – Пенза, 2000. – 50 с.
9. Марр Н. Я. Яфетидология / Н. Я. Марр ; послесловие В. М. Алпатова. – Жуковский ; М.: Кучково поле, 2002. – 480 с.

10. Миронова Л. Н. Семантика цвета в эволюции психики человека / Л. Н. Миронова // Проблема цвета в психологии; отв. ред. А. А. Митькин, Н. Н. Корж. -М.: Наука, 1993. – С. 172-188.
11. Народная проза / [сост., вступ. ст., подгот. текстов и коммент. Азбелева С. Н.]. – М.: Русская книга, 1992. – 608 с.
12. Николова В. *Золотое* в болгарской свадьбе / В. Николова // Признаковое пространство культуры / Отв. ред. С. М. Толстая. – М.: Индрик, 2002. – С. 238–253.
13. Онежские былины : [в 3-х т.]. / [записанные А. Ф. Гильфердингом]. – Изд. 4-е. – М.–Л.: Изд-во АН СССР. – Т. 1. – 1949. – 735 с. (АН СССР ; Ин-т рус. лит-ры).
14. Потебня А. А. О некоторых символах в славянской народной поэзии / А. А. Потебня // А. А. Потебня. Слово и миф. – М.: Правда, 1989. – С. 285–378.
15. Раденкович Л. Символика цвета в славянских заговорах / Л. Раденкович // Славянский и балканский фольклор. Реконструкция древней славянской духовной культуры : источники и методы / АН СССР ; Ин-т славяноведения и балканистики / Отв. ред. Н. И. Толстой. – М., 1989. – С. 122–148.
16. Рахилина Е. В. О цветном и бесцветном. Когнитивный анализ предметных имен. Семантика и сочетаемость / Е. В. Рахилина. – М., 2000. – 225 с.
17. Роу К. Концепция цвета и цветовой символизм в древнем мире / К. Роу // Психология цвета; сб. пер. с англ. – М.: Рефл-бук, Ваклер, 1996. – С. 76.
18. Русский фольклор / [сост. и примеч. В. Аникина]. – М. : Худож. лит., 1986. – 367 с.
19. Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси / Б. А. Рыбаков / АН СССР ; отд-ние истории. – М.: Наука, 1988. – 775 с.
20. Сказки : [в 3-х кн.]. / [сост., вступ. ст., подгот. текстов и коммент. Круглова Ю. Г.]. – М.: Сов. Россия. – Кн. 2. – 1989. – 576 с.; Кн. 3. – 1989. – 624 с.
21. Частушки / [сост., вступ. ст., подгот. текстов и коммент. Ф. М. Селиванова]. – М.: Сов. Россия, 1990. – 656 с.
22. Шкуркина Ю. А. О концептуализации понятия "свет" в русском языковом сознании (на материале "Шестоднева Иоанна Экзарха Болгарского" XV в.) / Ю. А. Шкуркина // Семантика языковых единиц и категорий в диахронии : сб. науч. тр. / [редкол. : С. С. Ваулина (отв. ред.) и др.]. / Калинингр. гос. ун-т. – Калининград, 2001. – С. 167–173.

УДК 81.053

**Анна Дасько
(Дубна)**

ГУМАНИСТИЧЕСКИЙ АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ЭТИЧЕСКОГО КОМПОНЕНТА КУЛЬТУРЫ

*У статті описаний лінгвоаксіологічний аспект мовного етикету.
Ключові слова: етикетний ордер, етикетні дії, функції етикету.*

*This article describes lingvoaksiologichesky aspect of speech etiquette
Key words: etiquette order, etiquette action, function etiquette*

Нормы морали и нравственности, сформировавшиеся в ходе исторического развития народов, морально-этические нормы поведения в социуме, моральные нормы межличностных отношений в семье, в свободном межличностном являются результатом процесса становления гуманистических отношений.

Совокупность речевых проявлений языковой личности формирует модель речевого поведения. Находясь в человеческом сообществе, желая успешно и эффективно общаться, человек должен знать и уметь реализовать этикетные предписания поведения. Правила речевого поведения или речевой этикет отражает систему гуманистических, моральных, этических ценностей общества и подчиняется этой системе. В речевом этикете находит выражение пафос морально-этических отношений в коммуникации. Пользуясь этикетными

средствами, соблюдая правила межличностного и социального общения, человек тем самым подтверждает, что признаёт и принимает данную систему правил внутри общественных отношений.

Этикет является частью общей культуры человека и представляет личностный ценностно-смысловой образ гуманистических отношений.

Речевое поведение неразрывно связано с речевым этикетом. *Речевой этикет – совокупность принятых обществом правил речевого поведения в соответствующих сферах и ситуациях общения* [СЭСРЯ 2003: 354]. Официальная, неофициальная и узуальная сферы общения – условия этоса определяют и формируют этикетный порядок.

В лингвоаксиологическом аспекте этикет представляет собой систему поведенческих и речевых знаков, призванных в процессе коммуникации выражать отношение уважения/неуважения к личности собеседника и содержанию его речи. Как семиотическая система этикет представляет собой набор стереотипных вербальных и невербальных знаков. Нормативные предписания употребления этих знаков в процессе коммуникации являются основой этикетного поведения в различных речевых ситуациях. Этикетные знаки характеризуются с одной стороны замкнутостью, с другой – системностью использования и взаимосвязанностью. Представляется логичным ввести понятие "этикетный ордер". Определение понятия предлагаем следующее: **этикетный ордер** – *совокупность взаимосвязанных этикетных знаков, выполняющих моделирующую функцию и употребляемых в определённом жанре коммуникативного действия*. Например, этикетный ордер беседы составляет: приветствие, выражение готовности к продолжительной коммуникации, выражение динамики интереса к предмету беседы, благодарность за информацию/пользу/эмоциональную насыщенность/благожелательность/сочувствие и т. д., выражение надежды на дальнейшее общение/сотрудничество, прощание.

Владение этикетным ордером, соблюдение порядка общения отражает этносоциальные особенности, выявляет уровень воспитанности, субъективно-оценочное отношение к окружающим, ценностные приоритеты личности. Человек свободно выбирает тот социокультурный уровень общения, который ему близок и понятен, на котором он чувствует себя равным с другими участниками общения. Снизить собственный уровень общения возможно мгновенно, но для того, чтобы повысить его, требуется длительное время и не каждый индивидуум способен органично принять не свойственные ему с детства, то есть от первичной социальной среды порядок поведения и речевого обхождения в обществе.

Этикет имеет аксиологическое содержание – выражает принципы нравственности, морали, гуманизма. В этикетных высказываниях зафиксированы смысловые значимости, свойственные данной культуре, отражены ключевые ценности жизни человека и его мирного взаимодействия с другими людьми.

Этикетные действия – неотъемлемая часть коммуникации, они пронизывают ткань общения во все периоды взаимодействия – докоммуникативный, коммуникативный, и посткоммуникативный, выполняя значимые смысловые функции. Каждый этикетный элемент – есть знак, информация, которая воспринимается и используется участниками общения. Внешние этикетные поведенческие акты производятся потенциальным участником общения в докоммуникативный период. В зависимости от целей общения и определения приоритетной роли кого-либо из участников общения, внешние этикетные проявления могут носить агрессивный, декларативный или гармонизирующий характер. Этикетные действия и проявления диалогичны по своей природе, а значит имеют гуманистическую константу как источник активизации.

Функции этикета:

сигнификативная – маркирование участников общения и их роли в коммуникации;

фатическая – установление коммуникативного контакта;

ролевая – определение социально-личностных коммуникативных ролей участников общения;

квантификативная – обозначение периодов, этапов коммуникации;

Розділ III. Антропоцентрична парадигма: мовна картина світу, мовна особистість

модальная – определение порядка и характера общения с помощью использования этикетного ордера:

дистантивная – определение и сохранение коммуникативной дистанции при общении.

Сигнификативная функция активизируется в докоммуникативный период, проявляется в активной фазе в коммуникативный период и пассивно действует в посткоммуникативный период в процессе рефлексии участников коммуникации. Благодаря сигнификативной функции в процессе общения, ещё до начала речевых действий происходит взаимоопределение статуса и возможной роли участников общения. Сигнификативная функция этикета реализуется в условиях этоса общения. Одежда, знаки отличия на форме, награды, аксессуары, особенности причёски и макияжа – все эти проявления являются знаками и сигналами к будущему общению. Сигнификативная функция имеет фатическую составляющую. Известное выражение "по одежке встречают" – первое впечатление визуальное, мгновенно формирующее некоторое субъективное отношение, а у неопытного участника общения закрепляющееся в сознании надолго или навсегда – отражает естественную психологическую реакцию на совокупность внешних знаков образа коммуниканта.

Фатическая функция выполняет важнейшую роль установления речевого контакта в процессе общения. Активно использует устойчивые речевые этикетные формулы, позволяющие включаться в общение, максимально снизив субъективное эмоционально-экспрессивное отношение к участникам общения, реализует принцип вежливости и доброжелательности.

Ролевая функция обеспечивает обозначение принимаемых на себя ролей участниками коммуникации. Ролевое этикетное поведение взаимосвязано с психоцианальными ролями коммуникантов. Начальник-подчинённый, старший-младший, учитель-ученик, ведущий-ведомый, мать-дитя, спаситель-жертва, равные сотрудники, откровенные друзья и т. д.

Квантификативная функция регулирует и регламентирует части общения, позволяет уравновешивать участие коммуникантов в объёме высказываний, маркирует продолжительность речевого взаимодействия.

Моделирующая функция обеспечивает соблюдение границ речевого жанра, способствует динамическому у регулированию в процессе общения.

Дистантивная функция определяет и регулирует возможность сближения коммуникантов в соответствии с их социальным и коммуникативным статусом – от наиболее дистанцированной официальной общественной, не включающей личностную составляющую позиции до интимно-фамильярной в неофициальном дружеском общении. Дистантивная функция позволяет регулировать психологическую дистанцию между участниками общения.

Этикетное речевое поведение определяется этическими нормами этнокультуры и общегуманистической моралью. В процессе межличностной и межкультурной коммуникации происходит взаимодействие аксиологических систем, свойственных различным культурам и их отдельным носителям. Это взаимодействие может иметь антагонистический и неантагонистический характер.

Антагонистический характер аксиологических систем проявляется в том случае, когда ценности одной культуры противоречат ценностям другой культуры. Столкновение аксиологических систем выявляет аксиологию целеполагания носителей этих культур. Так прагматические цели часто противоречат идейным целям. Тот, кто работает "не за славу, не за плату" В.Высоцкий, а руководствуясь духовными убеждениями не станет духовно близок человеку для которого основным принципом является формула "деньги не пахнут" и "время – деньги". Цели, подчинённые идее, основанной на вере и любви не будут актуальны для человека с прагматичным мышлением

Актуалізація в свідомості різних аксіологічних систем і ворождебне відношення до "не своїх" цінностей перешкоджає комунікації і єдності людей і, в результаті, призводять до непорозуміння, відкритому протистоянню – великим і малим війнам.

Неантагоністический характер аксіологічних систем проявляється в тому випадку, якщо цінності і напрямлення цілеполагання мають різні складові, але знаходяться в одній площині – матеріально-прагматической, емоційно-душевною або ідейно-духовною.

Етикетне поведіння визначається межами етнолінгвокультурного етикетного порядку в якому закріплена модальність етикетного поведіння, вираження цінності (значимості) відношення людини до людини. В речевому етикеті знаходяться відображення цінності особистості, цінності оточуючого світу, цінності відносин.

Етическіє межі речевого поведіння визначаються двома точками: *хамство* і *хороше виховання*. Хамське поведіння це поведіння людини невихованого, не вміючого поважати гідність і інтереси співрозмовника або людини, який знаходиться поруч. Хамське поведіння, як правило, має і речеве супроводження. Грубе звернення, невважливе висловлювання в адресу ближнього, зменшення його гідності, знижена оцінка його потребностей – все це проявленні хамства. *Homo homini lupus est – людина людині вовк*, ця формула людських взаємовідносин – моральна основа хамства. Слова давньоримського комедіографа Плавта точно визначають антигуманну, хищницьку емоційно-інстинктивну природу хамства. Хамство – відсутність виховання, неуміння стримувати свої емоції, проявленні поведіння на рівні чуттєвих імпульсів. Егоїзм і егоцентризм властиві невихованій людині і породжують агресивне, грубе відношення до людей і світу. Щоб не бути хамом, необхідно навчитися "видіти" і поважати іншого людину, вміти представити себе на його місці, в його положенні, його ролі.

Назва *хамство* походить від імені одного з трьох синів Ной – Хама. Згідно біблійського переказу: "Ной почав вирощувати землю і насадив виноградник; і випив він вина, і оп'янів, і лежав оголеним в шатрі своєму. І побачив Хам, батько Ханаана, наготу батька свого, і вийшов, і сказав двоє братів своїм. Сим же і Іафет взяли одяг і, поклавши її на плечі свої, пішли задом і покрили наготу батька свого; обличчя їх були звернені назад, і вони не побачили наготи батька свого [Быт. 9: 20-23]. Хам побачив батька в наготі – то єсть в уязвимості, слабкості і непотребному вигляді, і не укрити батька, а сказав братів, тим самим висловив слабкість батька на посміхання і порицання. Для Хама батько Ной повинен був залишатися батьком – поважаним і шанованим, в якому вигляді і стані син не зустрів батька. Брати ж Хама Сим і Іафет не поступили, як Хам, а укрити наготу батька, не побачивши її. Хамство завжди прагне принизити іншого в його слабкості, зробити ніщою, зменшити гідність.

Вивчення природи хамства в аксіологіческому аспекті отправною точкою має згадане вище біблійське переказу. Три нематеріальних, ідеальних рівнів діяльності людини обумовлюють його фізическіє комунікативні проявленні. Природа хамства – рухання душі Хама, коли він здійснював свій небажаний поступок. Поступок завжди результат духовних і душевних рухів в людині, обумовлених його духовним вибором (участієм), душевною можливістю і ментальним рішенням.

Хамство діалогічно, воно може бути проявлено тільки по відношенню до іншому. Механізм хамства передбачає умови етосу *Я – Другий* і проявлення в цих умовах активного антагоністического характеру аксіологіческих систем учасників комунікації. Складовими хамства є: бажання возвищитися над іншим, відсутність поваги до *другому*, нетерпимість до слабкостей або відмінностей, агресивність, направленість власних дій на руйнування з метою послабити стан іншого, зменшення і знищення цінності іншого, відсутність любові і співучастності іншому.

Хорошо вихованій людині відрізняється від хама терпимістю до оточуючих, вмінням поважати їх гідність, інтереси і потреби. Виховання формує навички

Розділ III. Антропоцентрична парадигма: мовна картина світу, мовна особистість

речевого поведіння в стереотипних, схожих, подібних ситуаціях. Як правило, стереотипні ситуації не відрізняються тривалістю, короткочасні, швидко змінюються і зникають. В основі виховання речевого поведіння лежить виховання поваги і постійної терпимості до оточуючих. Становлячись учасником короткочасного, випадкового речевого спілкування виховані людина повинна, в першу чергу, оцінити ситуацію з точки зору своєї ролі в ній і ролі інших учасників. Важливо вміти не перевищити свої права і не сприяти пониженьці гідності інших людей, а для цього слід бачити в спілкуванні рівноправного, незлонамисленого людина

Різні речеві ситуації мають певні правила вчення мови, дотримуючись яких, спілкувачі морально не шкодять один одному, а будуть прагнути краще зрозуміти один одного, сформувати довірливі стосунки, засновані на взаємній повазі.

Границі речевого поведіння мають психологічне вираження і пов'язані з проблемами егоцентризму як властивості особистості. В процесі взаємодії спілкувачів сфери їх особистого впливу повинні знаходитися в рівновазі. Хамське поведіння завжди егоцентрично, хам прагне витіснити з поля спілкування інших спілкувачів або підкорити собі їх увагу і психологічну енергію. Постійне хамське поведіння не дозволяє формувати гармонічні стосунки і перешкоджає доброземному спілкуванню. "Ефективному вирішенню питань буття і події частіше всього перешкоджають егоцентричні інтерпретації повідомлень і фактори, обумовлюючі непорозуміння людина людина, недостатнє вміння індивідуальних і колективних суб'єктів співпрацювати, неадекватність психологічного его-стану особистостей" [3, с. : 5].

Рівень культури речевого поведіння визначається трьома складовими: граматичною нормативністю, етичним рівнем і комунікативною ефективністю. Етичний рівень передбачає нижню і верхню відкриті межі. Через нижню межу спілкувач отримує вихід до відкритому агресивному протистоянню, верхня межа відкриває можливості взаємодії і збагачення, об'єднання і співучастності окремих особистостей єдиному цілому.

Етичні особливості поведінки мовлячого і слухача здатні або руйнувати комунікацію, створивши численні перешкоди емоційного і логічного характеру, або стати благоприємною передумовою і супроводженням ефективного комунікації.

В основі правил речевого поведінки лежать загальні правила поведінки людина. В речевому спілкуванні є, як мінімум, два учасники – мовлячий і слухач. Для кожного з них властиві певні особливості речевого поведінки, які повинні бути засновані на вихованні і дотриманні правил поважливого стосунку один до одного. Н. І. Формановська в книзі "Речевий етикет і культура спілкування" [6] сформулювала правила для мовлячого і слухача. Ці правила несуть етичний характер і засновані на гуманістичному стосунку до спілкувача. В речевих взаємодіях мовлячого і слухача проявляються характерні гуманістичні аксіологічні особливості етнокультурного простору. В процесі виховання етичні складові культури мови *homo verbo agens* формуються як на основі етики речевих зразків середовища виховання, так і дидактично. Речова зв'язок забезпечує ідейне і психоемоційне взаємодія спілкувачів.

В процесі спілкування речеве діяння має адресоване, націлене від мовлячого до слухача, і реадресоване, націлене від слухача до мовлячого, рух. В просторово-часовому континуумі першим здійснюється адресоване речеве діяння, маюче цільову націленість, але не включаюче в себе цільову результативність. Результат адресованого діяння виражений в діянні реадресації. Діяння адресації є стимулом до формування і передачі адресатом бажаного адресату об'єкта: матеріального, смислового, емоційного, психологічного, ідейного. Згідно третьому закону механіки, діяння рівно протидіянню; народна мудрість

гласит: "Что посеешь, то и пожнёшь", "Как аукнется, так и откликнется"; Священное Писание учит: "Итак, как хотите, чтобы с вам поступали люди, так поступайте и вы с ними; ибо в этом закон и пророки" [Матф.7: 12]. Эффективное этикетное речевое, предваряющее информативно насыщенное общение, устанавливающее контакт между коммуникантами, обуславливающее благоприятные психо-эмоциональные условия дальнейшего общения, должно быть основано на этих аксиомах.

Этический компонент культуры речи тесно связан с коммуникативным компонентом и в процессе речевого общения неотделим. Общие этические рекомендации ведения речи говорящему касаются не только своевременно, уместного и эффективного использования этикетных формул и выражений, но и его внутреннего психического настроения на эффективное, взаимоблагожелательное ведение речевой коммуникации. "Позиция слушающего выдвигается на первый план в паре "говорящий – слушающий", в речевой коммуникации его позиция приоритетна. Этот приоритет имеет два аспекта: психологический и физиологический" [2, с. 15]. Мы выделим четыре аспекта:

- физиологический – возможность беспрепятственно и без излишнего напряжения слышать произносимую речь;
- эмоционально-психологический – готовность воспринимать речь, внутренняя, душевная расположенность в паре говорящий-слушающий;
- логический – способность воспринимать, понимать и актуализировать смыслы речи;
- нравственно-идейный – общность веры и духовно ориентированной деятельности.

Этический компонент речи касается каждого уровня. При соблюдении этических требований на физиологическом уровне общения, говорящий осознанно занимает в пространстве позицию для эффективного восприятия его речи. Однако существуют ситуации, когда говорящий осознанно размещает слушателя или сам занимает позицию, которая ставит слушателя в невыгодные условия, заставляет его напрягать слух, не позволяет видеть говорящего, получать невербальную информацию, находиться в неудобной позе, вызывающей напряжение и усталость. В таких действиях говорящего проявляется неуважение к слушающему, нежелание относиться к нему как к ценностно-значимому объекту. Распространённая бытовая ситуация: слушающий находится в ванной комнате, шумит вода, а из кухни, расположенной по криволинейной траектории относительно ванной, говорящий высказывает просьбу или задаёт вопрос. Эта просьба или вопрос вызывают у слушающего раздражение не своим содержанием, а тем, что для того, чтобы услышать, необходимо напрячь слух или прервать совершаемое действие и полностью подчиниться воле говорящего. Часто в такой ситуации звучит упрёк со стороны слушающего и общение не только не становится эффективным, но и перерастает в конфликт, а при систематическом повторении ситуации – в отчуждение по причине неуважения друг к другу.

Абсолютная ценность человека, человеческой личности и жизни – основа гуманизма, морали и нравственности. Антропоцентрически ориентированные лингвоаксиологические исследования призваны не только изучить систему ценностей человека и её выражение в языке, но и проанализировать, как определяется значимость и ценность самого человека в разных языковых культурах, выявить как выражено человеческое достоинство в его связи с достоинством других людей родной и чужих культур.

Нравственность речи напрямую связана с целеполаганием и аксиологической ориентированностью участников коммуникации. Стремление к объединению, единству духовному, душевному и ментальному способствует продуктивному общению. Стремление к обособлению, разделению, нанесению эмоционального, психического и материального ущерба ведёт к агрессивному противостоянию. Аксиологическим постулатом плодотворного общения является новозаветное нравственное положение "**Возлюби ближнего своего, как самого себя**", не делай другому то, что не хотел бы, чтобы делали тебе. Этический компонент речи, выраженный в том числе и в этикетной речевой составляющей, касается душевного уровня человека. Доброжелательность – желание добра другому человеку –

основа благоприятного и продуктивного общения, его абсолютная аксиологическая составляющая.

ЛИТЕРАТУРА

1. Библия: Книги Священного писания Ветхого и Нового завета. – Мн.: "Беларусь", 1990. – I – XVI, 1876 с. [8] л.ил.
2. Зарецкая Е.Н. Риторика: Теория и практика речевой коммуникации. – 3-е изд., испр. – М.: Дело, 2001. – 480 с.
3. Пашукова Т. И. Эгоцентризм: феноменология, закономерности формирования и коррекции. – Кировоград: Центрально-Украинское издательство, 2001. – 338 с.
4. СЭСРЯ 2003 – Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М. Н. Кожинной. Члены редколлегии: Е. А. Баженова, М. П. Котюрова, А. П. Сковородников. – М.: Флинта: Наука, 2003. – 696 с.
5. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т.4, – Ящур; 45000 слов / М. Фасмер; пер с нем. И доп. О.Н.Трубачева. – 4-е изд., стер. – М.: Астрель: АСТ. 2007.– 860. [4]с.
6. Формановская Н. И. Речевой этикет и культура общения: Науч._попул.– М.: Высш.шк., 1989
КонсультантПлюс, 1992-2012

УДК 811.161.1'42:82.0Н.Гумилев

Людмила Иванова
(Киев)

ЕВРОПА В ВИДЕНИИ Н. С. ГУМИЛЕВА (ЛИНГВОИМАГОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

У статті пропонуємо лінгвоімагологічний аналіз сприйняття Європи (держави, міста, відомі особистості, люди, національності, водойми, острови, вулкани) видатним російським поетом М. С. Гумільовим.

Ключові слова: *лінгвоімагологія, М. С. Гумільов, Європа.*

The article deals with analysis of the outstanding Russian poet N. Gumilev's perception of Europe (states, cities, personalities, people. Nationalities, water basins, islands, volcanoes) in aspect of linguistic imagology.

Key words: *linguistic imagology, N. Gumilev, Europe.*

В последние годы существенно расширились наши контакты с миром, мы стали больше путешествовать, больше видеть. Нас заинтересовало то, как нас видят и оценивают в других странах, как избежать коммуникативных неудач? Наша наука откликнулась на указанные проблемы созданием этнолингвистики, межкультурной коммуникации, в рамках когнитивной лингвистики сопоставляются концепты в разных языках и культурах (дом, семья, вера, надежда, любовь, ментальность и многие другие). Еще одной отраслью языкознания в этом ряду становится лингвоимагология, изучающая имидж того или иного народа (отсюда термин) в видении другого народа. Имагология сформировалась в недрах сравнительного литературоведения, предмет ее изучения – литературные образы (имиджи) национальных государств, народов [3, с. 7]. В. В. Орехов, один из наиболее плодовитых и перспективных ученых, разрабатывающих имагологию, отмечает: "Интенсивное развитие имагологии приходится на вторую половину XX века. Это закономерно, поскольку, являясь одним из направлений компаративистики, имагология невозможна без учета научных данных в области международных литературных контактов. Реконструкция обобщенного образа страны в инонациональной литературе осуществима только на основании широкого круга сведений о внешних межлитературных связях, начиная с личных знакомств отдельных

авторов и заканчивая обрывочными отзывами в забытых нашим временем инонациональных литературных и публицистических произведениях" [3, с. 12].

Всякое впечатление, образ вербализуется, что дает основания для формирования лингвистической имагологии – лингвоимагологии. Предметом ее изучения должны быть оценки, стереотипы, прецедентные феномены, паремический фонд, паралингвистическая ситуация, варваризмы и семантические процессы. Перечень явно не закончен, поскольку лингвоимагологические исследования только начинаются, и удалось вычленивать пока только перечисленные аспекты анализа. Еще одно важное наблюдение: оценка того или иного народа и страны меняется в зависимости от исторических событий, политической обстановки и многих других факторов. Примером может служить видение Германии и немцев в петровскую эпоху, во время Великой Отечественной войны, в наши дни. Если заняться конкретным исследованием, периодов с разными оценками будет намного больше. Таким образом, в лингвоимагологии очень важен синхронный срез анализа.

Вне всякого сомнения, наибольший интерес представляют зеркальные характеристики: мы глазами французов и Франция и французы в оценке наших соотечественников. Пока таких работ нет, но первым шагом в решении такого рода проблем предлагаем анализ видения выдающимся русским поэтом и страстным путешественником Н. С. Гумилевым Европы.

Материалом для нашего анализа послужил сборник "Стихи. Письма о русской поэзии" (все ссылки даются по данному сборнику с указанием страниц). Как ни странно, наиболее широко в нем представлена Африка (71 упоминание), Европа занимает второе место (44 упоминания), Америка, Азия, Австралия представлены спорадически.

Понятно, что Н. С. Гумилев не дает исчерпывающих характеристик наблюдаемым явлениям, но он репрезентирует позицию носителя элитарной русской культуры, в силу поэтического дара способного увидеть и почувствовать то, мимо чего пройдут другие. Мы отдаем себе отчет в том, что данная работа – лишь камешек смальты в огромной мозаике русского национального мировидения, но он тоже необходим.

Европа в сборнике Н. С. Гумилева представлена следующим образом: (по степени частотности упоминаний): города (14 уп.), выдающиеся личности (8 уп.), страны (7 уп.), люди (4 уп.), водоемы (4 уп.), национальности (3 уп.), острова (2 уп.), вулкан (1 уп.), регион (1 уп.). Рассмотрим их в том же порядке.

1. Города.

За исключением Константинополя, только половина которого находится в Европе, все остальные города итальянские. Прежде всего это Рим (4 уп.). С одной стороны, это "город, как солнце" (в русском языковом сознании оценка абсолютно положительная), с другой стороны – у него звериная сущность, с третьей – святые и грешные папы: "Ромул сказал: "Здесь будет город". "Город, как солнце", – ответил Рем" [2, с. 94]; "Я праздную день мой в веселой столице!" [2, с. 169]; "Не правда ль, ты их любила (волчица Ромула и Рема – Л. И.), как маленьких, встарь, когда Рыча от бранного пыла, Сжигали они города... Волчица, твой город тот же...", "И город цезарей дивных, Святых и великих пап, Он крепок следом призывных, Косматых звериных лап" [2, с. 197]; "Причудливей, чем Рим при грешных папах" [2, с. 340].

Венеция (1 уп.) видится традиционно: волшебство, красота: "Город, как голос наяды, В призрачно-светлом былом, Кружев узорней аркады, Воды застыли стеклом" [2, с. 192].

Сиена, Каррара славны своим мрамором – материалом для прекрасных скульптур. Сиена (1 уп.): "О, янтарный мрамор Сиены!" [2, с. 200]. Каррара (1 уп.): "И молочно-белый (мрамор – Л. И.) Каррары" [2, с. 200].

Сиракузы (2 уп.) известны бронзовыми памятниками и вином: "Сквозь бронзу Сиракуз Глядится надменный облик муз" [2, с. 165]; "Петроний, ты морщишься? Будь я повешен, коль ты недоволен моим сиракузским!" [2, с. 169]. Русский поэт восхищен архитектурой итальянских городов.

Розділ III. Антропоцентрична парадигма: мовна картина світу, мовна особистість

Падуя (1 уп.): *"Да, этот храм и дивен и печален, Он – искушение, радость и гроза"* [2, с. 207], *"Готические башни, словно крылья, Католицизм в лазури распростер!"* [2, с. 208]. Обратим внимание на веротерпимость автора: католицизм, несмотря на традиционно сложные его отношения с православием, никак не оценивается, чего не скажешь о папах.

Генуя (1 уп.): *"В Генуе, в палаццо дождей Есть старинные картины, на которых странно схожи С лебедями бригантины"* [2, с. 217] – приморский город привлекает поэта живописью, связанной с морем.

Болонья (1 уп.) – университетский город, пронизанный наукой, любовью и весельем: *"Нет воды вкуснее, чем в Романье, Нет прекрасней женщин, чем в Болонье, В лунной мгле разносятся признанья, От цветов струится благовонье" ... "И они придут до света С мудрой думой о Юстиниане К темной двери университета, Векового логовища знаний" ... "Старый доктор... Но и он порой волочит ноги По веселым улицам Болоньи"* [2, с. 220].

В Неаполе (1 уп.) прекрасный старинный собор и неизменная грязь: *"Как эмаль, сверкает море, И багряные закаты На готическом соборе, Словно гарпии, крылаты; Но какой античной грязью Полон город"* [2, с. 222]; *"Пахнет рыбой, и лимоном, И духами парижанки!" ... "А за кучею навоза Два косматых старика режут хлеб..."*, *"Где засела малярня С желтым бешеным лицом"* [2, с. 223].

Константинополь (1 уп.) портовый город, хранящий, тем не менее, мусульманские традиции: *"Еще близ порта орали хором Матросы, требуя вина, А над Стамбулом и над Босфором Сверкнула полная луна. Сегодня ночью на дно залива Швырнут неверную жену, Жену, что слишком была красива и походила на луну"* [2, с. 146]. Несоответствие топонимов объясняется тем, что в тексте говорится о Стамбуле, стихотворение же называется "Константинополь".

Таким образом, оценки Н. С. Гумилева во многом традиционны: восхищение искусством, красотой, природой Италии, уважение к ее древним университетам, но в то же время умение подметить сложности. Интересно, что Рим поэт видит сквозь призму мифа о происхождении вечного города: волчица и два младенца – Ромул и Рем. По нашим наблюдениям, оценка характеризует не только оцениваемое, но и в большей мере оценивающего. С этой точки зрения русский поэт предстает человеком внимательным, безусловно талантливым, эрудированным и доброжелательным.

Россию и Италию связывали непростые отношения: итальянские легионы воевали против нашей страны еще в составе войск Наполеона, пятнадцатитысячный сардинский корпус высадился в районе Севастополя во время русско-турецкой войны 1853–1854 гг., итальянские войска были противниками советских войск во время Великой Отечественной войны, в частности, на Украине. Вопреки указанным фактам никакой ненависти и даже неприязни нет. Наши современники, пусть не в такой яркой художественной форме, как Н. С. Гумилев, видят солнечную Италию прекрасной, восхищаясь ее культурой и искусством, хотя грязь в Неаполе стала социальной проблемой этого города.

Учитывая сказанное, очень интересно было бы проследить, как видят нас итальянцы. Думается, текстов, посвященных нашей стране и нашему народу, в Италии значительно меньше, чем у нас, однако проблема актуальна и заслуживает изучения в рамках нарождающейся науки лингвоимагологии.

2. Выдающиеся личности (8).

Среди выдающихся личностей Европы русский поэт видит прежде всего поэтов, художников и скульпторов.

Интересна оценка личности и судьбы Данте Алигьери: *"Жил беспокойный художник, в мире лукавых обличий – Грешник, развратник, безбожник, Но он любил Беатриче. Тайные думы поэта В сердце его прихотливом Стали потоками света, Стали шумящим приливом"* [2, с. 121]; *"Они ликуют, эти звери, А между них, потупя взгляд, Изгнанник бедный Алигьери, Стопой неспешной сходит в ад"* [2, с. 383].

Рабле (1 уп.): *"Ты ли не опытен в пьяном деле, Вечно румяный мэтр Рабле?", ... "Грузный, как бочки вин токайских, мудрость свою прикрой плащом"* [2, с. 137]. Наблюдается отождествление автора и его героев.

В "Письмах" Н. С. Гумилев весьма сочувственно пишет о путешествиях французского литератора Т. Готье: *"Теофиль Готье всюду входил завоевателем и чувствовал себя единственным обитателем страны, где находился в данную минуту. "Я отправился в Константинополь, чтобы быть мусульманином в свое удовольствие; В Грецию – для Парфенона и Фидия, в Россию – для снега, икры и византийского искусства, В Египет – для Нила и Клеопатры, в Неаполь – для Помпейского залива, в Венецию – для Сан Марко и Дворца дождей. Ассимилироваться с нравами и обычаями страны, которую посещаешь – мой принцип; и нет другого средства все видеть и наслаждаться путешествием"* [2, с. 418].

Художники и скульпторы охарактеризованы кратко и точно: *"Пускай велик небесный Рафаэль, любимец бога скал, Буонаротти, Да Винчи, Колдовской вкусивший хмель, Челлини, давший бронзе тайну плоти. Но Рафаэль не греет, а слепит, В Буонаротти страшно совершенство, И хмель да Винчи душу замутит, ту душу, что поверила в блаженство"* [2, с. 194].

3. Страны (7 уп.).

Естественно, чаще всех упоминается Россия (2 уп.). Первое описание импрессионистическое, автор не умиляется, но старые усадьбы ему близки: *"Дома косые двухэтажные, И тут же рига, скотный двор, Где у корыта гуси важные Ведут немолчный разговор...", "В садах настурции и розаны, В прудах зацветших караси, – Усадьбы старые разбросаны По всей таинственной Руси"* [2, с. 193], *"Русь бредит Богом, красным пламенем, Где видно ангелов сквозь дым ... О Русь, волшебница суровая... На полке, рядом с пистолетами, Барон Брамбеус и Руссо"* [2, с. 194]. Мотив таинственности, гуманности символически представлен в следующем тексте: *"Крест над церковью вознесен, Символ власти ясной отеческой, И чудит малиновый звон Речью мудрою, человеческой"* [2, с. 233].

Остальные страны упоминались по одному разу, поэтому представим их в алфавитном порядке.

Византия: *"И Византии строгой речь"* [2, с. 139]; Италия: *"Судьба Италии – в судьбе Ее торжественных поэтов"* [2, с. 226]; Норвегия: *"А вечный снег и синяя, как чаша, Сапфирная, сокровищница льда! Страшна земля, такая же, как наша, но не рождающая никогда"* [2, с. 239] – характеристика акмеистическая.

Франции посвящены пронзительные по искренности стихи. Забыты наполеоновские войны, русско-турецкая война, горечь прежних обид. Это страна высочайшей литературы и культуры, за которую автор готов отдать жизнь. В русле лингвоимагологии хотелось бы определить: готов ли хоть один француз на нечто подобное? *"Франция, ты призрак сна, Ты только образ вечно милый, Ты только слабая жена Народов грубости и силы... Когда примчалась война С железной тучей иноземцев, То ты была покорена И ты была в плену у немцев... Где пел Гюго, где жил Вольтер, Страдал Бодлер, богов товарищ, Там не посмеет изувер плясать на зареве пожарниц... Твоя война – для нас война. Покинь же сумрачные станы – Чтоб песней, звонкой как струна, целить запекшиеся раны. Что значит в битве алость губ? Ты только сказка, отойди же. Лишь через наш холодный труп Пройдут враги, чтоб быть в Париже"* [2, с. 335–336].

Швеция: *"Страна живительной прохлады Лесов и гор гудящих, где Всклопоченные водопады Ревут, как будто быть беде. И неужель твой ветер свежий Вотще нам в уши сладко выл, К Руси славянской печенежьей Вотще твой Рюрик приходил?"* [2, с. 238]. Таким образом, восприятие европейских стран происходит на фоне их истории и культуры. Наиболее близки поэту Россия и Франция.

4. Люди (4 уп.).

Название рубрики нельзя назвать удачным, но ни к выдающимся личностям, ни к национальности их никак не отнесешь.

Розділ III. Антропоцентрична парадигма: мовна картина світу, мовна особистість

Конквистадоры (2 уп.): *"Я конквистадор в панцире железном... И если нет полдневных слов звездам, Тогда я сам мечту свою создам И песней битв любовно зачарую. Я пропасть и бурям вечный брат, Но я вплету в воинственный наряд Звезду долин, лилею голубую"* [2, с. 34]; *"Слышу гул и завыванье призывающих рогов, И я снова конквистадор, покоритель городов"* [2, с. 127]. Автор сочувствует храбрости и мужеству конквистадоров, чувство исторической справедливости его явно подводит.

Флибустьеры, весьма близкие конквистадорам, вызывают противоположное чувство: *"А вы, королевские псы, флибустьеры"* [2, с. 124].

Леди: *"И нежные, задумчивые леди"* [2, с. 155]. Отметим, что люди и национальности Европы автором оцениваются в соответствии со сложившейся традицией.

5. Национальности (3 уп.).

Гунн: *"Свирепый гунн"* [2, с. 147]; татарин: *"Мне чудится (и это не обман): Мой предок был татарин косоглазый"* [2, с. 147]; финн: *"И, волк равнин, подходит финн"* [2, с. 132].

6. Водоемы (4 уп.).

Дважды упоминается Тибр: *"И ласкает быстрый Тибр ступени Гордо розовеющих дворцов"* [2, с. 68]; *"Как веселы в пламенном Тибре галеры!"* [2, с. 169] – характеристика блестящего Рима переносится на реку, на берегах которой он стоит. В стихотворениях, посвященных Гомеру и Беатриче Данте, традиционно и безлико говорится о морях: *"опененный клокочущий Понт"* [2, с. 111]; *"Слишком долго мы были затеряны в безднах, Волны – звери, подняв свой мерцающий горб, Нас крутили и били в объятьях железных и бросали на скалы, где пряталась скорбь"* [2, с. 122].

7. Острова (2 уп.).

Близок сердцу русского поэта только греческий Родос: *"...нежный Родос! Мы идем сквозь туманные годы, Смутно чувствуя вянье роз, У веков, у пространств, у природы Отвоевывать древний Родос!"* [2, с. 152]; *"...милый Родос"* [2, с. 316]. Возможно, Н. С. Гумилева вдохновили крестоносцы, одной из их баз был Родос.

8. Регион (1 уп.): *"Золотой тосканской равнины"* [2, с. 200].

9. Вулканы (1 уп.): *"И, как птица с трубкой в клюве, Поднимает острый гребень, Сладко нежится Везувий, Расплескавшись в сонном небе. Бьются облачные кони, Поднимаясь на зенит, Но, как истый лаццарони, Все дымит он и храпит"* [2, с. 223] – характеристика несколько ироническая, поскольку в итальянском языке "лаццарони" обозначает следующее: 1) участники восстания в Южной Италии против испанского господства в 17 в.; 2) название деклассированных элементов в Италии в 18–19 вв.; 3) перен. Бедняк, нищий [1, с. 315]. Судя по контексту, использовано второе значение.

Таким образом, восприятие Европы у Н. С. Гумилева очень личное и поэтическое. Это взгляд высокообразованного гуманного человека, любящего свою Россию, но готового отдать жизнь за Францию. Он прекрасно знает историю, однако конквистадоры вызывают его симпатию. Возможно, русский поэт немного путешествовал по Европе, поскольку он воспринимает ее прежде всего сквозь призму Италии: ее литературы, искусства, городов, даже природы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Булыко А. Н. Большой словарь иностранных слов. – М.: "Мартин", 2008 – 704 с.
2. Гумилев Н. С. Стихи. Письма о русской поэзии. – М.: "Художественная литература", 1990. – 447 с.
3. Орехов В. В. Миф о России во французской литературе первой половины XIX века. Симферополь: ОАО "Симферопольская городская типография (СГТ)", 2008. – 200 с.

**АНТРОПОНИМНАЯ НОМИНАЦИЯ ПРИАЗОВСКИХ ГРЕКОВ
В ПРОСТРАНСТВЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ**

У статті проаналізовано наслідки впливу російської мовної культури на мовну систему приазовських греків, зокрема на антропонімійну систему, оскільки онімна лексика акумулює матеріальний, культурний, історичний досвід суспільного середовища, в якому вона зароджується і функціонує.

Ключові слова: *антропоніми, антропонімійні моделі, гібридні оніми, псевдосуфікси, апелятиви.*

The article highlights the impact of Russian culture on language system of Priazov Greeks, its anthroponymic system in particular. The author proves that onym vocabulary accumulates material cultural and historic experience of a certain society from where it is originated and functions.

Key words: *anthroponyms, anthroponymic models, hybrid onyms, pseudo suffixes, appellatives.*

Как известно, греки, переселившись из Крыма, компактно проживают в Северном Приазовье уже более 230 лет. Приазовские греки неоднородны в языковом отношении: одни из них говорят на румейском языке (близком к северным диалектам новогреческого языка), другие – на урумском, входящем в тюркскую группу языков. Несмотря на столь резкие, исторически сложившиеся, языковые различия, румеев и урумов объединяет своеобразное чувство этнической и культурной общности, принадлежности к греческому этносу. Важнейшим объединяющим фактором служила и служит греко-православная вера.

Более чем двухсотлетнее пребывание румеев и урумов в Приазовье, восточнославянском окружении, не могло не сказаться на их языках, и прежде всего на словарном составе языков. Изучение лексического и отчасти текстового материала румейских и урумских говором показало, что "заимствования из русского и, в меньшей мере, украинского языков охватывают 10 – 15% румейской и урумской лексики" [7, с. 132]. Активное влияние русского языка на "греческий" обусловлено и экстралингвальными факторами. В частности, в последнее время идет интенсивный процесс языковой ассимиляции как румеев, так и урумов. Родным языком в полной мере владеют представители старшего поколения, причем сфера применения его ограничивается бытовым уровнем. Молодежь же, в основном, перешла на русский язык. Кроме того, развитие науки и техники, культуры, искусства, спорта стремительно вливает заимствования в лексическую систему румеев и урумов, так как их родной язык не справляется с новыми номинационными процессами своими силами. Чтобы придать заимствованиям "свой" языковой статус, они оформляются румейскими, урумскими грамматическими аффиксами, снабжаются специфическими особенностями произношения, новым ударением в соответствии с нормами родной фонетики [7, с. 132- 133].

Языковая ситуация, связанная с греками-румеем и греками-урумом, находит свое отражение в их ономастиконе, в частности в антропонимиконе. Глубокому исследованию топонимов приазовских греков посвящены работы Е.С. Отина, антропонимы являются предметом всестороннего изучения автора данной статьи. Система именования людей в течение веков сохраняет следы древней духовной культуры и в то же время быстро, живо реагирует на изменения внешнего и внутреннего уклада жизни определенной социальной среды. Целью нашей статьи является анализ специфических особенностей национальной антропонимической системы греков, обусловленных явлением межкультурной

Розділ III. Антропоцентрична парадигма: мовна картина світу, мовна особистість

комунікації в полікультурному просторі Приазов'я, і в частині впливом російської мовної культури на формування і динаміку окремих класів антропонімічних одиниць приазовських греків.

Більше всього впливові російської мовної культури піддався клас особистих імен. Динаміка іменника греків з моменту переселення їх в Приазов'я відзначалася послідовною втратою етнічної ідентичності, в результаті чого якісний склад особистих імен корінним чином змінився. За свідченням ревізських сказок 1782 г., 1795 г., 1811 г., 1816 г. іменник греків складався не тільки з імен загальнохристиянської традиції, але і імен чистих грецьких (отапеллятивного походження): чоловічі *Акрить, Аминать, Архондїй, Афендул, Кириязи, Ламбрось, Пефти, Трандафіль, Феохар*; жіночі *Анадоли, Аргирія, Калі, Кирамана, Назу, Парфена, Фотина, Хрисафіна* і др. В склад іменника входили і тюркські за походженням імена: чоловічі *Аслань, Диреди, Каракул, Ойдан, Олмезь, Розбек, Сефер, Тохтамышь, Тохтарь, Чолпань*; жіночі *Кулафа, Султана, Султанбіке, Фурси, Чичака* і др. В різних селах чоловічий і жіночий іменники відрізнялися тільки кількісними параметрами, говорящими про переважність тих або інших імен в кожному конкретному соціумі.

З середини ХІХ в. спостерігається значительний спад в використанні імен тюркського і апллятивного грецького походження. В наше час іменник приазовських греків повністю позбавлений автохтонних, тюркських імен і складається з календарних особистих імен в відповідності з східнослов'янською християнською традицією. Припинив існування як самостійних антропонімічних одиниць, "бывшие" особисті імена зустрічаються в структурі сучасних родин греків: *Пефтиев, Кирязиев, Кирадиев, Челпанов, Ольмезов, Трандафилов, Лефтеров, Акритов* і др. Інтересно відзначити, що носії цих родин (навіть старшого покоління) вже, на жаль, не бачать в них отименого початку.

Надіятися на повернення старих, етнічно позначених імен в іменник приазовських греків, швидше за все, нереально. Один мовний прийом бере початок з іншого мови при умові, що це комунікативно вигідно. При цьому сильніше вплив надає мовна більш розвинута в культурному відношенні, з найбільш широкими соціальними функціями на мову з мінімальними соціальними функціями, якою є і румунська, і урумська мова.

Система родин греків Приазов'я має свої особливості. З одного боку, мовна різноманітність в середі мариупольських греків передвизначила склад родинних словників румунів і урумів. З іншого – у румунів і урумів як єдиного етносу є загальний фонд родинних імен, який складає близько 22%. Оскільки якісний склад родин, самі генетичні типи є загальними для даного етнічного ареалу, специфіка іменований румунів і урумів проявляється саме в ступені продуктивності різних типів в межах місцевого антропонімікона.

Родинні словники румунів і урумів, а також окремих населених пунктів в різній ступені піддалися впливу російської антропонімічної системи. Вряд чи можна погодитися з Ю.К. Редько в тому, що "кожна родина українця є українською родиною, хоча вона може походити з татарської, польської, румунської, угорської або якого-небудь іншого мови" [4, с. 46]. Родинний репертуар греків формувался не тільки на основі власних імен і "грецької" апллятивної лексики. Визначену частину складають і запозичені власне російські родини отапеллятивного походження (*Шаповалов, Зайцев, Резников, Соколов, Качалов, Водопьянов, Малашинский, Коричев* і др.). Вони не мають ніякого відношення до процесу русифікації антропонімів, а є природним наслідком змішаних шлюбів.

Відомо, що родина і ім'я людини звичайно несуть на собі певний етнічний відтінок. Етнічна специфіка антропонімів досить стійка. Тому родини, що містять в своїй структурі урумські суфікси -джи, -чи, -ли, -лу, -сыз, -джа,

-ча осознаются типично "греческими": *Арабаджи, Кечеджи, Куркчи, Халпахчи, Курумли, Куртлу, Хримли, Джансыз, Хулахсиз, Хараджа, Сариджа, Балтача, Танача*.

Межэтнические контакты греков нашли яркое отражение именно в деривационно-морфемной структуре, в форме их фамильных именовании. Отличительной чертой фамильной системы приазовских греков являются "гибридные" фамилии, т.е. фамилии с разноязычными структурными компонентами. Сложившееся уже в Приазовье урумско-/румейско-русское двуязычие привело к русскоязычной адаптации исконно греческих фамилий. Все русскооформленные фамилии греческого населения соответствуют стандартной патронимической модели с суффиксами -ов (-ев), -ин, которые соединяются с основами как онимного, так и апеллятивного типа: *Паниотов, Ставринов, Пейфтиев, Куюков, Сагиров, Узунов, Ясыров, Биатов, Абузов, Айналов, Стреглов, Кирадиев, Ахкозов* и др. В урумском фамильном словаре русскооформленные фамилии составляют 34,5% от общего числа, в румейском – 19%. В урумских населенных пунктах удельный вес этих фамилий колеблется от 92% (Старобешево) и 76,6% (Комар) до 11,4% (Гранитное), в румейских – от 41,5% (Урзуф) до 7,3% (Сартана). Идеальным лексическим материалом для таких "русских" фамилий греков, естественно, служили личные календарные имена, являющиеся общим лексическим фондом для русских и греков-христиан: *Алексеев, Анастасов, Васильев, Давыдов, Ильин, Федоров, Юрьев, Лазарев, Михайлов, Николаев* и др. Число таких фамилий в отдельных населенных пунктах очень высоко (до 40%).

Говоря о фамилиях русского патронимического типа у греков, следует отметить и особенности их создания. При рассмотрении образования собственно русских фамилий, как отмечает Б.О.Унбегаун, "должны получить освещение два момента: 1) образование патронима и 2) превращение патронима в наследственную фамилию" [6, с.8]. По отношению к фамилиям греков эти моменты стираются. Фамилии урумов и румеев созданы по готовому типу согласно канцелярским трафаретам или в результате намеренного переоформления их самими носителями. Будучи патронимическими по происхождению, суффиксы -ов (-ев), -ин являются лишь формальным элементом, вводящим фамилии с любой основой в "русский ряд" и нейтрализующим их этническую особенность. "Фамилии, иноязычные основы которых не вошли в словари русского языка, если они оформлены русскими суффиксами и входят в состав триединого именовании (имя, отчество, фамилия), видимо, также могут считаться русскими" [5, с. 50]. Этому вхождению помогла адаптация застывшего патронимического суффикса -ов/-ев, который "за очень немногим исключением не имел никакой другой функции, кроме функции образования фамилий" [6, с. 18].

Русскооформленные фамилии выступают равноправными коррелятами к первичным, естественным фамилиям-прозвищам греков. Сравните: *Оксюз – Оксюзов, Балабан – Балабанов, Афенка – Афенкин, Джерих – Джерихов, Бояджи – Бояджиев, Долгер – Дюльгеров, Караян – Караянов, Налбат – Налбатов, Демерджи – Демерджиев, Текеджи – Текеджиев* и др.

Особое место в адаптации греческих фамилий в русскоязычной среде занимает псевдосуффиксация. Впервые на псевдосуффиксацию в топонимии обратил внимание Е.С. Отин [3]. Он охарактеризовал ее как "явление, возникающее при освоении славянами иноязычных топонимов, – паронимическое выравнивание их исходных частей с топоформантами системы, которая их заимствовала" [3, с. 41]. Псевдосуффиксы служат тем структурным актуализатором, который включает иноязычный оним в славянский антропонимический тип, делает его "своим среди чужих". Псевдосуффиксы в русифицированных греческих фамилиях появились как аналоги стандартных антропоформантов. Например, корневая морфема исходной урумской или румейской лексемы подвергалась структурной деформации, если имела финаль, созвучную русскому фамильному суффиксу. Так, в антропонимах *Айдин* < айдын "светлый", *Джерин* < джерэн "конь рыжей масти", *Якин* < якын "близкий" элемент -ын, (-эн) был осмыслен как русский патронимический суффикс -ин. При изменении статуса финали, как правило, происходило и перемещение ударения в антропониме, который таким образом еще более удалялся от

апеллятивной основы. Сравните: айдын > *Айдин*, джерэн > *Джерин*, якын > *Якин*. Подробный анализ типов псевдосуффиксальной адаптации антропонимов представлен в одной из наших работ [1].

Греки, наряду с официальной, имеют в быту так называемую "уличную фамилию", наследственное стабильное прозвание, несущее информацию о принадлежности человека к определенному роду [2]. Уличные фамилии – это пласт внутрисельской антропонимии, отличающийся функциональной значимостью в социуме. В повседневном общении для идентификации объекта речи, адресного его именованья, как правило, пользуются, уличными фамилиями, так как их репертуар гораздо богаче словаря официальных фамилий и позволяет четко разграничивать однофамильцев. Уличные фамилии греков восходят к урумским и румейским лексемам, они представляют собой национальный "стерильный" пласт, оставшийся за пределами влияния русскоязычной лексики. Однако и они оказались совершенно не защищенными от сильного влияния стихии русской разговорной речи. Русское население адаптирует уличные фамилии греков к своей семейной системе посредством русских антропоформантов (*Амет – Аметов, Зорум – Зорумов, Холап – Холапов, Кочкар – Кочкаров, Дордур – Дордуоров*). Продуктивным способом русификации уличных фамилий является грамматическое их изменение – оформление неизменяемых урумских лексем русской флексией множ. числа (*Дангалах – Дангалахи, Джалпах – Джалпахи, Шайтанаях – Шайтанаяхи, Колос – Колосы*). Не имеют "русских вариантов" только уличные фамилии с ударным гласным в финали: *Баха, Сома, Язжи, Бузучу, Донску, Сары, Черли, Пефты, Марджа, Чингэнэ, Хара*.

В отличие от родовых прозваний (уличных фамилий), имеющих конечный, замкнутый список, личные (индивидуальные) прозвища являются открытой системой именованья, постоянно пополняемой новыми единицами. Создаются они помимо воли объекта номинации и, как правило, именуют человека в дистантной ситуации, "за глаза", т.е. являются табуированными для самих именуемых. Состав личных прозвищ греков отчетливо являет собой пример межэтнических, связей, межкультурной коммуникации. Они восходят к разноразличному лексическому материалу. Большая часть прозвищ урумов (62%) связана с урумской лексикой. Прозвища румеев базируются на лексике румейского словаря, насыщенного тюркизмами (до 15%). Русские (редко украинские) лексемы лежат в основе почти 40% прозвищных имен урумов и 43% – румеев. Количественное соотношение разноразличных прозвищ отражает не только национальный состав населенных пунктов, а и степень коннотативных возможностей, с точки зрения номинаторов, лексем того или иного языка для создания "ярлыков". Лишь одна группа прозвищ греков не связана с их "национальной" лексикой – прозвища, восходящие к известным фамильным антропонимам, многие из которых уже стали интралингвальными или интерлингвальными коннотонимами. Фамилии реальных людей, литературных персонажей, героев кинофильмов работают в качестве прозвищ благодаря энциклопедическому значению каждого из этих онимов: *Кутузов, Чапаев, Пушкин, Моцарт, Борман, Дантес, Махно, Берия, Шельменко, Сусанин, Жаров, Анискин* и др. Связь носителя прозвища со сравниваемым объектом-лицом не имеет реального характера, но с помощью эпонима создаются стойкие мотиванты, образно указывающие на определенный признак денотата.

Одна из особенностей прозвищной номинации у греков – "гибридные" прозвища. Основа урумской или румейской лексемы оформляется русским суффиксом в соответствии с морфонологическими законами русского словообразования: *Вучка* < вуч + к(а); *Юрушка* < юрух + к(а) (чередование звуков); *Чакушка* < Чаку + ушк(а) (наложение, или аппликация); *Царек* < цари + ек (усечение производящей основы); *Мискачник* < миска + ник.

Итак, антропонимия греков, сформировавшаяся в поликультурном пространстве Приазовья, имеет специфическую лингво-этническую природу, обусловленную двуязычием приазовских греков, взаимодействием с русской антропосистемой. Из именника урумов и румеев исчезли автохтонные греческие и заимствованные тюркские имена. Особенностью фамильного словаря греков является наличие в нем большого числа фамилий-гибридов.

Уличные фамилии остались "греческими" по лексической базе, но их формы оказались во власти сильной стихии русской разговорной речи. Личные прозвища открыты для разноязычных компонентов и на лексическом уровне, и на структурном.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кравченко В.А. Псевдосuffixы в фамильных антропонимах приазовских греков / В.А. Кравченко // Вестник Донецкого университета. Серия Б: Гуманитарные науки. – 2003. – № 1. – С.48 – 51.
2. Кравченко В.А. Уличные фамилии в антропонимиконе приазовских греков / В.А. Кравченко // Розвиток еллінізму в Україні у XVIII – XXI ст.: зб. матеріалів Міжнародної наук.-практич. конференції (21-23 травня 2007р.). – Маріуполь: МДГУ, 2007. – С. 399 – 402.
3. Отін Є.С. До питання про псевдосuffixи в топонімії / Є.С. Отін // Мовознавство. – 1971. – № 4. – С. 41 – 47.
4. Редько Ю.К. Сучасні українські прізвища / Ю.К. Редько. – К.: Наукова думка, 1990. – 215 с.
5. Суперанская А.В. Современные русские фамилии / А.В. Суперанская, А.В. Сулова. – М.: Наука, 1981. – 176 с.
6. Унбегаун Б.О. Русские фамилии / Б.О. Унбегаун / пер. с англ.; общ. ред. Б.А. Успенского. – М.: Прогресс, 1989. – 443 с.
7. Царенко Е.И. Румейско-тюркско-восточнославянское лексическое взаимодействие в условиях Донбасса / Е.И. Царенко // Греки Украины: история и современность: Материалы научно-практической конференции "Греки Украины: поиск и формирование национальной культуры", 9 – 19 февраля 1991г. – Донецк, 1991. – С. 136 – 146.

УДК 811.161.1

Ольга Муравьева
(Киев)

МЕТАФОРИЧЕСКАЯ ЭКСПЛИКАЦИЯ КОНЦЕПТА "ЛЮБОВЬ" В РУССКОЯЗЫЧНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Т.Г. ШЕВЧЕНКО

Стаття присвячена вивченню особливостей метафоричної експлікації концепту "Любов" у російськомовних творах Т.Г. Шевченка. Автор проаналізував характерні особливості метафоричної репрезентації концепту "Любов", які допомагають виявити й описати різноманітні почуття автора, відображені в його творах.

Ключові слова: метафора, метафорична експлікація, концепт "Любов", російськомовні твори Т.Г. Шевченка.

The article is devoted to study of peculiarities of metaphorical explication of "Love" concept in Russian-language works of T.G. Shevchenko. The author conducted analysis of characteristic features of metaphorical representation of "Love" concept, which assist in creating the figural expression of the extent of feelings, which T.G. Shevchenko tried to embody in his works.

Key words: a metaphor, metaphoric explication, "Love" concept, Russian-language works of T.G. Shevchenko.

Особое место в формировании представления чувства любви, его своеобразия, ментальной и национальной характеристики в русской языковой картине мира XIX в. во многом определяется творчеством Т.Г. Шевченко. В русскоязычных произведениях Т.Г. Шевченко широко представлена идея любви как универсальной категории человеческой сущности. Одним из средств, определяющих индивидуальность стиля Т.Г. Шевченко, является метафора, которую мы рассматриваем основным лингвостилистическим средством создания и вербализации концепта "Любовь" в поэзии и прозе Т.Г. Шевченко. На сегодняшний день существует множество описаний различных аспектов языковых

особенностей произведений Т.Г. Шевченко, в частности описаний функционирования метафор.

Целью данной статьи является описание особенностей метафорической экспликации концепта "Любовь" в русскоязычных произведениях Т.Г. Шевченко.

Метафора как особое языковое явление привлекала внимание не только лингвистов, но и философов, логиков, психологов. Не вдаваясь в последовательное описание истории изучения метафоры, назовём лишь работы учёных, заложивших теоретическую базу современных исследований метафоры в лингвистике.

Теоретическим аспектам метафоризации посвящены работы многих ученых. Так, Н.Д. Арутюнова рассматривает основные типы лексических значений, обусловленных логико-коммуникативной функцией слова, на основе анализа предложений, содержащих тропы (сравнения, метафора, метонимия) и их взаимодействие в тексте [2, с. 367-370]. Э.В. Будаев исследует метафоры египетского политического дискурса в их взаимосвязи с семиотикой арабской культуры и текущей политической ситуацией, основываясь на работах Дж. Лакоффа, П. Друлака, Н. Чабана о рациональных, художественных и вторичных метафорах, персонификации [3]. А.П. Чудинов исследует метафоры и их функциональную роль в политической коммуникации, а также выделяет метафорические модели [26]. В.Н. Телия исследует природу метафоры и закономерности ее функционирования в научных и художественных текстах, выделяет типы метафоризации, проводит анализ описания единиц фразеологического состава языка – денотативный, коннотативный аспекты и их значения – оценочного, образно мотивирующего, эмоционального и стилистического [21, 23]. Г.Н. Складарская рассматривает языковую метафору как категорию лексикологии и лексикографии, не забыв и о художественной метафоре и ее реализации в тексте [19].

К определению метафоры обращались многие исследователи. В то же время и сегодня еще нет единой общепринятой дефиниции. Наиболее популярным среди украинских лингвистов есть определение, предложенное Е.А. Селивановой, которая называет метафору "самым продуктивным способом обогащения языка, проявлением языковой экономии, семиотической закономерностью, которая проявляется с помощью использования знаков одной концептуальной сферы при обозначении другой, похожей с первой в каком-либо взаимоотношении. Исследователи считали метафору тропом художественной речи и определяли ее заместителем понятия, переносом по схожести" [31, с. 326-327]. В.Г. Гак и В.Н. Телия дают следующее определение метафоры: "Метафора – универсальное явление в языке. Ее универсальность проявляется в пространстве и во времени, в структуре языка и в функционировании. Она присуща всем языкам и во все эпохи; она охватывает разные аспекты языка и обнаруживается во всех его функциональных разновидностях" [6, с. 11]. Н.Д. Арутюнова сравнивает метафору с "постоянным рассадником аналогичного в языке – позволяет сравнивать несопоставимое – элементы разной природы – конкретное и абстрактное, время и пространство" [2, с. 367-370]. В.Н. Телия считает метафору "интеракцией двух систем признаков, в результате которой порождается новый информационный объект, участвовавший в номинативно-семиотическом процессе. Метафора создает психологическое напряжение, т.е. вызывает эмоциональное восприятие, "снятое" в форме чувств-переживаний" [23]. А. Вежбицкая сравнивает метафору с "сокращенным сравнением" [28, с. 127-147].

На основе вышеуказанных определений мы выделяем в метафоре такие общие признаки, как ассоциативную схожесть (на основе ассоциаций и признаков). Из данного определения следует, что процесс метафоризации предусматривает взаимодействие языковых и ментальных структур на основе подобия и ассоциативных связей между объектами разных классов.

Поскольку метафора выступает универсальным способом познания и категоризации окружающего мира, она является одним из наиболее значимых и продуктивных средств вербализации действительности. Во-первых, метафора представляет собой инструмент мышления и познания действительности, во-вторых, в метафоре отражаются наиболее

значимые культурные ценности, которые находят свое выражение в языке. Метафора как феномен сознания проявляется не только в языке, но и в мышлении, и в действии. "Наша обыденная понятийная система, в рамках которой мы думаем и действуем, по сути своей метафорична" [17, с. 135].

Изучение метафоры как феномена взаимодействия языка, мышления и культуры находим в работах многих ученых. Так, Э.В. Будаев исследовал метафору как ментальную операцию, способ познания окружающей действительности, категоризации, концептуализации, оценки и объяснения мира [4, с. 16-32]. Т.А. Липская посвятила свою работу научным аспектам метафоры и специфике ее понимания в философии, лингвистике и психологии [12, с. 691-695]. Н.В. Маргелис исследует способы репрезентации метафоры в поэтическом и философском дискурсах с целью выявления ее потенциала в трансляции языка (сознания) как категоризации мира [13, с. 99-106]. В. Маслова рассматривает метафору как способ представления культуры [14].

Работы многих ученых посвящены проблеме метафорического моделирования. Одними из первых к изучению и описанию метафорических моделей обратились американские лингвисты. Так, Дж. Лакофф рассматривает роль метафоры в современном обществе, принципы построения метафорической модели, основные виды метафор и информации, которая содержится в них [11]. Большинство последующих работ опирается на предложенные модели Дж.Лакоффа и М.Джонсона, творчески переосмысляя их. К примеру, Н.П. Тропина, основываясь на принципах моделирования метафор, исследует явления деривации и номинации [24]. Ю.В. Кравцова, систематизировав основные принципы и механизмы метафорического моделирования, описывает параметры метафорической модели, представляет разработанные методики построения метафорических моделей и устанавливает метафорические концепты русской поэзии и прозы первой половины 20 века [9]. Исследовательница также предлагает методику семантико-когнитивного анализа метафоры языка. В рамках семантико-когнитивного подхода автор реализует идею комплексного рассмотрения метафоры как явления языка и мышления, компонента метафорической картины мира и метафорической концептосферы этноса [10, с. 180-184].

З.И. Резанова, Д.А. Катунин, Н.А. Мишанкина обосновывают систему теоретических и методологических установок анализа метафорического фрагмента языковой картины мира: совмещение приемов анализа языка и речи, языка в его синхронном и диахронном состоянии, в его внутренней и внешней обусловленности (процессами когниции, социальными и культурными факторами). С заявленных теоретико-методологических позиций авторы анализируют метафорические фрагменты концептов "время" и "звук" [18, с. 120-137]. Н.А. Мишанкина рассматривает процессы метафорического моделирования лингвистического научного дискурса, и анализирует модели, функционирующие на различных уровнях: текстовом, парадигмальном, дискурсивном [16, с. 41-49]. В.В. Викулова исследует и описывает основные аспекты метафорического моделирования смеховой ситуации в русском языке, а также представляет базовые метафорические модели, показывает картину метафорической интерпретации стихийности состояния смеющегося человека [5, с. 113 – 117] и др.

Аналізу стилістического своеобрази́я текстов Т.Г. Шевченко посвящені роботи ряду учених. Так, Т.В. Деркач рассматривает основные функции метафор, метафорическую символику и специфику метафорических конструкций [7, с. 20-22]. Л.И. Мацько [15, с. 2-8] исследует особенности использования Т.Г. Шевченко пассивных деепричастий, а также выразительные особенности синтаксиса его поэзий. И.К. Белодед [20] посвятил свои работы стилістическим приемам в украинском языке. Т.К. Чертори́жская исследует роль Т.Г. Шевченко в народной украинской культуре, украинском языке и литературе, раскрывает способы расширения семантики и границ стилістического употребления слова Т.Г. Шевченко [25, с. 99-114]. Целью этой статьи является анализ специфики метафорической экспликации концепта "Любовь" в русскоязычной повести Т.Г. Шевченко "Прогулка с удовольствием и не без морали".

Розділ III. Антропоцентрична парадигма: мовна картина світу, мовна особистість

Все метафорические номинации языка, по мнению многих современных исследователей, образуют метафорическую картину мира и одновременно выступают языковыми репрезентантами тех или иных метафорических концептов, в которых заключены существенные для данного лингвокультурного сообщества образные представления, определяющие особенности его национального мышления [см., напр.: 1, с. 5-32; 10, с. 45-51, 180-184; 27, с. 15-19].

Проведенный нами анализ стихотворных и прозаических текстов Т.Г. Шевченко показал, что метафоричность как признак идиостиля является неотъемлемой чертой авторской манеры украинского Кобзаря. Используемые Т.Г. Шевченко метафоры на протяжении всего его поэтического творчества образуют метафорическую картину мира. Для анализа метафорической картины мира Т.Г. Шевченко мы использовали структурное моделирование метафор, предложенное Ю.В. Кравцовой [9].

Основой метафорической картины мира Т.Г. Шевченко являются мегасферы "Человек", "Социум", "Артефакт", "Растительный мир", "Животный мир", "Неорганический мир", которые выступают в качестве источников и целей метафоризации в следующих мегамоделях: "Человек – Человек", "Человек – Артефакт", "Человек – Растительный мир", "Человек – Животный мир", "Человек – Неорганический мир", "Человек – Социум", где ведущее место занимает мегасфера "Человек".

Рассмотрим метафорическую мегамодель "Человек – Человек" в шевченковской прозе и поэзии на примере модели и субмодели: "Физиологические свойства человека – душевные свойства человека" (модель); "человеческий орган (сердце) – любимый человек" (субмодель). Мы считаем, что данная модель наиболее полно способна раскрыть метафорическую мегамодель "Человек – Человек", поскольку в центре аспектуализации данной модели присутствует оценочное противопоставление внутреннего органа тела (способность проявлять душевные свойства) человеку. Семантическая характеристика "внутренний орган" проявляется в душевных характеристиках, эмоциональности, моральности и др. Проанализируем актуализацию данной модели в повести "Прогулка с удовольствием и не без морали": "Хозяйка взглянула вокруг и, увидя меня, бросилась ко мне, обхватила руками мою преступную голову и принялась целовать, восторженно приговаривая: "Серце мое! Дружино моя!" И я почувствовал ее теплую слезу у себя на лице. "Ты приходил посмотреть на мою свадьбу, на мою радость?" Тут я догадался, в чем дело: она приняла меня за своего мужа" [29, с. 615].

Душевные переживания и волнения человека, по медико-биологическим и психологическим данным, выражаются прежде всего при помощи сердца. Именно с этим человеческим органом связывают украинцы, как и другие этносы, свои представления о душе, чувстве, жизни в целом: "сердце – символизирует жизнь...чувства, в общем; оно способно чувствовать; сердце символизирует любовь; символ доброты, милосердия" [30, с. 536]. Согласно определению С.И. Ожегова "сердце – перен. орган как символ души, переживаний, чувств, настроений; перен. важнейшее место чего-н., средоточие [32].

Героиня радуется, думая, что встретила своего мужа. Она его любит, поэтому и называет "серце". Таким образом она подчеркивает, что "муж" – самый близкий и незаменимый человек в ее жизни. Она ему бесконечно предана, с ним связана ее жизнь. Муж является для нее центром переживаний, волнений. Можно предположить, что героиня ценит своего мужа, бережет его. Он для нее очень дорог. Это подтверждается выявлением других положительных эмоциональных действий, которые служат проявлением любви, как например "бросилась ко мне", "обхватила руками мою преступную голову", "принялась целовать". Радость и волнение героини говорят о том, что она очень ждала мужа. Ее плач свидетельствует о сильном душевном волнении, вызванном встречей с человеком, которого она приняла за мужа. Показательно то, что Т.Г. Шевченко использует украинский вариант написания слова "серце" вместо "сердце". Возможно, это связано с тем, что для автора слово "серце" звучит более мягко в украинском языке и в большей степени ассоциируется с добром, чувствительностью, нежностью, лаской и в целом ласковым обращением к

человеку, чем непосредственно с органом тела человека. Из примера следует, что для Шевченко любовь – это радость, преданность, принадлежность один другому.

Таким образом, особенности авторского восприятия мира нашли свое отражение в его моделировании с помощью метафор, модели которых основаны на универсальных стереотипах, частично совпадающих с этническими. Концепт "Любовь" в индивидуальной картине мира Т.Г.Шевченко вербализован прежде всего с помощью метафор. В проанализированном тексте концепт представлен реализацией мегамодели "Человек – Человек", актуализированной с помощью модели "Физиологические свойства человека – душевные свойства человека" (модель) и субмодели "человеческий орган (сердце) – любимый человек". Дальнейшее изучение метафор в творчестве Т.Г.Шевченко будет способствовать выявлению и анализу в его творчестве и других метафорических мегамоделей как одного из способов вербализации концепта.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры. – М., 1990. – С. 5-32.
2. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – М., 1998. – 896 с.
3. Будаев Э.В. Зарубежная политическая лингвистика: учеб. пособие // Э.В. Будаев, А.П. Чудинов. – М.: Флинта: Наука, 2008. – 352 с.
4. Будаев Э.В. Становление когнитивной теории метафоры // Лингвокультурология. – Вып. 1. – Екатеринбург, 2007. – С. 16-32.
5. Викулова В.В. Метафорическое моделирование смеховой ситуации в русском языке (на примере интерпретации признака стихийности // Вестник СамГУ, № 3(77), 2010. – С.113-117.
6. Гак В.Г., Телия В.Н. Метафора в языке и тексте. – М.: Наука, 1988. – 176 с. – С.11.
7. Деркач Т.В. Метафора в образній системі поезії Тараса Шевченка // Культура народов Причерноморья. – 2004. – № 47. – С. 20-22.
8. Дзюба И.М. "Кавказ" Тараса Шевченко на фоне переходящего прошлого // Политическая концептология. – 2012. – № 2. – С. 89-91.
9. Кравцова Ю.В. Метафорическое моделирование мира: поэзия и проза. – К.: Изд-во НПУ им. М.П. Драгоманова, 2011. – 360 с.
10. Кравцова Ю.В. Семантико-когнитивный анализ метафорики языка: От метафорической картины мира к метафорической концептосфере // Вісник Дніпропетровського університету. Серія "Мовознавство". – 2011. – Вип. 17. т. 2. – С. 45-51, 180-184.
11. Лакофф Джордж, Джонсон Марк. Метафоры, которыми мы живем: Пер. с английского // Под ред. и с предисл. А.Н. Баранова. изд. 2-е. – М.: Издательство ЛКИ, 2008. – 256 с.
12. Липская Т.А. Возможности метафоры как психологического метода // "Педагогика и психология", "Философия и искусствоведение", № 3(5), 2009. – С.691-695.
13. Маргелис Н.В. Метафора как концептуальная поэзия бытия // Философия. Политология, № 91(93), 2009. – С.99-106.
14. Маслова В. Лингвокультурология: Учебное пособие для студентов высших учебных заведений – М.: Издательский центр "Академия". – 2001. – 208 с.
15. Мацько Л.І. "Знать от Бога і голос той, і ті слова..."//Дивослово. – 2004. – № 3. – С. 2-8.
16. Мишанкина Н.А. Метафорические модели лингвистического дискурса // Вестник ТГУ. Серия "Филология". № 324, июль 2009. – С. 41-49.
17. Приказчикова Е.В. Метафора как средство понимания текста // Вестник Московского государственного областного университета серия "ЛИНГВИСТИКА". – 2009. – № 2. – С.134-139.
18. Резанова З.И., Катунин Д.А., Мишанкина Н.А. Метафорическое моделирование в языковой картине мира (к обоснованию методов исследования) // Языковая ситуация в России начала XXI века. Мат-лы между нар. науч. конф. Кемерово, 2002. Т.2. – С. 120-137.
19. Складарская Г.Н. Языковая метафора в толковом словаре. Проблемы семантики (на материале русского языка), ч. 1 и 2. – М. – 1988. – 110 с.
20. Сучасна українська літературна мова: Лексика і фразеологія // За ред. І.К. Білодіда. – К.: Наукова думка, 1973. – 440 с.
21. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Школа "Языки русской культуры", 1996. – 288 с.

Розділ III. Антропоцентрична парадигма: мовна картина світу, мовна особистість

22. Телия В.Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. – М., 1988
23. Телия В.Н. Метафора в языке и тексте. – М.: Наука, 1988. – 176 с.
24. Тропина Н.П. Семантическая деривация: мультипарадигмальное исследование (монография). – Херсон: Изд. ХГУ, 2003. – 336 с.
25. Черторизька Т.К. Про деякі засоби розширення семантики і меж стилістичного вживання слова у Шевченка // Джерела мовної майстерності Т.Г. Шевченка. – К., 1964. – С. 99-114.
26. Чудинов А.П. Политическая лингвистика: учебное пособие // А.П. Чудинов. – М.: Флинта: Наука, 2006. – 256 с.
27. Шамаева Ю.Ю. Синестезия и метафора как лингвокогнитивная экология концептов эмоций // Вісник ХНУ № 848, 2009. – С. 15-19.
28. Wierzbicka A. Porownanie – gradacja – metafora. – "Pamiętnik literacki", LXII, 1971, #4, s. 127-147.

СПИСОК ИЛЛЮСТРИРОВАННОГО МАТЕРИАЛА

29. Шевченко Т. Усі твори в одному томі. – К.; Ірпінь: ВТФ "Перун", 2009. – 824 с.

СПИСОК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

30. Жайворонок В.В. Знаки української етнокультури: Словник – довідник. – К.: Довіра, 2006. – 703 с.
31. Селіванова О. Сучасна лінгвістика: термінологічна енциклопедія. – Полтава: Довкілля. – К., 2006. – 716 с. – С.326-327.

ЭЛЕКТРОННЫЕ РЕСУРСЫ

32. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. Режим доступа: <http://ozhegov.info/slovar>

УДК 811.161.1-119(045)

**Елена Ситникова
(Киев)**

ВНУТРЕННИЙ ЛЕКСИКОН ЧЕЛОВЕКА С ПОЗИЦИЙ ТЕОРИИ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

У статті розглянуто внутрішній лексикон людини з позицій теорії мовної особистості. Для вивчення національно-культурної специфіки внутрішнього лексикону представників російської етнолінгвокультури в гетерогенному мовному оточенні було підготовлено експериментальну основу. Слова-стимули організовано за трьома групами мовних маркерів національно-культурної свідомості, які виділяє І.В. Привалова.

Ключові слова: внутрішній лексикон людини, асоціативно-вербальна мережа, вільний асоціативний експеримент, мовні маркери національно-культурної свідомості.

This article considers the inside lexicon of a person according to the theory of linguistic identity. To study national and cultural specifics of the inside lexicon of representatives of Russian ethnic and lingual culture in a heterogeneous environment an experimental basis was prepared. The stimulus words are divided into three groups of language markers of national and cultural consciousness that were pointed out by I.V. Privalova.

Key words: inside lexicon of a person, associative-verbal network, free association experiment, language markers of national and cultural consciousness.

В конце XX в., по словам Ю.Н. Караулова, языкознание незаметно для себя вступило в новую полосу своего развития, полосу подавляющего интереса к языковой личности. "В значительном числе публикуемых работ, посвященных традиционным как будто вопросам

изучения тех или иных фрагментов языкового строя, эти традиционные вопросы рассматриваются с новых позиций: они включаются в течение речемыслительных процессов, окрашиваются прагматическими тонами, приобретают динамическую составляющую под знаком трактовки языка как деятельности, получают функциональное освещение, которое в конечном итоге делается в интересах познания языковой личности" [6, с. 24-25].

Термин "языковая личность", как известно, принадлежит В.В. Виноградову, который еще в первой половине прошлого столетия акцентировал внимание на взаимосвязи изучения языка и личности [2].

Достаточно полное определение понятия языковой личности представлено в работе Г.И. Богина "Модель языковой личности и ее отношение к разновидностям текста", где под языковой личностью понимается "человек, рассматриваемый с точки зрения его готовности производить речевые поступки, создавать и принимать произведения речи, так как человек, как носитель речи, обладает способностью к использованию языковой системы в целом" [1, с. 1].

Создателем современной теории языковой личности является Ю.Н. Караулов. На разработанной ученым теории основывается определение внутреннего лексикона человека.

Согласно Ю.Н. Караулову, языковая личность – это "совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений, которые различаются степенью структурно-языковой сложности, глубиной и точностью отражения действительности, определенной целевой направленностью" [6, с. 3].

Структурная модель языковой личности складывается из трех уровней:

1) вербально-семантического, или лексикона личности, включающего также все грамматические знания личности;

2) лингво-когнитивного, или тезауруса личности, в котором отражается более или менее систематизированная "структура мира";

3) мотивационного уровня, или уровня деятельно-коммуникативных потребностей, который отражает прагматикон личности, то есть систему ее целей, мотивов, интересов и установок [6, с. 238].

Каждому уровню свойственны специфические типовые элементы, такие как единицы уровня, отношения между этими уровнями, наличие стереотипных своеобразных объединений, присущих каждому уровню.

На вербально-семантическом уровне в качестве единиц выступают отдельные слова, отношения между ними охватывают все разнообразие их грамматико-парадигматических, семантико-синтаксических и ассоциативных связей, совокупность которых суммируется единой "ассоциативно-вербальной сетью", а стереотипами являются наиболее ходовые, стандартные словосочетания, простые формульные предложения и фразы типа *ехать на троллейбусе, пойти в кино, купить хлеба*, которые выступают как своеобразные "паттерны" и клише.

На лингво-когнитивном уровне в качестве единиц следует рассматривать обобщенные понятия, крупные концепты, идеи, выразителями которых оказываются те же слова вербально-семантического уровня, но облеченные теперь дескрипторным статусом. Отношения между этими единицами тоже принципиально меняются и выстраиваются в упорядоченную, достаточно строгую иерархическую систему, в какой-то степени отражающую структуру мира, и известным аналогом этой системы может служить обыкновенный тезаурус. В качестве стереотипов на этом уровне выступают устойчивые стандартные связи между дескрипторами, находящие выражение в генерализованных высказываниях, дефинициях, афоризмах, крылатых выражениях, пословицах и поговорках, из всего богатства и многообразия которых каждая языковая личность выбирает, "присваивает" именно те, которые соответствуют устойчивым связям между понятиями в ее тезаурусе и выражают тем самым незыблемые для нее истины.

Единицами мотивационного уровня являются коммуникативно-деятельностные потребности личности (необходимость высказаться, стремление воздействовать на

Розділ III. Антропоцентрична парадигма: мовна картина світу, мовна особистість

реципієнта письмєнным текстом, потреба в додатковій аргументації, жєлєние получити інформацію и т.п.), отношения между которыми задаются условиями сферы общения, особенностями коммуникативной ситуации и исполняемых общающимися коммуникативных ролей. В качестве стереотипов на данном уровне выступают символы, образы, знаки повторяющегося, стандартного для данной культуры, прецедентного, то есть существующего в межпоколенной передаче текста – сказки, мифа или былины, легенды, притчи, анекдота и классических текстов письменной традиции памятников, произведений классической художественной литературы и других видов искусства (архитектуры, скульптуры, живописи). Причем языковой способ выражения символа прецедентного текста совпадает со способами выражения стереотипов других уровней: это может быть цитата, ставшая крылатым выражением, имя собственное, служащее не только обозначением художественного образа, но актуализирующее у адресата и все коннотации, связанные с соответствующим прецедентным текстом и т.п.

Таким образом, внутренний лексикон человека, или "ассоциативно-вербальная сеть – это совокупность лексем и связей между ними, которыми располагает "естественный говорящий", носитель языка" [3, с. 5].

Ассоциативно-вербальной сети, по мнению Ю.Н. Караулова, свойственны следующие характеристики:

– сеть имеет онтологический статус, то есть представляет собой не искусственное построение ума исследователя, не артефакт типа "семантических сетей", "синтаксических сетей" или сетевых моделей памяти, а реально бытующее и имеющее, по-видимому, нейронную основу образование, индивидуальные воплощения которого обладают инвариантной структурной частью, а различаются лишь в деталях, в некоторых периферийных элементах (S, R) и образуемых ими единицах (S + R);

– сеть характеризуется многообразием отношений между элементами S и R (семантических, синтаксических, деривационных, этимологических, тематических, статистических, в способах номинации, стилистических, оценочных, изобразительных, ситуативных, культурно-исторических, эстетических и др.). Совокупность типов этих отношений отражает все лексикологические аспекты изучения слова;

– сеть характеризуется широкой системной вариативностью своих элементов: словоизменяющей (в пределах парадигмы соответствующего слова), словообразовательной (в пределах гнезда), семантической (от полисемии до омонимии и паронимии);

– многообразие отношений и вариативность обеспечивают диссипацию грамматики в сети, то есть ее распределенность и ее полное отражение в образцах: рассеянность, но и полнота парадигм, словообразовательных способов и типов, синтаксических моделей, их "закрепленность" в сети за конкретными лексемами и "аналогические" связи между группами лексем. Степень грамматикализованности ассоциативно-вербальной сети, то есть соотношение в ней грамматически оформленных элементов с лемматизированными формами слов, в точности соответствует степени грамматикализованности среднестатистического устного текста на русском языке;

– сеть характеризуется высокой степенью семантической связности своих элементов (существует не "6 шагов", а два "шага" между произвольно выбранными элементами) и "обратимостью" семантических и грамматических связей. Однако эта обратимость за редкими исключениями никогда не бывает полной, то есть обнаруживает различия в статистических показателях;

– сеть обладает способностью к самоорганизации и адаптации, которая проявляется в создании или освоении ею новых элементов на базе уже имеющихся в сети аналогичных структурных и семантических моделей. Это свойство сети обеспечивает понимание ее носителем нового, не встречавшегося ему ранее слова – деривата или словосочетания – по типовой морфологической структуре, по повторяющемуся неоднократно переносу значения

или другому семантическому процессу, по контексту или аналогической синтаксической модели [4, с. 15-16].

Согласно Ю.Н. Караулову, ассоциативно-вербальная сеть фиксирует лишь знания, имеющие вербальную форму выражения и составляющие большую часть наших знаний о мире. Эти знания весьма разнородны, зачастую противоречивы и условно могут быть разделены на три части:

– первая часть представляет собой экстралингвистическую информацию, запечатленную в словах, словосочетаниях, целых высказываниях и суждениях, называющих и характеризующих предметы и явления текущей жизни носителей, их повседневного взаимодействия и общения, реалии окружающей их действительности. Среди этого разнородного множества есть переменные факторы, сиюминутные, навеянные актуальным состоянием дел в политике, общественной жизни, искусстве, быте, моде, и есть феномены относительно долговременные, постоянные, связанные со страноведческими особенностями национальной жизни, чертами характера, историей народа и мира;

– вторая часть знаний, образно названная Ю.Н. Карауловым диалоговой, отражает языковое сознание носителей, так как содержит элементы рефлексии и оценки по поводу языка, национальной культуры и типовым ситуациям окружающей действительности;

– третья, самая обширная часть знаний, остается для большинства носителей неосознанной. Она касается устройства самого языка, его поуровневой структуры – фонетики, морфологии, синтаксиса, то есть грамматики в широком смысле слова, и лексики с ее многослойной стратификацией, с ее распределенностью по разным стилям речи. Эти интуитивные знания могут быть "расшифрованы" лишь специальными лингвистическими методами и с помощью определенного разработанного инструментария [5, с. 755].

В структуре ассоциативно-вербальной сети в зависимости от содержания информации Ю.Н. Караулов выделяет три уровня: грамматико-семантический (то есть "языковой" в узком смысле слова), когнитивный (или уровень знаний о мире, не связанных непосредственно с языковыми знаниями) и прагматический (связанный с фиксацией отношения человека к миру) [5, с. 753].

По мнению Ю.Н. Караулова, все связи между элементами ассоциативно-вербальной сети, то есть между находящимися в ее узлах словами в лемматизированной форме, словоформами или словосочетаниями, подчинены закону предиктируемости этих связей: предикация правит отношениями в ассоциативно-вербальной сети. Под предикацией ученый понимает:

"а) ее элементарно-логический смысл – как приписывание признака предмету;

б) ее расширенное толкование, включающее процессы оформления предикативности и построение предикативных структур, то есть предложений; такое толкование позволяет включить в содержание понятия не только предикацию в указанном выше узком смысле, но также и прочие равновеликие ей функции, которые могут получать наряду с ней выражение в высказывании, а именно: номинацию, локацию и оценку. В этом отношении предикацию можно приравнять к понятию сказуемости, как его понимал А.М. Пешковский: сказуемостью обладает то, что может быть сказано: это "сказываемое", то есть элементарные речевые единицы, минимальные составляющие "сказа", которые могут представлять собой как словосочетание, так и словоформу, а в предельном случае могут использоваться и самостоятельно, вне "сказа", например, в качестве заголовков (*о земле; в лесу; в лесу и в поле; ранней весной; встреча друзей, наказать виновных* и т.п.):

в) в понятие предикации вкладывается также психологический смысл, подразумевающий активную позицию говорящего, который в ответ на стимул начинает предиктировать, осуществлять предикацию в указанном выше смысле (б), то есть в широком смысле. В таком понимании предикация есть процесс и результат проявления иллюкутивных сил носителя языка: в анкете запечатлено действие иллюкутивных сил конкретной индивидуальности, тогда как в ассоциативно-вербальной сети в целом мы имеем дело с

результатом действия иллокутивных сил абстрактной языковой личности носителя" [7, с. 70-71].

Представляется интересным рассмотрение внутреннего лексикона носителей русского национально-культурного сознания в гетерогенном языковом окружении. В связи с этим был подготовлен свободный ассоциативный эксперимент. Данная методика, основанная на анализе словесных ассоциаций испытуемых, является одной из наиболее эффективных методик исследования внутреннего лексикона человека и его национально-культурной специфики, так как она позволяет проанализировать особенности семантических связей, семантический объем слов и является инструментом овнешнения образов сознания носителей русского языка.

За основу свободного ассоциативного эксперимента были приняты три группы языковых маркеров национально-культурного сознания (далее ЯМНКС), выделенных И.В. Приваловой [8]. Именно в работах данного лингвиста впервые обращается внимание на недостаточную разработанность проблемы языковой объективации национально-культурной специфики языкового сознания (внутреннего лексикона человека).

Исходя из того, что языковое сознание, как культурнообусловленный феномен, интегрирует знания о культурных предметах, правилах и нормах коммуникативного поведения, И.В. Привалова применяет уже термины "этноязыковое сознание" или "этнолингвокультурное сознание" [8, с. 4]. В основе мировидения и миропонимания каждого народа лежит своя система предметных значений, социальных стереотипов и когнитивных схем, которые определяют этничность национального сознания как отдельного индивида, так и общества в целом. Так как язык и культура рассматриваются как формы существования общественного сознания, в структуре этноязыкового сознания выделяются особым образом структурированные пространства: когнитивное, культурное, лингвистическое, состоящие из функциональных/операциональных единиц, каждая из которых несет отдельный квант информации. Вербальными представителями национально-культурной специфики языкового сознания являются этнокультурные маркеры языкового сознания, принадлежащие сфере лингвистического пространства и выступающие объективаторами квантов культурно-обусловленных знаний, формирующих национальные когнитивные базы участвующих в акте межкультурного общения этноязыковых личностей [8, с. 4]. ЯМНКС делятся на три группы: лингвоструктурного, лингвокультурного и лингвоэкологического типов.

В рамках каждой группы испытуемым предлагаются следующие языковые единицы. В группе ЯМНКС лингвоструктурного типа представлены глаголы *морозить, знобить, светать, вечереть*; личное местоимение *вы*; существительные *бабушка, дедушка*; глаголы *плыть, сидеть*.

Представленные в исследовании ЯМНКС лингвокультурного типа распределены на несколько подгрупп:

1) средства речевого контакта и языковые формулы. Сюда относятся формы приветствия: *Здравствуйте!, Привет!*; прощания: *До скорого!, Увидимся!, Пока!*; пожелания: *На здоровье!, С легким паром!, Спокойной ночи!, Всего хорошего!, Будьте здоровы!*; одобрения: *Так держать!, Молодец!*; приглашения: *Добро пожаловать!*; а также традиционное выражение *Горько!*;

2) составляющие перцептивной модели этнолингвокультуры. Среди них выделяются колоремы: *вороной, гнедой, русый, рыжий, карий, красный*; проксеми: *переулок, проулок, область, деревня*; темпоремы: *сутки, миг, мгновение, возраст*; нумерологемы: *три, семь*;

3) реалии, культурные символы и этнографические нонемы. В данной подгруппе представлены наименования блюд русской кухни: *окрошка, оливье, каравай, холодец, солянка, пельмени, буханка, баранка, пирог, пирожки, блины, щи, борщ, вобла, кулич, пасха*; напитков: *квас, кисель, самогон, водка*; одежды: *ушанка, распашонка, платок, валенки*; праздников и связанных с ними традиций: *святки, крещенский, масленица, тамада, дружка, частушка, хоровод*; культурных символов: *балалайка, матрешка, береза, дуб*; видов жилья: *гостинка, коммуналка, усадьба, дача*; предметов быта: *авоська*; видов транспорта:

маршрутка; сохранившиеся в России названия лиц по степени родства и кумовства: *теща, свекровь, сваха, кума*; заведений общественного питания, популярных в СССР: *столовая, чебуречная*; денежных единиц: *рубль, копейка*; мифологических образов: *Баба-Яга, Дед Мороз, Снегурочка, Водяной, Леший, Домовой*; явлений общественной жизни: *субботник, суворовец, бомж, тусовка, аврал*; политические реалии периода существования СССР и постсоветского времени: *советский, декрет, первомай, перестройка, путч*;

4) аксиологический концепт *авось*;

5) единицы фразеологического фонда, включающие имена собственные: *при царе Горохе, Кузькина мать, во всю ивановскую*; устаревшие слова: *на сносях, семи пядей во лбу, точить лясы*; специальную лексику: *бить баклуши, лыка не вяжет, не лыком шит*; разговорные элементы: *узнать всю подноготную, с бухты-барахты*; общеупотребительную лексику: *глухая тетеря, как с гуся вода, зубы заговаривать*;

6) вербальные и вербализуемые прецедентные феномены, куда входят имена литературных и фольклорных персонажей, которые в русской культурной традиции стали употребляться и как нарицательные, говорящие о присутствии в человеке определенных качеств характера: *Золушка, Отелло, Донжуан, Буратино, Иван Сусанин, Обломов, Плюшкин*; имена реально существовавших людей, за которыми в сознании носителей русской культуры закрепились определенные характеристики: *Мать Тереза, Иуда*; исторические личности: *Павлик Морозов, Сталин*; названия произведений русской литературы: *"Мертвые души", "Кто виноват?", "Что делать?"*; концепты национально-культурного пространства различных временных отрезков: *Окно в Европу, 37-й год, МММ*; топоним *Поле чудес*.

Группа стимулов-ЯМНКС лингвоэкологического типа содержит языковые единицы, появившиеся в русском языке в результате заимствований из иностранных языков: *флешмоб, онлайн, провайдер, граффити, ланч, супермаркет, консалтинг, организер, опция; паркинг, респект, бойфренд*.

Рассмотрение внутреннего лексикона человека с позиций теории языковой личности позволило сделать следующие выводы.

Внутренний лексикон человека, или ассоциативно-вербальная сеть – это совокупность лексем и связей между ними, которыми располагает "естественный говорящий", носитель языка.

Для изучения внутреннего лексикона носителей русского национально-культурного сознания в гетерогенном языковом окружении был подготовлен свободный ассоциативный эксперимент. С помощью данной методики можно судить об особенностях функционирования внутреннего лексикона человека и способах построения речевого высказывания, обычно не осознаваемых носителями языка и не выявляемых другими способами исследования.

Каждый испытуемый получит бланк анкеты, содержащий инструкцию по выполнению и 150 слов-стимулов, на которые должен ответить первым приходящим в голову словом-ассоциатом либо назвать ряд таких слов. Кроме того испытуемый должен будет сообщить о себе следующие сведения: возраст, пол, место проживания, род занятий, время проживания за пределами России, место проживания до переезда.

За основу свободного ассоциативного эксперимента были приняты три группы ЯМНКС, выделенные И.В.Приваловой: ЯМНКС лингвоструктурного типа, ЯМНКС лингвокультурного типа и ЯМНКС лингвоэкологического типа. Языковые единицы каждой из трех групп отражают типичные для русской культуры понятия.

При применении методики свободного ассоциативного эксперимента возможно получение следующих данных:

– как в языковой картине мира отражаются различные языковые феномены; меняется содержание и выражение понятийных, языковых и грамматических категорий; утрачиваются значения лексических единиц;

Розділ III. Антропоцентрична парадигма: мовна картина світу, мовна особистість

– какие изменения произошли в знаниях и представлениях, стоящих за средствами речевого контакта и языковыми формулами; проксемами, кинемами, темпоремами, нумерологемами, колоремами; реалиями, культурными символами и этнографическими нонемами; вербализаторами аксиологических концептов; единицами фразеологического фонда; вербальными и вербализуемыми прецедентными феноменами;

– как воспринимаются неологизмы, концептуальные, параконцептуальные и бесконцептуальные виды заимствования.

На следующем этапе исследования предполагается изучение внутреннего лексикона человека с позиций психологии, психофизиологии, когнитивной лингвистики и психолингвистики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Богин Г.И. Модель языковой личности и ее отношение к разновидностям текста: автореф. дис. на соискание ученой степени д-ра филол. наук : спец. 10.02.15 "Общее языкознание" / Г.И. Богин. – Л. : Изд-во Ленинградского ун-та, 1984. – 31 с.
2. Виноградов В.В. О художественной прозе / В.В. Виноградов. – М.-Л. : Наука, 1930. – 186 с.
3. Караулов Ю.Н. Индивидуальный ассоциативный словарь / Ю.Н. Караулов, М.М. Коробова // Вопросы языкознания. – 1993. – № 5. – С. 5-15.
4. Караулов Ю.Н. От структуры ассоциативного словаря к структуре языковой способности / Ю.Н. Караулов // Вестник Российского университета дружбы народов. – 1994. – № 1. – С. 15-26. – (Серия Филология. Журналистика).
5. Караулов Ю.Н. Русский ассоциативный словарь как новый лингвистический источник и инструмент анализа языковой способности / Ю.Н. Караулов // Русский ассоциативный словарь : в 2 т. Т. 1. От стимула к реакции: Ок. 7000 стимулов / Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов. – М. : ООО "Изд-во Астрель", 2002. – С. 750-782.
6. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов; отв. ред. Д.Н. Шмелев; АН СССР, Отд-ние лит. и яз. – М. : Наука, 1987. – 261 с.
7. Караулов Ю.Н. Типы коммуникативного поведения носителя языка в ситуации лингвистического эксперимента / Ю.Н. Караулов // Этнокультурная специфика языкового сознания : сборник статей / отв. ред. Н.В. Уфимцева. – М., 2003. – С. 67-97.
8. Привалова И.В. Языковое сознание этнокультурная маркированность (Теоретико-экспериментальное исследование) : автореф. дис. на соискание ученой степени д-ра филол. наук : спец. 10.02.19 "Теория языка" / И.В. Привалова. – Москва, 2006. – 50 с.

УДК 811.161.1`373

Надежда Стрелок
(Одесса)

РУССКО-АНГЛИЙСКИЕ СООТВЕТСТВИЯ В ЖЕСТОВОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

Стаття присвячена вивченню жестових фразеологізмів у російській і англійській мовах. Акцентовано на семантичних та структурних відповідностях, визначено їх типи.

Ключові слова: фразеологізм, кінесика, жест, паралінгвістика, міжмовні парадигми.

The article is devoted to the studying of gestural phraseologisms in the Russian and English languages. The emphasis is placed on semantic and structural correspondence, and its types are defined.

Key words: phraseologism, kinesics, paralinguistics, interlingual paradigm, gesture.

В процессе межкультурного диалога на разных этапах познания языка в качестве равноправных знаков коммуникации выступают невербальные средства общения, характер которых определяется культурными традициями общества. Исследование средств невербальной коммуникации чрезвычайно актуально, так как оно имеет большое значение для речевой деятельности людей разных национальностей в современном мире, где идут интегративные процессы, а собеседники стремятся к взаимодействию. Использование невербальных средств общения коммуникантами, как отмечает Н. К. Филонова, имеет индивидуальный характер и несет на себе отпечаток личности говорящего [6, с. 75].

Знаки невербальной коммуникации чужой культуры, культуры изучаемого языка помогают формированию у иностранцев коммуникативной компетенции, которая включает в себя языковые, речевые и культурные навыки. Паралингвизмы рассматриваются сегодня в качестве структурообразующих компонентов речевой деятельности. Различают три вида паралингвистических средств: фонационные, кинесические и графические. К фонационным относятся тембр и темп речи, мелодичность, громкость, типы заполнения пауз (смех, плач, кашель) и особенности произношения звуков речи (диалектные, социальные и идиолектные). К кинесическим компонентам принадлежат жесты, позы и мимика. Тип выполнения букв и пунктуационных знаков (почерк), способы графических дополнений к буквам, их заменители являются графическими паралингвистическими средствами. Паралингвистические средства общения рассматриваются не изолированно, а в сочетании с невербальными сообщениями, часто заменяют их. Однако дополнительная информация о человеке, которая выражается в его внешнем облике, жестах, мимике, позах, голосовых характеристиках, может представлять собой вид самостоятельных, коммуникативно направленных сообщений.

Невербальные средства общения создают психологический контакт между коммуникантами, обогащают, дополняют и замещают вербальные средства. Научившись уделять внимание малозначительным деталям внешности и имплицитным аспектам поведения человека, будет легче судить о намерениях собеседника, составить мнение о его отношении к окружающей действительности, сформировать впечатление о нем. Таким образом, достигается взаимопонимание между людьми.

Цель данной статьи – проследить русско-английские соответствия в жестовой фразеологии. Исследование проводится в сопоставительном ключе, т. е. на основе сравнения фразеологических единиц (ФЕ) английского и русского языков, и опирается на концепции отечественных и зарубежных ученых (Е. М. Верещагина, В. Г. Костомарова, Г. Е. Крейдлина, А. Д. Козеренко, Ю. Фаста, Р. Бирдвистелла и В. В. Виноградова).

О способности мимики и жестов как вспомогательных выразительных средств при большой экспрессивной силе интонации снимать избыточность вербального высказывания говорил В. В. Виноградов [2, с. 29]. Ученый указывал, что они могут выступать одновременно в роли стимуляторов и компенсаторов вербального высказывания, передают эмоциональную основу общения, что они стереотипичны в своих связях со структурой вербального высказывания. Г. Е. Крейдлин относит к жестам "отдельно значимые невербальные единицы, куда, помимо собственно жестов-движений рук и ног, включаются мимика, позы и телодвижения, которые, как и языковые единицы, являются манифестациями этических идей и нравственной ориентацией личности" [4, с. 342]. Таким образом, жесты – особая форма коммуникации, выраженная в мимическом, пантомимическом, жестикуляционном и визуальном (движения глаз, взгляды) поведении собеседников. По характеру используемых говорящим знаков соматического языка собеседник имеет представление о настроении своего партнера по коммуникации. Жесты характеризуют либо позитивное психоэмоциональное состояние (восторг, радость, восхищение и т.д.), либо негативное (гнев, отчаяние, возмущение и т.д.). Жесты также характеризуют и саму ситуацию их применения.

Как критерий отбора ФЕ для исследования преимущественно использовали лексические маркеры невербального поведения, то есть наличие соматического компонента.

Сопоставительный анализ русских и английских устойчивых словосочетаний, выражающих невербальное поведение, показал, что в большинстве случаев у русских и английских фразеологизмов, описывающих невербальные средства, семантические зоны полностью совпадают. В некоторых ФЕ проявляется частичное совпадение (несовпадение) семантических зон, и совсем мало представлены лакуны (безэквивалентность, полное отсутствие в кинесическом арсенале одного языка тех или иных невербальных средств, наблюдаемых в другом языке).

В качестве примеров ФЕ с полным совпадением семантических зон в русском и английском языках можно привести следующие устойчивые сочетания с ограниченной сочетаемостью: **жестовые**: *to clench one`s fists* – сжать кулаки; *to raise/lift one`s hand against somebody* – поднять руку на кого-либо (ударить или пытаться ударить кого-либо); *to beat one`s breast* – бить себя в грудь (заверять кого-то в искренности своих мыслей, поступков и т.д.); *to hang up on somebody`s neck* – вешаться (повеситься, повиснуть) на шею кому-либо (к кому-либо); **мимические**: *to hide one`s eyes (from somebody)* – прятать глаза (взгляд, взор); *(as) pale as death* – бледный как смерть (в русском есть еще варианты данной ФЕ с иной образностью: (ни) кровинки в лице нет (не осталось) и лица нет на ком-либо; в английском – *deathly pale, (as) pale (white) as a ghost, (as) white as a sheet, not to look oneself, to look washed out*); *blood rushed to somebody`s face* – кровь бросилась (кинулась) в лицо кому-либо (вариант в русском – краска бросилась (кинулась) в лицо кому-либо; бросило в краску кого-либо; в английском – *blood rushed to somebody`s cheeks, somebody turned (bright/beet) red*); *to swallow the pill* – проглотить пилюлю (последнее может сопровождаться или не сопровождаться соответствующим выражением лица); **позы**: *to get (go) down on one`s knees before somebody/something* – преклонять/преклонить колена(и) перед кем-либо, чем-либо; *with one`s hands at one`s sides* – руки по швам; *to turn one`s back upon somebody/something, to turn back on(to) somebody/something* – поворачиваться/вернуться спиной к кому-либо/чему-либо, отвернуться от кого-либо, чего-либо.

Среди фразеологизмов с полным совпадением семантических зон встретились ФЕ с компонентами "head" и "nod", которые отображают поведение, в основе которого лежит определенный жест: *to hang one`s head* (чувствовать вину или смущение), *to hold one`s head high* (держаться гордо), *to lose one`s head* (растеряться, зазнаваться), *to give the nod* (дать разрешение на что-либо), *to get the nod* (получить разрешение на что-либо). Единицы номинации кинесических явлений типа *to saw the air, to bid someone/something adieu, to get the nod, to give the nod, play (play at) bo-peep with somebody* не имеют в своей формальной структуре указания на конкретную часть тела, а жесты в них выражены имплицитно.

Фразеологизмы типа *shrug one`s shoulders, shake hands* и *point one`s finger* являются выражениями, которые отображают конкретный жест и сопровождаются им в соответствующей ситуации. Но есть такие фразеологизмы, как *to pull somebody`s leg* и *to let one`s hair down*, кинесическая схожесть которых является неявно жестовой. Хотя эти выражения и относятся к жестам, но на самом деле они не имеют кинесической основы, которая могла бы в какой-то мере считаться кодированной. Такие фразеологизмы мы не исключали из исследования, так как они несут в себе жестовый потенциал, чтобы называть скрытую жестикуляцию. Объектом нашего исследования были не только глагольные фразеологизмы, где глагол, который обозначает намеренный жест, требует прямого или предложного дополнения (*to bite one`s lip, to give one`s hand*), но и именные ФЕ (*a stiff upper lip, hand in hand, рука в руку, во весь рот, скрежет зубовой*), и ФЕ с ядром-прилагательным (*down in the dumps* – как (будто, словно, точно) в воду опущенный; *half-baked/(a little) nutty/flaky* – как (будто, словно, точно) из-за угла (пыльным) мешком прибитый (ударенный, пристукнутый, трахнутый). Особый интерес представляют фразеологизмы, выражающие физически невозможные действия (*lift up one`s ears, хлопать ушами, уши вянут*); метафоричные (*crane one`s head*); ФЕ с жестами-кинетограммами (жест, который делает животное), переносимыми на человека (*prick up one`s ears* – наострить уши). Таким образом, фразеологизмы могут выступать как номинантами кинем (*to give the nod*), так и

выражениями, которые такой функции не имеют (*to saw the air*), но в своем значении содержат описание жеста.

Жестовые ФЕ могут иметь двойной денотат: конкретное (собственно движение) и абстрактное (отношение или установка) значение. Существование такого двойного денотата подтверждается возможностью применения данных жестов без какого-либо вербального сопровождения. Если использование самих жестов ограничено в прямой речи, то применение идиом направлено на косвенную речь. Сам жест, как правило, осуществляется первым лицом, в то время как идиомы преимущественно применяются третьими лицами или для описания действий других лиц.

Примерами ФЕ с частичным совпадением (несовпадением) семантических зон могут служить: *to be (it`s) written all over somebody`s face* – на лбу написано у кого-либо (в английском присутствует слово “*face*” (лицо), а в русском ему соответствует слово “лоб”); *to tremble (shake, shake over) like a leaf* – как осиновый лист дрожит (задрожал, трясется, затрясся) (в английской ФЕ отсутствует компонент-прилагательное “осиновый”); *to lose heart (hope)* – опускать (опустить) руки (здесь наблюдается полная смена образности: *to lose* – терять в английском и *опускать* в русском языке; *heart (hope)* – сердце (надежда) в английском и *руки* в русском. Эта английская ФЕ соответствует также русской *повесить голову/нос*).

Что касается лакун, то в исследованном материале таких ФЕ не обнаружено. В английском языке отсутствует слово *ферт*, однако ФЕ *поза ферта* частично соответствует фразеологизм (*with) arms akimbo*, где слово “*akimbo*” означает “*подбоченясь*”.

Следует отметить, что для вербализации жестов характерны синонимия и полисемия. Так, жест, обозначающий печаль, подавленность, удрученность, в английском языке вербализуется следующими ФЕ: *to be down in the mouth; to be down in the dumps; to have face like a wet weekend; to hang down one`s head; to lose heart, etc.* Примерами полисемии являются идиомы: *to give one`s head, to take the floor, a pat on the back*.

Таким образом, для жестовых фразеологизмов английского и русского языков характерны полная и частичная эквивалентность, то есть полное или частичное совпадение (несовпадение) семантических зон, наблюдаются явления синонимии и полисемии. В исследованном материале не выявлено случаев безэквивалентности (лакун).

ЛИТЕРАТУРА

1. Верещагин Е. М. О своеобразии отражения мимики и жестов вербальными средствами / Е.М. Верещагин, В. Г. Костомаров // Вопросы языкознания, 1981. – №1 – С. 36–47.
2. Виноградов В. В. Некоторые задачи изучения синтаксиса простого предложения / В.В. Виноградов // Вопросы языкознания. – 1954. – №1. – С. 28–30.
3. Горелов И. Н. Невербальные компоненты коммуникации / И. Н. Горелов. – М.: Изд-во ЛКИ, 2007. – 140 с.
4. Крейдлин Г.Е. Русские жесты и жестовые фразеологизмы : отражение наивной этики в невербальном и вербальном кодах / Г. Е. Крейдлин // Логический анализ языка. Языки этики. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 341–352.
5. Кунин А. В. Англо-русский фразеологический словарь / А. В. Кунин. – М., 2008. – 1456 с.
6. Филонова Н.К. Невербальные средства коммуникации как компонент межкультурного общения / Н.К. Филонова // Межкультурная коммуникация. Современные тенденции и опыт. Материалы первой Всероссийской научно-практической конференции. – Ч. 1. – Межкультурная коммуникация как основа языкового образования. – Нижний Тагил, 2004. – С. 354–365.

РУССКАЯ ОНОМАСТИКА В КУРСЕ ЛИНГВОСТРАНОВЕДЕНИЯ ДЛЯ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ-ФИЛОЛОГОВ

Статтю присвячено проблемам формування вмінь культурознавчого і країнознавчого аналізу семантики лексики російської мови в курсі лінгвокраїнознавства для іноземних студентів-філологів, зокрема розглядаються питання формування вмінь аналізу національно-культурних складових семантики антропонімів, топонімів, зоонімів.

Ключові слова: лінгвокраїнознавство, російська ономастика, аналіз семантики, антропоніми, топоніми, зооніми, іноземні студенти-філологи.

The article focuses on the problems of formation the skills of lingual-cultural analysis of Russian onomastics semantics in the "language and culture" course for the philological foreign students. Training the skills of analysis of national and cultural components of Russian anthroponyms, toponyms, zoonyms semantics has been considered.

Key words: "language and culture" course, Russian onomastics, semantic analysis, anthroponyms, toponyms, zoonyms, philological foreign students.

Подготовка иностранных студентов-филологов, будущих специалистов межъязыковой коммуникации, в качестве обязательного компонента включает формирование умений культуроведческого и страноведческого анализа семантики лексики изучаемого языка. Русская ономастика является методически показательным материалом для демонстрации культурологических характеристик языковых единиц в курсе лингвострановедения для иностранных студентов, который читается на факультете иностранных языков Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина [6].

На примере антропонимов, топонимов, зоонимов студенты могут научиться извлекать лингвострановедческую информацию, сведения о культуре и жизни страны изучаемого языка.

Каждое слово языка является сложной системой, комплексом значений, имеет свое происхождение, внутриязыковые связи. Полное и точное понимание значения и правильное употребления слова возможно только при осознании семантики, внимательном анализе его семантической структуры, интерпретации национально-культурных характеристик.

Студентам необходимо знать, что значение слова имеет структуру, составные части. Это можно продемонстрировать на классическом в методике преподавания РКИ примере.

Что такое *книга*? Если мы попробуем не перевести, а объяснить это слово, мы увидим, что его значение состоит из частей, компонентов.

1. Книга сделана из бумаги (но есть журналы, газеты, просто бумажные листы без текста, пакет тоже сделан из бумаги). Первой характеристики недостаточно для определения книги. 2. Книга – бумажные листы с текстом (но журнал, газета тоже бумажные листы с текстом, доклад напечатан на отдельных листах). Этой информации тоже мало, чтобы объяснить, что такое книга. 3. Книга – бумажные листы с текстом, соединенные вместе (журнал, газета – тоже бумажные листы с текстом, соединенные вместе). Снова мало информации для точного обозначения. 4. Книга – бумажные листы с текстом, соединенные вместе, имеющие обложку (так же можно определить журнал). Опять неточно, такое определение подходит не только книге. 5. Книга – бумажные листы с текстом, соединенные вместе, имеющие обложку и переплет. Теперь мы описали, что такое книга [1].

Все части значения слова *книга* – семантические доли. Многие слова содержат семантические доли, имеющие национально-культурные характеристики. Даже самые простые слова, не вызывающие вопросов и кажущиеся абсолютно понятными, при

внимательном семантическом анализе демонстрируют разную степень совпадения выделенных семантических долей. Например, на занятиях по лингвострановедению с иностранными студентами-филологами рассматривались слова "автобус" и "школа". Обсуждение семантической структуры названных лексем выявило национально-культурные доли семантики, как общие, так и различные, например, для носителей китайского, вьетнамского, арабского, дари, русского языков.

У слов есть и национально-культурный фон, т.е. информация, которая связана со словом, окружает его. Носитель русского языка, стараясь объяснить значение слова "книга", вспомнит афоризмы: Книга – источник знаний; Чтение – вот лучшее учение. Хорошая книга – точно беседа с умным человеком.

Еще пример: слова "изба" и "хата". Первое слово – *изба* – русский крестьянский дом, сделанный из бревен. Такие дома характерны для центральной и северной России. *Хата* – дом из дерева, глины, обмазанный сверху белой глиной, такие дома традиционно строили на юге России и в Украине.

У слов "изба" и "хата" есть общая часть значения, общие семантические доли – крестьянский дом, а есть разные, не совпадающие.

Студентам нужно сообщить, что в каждом языке есть группы слов, которые содержат наибольшее количество национально-культурной информации. Эти слова могут многое рассказать о жизни народа. Это лексемы, обозначающие, например, предметы быта данного народа. Русские *блины, изба, валенки*, украинские *борщ, вареники, хата* – такие слова.

Обычно слова с национально-культурными компонентами семантики невозможно перевести, т.к. предметы и явления присутствуют только в одной культуре, в нашем случае – в русской. Такие слова называются безэквивалентными [2].

Наиболее интересные и методически показательные группы слов с национально-культурным компонентом значения – собственные имена (ономастическая лексика) – антропонимы, зоонимы, топонимы.

Антропонимы – (от греческого *antropos* – человек + *онума* – имя) – собственные имена людей (*Андрей, Леночка, Сашка, Петрович, Сергей Николаевич Кузнецов*) Зоонимы – (от греческого *zoon* – животное + *онума* – имя) – имена животных (*Мурка, Капитанка, Пушок, Снежок*) и названия животных, которые используются в переносном значении: *медведь, слон, черепаха* (о человеке). Топонимы – (от греческого *topos* – место + *онума* – имя) – географические названия (*Санкт Петербург, Петроград, Ленинград, Киев, Грозный*). Есть еще космонимы, гидронимы, чоконимы, парфюмонимы и другие группы ономастической лексики.

Антропонимы обладают национально-культурным фоном, несут дополнительную информацию, которую нужно учиться находить и интерпретировать.

Например, имена *Октябрина, Майя, Владлен* (от Владимир Ленин), – появились в советское время. Сейчас они непопулярны. Такие советские имена противопоставлены традиционным русским: *Иван, Пётр, Павел, Анастасия, Елизавета*.

Культурно информативным является и происхождение имён. *Альберт, Элла, Герман* – иностранные имена, тогда как *Владимир, Всеволод, Вера, Надежда, Любовь, Светлана, Лев* – исконно русские, имеющие славянское происхождение. Значение таких имен можно понять.

Имена имеют социальную окраску: *Иван, Емельян, Ефросинья* – крестьянские, деревенские, *Евгений, Марина, Вадим* – городские.

На юге России и в Украине популярны имена *Оксана, Богдан, Тарас*.

Важно уметь оценить стилевую принадлежность имени: *Михайло, Данила* – просторечные, *Михаил, Даниил* – официальные формы.

В каждый конкретный исторический период имена могут быть популярными (употребительными) или непопулярными (неупотребительными). Сейчас популярны такие имена: *Анна, Анастасия, Дарья, Даниил, Денис, Андрей*. Все эти имена являются воспринимаются как исконно русские, но этимологически это не так [5].

Розділ III. Антропоцентрична парадигма: мовна картина світу, мовна особистість

В русском языке немало исконных, славянских имен. В языческой Руси человека могли назвать *Первым, Вторунком, Третьяком, Четвертуней, Пятухом* – в зависимости от того, каким по порядку он родился в семье. Называли людей *Зимой, Летом, Поздняком* (если поздно родился). Могли назвать *Жданом*, если родители его долго ждали (или *Нежданом, Нечаем*). О значении имени *Молчан* даже иностранному студенту-филологу нетрудно догадаться.

Предки русских верили в магическую силу имён. Если хотели, чтобы сын вырос сильным и храбрым, ему давали имя *Лев*. Это имя живёт и сейчас. А вот имена *Волк, Лиса, Сокол, Орёл* остались в прошлом.

Важна для правильной лингвострановедческой интерпретации имен информация о том, что когда Русь приняла христианство, вместе с правилами и обычаями христианской церкви она переняла и обычай чествования святых – пророков, мучеников и других легендарных личностей. Каждый день года был днём в честь какого-нибудь святого, который, конечно, имел имя. И имя это обычно было греческим. На Руси установился обычай давать ребёнку имя того святого, в день которого он родился. Так появились, например, имена *Иван, Николай*. Греческих имён в русском языке больше всего: *Андрей* – храбрый, *Анатолий* – восточный, *Василий* – царский, *Галина* – нежная, *Оксана* – гостеприимная, *Елена* – избранная, *Лариса* – чайка, *Татьяна* – хозяйка.

Возникло и слово "именины". Сейчас так иногда называют день рождения. А когда-то это был день памяти святого, чьё имя носил человек.

Языковеды выяснили также, что многие русские имена имеют еврейское происхождение. Они пришли к нам из Византии вместе с христианством, которое возникло среди еврейского народа. В староеврейском языке *Анна* – благодать, *Мария* – высокая, *Даниил* – суд божий, *Семён* – послушный, *Тамара* – пальма, *Яков* – хитрец.

Римляне вкладывали в свои имена значение чего-то желанного для человека: *Валерий* – мужественный, *Валентин* – здоровый, *Максим* – самый большой, *Феликс* – счастливый, *Виктор* – победитель, *Наталья* – родная.

Старославянские имена уступили место новым, которые так прочно вошли в язык, что сейчас звучат как исконные русские. Еврейские, греческие и римские имена вошли и в другие языки. Лингвист может определить, что староеврейское *Ионахан (Йонатан* – "Бог дал") – это и русское *Иван*, и французское *Жан*, и итальянское *Джованни*, и немецкое *Иоганн*, и польское *Ян*, и испанское *Хуан*, и английское *Джон*.

От многих имён образованы русские фамилии: *Андреев, Петров, Иванов, Васильев, Константинов, Сергеев, Михайлов, Николаев, Фёдоров*. Этимологически фамилии являются притяжательными прилагательными и обозначают "сын (дочь) того, чьё имя является первой частью слова": *Иванов* – сын Ивана, *Петрова* – дочь Петра.

Многие фамилии образованы от названий профессий: *Кузнецов* – сын кузнеца, *Мельников* – сын мельника, *Портнов* – сын портного, *Князев* – сын князя.

Значения некоторых фамилий связаны с названиями животных: *Зайцев, Волков, Воробьёв, Медведев, Петухов, Гусев, Бобров, Белкин, Кошкин*. Эти фамилии происходят от старославянских имён, которые с появлением греческих постепенно превратились в прозвища, а уже потом стали фамилиями.

На занятиях по лингвострановедению обсуждается и информация о том, что некоторые имена обладают дополнительной социально-культурной семантикой. Например, имена, которые встречаются в пословицах и поговорках: *На бедного Макара все шишки валятся* (Макар – неудачник). Так говорят о человеке, которому снова не повезло. *Мели, Емеля, твоя неделя* (Емеля (Емельян) – болтун). Так говорят болтливому человеку, которого не хотят слушать, или дают ему понять, что не верят ему. *Любопытной Варваре на базаре нос оторвали* (Варвара – любопытная). Это совет не лезть в чужие дела, предупреждение.

Иван – символическое имя русского человека (то же – *Иван Иванович Иванов* – типичный, обычный человек). *Иванов, Петров, Сидоров* – каждый, любой, обычные люди.

Для полноценного участия иностранцев в межкультурной коммуникации необходимо объяснить им, что в русской коммуникативной культуре человека могут называть по имени, по имени и отчеству, по фамилии, имени и отчеству, только по отчеству. Все эти варианты имеют разную стилистическую и национально-культурную окраску.

Официальное обращение предполагает использование фамилии и полного имени или имени и отчества (*Антон Чехов, Валентина Котова, Гагарин Юрий Алексеевич, Михаил Васильевич Ломоносов, Николай Борисович, Ольга Петровна Назарова*).

Использование только отчества имеет оттенок сердечности и уважения, так обращаются к хорошо знакомому человеку старшего возраста: *Михалыч, Петровна, Иваныч* (вместо Михайлович, Иванович). Но официально так обращаться нельзя.

Краткие и уменьшительные формы имён употребляются только в неофициальных ситуациях, уменьшительно-ласкательные формы – только по отношению к близкому человеку (*Сергей – Сережа – Серёженька; Ольга – Оля – Оленька – Олечка*).

Фамильярные формы используют при обращении к равному, близкому человеку, они носят грубоватый характер: *Серёга, Оля, Сашка, Андрюха, Светка*.

А имена *Матрёшка* и *Петрушка* особо маркированы в русской культуре. Это фамильярные формы имен *Матрена* и *Петр*, которыми называют любимые национальные игрушки. Такие формы несут информацию об отношении народа к этим персонажам русской культуры.

В курсе лингвострановедения студенты осваивают правила употребления разных вариантов имен, учатся правильно строить грамматические формы русских имен, отчеств, фамилий.

Следующая культурно значимая группа лексем – топонимы – обобщенный термин, он объединяет: названия городов, улиц, площадей (астонимы) рек, морей (гидронимы) и других географических объектов. Они также обладают национально-культурной семантикой (*Красное, Белое, Черное, Мертвое море, Индийский океан* (гидронимы), *Новгород, Белгород, украинские Ровно, Львов, Луганск*).

Страноведческая информация топонимов может быть выделена разными способами: – на уровне словообразовательной модели (*Нов-город, Ленин-град, Петер-бург*); – на уровне ассоциативных связей (*Киев – мать городов русских, Москва златоглавая, Ростов – батюшка, Харьков – первая столица*).

Среди топонимов-названий городов выделяют общеизвестные, исторические русские города (*Ростов Великий, Суздаль, Владимир, Новгород, Смоленск*), а также города, переименованные в советское время, а сейчас получившие старые названия: *Петербург – Ленинград – Петербург; Нижний Новгород – Горький – Нижний Новгород, Тверь – Калинин – Тверь, Екатеринбург – Свердловск – Екатеринбург*.

Названия улиц часто хранят информацию о занятиях, профессиях, национальности людей, которые там жили (*Шляпный переулок, Грузинская улица*).

Например, названия московских улиц могут рассказать много интересного о занятиях своих обитателей. Для подготовки материалов данного раздела пособия использованы материалы исследований М. Горбаневского [4]. Студенты с интересом узнают, что в районе современных *Скатертного, Хлебного, Столового* переулков когда-то жила прислуга, повара, "скатертники" – люди, готовившие к трапезе царей столовое бельё. Ремесленники, которые тоже изготавливали скатерти, их в старину называли "столешниками", дали название *Столешникову* переулку.

В *Калашной* слободе жили царские пекари, которые среди разнообразных хлебных изделий пекли и калачи. От *Калашной* слободы получил своё название *Калашный переулок*. Не меньше чем калачей требовалось царскому столу и различных солений. Изготавливали их "кислошники": эти мастера жили в *Кислошной* слободе, по которой получили свои названия *Нижний и Средний Кисловские переулки*.

В Москве существовала и *Трубничья* слобода, населяли её печники и трубочисты ("трубники"). Наименование *Конюшенной улице* дала слобода *Конюшки*, где находились

Розділ III. Антропоцентрична парадигма: мовна картина світу, мовна особистість

дворцовые конюшни. В *Хамовниках* жили ткачи, vyrabatyvavshie "хам" – суровое полотно, которое шло на изготовление скатертей, полотенец.

Барашевский переулоч получил свое название от имени слободы, в которой жили "барашаи" – шатёрничие царя. Они возили за царём походные шатры. Часто барашам приходилось следовать за государем во время царских охот. Были в Москве и слободы, которые населяли царские егери, ловчие, сокольники. Свидетельство тому – названия района *Сокольники* и улицы *Сокольническая Слобода*, *Лосинского проезда* (здесь жили ловчие, участвовавшие в охоте на лосей), *Охотничьей улицы* и некоторых других.

Там, где сейчас находится *Гончарная набережная* и проходит *Гончарный проезд*, в XVI – XVII веках стояла *Гончарная* слобода – центр керамического производства старой Москвы. Выселки гончаров образовались за рекой Яузой не случайно: эта водная преграда могла защитить деревянную столицу от пожаров, ведь именно с огнём связано гончарное ремесло.

В районе современных *Большого и Малого Гнездниковских переулоч* жили "гнезтники" – мастера литейного и скобяного дела. "Бронники", населявшие *Бронную* слободу – откуда и произошли названия *Большой и Малой Бронных улиц* – изготавливали доспехи (броню), защищавшие воина в бою от холодного оружия. У мастеров, его изготавливавших, также были свои слободы. Это – слобода *Лучники*, где жили специалисты по изготовлению луков; свидетель тому – современный *Лучников переулоч*. Это и слобода *Палаши*, на месте которой впоследствии возник *Палашевский переулоч* (палаш – разновидность холодного оружия). Это и слобода, где жили в XVII веке "станошники", изготавливавшие станки-подставки для ружей. Слобода носила название *Ружейной*, сейчас существует *Ружейный переулоч*.

Место в старой Москве, где жили и работали мастера кожевенного и сыромятного дела, можно определить, найдя на карте *Кожевнические переулочки* (здесь была слобода *Кожевники*), *Верхнюю и Нижнюю Сыромятнические улицы* (возникшие на месте *Сыромятной* слободы). Была в старой Москве и *Колпачная* слобода. Её мастера изготавливали головные уборы. Отсюда – *Колпачный переулоч*.

Исчезло из русского языка слово "таган", сейчас оно практически не употребляется. Таганами называли подставки для котлов в виде треножника. Но память об этом слове хранится в названиях *Таганской площади* и *Таганской улицы*: площадь возникла в XVIII веке близ *Таганской* слободы [4].

Студенты с интересом сравнивают принципы возникновения топонимов в русском и родном языках, анализируют названия улиц Харькова: *Мироносицкая*, *Совнаркомовская*, *Лермонтовская*, *Сумская*.

Зоонимы – имена (клички) домашних животных также имеют национально-культурную окраску. Кошек обычно называют *Мурка*, котов *Васька*, *Барсик*, *Снежок*, *Пушок*, *Дымок*. Традиционные русские клички собак – *Жучка*, *Капитанка*, *Шарик*, *Бобик*, *Волчок*. Однако не эта информация является наиболее актуальной для обучения иностранных студентов-филологов.

Важно, например, то, что звуки, которые издают животные, часто используют для эмоциональной характеристики речи людей: *жужжит* (как муха), *шипит* (как змея), *каркает* (как ворона), *пищит* (как мышь), *рычит* (как лев), *мычит* (как корова), *блеет* (как овца), *чирикает* (как птичка), *мурлычет* (как кошка) и т.д. [3].

Названия животных также используются для характеристики людей: *медведь*, *волк*, *лиса*, *свинья*. *Щенок* (грубо) – говорят молодому человеку, когда хотят подчеркнуть его неопытность. *Свинья* (грубо) – кто-то, кто сделал что-то некрасивое, плохое по отношению к другому человеку. Слово *змея* используется в значении "злой, подлый человек". *Пчела* (*пчелка*) – синоним трудолюбивого человека, *трутень* – нахлебник. *Черепаша* – медлительный, *акула* – опасный, хищный, *орёл* – сильный, гордый, *курица* – глупый, нерешительный, *петух* – агрессивный, *слон* – неловкий. Работа с данными лексическими единицами должна учитывать личный языковой опыт студента, т.к. часто в его родной культуре слово имеет коннотации, не совпадающие с теми, которые существуют в русском языке.

Названия птиц *сова* и *жаворонок* характеризуют людей, которые утром просыпаются, а вечером ложатся спать рано или поздно.

Чтобы ласково обратиться к близкому человеку, ребенку, употребляют слова *зайчик*, *зайчонок*, *рыбка*, *котик*, *котенок*, *птичка*, *ласточка*. Наибольшее удивление у студентов вызывает употребление в такой ситуации слова *рыбка* (рыба холодная, скользкая и т.п.).

Наименования животных часто встречаются во фразеологизмах: *жить бирюком* (как одинокий волк), *смотреть волком*, *волком выть* (хоть волком вой), *голодный как волк*, *злой как собака*, *ползет как черепаха*, *молчит как рыба*, а также в афористике: *лучше синица в руках, чем журавль в небе; за двумя зайцами погонишься – ни одного не поймаешь; как волка ни корми, он все равно в лес смотрит; старого воробья на мякине не проведешь; волков бояться – в лес не ходить*. Знакомство с данными единицами помогает адекватно оценивать и характеризовать ситуации, с которыми сталкиваются будущие филологи.

Кроме того, в процессе изучения данной темы курса лингвострановедения [4] иностранные студенты увидели, что в русских антропонимах, топонимах, зоонимах, фразеологии и афористике используются слова, обозначающие элементы природы, быта русского народа, используются названия животных и птиц, характерных для климатических условий России. Это показательные примеры для того, чтобы будущие филологи могли осознать, что слово является источником национально-культурной информации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Верещагин Е.М. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного / Е.М.Верещагин. В.Г.Костомаров. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Рус. яз., 1990. – 246 с.
2. Влахов С. Непереводимое в переводе: моногр. / С.Влахов, С.Флорин. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Высш. шк., 1986. – 416 с.
3. Воробьев В.В. Люди и животные. Цикл занятий по прикладной лингвокультурологии / В.В.Воробьев, В.В.Дронов, Г.В.Хруслов // Рус. яз. за рубежом, 2007, №5. – С. 4 – 25.
4. Горбаневский М. Москва. Кольца столетий. Из истории названий местностей и районов, улиц и переулков столицы / М.Горбаневский. – М.: АСТ, 2007. – 448 с.
5. Терлак З.М. Украинский язык для начинающих / З.М.Терлак, А.А.Сербенская. – Львов: Світ, 1992. – 240 с.
6. Ушакова Н.И. Лингвострановедение. Учебные материалы и задания для студентов факультета иностранных языков: учебн. пособие / Н.И.Ушакова. – Х., 2012. – 122 с.

УДК 81'367.623

Юлия Шевченко
(Одесса)

"ОБЛОМОВ" КАК ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ ТИПАЖ: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

У статті обґрунтовуються принципи лінгвістичного дослідження лінгвокультурного типажу Обломов. Окреслюються актуальність, предмет та об'єкт вивчення, аргументується застосування лінгвокультурологічного інструментарію.

Ключові слова: концепт, лінгвокультурологія, лінгвокультурний типаж

The principles of linguistic research of a lingual type Oblomov locate in article. Relevance, subject and object of studying are designated, use of lingual culture tools is reasoned.

Key words: concept, lingual culture, lingual culture type

Становление лингвокультурологии представляет собой результат интегрирования языкознания со смежными дисциплинами – прежде всего с культурологией, этнологией,

Розділ III. Антропоцентрична парадигма: мовна картина світу, мовна особистість

етнографією, аксіологією. Відомо, що лінгвокультурологія вивчає мову як феномен культури. Це певне бачення світу крізь призму національного мови, коли мову виступає виразителем особливості національної ментальності [7, с. 8].

Основною одиницею лінгвокультурології є культурний концепт – багатомірне смислове формування, в якому виділяються ціннісна, образна і понятійна сторони [4, с. 91].

В сучасній лінгвістиці концепт є одним з найбільш різноманітних трактованих термінів. Не викликає суперечок лише те положення, що концепт належить свідомості і включає, на відміну від поняття, не тільки описательно-класифікаційні, але і чутливо-вольові і образно-емпіричні характеристики. Концепти не тільки мисляться, але і переживаються [10, с. 41].

Найбільш поширеними підходами до вивчення концептів прийнято вважати лінгвокогнітивний, представлений роботами А.П. Бабушкіна, З.Д. Попової і І.А. Стерніна і лінгвокультурологічний, розвиваний С.Г. Воркачевим, Е.В. Бабаєвою, В.І. Карасиком, В.Т. Клоковим, Н.А. Красавським, М.В. Пименовою, Г.Г. Слышкиним і іншими ученими.

Концепт як лінгвокогнітивне явище – це одиниця "ментальних і психічних ресурсів нашої свідомості і її інформаційної структури, яка відображає знання і досвід людини; оперативна змістовна одиниця пам'яті, ментального лексикуна, концептуальної системи і мови мозку (*lingua mentalis*), всієї картини світу, відображеної в людській психіці. Концепти виникають в процесі побудови інформації про об'єкти і їх властивостях, причому ця інформація може включати як дані про об'єктивне положення справ у світі, так і дані про уявляються світи і можливе положення справ у цих світах. Це дані про те, що людина знає, передбачає, думає, уявляє про об'єктах світу [6, с. 245].

Лінгвокультурний підхід визначає в якості ведучої ціннісну складову концепта. Цінність є головним принципом культури, а своєобразие систем цінностей визначає відміння культур. Лінгвокультурний концепт є елементом, який фіксує цінності суспільства [5, с. 26].

Незважаючи на відміння, "лінгвокогнітивний і лінгвокультурний підходи до розуміння концепта не є взаємовиключаючими: концепт як ментальне формування в свідомості індивіда є вихідом на концептосферу соціума, т.є. в кінцевому рахунку на культуру, а концепт як одиниця культури є фіксація колективного досвіду, який стає достоянням індивіда" [4, с. 97].

Різноманітністю лінгвокультурного концепта є лінгвокультурний типаж. Одним з напрямків лінгвокультурології є виділення і описання лінгвокультурних типажів – типізуємих осіб, представників певної етносоціальної групи, відомих по специфічним характеристикам вербального і невербального поведіння і виведимої ціннісної орієнтації [4, с. 244]. Вивчення таких значимих для певного соціума типажів дозволяє краще зрозуміти особливості національного характеру, а також його динаміку. В межах цього напрямку, наприклад, вже описані такі лінгвокультурні типи, як російський інтелектуал, російський купець, англійський чудак, французький модник і др.[2; 5].

Роботи по виділенню і описанню лінгвокультурних типажів поки нечисленні і можна сказати, що це напрямку ще знаходиться на стадії становлення. В той же час отримані результати демонструють його перспективність і актуальність, оскільки "загальні типи осіб в межах певної культури і певного історичного періоду втілюють в собі важливу інформацію про реальність комунікативних поведінчих норм" [2, с. 3].

Лінгвокультурні типи характеризуються наступними ознаками: асоціативність, хрестоматійність, широка відома, знаковість (символічність), яскравість, типовість, прецедентність [2, с. 10]. Всі ці ознаки застосовні також до ряду

персонажей художественных произведений классической русской литературы. Поэтому мы считаем целесообразным ввести в качестве объекта исследования лингвокультурный типаж, актуализированный в художественном тексте. Такие прецедентные для русского национального характера имена как Онегин, Обломов, Печорин, Татьяна Ларина, Манилов, Чичиков, Плюшкин, Собакевич и многие другие не только символизируют в сознании говорящего конкретный литературный текст, но и сами являются носителями узнаваемого комплекса определённых социальных и психологических черт, идей, ценностей, и поэтому, по нашему мнению, данные персонажи вполне могут и должны стать объектом изучения современной науки в качестве лингвокультурных типажей. По замечанию В.И. Карасика "прототипные образы, выступающие в качестве основы для создания лингвокультурных типажей, могут быть взяты из реальности, квази-реальности и вымысла. В первом случае обобщаются характеристики реальных людей определенной эпохи (например, диск-жокей, школьница-отличница, декабрист), во втором случае речь идет об изображаемых в рекламных или пропагандистских текстах людях (счастливый покупатель рекламируемого товара, простая пенсионерка, пишущая в газету), в третьем случае перед нами персонажи произведений (тургеневская девушка, супермен из американского фильма-боевика)" [5, с. 251]. Иначе говоря, лингвокультурный типаж может иметь как фактическую, так и фиктивную основу. Таким образом, лингвокультурный типаж является особым типом лингвокультурного концепта, важнейшие характеристики которого состоят в типизируемости определенной личности, значимости этой личности для лингвокультуры, возможности ее как фактического, так и фикционального существования, ее упрощенной и карикатурной репрезентации.

Нам пока не известны примеры исследований литературных персонажей в качестве лингвокультурных типажей. В данной статье мы предпринимаем попытку обосновать возможность такого анализа методами лингвокультурологии. Объектом исследования выступает лингвокультурный типаж Обломов, созданный автором одноименного романа "Обломов" И.А. Гончаровым. В качестве предмета изучения рассматриваются понятийные, образные и ценностные характеристики лингвокультурного типажа Обломов, зафиксированные не только в тексте исследуемого художественного произведения, но и в русском языковом сознании в целом.

Выбор Обломова в качестве объекта изучения определяется значимостью романа "Обломов" для русской культуры, о котором один из известнейших литературных критиков – современников Гончарова, А.В. Дружинин, писал: "Обломов и обломовщина: эти слова не даром облетели всю Россию и сделались словами, навсегда укоренившимися в нашей речи. Они разъяснили нам целый круг явлений современного нам общества, они поставили перед нами целый мир идей, образов и подробностей, еще недавно нами не вполне сознанных, являвшихся нам как будто в тумане ... Обломова изучил и узнал целый народ, по преимуществу богатый обломовщиной, – и мало того, что узнал, но полюбил его всем сердцем, потому что невозможно узнать Обломова и не полюбить его глубоко" [3, с. 112].

Влияние образа Обломова на русский и западный кинематограф, литературу и театр уже исследованы и описаны в десятках научных работ. Перейдя из области литературного ономастикона в сферу названий предприятий и фирменных наименований, имя Обломов уже давно живет новой, внелитературной жизнью. Так, немецкий исследователь Даниэль Шюманн в своём исследовании [13] говорит о том, что ему удалось обнаружить около двадцати баров и ресторанов, которые называются по фамилии героя романа. Большая часть из них находится на территории Германии. Помимо этого, рестораны под названием "Обломов" существуют в столице Австрии – Вене, в двух голландских городах – Ситтарде и Гронингене, в Женеве, в шотландском Глазго, а также в городе Кальяри на итальянском острове Сардиния. Заведения с фамилией Обломова на вывеске есть также в Москве, Воронеже, Владимире, Ростове-на-Дону и других русских городах. В 1950-1960х годах в западной медицине были описаны синдромы расстройства личности, получившие название

Розділ III. Антропоцентрична парадигма: мовна картина світу, мовна особистість

Синдромы Обломова, и выражающиеся в слабоволии, апатии, лени, а также в постоянной потребности в опеке и склонности к различным фобиям [1].

Все эти факты свидетельствуют о том, что образ Ильи Ильича Обломова жив, значим, актуален и для современной культуры, и вполне может рассматриваться с лингвокультурологической точки зрения в качестве лингвокультурного типажа как разновидности концепта.

Трансформируясь в языке и вместе с языком, прецедентное имя персонажа не может сохранить спектр значений, связанных с изначальным означаемым. Как правило, в общественном сознании смыслы, закладываемые в такое имя, редуцируются к нескольким простым идеям. По нашему предварительному анализу, концепт ОБЛОМОВ функционирует в современном языке в трёх основных направлениях: 1) в качестве идеи лени и безволия (с отрицательной коннотацией); 2) в качестве идеи противостояния "Штольцу" как образу современного мира (соответственно, с положительной); 3) в качестве идеи безмятежности и спокойствия.

Если говорить о первом аспекте, имя Обломов безусловно отражает конкретные черты литературного персонажа, закрепленные за данным прецедентным именем в общественном сознании. Так, например, в толковом словаре С.И. Ожегова обломовщина трактуется как "безволие, состояние бездеятельности и лени" [8]. То же у Д.Н. Ушакова: "лень, безволие, нерешительность, бездеятельность, медлительность" [12]. Подтверждение актуальности указанных значений находим в современных исследованиях. Так, в работе Г.Г. Сергеевой, посвященной исследованию восприятия прецедентных имен подростками, находим, что в качестве основного признака для имени Обломов указывались "лень (ленивый, лентяй, ленивец) (46%) и близкие к нему по смыслу: бездельник (10%); лежебока (7 %)" [9, с. 32].

Тем не менее, остаётся открытым вопрос об аксиологическом векторе данного концепта. Так, например, долгое время советской литературной критикой образ Обломова трактовался как отрицательный (идеологическое маркирование – ещё одна сторона жизни изучаемого объекта). В то же время, для некоторых западных исследователей он представлял собой целостную философскую программу и рассматривался в качестве объекта для подражания [12]. Существует ли общепринятая оценка данного лингвокультурного типажа, а также связанного с ним концепта ОБЛОМОВЩИНА в сознании носителей современной русской лингвокультуры, соответствует ли она первоначальной? Нам представляется возможным получить ответы на эти вопросы с помощью методов лингвокультурологии.

В исследовании планируется использовать следующие методы:

- семантический анализ переносных значений, ассоциативных слов, воплощающих лингвокультурный типаж Обломов;
- интерпретативный культурологический анализ ассоциаций, связанных с изучаемым типажом;
- контекстуальный анализ;
- анализ коротких сочинений, написанных информантами на тему, соответствующую содержанию типажа;
- анализ ассоциативных реакций информантов на вербальные обозначения типажа.

В ходе работы мы опирались на предлагаемую нашими предшественниками структуру исследования лингвокультурного типажа как концепта, включающую в себя несколько компонентов: 1) характеристику социально-исторических условий, в рамках которых выделяется типаж; 2) перцептивно-образное представление о типаже; 3) понятийные характеристики, построенные на дефинициях, описаниях, толкованиях; 4) ценностные признаки – оценочные высказывания, характеризующие как приоритеты данного типажа, так и его оценку со стороны его современников и носителей сегодняшней лингвокультуры [5, с. 218]. Несколько упрощая, выделим, вслед за В.И. Карасиком, в структуре лингвокультурного типажа образный, понятийный и ценностный компоненты.

По нашим предварительным данным, ценностный компонент будет значительно превалировать над понятийным. В первую очередь, это связано с фикциональной природой изучаемого объекта, поскольку там, где есть вымышленное, непременно присутствует неоднозначность и многоаспектность интерпретаций, множественность оценок, о чём уже упоминалось выше. Поэтому, мы полагаем, что пирамидальная структура (минимальный по объёму объективных характеристик логико-рационального содержания понятийный компонент, затем – образно-перцептивный, и, наконец, самый значительный по объёму – ценностно-оценочный) присуща всем объектам такого типа (то есть лингвокультурным типажам с фикциональной основой). Тем не менее, данная гипотеза ещё нуждается в проверке и уточнении.

ЛИТЕРАТУРА

1. Блейхер В.М., Крук И.В. Толковый словарь психиатрических терминов, 1995. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://slovo.yaxy.ru/102.html>
2. Дмитриева О.А. Лингвокультурные типажи России и Франции XIX века: Монография. Волгоград: Перемена, 2007. – 307 с.
3. Дружинин А.В. "Обломов". Роман И. А. Гончарова // Роман И.А.Гончарова "Обломов" в русской критике : Сб.статей / Сост., авт. вступ. статьи и комментариев Отрадин М.В. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1991. – С. 106-125
4. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс: монография. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
5. Карасик В.И. Языковые ключи. – М.: Гнозис, 2009. – 406 с.
6. Кубрякова Е.С. Концепт // Краткий словарь когнитивных терминов / Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Под общей редакцией Е.С. Кубряковой. М.: Филологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, 1996. – С. 245.
7. Маслова В.А. Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. Учеб. заведений. –М.: Издательский центр "Академия", 2001. – 208 с.
8. Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М. "Русский язык" – 1989. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.edudic.ru/oje/28454/>
9. Сергеева Г.Г. Национально-прецедентные имена в восприятии подростков // Вестник ВГУ. Серия лингвистика и межкультурная коммуникация, 2003. – № 2, – С. 27-34.
10. Степанов Ю.С. Константы: словарь русской культуры. – М.: "Языки русской культуры", 1997. – 824 с.
11. Тирген П. Замечания о рецепции Гончарова в немецкоязычных странах // И. А. Гончаров: Материалы Международной конференции, посвященной 185-летию со дня рождения И.А. Гончарова. Ульяновск, 1998. – С. 44-55.
12. Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=37581>
13. Шюманн Д. Бессмертный Обломов. О внелитературной жизни литературного героя // Материалы Международной научной конференции, посвященной 190-летию со дня рождения И. А. Гончарова. Ульяновск, 2003. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.goncharov.spb.ru/shumann/>

Розділ IV

ДИСКУРС. ХУДОЖНІЙ ДИСКУРС. МОВА ЗАСОБІВ МАСОВОЇ КОМУНІКАЦІЇ

УДК 811.161.1:81'42

Наталія Барбара
(Конотон)

УКРАИНИЗМИ-ВКРАПЛЕНИЯ В РУССКИХ ГАЗЕТНЫХ ТЕКСТАХ

У статті проаналізовані семантико-стилістичні аспекти використання в текстах ЗМІ Росії українізмів-вкраплень, способи введення їх у текст. Виокремлені такі групи: 1) номінації української держави, атрибутів суспільного життя; 2) цитування пісень, анекдотів, СМС; 3) вкраплення, що відбивають реалії повсякдення; 4) номінації власних назв.

Ключові слова: *українізм, вкраплення, російська преса, мова-реципієнт.*

The article analyzed the semantic and stylistic aspects of using Ukrainisms-inclusions in the texts of Russian mass media, the methods of their introduction into the text. Singled out the following groups of inclusions: 1) the nominations of Ukrainian state; 2) citing of songs, jokes, messages; 3) inclusions that reflect the realities of everyday life; 4) the nominations of proper names.

Key words: *Ukrainians, inclusions, the Russian press, speech-recipient.*

Традиции использования лексических, фразеологических, синтаксических и поэтических средств украинского языка для передачи специфики украинской речи, реалистически правдивого или же субъективного отражения событий и образов, связанных с жизнью Украины и ее народа, заложены еще Н. В. Гоголем, продолжены писателями и публицистами XX века [2, с. 228]. "Язык есть символическое руководство к пониманию культуры" [11, с. 162], языковые явления – ассоциативно опосредованные представления о национальном культурологическом пространстве. Закономерным, на наш взгляд, является использование разного рода заимствований в текстах прессы одной страны о жизни в другой, близкой по культуре и языку. Социально-экономическими причинами таких заимствований являются коммуникативная актуальность обозначаемых ими понятий, престижность иноязычных слов [4, с. 147], "изменения в психологическом настроении масс, в их языковых вкусах" [3, с. 8]. Украинизмы текстов русской прессы находятся в благоприятных условиях для адаптации и закрепления в русском лексиконе, поскольку внутри последнего уже сформировался значительный пласт заимствованной украинской лексики, образовавший культурно и социально значимое смысловое пространство, что отражает взаимодействие культур.

В отличие от собственно заимствованных слов, иноязычные вкрапления находятся на начальном этапе своей адаптации в языке-реципиенте. Их определяют как "слова в звуковом или графическом виде донорского языка" [8, с. 159]. Вслед за Л. П. Крысиным и Е. А. Ткаченко, к вкраплениям относим также введенные в текст с определенной содержательной или стилистической целью отрывки иноязычных текстов – слова, словосочетания, предложения, их объединение [10, с. 83]. Кроме оригинальной, во вкраплениях возможна и графика языка-реципиента, которая максимально близко отражает фонетику иноязычного заимствования [5, с. 158]. Этимологическая близость языков,

общность значительной части лексического фонда, сходство грамматических систем способствуют тому, что украинские вкрапления в текстах русских СМИ в значительной мере сохраняют звуковой строй своих прототипов в языке-источнике. Контексты из современной русской прессы позволяют говорить о высокой частоте использования украинизмов-вкраплений в материалах прессы России.

Украинские вкрапления, выявленные в русских газетных текстах, систематизированы нами в следующие группы: 1) номинации украинского государства и атрибутов его общественно-политической жизни; 2) цитирование текстов песен, стихов, анекдотов, СМС; 3) вкрапления, отражающие реалии повседневной практики, передающие обиходную речь украинцев; 4) номинации имен собственных.

Вкрапления – **номинации украинского государства** и атрибутов общественно-политической жизни отличаются регулярностью использования в различных СМИ. В текстах, описывающих украинские реалии, используется субстантивированное прилагательное *"Незалежна"* как синоним названию государства в материалах различного тематического направления, без сопровождения какими-либо комментариями: *"Первым шагом станет инвентаризация котельных, которых в Незалежной насчитывается около 30 тысяч, из них 64 % работают на природном газе"* (Известия 13.02.09) и т. д. Зафиксированы случаи, когда рассматриваемая лексема пишется с маленькой буквы и в кавычках, но с той же семантико-стилистической нагрузкой: *"Кабмин повесил на "Укргаз-Энерго" 20 % НДС, и это единственный поставщик в "незалежной", кого так наградили власти"* (Ведомости 28.03.06). Отметим, что в русском языке слово приобрело нехарактерную для него мягкость [л] перед [э]: [л'э], что и передается с помощью русской графики. *"Незалежність"* как понятие, наполненное сакральным смыслом, в материалах российских журналистов представлено с помощью графики языка-донора, что позволяет акцентировать внимание на его значимости: *"...Толпа... скандировала: "Не-за-леж-ність! Не-за-леж-ність!"*" (Ведомости 14.01.05).

Наряду со словосочетанием "украинский язык" русские журналисты используют вкрапление "мова", позволяющее создавать украинский колорит, передавать иронию авторов, вскрывает существующую в Украине языковую проблему: *"Штандартен-фюрер заговорил на мове. Киеву покажут "Семнадцать мгновений весны" на украинском языке. На нем теперь говорит Штирлиц, а также его враги и друзья, оказавшиеся из-за незнания мовы на грани провала"* (Известия 29.05.08). Использование вкрапления без синонимов или графо-семантических средств позволяет говорить о значительной степени адаптации украинизма. Рассматриваемое вкрапление выступает элементом каламбуров: *"Мовіе на мове"* (Страна 01.02.07). Украинизм *мова* используется как символ национальной идентичности: *"Сейчас скроить нацию по лекалам мовы пытается Украина"* (Известия 22.06.05); *"Василий Герелло, ...один из лучших баритонов Европы: "Мы с женой ...разговариваем только на украинской мове"*" (Известия 09.07.02). Акцент на значимости украинского языка как родного для его носителей не всегда позитивно воспринимается некоторыми авторами публицистических материалов в России. Вкрапление *мова* в таких случаях манифестирует ироническую позицию журналиста: *"Украина отравила мову на выставку. На Украине, пытающейся внедрить в обиход родную мову, открыли выставку "Украинский язык: от запретов до утверждения"*" (Известия 11.11.01). С экспрессивно-стилистическими целями лексема *мова* используется как символ западного вектора в политике Украины (*"Роман Зварич – "иностранец" в украинском правительстве,.. говорящий на мове с американским акцентом, сторонник сближения Украины... с Западом"* (Известия 07.02.05)); как антоним прагмеме "русский язык" (*"Сумеет ли Крым отстоять русский язык? ...Рассматривается вопрос о ...вещании телекомпании на украинской мове"* [Известия 19.10.06]).

Украинскую Революцию 2004 г. в русских СМИ, как правило, называют "оранжевой", но также зафиксировано использование украинизма в сопровождении русского эквивалента: *"Накануне третьего тура президентских выборов следов "померанчевой" (оранжевой) революции в столице Украины почти не осталось"* (Ведомости 27.12.04). В русском языке

существует прилагательное "померанцевый", соответствующее украинскому "помаранчевый" [7, т. II, с. 602], очевидно, отклонение в передаче украинской лексемы произошло под влиянием нормы языка-реципиента.

Неизбежным атрибутом материалов об Украине являются украинизмы – **прецедентные тексты**, манифестирующие реалии политической борьбы в стране. Наиболее популярные вкрапления этого типа – лозунги выборных кампаний. Например, слоган "Так!" используется 1) как символ всей Оранжевой революции: "*В городе снова появляются оранжевые флаги, знаменитые "стрички" и прочие "так"-атрибуты*" (Ведомости 25.11.05); 2) выступает образным (метонимическим) наименованием Виктора Ющенко ("*Человек недели: "Так!" победил*" (Ведомости 03.04.06). Омонимичная русской *так* "1. Именно таким образом, не как-нибудь иначе. 2. До такой степени, настолько. 3. Без последствий, безрезультатно (разг.). 4. Без особого намерения" [6, с. 642]), лексема позволяет создать игру слов.

Цитирование текстов песен, стихов, анекдотов, СМС. Среди украинских вкраплений в текстах русской прессы следует выделить цитирование **фольклорных произведений**. Заимствования такого типа выражают ментальность украинцев наиболее ярко, поскольку "традиционное (народное) дискурсивное использование языка выработало целый ряд особенных фольклорных форм ее использования – через заговоры, верования, повествования-мифы (сказка, легенда, пересказ, анекдот), вербальные фрагменты многочисленных обрядов и ритуальных действий и т. п." [1, с. 19]. Примечательно, что анализируемые вкрапления используются не только в материалах этнографической, культурно-исторической тематики, но и в текстах политических, экономических новостей, философско-аналитических обзорах о ситуации в Украине. Так, журнал "Коммерсантъ" анализирует значение присоединения украинских земель к Российской империи, делая выводы в том числе о негативных последствиях этого исторического события для украинцев, сравнивает его с песенкой, "*которую потомки отчаянных участников Переяславской рады распевали после введения Екатериной II крепостного права на вольных казацких землях: "Катерына, вража маты, що ты наробыла!"*" (Коммерсантъ 13.01.04). Свободолюбие, неприятие насилия человека над себе подобным как важная черта украинцев выражены журналистом путем введения вкрапления из украинского фольклора с использованием средств русской графики.

Еженедельник "Вокруг света", специализируясь на географической и исторической тематике, представляет много материалов об этнокультурных особенностях украинцев. Российский этнограф, приехавший в Западную Украину, изумлен, насколько тесно сосуществуют верность древним традициям, радушие с прагматичным восприятием жизни современными украинцами. Исследователь, описывая кукольный вертеп, посредством русской графики вводит вкрапления из текста представления, разыгранного простыми людьми специально для гостя: "*Крылатый ангел... обращается: "Мы пришли до вашей хаты, чтобы все вам рассказать про чудесную новину, про небесную дытину... Ирод возмущен: "Ты что же, пророче, царя смертью смеешь пугать? Да где же ты бачил, чтоб царь смерти боялся?" Входит смерть с косой: "Не такие герои были, як ты!"*" (Вокруг света 9/01). Автор отражает наиболее характерные для украинской речи особенности (суффикс инфинитива *-ти*, использование предлогов *до, про*; украинская лексема "*бачив*" передается с русской морфемой *-л*).

Гостеприимными, лиричными и открытыми представляются украинцы и россиянину-социологу, который, попав в гости к своим львовским коллегам, ничего оригинального не ожидал, "*но хозяйева вдруг запели: "Несе Галя воду, коромысло гнеця, А за нею Йванко, як барвинок вьєця..." Пели, отчетливо проговаривая каждое слово, вдумчиво пропевая каждую ноту... Сам не замечая когда, как, я включаюсь в хор и пою, старательно смягчая на украинский манер твердые окончания своих приокских глаголов: "Он на.../ Ой на гори тай женьци жнуть.../ А по пид горою, по пид зеленою/ Козаки йдуть!"*" (Вокруг света № 5/98). С помощью вкраплений подчеркивается лиризм украинцев, покоривших абсолютной

уверенностью, что их песня не может не быть понятной и близкой русскому, не может не захватывать, не заставляя сопереживать.

Особую роль вкрапления-цитации украинской речи играют в анекдотах, лаконично и четко описывающих национальные черты украинцев. Русские рассказчики чаще всего имитируют черты украинской речи, наиболее характерные для южнорусских диалектов. "Сюда относится произнесение фрикативного *z* на месте русского литературного взрывного *z*, *и* на месте русского литературного *e* и на месте русского литературного *o*, использование союза *що* вместо русского литературного *что*" (Страна 1 / 07). Мягкий украинский юмор, незлобивость натуры, щедрость, эмоциональность, открытость, смекалка – эти позитивные черты соседствуют в анекдотах с такими негативными чертами, как скупость, недалекость и т. д. Для создания этнонационального колорита в качестве прямой речи украинца вводятся лексемы украинского языка: "Смотрит хохол, а у соседа свинья на костылях по двору ковыляет. Он кричит через забор: "Мыкола, що у тэбэ поросья-то на костурах ходыть?" – "А ты що думав, я за мыску холодицю усю скотыну губыты буду?"" (Газета 17.05.08). Нелюбовь части украинцев к русским, готовность к сопротивлению властям воспринимаются русскими как неотъемлемая часть украинской натуры, что находит выражение в анекдотах с помощью вкраплений: "Дед Панас и внук пьют чай. "Диду, а правду люды кажут, що у тэбэ в лису три танка е?" – "Брэшуть, внучку, брэшуть". – "Диду, а правду люды кажут, що у тэбэ в лису пять пушек?" – "Брэшуть, внучку, брэшуть". – "А шо в озерку пидводна лодка плавае?" – "От чого нэма, того нэма"; "Москали е? – Немае. – Тогда будем говорить по-русски" (Страна 1 /07).

Одним из новых малых жанров фольклора в Украине стали тематические СМС. Русские журналисты, работающие в Украине, используют в своих материалах эти новые малые фольклорные жанры, демонстрируя тем самым отношение простых украинцев к определенным событиям. Так, освещая реакцию народа на очередную "газовую войну" России и Украины, газета "Ведомости" написала: "По мере того как холода становились все ближе, менялась и реакция – почти всех в Киеве обошел "веселенький" СМС: "Жадность есть грех, и москаль замерзает – в Москве – 39, Христос Ся хрецаэ" (поздравление с Крещением Господним)" (Ведомости 27.01.06). Практически весь текст передан на русском языке, но, по мнению автора, достаточно и одного украинского слова для создания необходимого колорита, чтобы подчеркнуть юмор, злорадство украинцев. Из-за отклонения от норм украинской грамматики искажена рифма (*замерзает – хрецаэ*), но это, очевидно, не считается важным.

Украинская поэзия известна адресатам российских СМИ, поскольку достаточно часто авторы используют вкрапления-цитаты из произведений классиков: "Пора приступить к описанию сердца Крещатика – Майдана Незалежности. "На Майдани... революция идэ" (Павло Тычина)" (Вокруг света 11/05). Реминисценция позволяет создать колорит, добиться расширения значения контекста. Свободолюбие украинцев, вылившееся в формирование уникального феномена – казачества – явилось одной из тем статьи в альманахе "Вокруг света". Завершая рассказ о Запорожской Сечи, журналист цитирует поэтические строки, сопровождая их частичным переводом: "'Було колись – в Україні ревіли гармати (пушки); було колись – запорожці вмiли панувати. Панували, добували і славу, і волю; минулося – осталися могили на полі", – писал Тарас Шевченко, підводя итог двухвековой истории Запорожской Сечи" (Вокруг света 14.08.08). Подобные материалы знакомят русских читателей с украинской поэзией в оригинале.

Цитаты из текстов известных произведений рассчитаны на достаточно глубокое знание украинского языка, читателям предлагается оценить перевод, который сопровождается эмоциональными комментариями. Внимание журналистов привлекли украинские переводы произведений Н. В. Гоголя: "Местные книгоиздатели заменили в свежем тираже "Тараса Бульбы" слово "русский" на слова "украинский" и "казачий". Теперь фраза "Пусть же славится до конца века Русская земля!" стала звучать "Хай же славна буде довіку козацька земля!"" (Новые известия 31.03.09). Контекст представляет в

иронической форме стремление украинцев к самостоятельности, переоценке культурных и исторических ценностей.

Вкрапления, передающие обиходную речь украинцев, как правило, отражают мнения простых людей по поводу тех или иных событий. Они очень редко сопровождаются переводом, часто содержат грамматические ошибки, а также стремлением с помощью русской графики передать просторечие, суржик, используемые украинцами в быту: *"Таксистка... поинтересовалась: "А що це такэ – афтокефальность? И як же говорять, что у Филарета в церквах святого духа нема?!"*" (Известия 30.07.08). В контексте статьи вкрапление без лишних объяснений представляет искреннюю религиозность части украинцев, не обращающих внимания на внешние атрибуты религии, в частности, на язык богослужения.

Негативно относясь к тезису "Севастополь – столица украинских моряков", журналист "Русского репортера" вкладывает в уста молодых украинских моряков малограмотные фразы: *"Це наш город, – веско, напирая на фрикативную "гэ", сообщает горожанам морячок. – Севастопиль – це Украина". – "Да помолчи ты, хохол", – беззлобно одергивает его товарищ. – Тетушка обращается к прохожему: "Молодежь!.. За Россию!" – "Шо еще здесь за Россия? Ща по кумпол получишь!"*" (Русский репортер 24.07.08). Однако текст статьи в целом презентует украинцев как толерантных индивидуалистов, для которых организация экскурсий по Севастополю, качественный отдых гораздо более важны, чем политические акции.

Единичные вкрапления-лексемы, отражающие реалии повседневной практики, в текстах материалов прессы России используются, чтобы подчеркнуть своеобразность украинской культуры, заставить читателя задуматься над смыслом сказанного. Так, в украинской "Песне о Сагайдачном" журналист особенно выделяет *"это великопепное "не журися"*", уточняет у украинцев: *"А как перевести "необачный"?"* (Вокруг света 5/98) и констатирует, что по смыслу невозможно найти равноценный перевод (текст песни приводится с помощью русской графики): *"Обсудили и отвергли... "безрассудный", "вздорный", "неосмотрительный", "беспечный", "легкомысленный", "незадачливый", "непутевый"... Все было близко, но все "не то"*" (там же). Семантическая лакуна *необачный* приглашает читателя вдуматься в содержание фольклорного произведения. Рассказывая о природных ландшафтах и отношении к их сохранности в Украине, борьбе общественности за заповедные земли, автор использует вкрапление *"заповит"*: *"...Заповедные места, памятники природы, заповедники – это всегда заповедь-завещание, заповит, как говорят украинцы, потомкам"* (Русский репортер 05.05.08). Стремясь передать впечатления от прогулки по Крещатику с максимальной полнотой, журналист сопровождает материалы фотографиями, попутно приглашая читателя задуматься, *"как удачно и точно зовутся по-украински фотографии "свитлынами" (от слова "свет") и слайды "прозирками" (по-русски – "прозрачными")"* (Вокруг света 11/ 05).

Вкрапления в текстах прессы служат для конкретизации наименований, выполняя при этом экспрессивную функцию (в цитациях сохранена журналистская орфография): *"Живописные улицы украинской столицы – извилистые крутонаклоненные спуски ("узвізи")"* (Вокруг света 03.09.07); *"Живописная местность Межигорья расположена в 20 км от Киева... Не случайно оно было выбрано в качестве загородной резиденции членов правительства Радяньської України"* (Вокруг света 6/ 97).

Во вкраплениях рассматриваемой группы встречаются ошибки, вызванные незнанием языка или же стремлением с максимальной точностью передать специфику звучащей украинской речи. Материал фиксирует случаи смешения русской и украинской графики для передачи заимствований.

Среди вкраплений – **номинаций имен собственных** отмечена группа названий периодических изданий, предприятий, учреждений, известных торговых марок и др., переданных с помощью украинской графики: *"Превратить "Известия" в "Вісті"? В Верховную Раду поступил законопроект, предписывающий всей украинской прессе выходить*

исключительно на мове" (Известия 30.03.09) и т. д. Стилистические функции таких вкраплений – создание колорита, точное наименование реалий украинской практики, более полное представление основной мысли материала. Еще один способ передачи украинских вкраплений – русская графика в сочетании с украинской лексемой, существенно отличающейся в переводе: "С большим успехом прошла презентация "Березовой на бруньках"" (Известия 12.02.07). Очевидно, присутствия одной украинской лексемы, по мнению журналистов, достаточно для создания необходимого колорита (*бруньки – почки*), в то же время, авторы не видят необходимости транслитерировать украинское произношение близких русскому слов. Названия популярных в России украинских песен, стихотворений, фестивалей, имена литературных персонажей передаются, как правило, с отклонениями от норм украинского языка: "Из фолка были только "Ихали козаки" и "Пріди до мене, Галю" в характерной "воплинской" рок-обработке" (Новая газета 02.04.08); "Онлайн-игры "Путешествие по хаті Солохи" увеличили рост книжных продаж" (Новые известия 31.03.09). Неразличение журналистами украинских *i – і* типично.

Таким образом, в качестве вкраплений – номинаций украинского государства, его атрибутов используются "знаковые" для украинской общественно-политической жизни лексемы, хорошо известные российскому читателю, обладающие широкими ассоциативными связями. Вкрапления-цитации текстов фольклорных и литературных произведений присутствуют в русских СМИ различной направленности как средства выражения лиризма, юмора, злорадства, скупости и щедрости, свободолюбия украинцев. Вкрапления, отражающие реалии повседневной жизни, номинации имен собственных служат для создания этноспецифического колорита, более точного названия реалий.

Близкородственные языки, сходство графики, длительное пребывание народов в едином культурно-историческом пространстве, значимость для россиян событий в современной Украине делают вкрапления-украинизмы понятными адресатам российских СМИ, не требующими перевода и дополнительного толкования. Стремясь отразить произношение максимально близко к оригиналу, русские журналисты используют как средства русской графики, так и украинской, иногда смешивая их в одной фразе. Как свидетельствуют приведенные контексты, в текстах российской прессы доброжелательно представляется такая ментальная черта украинцев, как способность к творчеству, лиризм, открытость, прослеживается устойчивый интерес к достижениям украинских исполнителей, писателей, к истории, традициям и культуре страны-соседа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Жайворонок В. В. Українська етнолінгвістика : Нариси : [навчальний посібник для студентів вищих навчальних закладів] / В. В. Жайворонок. – К. : Довіра, 2007. – 264 с.
2. Їжакевич Г. П. Українсько-російські мовні зв'язки радянського часу / Г. П. Їжакевич. – К. : Наукова думка, 1969. – 304 с.
3. Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи: [из наблюдений над речевой практикой масс-медиа] / В. Г. Костомаров. – М. : Педагогика-пресс, 1994. – 247 с.
4. Крысин Л. П. Языковое заимствование как проблема диахронической социолінгвістики / Л. П. Крысин // Диахроническая социолінгвістика. – М., 1993. – С. 132–146.
5. Лінгвістический енциклопедический словарь [ред. В. Н. Ярцева]. – М. : Советская энциклопедия, 2002. – 709 с.
6. Ожегов С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов/ [ред. чл.-корр. АН СССР Н. Ю. Шведова]. – 19-е изд., испр. – М. : Русский язык, 1987. – 750 с.
7. Селіванова О. О. Сучасна лінгвістика : термінологічна енциклопедія / О. О. Селіванова. – Полтава : Довкілля – К., 2006. – 716 с.
8. Словарь современного русского литературного языка : [в 17 т.] / [чл.-корр. АН СССР В.И. Чернышев (главный редактор)]. – М.–Л. : Наука, 1954 – 1965.
9. Русско-украинский словарь : [в 3 т.] / [ред. кол. : И. А. Багмут, И. К. Белодед (предс.), С.И. Головащук, Л. Л. Гумецкая и др.]. – К. : Наукова думка, 1969.

10. Українська мова : Енциклопедія / [редколегія : Русанівський В. М., Тараненко О. О., Зяблюк М. П. та ін.]. – 2-ге вид., випр. і доп. – К. : Вид-во "Українська енциклопедія" ім. М.П. Бажана, 2004. – 824 с.
11. Sapir E. Culture, Language and Personality : Selected Essays edited by David G. Mandelbaum / Sapir, Edward. – University of California Press : Berkeley and Los Angeles, 1966. – 207 p.

УДК 801.6:81'373.231:82

Елена Бражник
(Горловка)

ОНИМНОЕ ПРОСТРАНСТВО СТИХОТВОРЕНИЯ "ЮДИФЬ" Н. ГУМИЛЁВА

Статтю присвячено опису онімного простору вірша "Юдіфь" М. Гумільова, що репрезентовано складною образною системою власних імен, які мають прямі та переносні значення й відображають духовні шукання поета.

Ключові слова: *онімний простір, "онімний код", конотації, конотема, біблейський онім.*

The article deals with the disclosure of onyms' space of N. Gumilev's poem "Judif" represented by complicated imagery of proper names having direct and figurative meaning and reflecting spiritual guests of the poet.

Key words: *onyms' space, "the onyms' code", connotations, connoteme, biblical onyms.*

П. А. Флоренский свои мысли о природе имени поясняет так: "Имена, которым присуща высочайшая цельность, являются "фокусами" мысли и социальной энергии, а потому высочайшей ценностью. Человечество верит им, доказывая свою веру самым сохранением имен. Их невозможно придумать, как нельзя изобрести новые религии – "существующие имена суть некоторый наиболее устойчивый факт культуры и важнейший из ее устоев". Благодаря имени возможен процесс познания: связь познающего с познаваемым, с познаваемой субстанцией совершается посредством имени" [9, с. 277]. Именно имена являются связующим звеном между читателем творчеством Н. Гумилёва.

Среди работ, посвященных исследованию наследия поэта, следует отметить публикацию И. В. Алонцевой, рассматривающей образ Италии в лирике Н. С. Гумилева через призму итальянских антропонимов, и диссертацию Е. Ю. Раскиной, в которой она вполне обоснованно называет Гумилёва "поэтом сакральной географии" [1; 6]. Библиографической редкостью стала монография Ю. В. Зобнина "Н. Гумилев – поэт Православия". Автор книги (историк русской литературы XIX–XX веков) утверждает, что:

– Гумилев занимает исключительное место в русской культуре XX века, поскольку его биография резко выделяется среди прочих писательских судеб некоторыми, импонирующими современному читателю чертами;

– Гумилев занимает исключительное место в русской культуре XX века, поскольку является непревзойденным мастером стиха, выразившим в возможной полноте специфические особенности новейшего российского поэтического языка;

– Гумилев занимает исключительное место в русской культуре XX века, поскольку его тематика (прежде всего, экзотического толка) не имеет аналогов в современном русском искусстве;

– Гумилев занимает исключительное место в русской культуре XX века, поскольку его поэтическое мировоззрение содержит элементы, отсутствующие или слабо выраженные в русском искусстве нашей эпохи, но жизненно необходимые для позитивного самосознания читателя" [4].

Таким образом, одной из актуальных и нерешенных задач русской ономастики является изучение собственных имён в идиостиле Н. Гумилёва.

Цель предлагаемой публикации заключается в описании онимного пространства стихотворения "Юдифь" Н. Гумилёва. Для достижения поставленной цели ставятся и решаются следующие задачи:

- раскрыть "онимный код" произведения;
- определить дополнительные значения имен собственных;
- охарактеризовать литературный подтекст стихотворения.

В своем творчестве Н. Гумилев обращался ко многим видам собственных имен. Их функциональная значимость у поэта подтверждена тем, что они вынесены в заглавие. По мнению И. В. Арнольда, "имя в заглавии – квинтэссенция идеи произведения, оно играет существенную роль в раскрытии иерархии выраженных в произведении образов и идей" [2, с. 40].

Обилие имен собственных в лирике Н. С. Гумилева позволяет предположить, что они являются доминантами его творчества. Именно онимы определяют то, как мы воспринимаем поэтический текст. Например, в онимном пространстве "**Юдифи**" присутствуют четыре антропонима, которые являются библейскими:

*Какой мудрейшею из мудрых пифий
Поведан будет нам неллицемерный
Рассказ об иудеянке **Юдифи**,
О вавилонянине **Олоферне**?*

*Ведь много дней томилась **Иудея**,
Опалена горячими ветрами,
Ни спорить, ни покорствовать не смея,
Пред красными, как зарево, шатрами.*

*Сатрап был силен и прекрасен телом,
Был голос у него, как гул сраженья,
И все же девушкой не овладело
Томительное головокруженье.*

*Но, верно, в час блаженный и проклятый,
Когда, как омут, приняло их ложе,
Поднялся ассирийский бык крылатый,
Так странно с ангелом любви несхожий.*

*Иль может быть, в дыму кадьлицы рея
И вскрикивая в грохоте тимпана,
Из мрака будущего **Саломея**
Кичилась головой **Иоканаана** [3].*

Стихотворение написано в 1914 году. В это время началась война. Н. Гумилёв, имевший все права, как "белобилетчик", решил во что бы то ни стало идти на фронт [5, с. 94]. Сергей Маковский в своих воспоминаниях об этом пишет: "Муза Гумилёва нашла себя в "военных" стихах. Здесь прямая, простая и напряженная мужественность поэта создала себе самое достойное и подходящее выражение. Война, как *серьезное*, строгое и святое дело, в котором вся сила отдельной души, вся ценность напряженной человеческой воли открывается перед лицом смерти. Глубоко религиозное чувство сопутствует поэту при исполнении воинского долга" [5, с. 51]. Искание образов и форм, по своей силе и яркости соответствующих его мироощущению, влечёт Николая Степановича к библейской теме.

Так, *Юдіфь, или Иудіфь* – персонаж ветхозаветной второканонической "Книги Юдифи". Иудейская героиня, патриотка и символ борьбы иудеев против их угнетателей в древности на Ближнем Востоке. Она "красива видом и весьма привлекательна взором" (Иудифь.8:7). После того, как войска ассирийцев осадили её родной город, *Юдіфь* нарядилась и отправилась в лагерь врагов, где привлекла внимание полководца *Олоферна*. Когда он напился и заснул, она отрубила ему голову, и принесла её в родной город, который таким образом оказался спасен. Библейская энциклопедия архимандрита Никифора считает датой этого подвига 589 год до н. э. [10].

Саломея (5 год или 14 год – между 62 и 71) – иудейская царевна, дочь Иродиады и Ирода Боэта, падчерица Ирода Антипы; впоследствии царица Халкиды и Малой Армении. Один из персонажей Нового Завета (однако там она упомянута лишь как дочь Иродиады Мф.14:6). Библейская легенда гласит: "После Крещения Господня святой Иоанн Креститель был заключен в темницу Иродом Антипой, правителем Галилеи. Пророк Божий открыто обличал Ирода в том, что тот, сожительствовал с Иродиадой, женой своего брата Филиппа. В день своего рождения Ирод устроил пир. Дочь Иродиады – *Саломея* плясала перед гостями и угодила имениннику. В благодарность девице, он пообещал дать все, что она захочет, даже половину своего царства. По совету матери, *Саломея* попросила у Ирода в награду принести ей на блюде голову святого. *Иоанну Крестителю* тут же отрубили голову и принесли *Саломее*. Божий гнев обрушился на тех, кто решился погубить пророка" [8].

Проведенный анализ поэтического текста показал, что имена собственные действительно являются его смыслообразующими элементами, так как от степени их "узнаваемости" зависит понимание содержания и соответственно формирование у читателя литературного подтекста. Для выражения своего настроения автор вводит семантическую группу "*библейских антропонимов*" – *Юдіфь, Саломея, Олоферн, Иоканаан*. Она приобретает у Н. Гумилёва ведущее положение. Перечисленные онимы вводят в стихотворение четыре коннотации, раскрывающие содержание всего произведения.

Взгляд на войну у Гумилёва особый, глубоко лирический и потому независимый от идеологических шаблонов. Картина, которую рисует гумилевское стихотворение, напоминает композиционное построение, линии которого сходятся в точке, расположенной в имени *Юдіфь*. В нём у поэта синтезированы два образа – "Россия" и "война". Литературный подтекст их следующий: Россия – это не воюющая империя, а навеки данное Отечество, территории, населению и культуре которого угрожает интервенция. Война – это фатальная необходимость, в которой Россия объявлялась "заступницей", бескорыстно защищающей суверенитет славянских народов. Россия, поднявшаяся как один человек, отразит дерзкий натиск врага.

Философия стиха раскрывается от строфы к строфе постепенно, по мере проникновения взгляда читателя в содержание имен собственных. Их автор наделяет дополнительными значениями. Например, оним *Олоферн* реализует в строках произведения две коннотации: одна – "враг", другая – "вероломство немцев". Далее библейский антропоним *Саломея* отсылает нас к образу Германии – зачинщицы мировой смуты, объявившей войну не раз спасавшей её России. Одновременно с этим значением в имени формируется ещё один оценочный компонент – "война, как угроза". Таким образом, *Саломея* у Н. Гумилёва становится прототипом "агрессии", "жестокости" и "смерти". И, наконец, заключительная строка, исходная точка – оним *Иоканаан*, завершающий стихотворение и синтезирующий в своей структуре две коннотемы: первая – "русский народ, судьба которого неизвестна" и вторая – "трагизм".

В заключении попытаемся на основе всего сказанного охарактеризовать "онимный код" (термин предложен Ю. А. Рыловым) прочитанного. Вслед за Ю. А. Рыловым, целесообразно применение этого термина, так как с помощью имён происходит воплощение авторских замыслов [7, с. 100].

Итак, поэтическое мастерство Гумилёва позволяет нам с помощью семантической группы "*библейских антропонимов*" понять два основных аспекта "войны": война, как

призыв и фатальная необходимость, и война, как угроза, жестокость и смерть. Однако в стихотворении отсутствует законченная мировоззренческая концепция, и оно (стихотворение) имеет открытый финал: поставленный в последних строфах с помощью проприальной лексики вопрос "Кто будет победителем в этой войне?" остается открытым, несмотря на то что антропоним *Иоканаан* напоминает нам о глубинной связи всех представших нам образов с центральным онимом *Юдифь*. Так в сложной образной системе литературных собственных имен отражены духовные искания Н. Гумилёва.

Практическая значимость работы заключается в том, что ее материалы и выводы могут быть использованы в обобщающих исследованиях по поэтической ономастике серебряного века, а также в ходе чтения спецкурсов по литературной ономастике.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алонцева И.В. "Поэтонимастическое пространство "итальянского текста" Н.С. Гумилева..." / И.В. Алонцева // Вестник Ставропольского государственного университета – 2008. – № 54 – С. 73-79.
2. Арнольд И.А. Основы научных исследований в лингвистике : учеб. пособие / И.А. Арнольд. – М.: Высш. шк., 1991. – 140 с.
3. Гумилев Н.С. Стихотворения и поэмы / Н.С. Гумилёв. – Москва: Современник, 1989. – 477 с.
4. Зобнин Ю.В. Николай Гумилев – поэт Православия [Электронный ресурс] / Ю.В. Зобнин. – Режим доступа: http://palomnic.org/bibl_lit/obzor/gumilev...
5. Крейд В.Н. Гумилёв в воспоминаниях современников / В. Крейд. – М.: "Вся Москва", 1990. – 315 с.
6. Раскина Е.Ю. Геософские аспекты творчества Н.С. Гумилева [Электронный ресурс] / Е.Ю. Раскина. – Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/geosofskie-aspekty-tvorchestva-ns-gumileva#ixzz2LqRZs39X>
7. Рылов Ю.А. Антропонимический код в художественном дискурсе // Системные и дискурсивные свойства испанских антропонимов : монография. – Воронеж: ВГУ, 2010. – 150 с.
8. Саломея: Википедия – свободная энциклопедия / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Саломея>
9. Флоренский П.А. Имена / П.А. Флоренский. – М.: ТОО "Купина", 1993. – 360 с.
10. Юдифь: Википедия – свободная энциклопедия / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Юдифь>

УДК 811.161.1'42

Алла Габидуллина
(Горловка)

СЛОВЕСНЫЙ ПОВТОР КАК СРЕДСТВО СОЗДАНИЯ КОМИЧЕСКОГО ЭФФЕКТА

У статті розглянуто різноманітні види словесного повтору як засоби створення комічного ефекту. Схарактеризовано фігури мовлення, побудовані на ампліфікації. Описано такі стилістичні фігури, як анафора, епіфора, симплока, антиметабола та ін.

Ключові слова: повтор, анафора, епіфора, симплока, антиметабола

Different kinds of words' repetition as means of making comic effect are examined in the article. Schemas set on amplification are characterized. Such stylistic devices as anafora, epifora, symploce, antimetabole and others are discribed.

Key words: repetition, anafora, epifora, symploce, antimetabole

Вербальний повтор не раз становився предметом дослідження лінгвістів. Разнообразие его видов и функций отражено в работах И.В. Арнольд, М.Я. Блох, О.А. Добижа, Е.А. Иванчиковой, Р.А. Вафеева, Т.А. Хазагерова и др. Он рассматривается учёными с разных позиций: как грамматическое средство русского языка (Е.И. Иванчикова, Л.В. Лисоченко и др.), способ создания экспрессии (А.Н. Кожин, Т.Г. Хазагеров и др.), как нарушение языковой нормы (И.В. Формановская, Т.А. Дегтярёва), как средство усиления, актуализации, гармонизации структуры текста (Г.Ф. Гаврилова, Е.И. Диброва, Е.Л. Колесниченко, Л.В. Лисоченко, Н.А. Николина, К.Э. Штайн и др.). В последнее время повтор изучается не только как стилистическое средство, но и как принцип выдвижения. "В микроконтексте в логическом плане повтор избыточен, поскольку его компоненты следуют друг за другом, поэтому повтор здесь выполняет функцию рекуррентности и характеризуется как стилистическое средство. В макроконтексте в результате взаимодействия элементов происходит выдвижение одних факторов за счет других, что обеспечивает структурную связность целого текста и устанавливает иерархию элементов" [3, с. 51]. В целом можно констатировать, что такое направление исследований в области языка объясняется не только собственно научной значимостью рассматриваемого явления для лингвистики текста, но и возможностью проанализировать идиостиль писателя, где языковые повторы являются приёмом концептуализации и актуализации смысла.

Цель статьи – показать особенности использования лексико-семантического повтора в комическом дискурсе. В творчестве сатириков XX-XXI в.в. словесный повтор – один из важнейших элементов игрового стиля, проливающих свет на мироощущение писателя, истоки его языковой картины мира, которая, в свою очередь, предопределена современной дискурсивной практикой.

Как правило, фигуры, основанные на повторе, базируются на синтаксическом параллелизме: прямом и обратном. Параллелизм соотносит между собой сегменты текста, образуя симметричные построения, упорядочивая композиционную структуру и воссоздавая смысловую однородность данных сегментов. Повтор направлен на то, чтобы преодолеть линейность текста, он заставляет читателя возвращаться к ранее декодированному сегменту текста и сопоставлять его с сегментом, декодируемым в данный момент.

Так, чертой идиостиля Михаила Задорнова является анафорический повтор, выполняющий эмоционально-усилительную функцию:

Только наши туристы за границей забывают номер своей комнаты в отеле и потом начинают тыкать карточкой гостя в замки всех номеров, проверяя, к какому подойдёт.

Только наши женщины за границей в отелях перед приходом уборщицы прибираются в своём номере и на вопрос мужа "Ты чего делаешь?" отвечают: "Сейчас уборщица придёт, а у нас не прибрано. Неудобно как-то! Что она о нас, русских подумает?"

Только наши туристы после того, как примут душ, не переключают его обратно на кран. Поэтому, когда приходит уборщица-housekeeping и включает воду, её голову сразу обдаёт вода из душа (М. Задорнов. Наши у них).

Ту же роль в его произведениях играет эпифора: *Умная жена – это счастье. Но горе – иметь это счастье!*

В речи персонажей словесный повтор нередко выполняет функцию актуализации обсессивного дискурса. Он строится как навязчивое повторение одних и тех же слов или их дериватов : *Вот когда понимаешь, сколько людей понимает, что этого лучше не понимать, становится понятным, откуда у нас столько непонятного!* (М. Задорнов. Я не понимаю).

Парадигматический повтор в художественном тексте – яркая характеристика вербального поведения "маленького человека" как представителя определенной социальной среды: *Что ни говорите, но ихним женщинам до наших далеко. Нет, я, конечно, с ихними женщинами близко не знакомился. Они меня близко не подпускали, но чувствую, что им до наших далеко: слабы они перед нашей женщиной* (Лион Измайлов. Наши женщины).

В нормативном (например научном) тексте назначение фигур, основанных на повторе, заключается в том, что они нужны для формирования доводов. В этой роли нередко выступает симплока (эпанафора) – комбинация анафоры и эпифоры. Синтаксический параллелизм реализуется здесь как рецессивное явление, поскольку в качестве основного в нем выступает позиционный лексический повтор. Вместе с тем синтаксический параллелизм – регулярное свойство этой стилистической фигуры, так как без него она не функционирует. Эта фигура символизирует закономерную связь предпосылки и результата, но в комическом тексте эта связь нарушается:

"Консерватория, аспирантура, мошенничество, афера, суд, Сибирь.

Консерватория, частные уроки, еще одни частные уроки, зубные протезы, золото, мебель, суд, Сибирь.

Консерватория, концертмейстерство, торговый техникум, зав. производством, икра, крабы, валюта, золото, суд, Сибирь.

Может, что-то в консерватории подправить? (М. Жванецкий. Консерватория).

Распространенный прием создания комического эффекта, основанного на вербальном повторе, – хиазм, или обратный параллелизм. Это трансформационная синтаксическая фигура, в которой даны как трансформ, так и исходная форма, а трансформация включает от одной до трех операций: 1) перестановка элементов исходной формы по принципу зеркальной симметрии (обратный параллелизм); 2) двойной лексический повтор с обменом синтаксическими функциями; 3) изменение значения полисемического слова или замена одного из слов исходной формы его омонимом" [1, с. 16]. В качестве обязательных признаков всех трех видов, таким образом, Э. М. Береговская выделяет два: 1) бинарность в словорасположении: исходная форма + перестановка; 2) параллелизм; повтор, антитеза, обмен синтаксическими функциями, появление нового значения – факультативные признаки [1, с. 15].

В произведениях сатириков встречаются, как правило, второй и третий типы хиазма. Именно они придают высказыванию комический эффект за счет противоречия, возникающего между инвертированными частями предложения.

Семантически осложненный хиазм характеризуется тем, что к перечисленным выше релевантным признакам добавляется двойной лексический повтор в "зеркальных" частях предложения. Такой хиазм часто сопровождается анадиплосисом (в первом примере): *Не надо переживать из-за всякой ерунды. А не из-за ерунды переживать уже поздно* (М. Жванецкий). *Лучше обед без аппетита, чем аппетит без обеда* (М. Жванецкий). *Надо прибавлять не годы к жизни, а жизнь к годам* (М. Жванецкий).

Интересным приемом, основанным на словесном повторе, является антанаклаза (антанакласис), т. е. последовательное употребление в узком контексте одного и того же слова в разных значениях:

- *Интересно, почему в русских народных сказках коза – символ мудрости?*

- *Так она же с козлом уживается! Да еще семерых от него родила. На это только мудрое животное способно.*

- *А козел? С чего тупых и дурных козлами называют?*

- *Так он же козу свою мудрую с серыми детишками бросил! Козел и есть козел!* (М. Задорнов). Здесь слово КОЗЕЛ употребляется в двух значениях: 1) 'Самец козы'; 2) перен. разг.-сниж. 'Упрямый, неприятный в общении человек' [2].

Комической фигурой в произведениях современных сатириков может стать антиметабола, заключающаяся в перекрестном расположении одинаковых слов, приводимом к смысловому противопоставлению в двух смежных параллельных отрезках речи. В антиметаболе внешнее сходство распространяется только на лексическое наполнение; обратная перестановка меняет характер синтаксических и смысловых связей у переставленных компонентов, тем самым первая часть фигуры с исходным расположением слов и вторая с обратным получают разное значение. Таким образом, внешнее сходство слов,

которое сначала дает повод к сопоставлению, завершается различием и даже противопоставлением, как в антитезе.

Антиметабола применяется как для установления соответствия и связи понятий, так и для их противопоставления. Приведем пример из диссертации Е.Л. Колесниченко [4, с. 105]: *Лучше с **трудо**м заниматься **любовью**, чем с **любовью** заниматься **трудо**м* (М. Жванецкий). В левой части многозначное слово *труд* имеет значение 'усилие, направленное на достижение чего-нибудь', в правой – 'работа, занятие'. Слово *любовь* также используется в разных значениях: 1) высокая степень эмоционально положительного отношения, выделяющего его объект среди других и помещающего его в центр жизненных потребностей и интересов субъекта (любовь к родине, к матери, к детям, к музыке и т. д.); 2) интенсивное, напряженное и относительно устойчивое чувство субъекта, физиологически обусловленное сексуальными потребностями и выражающееся в социально формируемом стремлении быть своими личностно-значимыми чертами с максимальной полнотой представленным в жизнедеятельности другого таким образом, чтобы пробуждать у него потребность в ответном чувстве той же интенсивности, напряженности и устойчивости.

Сильный парадоксальный эффект производит сочетание симплоки и каламбурного хиазма: *Воспитать овчарку в краденом ошейнике **не брать** из чужих рук под страхом смерти **даже колбасу**. И ведь эти лохматые **не берут даже колбасу** и **даже мясо**, **хотя мясо берут все*** (М. Жванецкий). В первом предложении и в главной части второго СПП – симплока: *не брать даже колбасу – не берут даже колбасу*. Каламбурный хиазм основан на антитезе *не берут – берут*, при этом реализуются сразу два значения глагола *брать*: '1. Захватывать рукой или чем-нибудь другим. 3. Получать в свою собственность'.

Еще один распространенный прием создания комического эффекта – метабола. Она представляет собой последовательное выделение того же слова или оборота сначала в качестве темы, а затем в качестве ремы высказывания: *Невероятно, но в слове "**преданный**" сразу два смысла, причём взаимоисключающие друг друга: **преданный кому-то** и **преданный кем-то**. Вроде как для нас разница всегда была не столь существенна, что не надо было придумывать лишнее слово. Например, народ, **преданный** правительством, или народ, **преданный** правительству. Думаю, чтобы никогда не ошибиться, надо всегда говорить: мы русские, народ, **преданный*** (М. Задорнов).

Метабола – это именно выведение в дискурс промежуточного понятия повтора, которое становится центральным, объединяет удаленные предметные области и создает непрерывный переход между ними. Формула метабола: $I \diamond P \diamond R$, где Исходное и Результирующее взаимобращаются через выведенное в текст Промежуточное. В данном примере промежуточным понятием является заключительное употребление слова *преданный*, в котором окказионально соединяются первые два значения: 1. прич. страд. прош. вр. от предать. Преданное забвению дело. 2. Всецело приверженный к кому-чему-нибудь, проникнутый любовью и верностью кому-чему-нибудь [5].

Употребление лексического повтора в качестве средства стилизации (чаще всего данный вид повтора реализуется в диалоге) тесным образом связано с закономерностями его функционирования в естественной речи, где, как известно, он используется с целью акцентирования какой-либо мысли говорящего; поддержания, привлечения или контролирования внимания собеседника; обдумывания на ходу спонтанной мысли; выбора более точного слова или оборота речи для реализации мысли; выигрыша времени для обдумывания ответа или следующего этапа диалога; выражения согласия, подтверждения; заполнения паузы; уточнения, прояснения; определенного воздействия на собеседника; поддержания или изменения темы разговора и т.д. Кроме того, лексический повтор часто представляет собой индивидуальную характеристику речи говорящего. Он также неизбежно связан с категорией эмоциональности и служит средством передачи эмоционального состояния собеседников, выражая разнообразные эмоции, как положительные, так и отрицательные (радость, восхищение, досаду, гнев, негодование, иронию, изумление и т.п.). В приведенном ниже примере комический эффект носит прагматический характер:

намерение врача проверить качество протеза в процессе произнесения фразы, где каждое слово начинается со свистящего звука, интерпретируется пациентом как запрос информации о стоимости товара:

Врач-стоматолог поставил пациенту зубы и просит:

– А теперь, чтобы нам убедиться, что все в порядке, и что я все сделал правильно, прополощите, пожалуйста, рот и скажите "Сколько сегодня стоит стог сена?"

Пациент (удивленно): Что сказать, доктор?

Доктор: Сколько сегодня стоит стог сена?

Пациент: Откуда ж я знаю?

Доктор: Что откуда вы знаете?

Пациент: Откуда я знаю, сколько он стоит? А вам зачем надо знать, доктор? У вас корова?

Доктор: Нет у меня никакой коровы. Просто, как вам объяснить? Мне надо, чтоб вы внятно и разборчиво, так, чтобы я вас понял, произнесли "Сколько сегодня стоит стог сена". Ну?

Пациент: Доктор, с вами все в порядке? Вам помощь не нужна? (М. Задорнов).

Итак, анализ парадоксов, основанных на лексическом повторе, показал, что наиболее распространенными стилистическими фигурами, участвующими в его создании, являются симпола, разновидности хиазма (семантически осложненный хиазм, эпанадиплосис, метабола и антиметабола), прагматический повтор.

ЛИТЕРАТУРА

1. Береговская Э. М. Очерки по экспрессивному синтаксису / Э. М. Береговская. – М. : УРСС, 2004. – 208 с.
2. Ефремова Е.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный / Е.Ф. Ефремова. – М. : Рус. язык, 2000. Режим доступа: http://mirslovarei.com/efr_a
3. Казаева Л.И. Виды и функции повторов в текстах поэтического и художественного жанра / Л.И. Казаева // Вестник Югорского государственного университета. – Вып. 5. – 2006. – С. 50-53.
4. Колесниченко Е.Л. Парадокс в произведениях М. М. Жванецкого : семантико-стилистический и коммуникативно-прагматический аспекты: дисс. на соиск. уч. степени канд. филол. наук: 10.02.02 – русский язык / Е.Л. Колесниченко. – Горловка, 2013. – 218 с.
5. Ушаков Д.Н. Большой толковый словарь русского языка : в 4 т. : собр. соч. – М. Адепт 2004. Режим доступа: <http://ushdict.narod.ru/>

УДК 811.161.1

Рита Гладкова
(Херсон)

ЭКСПРЕССИВНО-СТИЛИСТИЧЕСКАЯ МАРКИРОВАННОСТЬ АВТОРСКИХ НОВООБРАЗОВАНИЙ В РУССКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ РЕЧИ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ К.Г. ПАУСТОВСКОГО)

У статті проаналізовано авторські новоутворення в художньому мовленні К.Г. Паустовського, встановлено способи їх словотвору, визначено стилістичні функції словотвірних морфем.

Ключові слова: словотвір, індивідуально-авторські новоутворення, способи словотвору, словотвірні морфемі, художня етимологізація.

The article gives the analysis of author's neologisms in artistic discourse of K.G. Paustovsky, the means of their formation is determined, stylistic functions of derivational morphemes are defined.

Key words: *word-formation, author's neologisms, means of word-formation, derivational morphemes, artistic etymologization.*

В современном языкознании одной из наиболее активно и интенсивно развивающихся областей исследования остается словообразование как учение о наиболее продуктивных способах пополнения словарного состава языка, о способах построения, структуре мотивированных слов, о словообразовательных способах номинации, выражения оценки, эмоций, образности и т.п. Словообразование является наукой, которая изучает "самую глубокую и загадочную сферу языка", наукой о том, каким образом "сравнительно небольшое число корневых звуков, на котором базируется весь словарный запас, при помощи аффиксов и модификаций приспособляется к обозначению все более определенных и более сложных понятий" [3, с. 113].

Словообразовательная система русского литературного языка обладает богатыми стилистическими возможностями. В сущности, ни одно адекватное исследование как общих, так и частных проблем словообразования не может обойтись без стилистических "помет", наблюдений и замечаний, которые можно найти еще в работах М.В. Ломоносова, А.Х. Востокова, И.А. Бодуэна де Куртенэ, Ф.И. Буслаева, Ф.Ф. Фортунатова, Б.А. Богородицкого, А.М. Пешковского.

Традиции изучения словообразования в тесной связи со стилистикой были продолжены в трудах Г.О. Винокура, В.В. Виноградова, В.А. Ларина, С.И. Ожегова, Д.Н. Шмелева, З.А. Земской, В.В. Лопатина, а также в трудах их учеников и последователей. Из зарубежных ученых особый вклад в данную проблему внесли такие ученые как, Я. Мукаржовский, В. Матезиус, А. Бартошевич, И. Онхайзер и др. Глубокое исследование по стилистике словообразования проведено Виноградовой В.Н. в диссертационной работе "Стилистический аспект русского словообразования" [2].

Целью нашего исследования являются выразительные возможности словообразовательных средств художественной речи.

Средствами словообразования, как и другими языковыми средствами, как писал Ш. Балли [1, с. 200], можно выразить два основных вида стилистической окраски: собственно эмоциональную и социальную. Под эмоциональной окраской понимается выражение субъективной оценки: передачи разной степени интенсивности, преувеличение или смягчение, положительная или отрицательная оценка. Под социальной окраской понимается способность выразительных средств вызывать представление о той или иной среде или обстановке, обстоятельствах, где они употребляются наиболее естественно.

Художественные средства словообразования прежде всего направлены на выражение качеств, признаков, в которых автор изображает свое видение мира.

В процессе изучения выразительной стороны языка художественного произведения необходимо учитывать стилистические функции словообразовательных морфем, а также степень участия писателя в создании новых слов. В.П. Ковалев выделяет две группы явлений, наблюдаемых в использовании словообразовательных средств в выразительных целях, а именно: "создание индивидуально-авторских неологизмов и художественную этимологизацию" [6, с. 106].

Создание писателем новых слов, или индивидуально-авторских неологизмов (новообразований) – основной прием выразительного использования словообразовательных ресурсов в художественной речи. Две причины могут побудить автора к созданию слова: 1) стремление максимально точно выразить мысль и при этом отсутствие в языке нужной лексемы; 2) желание сделать слово максимально выразительным и в связи с этим изменить его морфемной структуры. В любом случае, индивидуально-авторские новообразования весьма экспрессивны, так как легко обращают на себя внимание читателя и вызывают у него эмоции удивления и удовлетворения от удачной находки, заставляют более пристально вглядываться в текст и лучше понимать его смысл.

Индивидуально-авторские новообразования создаются всеми способами словообразования, характерными для русского языка: морфологическим, морфолого-синтаксическим, лексико-синтаксическим, лексико-семантическим. Техника создания новообразований имеет целью образование экспрессивных, останавливающих на себе внимание слов с актуализированной внутренней формой. "Поэтическая рефлексия оживляет в языке мертвое, мотивирует немотивированное" [5, с. 3].

Чаще всего в произведениях К.Г. Паустовского наблюдаются морфологические новообразования, особую группу среди которых составляют слова, образованные способом словосложения. Данный способ обладает немалыми стилистическими возможностями, так как сложные слова являются семантически более емкими и эстетически значимыми. Заслуживает внимания группа имен прилагательных, образованных путем сложения с опорным компонентом, равным самостоятельному слову. "Способом чистого сложения образуются имена прилагательные с интерфиксом (в т.ч. нулевым), словообразовательное значение которых сводится к объединению значений, присущих основам мотивирующих слов, в одно сложное значение", – отмечается в "Русской грамматике" [9, с. 318]. По характеру семантического соотношения объединяемых основ такие имена прилагательные делятся на сложения с сочинительными и подчинительными отношениями основ. Эти способы образования сложных имен прилагательных свойственны творческой манере К.Г. Паустовского. Например: *ярко-ярко-красное* ("Письма"), *настороженно-любезен* ("Повесть о жизни"), *сдержанно-любезен* ("Повесть о жизни"). Имена прилагательные с сочинительным отношением основ означают единый признак, являющийся суммой признаков, названных слагаемыми основами. Сложения сочинительного типа вообще характерны для художественной речи, так как позволяют автору свободно, без ограничений составлять из двух или более слов одно сложное, более емкое имя прилагательное, способное передать сразу несколько характерных черт, признаков, состояний определяемого объекта.

В именах прилагательных с подчинительным отношением основ, например: *прекраснодушные разговоры* ("Героический юго-восток"), *частноторговая сущность* ("Повесть о жизни"), компоненты, предшествующие опорному слову, носят по смыслу уточнительный характер, конкретизируют содержание опорного слова (ср.: прекрасная душа, частная торговля).

Способом чистого сложения основ создается автором и наречие в следующем примере: *"В мире было мертвенно-тихо"* ("Дым отечества")

Значительную группу новообразований, образованных путем сложения, составляют у К.Г. Паустовского имена существительные, одним из компонентов которых является приложение, например: *кот-железнодорожник* ("Повесть о жизни"), *лампы-молнии* ("Блистающие облака"), *кот-беспризорник* ("Кот ворюга"), *мальвы-монашки* ("Повесть о жизни"), *облака-чешуйки* ("Днепровские кручи") и т.п. Следует выделить также небольшую группу парных сочетаний слов, в которых второе слово обладает большей экспрессией, чем первое, что создает нарастание выразительной силы сочетающихся слов. Например: *дедушка-старичок* ("Блистающие облака"), *колодцы-журавли* ("Повесть о жизни"), *комната-келья* ("Повесть о жизни").

Наиболее широко в художественной речи К.Г. Паустовского представлены новообразования, образованные аффиксальным способом. Экспрессивность, обусловленная морфологической производностью, основывается, как известно, на экспрессивности словообразовательных аффиксов.

Чаще всего писатель создает слова, пользуясь разнообразными суффиксами (со значением лица, качества, субъективной оценки и т.д.), которые в соединении с производящими основами заключают в себе достаточно информации коммуникативного и эстетического характера, что позволяет широко использовать суффиксальные образования в экспрессивных целях. Например: *глупство* ("Повесть о жизни"), *джентельмэнистый* ("Письма"), *обезьянчик* ("Блистающие облака"), *невыспанность* ("Третье свидание"),

остзеец ("Северная повесть"), *косовороточный* (студент) ("Книга скитаний), *тирлиликать* ("Кофейная гавань").

Значительно реже встречаются у К.Г. Паустовского другие типы аффиксальных новообразований, что, в принципе, соответствует и степени распространенности таких новообразований в языке, например: *излодырничавшиеся* ("Письма") – лодырничать (префиксально-суффиксально-постфиксальный), *исхамившиеся* ("Письма") – хамить (префиксально-суффиксально-постфиксальный).

Высокой степенью экспрессии обладают в произведениях К.Г. Паустовского отглагольные имена существительные мужского и женского рода с нулевым аффиксом, например: *"Весь день стоит страшный шип от кошачьих драк"* ("Письма"); *"Кот со страшным шипом, будто кто-то плеснул воду на раскаленную сковородку с салом, вылетел из лодки"* ("Резиновая лодка") (ср.: шип – шипеть); *"... талая вода с сосулек все кап да кап, а в каждом таком капе солнечный свет падает с крыши"* ("Повесть о жизни") (ср.: кап – капать).

Подобный тип словообразования продуктивен преимущественно в художественной речи вообще, и у К.Г. Паустовского в частности. Он позволяет автору создавать яркие окказиональные слова, придающие повествованию неповторимость и свежесть.

Интересным является и морфолого-синтаксический способ образования слов, занимающий особое положение в системе способов словообразования, потому что результат его действия может быть виден только в тексте. Чаще всего у К.Г. Паустовского наблюдаются случаи контекстуальной субстантивации. Активнее всего происходит пополнение класса существительных. Писатель испытывает потребность в наименовании нужных ему понятий, существующие названия которых по каким-либо причинам не удовлетворяют. У Паустовского субстантивируются различные части речи, например междометие: *"Ура" еще гремело за углом* ("Повесть о жизни"); местоимение: *"Что-то было в этой встрече не поддававшееся ни описанию, ни рассказу. Это "что-то" было любовью* ("Северная повесть"); *"Да, через час мы уже знали все. Это "все" заключалось в том, что во время первой мировой войны по прихоти Николая Второго во Францию был отправлен корпус русской пехоты"* ("Повесть о жизни"); *"А между тем станцию пустили. Значит, за три ночи что-то произойдет. И это "что-то" обязательно требует электрического света"* ("Повесть о жизни"); имя прилагательное: *"Неприятное осталось позади, а сейчас начнется удивительное и веселое: разохшийся дом запоет от первых же звуков рояля"* ("Северная повесть").

Употребление в функции имени существительного различных частей речи мало характерно для русского языка, отмечаются такие случаи обычно в художественной литературе, и, в частности, в произведениях К.Г. Паустовского, где они являются ярким выразительным средством.

Лексико-синтаксические новообразования в произведениях К.Г. Паустовского встречаются крайне редко, можно сказать, что такие случаи единичны. Например: *"Снова Вяльцева, вскрикивая, скакала на "зай-да-тройке"* ("Начало неведомого века"). Следует заметить, что подобные новообразования передаются одним словом, написанным слитно или через дефис.

Наряду с созданием индивидуально-авторских новообразований для творческой манеры К.Г. Паустовского характерна также художественная этимологизация, смысл которой заключается в сопоставлении слов с созвучными корнями для выяснения семантики производящего слова или для уточнения "словообразовательного значения семантикой производящей основы" [10, с. 279]. Художественная этимологизация используется чаще всего для выражения иронии, например: *"Об этих коржах Виктор Хватов говорил, что они называются ржаными исключительно потому, что при виде их лошади ржут от удовольствия, столько в этих коржах соломы"* ("Начало неведомого века"); для характеристики малограмотных людей: *"... на вопрос офицера о профессии он (юноша) ответил: "Я гидрограф". – "Граф?" – переспросил офицер... "Я не граф, а Гидрограф." –*

"Молчать! – спокойно сказал офицер. – Все мы графы. Знаем мы этих графов и гидрографов" ("Начало неведомого века").

У К.Г. Паустовского встречается достаточно широко распространенный в художественной литературе прием этимологического обыгрывания собственных имен существительных. Например: "... а я доложу товарищу Огневому. – Пожалуйста? – ответил я вызывающе. – Докладывайте хоть Огневому, хоть Тлеющему, хоть Чадающему" ("Повесть о жизни"); "Преподавал этот язык старый, обсыпанный табачным пеплом чех Поспешиль. Он медленно продвигался по коридорам на больших, опухших ногах и всегда опаздывал на уроки. За это мы переименовали его из Поспешилia в Опоздаль" ("Повесть о жизни").

Исследование выразительной стороны художественного произведения будет неполным, если не учитывать стилистических функций словообразовательных морфем и участия писателя в создании новых слов. К.Г. Паустовский активизирует стилистические возможноститаких способов словообразования, как сложение, безаффиксный способ, аффиксальный, а также морфолого-синтаксический. Техника словообразования художественного творчества имеет целью создание новых, выразительных, останавливающих на себе внимание слов, слов с актуализированной внутренней формой, то есть оживление, по определению А.А. Потебни, "ближайшего этимологического значения слова", того способа, "каким выражается содержание". "Заслуга художника... в известной гибкости образа, в силе внутренней формы возбуждать самое разнообразное содержание" [8, с. 145].

ЛИТЕРАТУРА

1. Балли Ш. Французская стилистика. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1961. – 394 с.
2. Виноградова В.Н. Стилистический аспект русского словообразования: Автореф. дис. ...докт. филол. наук: 10.02.01. – М., 1986. – 41 с.
3. Винокур Г.О. Избранные работы по русскому языку. – М.: Учпедгиз, 1959. – 492 с.
4. Грамматические исследования: Функционально-стилистический аспект. Морфология. Словообразование. Синтаксис / Отв.ред. Д.И. Шмелев. – М.: Наука, 1991. – 247 с.
5. Григорьев В.П. Из прошлого лингвистической поэтики и интерлингвистики. – М.: Просвещение, 1993. – 175 с.
6. Ковалев В.П. Языковые выразительные средства русской художественной прозы. – Киев: Вища школа, 1981. – 183с.
7. Паустовский К.Г. Собр. соч.: В 9-ти т. -- М.: Худож. лит-ра, 1981-1986. – Т. 1-9.
8. Потебня А.А. Мысль и язык. – Харьков: Изд-во Харьковского ун-та, 1913. – С. 145-163.
9. Русская грамматика: В 2-х т. – М.: Наука, 1980. – Т.1. – 783 с.
10. Тураева З.Я. Лингвистика текста на исходе второго тысячелетия // Вестник Киевского государственного лингвистического ун-та. – 1999. – В. 2. – С. 17-25.

УДК 811.161'373:070.41(043)

Зоя Гончарова
(Мариуполь)

ЯЗЫКОВАЯ ИГРА В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ АСПЕКТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Статтю присвячено вивченню мовної гри як об'єкта концептуального аналізу публіцистичного дискурсу. Автор аналізує основні підходи щодо визначення поняття мовної гри в сучасній лінгвістиці та зазначає особливості функціонування ігор як елементів концептосфери публіцистичних текстів.

Ключові слова: мовна гра, іграма, публіцистичний текст, прецедентний текст, концептосфера.

The research work is devoted to the studying of a language play as a subject of conceptual analysis of the publicistic discourse. The author considers the main definition approaches to the notion of a language play in the modern linguistics and denotes the peculiarities of the ludism as an element of the conceptual sphere of the publicistic texts.

Key words: *language play, ludism, publicistic text, precedent text, conceptual sphere.*

Современный публицистический дискурс отличается проявлением личностного начала автора, отказом от жестких стандартов и повышенной экспрессивностью. Во всем многообразии его текстов можно выделить наиболее типичные способы изложения материала, призванные привлечь внимание читательской аудитории, одним из которых является использование языковой игры.

Целью данной статьи является рассмотрение языковой игры как объекта концептуального анализа публицистического дискурса, а также определение роли языковой игры в создании концептосферы текстов отечественных публицистических интернет-изданий.

В современной лингвистической литературе раскрываются несколько аспектов языковой игры и предлагаются различные определения данного явления. Так, В.З. Санников, обращая внимание на то, что языковая игра "основана на знании системы единиц языка, нормы их использования и способов творческой интерпретации этих единиц" [9, с. 15], рассматривает ее как лингвистический эксперимент, как "сознательное манипулирование языком, построенное если не на аномальности, то, по крайней мере, на необычности использования языковых средств" [9, с. 17].

В.Г. Гак рассматривает языковую игру как проявление универсальной стержневой функции языка – людической, то есть способности языка к пространственным, временным и социальным вариациям, в результате отхода от стереотипных, узуальных установок [4].

В исследовании Т.В. Булыгиной и А.Д. Шмелева языковая игра рассматривается как "явление, которое нарушает какие-либо сформулированные правила или интуитивно ощущаемые закономерности" [3, с. 437]. Авторы предлагают отличать от языковой игры "наивный" языковой эксперимент, когда "говорящий сознательно производит аномальное высказывание с целью (вероятно не всегда четко осознаваемой) привлечь внимание к нарушаемому правилу. Говорящий в таком случае как бы выступает в роли исследователя, стремящегося получить "отрицательный языковой материал" [3, с. 44].

Б.Ю. Норман определяет языковую игру как "использование языка в особых – эстетических, социальных и т.п. – целях, при котором языковая система наилучшим образом демонстрирует свою "мягкость": языковые единицы, их классы и правила их функционирования получают тут большую степень свободы по сравнению с иными речевыми ситуациями" [7, с. 4].

Обращая внимание на целевой и прагматический аспекты языковой игры, Е.Ф. Болдарева предлагает свое понимание данного явления: "варьирование языковых знаков (плана выражения и/или плана содержания) участниками акта коммуникации с целью самовыражения, эмоционального воздействия на адресата, а также с целью получения удовольствия" [2].

Г.Ф. Рахимкулова понимает исследуемое явление как совокупность игровых манипуляций с языком – его лексическими, грамматическими и фонетическими ресурсами, целью которых является получение "квалифицированным" читателем эстетического удовольствия от построенного на игровых взаимоотношениях с ним текста [8, с. 133]. При этом автор учитывает, что языковая игра рассчитана на определенные фоновые знания адресата.

Л.В. Лисоченко и О.В. Лисоченко определяют языковую игру как особый вид речетворческой семиотической деятельности. Исследуя языковую игру в свете металингвистики и теории коммуникации, авторы исходят из того, что в семиозисе игрымы

всегда присутствуют презумптивные статичные знания – фреймы, вовлекаемые в скрипт – умозаключение, приводящее к адекватному пониманию игры. Ученые выделяют единицу речи, которая образуется в результате языковой игры – перифразу-экспрессему – и рассматривают различные ее виды как результат использования филологических, культурологических, ассоциативных, прагматических и других фреймов [5].

А.А. Негрышев рассматривает референциальный и прагматический аспекты языковой игры в медиановостях, делая основной акцент на референциальных отношениях между действительностью и текстовой информацией. К игровым приемам он относит все, что в той или иной степени нарушает стандарты, "...работает против стереотипа "серьезности" – от отдельных лексических коллоквиализмов (замен нейтрально-официальных терминов и номинаций их разговорными соответствиями) до полного игрового передергивания событийной информации" [6].

Попытку комплексного когнитивно-коммуникативного описания механизмов, средств и приемов языковой игры в современном английском языке предпринимает И.Э. Сниховская. В ее работе языковая игра понимается как "...осознанная интенциональная, ненормативная, лингвокреативная деятельность индивида с целью создания остроумных высказываний (в том числе комических)" [10, с. 78].

В данном исследовании языковая игра выступает объектом лингвистического анализа, обращается внимание на ее концептуальный потенциал и его реализацию в публицистическом тексте. Для обозначения конкретных проявлений языковой игры используется термин "играма", понимаемый как коммуникативная инновация, представляющую собой нестереотипную языковую единицу, функционирующую в ассоциативном игровом поле [10, с. 78]. Концептуальный потенциал определяется как способность игрем выступать средством концептуализации явлений действительности и формировать концептосферу анализируемого текста.

Материалом исследования послужили публицистические тексты периодического издания "Аргументы и факты в Украине" (2009-2011 гг.) и украинского информационно-публицистического интернет-издания ТЕМА.

Для выявления концептуального потенциала игрем был использован метод концептуального анализа текста, предложенный Л.Г. Бабенко, который подразумевает ряд исследовательских процедур:

- выделение предтекстовых пресуппозиций, важных для формирования концептуального пространства текста;
- анализ семантики заглавия и его семантического радиуса в тексте;
- проведение психолингвистического эксперимента с целью выявления набора ключевых слов текста;
- выявление повторяющихся слов, сопряженных парадигматически и синтагматически с ключевыми словами. Определение ключевого слова текста – лексического репрезентанта текстового концепта;
- анализ лексического состава текста с целью выявления слов одной тематической области с разной степенью экспрессивности;
- описание концептосферы текста, предусматривающее обобщение всех контекстов, в которых употребляются ключевые слова – носители концептуального смысла с целью выявления характерных свойств концепта;
- моделирование структуры концептосферы: выделение в ней ядра, приядерной зоны, ближайшей и дальнейшей периферии [1, с. 60].

В большинстве проанализированных текстов авторы использовали игры в качестве заголовков. Такая закономерность свидетельствует о значимости данных единиц в концептуальном пространстве текста и о необходимости рассмотрения их как элементов этого пространства. Так, название статьи "Мягкая посадка" (Тема. – 15.02.2011) вызывает ассоциации с плавным и безопасным приземлением летательного аппарата. Однако в тексте статьи раскрывается совершенно иной смысл данного названия. Речь идет об особых

условиях содержания высокопоставленных лиц в следственных изоляторах: не приходится хлебать тюремную баланду, им не нужно ждать определенную правилами неделю, чтобы принять душ. *Даже в стенах СИЗО они чувствуют себя привилегированными персонами – занимают улучшенные камеры с косметическим ремонтом, чистым постельным бельем, телевизором, холодильником и нормальным туалетом.* В качестве языковой игры автор использует прием переосмысления привычных понятий, опираясь на многозначность слова *мягкий* и своеобразно трактуя этимологию слова *посадка* – от *посадить* ‘лишить свободы’. Концептуальное содержание данной игры репрезентируется в тексте с помощью ключевых лексем: *СИЗО, улучшенные, чистое белье, телевизор, холодильник, бытовые условия, предварительное задержание, тюремный быт, ремонт, кондиционер, VIP-изолятор, состоятельный зэк, комфортабельные камеры.*

В статье "Кривосудие: луганская разновидность" (Тема. – 03.03.2012) речь идет об изменениях судебной системы последних лет, резком росте ее зависимости от других ветвей власти и как следствие – многочисленных процессуальных нарушениях, которые остаются безнаказанными. Автор приводит множество примеров, когда судебные решения зависят не от закона, а от органов других ветвей власти. В названии статьи присутствует играма *кривосудие*, созданная путем окказионального словообразования от слова *правосудие* с антонимической заменой первой части сложного слова. Используя данный прием, автор дает возможность читателю еще до знакомства с текстом статьи составить представление о ее содержании, то есть о нарушениях в принятии решений в Луганской области. Играма *кривосудие* в данном случае вынесена в сильную позицию текста – в его заглавие, что подчеркивает ее концептуальную значимость. В ходе психолингвистического эксперимента были выявлены следующие ключевые слова данного текста: *суд, судья, дело, правосудие, судебная система, судебное решение, судебный процесс, процессуальное нарушение, коррупционные действия, дисциплинарная ответственность, дисциплинарные меры, правопорядок, равенство прав, равенство сторон, неравенство процессуальных прав, обвиняемый, подозреваемый, судебный вердикт, несправедливость, нарушение норм, апелляционная процедура.* Таким образом, на этапе анализа восприятия текста выявляется набор ключевых слов, репрезентирующих основной концепт данной статьи: *несправедливость принятия судебных решений*, иначе названный автором семантически емким окказионализмом *кривосудие*. В статье ключевые слова *суд, судья, решение* встречаются более 15 раз, формируя центральную зону концептосферы данного текста. С данными словами парадигматически и синтагматически сопряжены слова, обобщение семантики которых позволяет смоделировать концептосферу *кривосудие* анализируемого текста, ядром которой является обобщенная когнитивно-пропозициональная структура: *субъект кривосудия – объект кривосудия – причины кривосудия – следствие кривосудия.* Проведенный анализ позволяет сделать вывод не только о наличии концептуального потенциала у игрыма *кривосудие*, но и о ее концептообразующей функции в создании концептосферы данного текста.

В статье "Один на Майдане не воин" (АиФ. – 2011. – № 50) речь идет о подписании всеукраинскими общественными организациями меморандума о создании комитета защиты протестующих, задачей которого является оказание людям, выходящим с протестом на улицу, необходимой информационной и юридической поддержки. В названии статьи автор использует игруму, представленную в виде трансформированной прецедентной единицы *один в поле не воин*, имеющей значение ‘в одиночку все трудно делать; не сделаешь того, что можно сделать сообща’ [11, с. 341]. Окказиональная замена компонента *в поле* на компонент *на Майдане* влечет за собой появление дополнительного смысла, связанного с общественно-политической ситуацией в Украине: именно на Майдане Незалежности (Площади Независимости) чаще всего проходят различные акции протеста. В результате психолингвистического эксперимента были выявлены следующие ключевые лексемы данного текста: *объединяться, общественный, организация, защита, поддержка, гражданский, движение*, каждое из которых употреблено в тексте не менее трех раз.

Посредством перечисленных слов репрезентируется концептуальное содержание игры *один на Майдане не воин* – ‘необходимость объединения общественных организаций Украины’. Тем самым формируется ядро концептосферы анализируемой статьи: *субъекты объединения – причины объединения – цели объединения*.

Трансформированная прецедентная единица использована также в названии статьи "Ребята, давайте работать дружно" (АиФ. – 2010. – № 44), в которой содержится информация о стремлении оппозиционных партий оспорить результаты выборов в местные советы, состоявшихся 31 октября 2010 г., и о просьбе власти не нагнетать обстановку и перейти к сотрудничеству. Проведение психолингвистического эксперимента позволило выделить следующие ключевые слова текста: *власть, настроена, взаимоотношения, оппозиция, раздувать ажиотаж, выборы, фальсификации, сотрудничество, препятствовать, призвать, просить, работать, конструктивный, спокойная обстановка, политическая стабильность*, причем слова *власть, оппозиция, сотрудничество*, а также их синонимы отличаются наибольшей частотностью. Данные лексемы вербализуют основной концепт анализируемого текста: *призыв правящей власти к конструктивному сотрудничеству с оппозиционными силами*, репрезентация которого удачно сформулирована автором в виде игры.

В названии статьи "Пресс-служба МВД: все хорошо, прекрасная маркиза" (Тема. – 10.05.2012) в качестве приема языковой игры использована аллюзия на известную песню из репертуара Леонида Утесова, благодаря которой читатель может предположить, что речь пойдет о недостоверных сведениях, предоставляемых общественности пресс-службой Министерства внутренних дел. Автор сравнивает официальные сводки о криминогенной ситуации в стране с сообщениями негосударственных средств массовой информации и приходит к выводу, что последние являются более содержательными и объективными. В ходе психолингвистического эксперимента были названы следующие ключевые слова данного текста: *впечатление, пресс-служба, МВД, правоохранительные органы, информационный, сообщение, не спокойно, не отражено, оперативная сводка, криминогенная ситуация, объективная картина, происшествия, информировать, дезинформировать*. С помощью перечисленных лексических единиц в тексте вербализуется основной его концепт: *необъективность сообщений пресс-службы МВД о криминогенной ситуации*, репрезентированный в названии данной статьи в виде игры.

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что игры как базовые единицы языковой игры реализуют свой концептуальный потенциал, выступая элементами концептосферы публицистических текстов, и, находясь в сильной позиции текста, выполняют концептообразующую функцию, что говорит о необходимости дальнейшего изучения концептуальных характеристик языковой игры.

В центре внимания современных исследователей находится феномен языковой игры, изучаемый не только со стилистической, формально-грамматической и семантической точек зрения, но и в когнитивном, коммуникативном и прагматическом аспектах. Результаты данного исследования позволяют сделать вывод о том, что игры как базовые единицы языковой игры, занимая ключевые позиции в текстах средств массовой информации публицистического характера, становятся неотъемлемыми компонентами концептосферы таких текстов и часто играют ведущую роль в формировании ее центральной зоны. В сложившейся ситуации актуальной исследовательской задачей становится подробное изучение их концептуального потенциала. В дальнейших исследованиях планируется более глубокий анализ языковых средств и концептуальных характеристик данного феномена с целью его комплексного описания в единстве структурно-системных, когнитивно-семантических и коммуникативно-прагматических параметров.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабенко Л.Г. Лингвистический анализ художественного текста / Л.Г.Бабенко, Ю.В. Казарин. – Москва: Флинта: Наука, 2005. – 496 с.

2. Болдарева Е.Ф. Языковая игра как форма выражения эмоций: дис. ... канд. филол. наук. : 10.02.19 / Болдарева Елена Федоровна. – Волгоград, 2002. – 160 с.
3. Булыгина Т.В. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики) / Т.В. Булыгина, А.Д. Шмелев. – М.: Школа "Языки славянской культуры", 1997. – 576 с.
4. Гак В.Г. Языковые преобразования / В.Г. Гак. – М.: Школа "Языки русской культуры", 1998. – 763 с.
5. Лисоченко Л.В. Языковая игра на газетной полосе (в свете металингвистики и теории коммуникации) / Л.В. Лисоченко, О.В. Лисоченко [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://teneta.rinet.ru/rus/le/lisochenko_jaee.htm.
6. Негрышев А.А. Языковая игра в новостном медиатексте: референциально-прагматический аспект / А.А. Негрышев [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mediascope.ru/node/669>.
7. Норман. Б.Ю. Игра на гранях языка / Б.Ю. Норман. – М.: Флинта : Наука, 2006. – 344 с.
8. Рахимкулова Г.Ф. Основы игрового стиля (к постановке проблемы) / Г.Ф. Рахимкулова // Филология на рубеже тысячелетий : материалы Международной конференции, 11-14 сентября 2000 г. – Ростов-на-Дону – Новороссийск : Донской издательский дом, 2000. – С. 133-134. – (Вып. 2. Язык как функционирующая система).
9. Санников В.З. Русский язык в зеркале языковой игры / В.З. Санников. – М.: Языки рус. культуры, 1999. – 544 с.
10. Сниховская И.Э. Механизмы, средства и приемы языковой игры в современном английском языке: дис. ...канд. филол. наук : 10.02.14 / Сниховская Ирена Эдуардовна. – Житомир, 2004. – 218 с.
11. Федосов И.В., Фразеологический словарь русского языка / И.В. Федосов, А.Н. Лапицкий. – М.: "ЮНВЕС", 2003. – 608 с.

ИСТОЧНИКИ МАТЕРИАЛА

Аргументы и факты в Украине. – 2009-2011 гг.

Информационно-публицистическое интернет-издание ТЕМА [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://tema.in.ua/>.

УДК 81'24

Світлана Гузенко
(Миколаїв)

ДО ПРОБЛЕМИ ІНТЕРФЕРЕНЦІЇ У МОВІ СУЧАСНИХ УКРАЇНСЬКИХ ЗМІ

У статті досліджено проблему інтерференції у мові сучасних українських ЗМІ. Автор аналізує інтерференційні прояви на лексичному рівні мовної системи. У роботі наведено приклади впливу російської мови на структуру українських синтаксичних конструкцій, підкреслено значення дотримання норм літературної мови у пресі.

Ключові слова: інтерференція, мова преси, лексика, синтаксис.

In the article the the problem of interference in the modern Ukrainian media. The author analyzes the manifestations of interference at the lexical level of linguistic systems. Guzenko S. V. gives examples of Russian influence on the structure of Ukrainian syntax emphasizes the importance of adherence to the norms of the literary language in the media.

Key words: interference, language of the media, vocabulary, syntax.

У сучасному українському соціумі ми спостерігаємо деформовану мовно-культурну ситуацію, що виявляється у поширенні в країні двох мов – української й російської. Результатом взаємодії мовних систем є процеси інтерференції на всіх рівнях сучасної української літературної мови. Яскравим прикладом відображення цих процесів є мова преси, що підтверджують спостереження багатьох лінгвістів (Д. Баранник, М. Пилинський,

О. Пономарів, Л. Струганець та ін.). У сучасному українському мовознавстві результати російсько-української міжмовної інтерференційної взаємодії розглянуто поверхово. У зв'язку з цим дослідження граматичної інтерференції у системі сучасної української літературної мови на сьогодні є важливими й актуальними.

Пресу, як відомо, називають "четвертою владою": для багатьох людей це єдине джерело отримання інформації, приклад літературної мови, тому об'єктом нашого дослідження обрано саме мову преси Миколаївщини. Метою нашої статті є аналіз явищ граматичної інтерференції в мові сучасної преси Миколаївської області для підвищення загального рівня культури мови.

У сучасній лінгвістиці явище міжмовної інтерференції розглядають як один із типів мовної взаємодії, який відбувається в межах і внаслідок мовного контакту [6, с. 225]. Проблемам мовної взаємодії, осмисленню різних аспектів білінгвізму у своїх працях приділили багато уваги такі мовознавці, як У. Вайнрах, А. Мартіне, Л. Булаховський, Л. Щерба, В. Сафонова, Т. Барановська, Ю. Жлуктенко, Г. Їжакевич, Т. Ільшанко та ін.

На сьогодні у соціолінгвістичній науці репрезентовано широкий спектр думок і поглядів щодо явища інтерференції. С. Семчинський називає інтерференцію "процесом взаємодії систем та елементів цих систем у мовах, що контактують" [5, с. 3]. А. Мартіне визначає цей процес як взаємопроникнення одиниць однієї мови до іншої у поєднанні з процесами запозичення [3, с. 525]. Дослідник У. Вайнрайх вважає, що інтерференція – це відхилення від норми будь-якої мови під впливом іншої [2, с. 22], а Л. Крисін диференціює контрольовані і неконтрольовані помилки мовлення під інтерференцією лінгвіст розуміє лише останні. Дослідник зазначає, що інтерференція спостерігається на різних рівнях мовної системи, зокрема, на синтаксичному. Вплив нерідної домінуючої мови на рідну в граматичній сфері найбільше виявляється в моделях керування [1, с. 32].

Загальними передумовами інтерференції є те, що говорячи другою мовою, людина несвідомо використовує норми й структури рідної мови. Це рівною мірою може як полегшити засвоєння другої мови, так і привести до стійких помилок. Чим ближчі дві мови, тим більше індивід спирається на свою першу мову.

Вплив однієї мови на іншу може набирати особливих форм (наприклад, ставлення мовців до мови, її стилів, діалектів, просторіч), тобто мовні ідеали мовців можуть формуватися під впливом моди, престижного іміджу, образу еталонного соціуму тощо.

Ця залежність виявляється в типологічній подібності нормативно-стилістичних систем відповідних мов. При цьому умовою стилістичного впливу є, насамперед, культурно-ідеологічна наближеність контекстів існування мов. На основі цього сформовано явище, що стало характерним для початку ХХІ століття: так звана "культурна двомовність". Її характеризують масові запозичення, які проникають у свідомість білінгва (а ширше – у мову) "зверху": через перекладачів, впливових визначних журналістів, ідеологів, політичних діячів, тобто тих, хто володіє престижною чужою мовою в результаті численних культурних контактів. У цьому випадку друга мова стає маркером елітарності, обраності, приналежності до певного кола, підставою для вироблення певного жаргону, тональної й стилістичної своєрідності, які свідомо культивуються й відтворюються цим "елітним індивідуальністю". "Культурна двомовність" неможлива без засобів масової інформації й комунікації, які продукують і тиражують певні двомовні "напівфабрикати" і кліше, що відразу поширюються серед широких мас населення.

Зібраний мовний матеріал засвідчив, що в результаті інтерференції вплив російської мови позначився найбільше на лексичному і синтаксичному рівнях мовної системи. Причиною найбільшого інтерференційного впливу на лексичному рівні є те, що цей рівень мовної системи є найбільш складним для аналізу, особливо споріднених мов, адже процеси інтерференції охоплюють фонетичний, граматичний, словотворчий рівні мов, що взаємодіють, і тому лексичні утворення суттєво варіюються.

У сучасній мові преси спостерігаємо появу одиничних лексем-інтерферем, які відмінні від нормативних лексем за структурними і фонетичними особливостями. Однією з

причин появи таких інтерферем є поєднання словотвірної моделі української мови із морфемами російськомовного походження, наприклад: *"Наша мета – **накормити** (за нормами літературної мови – нагодувати) дітей в стінах виховних закладів та якомога зменшити батьківську плату, принаймні до 2,5 гривень"* [ЩТ, 2011, № 17, с. 2]. Хоча, на жаль, подібні лексеми ще є у словниках сучасної української літературної мови, щоправда, із позначкою "рідко".

Лексичний склад мови найбільше відображає зміни, що відбуваються у житті суспільства. На відміну від граматики цей мовний рівень менш кодифікований і не настільки консервативний. За певних соціокультурних умов у свідомості двомовних індивідів відбувається щось на зразок поєднання словникових запасів двох мов у єдине ціле. Результатом цих процесів є ненормативна поява у мовленні міжмовних омонімів.

Серед дослідженого матеріалу є лінгвістичні одиниці, перенесені з однієї мови до іншої, у неприцільному для мови використанні значенні, наприклад: *"...**підписка** періодичних видань для малозабезпечених громадян"* [ЩТ, 2011, № 21, с. 4]. Російське слово *"подписка"* має два значення: "1) договір, умова для надсилання друкованого видання; 2) письмове зобов'язання про щось". В українській мові *"підписка* – письмове зобов'язання або потвердження чогось", а для називання попередньої плати за що-небудь у словниковому фонді є лексема "передплата".

Аналогічні процеси спостерігаємо і при вживанні слів, утворених від прикметника *вірний* (іменника *вірність* і прислівників *вірно, вірніше*), наприклад: *"... якщо гриби червиві, значить неотруйні, – це **невірна** ознака, тому що просто так визначити отруйність грибів неможливо!!!"* [ЩТ, 2010, № 11, с. 4]; *"Сьомий теж стосується **невірного** обрахування (так у тексті – авт.) коефіцієнта складності"* [РП, <http://www.rp.mk.ua/2009/11/>]. У російській мові *вірний* – 1) такий, що відповідає правді, дійсності; достовірний, точний; 2) той, що не викликає сумнівів у своїй надійності; безсумнівний, очевидний; 3) той, що не зрадить; відданий, надійний; 4) неминучий. В українській мові прикметник *вірний*, порівняно з російським еквівалентом *верный*, характеризується вужчою семантикою і означає – *який заслуговує довір'я; постійний у своїх поглядах і почуттях*.

В українській і російській мовах є ряд стійких сполук, які в цих мовах по-різному поєднуються. Цей факт є причиною контамінації одиниць різних мов в одному словосполученні. Так, за умов російсько-українського білінгвізму часто відбуваються зміни в лексичному складі компонентів фразеологічних одиниць, що призводить до порушення їх образності, до втрати експресивності.

У дослідженому мовному матеріалі виявлено порушення в структурі фразеологізмів. Так, відбувається заміна одного з компонентів фразеологічних одиниць за аналогією до російських фразеологічних одиниць: *"Загалом **кидається у вічі** те, як невимушено, по-свійськи спілкується із людьми Валерій Вікторович"* [РП, <http://www.rp.mk.ua/2013/02/>] (кидатися в вічі (рос. бросаться в глаза) – впадати, впасти в око (в очі); набігати, набігти на очі); *"Допитували Вадима навіть таким способом: **Беруть одягають таку шапку на голову і крутять, поки людина свідомість не втратить...**"* [РП, <http://www.rp.mk.ua/2012/06/>] (втратити свідомість (рос. потеряют сознание) – знепритомніти; утратити притомність); *"Скрізь встигає Володимир Анатолійович. За що, власне, і **користується повагою** серед односельців"* [РП, <http://www.rp.mk.ua/2012/10/>] (користуватися повагою (рос. пользоваться уважением) – бути в пошані, шанованим).

Часто під впливом російської мови в пресі вживають "буквалізми", які в українській не мають фразеологічного відповідника: *"Щоб обґрунтувати можливість роботи в надпроектний період, атомникам **належить провести** переоцінку безпеки енергоблоків, виконати великий перелік реконструктивних і модернізаційних робіт..."* [РП, <http://www.rp.mk.ua/2010/01/>] (належить провести (рос. надлежит провести) – треба, необхідно); *"Перший крок у цьому напрямку зроблено наприкінці 2011 року, коли обласна рада своїм рішенням збільшила територію сільської ради за **рахунок** земель під базами*

відпочинку" [РП, <http://www.rp.mk.ua/2013/04/>] (за рахунок чого (рос. за счет чего) – використовуючи щось).

Подібне калькування російських фразеологічних одиниць є причиною появи численних штампів і кліше, що занечищують мову, призводять до втрати її своєрідності.

У зв'язку зі спорідненістю української та російської мов деякі синтаксичні конструкції (дієслівного, прийменникового й іменного керування) є схожими. Але в українській мові є велика кількість специфічних синтаксичних утворень, що свідчить про її мовну своєрідність. Саме під час їх вживання найбільш інтенсифікуються процеси інтерференції, що виражається в порушенні норм літературної мови при керуванні, під час використання прийменників [4, с. 343].

Аналіз мовного матеріалу свідчить про те, у безприйменникових конструкціях вплив російської мови спостерігається у сполученнях числівників з іменниками: *"...біля його будинку стали чергувати 2 автомобіля"* (за нормами літературної мови – 2 автомобілі) [РП, <http://www.rp.mk.ua/2012/04/>].

Найбільшою проблемою досліджених текстів на синтаксичному рівні виявилось порушення норм керування у прийменникових конструкціях. Набір прийменників у двох мовах майже однаковий, але їх використання значно різниться, що і викликає порушення норм: *"Під час перевірок, як говорить головний лікар, у навчально-виховних закладах не виявлено порушень у приготуванні страв відповідно погодженого 2-тижневого меню харчування"* [РП, 2010, № 107, с. 2]; *"Стисло нагадаю про ті бурхливі події, щодо яких йшлося у публікації"* [РП, 2010, № 104, с. 1].

Найбільші труднощі виникають під час використання прийменника *по*. Порівняно з аналогічним російським прийменником, український варіант має звужену сферу використання, але, на жаль, мовці розширюють її, допускаючи помилки: *"ПрАТ "Лакталіс-Миколаїв" спільно з Обласним благодійним фондом соціальної допомоги малозабезпеченим з 2003 року співпрацюють по Програмах соціального партнерства..."* [ЩТ, 2012, № 11, с. 4]; *"Виконуючи взяті на себе зобов'язання по Програмі соціального партнерства, підприємство придбало для обласного протитуберкульозного диспансеру господарчі товари для кухні"* [ЩТ, 2012, № 11, с. 4]; *"Так, з початку року співробітниками спецрозділу виявлено 470 злочинів, по яких, згідно із зібраними матеріалами, порушено 27 кримінальних справ"* [РП, 2010, № 123, с. 3]; *"Провадження у справах по окремих злочинах порушуються не інакше як за скаргою потерпілого, якому і належить у такому разі право підтримувати обвинувачення"* [РП, 2010, № 123, с. 3]; *"Ігор Сергійович наголосив на тому, що його ініціатива по спорудженню майданчиків найшла схвалення у жителів міста – як у дітей, так і у батьків"* [РП, 2010, № 94, с. 1].

Отже, аналіз мовного матеріалу засвідчив проникнення інтерференційних процесів у мову преси Миколаївщини. З одного боку, це є ознакою відображення реальної мовної ситуації – міжмовної асиметрії, з іншого – проявом зниження загальної культури мови журналістів. Проведене дослідження підтвердило висновки мовознавців стосовно того, що лексичний рівень є найбільш проникним в умовах мовних контактів. На півдні України, де українська мова засвоюється як друга, у свідомості білінгва відбувається поширення системних відношень (наприклад, лексико-семантичних), притаманних одній мові, на іншу. На рівні суспільства це тиражується у ЗМІ, рекламі, публічних виступах та ін. Активізація цих процесів згодом може спричинити розхитування мовних норм і призвести до структурних змін у мові.

Перспективами мовознавчих досліджень у цьому напрямі вважаємо проведення типологічного аналізу близькоспоріднених мов, що дасть змогу виявити і систематизувати "слабкі місця", які створюють передумови для інтерферентного впливу. Врахування напрямів можливої міжмовної взаємодії під час навчання та широка пропаганда мовної культури у галузях, що мають активний вплив на свідомість, можуть призупинити інтерферентний вплив і допомогти зберегти самобутність мови.

СПИСОК УМОВНИХ СКОРОЧЕНЬ

РП – Рідне прибужжя (газета Миколаївської обласної ради)

ЩТ – Щотижня (додаток до газети "Южная правда")

ЛИТЕРАТУРА

1. Беликов В. И. Социолингвистика : учебник для вузов / В. И. Беликов, Л. П. Крысин. – М.: Изд-во Рос. гос. гуманит. ун-та, 2001. – 439 с.
2. Вайнрайх У. Языковые контакты: состояние и проблемы исследования / У. Вайнрайх ; пер. с англ. и коммент. Ю. А. Жлуктенко. – К.: Вища школа, 1979. – 263 с.
3. Мартине А. Основы общей лингвистики / А. Мартине. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 224 с. – (Лингвистическое наследие XX века)
4. Селіванова О. О. Сучасна лінгвістика: напрями та проблеми : підручник / О. О. Селіванова. – Полтава: Довкілля-К, 2008. – 712 с.
5. Семчинський С. В. Семантична інтерференція мов / С. В. Семчинський. – К.: Вища школа, 1974. – 326 с.
6. Ткаченко О. Б. Інтерференція / О. Б. Ткаченко // Українська мова. Енциклопедія / редкол. Русанівський В. М., Тараненко О. О. та ін. – 2-ге вид., зі змінами і доп. – К.: Українська енциклопедія, 2004. – С. 225-226.

УДК 811.161. '366 + 81'42

Владимир Изотов
(Орёл)

ТМЕЗИС КАК СЛОВОТЕКСТ

У статті розглядається тмезис як засіб словотвору та аналізуються тмезисні утворення з позицій словотексту, під котрими розуміється утворення, яке складається із одного оказіонального слова.

Ключові слова: тмезис як засіб словотвору, словотекст, тмезис як риторична фігура і стилістичний прийом, межі тмезису як засобу словотвору.

There is a tmesis like a way of a word-formation considered and the tmesisal formations are analyzed from the position of a word-text in the article, where term a "word-text" is mean a product consisting of a one occasional word.

Key words: a tmesis like a way of a word-formation, a word-text, a tmesis like a rhetorical figure and stylistic method, a limit of the tmesis like a way of a word-formation.

М.Н.Эпштейн реализует довольно интересный сетевой проект "Дар слова. Еженедельный лексикон Михаила Эпштейна" [20], в котором представляет различного рода новые слова, придуманные и прокомментированные им самим. Последний на сегодня выпуск под номером 313 (391) от 25 марта 2013 года назван "Пять слов о новых видах творчества. Поэзия за пределами стихов". В нём представлены следующие слова: антропоэя – создание человека или человеческого; биоэя – искусство создания новых живых организмов; космоэя – искусство создания новых средств воспроизведения реальности; социопоэя – поэтическая сторона общественной жизни; техноэя – поэтическая сторона техники как деятельности. Можно рассматривать этот проект как словотворческую игру в чистом виде, а можно увидеть в нём и своеобразный путь пополнения словарного состава русского языка (возникает отдалённая ассоциация с работой эстонских лингвистов по расширению списка корней эстонского языка за счёт их изобретения (см. [15], [1]).

В одной из своих работ М.Н. Эпштейн выразил свою идею следующим образом: "Самым кратким литературным жанром считается афоризм – обобщающая мысль, сжатая в одно предложение. Но есть жанр ещё более краткий, хотя и не вполне признанный и почти

не исследованный в качестве жанра: он умещается в одно слово. Именно слово и предстаёт как законченное произведение, как самостоятельный результат словотворчества. Подчёркиваю: слово не как единица языка и предмет языкознания, а именно как литературный жанр: в котором есть своя художественная пластика, идея, образ, игра, а подчас и коллизия, и сюжет. **Однословие** – так я назову этот жанр – искусство одного слова, заключающего в себе новую идею или картину. Тем самым достигается наибольшая, даже по сравнению с афоризмом, конденсация образа: максимум смысла в минимуме языкового материала" [19, с. 254].

Независимо от М.Н. Эпштейна несколько ранее была высказана сходная мысль: "... предельным минимумом словесного текста будут являться произведения, состоящие из одного слова, которые можно назвать "словотестами"" [5, с. 131].

Следует сказать, что исследователи неологии неоднократно обращали внимание на то, что неузуальное слово может восприниматься как своеобразное произведение (см., например [10, с. 78], [9, с. 11], [11, с. 130]), однако следующий логический шаг – признание окказионального слова текстом – не был сделан.

В.П. Григорьев, говоря о том, что к неологизмам В. Хлебникова невозможно применить "без существенных оговорок" обычные воззрения о контекстуальной их обусловленности, практически подходит к определению окказионализма как словотекста, но терминологически это, к сожалению, не обозначено [3, с. 168-169].

Тмезис как способ словообразования представляет собой образование нового слова путём вставки в исходное другого слова, словосочетания, предложения или сегмента слова, например: "Почти все поэты, связанные с футуризмом, пробовали слово на изгиб, на излом, на разрыв. Так, Неол Рубин в 1915 году выпустил книгу с длинным названием "Дум-дум. Стихотомонстрэллы. Разрывные слова дум-дум. Романэски", в которой действительно есть разрывные слова. Например, он разрывает слово графиня и вставляет в него слово стройно, получается гра-стройно-финя. Наша современница Ры Никонова, добиваясь эффекта заумности, пользуется сходным приёмом, который называет "переплетением": Ма умер стер ваза ская" [2, с. 126]; "С полминуты понадобилось, чтобы я узнал в нём Леса Лонгфилда, когда-то не только знакомого, а почти друга или, уж побережём святое слово, товарища военного времени, двадцатитрёх,- что ли, -летней давности" (Ш. ОФалеин); "И на малюпасенькой пылинке Вселенной началось гниение!" (А. Дударев) и др.

Большинство исследователей, занимавшихся описанием системы способов словообразования, не выделяют этот способ словообразования – он представлен только в работах А.Ф. Журавлёва [4, с. 80] (здесь он назван протезой) и Р.Ю. Намитковой [13, с. 138-139]. Однако они, приводя примеры этого способа, ограничивают его только сегментной или словной (лексической) разновидностью. Тмезис как явление, имеющее дело с разными уровнями языковой системы, рассмотрен в работе [6], а в работе [7, с. 17, 21, 22, 58-59, 80, 83, 86, 92] дана многоаспектная характеристика этого способа.

Между тем тмезис довольно часто рассматривается как стилистический приём или риторическая фигура. Так, А.П. Сковородников пишет: "Полагаем, что уточнить понятие тмезиса как стилистического приёма можно, определив его как такую разновидность вставной конструкции, которая представляет собой вставку (вклинивание) в слово какой-либо языковой единицы (корневой морфемы, слова, аббревиатуры, предложения). Например:

- 1) Примакова сдали на базу вторполитсырья. Ср. база вторсырья.
- 2) Вино-шоу-кур. Развлекательная программа. Ср.: шоу Винокура.
- 3) Поздравляем, нация, есть деноооминация. Ср.: деноминация.
- 4) Лю-воздуха!воздуха!блю (Р. Рождественский).

Тмезис – фигура редкая, встречается в художественных и публицистических текстах в качестве средства выражения эмоции (илл. 4), оценки (илл. 1,3), привлечения внимания адресата (илл. 2)" [16, с. 331-332]. См. также: [12, с. 97-98, 324], [17, с. 224]. (Но это, что называется, замечание в скобках – для широты картины, что ли: предмет рассмотрения в данной статье – тмезисные словотексты).

Тмезисные словотексты способны (и как правило) выражают достаточно сложные понятия. Так, одна из поэм поэта-имажиниста А. Кусикова называется "Коевангелиеран" (в слово коран вставлено слово евангелие). Это слово может быть истолковано как "книга, объединяющая священные книги мусульман и христиан", и можно строить предположения, какая из этих книг важнее в представлении поэта (с одной стороны, слово евангелие находится в центре словотекста, и оно употреблено в целостном виде; с другой стороны, слово коран, оказавшееся в данном случае разорванным, по правилу рамки ("Запоминается начало и конец информационного ряда, из чего бы он не состоял"), оказывается в более значимом, выигрышном положении. Можно предложить, кстати, и "наоборотные" варианты: *еванкорангелие, например). Но, как замечает исследователь творчества поэта, А. Кусиков балансировал "на грани двух вероисповеданий, двух ментальных моделей" [18, с. 214], а в сборнике "В никуда", в котором опубликована поэма "Коевангелиеран", кроме христианских мотивов, "появляется ещё один мотив, не столько мусульманский, сколько индуистский или буддийский..." [18, с. 219]. Таким образом, словотекст коевангелиеран может быть представлен следующим образом: синтез всех священных книг человечества.

Поэт Н. Глазков придумал слово лю-я-блю: "Я не тот, кто дактиль и анапест За рубли готовит Октябрю. Я увижу на знамёнах надпись И услышу надпись: "ЛЮ-Я-БЛЮ". ЛЮ-Я-БЛЮ. Моя любовь разбита, Это слово тоже разрублю, Потому что дьявольски избито Словосочетанье "Я ЛЮБЛЮ"". Как видно из контекста, окказионализм-словотекст лю-я-блю, конденсируя в себе фразу (текст) "Я люблю", в то же время подчёркивает её избитость, вследствие преодоления которой и возникает тмезисный словотекст лю-я-блю (кстати говоря, не очень привлекательный в звучании).

Говоря о границах тмезиса как способа словообразования (о том, что включается в него), следует отметить, что тмезисными традиционно считаются также местоимения типа не о чем, ни у кого и т.д., что с позиций цельнооформленности слова вызывает возражения. Очевидно, сторонники данной точки зрения исходят из того, что "тмезис не предполагает обязательного сохранения разделяемых элементов в одном слове, т.е. при тмезисе может быть и не одно слово" [13, с. 139]. Однако полностью отвергать эту точку зрения вряд ли стоит, поскольку нет-нет да и встретятся окказиональные образования, которые находятся на некотором словарном пограничье: "Ему представлялось горьким осознавать, что за всё то полезное, что сделал он на своём пути и что подробно было описано в них, его, незлобиво, мягкого функционера, выбившегося в люди из обыкновенных швейцаров, – рубаху, в сущности, парня – застрельщика многих поблажек, амнистий, льгот, – его б самого застрелили, как мелкую куропатку, – и он бы уже никогда ничего не чувствовал, не желал, не участвовал в общем процессе – невероятно, сплошное не – прободение личности, тьма" (С. Соколов). В слово рубаха-парень вклинивается предложно-падежное сочетание в сущности, однако это вклинивание оформляется не с помощью дефиса или скобок, а с помощью запятых.

Представленный выше материал показывает, что тмезисные новообразования оформляются либо как слитное слово, либо как слово, имеющее внутри какие-либо графические знаки (чаще всего дефис, но могут присутствовать и иные знаки препинания (запятая, многоточие и т.д.), что сближает этот способ словообразования с графическим словообразованием (о сущности и истории становления этого способа см. [8]). По моему мнению, наличие внутренних знаков препинания как раз и подчёркивает то, что тмезисные окказионализмы являются словотекстом в большей мере, нежели окказионализмы, созданные при помощи других способов словообразования. (Здесь нужно сказать следующее: в принципе любое слово способно стать текстом, однако окказиональное слово оказывается словотекстом более ярким, а тмезисный окказионализм, по-видимому, наиболее значительный пример развёртывания слова в текст, самый сильный образец словотекста; впрочем, это дело дальнейшего углубления теории словотекста).

Есть случаи словотекстов, которые довольно трудно считать собственно тмезисными, только тмезисными, поскольку в их создании принимают участие и другие способы

словообразования: ""Они делали это из капа. Его, во-первых, резать за..., скажем так, паришься, во-вторых, сколько ценного материала в стружки уйдёт" (А. Канторович). Что произошло – со словообразовательной точки зрения – с исходным словом запаришься? Первоначально корень этого слова должен быть заменён обценным корнем, но в последний момент говорящий спохватился и заменил всю приставочную часть слова разговорным эквивалентом обценной единицы, а чтобы изначальная выразительность всё же оставалась, последовал разрыв слова, в который вклинилось сочетание скажем так; и, очевидно, для обозначения произносительной паузы было использовано именно такое написание – за..., скажем так, паришься. Таким образом, в создании данного словотекста задействованы трансрадикация, тмезис и графическое словообразование.

Исследователи иногда неоправданно расширяют круг явлений, относимых к тмезису как способу словообразования. Так, Р.Ю. Намитокова считает, что к тмезисным образованиям следует отнести, например, такое: "Каменщица-конкурентщица, Ты докарикатурекаешься (А. Вознесенский) – из до(кука)рекаешься + карикатура" [13, с. 139]. Однако в этом случае новообразование докарикатурекаешься логичнее рассматривать как созданное по способу контаминации. Приводимый в [14, с. 100-101] примеры анафигнадырь ("на фиг надо Анадырь") и целлюлительница ("целительница целлюлитом") по сути своей представляют также контаминационные образования. Авторы объясняют отнесение этих образований к тмезисным тем, что, по их мнению, "при тмезисе также возможно совмещение соседних формально тождественных частей исходных слов" [14, с. 101].

Проблема словотекста только начинает становиться проблемой словообразования, а рассмотрение тмезиса как словотекста являет собой начало рассмотрения способов словообразования в новой плоскости

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахман К.И. К проблеме соотношения стихийных и целенаправленных процессов в развитии языка // Вопросы языкознания, – 1965. – № 3. – С. 131-136.
2. Бирюков С.Е. Року укор: Поэтические начала. – М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2003. – 510 с.
3. Григорьев В.П. Словотворчество и смежные проблемы языка поэта. – М.: "Наука", 1986. – 256 с.
4. Журавлёв А.Ф. Технические возможности русского языка в области предметной номинации // Способы номинации в современном русском языке. – М.: "Наука", 1982. – С. 45-108.
5. Изотов В.П. Словотекст // Текст: грани и границы. – Орёл, 1995. – С. 131-136.
6. Изотов В.П. "Русское словообразование. Каталог способов". Принципы составления. Пробная статья: тмезис // *Vocabulum et vocabularium*. Сб. науч. тр. по лексикографии. Вып. 4. – Харьков, 1997. – С. 20-21.
7. Изотов В.П. Параметры описания системы способов русского словообразования. – Орёл, 1998. – 149 с.
8. Изотов В.П. Из очерков по графическому словообразованию // Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования [Федеральный научно-практический журнал]. – 2012, № 4. С. 112-118.
9. Калниязов М.У. Окказиональные и потенциальные слова в языке современной периодики (суффиксальные имена существительные): Автореф. дис... канд. филол. наук. – М., 1978. – 19 с.
10. Лыков А.Г. Окказиональное слово как лексическая единица // Науч. докл. высш. шк. Филологические науки, 1971. – № 5.
11. Маноли И.З. Потенциальная лексика современного французского языка. – Кишинёв: Штиинца, 1981. – 140 с.
12. Москвин В.П. Выразительные средства современной русской речи: Тропы и фигуры. Общая и частная классификации. Терминологический словарь. Изд. 2-е, существ. перераб и доп. – М.: ЛЕНАНД, 2006. – 376 с.
13. Намитокова Р.Ю. Авторские неологизмы: словообразовательный аспект. – Р/Д: Изд. Ростовского ун-та, 1986. – 160 с.

14. Попова Т.В., Рацибурская Л.В., Гугунава Д.В. Неология и неография современного русского языка. Учебное пособие. – М. Флинта, 2011. – 168 с.
15. Саари Х. К вопросу об искусственных корнях и созданных на их базе производных словах // День Артура Озола. Проблемы словообразования в современном языкознании. – Рига, 1969. – С. 26-33.
16. Сковородников А.П. Тмезис // Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочёты / Под ред. А.П.Сковородникова. – М.: Флинта: Наука, 2005. – С. 331-332.
17. Хазагерев Г.Г. Риторический словарь. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 432 с.
18. Штейнман М.А. Восток и Запад: на перекрёстке культур. Феномен А.Кусикова // Русский имажинизм: история, теория, практика. – М.: ИМЛИ РАН, 2005. – С. 213-220.
19. Эпштейн М.Н. Слово как произведение. О жанре произведения // Эпштейн М.Н. Знак пробела. О будущем гуманитарных наук. – М.: Новое литературное обозрение, 2004. – С. 254-320.
20. Эпштейн М.Н. Дар слова. Еженедельный лексикон Михаила Эпштейна // www.subscribe.ru/linguistics/lexicon

УДК 811.161.1'42

Елена Колесниченко
(Горловка)

КАЛАМБУРНЫЙ ПАРАДОКС В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ М.М. ЖВАНЕЦКОГО

У статті проаналізовані способи створення каламбуру. Розглянуті різні види каламбурного парадоксу у творах М.М. Жванецького.

Ключові слова: каламбур, парадокс, логомахія, зевгма, антанаклаза, синонімія, антонімія.

The article analyzed the ways to create a pun. The different types of punning paradox are considered in the works of M.M. Zhvanetsky.

Key words: pun, paradox, lohomachia, zeugma, antanaklasis, synonyms, antonyms.

Каламбурные комбинации – одно из наиболее интересных и разнообразных проявлений парадокса в произведениях М. М. Жванецкого. Нерегулярность и уникальность подобных новообразований состоит в одновременной абсурдности и правдивости смысловых сближений.

Цель нашей статьи – рассмотреть способы образования каламбурного парадокса в произведениях М.М. Жванецкого.

По мнению Ю. М. Скребнева "каламбур "строится на использовании смысловой многоплановости слова или выражения и представляет собой элементарную логическую ошибку... Каламбур специально предназначен для использования в юмористических целях" [5, с. 152]. Таким образом, этот прием создания парадокса можно воспринимать как: а) как реализованную возможность толковать слово или выражение неоднозначно; б) как нарушение логических законов организации текста.

Каламбур отклоняется от закона тождества аргументов по отношению к тезису. Он гласит: тезис на всем протяжении должен оставаться одним и тем же. Нарушением является потеря или подмена тезиса. Закон тождества в символах логики записывается так: $V(x) [x=x]$: каждая вещь /x/ тождественна самой себе. При выражении мыслей один и тот же знак не должен употребляться в разных значениях или его значение не должно заметно меняться. Таким образом, в тексте может быть представлено лишь одно значение слова, другое же

является потенциально возможным, и стилистический эффект создается единицей языка как таковой, "фактом ее присутствия".

В каламбуре значения равноправны, отрезок текста, в котором он употреблен, всегда ориентирован на два реальных объекта действительности. Здесь значения несовместимы и связаны между собой только формально.

Названные выше признаки можно считать в каламбуре главными. Первый признак объясняет характер используемых при его создании языковых средств; второй – такое взаимодействие с языковым окружением, которое ведет к алогизму. Алогизм в данном случае означает нарушение законов речевой организации высказывания лишь на формально-логическом уровне; на уровне более высоком – уровне взаимодействия речевого высказывания с адресатом и с текстом в целом – такой прием способствует более полной передаче авторской мысли.

Каламбур, таким образом, это фигура речи, направленная на достижение комического эффекта, в которой одну и ту же последовательность знаков можно воспринимать сразу в нескольких значениях, что является нарушением логических законов организации текста. При использовании этого стилистического приема соблюдаются следующие условия: а) наличие в тексте слова или выражения, которое можно трактовать минимум двупланово; б) отнесенность таких слов или такой последовательности слов к одному объекту речи или к одной ситуации, развивающейся в речи. Именно тогда появляется логическая ошибка, свойственная каламбуру: один объект или ситуация высказывания соотносится адресатом с двумя объектами (ситуациями) действительности.

Каламбур представлен в виде ядра и базисного контекста. В состав ядра входят минимум два элемента, объединенные одинаковой или сходной фонетической (графической) формой и различные по содержанию. Базисный компонент рассматривается как минимальное необходимое условие реализации элементов ядра в каламбуре.

В. С. Виноградов представляет каламбур как соединение двух компонентов: лексическое основание (опорный компонент, стимулятор), позволяющий начать игру, и "перевертыш" (результат, результирующий компонент), завершающий компонент.

Стилистический эффект каламбура в произведениях М. М. Жванецкого связан с его направленностью на комическое восприятие с той его особенностью, которая характеризуется как нарушение правил логического построения текста.

По степени представленности в тексте в произведениях М. М. Жванецкого можно выделить 2 вида каламбура:

1) каламбур, локализованный в одном предложении или реплике: "*Сколько человек может **стоять на дружеской ноге?***" [12];

2) каламбур, развертываемый в нескольких предложениях или репликах диалога. В таких случаях доминанта (основание начинающего каламбура) может употребляться дважды в двух своих значениях: *И у нас в запасе есть огромный **мир** на самый крайний случай – наш внутренний мир. Три внутренних **мира**, обнявшись, идут по Пушкинской* [9, с. 26];

По способу образования самым распространенным в афоризмах и эссе М. М. Жванецкого является каламбур, основанный на многозначности слова. Его основанием становится слово или выражение, которое можно истолковать неоднозначно. Это явление в стилистике и риторике называется антанаклазой (антанакласисом), т. е. последовательным употреблением в узком контексте одного и того же слова в разных значениях [7, с. 202]:

Он вошёл в её положение, он побыл в её положении... Он оставил её в положении [12]. Здесь реализуются сразу 2 фразеологически связанных значения слова *положение*: 'посочувствовать, помочь кому-нибудь' и 'быть беременной' [4, с. 509-510].

*Каждый народ **имеет** то правительство, которое потом его **имеет*** [12]: иметь – '1. обладать, располагать, владеть', 2. 'находиться с кем-то в половой связи' [3].

В общем, наша страна – родина талантов, а наша Родина – их кладбище [12]. В узком контексте сталкиваются два значения многозначного слова *родина*: ‘отечество, родная страна’ и ‘место рождения кого-чего-нибудь, возникновение чего-нибудь’ [4, с. 628].

Наши отношения с женщинами складываются прекрасно, если они складываются. Женщин, которые не складываются, мы бросаем [12]. Здесь реализуются сразу два значения глагола "складываться": 1. Приобретать законченную форму, вид, структуру; формироваться, устанавливаться. 2. Принимать определенное положение, вид, форму [3].

Здесь не будет уроков. Дневников и родительских собраний. Захотел – выучил, пришел, сдал. Хорошо! Не захотел – не выучил. Я пораньше освобожусь, и вас пораньше освободят [12]. Каламбур создается с помощью обыгрывания 1 и 3 значений слова "освободят": 1. ‘Сделать свободным’, 3. ‘Избавить от кого-чего-н., дать возможность не делать чего-н.’ [4, с. 461].

Названные выше каламбуры основаны на повторении в узком контексте одного и того же слова в прямом и переносном значения. Приведем еще один пример: ... *А охота человеческая бесконечная? Только что был Брежнев с винтовкой... и вот уже эти ребята на Алтае с вертолёта по несчастным животным палят. Козлы стреляют по козлам* [12]. Слово козел используется в прямом (‘животное’) и в переносном (‘плохой человек’) значениях.

Наиболее интересными нам представляются каламбуры, в которых повтора нет, но обыгрываемое слово употребляется одновременно и в прямом, и в переносном значении. Это явление называется в логике эквивокацией, т. е. двусмыслицей, недоразумением, возникающим вследствие употребления какого-нибудь слова или выражения в двойном значении; вызванным многозначностью одного слова [2]

Споткнетесь – поддержим.

Упадете – подыдем.

Сядете – возьмем на поруки [12].

В данном случае обыгрывается 1 и 7 значение слова "сесть": 1. ‘Принять сидячее положение’. 2. ‘Оказаться в заключении по приговору суда (обычно об уголовном преступнике).

*Спортзал – нет, фундамент – да, стены – да, крыша – да, рамы – нет, стекла – нет! Поехали в главк – **вырвали** рамы, **выбили** стекла, **оторвали** отопление* [8, с. 143].

В этом примере происходит переосмысление глаголов "вырвать, выбить, оторвать". В Советское время эти глаголы обозначали ‘добыть что-то’. Эти значения не зафиксированы в словарях, но для старшего поколения (жителей бывшего СССР) они были актуальными.

Дорогой Миша! Ваши произведения должны быть на солнце, а вы для здоровья в тени [9, с. 74]. Переносное значение выражения "быть на солнце" подразумевает ‘быть в центре, на лучшем месте’, вторая часть высказывания, выраженная сочетанием "быть в тени", может интерпретироваться по-разному: в прямом значении – ‘быть незаметным’, в переносном – ‘находиться в комфортных условиях’.

Этот отдых для мозгов назывался "очередь". Первое добровольное построение советских людей в затылок друг другу [12]. Здесь реализуются сразу два значения слова "очередь": 1. ‘Люди, расположившиеся один за другим для получения или совершения чего-нибудь в последовательном порядке’ и 2. ‘Определенное количество патронов, выпущенных пулеметом или автоматом в один прием’ [4, с. 445].

Еще один вида каламбура – логомахия, т. е. логическая ошибка, "спор о словах", когда в процессе общения участники коммуникации по-разному понимают значения слов, что ведет к недопониманию между собеседниками: – *Чем вы гладите тонкое женское белье? – А вы чем гладите тонкое женское белье? – Рукой.* [9, с. 104]. Каламбурное звучание этому парадоксу придает многозначность глагола *гладить*: 1. ‘Выравнивать утюгом складки, утюжить’. 2. ‘Легонько, ласково проводить по чему-нибудь ладонью, пальцами, несколько раз в одном направлении’.

Распространенным приемом создания каламбура у М. М. Жванецкого является окказиональное использование партонимов (партитивов, меронимов), которые используются для выражения отношений между частью и целым. Партитивными отношениями писатель может связать самую неожиданную лексику или может после перечисления частей целого сделать неожиданный вывод о самом целом: *Жизнь – как рояль: клавиша белая, клавиша черная... крышка* [12]. – *Что ты знаешь! У него **печень, почки, селезенка...** Весь этот ливер он лечит уже шестой год* [9, с. 22]. Здесь высказывание соотносено не с конкретным референтом, а с референтной группой. Произошла подмена понятий: выделенная соматическая лексика входит в ЛСГ "наименования внутренних органов человека / животного", а ливер – 'продукт из печени, легкого, сердца, селезенки убойных животных'. *Пирог с ливером* [4, с. 296].

Менее распространенным является у М. М. Жванецкого такой вид каламбурной игры, как изменение грамматической формы существительных (нарицательных или собственных) с целью их переосмысления: *Нам **слава** не нужна. У нас есть **Слава** – Метревели, есть Миша Месхи, Хурцилава* [9, с. 12].

Иллюстрацией каламбурного изменения имен собственных могут служить остроумные переделки фамилий. Имена собственные, причисляемые к "говорящим" (значащим, смысловым) именам, являются чрезвычайно активными и своеобразными компонентами игры слов. В принципе, каждое "говорящее" имя можно считать каламбуром: *"В Украине появились новые фамилии: Миколазабийстрилку, Тарасворуйгаз"* [12]. У него же: *"Пантелеич, ты слышал? Говорят, изобретен новый вариант кубика Рубика. В форме шарика. Называется, шарик Дурика"* [12].

Многие каламбуры построены у М.М. Жванецкого на явлении омонимии:

" *А **пúсать**, простите, как и **писáть**, надо, когда уже не можешь*" [12]. Каламбур здесь строится на омографах.

Лексическая омонимия представлена в следующем каламбуре: *Позвольте, я вас **перебью!** – Всех не **перебьешь!** – крикнул я* [10, с. 65]. В первой части каламбура *перебить* – 'прервать чью-нибудь речь', во второй – 'убить' [4, с. 457]. Еще пример: *И подъехать поближе, громыхая и постреливая вверх совершенно **холостыми**, то есть одинокими, зарядами* [10, с. 58]. *Холостой¹* – 'неженатый', т. е. совпадает со значением одинокий – "не имеющий семьи, близких"; *холостой²* – 'не дающий полезной работы, не используемый для такой работы'.

*В каждом деле нужен свой **запевала**: ты запьешь – другие подхватят* [8, с. 143]. Каламбур построен на омофонах слов *запеть* и *запить*.

Японцы любят суши. Особенно из суши они любят Курильские острова [12]. Обыгрывание омоформ "суши" и "суша".

Языковым средством создания каламбура могут быть и паронимы и парономазы:

*Это стакан **бродячего** вина. Сближаются слова "бродячий" и "бродящий"* [12].

*Утро страны... **Потянулась** в горы молодая интеллигенция. Потянулись к ларьку люди среднего поколения. Стада потянулись из деревни в зеленые росистые поля. **Потянулись** в своих кроватях актеры, актрисы, художники и прочие люди трудовой богемы и продолжали сладко спать* [8, с. 236]. Жванецкий преднамеренно обыгрывает паронимы *потягиваться* и *потянуться*.

*Существуют три причины неявки: **забыл, запил или забил**. Может, обвес, обсчет, обмер?* [12]. Каламбур основан на парономазах.

"Неожиданное включение" наряду с полисемией является источником создания парадоксального эффекта. Пониманию каламбура способствует контекст:

Помню, у меня в 43-м так ноги болели!.. а купил 45-й – и нормально [12]. Лишь прочитав всё высказывание, читатель понимает, что речь идет о размере обуви, а не о годах Великой Отечественной войны.

Мы не левые и не правые, потому что мы валенки [12]. Поначалу у читателя создается впечатление, что речь идет о политических убеждениях, и лишь потом, при употреблении конкретного существительного *валенки*, двусмысленность снимается.

На том свете, в раю, все говорят по-английски. Учите! [12]. "Тот свет", "рай" – это для советских людей Соединенные Штаты Америки.

Если говорить о цветных, у меня есть рассказ о том, как в Одессу приехал Боря Моисеев [12]. Здесь содержится намек на нетрадиционную сексуальную ориентацию известного артиста. Обыгрывается общеупотребительное (прямое – "цвет") и сленговое (переносное – "гей") значения слова "голубой", которое не эксплицировано, но подразумевается за счет использования родового понятия *цветной* и упоминания имени *Боря Моисеев*.

Иногда для создания каламбура автор используют приемы синонимии и антонимии.

Все спрашивают: где я сейчас работаю. Это неважно, важно, что я сейчас делаю [12]. Глагол "работать" – многозначный, и в одном из своих значений – 'заниматься чем-либо, применяя свой труд, осуществлять какую-либо деятельность' [4, с. 587] – он синонимичен глаголу *делать*. То же значение наблюдается и у глагола *делать*: 'проявлять деятельность, заниматься чем-нибудь' [4, с. 145], однако реализуются и другие значения последнего глагола: 'производить, совершать что-либо, работая'.

Не знаю, как растет публика, но я видел, как опускаются актеры [11, с. 62]. Антонимия построена на переносном значении слов "растет" – 'повышает свой уровень' и "опускается" в значении 'деградирует'.

В произведениях М. М. Жванецкого мы наблюдаем большое количество логических каламбуров, которые, по мнению М. Н. Крыловой, "строятся на сопоставлении (часто в форме однородных членов) несопоставимых, с точки зрения логики, предметов. Эти предметы, как правило, относятся к разным классам. Нарушается логический закон тождества. Например: *Я выпишу тебе шалфей, боярышник и Прибалтику* [10, с. 171]. *И опять дело кончится масонами, завмагами, армянами и мировой усталостью* [12]. Этот вид каламбура некоторые ученые классифицируют как зевгму – стилистический прием, фигура речи, при которой наблюдается нарушение семантической однородности или семантического согласования в цепочке однородных членов предложения или целых предложений, создающие юмористический эффект, или эффект обманутого ожидания. Правда, Э. М. Береговская дает несколько иное определение: "Зевгма – экспрессивная синтаксическая конструкция, которая состоит из ядерного слова и зависящих от него однородных членов предложения, чаще равноценных грамматически, но семантически разноплановых, вследствие чего в многозначном ядерном слове одновременно актуализируются минимум два разных значения или смысловых оттенка" [1, с. 63]. Она выделяет несколько типов зевгмы по связи членов перечислительного ряда с ядерным (опорным) словом: слабый, сильный и парадоксальный. В эссе М. М. Жванецкого наиболее часто используются второй и третий типы.

Каламбур создается с помощью сильного типа зевгмы, при которой в ядерном слове одновременно реализуются разные значения: *Ты лежишь среди чужой речи, у тебя ампутирован язык, блеск, остроумие* [10, с. 127]. Очевидно, что глагол *ампутирован* относится к слову 'язык' в прямом значении, а к словам *блеск, остроумие* – в переносном. В результате происходит смысловое расхождение на семантическом уровне, которое дает право говорить о наличии в предложении "семантически осложненной" зевгмы.

Но наиболее распространенным у М. М. Жванецкого является парадоксальный тип зевгмы, который характеризуется широким спектром стилистических оттенков: *Для постороннего уха – в Одессе непрерывно острят, но это не юмор, это такое состояние от жары и крикливости*. [8, с. 224]. В одном ряду однородных членов предложения находятся слова, входящие в разные, непересекающиеся семантические поля.

В качестве опорного (ядерного) слова М.М. Жванецкий может использовать разные части речи, но чаще глаголы и существительные: *И опять дело кончится масонами,*

завмагами, армянами и мировой усталостью [12]. Я **выпишу** тебе шалфей, боярышник и Прибалтику [10, с. 171]. **Ощущение** опасности, пьянства и женщин [11, с. 143]. Дома у каждого **неприятности**: жена, квартира, зарплата [9, с. 135].

Зевгматические конструкции, в которых отсутствует опорное слово, определяются как конструкции с нулевым компонентом: *Морицыны в тридцать, мешки у глаз в тридцать пять, животы в сорок* [9, с. 218]. А. Н. Смолина предлагает такие конструкции классифицировать как зевгматическое перечисление [6]. Они встречаются в произведениях автора достаточно часто.

В каламбуре присутствует намеренное использование полисемии, омонимии и звукового сходства слов для создания игры смыслов, которая привносит в его речь ёрнический стиль, яркое, свежее впечатление и, самое интересное, нетрадиционное восприятие действительности. Подвижность и скрещивание сигнификатов позволяет создать определенную, семантически закрепленную схему, а устойчивость содержания языкового значения помогает понять ее.

Итак, рассмотрение достаточного количества иллюстративного материала позволяет нам утверждать, что отличительной чертой каламбура как средства создания парадокса в произведениях М.М. Жванецкого является намеренное создание языковыми средствами двоякого понимания какого-либо высказывания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Береговская Э. М. По дороге от тропов к фигурам : реконсилия и каламбрден. Риторика. Лингвистика : сб. статей / отв. ред. Э. М. Береговская. – Смоленск: СГПУ, 2003. – Вып. 4. – С. 111-120.
2. Википедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа : ru.wikipedia.org/wiki/ Эквивокация, свободный. – Заглавие с экрана.
3. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный [Электронный ресурс] / Т. Ф. Ефремова. – Режим доступа: <http://www.slovari.gramota.ru>. – Заглавие с экрана.
4. Ожегов С. И. Словарь русского языка. – М.: Советская энциклопедия, 1984. – 846 с.
5. Скребнев Ю. М. Очерк теории стилистики. – Горький: ГГПИИЯ, 1975. – 175 с.
6. Смолина А. Н. Паралогические высказывания в аспекте воздействия на реципиента. Речевое общение: специализированный вестник. – Красноярск: Изд-во КрГУ, 2000. – Вып.3 (11). – С. 123-127.
7. Хардина М. В. Оказиональное использование фразеологических единиц с целью создания комического эффекта: автореф. дисс. ... канд. филол. наук: спец. 10.02.01 “Русский язык”. – М., 1978. – 15 с.
8. Жванецкий М. М. Шестидесятые. Собрание сочинений в четырех томах. Том 1. – М.: Время, 2002. – 254 с.
9. Жванецкий М. М. Семидесятые. Собрание сочинений в четырех томах. Том 2. – М.: Время, 2002. – 383 с.
10. Жванецкий М. М. Восьмидесятые. Собрание сочинений в четырех томах. Том 3. – М.: Время, 2002. – 349 с.
11. Жванецкий М. М. Девяностые. Собрание сочинений в четырех томах. Том 4. – М.: Время, 2002. – 447 с.
12. Жванецкий М. М. Афоризмы [Электронный ресурс]. – Режим доступа :<http://prikolov.net/prikol/zhvanetsky>. – Заглавие с экрана.

СТРУКТУРНЫЕ ТИПЫ РАССЕЯННОГО ЭПИСТОЛЯРНОГО ВОКАТИВА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

У статті обґрунтовано поняття розсіяного епістолярного вокатива як звертання, що декілька разів фігурує в листі або в одному й тому самому, або в модифікованому вигляді. Виділено та схарактеризовано основні структурні типи розсіяного вокатива: гомогенний і гетерогенний.

Ключові слова: епістолярний вокатив, звертання, лист, адресант, адресат.

A concept diffused vocative as an appeal, repeatedly appearing in a letter either in the same or in the modified form is grounded. The main structural types of the diffused vocative, such as homogeneous and heterogeneous, are selected and described.

Key words: epistolary vocative, appeal, letter, addresser, addressee.

Термином **эпистолярный вокатив** мы обозначаем разнообразные средства установления адресованности эпистолярного текста. Самым распространённым из них является прямое обращение, однако адресованность письма может быть обозначена и другими способами, в числе которых назовём метатекстовую адресацию, осуществляемую по типу: "такому-то от такого-то" или "от такого-то такому-то", например: *Александр Николаевич и Николаю Павловичу Молас от Модеста Мусоргского Грамотка* [11, с. 250]. Возможна также косвенная адресация, т. е. именование адресата "в третьем лице", когда в начале письма впервые контакт устанавливается посредством именованного адресата в косвенном падеже, как, скажем, в одном из писем К. Г. Паустовского: *Две ночи у дяди Коли, почти без сна. За окном мутные пятна фонарей. Холодно, тоскливо. После тревожных дней я остаюсь один со своими думами о Кролёнке маленьком и нежном. А Кролёнок не пишет* [12, с. 54]. Языковые средства адресации письма различны по морфологическим и синтаксическим свойствам и по своей прагматике, однако в предлагаемой статье мы рассмотрим только один тип эпистолярного вокатива – рассеянный вокатив.

Лингвисты неоднократно отмечали особое значение начального обращения письма для эпистолярной коммуникации. Оно служит для установления контакта между автором и адресатом, т. е. выполняет вокативную функцию, сущность которой заключается в привлечении внимания другого лица [4, с. 83]. Установлено, что обращение является одним из основных средств диалогизации эпистолярного текста и выполняет коммуникативно-прагматическую и квалифицирующе-оценочную функции [1, с. 113]. Начальное обращение принадлежит к композиционным эпистолярным элементам и во многом определяет выбор автором языковых средств, функционально-стилистическую окраску текста и тональность общения [5, с. 15]. Поэтому естественно и то, что именно начальное обращение письма в первую очередь привлекало внимание учёных [2; 3; 5].

Обращение как элемент зачина письма является частным случаем эпистолярного вокатива, однако во многих письмах вокатив расположен не в начале, а в середине или даже в концовке письма. Достаточно типичен случай бинарного вокатива, когда обращение повторяется дважды: в начале и в конце письма, в составе заключительной формулы вежливости, образуя рамку текста. В целом ряде случаев текст письма содержит несколько обращений к адресату, при этом часто наблюдается варьирование и всей вокативной конструкции, и только отдельных её компонентов. Такого рода вокатив представляет собой комплекс адресующих номинаций, пронизывающий текст письма, и может быть охарактеризован как **рассеянный вокатив** или поливокатив, который мы определяем как многократное, от трёх и более раз, обращение автора письма к своему адресату, вызванное, как правило, особой значимостью письма, его объёмом, эмоциональным состоянием

адресанта, требующим непрерывного контакта с адресатом, особенно если это близкий ему человек. Вот пример эпистолярного текста с рассеянным вокативом – письмо партизанки В. Поршневой, написанное в 1941 году незадолго до её гибели в фашистском застенке:

Милая мамочка!

Пишу это письмо перед смертью. Ты его получишь, а меня уже не будет на свете. Ты, мама, обо мне не плачь и не убивайся. Я смерти не боюсь... Мамочка, ты у меня одна остаёшься, не знаю, как ты будешь жить. Я думаю, что Зоя тебя не бросит. Ладно, моя милая, доживай как-нибудь свой век. Мама, я всё же тебе немного завидую: ты хоть живёшь пятый десяток, а мне пришлось прожить 24 года, а как бы хотелось пожить и посмотреть, какая будет дальше жизнь. Ладно, отбрасываю мечты...

Писать кончаю, не могу больше писать: руки трясутся и голова не соображает ничего – я уже вторые сутки не кушаю, с голодным желудком умирать легче. Знаешь, мама, обидно умирать.

Ну ладно, прощай, моя милая старушка. Как хотелось бы посмотреть на вас, на тебя, на Зою, милого Женечку, если сохраните его, расскажите ему, какая у него была тётя. Ну всё. Целую вас всех и тебя, мою мамочку.

Твоя дочь Вера [8, с. 60–61].

Как видим, в этом совсем небольшом письме, в полутора десятках строк девушка семь раз употребляет обращение к матери, что создаёт эффект постоянного соприкосновения с родным человеком. Многие письма, написанные в сходной ситуации, требующей высочайшего напряжения всех душевных сил, также содержат неоднократное обращение к адресату [8, с. 195–196, 232, 240, 247, 263–265, 270–271, 350, 424–425, 458, 482].

Ещё один пример: в письме к Л. С. Мизиновой А. П. Чехов неоднократно обращается к своей знакомой, каждый раз по-новому называя её: *милая Лика ... милая блондиночка ... хорошенькая Лика ... Лика ... Лика ... милая моя Лика* [18, т. 12, с. 30–31].

При этом характер рассеянного вокатива определяется не столько количеством входящих в него номинаций адресата, сколько их разнообразием и спецификой компонентов, в качестве которых могут выступать антропонимы (*Оля, Андрей Петрович, Евдокимыч, Пастернак*), апеллятивы (*друг, голубушка, сестра*), субстантивированный адектив (*милый, родной мой, дорогой*) или клише (статусное обращение типа *милостивый государь, господин, товарищ*). Если какой-либо из этих компонентов воспроизводится в письме неоднократно, то его можно считать доминирующим, хотя рассеянный вокатив может и не иметь доминанты.

В зависимости от степени разнообразия компонентов рассеянный вокатив может быть гомогенным, то есть включающим однотипные номинации: только антропонимы или только апеллятивы и т. д. – и гетерогенным, сочетающим номинации разного типа.

Рассеянный гомогенный вокатив с доминантой-антропонимом включает в свой состав только антропонимы в той или иной форме или антропонимы в сопровождении детерминантов. Эта модель с варьируемым числом компонентов встречается в письмах разных авторов: *Natalie – Наташа – Наташа* [7, с. 254–255], *Борис! – Борис – Борис – Борис!* [13, с. 340–343], *Лика – Лика – Лика* [18, т. 11, с. 544]. Если обозначить антропоним следующим образом: *И* – имя, *ИО* – имя и отчество, *Ф* – фамилия, то структура гомогенного поливокатива с доминантой – именем адресата может быть представлена в обобщённом виде так: *И ... И ... И*. Основная функция гомогенного поливокатива такого типа – установить и поддержать контакт с адресатом.

Распространённой модификацией этой модели является сочетание антропонима с детерминантом в первой позиции и неоднократный повтор имени адресата в тексте письма: *многоуважаемый ИО ... ИО ... ИО ... ИО* [15, с. 374–376], *дорогой ИО ... ИО ... ИО* [9, с. 115–116, 141–142, 151–153; 13, с. 449–451, 454–456, 460–462], *дорогой И ... И ... И* [9, с. 98; 13, с. 517; 11, с. 13–14], *родная И ... И ... И ... И ... И* [13, с. 27–34], *И, родная ... И ... И* [13, с. 514–515], *дорогая, дорогая И ... И ... И ... И* [13, с. 102–103]. И это вполне закономерно: в момент установления контакта адресант делает комплимент адресату, подчёркивает его

положительные качества, тем самым создавая благоприятные условия для дальнейшего взаимодействия, а затем ему остаётся лишь поддерживать контакт, для чего достаточно назвать адресата по имени. При этом в составе рассеянного вокатива не только может варьироваться форма имени, но иногда сочетаются имя и прозвище, например А. П. Чехов называет Л. С. Мизинову то её именем Лика, то именем одного из персонажей пьесы, которая шла в Малом театре: *Милая Мелита ... Мелита ... Лика ... Мелита ... Мелита* [18, т. 11, с. 544–545]. Первый компонент рассеянного вокатива данного типа несёт более значительную функциональную нагрузку, чем остальные: он выполняет, помимо фатической, эмоционально-экспрессивную функцию, что обусловлено семантикой входящих в его состав детерминантов, остальные же компоненты вокатива служат поддержанию контакта между коммуникантами.

Нередко, однако, гомогенный поливокатив с доминантой-антропонимом объединяет в своём составе онимы с детерминантами в разных позициях, например: *И ... И ... И ... И ... И ... И, родная* [13, с. 42–47], *дорогая И ... дорогая И ... И ... дорогая И ... И, дорогая* [13, с. 23–24], *И ... И ... дорогой И* [11, с. 44–51]. При этом детерминанты могут как повторяться, так и варьироваться, что создаёт большое число самых разнообразных комбинаций: *И, дорогая моя сестра ... дорогая И ... И* [13, с. 75–77], *милый мой И ... Чёрный И ... И, милый* [9, с. 160–162], *многоуважаемая ИО ... ИО ... ИО ... добрая ИО* [17, с. 32–33], *милая И ... милая, сердитая И ... милая И* [18, т. 12, с. 259–261]. Такой вокатив динамичен, он эксплицирует высокий эмоциональный накал отношений между коммуникантами и обеспечивает поддержку заданного уровня эмоционального контакта в продолжение всего акта общения.

Несколько иначе обстоит дело с гомогенным рассеянным вокативом, доминантой которого является апеллиатив. Такой поливокатив включает в себя повторяющуюся несколько раз лексему (возможно, с разными детерминантами) или разные лексемы, называющие адресата. Повтор одного и того же апеллиатива в письме – явление достаточно редкое и представлено в собранном нами материале всего несколькими примерами: *брат ... брат ... брат* [10, с. 492–497], *мой милый друг ... милый друг ... милый друг* [10, с. 511–512], *любезный друг ... друг ... друг* [10, с. 562–565], *мой дорогой друг ... мой милый друг ... друг мой ... милый друг мой* [17, с. 211–212]. Значительно чаще вокатив этого типа объединяет разные лексемы, причём, как правило, хотя бы часть из них имеют детерминанты, например: *милый брат ... мой друг ... мой друг ... мой друг* [14, с. 17–20], *барон ... душа моя ... душа моя* [14, с. 313–314], *царица моя ... моя прелесть ... мой друг* [14, с. 576–577], *милая моя жёнка ... ангел кротости и красоты ... мой друг* [14, с. 551–552], *жёнка ... мой ангел ... жёнка душа* [14, с. 416–417], *мой ангел ... моя жёнка ... моя плотненькая брюнетка ... мой ангел* [14, с. 437–438], *милый друг ... силач ... милый брат по Аполлону* [10, с. 510–511]. Множество разнообразных и нередко весьма экзотических обращений к жене содержат письма А. П. Чехова: *дусик мой, лошадка ... дусик ... пупсик мой* [18, т. 12, с. 519–520], *супруга моя хорошая ... радость моя ... радость моя, собачка добрая, приятная* [18, т. 12, с. 530–531], *супружница моя славная ... клопик мой ... дусик мой* [18, т. 12, с. 455–456], *актрисуля, дуся ... бабуня ... бабуня* [18, т. 12, с. 467–468], *дуся моя, жена ... собачка, собачка ... радость* [18, т. 12, с. 536–537], *лошадка ... лошадка ... моя радость* [18, т. 12, с. 510], *милая моя лошадка ... дусик ... лошадка моя, венгерец мой хороший* [18, т. 12, с. 511–512], *радость моя ... радость, прелесть моя ... дуся, милая ... дуся ... жена моя ... немочка моя добрая, славная, тихая моя* [18, т. 12, с. 420–421], *милая моя супружница ... дуся моя ... светик мой* [18, т. 12, с. 421–422], *милая, драгоценная, великолепная актриса ... моя верная спутница на Ай-Петри и в Бахчисарай ... моя радость* [18, т. 12, с. 309–310], *милая актриса, эксплуататорша души моей ... дуся моя ... дуся моя, актриса отчаянная* [18, т. 12, с. 392–393] и др. Рассеянный вокатив этого типа максимально персонифицирован: с одной стороны, такому способу именованию адресата отдают предпочтение лишь некоторые авторы писем, в частности, особенно много подобных примеров в эпистолярной А. С. Пушкина и А. П. Чехова, с другой стороны, даже у этих авторов апеллиатив доминирует в переписке с очень ограниченным кругом адресатов, с которыми их связывают самые близкие отношения. Гомогенный

поливокатив с доминантой-апеллятивом выполняет не только фатическую и эмоционально-экспрессивную функции, но также и поэтическую функцию, поскольку он зачастую отличается образностью, включает эпитеты, метафоры, перифразы, что предполагает творческое отношение адресанта к языку.

Субстантивированные адективы в качестве доминанты гомогенного поливокатива представлены в анализируемом материале единичными примерами: *милая ... милая ... милая моя* [6, с. 335]. Объективным фактором, налагающим ограничения на использование адектива в данной функции, является, по-видимому, то, что он не может быть детерминирован другим адективом, за исключением притяжательного местоимения *мой / моя*.

Немногочисленны и случаи гомогенного рассеянного вокатива с доминантой – статусным обращением: *Милостивый Государь ... Милостивый Государь ... Милостивый Государь* [16, с. 37], *Милостивый Государь мой ... Милостивый Государь мой ... Милостивый Государь мой* [16, с. 51–54]. Абсолютная спецификация языковых клише такого рода в функции обращения делает их недостаточно информативными в плане характеристики объекта номинации. Именно это свойство определяет приемлемость подобных клише в непосредственном общении, особенно при необходимости обратиться к незнакомому или малознакомому человеку, однако эпистолярная коммуникация требует минимизации неопределённости в репрезентации ситуации общения, и в частности недвусмысленного обозначения адресата в письме хотя бы один раз.

Гетерогенный поливокатив чаще всего сочетает антропоним и апеллятив (каждый из компонентов может сопровождаться детерминантами): *дорогая Надежда Филаретовна ... Надежда Филаретовна ... мой бесценный друг ... мой дорогой и лучший друг* [17, с. 81–84]. Доминантой вокатива этого типа можно считать количественно преобладающий компонент, при этом в передаче различных эмоционально-оценочных значений, характеризующих нюансы межличностных отношений адресанта и адресата, в равной мере играет роль как выбор автором апеллятива, так и предпочтение той или иной формы антропонима, поэтому приведём примеры без схематизации, с именами, указанными в письмах. Вот тип гетерогенного поливокатива с доминантой-антропонимом: *благородная, порядочная Лика ... дитя моё ... Лика ... Лика ... Лика ... кукуруза души моей* [18, т. 11, с. 557–559], *пожарный Саша ... Сашечка ... Саша ... Саша ... душенька – душенька* [18, т. 11, с. 540–541], *милый мой Толунок ... Тола ... мой мальчик* [15, с. 468–469], *милый Абрамыч ... дружок ... Абрамыч* [15, с. 539–540], *Олечка, дорогой мой друг ... дорогая тётя Ася ... Оля ... Оля ... тётя Ася ... тётечка* [13, с. 130–132] – и с доминантой-апеллятивом: *брат наш мерзавец Александр Павлыч ... скотина ... брат ... брат* [18, т. 11, с. 33–35], *дорогая дядя Коля ... душа моя ... старик ... старик ... старик* [9, с. 199–201]. Независимо от характера доминанты, начальное обращение в большинстве случаев включает в себя имя адресата, остальные же компоненты рассеянного вокатива комбинируются по-разному.

Регулярно строится рассеянный эпистолярный вокатив как сочетание антропонима и субстантивированного адектива: *милая Лика ... очаровательная ... Лика ... Лика* [18, т. 12, с. 31–32], *дорогой мой Борис – дорогой мой Борис – дорогой Борис – мой бесконечно родной* [13, с. 493–494]; апеллятива и субстантивированного адектива: *мой милый – мой милый – радость моя* [14, с. 326–327], *жена моя бесподобная – милый мой дусяк – родная – родная – радость моя* [18, т. 12, с. 480–481]; *актриска ... милюся ... славная моя актрисочка ... моя хорошая ... дуся, славная моя актрисочка* [18, т. 12, с. 404–405]; детерминированного антропонима и статусного обращения: *Милостивый Государь мой Пётр Иванович ... Милостивый Государь мой ... Милостивый Государь мой* [16, с. 57–58].

Конструкции более чем из двух компонентов допускают различные комбинации номинаций адресата в составе поливокатива, в частности сочетание антропонима, апеллятива и субстантивированного адектива: *милый Шура ... дорогой ... дорогой мой ... брат ... брат* [9, с. 137–139]; антропонима, апеллятива и статусного обращения: *Милостивый Государь*

мой Пётр Иванович ... почтенный друг ... голубчик Пётр Иванович ... Милостивый Государь мой [16, с. 112] и др.

Таким образом, рассеянный вокатив – это регулярно циркулирующая в эпистолярнике лингвистическая фигура со своей особой структурной и функциональной маркировкой, являющаяся одним из наиболее существенных параметров письма как документа и речевого произведения. Перспективы дальнейших исследований мы видим в изучении прагматики рассеянного эпистолярного вокатива, а также в выяснении закономерностей комбинирования, размещения и распределения его компонентов в тексте письма.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белунова Н. И. Дружеские письма творческой интеллигенции конца XIX – начала XX в. (Жанр и текст писем) / Н. И. Белунова. – СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2000. – 140 с.
2. Захарова В. Е. О функциях и структуре начального обращения в частных письмах А. П. Чехова / В. Е. Захарова // Языковое мастерство А. П. Чехова. – Ростов, 1988. – С. 110–115.
3. Климова Н. В. Структура и стилистические функции обращения в письмах И. С. Тургенева / Н. В. Климова // Исследования по русскому языку: Сб. работ кафедры русского языка. – Днепропетровск, 1970. – С. 127–133.
4. Рыжова Л. П. Коммуникативные функции обращения / Л. П. Рыжова // Семантика и прагматика синтаксических единств: Межвуз. темат. сборник. – Калинин: Калининский гос. ун-т, 1981. – С. 76–86.
5. Черняева А. Б. Функционирование обращения в дружеском письме творческой интеллигенции конца XIX – первой четверти XX века : автореф. дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.01 – русский язык / Черняева Алла Борисовна. – СПб., 2008. – 16 с.

ИСТОЧНИКИ ФАКТИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА

1. Блок А. Собр. соч. в 8 т. / под общ. ред. В. Н. Орлова, А. А. Суркова, К. И. Чуковского: Т. 8. Письма. 1898–1921. – М.–Л.: ГИХЛ, 1963. – 772 с.
2. Герцен А. И. Сочинения в 9 т. / под общ. ред. В. П. Волгина, Б. П. Козьмина, С. А. Макашина и др. – Т. 9. – М.: ГИХЛ, 1958. – 756 с.
3. Говорят погибшие герои. Предсмертные письма советских борцов против немецко-фашистских захватчиков (1941–1945 гг.). – Изд. 4-е, испр. и доп. – М.: Политиздат, 1973. – 496 с.
4. Есенин С. А. Собр. соч. в 5 т. – Т. 5. / подгот. текста и прим. А. А. Козловского, А. М. Марченко и др. – М.: ГИХЛ, 1962. – 456 с.
5. Жуковский В. А. Собр. соч. в 4 т. – Т. 4. / подгот. текста и прим. И. Д. Гликмана. – М.–Л.: ГИХЛ, 1960. – 784 с.
6. Мусоргский М. П. Письма. – 2-е изд. – М.: Музыка, 1984. – 446 с.
7. Паустовский К. Г. Собр. соч. в 9 т. – Т. 9. Письма. 1915–1968 / сост., подгот. текста и примеч. Л. Левицкого. – М.: Худож. лит., 1986. – 542 с.
8. Переписка Бориса Пастернака / сост., подгот. текстов и коммент. Е. В. Пастернак и Е. Б. Пастернака. – М.: Худож. лит., 1990. – 575 с.
9. Пушкин А. С. Полн. собр. соч. в 10 т. – Т. 10. Письма. – М.: Изд-во АН СССР, 1958. – 903 с.
10. Серафимович А. С. Собр. Соч. в 7 т. – Т. 7 / подгот. текста и прим. Р. И. Хигировича. – М.: ГИХЛ, 1960. – 728 с.
11. Суворов А. В. Письма [Текст] / отв. ред. А. М. Самсонов. – М.: Наука, 1986. – 808 с. (688 писем, на русск. 594)
12. Чайковский П. И. Переписка с Н. Ф. фон-Мекк: В 3 кн. Кн. 1. 1876–1878 годы. – М.: Захаров, 2004. – 624 с.
13. Чехов А. П. Собр. соч. в 12 т. / под общ. ред. В. В. Ермилова, К. Д. Муратовой и др. – Т. 11. Письма. 1877–1892. – М.: ГИХЛ, 1963. – 696 с. – Т. 12. Письма. 1893–1904. – М.: ГИХЛ, 1964. – 784 с.

**ЯВЛЕНИЕ ЛЕКСИЧЕСКОЙ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ
В КОМПЬЮТЕРНОМ ДИСКУРСЕ**

Стаття присвячена огляду та аналізу явища лексичної інтерференції в комп'ютерному дискурсі. Автор виділяє групи лексичних інтерферентів, визначає їхню функцію в російській мові.

Ключові слова: лексична інтерференція, віртуальний / комп'ютерний дискурс, лексичний інтерферент, повні інтерференти, часткові інтерференти, гібридні інтерференти.

The article is devoted to the examination and analysis of the phenomenon of the lexical interference in the computer discourse. The author defines groups of the lexical interferents, determines their function in the Russian language.

Key words: lexical interference, virtual/computer discourse, lexical interferent, full interferents, partial interferents, hybrid interferents.

Процесс глобализации, развивающийся в настоящее время, влечет за собой расширение взаимосвязей различных государств и культур, приводит к формированию информационного общества, основанного на развитии новых коммуникационных и информационных технологий. Глобальная компьютерная сеть Интернет воздействует на все сферы жизнедеятельности человека и предоставляет неограниченные возможности для межъязыковой коммуникации.

Для современного языкознания проблемы межъязыкового общения и языкового контакта являются традиционными и актуальными. Изучение данного явления в компьютерном дискурсе представляет собой определенный вклад в решение общих проблем вариативности языка и лексической интерференции, во многом обусловленной именно феноменом языкового контакта.

Явление лексико-семантической интерференции уже становилось объектом исследования многих ученых (И.А. Бодуэн де Куртенэ, В.А. Виноградов, С.В. Семчинский, И.Н. Кузнецова, Ю.А. Жлуктенко, Ю.С. Блажевич и др.), тем не менее описания данного явления в виртуальном дискурсе весьма фрагментарны.

Цель исследования состоит в анализе и систематизации лексических интерферентов, возникающих в результате взаимодействия контактирующих языков в условиях виртуальной коммуникации.

В соответствии с намеченной целью требуется решить следующие **задачи**:

1. Уточнить понятие интерференции, в том числе лексической;
2. Выявить результаты интерференции на лексическом уровне и критерии их классификации;
3. Описать механизмы возникновения лексических интерферентов в русском языке Интернет-блогов и форумов и определить их функции.

Лингвистическую интерференцию в виртуальном дискурсе можно рассматривать с трех точек зрения:

1. исходя из определения, предлагаемого В. А. Виноградовым, – как отклонение от нормы и системы второго языка под влиянием родного [3];
2. как результат межкультурной коммуникации, т. е. как "инновацию в норме", а не "нарушение" ее [2; 4];
3. как элемент языковой игры.

Интерференция проявляется на всех уровнях языка, но лексический уровень является наиболее подверженным интерференции, так как лексическая система любого языка менее организована по сравнению с другими системами языка, а значит более "открыта".

Лексическая интерференция определяется как заимствование лексем чужого языка в условиях билингвизма / мультилингвизма, выражающееся либо в перенесении фонемной последовательности из одного языка в другой, либо в сдвигах в смысловой структуре лексемы родного языка, либо в образованиях, создаваемых по модели иностранных слов [1].

Интерференты, встречающиеся в компьютерном дискурсе, многочисленны и разнообразны, поэтому возникает необходимость их классифицировать. Опираясь на имеющиеся наблюдения современных исследователей и на основании собранного фактического материала, все лексические интерференты можно разделить на три группы, основную массу которых составляют русско-украинские и русско-английские интерференты:

I. Полные – полностью сохраняется форма, произношение и значение. В таких заимствованиях можно выделить две подгруппы:

а) слова, которые без изменений переносятся в язык-реципиент. Эти слова кажутся иностранными в произношении и написании, они соответствуют всем нормам английского / украинского языка: *Nightlife* – *ночная жизнь онлайн*; *r-studio network* *попытался нагуглить инструкцию с картинками* (*R-Studio* – *программное обеспечение для восстановления данных*); *У дитячих групах тренуються діти з 5-ти лет*; *И это я вам скажу – покращення екологія буде чистіше за то¹*; *В связи с очень низкой активностью на форуме, раздел Форум был удален с нашего ресурса*.

б) интерференты, в которых каждый звук замещается соответствующим звуком русского языка в соответствии с его фонетическими законами: *Кардридер* *какойто кетайский* (*Card reader* – *устройство для чтения карт памяти*; *моё поколение – зе бест* (*the best* – *лучший*); *Хэлп* *Фунчеки* (*help* – *помощь*); *Завтра по плану выдаю и так кожен день*.

Лексические интерференты этой группы можно рассматривать как результат отсутствия русских однословных номинаций для называния соответствующих предметов. Функция употребления такой лексики – номинативная.

Варианты прочтения зависят от степени владения английским языком: чем глубже познания в языке, тем меньше искажений. Например, система, позволяющая отправлять короткие текстовые заметки (до 140 символов) Twitter (от англ. Tweet – чирикать, щебетать, болтать) в транслитерированном виде на русском языке звучит как *Твиттер*, *твіттор*, *твитер*, *твуттер*.

Примечательно, что стилистически нейтральные в украинском и английском языках слова, попадая в русский язык, в ключе языковой игры приобретают иронически-пренебрежительную или разговорную окраску: Низкий уклин автору; А учитывая то шо Пахло взялся керовать ценами уже не кажетца брехной; Ipad перезагружает... или шаровый вай-фуй ищет (iPad – интернет-планшет, выпускаемый компанией Apple; Wi-Fi – от английского словосочетания Wireless Fidelity, которое можно дословно перевести как "высокая точность беспроводной передачи данных"); Зайки мои, йа вас лафф (love – любить); Там какой то еще скандальчик с наркотой миротворной в гробу был по приезду, или ошибаюсь сори тоды (sorry – извините); Оф корс, ты че сомневаешься (of course – конечно).

Подобные интерференты выполняют функцию иронизации, высмеивания, легкой шутки и т.д. Их употребление вызвано желанием придать красочность, яркость, самобытность, иногда юмористический оттенок. Эта функция обнаруживается чаще всего среди пользователей, владеющих языком на высоком уровне и сознательно демонстрирующих свой уровень владения языком и / или степень значимости для них языковой компетенции вообще. Посетители интернет-форумов и блогов, плохо знающие язык, используют лексику и фразеологию чужого языка часто без особой надобности, чтобы показать свою осведомленность в новом для них языке.

II. С той же целью используются в компьютерном дискурсе **частичные интерференты** или так называемые "лексические дивергенты". При переходе

термина из английского языка в русский последний подстраивает принимаемое слово под нормы не только своей фонетики, как в предыдущей группе, но и грамматики. При грамматическом освоении английское / украинское слово начинает подчиняться правилам русской грамматики. В большинстве случаев это глаголы, прилагательные и существительные, образованные по схеме: "английский / украинский корень + русский аффикс", например: На пляшке написано 920 гр.; Ни одного твита от юли за весь день (tweet – чирикать); Карта чистая, не овердрафтная (overdraft – сверх планируемого, перерасход); Каждый день Вам будут приходить хелпики (help – помощь); g-studio network попытался нагуглить инструкцию с картинками (Google – крупнейшая поисковая система, принадлежащая корпорации Google Inc.); Соскайпуемся (Skype – бесплатное проприетарное программное обеспечение с закрытым кодом, обеспечивающее шифрованную голосовую связь и видеосвязь через Интернет между компьютерами).

Одним из видов языковой игры, широко представленных в компьютерном дискурсе, можно считать такой вид языкового шифрования, как **компрессия** (принцип экономии усилий отправителя и получателя): *CU – увидимся (до встречи), BBL (Be back later) – буду позже и т.д.*

III. Высокая коммуникативная актуальность понятий, которые обозначаются иноязычными словами, и, следовательно, высокая частотность употребления этих иностранных вкраплений приводит к образованию **гибридных интерферентов** – сочетания лексических единиц обоих языков. В эту группу могут быть включены слова, у которых одна часть – фонетическое и / или графическое подражание, другая – перевод: *Также весомым есть наличие предустановленных Google-Карт, которыми очень удобно пользоваться при навигации (Google Maps – набор приложений, построенных на основе бесплатного картографического сервиса и технологии, предоставляемых компанией "Google"); PS Remote-приложение для управления любительскими фотокамерами (Remote Play – является функцией /приложением на PlayStation 3, которая позволяет пользователю PSP или PS Vita соединять устройство с PlayStation 3).*

Таким образом, лексическая интерференция в виртуальном дискурсе – явление довольно распространенное. Можно утверждать, что на данном этапе развития Интернет-коммуникации, наблюдается тенденция к использованию лексических интерферентов в ключе языковой игры, которая становится неотъемлемой частью виртуального общения.

Исследуя язык Интернет-форумов и блогов, мы также приходим к выводу о том, что все перечисленные группы интерферентов выполняют определенные функции в русском языке: номинативную, высмеивания, иронизации, игровую / экспериментальную.

Материалы статьи могут быть использованы в дальнейших исследованиях языковых контактов и языковых изменений в компьютерном дискурсе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Блажевич Ю.С. Лексическая интерференция в условиях языкового контакта (на материале языка русских эмигрантов в Португалии): автореф. ... дис. д-ра. филол. наук. Электронный ресурс / Блажевич Ю.С. – Режим доступа: <http://bsu.edu.ru/>
2. Вайнрайх У. Языковые контакты: Состояние и проблемы исследования. – К.: Вища шк., 1979. – 263 с.
3. Виноградов В.А. Интерференция // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Сов. Энциклопедия, 1990. – 685 с.
4. Семчинский С.В. Семантическая интерференция языков. – К.: Высш. шк., 1974. – 256 с.

¹Сохранена орфография и пунктуация первоисточника.

**АВТОРСЬКІ ПАРАМЕТРИ ВІДНОСНО ПЕРЕКЛАДАЦЬКИХ
В ОДНОМУ З АНГЛОМОВНИХ ТЕКСТІВ
(ДОСВІД КОГНІТИВНО-КОМУНІКАТИВНОГО АНАЛІЗУ
АНГЛІЙСЬКОГО ПЕРЕКЛАДУ
ОПОВІДАННЯ К.Г. ПАУСТОВСЬКОГО "ЗОЛОТИЙ ЛИН")**

Англійський переклад російського оповідання показав багато тривалих дієслівних форм, які перевершують кількість у декількох автентичних текстах. Матеріали співпадали за описом процесу. Авторський погляд, голос, тощо, відбиваючи смисл мовних засобів творця тексту, здатні прояснити згузені лінгвістичні форми, більш за те, авторську індивідуальність.

Ключові слова: лінгвістичні форми, семантика тривалості, лінгвокультурні особливості, авторський смисл, погляд, тон, динаміка.

The authors' semantic dimensions as compared with those of translator's in one of English texts (an experience of cognitive and communicative research into English translation of a Russian story "The Golden Tench" by K.G. Paustovsky)

A translation into English has been researched because of the abundant process language (Continuous aspect) that were compared to the authentic texts similarly describing an activity. The author's semantic parameters like the point of view, voice etc explain many features of the English text.

Key words: translation into English, linguistic process-forms (Continuous aspect), author's point of view, voice, etc, linguistic and cultural tradition.

Теперішній дослідницький інтерес пояснюється необхідністю знати, як співвідносяться англомовні авторські якості тексту з мовними засобами, які є матеріальним утіленням змісту, що індивідуально викладається в письмовому документі.

Вивчення мовних механізмів у співвідношенні з авторськими смисловими параметрами, як то: авторський погляд, голос, тон тощо, відкриває дорогу до дотичного розуміння індивідуальної семантики, яка зазвичай пояснювалась як виключно авторський вислів, який нелегко проаналізувати і варто прийняти як належне. Тому теперішні наші зусилля націлено на подальше розширення і поглиблення мовного каналу проникнення в зміст, тим самим на деяке подолання традиційних формальних меж суто лексико-граматичного наближення до матеріалу.

На одному з попередніх кроків у цьому напрямку були розглянуті тексти двох британських (Г. Мортон [9] і Дж. Оруел [12]), двох американських письменників (Е. Хемінгуей [6] та І. Шоу [13]), опублікований переклад оповідання К.Г. Паустовського [3] англійською мовою та, нарешті, уривок із англійського роману В. Набокова [10]. Всі автори є приблизно особами, чиє життя розпочалося із початком 20 сторіччя, які отримали визнану якісну освіту перед або відразу після першої світової війни, винесли досвід другої світової війни, після якої стали особливо відомими за свої духовні якості та майстерність письма.

Особливе значення в розумінні англомовного авторського тексту мають такі мовні форми, що відмічені національно-культурною специфікою, серед них незліченні/зліченні іменники, умовні форми, статичні/ динамічні дієслова тощо. До цього ряду характерних англомовних лінгвістичних форм можна додати механізми тривалої дії (Continuous aspect). Саме останні форми ми тепер продовжуємо досліджувати відносно авторських параметрів у дуже цікавій лінгвістичній колізії: на матеріалі англомовного перекладу російського оповідання, яке в підготовчому аналізі виявило найбільшу кількість тривалих форм

порівняно зі зразками від різних авторів (*див. згадані раніше*) в матеріалі, що є подібним за зображенням процесу.

Нові зусилля зосереджуємо на тому, щоб розпізнати сукупну смислову роботу граматичних форм, яким властива семантика тривалої дії і які здатні накопичувати відповідний смисл на певних ділянках тексту. Змістова будова абзацу та межі всього тексту продовжують бути полем спостережень, порівнянь та висновків відносно проблеми теперішнього етапу дослідження.

Аспект тривалої дії, який є характерний для англійських дієслів, можна вважати своєрідним ставленням до матеріального світу в англомовному середовищі, що закладається у мислення дитини достатньо рано в оточенні людей, які спілкуються цією мовою. Граматичні форми Continuous використовуються в декількох видо-часових та активно-пасивних варіантах, які плідно описуються в граматичній теорії, особливо на рівні слова та речення. Коли йдеться про цілісний текст, то цілковитої впевненості про характер використання цих граматичних форм щодо послідовного змісту часом бракує навіть провідним англомовним граматистам; принаймні вони не беруться формулювати непохитні закономірності [4, с. 648-651; 5, с. 224-225; 7, с. 59-62].

Відповідним чином, досліджений нами ефект тривалості, затягнутої деталізації процесу, вчинку або події у англомовному авторському тексті не відбувся би так яскраво, якщо особові граматичні форми дієслова не накопичувались би автором у поєднанні із іншими лінгвістичними формами, як-то англійський дієприкметник, дієприслівник, герундій і навіть прислівники дієслівного походження.

Перевірка спостережень та опора на ретельне дослідження текстових зразків британців Г. Мортонна [9] і Дж. Оруела [12], американських письменників Е. Хемінгуея [6] та І. Шоу [13] вже описані через їх авторські параметри (погляд письменників, їх голос, тон, динаміка і позиція тощо). Зазначені смислові виміри показали себе дієвими змістовими інструментами в роботі із текстом [11; 15]. Тепер доречно згадати добрим словом американського теоретика А. Маслоу, чия школа наукової думки уможливила когнітивно-комунікативні дослідження авторської роботи. Наші попередники і вчителі заклали теоретичну основу для розуміння авторства тексту як цілісного гуманного процесу самопізнання, самореалізації та поєднання смислом із іншими [1; 10, с. 290-292].

Мету теперішньої публікації можна розуміти як наступну перевірку дієвості аналізу тексту за авторськими параметрами смислу із урахуванням ролі одного із лінгвістичних механізмів як їх можливого дотичного наповнення. Ситуація дослідження ускладнена, по-перше, через специфіку центрального в цій роботі англомовного граматичного явища тривалості, яке відмічено національно-культурними особливостями. По-друге, ми маємо справу із англомовним перекладом із російської, який може обіцяти додаткові нашарування смислу від перекладача.

Оскільки нам доведеться працювати з переліченими (*див. раніше*) каналами авторського смислу, то неминуче ми звернемося до гуманістичного потенціалу твору Паустовського К.Г. і пересвідчимося чи не змарніла авторська людяність в англомовному варіанті через присутність іншої особи, тобто перекладача, на шляху трансформацій смислу із російського вираження на англійське.

Отже, російське оповідання К.Г. Паустовського "*Золотий лин*" [3, с. 433-435] є обсягом 1248 слів, які викладено в 21 абзацах. Порівнюючи англійський переклад та роботу письменника, перше, що нас здивувало, був об'єм тексту англійською мовою, який значно перевершував показники його російського оригіналу і налічував 1707 слів. Це виглядало несподіванкою на тлі відомої серед перекладачів думки, що, зважаючи на граматичну специфіку, тексти англійською значно коротші за їх еквіваленти російською/українською мовами. В ході опрацювання цих показників, довелось зустрітися із такою думкою, що це натурально, щоб переклад англійською був значно об'ємніший, бо ця мова не може обійтись без великої кількості коротких службових слів: через це ми перевірили об'єм тільки за знаками. Англійський переклад (7470) знов виявився значно більшим за російське

оповідання (6522). Ми приділили цьому факту увагу, оскільки в зрілому тексті навіть декілька додаткових слів можуть впливати на загальний смисл.

Оскільки спершу ми наблизилися до дослідження англомовного перекладу "*The Golden Tench*" через цікавість щодо численних тривалих форм, які використано перекладачем цього тексту на англійську, станемо вважати, що розслідування цього факту стане дотичним віконцем проникнення в семантичну будову документу і свідчитиме одночасно і про авторські якості оригіналу, і про перехід таких характеристик в переклад. Ми не заперечуємо, що таким каналом проникнення може бути якась інша граматична форма або декілька із них. Проте працювати із всіма одночасно характерними граматичними механізмами відносно авторських смислових параметрів видається надмірно складною задачею.

У попередніх публікаціях ми вже порушували проблему провідної ролі дієслівних смислів в англомовних текстах. Із цих позицій, вважаємо необхідним випробувати, із якою текстовою матерією ми маємо справу. Тепер прозоримо послідовно в англомовний текст, і його переклад протягом цілого твору і скрізь усі 21 абзаци відносно потреби автора та перекладача в всіх дієслівних формах. Дієслівних використань в оригінальному російському творі налічується 219 випадків, в англомовному варіанті знайдені 303 форми.

Додатковим враженням про якості текстової тканини нашої цікавості стане визначення густоти, тобто відсоткового показника, потреби перекладача в формах тривалості (56) в цілому тексті щодо всіх дієслівних форм (*303 випадків в перекладі, про які важливо зазначити, що аналітичні форми рахувались в цілісності*). Така цифра для особи, яка запропонувала англомовний варіант оповідання К.Г. Паустовського, складає 18,48%. Це можна порівняти із відсотками потреби в тривалих формах, які отримано щодо носіїв мови, британців Г. Мортон (10,34%) [9] та Дж.Оруела (16, 90%) [12], в чиїх оповіданнях, так само як і у К.Г. Паустовського, зміст пов'язується з активним процесом, що широко та колоритно розгортається.

Таким чином ми досягли загальної картини про текстову тканину англомовного перекладу та оригіналу, що пробуджує певні гіпотези щодо властивостей мовних механізмів, що в фокусі уваги. Посилання на густоту певної лінгвістичної категорії в межах закінченого тексту не заперечують американські функціональні граматисти, зокрема М. Селсе-Мерсія та Д. Ларсен-Фримен [4.], і самі нерідко використовують показники про це від інших дослідників. Оскільки цілі нашої роботи не стільки мовні, скільки текстові, то такі формальні узагальнення підтримують цілісне враження від прочитаного тексту, показують насиченість змісту та допомагають в міркуваннях про нього, однак суттєво не пояснюють багатомірний смисл ні авторської роботи, ні перекладу.

Попереду маємо зауважити, що змістовно аналізуючи російський оригінал, ми відчули повнокровне здійснення авторської особистості К.Г. Паустовського в його тексті. Його матеріал представляє собою природній комунікативний зразок, органічність якого відповідає динамічним критеріям самореалізації особистості за теорією А. Маслоу. Російський письменник із маленького фрагменту свого життя – в тяжкий як в приватних стосунках, так і письменництві 1936 рік – склав повноцінну комунікативну подію. В навмисно вузьких змістових рамках цього оповідання він зміг яскраво самореалізуватися і запропонувати людям текст-взірець людяності (*тут ми перепрошуємо перед захисниками природи, які, ми сподіваємося, знайдуть виправдання для рибачтва письменника, якому майже нічого було їсти, але який не зрадив своєму відчуттю правди та порядності і вважав для себе кращим спілкуватися в далеких місцях із природою, ніж ступити в компроміс із своєю совістю, додаючи в столиці до духовно руйнівних соціальних процесів 1930-х років*). Все, що тільки сказано, варто віднести як аспект до розгляду **авторської позиції**, до якої ми ще повернемося.

Щодо перекладу, то за загальним враженням, така самореалізація та людяність К.Г. Паустовського не дуже помітні. Переклад пропонує більш вузький смисл анекдотичної пригоди, учасники якої – рибалки – майже відверто байдужі до інших осіб і часто

виглядають реєстраторами процесу рибацтва на манер викладу в підручнику із природознавства. Жінки-селянки в англійському перекладі, часом звучать як агресивні інтелігентки, а не росіянки із глибокої провінції 1930-х, які здатні визнавати в своєму житті лише якість бути дружиною та додавати до сімейного майна, а все інше, сміючись, зневажати.

Погляд письменника К.Г. Паустовського в оригіналі стає дуже активним смисловим каналом. Засобами російської мови, автор свідомо затушовував те, що для нього не мало особистого значення, в розпливчато узагальнені картини, які охоплюють і жінок, і чоловіків, і дітей, які живуть своїм життям, що, звісно, може бути кумедним. Але це не авторська стихія, не та, яку він органічно потребував. На подібні обставини письменник дивиться разом із своїм приятелем-рибалкою. Проте, коли сільське "соціальне оточення" залишає творця тексту на самоті, то сполохує його живий погляд, який висвічує захоплення реальністю через всі можливі почуття. Делікатно та із милуванням автор показує, як йому добре на своїй землі. Коли справа йде про рибацтво, то авторський погляд спокійно-серйозно зауважує, що одного милування тут мало: майстерність, спостережливість, повага до риби, терпіння, знання, взаємодопомога та витривалість вирішують успіх. На таких ділянках смислу, до якого особа К.Г. Паустовського із захватом прикипає, автор дивиться на навколишній світ своїми власними очима, залишаючи осторонь свого партнера в рибацтві. Коли ми почали простежувати те, що могло би бути авторським поглядом в перекладі, то натрапили ніби на прояви розсіяної людини, яка однаково повертає голову на всяку подію.

Голос письменника К.Г. Паустовського також залежить від ділянок змісту. Часто в випадку речей, до яких він байдужий, автор надає голосу інше русло, і замість автора-оповідача починають висловлюватися його персонажі: так промовляють свої слова селянки, дід та сільські діти. Про інше, що письменник неприховано та зацікавлено розглядає і бачить в цих речах все, йому самому є що розповідати. Оскільки авторський голос часто пов'язаний із такими авторськими параметрами як тон та дикція, то так само у Паустовського К.Г. зміна голосового напрямку відразу позначається на текстових смислових каналах **тон** та **дикція**: персонажів ніяк змішати із автором-оповідачем бо ясно, що сам письменник за своїми особистими якостями такого би не промовив. Перекладач оповідання Паустовського К.Г. начебто пильнує зміст і ретельно передає події, але тон тексту англійською мовою не зберігає неспішного та болісно-дорогого спостереження навколишньої природи автором-оповідачем, а дикція перекладених слів персонажів починає додавати сторонніх смислів.

Динаміка письменника К.Г. Паустовського повільна, але під впливом авторського голосу і, слідкуючи за авторським поглядом, приходимо до комфортної гармонійної присутності в подіях оповіді. Приємність співчуття авторському голосу і задоволення від розглядання того, на що показує письменник, такі сильні, що не виникає ніякого бажання прискорювати події. Перекладач таку тонку людськуприємність загубив. Це трапилось не через те, що в англійській мові недостатньо слів для подібних смислів, а із іншої причини: щоб знайти доречні слова про милування життям треба таке самому пережити, особливо в цілковито реальній перспективі загинути в бруді та людській ненависті 1930-х. Як воно є, англійський переклад, насичений враженнями, став нагадувати етапи пригод.

Позиція письменника К.Г. Паустовського делікатно незалежна. Оповідач-автор не прагне відносин ні з ким із людей, хоча залишається спокійним і ввічливим із ними. На природі він почуває себе комфортно і задоволений своїм буттям із дуже серйозної причини: ця земля призначена для життя, і всім на ній є місце. Те, що автор постає серед природи і людей із своїм приятелем-рибалкою, має вагомий смисл: автору добре із тими, із ким у нього є порозуміння; більш за те, бути таким, яким автор постає в оповіданні, цілковито можливо, і свідомство тому – ще одна особа, яка розділяє зображене ставлення до життя.

Оскільки перекладач не відреагував на авторську тональність і дикцію із оригіналу, крім того загубив деякі смисли в каналах авторського погляду та голосу, то збитки не могли не вплинути на загальний смисл, а тим самим не пошкодити такий смисловий канал творця тексту як авторська позиція.

Смак є інтегративним параметром авторства і спирається на ефект від сукупної роботи лінгвістичних засобів та всіх інших каналів авторського смислу, як-то: позиція, голос, погляд, тощо. Смак навіть майже не залежить від тієї реальності, яка знаходить втілення в авторському тексті; його важко підробити або нафантазували. Зазвичай, автор підходить до стадії створення тексту вже як носій певних смаків, тобто в різній мірі позитивних пристрастей до гуманних проявів людського життя. Матеріал твору стає свого роду випробовуванням автора на дійсність такого його ставлення до реальності.

Авторський смак письменника К.Г. Паустовського характеризується прагненням щирого і доброго цінування життя; уникання тиску на інших і з боку інших, можливості займатися тою справою, яка подобається і виконувати її за досвідом і розумінням, що зазвичай не може не принести свої реальні плоди. Оскільки визначення авторського параметру смак є дуже тонкою справою, а у перекладача вже трапилась значна втрата авторського смислу за іншими показниками, то в перекладі можна прослідкувати лише ніби кумедне геройське задоволення від рибацької молодецької перемоги над гомінкими бабами та щастя старого діда – "союзника проти баб".

Тепер ми повертаємося до того англомовного лінгвістичного моменту, із якого почалось все це дослідження тексту К.Г. Паустовського – форми тривалості та їх робота на авторський зміст в перекладі англійською мовою. Можемо відразу сказати, що їх значна кількість в перекладі "*The Golden Tench*" не пов'язана із такими текстотворчими пасажами письменника, які англомовні автори-учасники порівняння не виконували. Численні лінгвістичні механізми із семантикою тривалої дії належать не роботі К.Г. Паустовського, а перекладу. Такий мовний механізм проявляє себе як ефективний серед авторів-носіїв мови: вони їм користуються в особливих випадках, обережно і ощадно, навіть тоді, коли твір переповнюється діяльністю. Головна риса роботи автентичного автора в цьому смислі – це глибинне особисте відчуття такої граматики. Внаслідок цього, помітна цілеспрямованість тривалих смислів на зміст цілого тексту, а не тільки речення. Більш за те, ми виявили, що англомовні випадки тривалих форм особливо плідно працювали на певний семантичний авторський канал, ним в різних текстах був або авторський погляд, або голос, або динаміка. Такий функціонально-граматичний ефект не дуже описують підручники із англійської граматики.

У перекладача К.Г. Паустовського рішення на користь тривалих форм приймалось, очевидно, лише на рівні окремого речення, не виключно, під впливом інших осіб, може і не одної. Більш за те, абзац за абзацом була помітна пристрасть перекладача до однотипної дієслівної тривалості. Було таке, що перекладач буквально зображав російські дієприкметникові та дієприслівникові звороти, використовуючи, на його думку, подібні англійські конструкції. Відмічені випадки, коли перекладач не звернув увагу на дуже важливі семантичні моменти – активні форми дієслів у К.Г. Паустовського – і підмінив їх "інтелігентними" англійськими зворотами або не-особовими формами тривалості, тим самим додаючи інших, і не кращих, смислів.

Роботи мовних механізмів тривалості на цілий текст в перекладі "*The Golden Tench*" не відбулось. Важко стверджувати, що певний авторський канал особливо збагатився від такого вжитку. Дійсно, перекладач російського письменника був добре обізнаний із формальною англійською граматику, його текст англійською став ідеальним свідченням про це. Проте значна частка авторського смислу загубилась. Одним із лінгвістичних елементів, який це показав, слугували форми тривалості. Однак ми не розглядали інші граматичні та лексичні засоби, які, цілковито вірогідно, теж зіграли певну роль. Авторські параметри тексту (*див. раніш*) ще раз проявили себе надійними вимірами авторської семантики: вони гармонійно укладаються один з іншим і всі разом, коли текст є справжньою авторською комунікативною подією. Наскільки авторський текст є таким також видно між рядків через розгортання – наскрізь текстові смисли – особистості творця тексту, за властивістю, яка кожен раз стверджує думку А. Маслоу про шляхи людської самореалізації. Проте, коли текст "надламується" від сторонньої присутності, як то буває в перекладі іншою мовою,

авторські параметри прослідкувати часом стає дуже важко через незнайдену перекладачем гармонійність смислу.

Надалі сподіваємося продовжити аналіз англомовних авторських текстів, зокрема двох текстів одного письменника, із урахуванням характерного для них співвідношення граматичних форм, відмічених національно-культурною специфікою; а після цього у подібному ж ставленні до англомовного авторського тексту, яке виявилось плідним, очікуємо розглянути цілісність зрілого авторського тексту, яка своєю гармонійністю протистоїть стороннім смисловим елементам.

ЛІТЕРАТУРА

1. Колшанский Г.В. Коммуникативная функция и структура языка / Г.В. Колшанский. – Москва: Наука, 1984. – 175 с.
2. Миронова Т.Ю. Спостереження за коливаннями семантики тривалої дії в англомовному авторському тексті. Наукові записки. – Випуск 117. – Серія: Філологічні науки (мовознавство) / Т.Ю.Миронова. – Кіровоград: ЗВВ КДПУ ім. В. Винниченка, 2013. – 440 с. – С. 232-240.
3. Паустовский К.Г. Золотой лень // Собрание сочинений в 8-ми т. – т.6 / К.Г.Паустовский. – М: Худ. литература, 1969. – С. 432-436.
4. Celce-Murcia M., and Larsen-Freeman D. The Grammar Book / M. Celce-Murcia, and D. Larsen-Freeman // 2-d edition with Howard Willams. – United States of America: Heinle & Heinle, 1999. – 854 p.
5. Crystal D. The Cambridge Encyclopedia of The English Language / D.Crystal . – Cambridge: University Press, 2000. – 489 p.
6. Hemingway E. Cat in the Rain // The Collected Stories/ Ernest Hemingway. – The millennium library: everyman's library. – 1995. – 787 p. – p.107-109
7. McCarthy M. Discourse Analysis for Language Teachers / M. McCarthy. – Oxford: Oxford Language Teaching Library, 1990. – 205 p.
8. Maslow A. Peak Experiences in Education and Art. // Human Values by Joseph A. Zaitchik and Roger E.Wiehe / Abraham Maslow. – New York: Brown and Benchmark, 1993. – 525 p.
9. Morton H.V. H.V.Morton's London / H.V. Morton. – London: Methuen & Co.LTD, 1940. – 436 p.
10. Nabokov V. Speak, Memory. An Autobiography Revisited / V. Nabokov. // Everyman's library– London: David Campbell Publishers LTD, 1995. – 268 p.
11. Norton S. and Waldman N. Canadian Content / S. Norton and N. Waldman. Canada: Hoft, 1988. – 371 p.
12. Orwell G. Hotel Kitchens. // Gould E. and others. The Art of Reading. Contexts for Writing / Gould Eric, Robert Diyanni, William Smith, Judith Stanford. – New-York: McGraw-Hill, 1990. – P. 305-312.
13. Shaw, I. Evening in Byzantium. / I. Shaw. – London: New English Library: Times Mirror. – 1977. – 285p.
14. Thomson A.J. and Martinet A.V. A Practical English Grammar / A.J. Thomson and A.V. Martinet. – Oxford: Oxford University Press, 2009. – 383 p.
15. Trimmer J.F. and McCrimmon J. M. Writing with a Purpose / J.F. Trimmer and J. M. McCrimmon. – Boston: Houghton Miffling Company, 1988. – 524 p.

УДК 372.8:811

Ирина Одинцова
(Москва)

РЕФРЕЙМИНГ КАК КОГНИТИВНАЯ ТЕХНИКА РАБОТЫ С ЯЗЫКОВЫМ МАТЕРИАЛОМ

У статті розглядаються поняття " фрейм" і " рефреймінг" стосовно лінгводидактики. Наводяться основні види мовного рефреймінгу.

Ключові слова: фрейм, рефреймінг, когнітивна техніка, когнітивна компетенція.

This article discusses the concepts of "frame" and "Reframing" in relation to the lingvodidaktike. Main types of a language refreyming are given.

Key words: frame, reframing, cognitive engineering, cognitive competence.

Развитие современной науки отличается многообразием форм и методов. Однако глобализация современного общества провоцирует развитие системного взгляда на мир, объединенного общей идеей и сходной методологией. Становление комплексного взгляда на мир и человека в мире способствует развитию новых форм научного исследования, основанного на взаимодействии разных наук.

Междисциплинарность – специализация исследований по выражению Вернадского "не по наукам, а по проблемам", появление комплексных областей знаний, и, прежде всего, знаний, связанных с наукой о человеке, является логичным продолжением, этапом и в определенной степени итогом накопленных знаний в конкретных науках. Снятие информационных барьеров между специалистами, изучающими разные науки и даже частные разделы одной науки дают мощный импульс для исследований.

Основой междисциплинарности гуманитарных наук в последнее время отводится когнитивизму – взгляду, "согласно которому человек должен изучаться как система переработки информации, а поведение человека должно описываться и объясняться в терминах внутренних состояний человека. Эти состояния физически проявлены, наблюдаемы и интерпретируются как получение, переработка, хранение, а затем и мобилизация информации для рационального решения разумно формулируемых задач" [3]. Объектом изучения когнитивизма признается человеческий разум, мышление и те ментальные процессы, которые определяют и прогнозируют деятельность человека, категоризируют его опыт.

Лингводидактика априори является междисциплинарной наукой. Коммуникативная компетенция – "способность человека адекватно ситуации общения организовать свою речевую деятельность в ее продуктивных и рецептивных видах" [5], многоаспектно. Ее составляют такие субкомпетенции, как лингвистическая, социолингвистическая, социокультурная и прагматическая, включающие дискурсивную и функциональную (стратегическую) компетенции.

Когнитивным процессам, лежащим в основе обучения языку, уделяется в лингвометодической литературе незаслуженно мало внимания. Однако когнитивный аспект лингводидактики является цементирующей основой методики преподавания любого иностранного языка. Опора на когнитивные процессы оказывается актуальной с точки зрения развития как коммуникативной компетенции учащихся, так и профессиональной компетенции преподавателя и составителя учебника. Введение когнитивной компетенции в состав компетенций двух субъектов учебного процесса – обучающегося и обучаемого, является в современном обществе необходимым условием эффективности образования.

Обращение к когнитивному аспекту в лингводидактике продиктовано желанием выявить когнитивные механизмы получения, переработки, накопления, сохранения и передачи информации всех уровней — лингвистической, прагматической, социокультурной. **Сознательная опора** при обучении иностранному языку на когнитивные структуры и механизм их работы позволяет активизировать управление развитием познавательной деятельности учащегося. Мы выделили слова "сознательная опора", потому что в практике преподавания иностранному языку когнитивная составляющая естественным образом вплетена, растворена в учебном процессе. Однако специально она обычно не выделяется и не рассматривается. Представляется же целесообразным, опираясь на достижения когнитивистики, осознанно трансформировать ее в дидактическую систему. Выделение когнитивных структур, возможности их использования, техники работы с ними должно стать самостоятельной дидактической задачей при создании учебников и организации учебного процесса.

Центральной идеей, объединяющей многие исследования когнитивных наук, стало представление о том, что наши знания организуются с помощью определенных структур — когнитивных моделей. К настоящему времени для обозначения когнитивных моделей существует ряд разнообразных терминов. Это "конструкт" Дж. А. Келли, "образные схемы" М. Джонсона, "ситуационная модель" Т.А. ван Дейка, "ментальные пространства" Ж. Фоконье, "идеализированные когнитивные модели" или ИСМ Дж. Лакоффа, "профилирование" Р. Лангакера, "сценарии" ("скрипты") Р. Шенка и Р. Абельсона и т.д.

Все перечисленные концепции родственны концепции фрейма (от английского frame – каркас, скелет, рама, структура, строение и т.д.) — наиболее распространенному термину для обозначения когнитивной модели. Понятие фрейма как модели определенных фрагментов действительности, пришло из информатики. В совокупности фреймы образуют хранимую в памяти базу данных – многоуровневую систему хранения и доступа к информации.

Условно в трактовке понятия фрейм с точки зрения гуманитарных наук можно выделить два направления: лингвистическое и социологическое. Лингвистический подход восходит к пониманию фрейма в концепции М. Минского, для которого "фрейм – это структура данных, предназначенная для представления стереотипной ситуации" [6, с. 251]. Лингвистическое направление затем получило дальнейшее развитие в работах Ч. Филлмора и позднее в исследованиях, выполненных в русле когнитивной лингвистики и психолингвистики. Социологический подход был концептуализирован в работах Г. Бейтсона, а затем детально разработан И. Гофманом. Под фреймом И. Гофман понимал "аналитические леса" – подпорки, с помощью которых мы постигаем свой собственный опыт" [4, с. 59]. Фреймы идентифицируются в рамках ситуаций, благодаря фреймам человек осознает себя и все события, происходящие с ним, в мире повседневности. Понимание реальности как "окаймление нашей вовлеченности" [14, с. 320], а фреймов как "скобок", пограничных знаков, разделяющих эпизоды нашего опыта [2, с. 73], активно развивается в трудах, выполненных в русле когнитивной социологии, социальной психологии, этнометодологии и т.д.

Ничего не может быть сказано, услышано, прочитано, не пройдя метальную обработку. Все наше восприятие действительности фреймировано, именно благодаря опривыченным фреймам мы комфортно чувствуем себя в повседневном мире.

За каждым фреймом стоит концепт некой сущности, иррадирующий имплицативные (логические) связи и за счет этого создающий вокруг себя "поле когнитивного тяготения", которое захватывает концепты других сущностей и сводит их в целостную ментальную структуру [7]. Фрейм — это ментальная репрезентация концепта. По мнению Т.А. ван Дейка, фрейм содержит знания о существенном, типичном и возможном для этого концепта в рамках определенной культуры [1, с. 16].

Фрейм можно представить в виде формализованной модели, состоящей из узлов и отношений между ними. Эта модель представляет собой фреймовую сеть или онтологию, которая является спецификацией концептуализации предметной области. Она состоит из иерархично организованных понятий и соответствующих им терминов предметной области. Верхние уровни фреймовой онтологии четко определены, так как соответствуют тем понятиям, которые всегда верны по отношению к ситуации или ряду связанных ситуаций, отображенных в сети. Свойства фреймов в сети наследуются сверху вниз, т.е. от вышестоящих к нижестоящим. Незаданные в явном виде узлы называются слотами или терминалами, и они могут быть заполнены при идентификации фрейма. В качестве значения слота может выступать имя другого фрейма. Свойства фреймов наследуются сверху вниз, т.е. от вышестоящих к нижестоящим. В качестве значения слота может выступать набор слотов более низкого уровня, что позволяет во фреймовых представлениях реализовать "принцип матрешки". Специфика человеческого сознания такова, что каждый фрейм связан с множеством других, и связи эти не линейны, а древовидны, т.е. разветвляющиеся. Каждый компонент онтологии открывает доступ к разным концептуальным областям, как части своей

характеристики, то есть открывает доступ к системе разных когнитивных контекстов. Существование фреймовой сети объясняется наша успешная идентификация объектов и действий с ними, так как даже самые отдаленные терминалы могут быть связаны самым неожиданным образом.

Одной из задач практики преподавания иностранных языков является развитие умения ориентироваться в этих когнитивных контекстах, видеть связи между предметными областями, запечатленными, скрытыми или предсказуемыми в ситуациях. Фреймовую онтологию можно конкретизировать (углублять), фокусируясь на отдельных ее компонентах или, напротив, расширять, удаляя точку обзора; ее, наконец, можно сравнивать с онтологиями предметной области, существующих в других культурах.

Умение учащегося работать с семантической сетью, находить связи, в которые способно вступать слово иностранного языка в изолированном употреблении или в составе предложения, шире – текста, с одной стороны, с другой – способность преподавателя развивать это умение – задачи практики и методики преподавания иностранных языков.

Одной из техник, которая способствует развитию этого умения, является рефрейминг. Рефрейминг – когнитивная операция переключения, когда с помощью смены точки зрения, меняется отношение к ситуации без изменения самой ситуации. Рефрейминг, как отмечает Т. Гивон, является частным проявлением общей способности сознания человека устанавливать причинно-следственные связи между различными ситуациями [13].

Рефрейминг широко употребляется в психиатрии, является мощным операционным механизмом в НЛП (нейролингвистическом программировании) – направлению практической психологии, основанному на технике моделирования вербального и невербального поведения людей с помощью речевых и поведенческих стратегий.

Замечательными примерами рефрейминга являются сказки, когда гадкий утенок превращается в прекрасного лебедя, лягушка – в царевну. Примерами рефрейминга могут служить некоторые анекдоты: *Муж упрекает жену в бескультурье. На что она ему отвечает: "Ты бы молчал про культуру. Когда я тебе прошлый раз сказала, что пойдём на "Лебединое озеро", кто с удочками явился?"*. – Когнитивный механизм переключения лежит в основе образования метафоры: *солнечная улыбка, кольцо дыма, глазное яблоко*.

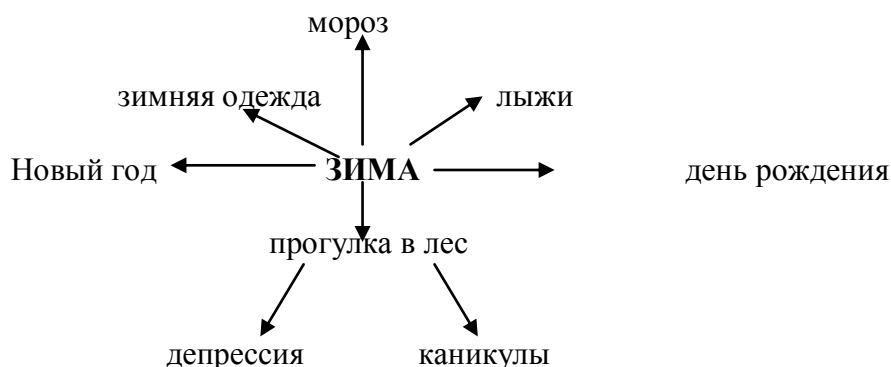
Рефрейминг в лингводидактике – это когнитивная операция переключения как средство активизации речемышления учащихся. Основой рефрейминга являются различные сочетания операций анализа и синтеза, абстрагирования и конкретизации, обобщения, систематизации и классификации, сравнения. Названные операции применяются к информации, представленной в образно-вербальной форме. Их фундаментом в учебном процессе является осознанная практическая деятельность по применению этих операций на различном предметном материале.

Рефрейминг можно квалифицировать как речевой (примеры речевого рефрейминга см. [8]) и языковой. Речевой предполагает активный выход в речь, целенаправленное совмещение активизации языкового материала и речевой практики. Языковой – когнитивные операции с языковым материалом без выхода в речь. Однако его результаты безболезненно могут трансформироваться в речевые задания. Например, учащемуся может быть предложено придумать ситуацию с приведенными словами, продолжить ситуацию, объяснить мотивы, легшие в основу принятого решения и т.д.

В однословном рефрейминге слова в цепочке обозначают вершинный фрейм, за которым скрывается онтология, в которой необходимо найти и активизировать один из слотов, который может быть объединен с одним из слотов онтологии другого слова из цепочки. В рефрейминге, построенным на основе предложений, необходимо произвести операции со стоящими за предложениями ситуациями.

В основе языкового рефрейминга лежат когнитивные приемы ментального сканирования смыслов (виды рефрейминга), которые можно квалифицировать как: **конструирование**. Этот прием можно понимать узко и широко. В широком понимании целью конструирования является организация информации на основе речемыслительных

процессов. В этом понимании любой рефрейминг основан на операции конструирования. В узком понимании конструирование можно рассматривать как операцию построения фреймовой онтологии. (Постройте / достройте фреймовую онтологию, например, слова "зима":

И далее: **Новый год** – салат оливье, шампанское, мечты, веселье, хлопоты, речь президента, дед мороз, снегурочка, мандарины, похмелье... и далее: **салат оливье** – мама, детство, елка, подарки и т.д. Сравните полученную схему со схемой своего партнера. Расспросите его о его схеме.)¹;

генерализация, заключающаяся в увеличении объема исходного понятия. (Подчеркните слово, которое является родовым: *квартира, подъезд, спальня, дом*. Подчеркните одно предложение, которое способно объединить смысл трех других: *Писать контрольные, учить новые слова, сдавать экзамены, переводить текст*. Напишите слово или предложение, которые способны объединить приводимые слова или предложения по функции: *ручка, компьютер, бумага, очки* (писать сочинение); по времени: *Не ходить в университет. Кататься на лыжах. Спать до 11 утра. Танцевать до упаду* (на каникулах); по месту: *Рыба, лодка, водяная лилия, стрекоза* (на озере);

спецификация, предопределяющая степень детализации информации. (Подчеркните слово, которое имеет видовое значение: *муж, мой папа, мужчина, служащий*. Запишите слова в последовательности, отражающей убывание генеральной идеи: *Согласная буква, знак азбуки, буква "д", буква*);

интенсификация, предполагающая размещение слов в зависимости от степени интенсивности передачи значения. (Расположите слова по степени интенсивности в передаче нарастания звука: *Кричать, орать, громко говорить, вопить*; нарастания чувств: *убиваться, грустить, тосковать, горевать*; нарастания эмоций; оценки предмета; степени надежности (комфортности); скорости передвижения и т.д.; характеристики предмета/субъекта по объему; длине; весу; размеру; возрасту);

метафоризация, то есть создание косвенных наименований, существенных для смысла опорного наименования. (Учащемуся предлагается придумать метафору к словам: *любовь – это..., старость –..., телевизор –* и т.д.);

перспективация, основанная на изменении точки обзора. (Измените перспективу расположения фреймов – расширение и сужение пространства: *Книга лежит на первой полке в шкафу в маленькой комнате у меня дома*. (Книга лежит у меня дома, в маленькой комнате, в шкафу на первой полке); движение сверху – вниз и снизу – вверх: *От дома парком они спустились к реке*. (От реки парком она поднялись к дому); движение вперед и назад: *Мы пошли к другу в общежитие*. (Мы вернулись от друга из общежития.);

персонализация, которая лежит в основе изменения субъектов ситуации. (Запишите текст: *Представляете! Вчера я женился! Ура! Теперь я женат! Свадьба была в ресторане, а завтра мы едем в свадебное путешествие!* от лица девушки; ее мамы; его папы);

¹ Многие примеры рефрейминга взяты из учебников и учебных пособий автора [9-12, 15].

видо-временная модификация, которая строится на изменении видо-временной характеристики предложения/текста. (Запишите текст, изменив его временной план. Начните текст со слов 1) завтра, 2) каждый день: *Бабушка встала в 7 утра, но потом опять легла. В 10 часов она поставила чайник на плиту, положила сыр и колбасу на тарелку, поставила чашки на стол. Потом она позвала меня, и мы сели за стол завтракать*);

пространственная модификация. Локальная модификация предполагает изменение пространственной организации смысла. (Употребите слово "руки" с нужным предлогом: *Раздался телефонный звонок. Он вышел с зубной щеткой ..., ... у него висело полотенце*);

модальные модификации, когда при тождестве содержания меняется к нему отношение. (Выразите уверенность, неуверенность, опасение, догадку в ответе на вопрос при ответе на вопрос "Кто выиграл?" – "Спартак выиграл", используя слова и словосочетания "конечно", "как будто", "не иначе как", "что ли", "чуть ли не", "а вдруг", "а что если": *Конечно Спартак выиграл; Как будто Спартак выиграл! Не иначе как Спартак выиграл! Спартак что ли выиграл! Ты знаешь, чуть ли не Спартак выиграл! А вдруг Спартак выиграл! А что если Спартак выиграл!* Или – выразите оценку, удивление, ответьте нейтрально, употребляя интонационные конструкции ИК-6, ИК-4, ИК-1:

Мы были в прошлом году на юге. Море! Солнце! Горы! Отлично отдохнули!

"Что это на карте? – Море. – Море? Какое же это море! Да, плохие же дела у тебя с географией!";

последовательность, когда необходимо логично расположить предложения, опираясь на логику развертывания смысла. (Расположите предложения в логической последовательности: *До университета я еду на автобусе. Университет находится недалеко от моего дома. Я учусь в университете. Автобусы ходят редко, поэтому я выхожу из дома рано.*);

каузация, то есть вскрытие причинно-следственной зависимости. (Подчеркните глагол, который можно интерпретировать как ситуацию-причину для трех других глаголов, обозначающих ситуацию как следствие. *Кричать, топтать ногами, возмущаться, свистеть*);

элиминирование. Учащемуся надо зачеркнуть предложения с некорректной логикой расположения ситуаций. (Вычеркните предложение, которое передает некорректную последовательность событий-ситуаций: *Когда он погасил свет, он вышел из комнаты. Когда он вышел из комнаты, он погасил свет. Когда он выходил из комнаты, он погасил свет*);

В основе когнитивных приемов могут также устанавливаться отношения тождественности (поиск слов или предложений с идентичным смыслом), противопоставления (выделение слов или предложений с антонимичными отношениями), интеллектуализации (написание предложения, восстанавливающего пропущенную ситуацию), рационализации (поиск слова или предложения, способных связать с первого взгляда несвязанные слова или предложения), сублимации (написание предложения, способного творчески преобразовать ситуацию) и т.д.

Языковой рефрейминг позволяет использовать цикличность во взаимодействии информации, возвращение к предыдущим уровням модели с целью закрепления связей между ментально-семантическими и формально-грамматическими коррелятами. Сначала этот процесс неотделим от результата решения, затем осознается в когнитивном плане как самостоятельный, независимый от конкретного материала. Выработанный алгоритм используется для решения новых, ранее нерешаемых задач. Формируется комплекс умственных форм действия. Формирование навыка переключений на основе речевых и языковых упражнений способствует развитию гибкости мышления на языке, адаптации учащегося к непрерывному потоку микроситуаций в его повседневной речевой практике, который предписывается ему в актах взаимодействия с другими. Когнитивные техники активизируют процесс запоминания, воображение, лингвистическую интуицию и как итог – формирование глобального навыка переключения с одного языка на другой.

ЛІТЕРАТУРА

1. Ван Дейк, Т.А. Язык. Познание. Коммуникация. – М.: Прогресс, 1989. – 308 с.
2. Гофман И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта. – М.: Институт социологии РАН. Институт Фонда "Общественное мнение". 2003. – 752 с.
3. Демьянков В.З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода. // Вопросы языкознания, 1994, № 4 – С. 17–33.
4. Демьянков В.З. Теория прототипов в семантике и прагматике языка // Сборник научно-аналитических оборотов. – М.: ИНИОН РАН, 1994. – С. 32–86.
5. Зимняя И.А. Ключевые компетентности как результативно-целевая основа компетентностного подхода в образовании: авторская версия. — М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2004. – 40 с.
6. Минский М. Структура для представления знаний. // Психология машинного зрения. — М.: Мир, 1978. – С. 249–338.
7. Никитин М.В. Развернутые тезисы о концептах // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. № 1. – С. 53–64.
8. Одинцова И. В.. Фрейм, фрейминг и рефрейминг в лингводидактике. // Мир русского слова. 2012, №1. – С. 73–81.
9. Одинцова И.В. Звуки. Ритмика. Интонация. Учебное пособие. М.: Флинта: Наука, 2011. – 368 с.
10. Одинцова И.В. Русский язык как иностранный. Он и она. Пособие по развитию навыков чтения и устной речи. – М.: Флинта: Наука, 2001. – 160 с.
11. Одинцова И.В. Что вы сказали? Книга по развитию навыков аудирования и устной речи для изучающих русский язык. – 4-е изд., СПб.: Златоуст, 2013. – 264 с.
12. Одинцова И.В., Малашенко Н.М., Бархударова Е.Л. Русская грамматика в упражнениях. Рабочая тетрадь с комментариями. – 2-е изд., испр. – М.: Русский язык. Курсы, 2010. – 238 с.
13. Givon T. Context as other minds: the pragmatics of sociality. Cognition and communication. NY, 2005. – 283 p.
14. James W. Principles of Psychology. Vol. 2. – NY.: Dover Publication, 1950. – 708 p.
15. Sophia Lubensky, Irina Odintsova. Advanced Russian: from reading to speaking. От текста к речи. Book 1. Texts. Assignments. Dictionary. Slavica Publishers. Indiana University. USA. USA. 2010. – 366 p.

УДК811.161.1'367

Анна Пикалова
(Днепропетровск)

ФУНКЦИИ СИНТАКСИЧЕСКОГО ПОВТОРА В УСТНОЙ НАУЧНОЙ РЕЧИ

У статті проаналізовано функціонування конструкцій синтаксичного повтору в усних наукових лекціях, встановлено функції досліджуваних розмовних синтаксичних конструкцій.

Ключові слова: синтаксичний повтор, лекція, функції, усне наукове мовлення.

The article analyzes the functioning of structures of syntactic repetition in oral scientific lectures, defines the functions of studied spoken syntactic structures.

Key words: syntactic repetition, lecture, functions, oral scientific speech.

Общеизвестно, что научный стиль речи характеризуется наиболее строгим отбором языковых средств. При этом, сфера употребления данного стиля может быть как письменная, так и устная. Так, среди устных жанров научной речи можно выделить, например, научный доклад, дискуссию, лекцию. Под влиянием устности и относительной спонтанности в устные жанры могут проникать иностилевые компоненты. Одним из наиболее интересных процессов, на наш взгляд, является процесс проникновения разговорных элементов в

научный стиль речи. Одним из таких элементов можно назвать конструкцию синтаксического повтора, которая представляет собой повторение целых предложений, повторение словосочетаний в рамках одного предложения или повторение отдельных словоформ.

Традиционно в лингвистике выделяют такие типы повторов:

а) соположенные словоформы с усилительным значением (*тихо-тихо, длинный-длинный; Степь да степь кругом...*), словоформы объединяются для выражения дополнительных субъективно-модальных значений;

б) определённого типа предложения, построенные по принципу повтора так же для выражения дополнительных значений модального типа (*Спать так спать; Студент как студент; Приказ есть приказ*);

в) повторение предлогов в атрибутивном словосочетании, свойственное древнерусскому и диалектному синтаксису (*у самого у рынка, в доме в новом*);

г) различные синтаксические фигуры художественной речи, прежде всего поэтической, с так называемым синтаксическим параллелизмом, узаконенные в качестве художественного приёма ещё со времён античных риторик [1, с. 125].

Все эти типы повторов являются объектами разнообразных лингвистических и литературоведческих исследований. Однако наибольшее внимание в современных работах уделяется последнему типу повторов [2; 3; 4]. При этом наименее изученным видом повторов является не приведенные в данной классификации повторы, лишённые экспрессии, модальности, диалектных черт или специальной художественной направленности, например, *Она хотела / она хотела прийти завтра*. Такой повтор можно назвать "избыточным", он возникает под влиянием спонтанности и является яркой чертой разговорной речи. Целью нашей статьи является исследование функций, выполняемых такими конструкциями синтаксического повтора (далее СП – *А. П.*) в устной научной речи. В определении функций, выполняемых СП, важную роль играет анализ контекста, в котором такая конструкция возникает. Материалом для нашего анализа послужили лекции, транслируемые в рамках серии "Академия" на телеканале "Культура".

Анализ интонации, темпа речи, контекста, лексики и расположения СП в структуре высказывания, проведённый в комплексе, даст возможность наиболее точно определить функциональную специфику СП. Так, все СП в зависимости от функций, которые они выполняют в речи лектора, с нашей точки зрения, можно разделить на четыре группы.

1. К первой группе мы относим СП, которые можно назвать "лекторским повтором". Такой повтор может возникать под воздействием двух факторов. Во-первых, в процессе лекции, переходя к очередной подтеме своего изложения, лектор настраивает аудиторию на восприятие новой информации. Так в речи лектора может возникнуть СП, целью которого является акцентуация внимания слушателей на новом объекте. Также этот повтор даёт возможность слушающему не только сконцентрироваться на получении новой информации, но сделать необходимые записи в своём конспекте. Например: *Итак / мы сегодня в рамках нашего цикла лекций будем знакомиться с историей // с историей России. ... Так вот скончался Даниил и к власти пришёл его старший сын // старший сын Юрий Данилович* (Н. С. Борисов. Возвышение Москвы в 14–15 веках).

Кроме этого, лекторский повтор может быть использован не только для "озаглавливания" темы дальнейшего высказывания, но и в целях обращения внимания слушателей на особо важную, с точки зрения лектора, информацию. Этот повтор также акцентирует внимание слушающего и даёт время для записи. Пример, в котором СП используется лектором как тема нового блока информации и как важная информация для записи: *И вот в этом печальном положении вдруг появляется какой-то // ну / появляется человек // знаете, всё начинается с человека // любое дело / любое достижение // это прежде всего человек / который говорит "я могу это сделать" // и вот появляется человек / которого звали князь Даниил Александрович // младший сын Александра Невского // младший сын Александра Невского Даниил Александрович / это первая фигура / с которой мы начнём*

наше / так сказать / путешествие во времени. ... Этот удел / Московское княжество // Московское княжество. ... Вот это Даниил / как считают историки с 1276 года реально / когда ему исполнилось 15 лет / он начал править Московским княжеством // Московским княжеством (Н. С. Борисов. Возвышение Москвы в 14–15 веках).

Лекторский СП может быть реализован не только словоформой или словосочетанием, но и целой фразой, если она имеет основополагающее значение в рамках лекции: *И вот благодаря этому спокойствию / этой безопасности / в Москву пошли потоки переселенцев // в Москву пошли потоки переселенцев / прежде всего из тех районов / которые постоянно подвергались погромам / набегам (Н. С. Борисов. Возвышение Москвы в 14–15 веках).*

Часто лектору необходимо обратить внимание аудитории на определенную дату или время, когда происходило то или иное событие. Как следствие, в речи лектора появляется СП обстоятельства времени: *Он правил в Москве / ну и / соответственно / русскими землями с 1462 по 1505 год // с 1462 по 1505 год / время правления Ивана III (Н. С. Борисов. Возвышение Москвы в 14–15 веках).*

СП, вызванный необходимостью логического выделения информации, может иметь оттенок экспрессивности. Например: *Во всех науках про измерение важно знать среднюю величину как можно точнее // как можно точнее // и тогда мы запускаем спутники / корректируем их траектории / всё можем делать (С. Э. Шноль. Космофизические факторы в случайных процессах). Но среди людей своего века / среди правителей своего века это был один из самых приличных // один из самых приличных. ... И в этом отношении очень важно / что есть в источниках второе прозвище // не "Иван Калита" / а второе прозвище этого князя / в Новгородской летописи сохранилось / которое раскрывает смысл первого // а именно / Иван Добрый // Иван Добрый. ... И вот с Даниила начинается эта линия московской политики / которую потом продолжат его сыновья / внуки / эта линия московской политики / которую можно определить одним словом – тишина // тишина (Н. С. Борисов. Возвышение Москвы в 14–15 веках).*

СП могут быть дистантными; они тоже передают экспрессию: *Историческое значение Куликовской битвы состоит в том / что она окончательно определила роль Москвы как центра объединения Руси // окончательно // всё. ... Василий Васильевич победил // в страшной борьбе // победил (Н. С. Борисов. Возвышение Москвы в 14–15 веках). А я не бросал // вот это я себе ставлю в заслуги // не бросал // и вывод / не виноват // ни в чём // ни в чём / ни в чём // это оно само ходит туда-сюда (С. Э. Шноль. Космофизические факторы в случайных процессах). Экспрессивность СП может быть подчеркнута повторением конструкции более двух раз. Например, СП дополнения: *А я не бросал // вот это я себе ставлю в заслуги / не бросал // и вывод / не виноват // ни в чём // ни в чём / ни в чём // это оно само ходит туда-сюда (С. Э. Шноль. Космофизические факторы в случайных процессах). Помимо увеличения количества СП, для выражения экспрессии может использоваться интонация: *А я думал / что ко мне это отношения не имеет / приходится сдаться / имеет // имеет! // все эти тонкие структуры определяются какими-то странными явлениями (С. Э. Шноль. Космофизические факторы в случайных процессах).***

2. Ко второму типу мы относим СП типа: *Но / к сожалению / источники наши по этому периоду / XIII / XIV веку / даже XV / источники настолько незначительны / их так мало / они такие краткие / что мы просто не можем чего-то / так сказать / более детального сказать о нём (Н. С. Борисов. Возвышение Москвы в 14–15 веках). В данном случае СП возникает в связи с ментальными особенностями человека и ограниченностью оперативной памяти. Так, в процессе речи человек вынужден возвращать к уже сказанному, чтобы не потерять логической нити высказывания. Например, повторяя СП дополнения во фразе *И окажется / что для них всех / для балтийских / славянских / германских языков / к которым относится английский и немецкий и т. д. / для них всех можно восстановить некоторый язык третьего порядка по времени (В. В. Иванов. Индоевропейские языки и миграции индоевропейцев), лектор после дополнения дает ему пояснение, после чего словосочетание повторяется. Следует отметить, что в данной группе СП достаточно**

разнообразны с точки зрения повторяющихся элементов. Пример СП дополнения, выраженный атрибутивно-субтантивным словосочетанием: Прямой связи между стихотворением Гандлевского / которое вы видели вот этим / которое вы рассматриваете / где он воображает в следующей жизни себя быть пчелой / прямой связи нет / но мы явно имеем дело с всё тем же таким воображаемым миром какой-то альтернативной жизни, написанной в этом // в этом другом инфинитивном // в другом инфинитивном модусе (А. К. Жолковский. О понятиях инвариант и поэтический мир). СП обстоятельства места: В городе Картоне / это один из главных городов вот той Этрурии / карту которой я в начале вам показывал / в городе Картоне велись обычные строительные работы (В. В. Иванов. Этрусский язык: лингвистика. Археология. История). СП подлежащего: Таким образом / когда один из первых энтузиастов японизма / а японизмом называют увлечение японским искусством в Европе / когда один из первых энтузиастов этого Луи Гомес сказал "Капля их крови смешалась с нашей / и никакая сила на свете уже не выправит её" / он / безусловно / был прав (Е. С. Штейнер. Японское искусство: мир зыбкой гармонии). СП предикативной основы: Жил он / если это не вполне легендарная личность / а все-таки у него было какое-то историческое ядро / в что я сам склонен верить / жил он в V и в VI веке новой эры (Е. С. Штейнер. Японское искусство: мир зыбкой гармонии).

3. К третьему типу мы относим СП, которые употребляются в речи лектора для уточнения. Характерной чертой такого СП является своеобразная интонация между повторяющимися элементами. Лектор о чём-то говорит, а потом уточняет это. Так, после синтаксического повтора термина может приводиться его синоним, например: Ведь понимаете / в то время принято было / что князь-отец в своём завещании распределяет своим сыновьям каждому какую-то территорию / которая называется "удел" / "удел" или "удельное княжество". ... Во-вторых / в стране процветает то / что историки называют "раздробленность" / "феодалная раздробленность" или "удельная система" (Н. С. Борисов. Возвышение Москвы в 14–15 веках). Пример, в котором "экзотический" термин сопровождается переводом: Философия / которая представлена термином "укиё" // "укиё" / или "подвижный мир" (Е. С. Штейнер. Японское искусство: мир зыбкой гармонии).

Уточняться может и сама фраза. В этом случае лектор как бы заканчивает высказывание, но потом решает, что необходимо внести определённые дополнения к сказанному. И тогда после СП он продолжает фразу: Но // мы все-таки по этим кратким-кратким известиям / которые содержатся в летописях / можем понять одну черту его характера / одну черту его деятельности / которая очень важна // важна для понимания причин возвышения Москвы. ... Но дело / конечно / было не только в личном характере самого Данила / а в том / что вот эта вот тишина / это / прежде всего / безопасность // безопасность для людей / живущих в этом княжестве / живущих на этой территории. ... Без этого было невозможно обойтись / потому что как только Москва начинает подниматься / естественно / начинается борьба // борьба за людей / за власть (Н. С. Борисов. Возвышение Москвы в 14–15 веках).

4. Четвёртая функция, которую могут выполнять СП, – это функция замещения паузы гезитации. При этом для таких СП характерна определённая "сбивчивость" при построении и продолжительная пауза между повторяющимися частями: Ну // вот / видите // даже такая ошибка // она тоже дала // дала // много интересных последствий (Л. М. Зелёный. Солнечная империя). Такое бывает // бывает даже в наше время в современных // э-э // в современных // письменностях (А. А. Зализняк. Берестяные грамоты). В стране нет порядка / в стране хаос // хаос / произвол / кровопролитие (Н. С. Борисов. Возвышение Москвы в 14–15 веках). Между повторяемыми словоформами может употребляться вставная конструкция, например: И вот в этой исторической мифологии как раз и оказалась для Ивана Даниловича чёрная // так сказать / чёрная метка (Н. С. Борисов. Возвышение Москвы в 14–15 веках).

Продолжительной паузы между повторами может не быть. В таком случае, времени, в течение которого произносился СП, хватает для дальнейшего конструирования фразы,

например: *Но вот в целом / в целом / эта проблема геополитики / она была связана с интересами не только государственными / не только слоя помещиков / там / и буржуазии / но и интересами / конечно / всего народа* (А. Н. Сахаров. Дипломатия 1939–1945 годов).

В пределах одного высказывания может функционировать сразу несколько средств заполнения пауз хезитации. Так, например во фразе *Так что вот видите структуру такого рода // э-э // такого рода // теперь / что касается чисто // э-э // чисто э-э технического / то действительно / конечно / имена на –а могут быть и мужскими / и женскими* (А. А. Зализняк. Берестяные грамоты) мы сталкиваемся с фонетическим средством, представленным вокализацией, и с синтаксическими средствами в виде незаконченного высказывания и непреднамеренных повторов слов.

Таким образом, проанализировав конструкции СП и разделив их условно на четыре группы, мы приходим к выводу, что такие конструкции не являются "ненужными". Эти разговорные конструкции выполняют ряд важных функций в научной речи. Они помогают лектору, во-первых, сосредоточить внимание аудитории на определенных моментах своей лекции; во-вторых, при введении каких-либо пояснений не потерять предмет речи; в-третьих, уточнить понятие или термин; и, в-четвертых, могут замещать паузу хезитации, предоставляя лектору время на построение своего дальнейшего высказывания.

Дальнейшие исследования проникновения разговорных конструкций в научный стиль речи могут дать возможность глубже проследить стилистические изменения, происходящие в научном стиле и являющихся отражением общих процессов, характерных для развития русского литературного языка в настоящее время.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акимова Г. Н. Новое в синтаксисе современного русского языка / Г. Н. Акимова. – М.: Высш. шк., 1990. – 166 с.
2. Васильева Ю. В. Повтор как принцип организации фольклорного текста: Лексико-синтаксический повтор в произведениях русского и англо-шотландского фольклора : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Васильева Юлия Витальевна. – Саратов, 2004. – 213 с.
3. Свионтковская С. В. Синтаксический повтор как один из приемов импрессионистской техники Асорина [Электрон. ресурс] / С. В. Свионтковская. – Режим доступа: http://www.pglu.ru/lib/publications/University_Reading/2012/VI/uch_2012_VI_00013.pdf
4. Ширяева О. В. Семантика повтора и разноуровневые средства его выражения в идиостиле Д. Хармса : автореф. ... дис. канд. филол. наук / О. В. Ширяева. – Ростов-на-Дону, 2009. – 20 с.

УДК 81'373.2

Ольга Синявская
(Киев)

КОММЕРЧЕСКАЯ НОМИНАЦИЯ КАК СРЕДСТВО МАНИПУЛЯТИВНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ПОТРЕБИТЕЛЯ

Стаття присвячена дослідженню особливостей способів реалізації маніпулятивного впливу на споживача в сучасній комерційній номінації. У роботі проаналізовані такі засоби маніпулятивного впливу на споживача, як активізація потенціалу прагматичних пресупозицій, актуалізація ресурсів мовної системи, використання можливостей мовної гри, створення назв на основі експліцитних та імпліцитних сценаріїв.

Ключові слова: комерційна назва, неймінг, маніпулятивний вплив, прагматична пресупозиція, мовна гра, експліцитні та імпліцитні сценарії.

The article is devoted to research of features of ways of realization of manipulative impact on the consumer in the modern commercial nomination. In work such funds of manipulative

influence for the consumer as activization of potential of pragmatical presupposition, updating of resources of language system, use of opportunities of language game, creation of names on the basis of explicit and implitic scenarios are analysed.

Key words: *commercial nomination, naming, manipulative influence, pragmatical presupposition, language game, explicit and implicit scenarios.*

Коммерческая номинация – это номинация товаров, услуг и учреждений, преследующая коммерческие цели, которые предполагают реализацию прагматического потенциала наименования, созданного в соответствии с определенной интенцией неймера. Это обуславливает необходимость ее изучения с точки зрения лингвопрагматики, рассматривающей "языковые средства, свойства и закономерности речи, которые используются обществом для воздействия на психику и, как следствие, на поведение" [7].

Несмотря на активное развитие коммерческой сферы в современном обществе, с точки зрения отечественной лингвистики проблема коммерческой номинации остается недостаточно изученной.

Одной из первых работ в данной области является статья В. Тренина 1928 года, в которой исследователь рассматривал происхождение названий различных советских продуктов, указывал на множество несоответствий и неблагозвучий и призывал к более рациональному "имятворчеству" [28]. Первые в отечественной лингвистике научные публикации, содержащие сведения о коммерческих номинациях, принадлежат специалистам по теории имени собственного, таким как А. В. Суперанская и Т. А. Соболева [27].

Современные исследования, проведенные в данной области, относятся к последнему десятилетию. Они представлены работами по маркетингу, бренд-менеджменту, брендингу, копирайтингу, лингвистике (А. Френкель, Ф. Котлер, Д. Аакер, Г. Чармэссон, Б. Гали, А. Уиллер, М. Новичихина, Е. И. Голанова, О. Седаева, В. Перция, Ч. Филлмор, Н. В. Слухай, Н. В. Паршук, Н. Гудкова и др.).

Основными направлениями в исследовании коммерческой номинации можно считать: разработку критериев создания эффективного названия [2; 22, 23-25; 23; 31], построение методик и техник наименования [3; 13, 79-119; 16], анализ и устранение ошибочных решений в сфере коммерческой номинации, охраноспособность имен [31] и некоторые другие.

Создатели коммерческой номинации активно используют для достижения своих целей широкий спектр способов **манипулятивного воздействия** на реципиента.

Слово "манипуляция" (*manipulus* (лат.) – "*пригоршня, горсть*", от *manus* – "*рука*" и *ple* – "*наполнять*") толкуется как "обращение с объектами с определенными намерениями, целями (например, ручное управление, освидетельствование пациента врачом с помощью рук и т.д.)" [6]. Имеется в виду, что для таких действий требуется ловкость и сноровка. Отсюда произошло и современное переносное значение слова – "ловкое обращение с людьми как с объектами, вещами" [6]. Как отмечает Е. Л. Доценко, "манипуляция психологическая возникает тогда, когда манипулятор придумывает за адресата цели, которым тот должен следовать, и стремится внедрить их в его психику" [4]. Таким образом, манипуляция – это способ скрытого воздействия на психику человека, которое направлено на изменение мнений, побуждений и целей людей в нужном для манипулятора направлении. В коммерческой сфере манипулятивное воздействие осуществляется с помощью номинации для того, чтобы побудить потребителя приобрести определенный товар.

Специфика манипулятивного воздействия в коммерческой сфере рассматривается как одна из характеристик современной речевой деятельности, изучение которой находится в центре внимания многих исследователей (Д. Огилви [32], Д. Поуп [33], А.В. Ульяновский [29], В.Л. Музыкант [11], Е.В. Ромат [20], О.А. Феофанов [30], А.Н. Лебедев-Любимов [9], Е.А. Песоцкий [17], А.И. Пишняк [19], Л.И. Рюмшина [21], М.Ю. Лихобабин [10], Н. В. Слухай [23], Н. В. Паршук [15] и др.).

В большинстве работ, посвященных манипуляции массовым сознанием в коммерческой сфере, анализируются манипулятивные технологии, стратегии и тактики

воздействия, рассматриваются варианты психологической защиты. На периферии исследований оказывается роль коммерческой номинации, которая является одной из основных средств реализации манипуляции в коммерческой сфере.

Специфика исследования коммерческих наименований с точки зрения воздействующего потенциала определяется их предельной лаконичностью при высокой функциональной и содержательной нагрузке.

Среди способов манипуляции сознанием в области коммерческих наименований можно выделить такие, как активизация потенциала прагматических пресуппозиций, актуализация ресурсов языковой системы, использование возможностей языковой игры, построение названий на основе эксплицитных и имплицитных сценариев.

Манипулятивное воздействие коммерческих номинаций на психику человека может осуществляться через фоновые знания. Одним из самых распространенных способов является актуализация **прагматической пресуппозиции** – положительной оценки предметного содержания наименования товара его адресатом [25]. Данное влияние осуществляется за счет активизации восприятия содержания коммерческих наименований определенной аудиторией. Например, для охвата широкого круга потребителей содержание названий алкогольных напитков ориентированно в большей степени на ценностную парадигму мужской аудитории. Это проявляется в использовании номинаций, актуализирующих военную и политическую тематику (пиво "*Адмирал*", "*Боцман*", "*Десант*"; водка "*Кремль*", "*Парламент*").

Актуализация прагматической пресуппозиции может приводить и к реализации патогенного влияния названий. Негативные тенденции демонстрируют наименования алкогольных и слабоалкогольных коктейлей, которые адресованы, в основном, молодежи. Анализ названий молодежных напитков обнаруживает высокую частотность употребления в качестве названий слов и словосочетаний, актуализирующих деструктивную, патогенную семантику: тему наркотиков и секса (апелляция к популярному в 80-е американскому лозунгу: "*Sex & Drugs & Rock & Roll*"): "*Жидкий опиум*", "*Кайф*", "*Секс на пляже*", "*69*", "*Секси б*", "*Флирт*"; тему деструктивного состояния, к которому приводит употребление алкоголя и наркотиков: "*Взрыв мозга*", "*Вынос мозга*", "*В-52*", "*Топор в спину*", "*Удар копытом*", "*Хиросима*", "*Укус змеи*"; тему болезненного, травмированного состояния: "*Кома*", "*Сотрясение мозга*", "*Доведенный до отчаяния*", "*Отключка*", "*Наркоз*"; нарушение языковых норм за счет использования молодежного сленга: "*Превед, медвед!*", "*Патсталом*", "*Ржунимагу*". Следует отметить, что ценностная парадигма современной молодежи, на которую ориентированы данные названия коктейлей и слабоалкогольных напитков, носит прозападный характер. Подобные явления были привнесены извне и искусственно-насильственным способом привиты на постсоветском пространстве. Многие номинации имеют патогенный характер. По отношению к молодежи, которая делает свой выбор неосознанно, под давлением модных веяний и ложных авторитетов, тема патогенности звучит особенно остро и актуально.

В целом, современные неймерские решения на рынке алкогольных и слабоалкогольных напитков демонстрируют активное использование потенциала прагматических пресуппозиций с целью воздействия на потребителя.

Манипулятивное воздействие коммерческих наименований на потребителя осуществляется с помощью различных средств **языковой системы**: использования мелиоративно окрашенных единиц, языковой игры, стилистических фигур.

Важной задачей нейминга как процесса и результата создания коммерчески релевантного имени является привлечение внимания публики, что стимулирует неймеров к частотному использованию в качестве названий алкогольных напитков и кондитерских изделий **мелиоративно окрашенных компонентов** разных уровней речевой системы: позитивно окрашенная лексика (вино "*Благодать*", коктейль "*Долгожданная*", сок "*Дар*"); позитивно окрашенные выражения (вино "*Душевный разговор*", "*Море любви*", "*Радость жизни*"); благопожелания (конфеты "*Любви. Удачи. Богатства.*", молоко "*На здоровье*");

слова и словосочетания с семантикой новизны (водка "*Новый век*", пиво "*Новая Бавария*"); словосочетания с семантикой настоящего, истинного (водка "*Исток. Оригинальная*", "*Ледяная истина*", "*Прозрачная истина*", "*Серебряная истина*", "*Чистая истина*"); словосочетания с семантикой богатства, роскоши (водка "*Белое Золото*", чай "*Королевский восторг*", "*Корона Российской империи*"); словосочетания с семантикой традиции, старины (вино "*Старый нектар*", "*Старый погреб*", "*Традиции старины*"); слова с семантикой праздника (вино "*Венчальное*", "*К свадьбе*", "*Пасхальное*", "*Рождественское*"). Подобные названия, за счет создания положительно окрашенных образов, способствуют позитивации товара в сознании потребителя.

Психо-речевая дезориентация потребителей достигается с помощью использования **языковой игры** [25], одной из функций которой, по мнению многих исследователей, является функция воздействия. Например, Н. И. Клушина отмечает, что "языковая игра в ономастике становится мощным оценочным механизмом, управляющим общественным сознанием" [8]. В отличие от прямого устного общения, коммуникация с потребителем через коммерческое наименование является опосредованной, или медиативной, и ее условия, экономические или идеологические, довольно жестко регламентируют правила "предъявления товара" на рынке. Игра в таком "производственно-маркетинговом" контексте не может быть просто "эстетической добавкой" к информации, а становится средством достижения институциональных целей, диктуемых условиями экономической конкуренции [12]. Таким образом, использование языковой игры в нейминге способствует оптимизации воздействующего потенциала наименования.

В языковой игре, встречающейся в названиях напитков и кондитерских изделий, часто используются **лексические и словообразовательные возможности языка** (например, сок "*Сочная долина*", "*Фрутинг*", "*Яблочкин*"). Частотным приемом является **использование прописной буквы** в нарушение законов орфографии в пользу персонификации предмета потребления [25] (например, конфеты "*Мисс Вишенка*", "*Могучий Апельмен*"). Это способствует нарушению нормативной позиции товара как объекта в рамках обобщенной схемы "Потребитель покупает товар" и возводит его в ранг предиката [26, с. 81].

Анализ коммерческих номинаций демонстрирует также активное использование различных **стилистических фигур**, которые способствуют их выразительности и воздействию эффекту. Самым распространенным выразительным средством, употребляющимся в качестве наименований напитков и кондитерских изделий, является **метафора**. Современные неймы демонстрируют широкий спектр нестандартных, индивидуально-авторских метафор (коктейль "*Ягодная бомба*", "*Вишневая метель*", "*Персиковая рапсодия*"). Среди названий коктейлей, основными адресатами которых является молодежь, достаточно распространена такая стилистическая фигура как **оксюморон** ("*Ледяной остров в огне*", "*Замороженное солнце*", "*Антарктида в огне*"). Намеренное использование противоречия способствует большему выразительному эффекту номинации и усиливает ее воздействующий потенциал. Таким образом, использование в качестве коммерческих наименований различных стилистических фигур является одним из ведущих изобразительных средств обеспечения влиятельности коммерческих номинаций.

Манипулятивное воздействие оказывают названия, которые встраиваются в определенные игровые сценарии. По определению Эрика Берна, игра – повторяющийся набор внешне правдоподобных однообразных трансакций, обладающих жесткой прагматичностью, скрытой мотивацией при их воспроизводимости и неосознаваемости [1].

Коммерческие номинации входят в состав различных **прямых, эксплицитных сценариев**, которые содержат факультативный потенциал манипулятивного воздействия на реципиента. Основываясь на ведущих сценариях в сфере недвижимости Украины, выделенных Н. В. Слухай [25], были проанализированы основные сценарии, характерные для наименований напитков и кондитерских изделий. Наиболее продуктивным оказался **экологический сценарий** (около 33, 5% названий, например, минеральная вода "*Горная вершина*", "*Родник здоровья*"). Это объясняется тем, что напитки и кондитерские изделия

относятся к продуктам питания, которые должны быть здоровыми и экологически чистыми. Высокую степень продуктивности и воздействия демонстрирует **эгоцентрический сценарий** (около 30%, например, вино "*Дипломат*", водка "*Дворянская*"). **Фоновый сценарий** оказывается менее продуктивным (около 17%, например, вино "*Днепровское шампанское*", "*Закарпатское шампанское*") и слабым по степени воздействия. Малопродуктивными (менее 10%), но перспективными с точки зрения манипулятивного потенциала, являются **культурологический** (например, вино "*Лунная соната*", "*Эрмитаж*", коктейль "*Мастер и Маргарита*") и **этноцентрический** (вино "*Русская душа*", водка "*Русь-Матушка*") **сценарии**. Наименьшее количество названий напитков и кондитерских изделий входят в состав **креативного сценария** (около 3%, например, водка "*Новый век*", пиво "*Новая Бавария*").

Принадлежность имени одновременно двум-трем сценариям играет положительную роль в силу одновременного психографирования потребителей нескольких групп с различными системами ценностей [25]. Так, нейм "*Ярило*" одновременно принадлежит культурологическому и этническому сценариям, "*Гавайские каникулы*" – экологическому и эгоцентрическому, "*Господа офицеры*" – фоновому и эгоцентрическому, "*Дипломат*" – фоновому и эгоцентрическому, "*Килт*" – фоновому и эгоцентрическому, "*Олигарх*" – фоновому и эгоцентрическому, "*Русская душа*" – экологическому и этноцентрическому, "*Русское поле*" – экологическому и этноцентрическому, "*Чемпион*" – экологическому и эгоцентрическому и т.д.

Ряд эффективных механизмов манипулятивного воздействия осуществляется с помощью вхождения коммерческой номинации в состав скрытых, **имплицативных сценариев**. Манипулятивность данных сценариев обеспечивается навешиванием на товар **псевдоярлыка**, фиксированного именем. Под псевдоярлыком (псевдобиркой) следует понимать маркер имени, содержащий коммерчески важную, но коммуникативно неоправданную имплицативную информацию [25]. В коммерческих наименованиях частотными являются следующие способы активизации имплицативных сценариев: использование псевдобирки "**твой**", "**ваш**"¹ (в условиях активизации оппозиции "*свой – чужой*"; например, коктейль "*Твой выбор*"); использование псевдобирки "**прекрасный**"² в оппозиции "*хороший-плохой*" (спецификатор оппозиции "*жизнь-смерть*"; коктейль "*Прекрасная леди*", сок "*Красавчик*"); использование псевдобирки "**дорогой**", "**драгоценный**"³ в оппозиции "*хороший – плохой*" (вино "*Бриллиант*", чай "*Изумрудный остров*"); использование псевдобирки "**фоново-культурологически узнаваемый**"⁴ в

¹При позиционировании неймером в качестве названия продукта личного имени происходит переакцентировка необходимой стороны оппозиции, то есть вместо псевдобирок "*твой*", "*ваш*" используются псевдобирки "*мой*", "*наш*" (вино "*Анастасия*", напиток "*Мария*"). Это негативно влияет на восприятие товара потребителем, так как бирка "*мой*" способствует позитивации товара только при условии сочетания с биркой "*престижный*", "*стильный*", "*знаменитый*" (например, "*Рошен*") [25].

²При этом некорректно выглядят названия, в которых бирка "*прекрасный*" сочетается с биркой "*животное*" (например, конфеты "*Корова красавица*", "*Корова красotka*", "*Принцесса Му-Му*").

³Несмотря на высокую продуктивность, данные названия выглядят довольно однообразно (вино "*Жемчужина Азербайджана*", "*Жемчужина Инкермана*", "*Жемчужина степи*", водка "*Жемчужина Поволжья*"), что негативно сказывается на их восприятии потребителем.

⁴Эффект от использования этого имплицативного сценария усиливается при активизации этномифопоэтических представлений реципиента (вино "*Эрмитаж*", квас "*Ярило*", коктейль "*Змей-Горыныч*", конфеты "*Василиса Прекрасная*"). Апелляция к этномифологическим контекстам способствует усилению воздействия наименования на потребителя. Результаты многочисленных исследований и дискуссий доказывают доминирующее влияние

оппозиції "хороший – плохой" (вино "Лунная соната", "Мона Лиза"); використання псевдобірки "здоровий, жизнеобеспечивающий" в опозиції "жизнь – смерть" (мінеральна вода "Здравица", "Родник здоровья"); використання псевдобірки "праздничный, обеспечивающий впечатления, разнообразие позитивных эмоций" в опозиції "жизнь – смерть" (водка "Праздничная Русь", пиво "Рождественская ночь"); використання псевдобірки "вкусный" в опозиції "хороший – плохой" (конфети "Вкус детства", "Взрыв вкуса").

Імплікативний сценарій активізується при використанні замещеної, комплексної, расщепленной модальності [24, с. 74-78] в спектрі п'яти сенсорних систем. Наприклад, названія коктейлей "Ванильно-мятный поцелуй" (вкусова і тактильна домінанта), "Яблочный Цвет" (вкусова і візуальна домінанта), "Персиковая Рапсодия" (вкусова і слухова домінанта) ґрунтуються на комплексній модальності, в склад якої входить ведуча для найменувань напоїв і кондитерських виробів вкусова домінанта. Некоректно виглядають найменування напоїв і кондитерських виробів, в яких, при використанні особою модальності в спектрі п'яти сенсорних систем, не зберігається адекватна модальність в якості ведучої (наприклад, конфети "Мелодия" – слухова домінанта; коктейль "Крепкое объятие" – тактильна домінанта; напій "Аромат апельсина" – обонятельна домінанта).

Таким образом, в сучасних комерційних номінаціях активно використовується широкий спектр способів маніпулятивного впливу на споживача. При аналізі названь напоїв і кондитерських виробів були виділені наступні способи маніпулятивного впливу: активізація потенціала прагматических пресупозицій, актуалізація ресурсів мовної системи, використання можливостей мовної гри, побудова названь на основі експліцитних і імпліцитних сценаріїв. Список даних способів не претендує на повну завершеність і може бути продовжений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Берн Э. Игры, в которые играют люди (Психология человеческих взаимоотношений)/ Пер. А. А. Грузберга. – Екатеринбург: ЛИТУР, 1999. – 361с.
2. Галли Б. Brand. Рождение имени. Энциклопедия. – М.: Этерна, 2007. – 432 с.
3. Голанова Е. И. Как возникают названия. – М.: Просвещение, 1989. – 142 с.
4. Доценко Е. Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита.– М.: ЧеРо, Издательство МГУ, 1997. – 344 с.
5. Жарина О. А. Категория имплицитности как основа для формирования единиц дискурса текста (на материале русского и английского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Ростов-на-Дону, 2006. – 24с.
6. Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. – М.: Алгоритм, 2004. – 528 с.
7. Киселева Л. А. Язык как средство воздействия / Л.А. Киселева. – Л.: ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1971. – 60 с.
8. Клушина Н. И. Общие особенности публицистического стиля // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования: Учебное пособие / Отв. ред. М.Н. Володина. – М.: Изд-во Московского у-та, 2003. – С. 269-289.
9. Лебедев-Любимов А.Н. Психология рекламы. – СПб., 2003.
10. Лихобабин М.Ю. Технологии манипулирования в рекламе. Способы зомбирования. – Ростов н/Д, 2004.
11. Музыкант В.Л. Рекламный текст и эмоции человека // Психология и психоанализ рекламы. Личностно-ориентированный подход. – Самара, 2001.

традиционных культурно-религиозных установок, общественных норм и стереотипов на процесс восприятия, анализа и субъективной оценки названия и, таким образом, на его конечный коммерческий эффект [14].

12. Негрышев А. А. Языковая игра в СМИ: текстообразующие механизмы и дискурсивные функции (на материале газетных новостей) // WEB-журнал. Выпуск 5, 2006. – URL: http://vfnglu.wladimir.ru/Rus/NetMag/v5/v5_ar14.htm
13. Новичихина М. Е. Как вы фирму назовете... – М.: Восток-Запад, 2007. – 160с.
14. О национальных особенностях восприятия и оценки рекламной и коммерческой информации – URL: <http://reklama.rezultat.com>
15. Паршук Н. В. Вербализация побудительной интенции в русском рекламном тексте: Дис...к. филол. наук. – Киев, 2008.
16. Перция В. Брендинг. Курс молодого бойца/ В. Перция. – СПб: Питер, 2005. – 206 с.
17. Песоцкий Е.А. Реклама и психология потребителя. – Ростов н/Д, 2004
18. Пирогова Ю. К. ИмPLICITная информация как средство коммуникативного воздействия и манипулирования.// Проблеми прикладної лінгвістики. – М., 2001. – С. 209-227.
19. Пишняк А.И. Эффекты массовой коммуникации: влияние телевизионной рекламы на потребительское поведение (на примере российских рынков напитков): дис. ... канд. социолог..наук. – М., 2006.
20. Ромат Е.В. Реклама. – СПб., 2001.
21. Рюмшина Л.И. Манипулятивные приемы в рекламе. – М., – Ростов н/Д, 2004.
22. Седаева О. В. Неэффективные коммерческие названия// Культура общения и ее формирование: Материалы 5-й региональной научно- методической конференции. – Воронеж: Полиграф, 1998. – С. 23-25.
23. Слухай Н. В. Лингвистические аспекты нейминга // Філологічні науки: синхронічний та діахронічний аспекти. – Суми: СумДУ, 2009. – С. 397 – 405.
24. Слухай Н. В. Міфологічні джерела прагматикону текстів масмедіа. – Сімферополь: Кримський державний інженерно-педагогічний університет, 2004. – 107с.
25. Слухай Н. В. Язык современных масс-медиа в зеркале мифа. – К.: Изд-во ИФ КНУ, 2011 – 100 с.
26. Слухай Н. В., Паршук Н. В., Гудкова Н. Н. Лингвосомиотика русской рекламы: история и современность (Часть 1. Дореволюционный период). – К., Изд-во ИФ КНУ. – 91 с.
27. Соболева Т. А., Суперанская А. В. Товарные знаки. – М.: Наука, 1986.
28. Тренин В. Пище-вкусовые жанры // Новый Леф. – 1928. – режим доступа: <http://www.ruthenia.ru/sovlit/j/3329.html>
29. Ульяновский А.В. Мифодизайн рекламы. – СПб., 1995.
30. Феофанов О.А. Реклама: новые технологии в России. – СПб., 2001.
31. Френкель А. Нейминг: как игра в слова становится бизнесом. – М.: Добрая книга, 2006. – 320 с.
32. Ogilvi D. Ogilvi and Advertising. – N.Y., 1985.
33. Pope D.A. The making of advertising. – N.Y., 1983.

УДК 811.161.1...42:659.131.2

Наталья Собченко
(Одесса)**ИГРОВАЯ ПРИРОДА РЕКЛАМНОГО ДИСКУРСА**

У статті розглянуто ігровий початок рекламного дискурсу, визначено основні функції використання мовної гри в рекламі, проаналізовано приклади ігрових елементів рекламного дискурсу.

Ключові слова: ігровий початок, рекламний дискурс, мовна гра, неологізми.

The playing beginning of publicity diskursa is considered in the article, the basic functions of the use of linguistic game are certain in advertising, the examples of playing elements of publicity diskursa are analysed.

Key words: playing beginning, publicity diskurs, linguistic game, neologisms.

Термин дискурс в последние годы активно функционирует во многих дисциплинах. В современной науке этот термин имеет широкое и узкое понимание. В узком смысле он представляет собой вербальную составляющую коммуникативного действия. То есть дискурс является продуктом коммуникативного действия и его результатом, который интерпретируется участниками коммуникации. Получается, что дискурс равен тексту плюс контекст. В широком же смысле дискурс понимается как коммуникативное событие, происходящее между производителем речи и реципиентом в процессе коммуникационного действия.

В конце 20 ст. термин дискурс получает более широкое понимание, теперь он становится полисемантическим и зависит от научной области. Благодаря чему в последнее время в теорию дискурса всё чаще включают некоторые аспекты риторики, психолингвистике и функциональной лингвистике. Появляется и новая дисциплина, занимающаяся связью текста с социумом и получившая название анализ дискурса. Анализ дискурса определяют как междисциплинарную область знаний, опирающуюся на социологию, этнографию, семиотику, психологию, стилистику, семиотику и философию.

Почепцов Г.Г. определяет дискурс как социолингвистическую структуру. "Дискурс – это речевая деятельность, положенная на социальные координаты. Именно такая речевая деятельность является реальной, и именно с такой речевой деятельностью мы встречаемся" [9, с. 23]. Это и определяет его речевые и коммуникативно-прагматические характеристики. Это фольклорный, мифологический, тоталитарный, ритуальный, неофициальный (внецензурный), этикетный и другие дискурсы.

Лингвистическое понимание термина дискурс неоднозначно, многие учёные (в частности, Ф. де Соссюр, Бенвенист, Бюиссанс) выдвинули ряд концепций его интерпретации. Патрик Серио называет дискурсом "речь как любое конкретное высказывание", "в рамках теории высказывания или прагматики – воздействие высказывания на получателя и его внесение в "высказывательную" ситуацию", "обозначение системы ограничений, которые накладываются на неограниченное число высказываний в силу определённой социальной или идеологической позиции" [8, с. 66]. У некоторых учёных лингвистический статус дискурса вообще вызывал недоверие. В частности Р. Годель считал дискурс опасным словом для использования в лингвистических определениях, так как оно подразумевает и мышление, и речь.

В "Лингвистическом энциклопедическом словаре" дискурс определяется как "связанный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами; текст, взятый в действенном аспекте; речь, которая рассматривается как целенаправленное социальное действие, как компонент, что участвует во взаимоотношениях людей и механизмов их сознания (когнитивных процессах). Дискурс – это речь, погружённая в жизнь" [2, с. 136-137]. Вот почему понятие "дискурс" не применяется к относительно давним текстам (нельзя установить их связь с жизнью). Он рассматривается совместно с "формами жизни": репортаж, интервью, беседа и т.д. Авторы французского лингвистического словаря под дискурсом подразумевают любое высказывание, которое превышает по объёму фразу и рассматривается с точки зрения связывания последовательности фраз между собой [3, с. 14].

Арутюнова Н.Д. подчёркивает, что дискурс вмещает паралингвистическое сопровождение речи, которое выполняет следующие функции: ритмическую, референтную, семиотическую, эмоционально-оценочную, функцию влияния и другие, что обусловливается самой структурой дискурса [2, с. 136].

Природа дискурса, прежде всего, связана с двумя аспектами: прагматическим и когнитивным. Прагматический аспект помогает определить ситуацию коммуникации, степень связанности текста, а также возможность интерпретации. В этом аспекте дискурс имеет отношение к живой речи.

Когнитивный аспект дискурса обращён к ментальным процессам участников коммуникации, что помогает понять этнографические, социокультурные, психологические

стратегии и тактики, а также правила порождения и декодирования в конкретных условиях, которые определяют в дискурсе соотношения общего и конкретного, нового и старого, эксплицитного и имплицитного. Важной составляющей теории дискурса является и разработка фреймов и сценариев [11, с. 27].

Таким образом с языковедческой позиции в дискурсе выделяют два плана:

1) собственно-лингвистический – определяется через использования языковых средств в текстах, то есть дискурс как результат;

2) лингво-когнитивный – связан с языковым сознанием, обуславливающим выбор языковых средств. Влияет на порождение и восприятие текста, определяясь через контекст и пресуппозицию, то есть дискурс как процесс [4, с. 7].

Выделяются эти два плана благодаря последним достижениям в психолингвистике. В современной психолингвистике дискурс – это поточная речевая деятельность, это "вербализованная речемыслительная деятельность, которая содержит в себе не только лично лингвистические, но и экстралингвистические компоненты" [6, с. 194] и "которая является совокупностью процесса и результата" [6, с. 203].

Главным характеризующим свойством дискурса является именно "погружение в жизнь". Алефиренко Н.Ф. подчёркивает, что "в результате экзегетики событийного содержания дискурса и моделирования виртуального мира этот самый дискурс способен порождать разные языковые знаки" [1, с. 12]. Учёный считает, что деривационной базой вторичной номинации является не текст, а дискурс, определяющийся им как коммуникативно-прагматическое событие социокультурного характера. Получается, что одновременно дискурс и формообразовательный и смыслогенерирующий источник вторичного семиозиса, так как его содержание формируется в процессе лингвокреативного осмысления денотативной ситуации. Благодаря "лінгвокреативним перетворенням смислових конститuentів дискурсу утворюється національно-мовне бачення картини світу" [4, с. 12].

Таким образом, специфика современного понимания и определения дискурса происходит соответственно типа коммуникационной системы и с учётом её основной коммуникативной единицы, которая рассматривается как элементарная составляющая коммуникации [4, с. 10]. Дискурсы формируют структуру коммуникации, задавая пространственную и содержательную текстовую организацию.

Рекламный дискурс определяется как завершённое сообщение, имеющее строго ориентированную прагматическую установку (привлечения внимания к предмету рекламы), сочетающее дистинктивные признаки устной речи и письменного текста с комплексом семиотических (пара- и экстралингвистических) средств [3, с. 34]. Борботько В.Г. отмечает, что как раз под маской "серьёзных" форм языка – инструмента прагматического и рационального действия – повсюду скрывается игровое начало, строящее рядом с реальным миром ирреальный [3, с. 35].

"Особым вектором исследования игрового дискурса является его творческая природа, необходимость выявления механизмов и принципов, позволяющих *homo ludens* ("человеку играющему") реализовать потенциал языковых форм и значений, проявлять творческие интенции в поле языковых возможностей" [10, с. 17]. Это легко проследить на примере игровой потенции рекламного дискурса, где рекламист, используя различные приёмы языковой игры, старается вовлечь реципиента в созданную им коммуникативную игру. Вот почему цель нашей статьи – проанализировать игровую природу рекламного дискурса.

Механизм языковой игры основан на эффекте обманутого ожидания. Языковая игра в рекламном дискурсе имеет ряд приёмов. Учёные И. Горелов, Т. Космеда, Б. Норман, Н. Непыйвода, И. Морозова, К. Седов выделяют следующие приёмы языковой игры: 1) неологизмы; 2) игра слов (каламбур) – а) полисемия / омонимия, б) ритм/рифма, в) переделанные устойчивые выражения (игры с прецедентностью); 3) графическая игра – а) супраграфемы (слова-"матрёшки"), б) синграфемы, в) корреляция графических знаков/ картинок с буквами. Следует отметить, что в последнее время становится популярным

использование вместо букв графических знаков: "такі тексти називають креолізованими, фактура яких складається з двох негомогенних частин: вербальної (мовної/мовленнєвої) та невербальної (такої, що належить до інших знакових систем, ніж природна мова)" [5, с. 160]. То есть креолізованні тексти – это ілюстрованні тексти, в которых вербально вираженна інформація з'єднується з зображенням, и создають одно візуальне, структурне, смислове и функціональне ціле, что забезпечує комплексне, прагматичне впливання на адресата [7, с. 110]. Остановимся на першому прийомі, который набирає всієї більшої популярності в рекламному дискурсі.

Неологізми в рекламі створюються з метою надання оригінальності тексту, однак існують різні точки зору на визначення таких слів. Всі ж неологізмами їх називати складно, так як, звичайно, вони складаються з частин узуальних слів, и представляють собою трансформованні слова активної лексики. Ми придержуємося терміна окказіоналізм, так як нові слова, з'являючись в рекламі, створюються по випадку и являються єдиничними, не втрачаючи своєї новизни з теченням часу. А.В. Овруцкий називає такі слова ігровими неологізмами. Створюються вони переважно від найменування ергонімів. Наприклад: *Актемеліст* (питьєвої йогурт "Актімель"); *VITRUM* (мінізуйтесь!) (реклама вітамінів "Vitrum"); *Doza* (правався) (енергетическі коктейлі *Doza*).

В рекламі з'являються частіше всього окказіональні існуючі, дієслівні, причастія и наречія. Інтересним є використання в рекламному слогані окказіональних наречій з метою привертання уваги. Наприклад: *Не просто чисто, а п'ятизірково чисто* (реклама порошку "Ariel"). Наречіє *п'ятизірково* використовується для посилення признака. Щоб впливати на адресата, рекламодавець прагне створити ілюзію унікальності, крім того, наречіє *п'ятизірково* асоціюється у реципієнта з чимось дорогим и елітним, т.к. кращі готелі и ресторани називаються п'ятизірковими.

Встрічаються слогани, в яких представлено декілька наречій, одно из которых виділяється из загального ряду своєю незвичністю, акцентуючи на собі увагу адресата: *Модно, стильно, школьно* (фірма "АЛНЕС Інтернешнл"). Таким чином, рекламіст підкріплює не тільки те, що ця одяг є модною и стильною, а також вказує, кому вона адресована.

Всі зростаюче кількість рекламних текстів, використовуючих мовну гру, говорить про те, що реалізація естетическої функції в рекламі є хорошим засобом пом'якшення волюнтивної функції, которая главенствує в подібного типу текстах, но потребує в пом'якшенні для досягнення більшої ефективності. Рекламний дискурс отримує ігровий характер и втрачає свою глибоко прагматическу направленість.

Естетическе задоволення виникає, таким чином, в результаті образного ознакування предмета, который представляє собою одночасно и здійснювану ідею, и ідеалізовану річ, не являючись ні тим, ні другим, займаючи проміжне положення між ними [11, с. 24].

Мовна гра займає важливе місце для створення успішних рекламних текстів. З допомогою цього засобу виразності реклама "перетворюється", стає звучнішою и більш запам'ятовуваною. Часто реципієнт не запам'ятовує рекламований продукт, но в пам'яті відкладає оригінальний слоган, и на асоціативному рівні він згадує и рекламований об'єкт.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алефіренко Н.Ф. Лінгвокультурологічне значення поняття "дискурс" / Н.Ф. Алефіренко // Російське слово в світовій культурі. Матеріали Х Конгресу МАПРЯЛ. Пленарні засідання: зб. доповідей: В 2-ч т. – Т.1. – Спб.: Політехніка, 2003. – С. 9-18.
2. Арутюнова Н.Д. Дискурс / Н.Д. Арутюнова // Лінгвістический енциклопедический словарь. – М., 2000. – С. 136-137.
3. Борботько В.Г. Принципи формування дискурсу: від психолінгвістики к лінгвосинергетиці. / В.Г. Борботько. – М.: Книжний дім "Ліброком", 2011. – 288 с.

4. Денисова С.П. Дискурс у сучасних комунікаційних системах/ С.П. Денисова // Дискурс у комунікативних системах: зб. наукових статей/ В. о. Київ. міжнародний університет; Гол. редкол. Денисова С.П. – К., КиНУ, 2004. – С. 5-14.
5. Загнітко А. Лінгвістика тексту: Теорія і практикум / Анатолій Загнітко. – Донецьк: Юго-Восток Лтд, 2007. – 313 с.
6. Красных В.В. Основы психолінгвістики и теории коммуникации: Курс лекций. / В.В. Красных – М.: ИТДГК "Гнозис", 2001. – 270 с.
7. Кутуза Н.В. Лінгвістичні та екстралінгвістичні інновації в рекламному дискурсі / Н.В. Кутуза // Реклама та PR у масовому інформаційному просторі (монографія). – Одеса: "Астропринт", 2009. – С. 101 – 107.
8. Левина Г.М. Невербальная вербальность: некоторые вопросы и уточнения к понятию "дискурс" / Г.М. Левина // Мир русского слова. – 2003. – № (15)2. – С. 64-71.
9. Почепцов Г.Г. Теорія комунікації / Г.Г. Почепцов – К.: Видавничий центр "Київський університет", 1999. – 308 с.
10. Трофимова Г.Н., Иссерс О.С. Современные проблемы филологии. Учебное пособие / Г.Н. Трофимова, О.С. Иссерс. – М.: РУДН, 2008. – 301 с.
11. Столярова Л.П., Тычинская Н.Л. Текст как основное звено в пространстве дискурса / Л.П. Столярова, Н.Л. Тычинская // Дискурс у комунікативних системах: зб. наукових статей/ В. о. Київ, міжнародний університет; Гол. редкол. Денисова С.П. – К., КиНУ, 2004. – С. 23-29.

УДК 811.161.1'373.46

Елена Столярская
(Днепропетровск)

СТРУКТУРНЫЕ И СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ТИПЫ СПЕЦИАЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ В ЖУРНАЛЬНОЙ РЕКЛАМЕ БЫТОВОЙ ТЕХНИКИ И ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ

Проаналізовано стилістичні та структурні різновиди спеціальної лексики в мові журнальної реклами побутової техніки та транспортних засобів.

Ключові слова: спеціальна лексика, стилістичні типи, неологізми, структура новостворень.

Stylistic and structural types of special lexical words in the advertizing language of domestic devices and means of transports are analyzed.

Key words: special lexical words, stylistic types, neologisms, newformations' structure.

Научно-технические преобразования, использование новых информационных технологий, потребность современного профессионального общения влечет за собой обогащение научного языка новыми понятиями. Наука для своих целей использует специальный язык (ЯСЦ), а совокупность лексики ЯСЦ – это специальная лексика. Специальная лексика, в условиях интенсивного развития науки и техники, – один из самых быстро пополняющихся пластов общенародной лексики. Немаловажная роль такого миграционного процесса новообразований в общеупотребительную речь принадлежит рекламе в СМИ, а именно, журнальной рекламе. Лексика рекламы через средства массовой информации, через журнальные тексты прочным образом входит в общеупотребительный пласт лексики, внося конкретные изменения, обновления в словарный состав языка. Появление новых слов в рекламных текстах, постепенный переход этих слов в профессиональную лексику является первопричиной возникновения новых словообразовательных процессов в ЯСЦ.

Цель данного исследования – проанализировать наиболее часто используемые стилистические и структурные типы специальной лексики в текстах журнальной рекламы

бытовой техники и транспортных средств. Материалом для анализа послужили рекламные статьи журналов "Т₃", "CHIP", "What Hi-Fi".

Проблема определения и классификации специальной лексики научно-технического и профессионального характера всегда была основной целью исследований многих лингвистов. Но до недавнего времени большинство попыток исследования специальной лексики сводились к изучению именно и только терминологии, потому что основным семантическим ядром не только специальной лексики, но и языков для специальных целей была и есть терминология.

К термину, в отличие от общеупотребительного слова, предъявляются определенные требования, которые были сформулированы еще Д. С. Лотте. Но речь в данном случае может идти о понятии идеального термина, существование которого практически невозможно. По мнению Б. Н. Головина, "огромная часть реально функционирующей терминологии этим требованиям не отвечает, но, тем не менее, продолжает обслуживать соответствующие отрасли знания. В настоящее время общеизвестна многозначность как научных, так и большого числа технических терминов" [2, с. 35]. Не являются исключением специальные номинации на страницах глянцевого журналов "Т₃", "CHIP", "What Hi-Fi" и др. Например, понятие слайдер – (от англ. slider) имеет следующие значения: 1) тип корпуса мобильных телефонов и иных устройств; 2) в программном обеспечении: элемент интерфейса программы; 3) инструмент для видеосъемки [<http://ru.wikipedia.org/>].

Типичны также случаи категориальной многозначности. Например, термин онлайн (от англ. online) может обозначать сеть, режим, состояние или функцию. Ср., 1) онлайн – в значении режим: "Таков, например, букмарклет (JavaScript-программа) RoboForm for Android OS, подставляющий данные с одноименного онлайн-сервиса в стандартный браузер системы" ("CHIP", №9, 2011; с. 131); 2) онлайн – в значении сеть: "Эта портативная Wi-Fi-точка обеспечит доступ в онлайн через встроенный 3G-модуль" ("Т₃", № 2, 2010; с. 15); 3) онлайн – в значении состояние: "Размытие границ между жизнью в онлайн и в офлайн позволит использовать в реальном мире и контексте хранимую в социальных сетях информацию" ("Т₃", № 2, 2010; с. 87).

Следующая по значимости прослойка специальных лексических единиц – номенклатурные обозначения. Впервые вопрос о разграничении термина и номена был поставлен Г. О. Винокуром. Но, несмотря на все попытки разграничения, граница между терминами и номенклатурными знаками довольно неустойчива, и эта проблема до сих пор является предметом острых дискуссий лингвистов: есть ли вообще смысл в разграничении, если даже в плане выражения первая часть номенклатурного знака – терминологическая? "Номенклатурная единица двучленна: она состоит из термина, относящего ее к соответствующему общему понятию, и номенклатурного маркера, называющего частное понятие" [7, с. 31]. А если в текстах и встречаются однословные номенклатурные знаки, то это является следствием закона экономии, особенно характерного для печатных СМИ. В некоторых случаях авторы текстов только единожды в своем употреблении прибегают к использованию полной формы номенклатурной единицы, а в дальнейшем используют ее сокращенную форму. Как правило, в таких случаях усечению подвергается терминологическая, а не графемная часть номенклатурного выражения. Ср.: "Именно для людей, обладающих такими качествами, и предназначен новый ноутбук компании Lenovo IdeaPad U550" ("Т₃", № 2, 2010; с. 20). Далее в тексте используется усеченный вариант, т. е. его графемно-цифровая часть. Ср.: "Из особенностей Lenovo IdeaPad U550 стоит упомянуть..." ("Т₃", № 2, 2010; с. 20). Подобный прием можно наблюдать и в статье, рекламирующей телефон. "Можно считать, что цель достигнута, если за такую принять новый телефон M3710 от компании Samsung" ("Т₃", № 2, 2010; с. 60). Далее автор статьи использует усеченную форму номенклатурного обозначения (родовой термин "телефон" опускается): "В Samsung M3710 имеется предустановленный список серверов..." ("Т₃", № 2, 2010; с. 60), и еще более усеченную (опускается название модельного ряда): "M3710 оборудован 2,8-дюймовым емкостным экраном..." ("Т₃", № 2, 2010; с. 60).

Таким образом, по мнению многих ученых, номен, не являясь термином, но и не являясь названием единичного понятия, занимает промежуточное положение в иерархии специальных лексических единиц, поэтому проблема классификации и дифференциации номенклатурных знаков остается открытой.

Следующая по частоте использования в ЯСЦ науки и техники прослойка специальной лексики – профессионализмы – берет свое начало в речи специалистов той или иной сферы деятельности. Они употребляются в разговорной речи людей той или иной профессии, являясь неофициальными дублетами терминов. Хотя нередко случаи, когда профессионализмы выступают на правах официальных наименований.

Использование именно профессиональной некодифицированной лексики в текстах глянцевого журналов, рекламирующих высокотехнологическую продукцию, изучено мало. Но, тем не менее, такой фактор, как целевое использование профессионализмов в рекламных текстах журналов, вызывает интерес исследователей. "Зачастую говорящий сознательно стремится назвать предмет или явление иначе, чем он называется в официальной терминологии, сделать название более простым, доходчивым" [8, с. 29–30]. Ср., лексема флешка гораздо чаще употребляется в речи профессионалов, чем флеш-накопитель USB – носитель информации [<http://ru.wikipedia.org/w/>]. В исследованных рекламных текстах чаще функционирует профессионализм бесперебойник, являющийся синонимом к официальному наименованию источник бесперебойного питания (ИБП) [<http://ru.wikipedia.org/w/>].

Профессионализмы получили широкое распространение в текстах рекламных журналов не случайно. Большинство профессиональных наименований, функционирующих на страницах журналов, отличаются эмоционально-экспрессивным характером, что обуславливается прагматической направленностью рекламы и является основным фактором воздействия на читателя. Таким образом, профессионализмы становятся одним из важных воздействующих элементов журнального рекламного текста.

Разновидностью профессионализмов являются профессиональные жаргонизмы. Например, вертушка – устройство для проигрывания музыкальных виниловых дисков [<http://ru.wikipedia.org/>]; аська – централизованная служба мгновенного обмена сообщениями сети Интернет [<http://ru.wikipedia.org/>]; бэкаперы – программы для резервного копирования данных [<http://www.handybackup.ru/>]; вебмани – популярная электронная платёжная система [<http://ru.wikipedia.org/>] и др.

В отличие от профессионализмов, жаргонизмы носят оценочный, а не информативный характер. И если профессионализм все-таки может в результате приобрести нормативный статус, то профессиональные жаргонизмы не обладают подобной способностью. Таким образом, профессиональная жаргонная лексика остается формой профессионального просторечия и ее использование не только в специальных профессиональных изданиях, но и в официальной речи считается недопустимым.

Помимо терминов, номенов и профессионализмов с профессиональными жаргонизмами к специальной лексике относятся "лексические единицы, статус которых не имеет достаточно четкого определения" [6, с. 12–13]. Это предтермины, прототермины, терминоиды, квазитермины, псевдотермины и др. Отсюда следует, что стилистические типы специальной лексики в текстах журнальной рекламы далеко не однородны и не однотипны.

Структурные типы терминов в основной своей массе отражают традицию номинации понятий посредством слов (непроизводных, производных, сложных, сложносокращенных) и словосочетаний (именных, атрибутивных) [4, с. 16]. Имя существительное, вследствие своей прямой номинативности, выступает как основная грамматическая категория терминологической лексики, при этом предпочтение отдается однословным терминам. Хотя, по мнению К. Я. Авербуха, "однословный термин – это либо результат эллипсиса, либо единица номинации понятия очень высокого, часто философского уровня общения" [1, с. 118]. Но несмотря на свою малочисленность, однословные термины составляют ядро любой терминологии и подразделяются на простые, производные и сложные.

1). Простые или корневые – термины, основа которых совпадает с корнем. Например, кардан – карданный привод [<http://motosvit.com/LikBes/>]; мышшь – механический манипулятор [<http://ru.wikipedia.org/w/>]; пульт – электронное устройство для удалённого (дистанционного) управления [<http://ru.wikipedia.org/wiki/>]

2). Производные (аффиксальные) – термины, образованные от простых с прибавлением аффиксов. Например, деинсталляция – действие, обратное инсталляции [<http://ru.wiktionary.org/>], перепрошивка – системное программное обеспечение [<http://ru.wikipedia.org/wiki/>].

С. В. Гринев-Гриневиц определяет подобные термины, как "образованные с помощью морфологических способов словообразования, а также образованные с помощью различных видов морфолого-синтаксического образования слов из словосочетаний: композитные, эллиптические и аббревиатурные" [3, с. 60].

Композитные термины (словосложение) – образованные сложением основ слов исходного словосочетания. Например, номеронабиратель – составная часть телефонного аппарата [<http://ru.wikipedia.org/w/>], светосила – величина, характеризующая степень ослабления объективом светового потока [<http://ru.wikipedia.org/wiki/>].

Эллиптические термины образуются путем опущения одного из слов исходного словосочетания. Например, ультрабук от ультрапортативный ноутбук – компактный и легкий ноутбук [<http://ru.wikipedia.org/>], [<http://www.abonentik.ru/>], предусилитель от предварительный усилитель – компонент аудиосистемы [<http://ru.wikipedia.org/wiki/>].

Аббревиатурные термины образованы с помощью усечения слов исходных словосочетаний (сложносокращенные, сложноусеченные, телескопические). Например, ПК – персональный компьютер (от англ. personal computer) – компьютер, предназначенный для эксплуатации одним пользователем [<http://ru.wikipedia.org/>], лазер (от англ. акронима laser – light amplification by stimulated emission of radiation) – оптический квантовый генератор [<http://ru.wikipedia.org/>], радар – (от англ. radar – Radio Detecting and Ranging) – система для обнаружения воздушных, морских и наземных объектов [<http://ru.wikipedia.org/w/>].

Довольно типично для научно-технических текстов употребление полного наименования параллельно с аббревиатурой, которые вполне взаимозаменяемы. Например, НЖМД или накопитель на жёстких магнитных дисках – устройство хранения информации [<http://ru.wikipedia.org/>], ГПИ или графический пользовательский интерфейс – разновидность пользовательского интерфейса [<http://ru.wikipedia.org/>].

Наблюдается множество сочетаний русскоязычных и англоязычных аббревиатур со словами или с использованием элементов искусственных языков. Например, ЖК-монитор – плоский монитор на основе жидких кристаллов [<http://www.bestor.spb.ru/>], ТТИ-много сегментный замер – режим измерения экспозиции [<http://fotavoka.org/>], HTML-редактор – компьютерная программа [<http://ru.wikipedia.org/>], AV-ресивер – многоканальный усилитель [<http://ru.wikipedia.org/>], 3D-очки – вспомогательное устройство [<http://www.superotvet.ru/>].

3). Третья разновидность однословных терминов – сложные термины, в составе которых отмечается две, а иногда и более двух, корневые морфемы. Зачастую в данном случае происходит развитие двух- и более основных новообразований со стандартными русскими и международными терминологическими элементами. Например, видеоконтент – содержимое сайта [<http://www.kashkanov.ru/>], гиродатчик – навигационный прибор [<http://www.smartphone.ua/>], мультимедиа контейнер – формат файла [ru.wikipedia.org/w/].

В текстах рекламных материалов широко функционируют составные наименования, словосочетания, образованные синтаксическим способом – одним из наиболее продуктивных способов терминологического словообразования. Самый распространенный вид составного термина – двукомпонентное атрибутивное словосочетание – синтагма. О. С. Ахманова определяет подобный тип терминологического словосочетания, как "двучленную структуру, члены которой соотносятся как определяемый и определяющий ..." [1, с. 120]. Двукомпонентные составные термины состоят из ядерного элемента – существительного в именительном

падеже и определяющего элемента. В зависимости от частеречной принадлежности артрибута бинарные термины делятся на два типа:

1). Первый тип – атрибутивно-субстантивное словосочетание, в котором ядерный элемент выражен существительным в именительном падеже, а определяющий элемент (прилагательное) в функции препозитивного определения. Например, компактный камкордер – камера, сочлененная с видеомagniтофоном [<http://en.wikipedia.org/>], материнская плата – сложная многослойная печатная плата [<http://ru.wikipedia.org/>].

Атрибутивный элемент в подобных номинациях может быть представлен адъективированным причастием, сложным прилагательным, образованным на основе словосочетания имени существительного с числительным. Например: двухъядерный процессор – центральный процессор [<http://ru.wikipedia.org/>], встроенный проектор – проектор небольшого, карманного размера [<http://ru.wikipedia.org/>], 4-сторонняя навигация – способ перехода от одной страницы к другой [<http://www.conanima.ru/>].

2). Второй тип – субстантивно-субстантивное терминологическое словосочетание, в котором определяющим элементом является существительное в функции постпозитивного определения в родительном, реже в творительном падеже. Например, буфер обмена – промежуточное хранилище данных [<http://ru.wikipedia.org/>], модернизация компьютера – замена отдельных компонентов компьютера на более совершенные [<http://ru.wikipedia.org/>]. Среди субстантивно-субстантивных словосочетаний встречаются предложные (с предлогами) и беспредложные (без предлогов) сочетания терминов.

К бинарным словосочетаниям примыкают аппозитивные наименования, которые классифицируются исследователями как промежуточное звено между сложными словами и словосочетаниями [5, с. 57]. Например, демпинг-фактор – характеристика усилителя [<http://www.soundrent.com.ua/>], контент-провайдер – юридическое или физическое лицо, производящее определенный тип содержания для последующего распространения среди аудитории [<http://evartist.narod.ru/>].

Широко употребляются в терминологиях и многословные термины: трехкомпонентные, четырехкомпонентные, пяти и шестикомпонентные. Например, оснащенные микрочипом контактные линзы в контексте *"Ученый Вашингтонского университета Бабак Парвиз (Babak Parviz) создал **оснащенные микрочипом контактные линзы** с беспроводным питанием, которые идеально подойдут для поставленной нами задачи"* ("Т₃", № 2, 2010; с. 86); датчик давления в шинах в контексте *"Раздельный климат-контроль, датчик дождя, система автоматического включения фар, **датчик давления в шинах**"* ("Т₃", № 2, 2010; с. 30); *100-миллиметровый мидбасовый динамик* в контексте *"В корпусах округлой формы **размещены 100-миллиметровый мидбасовый динамик** с полипропиленовым диффузором с керамическим напылением и 25-миллиметровый твитер с титановым куполом"* (What Hi-Fi?, №10, 2011; с. 94) и др.

Таким образом, можно сделать вывод, что специальная лексика составляет центральную часть языка журнальной рекламы. Лексические новообразования в языке журнальной рекламы оказывают заметное влияние на моделирование производных единиц и являются источником пополнения специальной лексики языка журнальной рекламы новыми продуктивными деривационными элементами: компонентами сложных слов, производящими основами, составными терминами. Наиболее продуктивным способом терминообразования остается суффиксация, хотя и словосложение (основосложение) не менее популярно. Синтаксический способ терминообразования тяготеет к аббревиации уже существующих и создаваемых специальных лексических единиц языка журнальной рекламы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авербух К. Я. Общая теория термина / К. Я. Авербух. – Иваново: Изд. Центр "Юнона", 2004. – 252 с.
2. Головин Б. Н. Лингвистические основы учения о терминах: уч. пособие / Б. Н. Головин, Р. Ю. Кобрин. – М.: Высш. шк., 1987. – 104 с.

3. Гринев-Гриневиц С. В. Терминоведение / С. В. Гринев-Гриневиц. – М.: Изд. центр "Академия", 2008. – 304 с.
4. Даниленко В. П. Актуальные направления лингвистического исследования русской терминологии / В. П. Даниленко // Современные проблемы русской терминологии. – М., 1986. – С. 5–24.
5. Карпинская Е. В. Тенденции формирования наименований орудий производства / Е. В. Карпинская // Современные проблемы русской терминологии. – М., 1986. – С. 52–63.
6. Ким Л. А. Черты аналитизма в терминосистемах русского языка / Л. А. Ким, Т. С. Пристайко. – Д.: Пороги, 2008. – 147 с.
7. Лейчик В. М. Общая типология и многоаспектные классификации специальной лексики / В. М. Лейчик // Терминология и знание. – М.: Ин-т русс. языка им. В. В. Виноградова РАН. 2009. – С. 28–48.
8. Пристайко Т. С. Очерки по русской терминологии экономики и права: монография / Т. С. Пристайко, Е. А. Конопелькина, Э. В. Неженец; под общ. ред. проф. Т. С. Пристайко. – Д.: Нова ідеологія, 2011. – 304 с.

УДК 811.161.1'373.21

Юлия Костянюк
(Одесса)

СОСТАВ, СТРУКТУРА И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ТОПОНИМОВ В "ИСТОРИИ ПУГАЧЕВА" А.С.ПУШКИНА

У статті представлено дослідження особливостей функціонування топонімів у науково-історичному творі "Історія Пугачова". Визначено склад і структуру топонімів у творі, створення елементів художності за допомогою різноманітних топонімацій.

Ключові слова: топонім, види топонімацій, топонімічна перифраза, топонімічна парадигма, художність.

In article research of features of functioning of toponyms is presented in the scientific and historical composition "The History of Pugachev". It is defined structure and structure of toponyms in this work, creation of elements of artistry by various toponomination.

Key words: toponym, types of a toponomination, toponymic periphrasis, toponymic paradigm, artistry.

Географические названия, их история, проблема возникновения, этимология и другие вопросы интересов ученых еще в древности, но научная разработка этих вопросов – достижение науки XX века. Топонимика исследует значение, происхождение, структуру топонимов, их функционирование, распространение, развитие и изменение во времени (А.В. Суперанская, В.А. Никонов, Е.С. Отин, Н.В. Подольская, Г.П. Смолицкая, М.В. Горбаневский, А.И. Матвеев, В.П. Нерознак, и др.). Как и другие собственные имена, топонимы являются неотъемлемой частью языка и культуры, в них отражены историческое, экономическое и политическое развитие страны и народа. В конце XX – нач. XXI в.в. появляется всё больше работ, анализирующих роль имен собственных в художественных произведениях (Михайлов В.Н., Карпенко Ю.А., Мотыгин С.Ю., Никольский А.А., Девятайкин Г. Л, Фоякова О.И.).

"История Пугачева", как и "История Петра I", занимает особое место в творчестве А.С. Пушкина. Ученые характеризуют эти произведения как научно-исторические исследования. В то же время это произведения, написанные художником слова, поэтом. А.С. Пушкин осознавал специфику этой ситуации и в одном из писем высказался о ней вполне определенно: "История народа принадлежит поэту" (Письма; 113, Н.И. Гнедичу, IX, 126).

Актуальность темы данной статьи определяется необходимостью изучить роль топонимии в "Истории Пугачева" для жанрово-стилистической характеристики данного произведения.

В задачи статьи входит:

- 1) определить состав и структуру топонимов в "Истории Пугачева";
- 2) выявить особенности их функционирования;
- 3) определить наличие/отсутствие художественности в данном произведении.

Вопросы отечественной истории представлены во многих художественных произведениях Пушкина: изображение Древней Руси – в "Песни о вещем Олеге"; в "Вадиме", в сказках; Русь крепостная – в "Борисе Годунове"; восстание Степана Разина – в песнях о нём; великие деяния Петра в "Медном всаднике", в "Полтаве", в "Арапе Петра Великого"; восстание Пугачёва – в "Капитанской дочке"; убийство Павла I, правление

Александра I, война 1812 г., история декабризма – в целом ряде стихотворений, эпиграмм, в последней главе "Евгения Онегина". В 1831 – 1832 гг. А.С.Пушкин как историк занимался исследованием эпохи Петра I. А в 1833 – 1834 гг. центре его внимания находилась Крестьянская война под предводительством Емельяна Ивановича Пугачёва. "История Пугачёвского бунта" основана на материалах русской и иностранной литературы, документальных источников, мемуаров, фольклора. Пушкин разыскивал людей, помнивших события Пугачёвского движения, записывал их воспоминания; использовал рассказы И.А. Крылова и И.И. Дмитриева, предания Н. Свечина, воспоминания Д.О. Баранова.

Но в связи с тем, что точных исторических данных о восстании не было, А.С. Пушкин отправляется в 1833 году в путешествие и посещает Симбирск, Казань, Оренбург, Уральск, Яицкий городок, слободу Берду, Озерное. Ему необходимо было увидеть крепости, места, где происходили бои и записать свидетельства людей, понять их настроение, чувства, чтобы затем передать картину мира той страшной эпохи. Н.В.Измайлов справедливо отмечает, что "Пушкин при составлении своей "Истории" проявил огромную настойчивость и мастерство в архивных изысканиях, столь трудных в ту эпоху и особенно для избранной им темы. Он как архивист-историк предстает перед нами таким же удивительным и ярким явлением, каким он был во всех областях своего многогранного творчества" [4, с. 454].

О роли топонимов в исследуемом произведении свидетельствует их количество: на 208 страницах представлено 225 единиц и 692 – их использования. И это нетрудно понять: ведь исторические события происходят на определенном пространстве, они определенным образом локализованы.

В зависимости от специфики обозначаемых объектов А.С. Пушкин использует в "Истории Пугачева" топонимы различных видов и классов, что свидетельствует о большом охвате территории, которая была объята народным бунтом. Это как большие губернии и города, так и маленькие села, хутора, реки, притоки рек. В исследуемом произведении используются, хоронимы: *Европа (1)¹, Сибирь (6), Баширия(4), Оренбургская губерния (4)* и др.; астионимы: *Москва (23), Петербург (13), Казань (40), Оренбург (66), Царицын (9), Нижний-Новгород (3), Уральск (1), Яицкий городок (31), Илецкий городок (9)*; ойконимы: *село Малыковка (2), деревня Юзеева (2), Бугульчанская пристань (1), хутор Кожевникова (1)*; гидронимы: *Яик(19),*

Каспийское море (4), Старица (2), Урал (1),Сыр-Дарья (1); оронимы: *Уральские горы (4), Шарная гора (2), Соколова гора (1)*; дримонимы: *урочище Коловратное (1), Муромские леса(1)*; дромонимы: *Московская дорога (1), Челябинская дорога (1), сообщение Нижнего с Казанью (1)*; агроонимы: *Арское поле (3)*; урбанонимы: *Оренбургский острог (1), Авзяно-Петровские заводы (1)*; экклезионимы: *Георгиевская церковь (1), Благовещенский собор (1)* и др.

Топонимы, используемые в тексте, разнородны по способу образования. Здесь есть топонимы, образованные а) от фамилий, личных имен и прозвищ: *Черкасск* – владение князя

¹ В скобках указываем количество употреблений каждого топонима.

Черкаського [7, с. 484]; *деревня Zubovka* – названа по фамилии генерала русской армии Зубова [7, с. 198]; *Киев* – от древнерусского личного имени *Кий* [7, с. 226]; *Екатеринбург* – назван в честь жены императора Петра I Екатерины Алексеевны [7, с. 181]; *Петербург* – назван в честь святого покровителя императора Петра – апостола Петра [7, с. 386]; *село Чесноковка* – название от прозвищного имени Чеснок [7, с. 316]; *деревня Жукова* – от распространенного прозвищного имени Жук [7, с. 188]; б) обусловленные физико-географическими особенностями местности: *Илецкая защита* – от гидронима Илек [7, с. 411]; *Сорочинская крепость* – от названия речек Сорока (Сороки) и Сорочка [7, с. 412]; *Яицкий городок* – от гидронима Яик [7, с. 458]; *город Уфа* – возник на реке Белая при впадении в нее реки Уфы [7, с. 466]; *крепость Магнитная* – возникла у горы Магнитной [7, с. 279]; в) по названию народности, населяющей данную местность: *Сибирь* – слово *сибир* (*шибир*) было этническим названием, относившимся к какой-то группе финно-угорских народов (вероятно, хантыйцев или мансийцев), проживавших на юго-западе Сибири [7, с. 403]; *Башкирия* – русское название образовано от русского названия башкирского народа – *башкиры* [7, с. 98]; *Каспийское море* от этнонима *каспи* – название народа, жившего в то время на юго-западе побережья моря [7, с. 221]; г) по внешнему виду, по сходству с какими-либо другими предметами: *Ай* – название от башкирского *ай* 'луна', т. е. 'светлая', 'светлая, как луна' [7, с. 71]; *Усихина Россошь* – название из *россошь* – 'рассоха, развилка реки'. Город находится в месте, где река Черная Калитва принимает приток, а при движении вверх по течению здесь создается впечатление раздвоения русла, образования рассохи [7, с. 378]; д) по признаку, наиболее ясно характеризующему место: *Бендеры* – от молдавского *бендер* – 'порт', что отражало расположение города на Днестре и его торговые функции [7, с. 105]; *Саратов* – название связано с его положением на высоком правом берегу Волги, в окружении гор, наиболее заметная из которых отличалась желтизной своих склонов, *Сарытау* – 'желтая гора' (тюрк, *сары* 'желтый', *тау* 'гора') [7, с. 388]; *Красный Яр* – определение в названии урочища Красный Яр путешественник XVIII в. связывает с красноватым цветом береговых обнажений, "красный яр" (тюрк. *кызыл* "красный", *джар* "яр") [7, с. 253]; е) по названию промысла, когда-то развитого в здешних местах: *Монетный двор* – предприятие по чеканке монет, изготовлению орденов, медалей и других государственных металлических знаков отличия [7, с. 295]; ж) по названиям деревьев и типу зеленого массива данной местности: *Дубовка* – название связывают с соседством дубовой рощи [7, с. 178].

Важной топонимической особенностью является способность переноса названия одного объекта на другой, т.е. процесс трансонимизации. Так происходит перенос названия водного или иного объекта ландшафта на расположенный на нем или вблизи него населённый пункт, завод. Например, название *Кизильская крепость* происходит от реки Большой Кизил, *завод Ижевский* – на реке Иж, село *Малыковка* – основано при впадении в Волгу реки Малыковки, город *Кострома* основан на Волге, при впадении в нее реки Костромы, город *Пенза* – на реке Пенза, город *Оса* – на реке Оса, город *Уфа* – на реке Уфа, *Чебаркульская крепость* – основана на озере Чебаркуль.

По структуре топонимы в "Истории Пугачева" можно охарактеризовать как состоящие из одного слова (*Болото, Потемкинская, Варламово, Сибирь, Европа, Башкирия, Польша, Китай, Россия, Русь, Турция, Персия, Рассыпная, Татищева*) и из нескольких, представляющих собой словосочетания (улица *Замочная Решетка*, станция *Нижняя Чирская*, село *Сухая Река*, урочище *Черный Яр*, город *Красный Яр*, слобода *Усихина Россошь*). Такие структурные разновидности топонимов широко представлены в русском языке. Наблюдая их функционирование в тексте, мы видим, что некоторые словосочетания употребляются как в полной, так и в сокращенной форме (как однословные). Это обусловлено общеязыковым законом экономии речевых усилий. Например: *Оренбургская губерния*(4) – *Оренбургская* (1), *Татищева крепость*(1) – *Татищева* (18), *крепость Рассыпная* (2) – *Рассыпная* (3), *Троицкая крепость* (1) – *Троицкая* (4), *Верхо-Яицкая крепость*(4) – *Верхо-Яицкая* (1) и т.д. "*Кар меж тем прибыл на границу Оренбургской*

губернии" [8, с. 182]. "*Билов занял Татищеву крепость и двинулся было на Озерную...*" [8, с. 164]. "*На другой день Пугачев выступил и пошел на Татищеву*" [8, с. 166]. "*Пугачев, ... взяв с собою всех шлепких казаков и городские пушки, пошел на крепость Рассыпную*" [8, с. 162]. "*Из Рассыпной Пугачев пошел на Нижне-Озерную*" [8, с. 164]. "*У польских конфедератов, содержащихся в Оренбурге, отобрать оружие и отправить их в Троицкую крепость под строжайшим присмотром*" [8, с. 167]. "*Михельсон, нашед сии известия сообразными с своими предположениями, вышел из гор и пошел на Троицкую...*" [8, с. 228]. "*Комендант Верхо-Яицкой крепости, полковник Ступишин, пошел в Башкирию...*" [8, с. 224]. "*Декалонг спешил к Верхо-Яицкой*" [8, с. 226].

По сфере функционирования топонимов можно выделить официальные и неофициальные названия. В исследуемом тексте преобладают официальные географические названия, так как именно они способствуют полному и всестороннему воплощению авторской идеи. Среди неофициальных отметим старые названия – такие, что когда-то были официальными, но потом были заменены другими, однако продолжают использоваться в речи – *Цареград* (древнерусское название города Константинополя, ныне Стамбул), *Хвалынское море* (древнерусское название Каспийского моря), *Малыковка* (хотя в 1780 г. село преобразовано в город с названием *Волгск* по реке Волга. Этот труднопроизносимый ойконим с четырьмя согласными в конце слова постепенно трансформировался в середине XIX в. в *Вольск*, и позже используется – только *Вольск*) [7, с. 146]; *Дмитриевск* (в 1697 г. напротив деревни на правом берегу Камышинки построено укрепление *Петр-город*, оно же крепость *Петровская*; тогда же сюда переведен Дмитриевский полк, и уже в документе 1699 г. упоминается город *Дмитриевск*. Однако в связи с тем, что от имени Дмитрий уже были образованы названия нескольких городов России, этот город тогда же был переименован в *Камышин*) [7, с. 214 – 215]. "... *потом был в Цареграде и тайно находился в русском войске во время последней турецкой войны...*" [8, с. 158]. "*На сей-то реке, в пятнадцатом столетии явились донские казаки, разъезжавшие по Хвалынскому морю*" [8, с. 146].

Особенно замечательно то, что А.С.Пушкин в ткани произведения сам указывает параллельные именованья ряда населенных пунктов и их мотивацию. Этот параметр презентации Л.Н.Гукова и Л.Ф.Фомина называют номинативно-интерпретирующей характеристикой топонимов [3, с. 14]. "...*он скрылся вместе с Денисом Пьяновым и был пойман уже в селе Малыковке (что ныне Волгск) по указанию крестьянина, ехавшего с ним одною дорогою*" [8, с. 156]. "*13 августа Пугачев приблизился к Дмитриевску (Камышенке)*" [8, с. 257].

В произведении "История Пугачева" есть топонимы, которые упоминаются лишь однажды – *Сызрань (1), Мензелинск (1), Гурьев(1), Кострома (1), урочище Маяк (1), Юрзень (1)*; другие же повторяются несколько раз: *село Царицын (2), Хива (3), Турция (4), Сибирь (6), Польша (7), Россия(8)*, а некоторые – чрезвычайно много раз: *Оренбург (66), Казань (40), Яицкий городок (31), Москва (23), Волга(20), Уфа (20), Яик (19), Татищева(18), Петербург (13)*. Такая количественная дифференциация наблюдается потому, что именно те топообъекты, имена которых употребляются много раз, были очагом и сосредоточением разрушительных действий Е.Пугачева, а также это центры правления, власти, о захвате которых мечтал Е.Пугачев. Особенность этих топонимов – это историко-географический характер, который позволяет автору достоверно описать масштаб и географию реальных исторических событий, ведь целью А.С.Пушкина было создать документально точную картину края. А.С.Пушкин в письме А.Н.Мордвинову указывал, что "большая часть действия происходит в Оренбурге и Казани, и вот почему хотелось бы мне посетить обе сии губернии" [Письма; А.Н.Мордвинову, X, 435 – 436].

Насыщенность "Истории Пугачева", топонимами обусловлена тем, что с топонимами в текст вводится категория исторического времени и событийности. Чем больше указаний и характеристик места действий, тем достовернее, ярче и образнее передается картина времени и событий. Именно в топонимах закодирована смысловая и символическая информация, они несут и передают наслоившиеся сквозь времена смыслы и оттенки.

Это стремление к достоверности выражается и в том, что А.С.Пушкин повествует не только о событиях, но и об истории топонимаций. Он рассказывает, как возникали географические названия, упоминаемые, им в произведении, почему они менялись, какова цель некоторых геономинаций, используемых персонажами в произведении [3, с. 14]. "*Слобода Сеитовская (она же Каргалинская), часто упоминаемая в сей Истории, находится в 20 верстах от Берды... Названа по имени казанского татарина Сеита-Хаялина, первого явившегося в оренбургскую канцелярию с просьбой об отводе земель под селение*" [8, с. 320]. Или, например шутливое обыгрывание названий "*Они в шутку называли Бердскую слободу – Москвою, деревню Каргале – Петербургом, а Сакмарский городок – Киевом*" [8, с. 304]. Таким образом, в произведении "История Пугачева", существенное функциональное назначение отведено топонимам, которые репрезентируют не только историю, но также авторскую личную модальность.

Пушкин подходил к прошлому своего отечества не как простой собиратель фактов или их истолкователь, а как художник и поэт. Он стремился понять народную жизнь, отразить изменение судьбы страны и народа на протяжении веков. А.С. Пушкин предпочитал вводить документы в "Историю Пугачёва" в собственной, авторской, переработке, подвергая их текст идейной, смысловой, языковой и стилистической отделке. Он руководствовался задачами научной достоверности и художественной выразительности своего повествования при сохранении характерных и колоритных особенностей языка и стиля того времени [6, с. 188]. "Приложения", которые составляют больше половины всего объема "Истории Пугачева", характеризуются художественностью, так как в них автор выразил тенденции, личные умозаключения историков, мемуаристов, очевидцев событий. Пушкин дополняет и изменяет рассказы источников в соответствии со своим пониманием. И в своем письме И.И.Дмитриеву А.С.Пушкин будто невзначай указывает: "его побранивают (исторический отрывок), и поделом: я писал его для себя <...> и старался только об одном ясном изложении происшествий довольно запутанных. Читатели любят анекдоты, черты местности и проч., а я все это отбросил в примечания" [Письма; И.И.Дмитриеву, X, 528].

В.В.Виноградов указал важную особенность стиля Пушкина: "он воспроизводит стиль эпохи общим "семантическим колоритом" изображения, поэтому в стиле исторических стихотворений, поэм, драм, романов и повестей можно указать множество мнимых стилистических противоречий" [1, с. 520].

А.А.Карпов выделяет художественные достоинства "Истории Пугачева", которые "усматривались в лаконичном и выразительном слого, в яркости отдельных деталей и сцен. Художественное начало проявляется и в подходе автора "Истории Пугачева" к отбору источников, и в методах их исторической критики, и в способах их использования в тексте" [5, с. 51].

Наш материал также свидетельствует о наличии элементов художественности в данном научно-историческом произведении. Все, что пишет автор-художник, пропущено сквозь призму его души; и все его творения несут на себе этот отпечаток. Художественность "Истории Пугачева" обнаруживается, кроме отмеченного исследователями ранее, и в том, что автор вводит в текст элементы прямой речи с топонимами в экспрессивных сочетаниях: "*То ли еще будет! – говорили прощенные мятежники, – так ли мы тряхнем Москвою*" [8, с. 154]. "*Богу было угодно, – сказал он, – наказать Россию через мое окаянство*" [8, с. 261]. "*Так, государь, я донской казак, Зимовейской станицы, Емелька Пугачев*" [8, с. 266].

В произведении "История Пугачева", как мы уже отмечали, есть нарративы о топонимах. Особенно много внимания уделено гидрониму *Яик*, который был переименован в *Урал*. "*Яик, по указу Екатерины II переименованный в Урал, выходит из гор, давших ему нынешнее его название; течет к югу вдоль их цепи, до того места, где некогда положено было основание Оренбургу и где теперь находится Орская крепость; тут, разделив каменистый хребет их, поворачивает на запад и, протекиши более двух тысяч пятисот верст, впадает в Каспийское море*" [8, с.146]. "*Он орошает часть Башкирии, составляет почти всю юго-восточную границу Оренбургской губернии; справа примыкают к нему*

заволжские степи..." [8, с. 146]. *"На сей-то реке, в пятнадцатом столетии, явились донские казаки, разъезжавшие по Хвалынскому морю"* [8, с. 146].

Признаком художественности является и то, что топонимы в произведении употребляются в парадигмах, напр.: река Урал и в то же время в тексте используется ее прежнее название Яик, село Волгск – Малыковка, Гурьев, Уральск – Яицкий городок, Камышенка – Дмитриевск, Потемкинская – Зимовейская станица. *"Генерал-майор Траубенберг, присланный для того в Яицкий городок, навлек на себя народное негодование"* [8, с. 152]. *"Пугачев начал опять их уговаривать идти к Гурьеву городку"* [8, с. 261]. *"...наконец они избрали себе постоянным пребыванием урочище Коловатное в шестидесяти верстах от нынешнего Уральска"* [8, с.147].

Наряду с первичными геономинациями употребляются топонимические перифразы: Китай – *"прежнее отечество"*, Яик – *"первый свидетель возмущений"*, Яицкий городок – *"богатые родимые берега"*, *"гнездо бунта"*, Казань – *"унывший город"*, Илецкий городок и крепости Озерная и Рассыпная – *"свидетели первых успехов Пугачева"*, Казань – *"край, где снова разгорался пожар"*, *"край, где усиливалось бедствие и опасность"*, Москва – *"старая столица"*, губернии Нижегородская, Воронежская и Астраханская – *"обширный край"*. *"Но яицкие заговорщики слишком были привязаны к своим богатым родимым берегам"* [8, с. 157]. *"Когда же государыня узнала о взятии Казани и о перенесении бунта за Волгу, тогда она уже думала сама ехать в край, где усиливалось бедствие и опасность, и лично предводительствовать войском"* [8, с. 249].

Таким образом, можно сделать вывод, что главное назначение топонимов в "Истории Пугачева" заключается в том, чтобы достоверно передать историческое прошлое России, показать масштаб военных действий. Но их функционирование, особая презентация их А.С.Пушкиным, великим мастером слова, обогащают текст художественностью и способствуют введению эмоциональных компонентов в идейное содержание произведения.

Наши наблюдения подтверждают высказывание Е.Л.Гинзбург о том, что "вне художественного текста топоним просто указывает на ту часть пространства, которая в процессе номинации выделяется как неповторимая... В составе художественного текста топоним – это еще (и прежде всего) имя исторического объекта, не способного существовать безотносительно к памяти о прошлом и к прогнозам на будущее" [2, с. 72]. Кроме того, топонимы, организованные мыслью мастера и пропущенные через призму его души, и в научном произведении отражают его художественное мировосприятие.

ЛИТЕРАТУРА

1. Виноградов В. В. Стиль Пушкина / В.В.Виноградов. – М.: Гос. изд-во худож. лит., 1941. – 620 с.
2. Гинзбург Е.Л. Из заметок по топонимике Достоевского / Е.Л.Гинзбург // Слово Достоевского: Сборник статей. – М.: Институт русского языка, 1996. С. 72 – 109.
3. Гукова Л.Н., Фомина Л.Ф. Многоаспектная характеристика топонимов в творческом наследии А.С. Пушкина: Словарь / Л.Н. Гукова, Л.Ф. Фомина. – Одесса: Астропринт, 2008. – 392 с.
4. Измайлов Н. В. Об архивных материалах Пушкина для "Истории Пугачева" // Пушкин: Исследования и материалы / Н.В. Измайлов / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – Т. 3. – С. 438 – 454.
5. Карпов А. А. Пушкин-художник в "Истории Пугачева" // Пушкин: Исследования и материалы / А.А. Карпов / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1978. – Т. 8. – С. 51 – 61.
6. Овчинников Р.В. Пушкин в работе над архивными документами ("История Пугачёва") / Р.В. Овчинников. – Л.: Наука, 1969. – 274 с.
7. Поспелов Е.М. Географические названия России: топонимический словарь: более 4000 единиц / Е.М. Поспелов. – М.: АСТ: Астрель, 2008. – 523 с.
8. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 10-ти т. / А.С. Пушкин. – Т. 8. – М: Изд-во АН СССР, 1962 – 1966. – 580 с.

**СПЕЦИФИКА КОРРЕЛЯЦИИ ЗНАЧЕНИЙ "МИРА ТЕКСТА"
И СМЫСЛОВ "МИРА ДИСКУРСА"**

Комунікація як демонстрація значень передбачає інтерпретацію семантики тексту з урахуванням творчої ролі мовця і слухача. Онтологія мовленнєвих висловлювань не "зовнішній" по відношенню до суб'єкта "реальний світ", а його концептуальна схема, актуалізована в комунікації. Мовленнєві висловлювання як знаки володіють подвійною сигніфікацією (предметним та знаковим значенням). Мова – це не замкнена система "готових" знаків, а система для породження нескінченної кількості знаків.

Ключові слова: мовленнєві висловлювання, значення, смисл, концептуальна схема, текст, дискурс..

Communication as a demonstration of meanings involves the interpretation of text semantics with the creative role of both a speaker and a listener. Ontology of language expressions is not "external" to the "real world" of a subject, but the conceptual framework, actualized in communication. Linguistic expressions as signs have a double signification (substantive and symbolic meanings). Language is not the closed system of "ready-to-use" signs, but the system to generate an infinite number of digits.

Key words: linguistic expression, the meaning, the sense, the conceptual scheme, text, discourse.

Современные подходы к пониманию коммуникации как смысловому взаимодействию, погруженному в социально-культурные условия, существенно изменяют традиционное отношение к специфике текстов, созданных в рамках различных институциональных дискурсов. Любой дискурс порождает текст – конкретный материальный объект, отображающий специфику взаимодействия людей при создании информационной среды в той или иной сфере деятельности. Иницирует же процесс общения не стремление человека передать информацию, те или иные сведения о внешней по отношению к нему реальности, а стремление сделать свои интенциональные состояния не только понятными другому, но в подавляющем большинстве случаев разделенными, принятыми другими людьми.

По мнению М.Л. Макарова, при таком подходе коммуникация происходит вовсе не как трансляция информации и манифестация намерений, но как демонстрация смыслов, кстати, и не обязательно предназначенных для распознавания и интерпретации адресатом: "... следовательно, пока человек находится в ситуации общения и может быть наблюдаем другим человеком, он демонстрирует смыслы, хочет он этого или нет. При этом важную роль играет активность воспринимающего Другого: без соучастия коммуникантов в едином процессе демонстрации смыслов не могло бы быть ни общения, ни совместной деятельности. Можно добавить, что эта интерпретация смыслов происходит в процессе постоянных "переговоров", гибкой диалектики коллективного осмысления социальной действительности" [7, с. 38 – 39].

Таким образом, в настоящее время акцент ставится на созидающей, творческой роли не только говорящего, но и слушающего: "Значение выражения не может быть сведено к объективной характеристике ситуации, описываемой высказыванием: не менее важным является ракурс, выбираемый "концептуализатором" (т.е., говорящим – Г.М.) при рассмотрении ситуации и для ее выразительного портретирования [6, с. 73]. Также считается, в соответствии с главным положением теории релевантности о предопределенности значения формой высказывания, что "полный потенциал значений языкового выражения

реализуется только при его интерпретации слушающим" [6, с. 23]. В этой связи полная семантическая характеристика языкового выражения устанавливается на основе таких факторов, как уровень конкретности представления и восприятия ситуации, фоновые предположения и ожидания участников коммуникации, относительная выделенность конкретных языковых единиц, выбор точки зрения на описываемую сцену. Созидательная роль говорящего и слушающего как участников коммуникации не укладывается в прокрустово ложе традиционного определения синтактики, семантики и прагматики, поскольку сам "выбор" пропозиционального содержания и "ракурс" представления описываемой ситуации суть не что иное, как отношение пользователя к знаку, с одной стороны, и отношение пользователя знака к миру реальности, или онтологии, никак не отраженное при семиотическом выделении трех составляющих, с другой стороны.

То, что выступает онтологией для языкового выражения, в семантических работах традиционного направления определяется в качестве "мира дискурса": "Денотативный слой значения, или денотативное значение, или просто денотат языкового выражения, – это передаваемая им информация о внеязыковой действительности, о том реальном или воображаемом мире, о котором идет речь. Чтобы каждый раз не делать оговорку о реальности / ирреальности мира, с которым соотносится языковое выражение, используется нейтральный в этом отношении термин мир дискурса" [5, с. 58]. Здесь, на наш взгляд, необходим комментарий. Прежде всего следует отметить очевидную языковую (а может, не только языковую?) погрешность: прилагательное ирреальный означает "нереальный, не существующий в действительности" [11, с. 248], соответственно, "внеязыковая действительность" в данном определении редуцируется до "реального мира", который и составляет онтологию так понимаемого "мира дискурса", что подтверждается последующим анализом сакраментального предложения Нынешний король Франции лыс: "Итак, мы вынуждены признать, что предложение (3) применительно к действительному миру не может быть оценено ни как истинное, ни как ложное, а значит, оно лишено смысла, и в силу этого аномально. Причиной этого является то, что в нем некоторое свойство приписано, или предцировано несуществующему объекту. Если в мире дискурса не существует некоторого объекта, то в этом мире нет смысла обсуждать свойства данного объекта" [5, с. 202 – 203].

Между тем, как подчеркивает К.А. Переверзев: "Лингвистике должны быть малоинтересны данные "беспристрастной" действительности: она рассматривает мир в модальности субъекта. Онтологией языка является не то, что обретается "за окном", а то, что конструируется (концептуализируется) языком – а также, при участии языка, его носителями и нами, лингвистами, – в этом законном пространстве" [9, с. 26]. При таком подходе, т.е. когда онтологией языкового выражения выступает картина мира, реального или воображаемого, созданная говорящим и интерпретируемая слушающим, т.е. "мир дискурса", снимается характерное для логической семантики отождествление значения языкового выражения с той внеязыковой сущностью, которую оно обозначает: "В естественном языке экстралингвистическая реальность представляет собою мир, взятый в интерпретации его людьми, вместе с их отношениями друг к другу, и в этом смысле "онтология" явлений, как она представлена естественным языком, определяется тем, как люди, использующие язык, концептуализируют внеязыковую действительность; с другой стороны, любые речевые хитросплетения возможны лишь на фоне некоторого заданного способа языковой концептуализации мира" [3, с. 7].

При этом надо учитывать, что в отличие от других идеальных форм, знаки представляют двухуровневое образование с двойной сигнификацией (обладают предметным и знаковым значениями). Принципиальное же отличие языка от других знаковых систем заключается, на наш взгляд, в том, что это не закрытая система "готовых" знаков, но система для порождения потенциально бесконечного количества знаков. Язык можно рассматривать как систему эмпирических объектов, предназначенную и только предназначенную для реализации знаковой функции на основе комбинирования своих элементов. Вне знаковой функции языковые выражения перестают существовать как идеальные формы, практически

полностью теряя свое предметное значение (мы все-таки способны отличить один бессмысленный комплекс от другого).

Как и любое значение, значение языкового выражения как означаемое не находится "внутри" него: "Значение – факт сознания. ... При сообщении значений, строго говоря, не происходит их передачи: знаки нельзя считать носителями значений в том смысле, что значения не заключены в них. <>... знаки не несут и не передают значения (это метафоры) от одного человека другому, а индуцируют тождественные или сходные значения (по Ч.С. Пирсу, интерпретанты – Г.М.), возбуждают аналогичные информационные процессы в двух сознаниях" [8, с. 16]. Общение – это двусторонний процесс порождения и понимания речи как области взаимодействия. Ср.: по М.М. Бахтину, понимание текста "есть правильное отражение отражения. Через чужое отражение к отраженному объекту" [2, с. 484]. Однако речевое общение – это не просто апелляция к определенным конфигурациям смыслов, но прежде всего порождение мыслей как действий. В таком случае можно утверждать, что если слово – апелляция к смыслу (знанию как определенному результату "прошлых" мыслей), то коммуникативная единица языка – это апелляция к мысли (непосредственно протекающему процессу движения знаний и представлений о мире). Различные типы предложений и других синтаксических конструкций, укорененные в языковой системе, – это своеобразные инструкции по порождению типов мыслей. Соответственно, отмечает Э. Левинас: "Сущностью языка в таком случае оказывается "отношение к Другому" и оно не приклеивается к "внутреннему монологу", как адрес на посылку или этикетка на готовое изделие, но сущностно включает себя "радостное приятие бытия, отраженное на нашем лице, этическое событие социальной реальности". Эти моменты изнутри управляют дискурсом" [Цит. по: 10, с. 80]. Надо отметить, что позиции Э. Левинаса во многом предвосхитили установки современной когнитивной лингвистики, в соответствии с которыми язык не считается отдельным модулем психологической структуры индивида, так как он предстает как средство апелляции к другим когнитивным системам и интегрирован в них. Язык, скорее, когнитивный инструмент, система обозначений, использующихся в репрезентации ментальных презентаций и в видоизменении структур знаний: "Значения приравняются концептуализации, т.е. эксплицируются как когнитивная переработка. ... Лингвистическая семантика в концепции К.Г. имеет энциклопедический характер, так как лингвистические выражения значимы не сами по себе, а в силу того, что они обеспечивают доступ к различным структурам знаний, которые и позволяют "обнаруживать" смысл высказывания" [6, с. 50].

Необходимо подчеркнуть, что под "значением" здесь имеется в виду знаковое значение языковых выражений, благодаря которому осуществляется "указание". Структуры знаний, к которым обеспечивается таким образом "доступ", и есть означаемое языкового выражения как знака. Знаковое значение языкового выражения кодифицировано в "направлении совпадения" как общепринятой апелляции к определенной области смыслов концептуальной схемы, а также в плане формирования определенного типа мысли как движения и столкновения смыслов. Оно указывает на те смыслы, которые традиционно актуализируются в коммуникации, тем самым закрепляясь за ними (ср., выражение "стоит за словом"), "растворяясь" в них. Это "ближняя", наиболее частотная и актуализированная зона смыслов, так называемое ближайшее значение мыслительного содержания, по А.А. Потемне.

Как отмечает И.К. Архипов, "... свойства носителя языка могут быть приписаны продуктам его деятельности, что, "по логике", ведет к "оживлению" системы языка – наделению ее способностями "самоорганизации" и "самостоятельного" действия" [1, с. 168]. Способность быть знаком, организовывать взаимодействие индивидов, выступать средством для изменения психологических состояний общающихся и трансформации их концептуальных схем дала основания считать, что знания, предназначенные для "передачи", должны быть концептуализированы в языковых формах, приобретая тем самым качество "информации". Таким образом, получая статус реального социально-когнитивного феномена, информация онтологизируется, а языковые выражения становятся "кусочками"

информации, которыми можно обмениваться как материальными предметами. Однако, как отмечает А.А. Залевская, "... тело текста, взятое само по себе, без означивающего его человека, не содержит никакой-либо внутренней энергии, не может самоорганизовываться структурно" [4, с. 64]. Если учитывать тот факт, что в естественном процессе общения для носителя языка смысл слова сливается с его значением при актуализации того или иного фрагмента "мира дискурса", то следует принять положение, согласно которому "... исходный смысл, закладываемый в текст его автором, передается через значения используемых слов, которые дважды выступают в роли медиаторов в пятичленной связи "автор – его проекция текста – тело текста – проекция текста – читатель", при этом означивание и спонтанная интерпретация текста протекают на базе личностного опыта и связанных с ним переживаний разных людей" [4, с. 71]. В результате можно утверждать, что при онтологизации информации в тексте представлены конвенциональные значения языковых выражений, которые, по существу, образуют "мир текста", выступающий территорией взаимодействия как минимум двух человек и обеспечивающий доступ к их концептуальным структурам, определяющим "мир дискурса". Специфика "мира текста", на наш взгляд, блестяще представлена в повести А. и Б. Стругацких "Понедельник начинается в субботу" в эпизоде, когда Александр Привалов испытывал машину времени. Приведем небольшой фрагмент: *"На людей смотреть было интереснее. Я увидел здоровенных ребят в комбинезонах, ходивших в обнимку, чертыхавшихся и оравших немелодичные песни на плохие стихи. То и дело попадались какие-то люди, одетые только частично: скажем, в зеленой шляпе и красном пиджаке на голое тело (больше ничего); или в желтых ботинках и цветастом галстуке (ни штанов, ни рубашки, ни даже белья); или в изящных туфельках на босу ногу. Окружающие относились к ним спокойно, а я смущался до тех пор ... (Здесь сделаем существенную для понимания текста купюру – Г.М.). <...> Тротуар вынес меня на огромную площадь, забитую людьми и уставленную космическими кораблями самых разнообразных конструкций. Я сошел с тротуара и стащил машину. Сначала я не понимал, что происходит. Играла музыка, произносились речи, тут и там, возвышаясь над толпой, кудрявые румяные юноши, с трудом управляясь с непокорными прядями волос, непрерывно падающими на лоб, проникновенно читали стихи. Стихи были либо знакомые, либо скверные, но из глаз многочисленных слушателей обильно капали скупые мужские, горькие женские и светлые детские слезы. Суровые мужчины крепко обнимали друг друга и, шевеля желваками на скулах, хлопали друг друга по спинам. Поскольку многие были не одеты, хлопанье это напоминало аплодисменты. Два подтянутых лейтенанта с усталыми, но добрыми глазами протащили мимо меня лоценого мужчину, завернув ему руки за спину. Мужчина извивался и кричал что-то на ломаном английском. Кажется, он всех выдавал и рассказывал, как и за чьи деньги подкладывал мину в двигатель звездолета. Несколько мальчишек с томиками Шекспира, воровато озираясь, подкрадывались к дюзам ближайшего астроплана. Толпа их не замечала"* [12, с. 140 – 141].

Поскольку, по утверждению изобретателя машины времени Луи Седлового, путешествие было совершено в "описываемое будущее", как и персонажи повести, читатель, особенно любитель фантастики, без особого труда может установить, кем и в каких произведениях, а самое главное, как описывалось "будущее", каким оно представлялось в том или ином "мире текста". То, что это именно "мир текста", подтверждает сделанная нами купюра: Саша Привалов смущался до тех пор, *"пока не вспомнил, что некоторые авторы имеют обыкновение **писать** (Выделено нами – Г.М.) что-нибудь вроде "дверь отворилась, и на пороге появился стройный мускулистый человек в мохнатой кепке и темных очках"*. Писатели с иронией подчеркнули одну из особенностей текстов дискурса фантастики "ближнего прицела", как, впрочем, и некоторые другие – клише при описании места действия, стандартизированность событий (непрерывно англоязычный шпион и т.п.), штампы при передаче психологических состояний героев (варианты слез). Именно поэтому следует разграничивать "мир дискурса", предполагающий креативную деятельность говорящего и слушающего, т.е. "... то, что лежит за словом и его возможное вербальное

описание как последующий этап. На самом деле любое вербальное описание того, что лежит за словом, представляет собой выводное знание, обеспечиваемое соответствующими механизмами и построенное на базе потенциального набора активируемых в памяти репрезентаций некоторых сущностей или событий" [4, с. 67], и "мир текста", основывающийся на значениях как стереотипных конвенциях. Значения языковых выражений как апелляция к социально закрепленным конфигурациям смыслов определяют **параметры** концептуализации мира определенным социумом, но не являются собственно формируемыми концептами. Иначе говоря, знаковые значения языковых выражений устанавливают границы содержания (означаемого) концептов со-знания каждого члена данного социума, ассоциируемые с языковым знаком.

Действительно, языковой знак, сочетаясь с другими языковыми знаками, создает "мир текста" и соотносится с ситуацией своего применения, что и образует контекст. Именно в контексте происходит переориентация указания, реализованного на основе системы знаковых значений языковых выражений, на другую область концептуальной схемы как структур знаний и представлений о мире. Все это возможно, поскольку области конфигураций смыслов как знаний и представлений о мире пересекаются, имеют общие точки (т.е. "обладают" одними и теми же смыслами. Совпадение "направления совпадения", т.е. областей смыслов как структур знаний и представлений о мире у разных индивидов образует "мир дискурса" и обусловлено как биологическим единством человека, так и принадлежностью индивидов к одному социокультурному пространству.

ЛИТЕРАТУРА

1. Архипов И.К. Полифония мира, текст и одиночество познающего сознания // *Studia Linguistica Cognitiva*. Вып. 1. Язык и познание: Методологические проблемы и перспективы. – М.: Гнозис, 2006. – С. 157 – 171.
2. Бахтин М.М. Фрейдизм. Формальный метод в литературоведении. Марксизм и философия языка. Статьи. – М.: Лабиринт, 2000.
3. Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). – М.: Школа "Языки русской культуры", 1997.
4. Залевская А.А. Некоторые проблемы теории понимания текста // *Вопросы языкознания*. 2002. – № 3. – С. 62 – 73.
5. Кобозева И.М. Лингвистическая семантика. – М.: Эдиториал УРСС, 2000.
6. Краткий словарь когнитивных терминов / Под общей ред. Е.С. Кубряковой. – М.: МГУ, 1996.
7. Макаров М.Л. Основы теории дискурса. – М.: ИТДГК "Гнозис", 2003.
8. Никитин М.В. Основы лингвистической теории значения. – М.: Высш. шк., 1988.
9. Переверзев К.А. Высказывание и ситуация: об онтологическом аспекте философии языка // *Вопросы языкознания*. 1998. № 5. С. 24 – 52.
10. Портнов А.Н. Сознание, личность, язык в философии Э. Левинаса // *Философия языка и семиотика*. – Иваново, 1995. – С. 71 – 82.
11. Современный словарь иностранных слов. – М.: Рус. яз., 1993.
12. Стругацкий А., Стругацкий Б. Понедельник начинается в субботу. Сказка о Тройке. – М.: Текст, 1992.

**ЭКСПЛИКАЦИЯ СИМВОЛА "СОЛНЦЕ"
В ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ
ДЕТСКОГО РУССКОЯЗЫЧНОГО ЖУРНАЛА**

У статті аналізуються значення традиційних слов'янських символів на матеріалі поетичних текстів російськомовних дитячих журналів України.

Ключові слова: *символ, дитячий журнал, поезія.*

The article focuses on the semantics of traditional Slavic symbols on the material of poetic texts of Russian language children's magazines in Ukraine.

Key words: *symbol, a children's magazine, poetry.*

Как отмечают исследователи, за последние два десятилетия значительно увеличилась роль средств массовой коммуникации, в результате чего мы наблюдаем становление общества нового типа – информационного (см. работы Володиной М. Н., Добросклонской Т. Г., Кудрявцевой Л. А., Приходько И. Г. и др.).

Одной из целевых аудиторий, для которой создается целый спектр масс-медийной продукции, в том числе периодических изданий, является детская аудитория. По данным каталога периодических изданий Украины 2012 г., в нашей стране почти 52 % детских журналов выходит на украинском языке ("Ангелятко", "Барвінок" и др.) и около 30 % – на русском ("Веселые идейки", "В мире сказок" и др.), остальная продукция представлена изданиями на двух-трех языках (украинский и русский: "Богдан"; украинский и английский: "TEENGLISH"; украинский, русский и английский: "Познайко" / "Познайка" / "POZNAJKO" и др.).

Отметим, что взрослые создали периодику для детей с целью передачи информации от старшего младшему: знакомства с интеллектуальным, духовным, социальным опытом старших, следовательно, по тому, что предлагает взрослый ребенку в детском периодическом издании, можно судить о целях и задачах этого взрослого, его отношении к ребенку.

В рамках изучения языковой и медийной функции воздействия обратим внимание на лингвокультурологический фактор, поскольку важная роль детской публицистики в процессе формирования личности ребенка определяется ее этическим и эстетическим потенциалом, т.к. она продолжает традиции классической художественной литературы.

Воздействие текстов СМИ на реципиента во многом обусловлено использованием конструкторов, соответствующих мышлению переходного времени – символов, которые, согласно определению В. В. Колесова, становятся единицами памяти народа, так как хранят, трансформируют и передают культурологическую информацию [6, с. 25].

В работах К. Г. Юнга отмечается, что символы – устойчивые мотивы культуры и индивидуального сознания, представители коллективного сознания, формирование которого уходит корнями в филогенез. Природа символа – соединение сознательного и бессознательного, рационального и иррационального, мысли и чувства, восприятия и интуиции – обуславливает суггестию текста [8]. Изучение функционирования символов в тексте периодических изданий представляет интерес для лингвистики в связи с транслируемой ими культурной информацией: "символы наряду с метафорами и фразеологизмами – ценнейший источник сведений о культуре и менталитете народа, в них как бы законсервированы мифы, легенды, обычаи" [7, с. 4].

В результате анализа поэтических текстов, размещенных на интернет-странице русскоязычного варианта журнала "Познайка" (согласно рейтингу детских журналов, это

"лучший украинский развивающий познавательный журнал для современных детей" [http://uti-puti.com.ua/view_articles.php?id=41104.08.12]), был выявлен символ "Солнце" как наиболее частотный. Остановимся на анализе его значений.

Согласно "Словарю славянской мифологии" Грушко Е. А., Медведева Ю. М., "Солнце, месяц и звезды были первыми божествами древних славян... Как светило вечно чистое, ослепительное в своем сиянии, пробуждающее земную жизнь, солнце почиталось божеством благим, милосердным; имя его сделалось синонимом счастья..." [1]: "Колокол дремавший Разбудил поля, Улыбнулась солнцу сонная земля" [9, С. Есенин "Пасхальный благовест"]. Наиболее полно славянская символика солнца выражена в стихотворении Т. Маршаловой "Еще лето!": "В голубую реченьку Солнце окунулось, К солнышку горячему Небо потянулось. Белыми лебедками Облака поплыли, Царскими коронами Солнца блики были" [9]. В приведенных строках содержится информация мифологического и энциклопедического характера, помогающая ориентироваться в окружающем нас природном пространстве: солнце греет, находится на небе, по форме – круглое ("Покатилось солнышко Да за лес-лесок"), оно отражается в воде, его яркий свет могут закрывать облака: "Блики солнца ясного В речке растворились, Белые лебедушки В небо воротились. Покатилось солнышко Да за лес-лесок. Удержи нам ведрышко, Золотой рожок" [9].

По мнению ученых, компоненты ассоциативно-семантических полей используются в детской литературе и фольклоре для наиболее эффективного усвоения информации об окружающем мире [3, с.41]: "Отчего так много света? Отчего вдруг так тепло? Оттого, что это лето на все лето к нам пришло. Оттого и каждый день все длиннее, что ни день. Ну, а ночи, ночь от ночи все короче и короче" [И. Мазнин]. В данном случае отметим, что на языковом уровне с помощью игры слов (использование омонимов) воссоздается основной вид деятельности ребенка – игра, в процессе которой и происходит реализация основных функций детской периодики – воспитание, обучение и развлечение.

Экспликация образного восприятия сияния солнечных лучей как царской короны ("Царскими коронами Солнца блики были") транслирует информацию об особом почитании светила нашими предками. В восточнославянской культуре солнце – "символ красоты, любви, веселья. А. А. Потебня слово "хорошь" считает притяжательным от слова "хрьсь" (солнце)" [7, с. 98].

Отметим, что символика солнца раскрывается в стихотворении Т. Маршаловой с помощью образа "облаков-лебедушек": "Белыми лебедками Облака поплыли... Белые лебедушки В небо воротились". В славянских народных сказаниях "говорится о существах особой красоты и вещи силы, которые первоначально олицетворяли весенние дождевые облака, – лебединых девах", которые позже становятся обитательницами земных вод и рождаются с русалками. "Лебединым девам под силу самые трудные, сверхъестественные задачи, они заставляют подчиниться себе саму природу" [1, с. 176], в "Словаре" отмечается, что имя "лебедь", употребляемое в народной речи чаще в женском роде, "означает белая (светлая, блестящая), это значение впоследствии подкрепляется в народной поэзии постоянным эпитетом: белая лебедь" [там же].

В исследовании, посвященном трансформации значений первокорня слова "лебедь", У. А. Карпенко пишет, что лебедь – древнее славянское слово, современная форма которого развилась в результате преобразования праславянского *elbĕdъ "лебедь" – белая птица (произошла перестановка начальных звуков *el – лё). Автор доказывает происхождение от одного корня таких слов, как Эльба, альбом, олово, ольха, яблоко, апельсин, альбатрос [5, с. 76–77] – так, первокорень *elb-, (*alb-), транслирующий смысл белого цвета, трансформировался в значениях, называющих воду, реку, птиц: "первокорень транслирует первородный смысл, заложенный в момент номинации семой, актуализированной в его внутренней форме", в чем выражается константность и универсальность первокорня [5, с. 78].

Анализируя славянскую "модель мира", В. Н. Топоров и В. В. Иванов отмечают, что мир описывается системой двоичных противопоставлений (бинарных оппозиций), которые

определяют пространственные, временные, социальные и другие его характеристики: огонь – влага, верх – низ, север – юг, и т.д. [4, с. 5–15]. В исследованиях В. В. Иванова и В. Н. Топорова отмечается, что для славянской языковой картины мира характерна традиционная "положительность" первого члена оппозиции. В наблюдаемом материале выявлено переосмысление второго "отрицательного" члена оппозиции: **солнце – луна** – "В голубую реченьку солнце окунулось... Удержи нам ведрышко, Золотой рожок"; **огонь – вода** – "В голубую реченьку Солнце окунулось, К солнышку горячему Небо потянулось". В данных контекстах мелиоративность вторых компонентов "луна" и "вода" эксплицирована использованием уменьшительно-ласкательных суффиксов -ок, -еньк и фольклорным наименованием луны "золотой рожок", в котором близость, родственность, идентичность восприятия в народном сознании ночного светила и солнца выражена с помощью эпитета "золотой", часто употребляемого с лексемой "солнце". По мнению исследователей, именно деминутивам принадлежит важная роль в создании экспрессивного эффекта в детском фольклоре и литературе, т.к. ласковое отношение к ребенку распространяется на все, что его окружает [3, с. 31].

Обратим внимание на то, что символ по природе своей амбивалентен (Э. Фромм, К. Юнг), однако в проанализированных текстах эксплицируется абсолютная "положительность" символа "Солнце", что является отличительной особенностью славянского мифологического мировосприятия: "Щедрым быть и добрым к людям Я у солнышка учусь" [8, Николай Зидаров "Я и солнышко – друзья"]. Так, наблюдается обилие лексем с "положительной" семой архетипического содержания "свет" (*белый, блики, облака, ясный, лебедь, золотой*), наименование солнца титулом с атрибутом высшей власти (*царская корона*), использование уменьшительно-ласкательных форм в контекстах (*реченька, солнышко, лебедушка, лес-лесок, лучик златогривый*), с помощью которых формируется в ребенке доброжелательное отношение к окружающему миру [3, с. 31].

Таким образом, в современной лингвистике остается актуальной проблема формирования языковой личности, т.к. все, что окружает ребенка, становится содержанием его языковой личности (см. работы Ивановой Л. П., Караулова Ю. Н. и др.). Лингвокультурологический анализ поэтических текстов, представленных в русскоязычном детском журнале Украины, позволил выявить абсолютную "положительность" символа "Солнце" как его основное значение, характерное для славянской модели мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. Грушко Е. А., Медведев Ю. М. Словарь славянской мифологии. – Н. Новгород: "Русский купец", "Братья славяне", 1995. – 368 с.
2. Добросклонская Т. Г. Медиалингвистика: новая парадигма в изучении языка СМИ // Язык и дискурс средств массовой информации в XXI веке / под ред. М. Н. Володиной. – М.: Академический проект, 2011. – С. 63–71.
3. Зозуля Н. В. Роль экспрессивности русского детского фольклора в формировании языковой личности ребенка: дисс. ...канд. филол. наук / Киев, НПУ им. М. П. Драгоманова. – К., 2002. – 209 с.
4. Иванов В. В. Топоров В. Н. Славянские языковые моделирующие семиотические системы: (Древний период). – М., Наука. 1965. – 246 с.
5. Карпенко У. А. Трансформация значений первокорня слова "лебедь" // Система и структура східнослов'янських мов: зб. наук. праць / редкол.: В. І. Гончаров (відп. ред.) та ін. – К.: Видавництво НПУ ім. М. П. Драгоманова, 2012. – вип. 5. – С.74–79.
6. Колесов В. В. Язык и ментальность. – СПб.: "Петербургское Востоковедение", 2004. – 240 с.
7. Маслова В. А. Лингвокультурология : Учеб.пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М.: Издательский центр "Академия", 2001. – 208 с.
8. Самусенко О. Н. Мифопоэтические истоки суггестии в русских телевизионных текстах: дисс. ...канд. филол. наук: 10.02.02. – К., 2004. – 231 с.
9. Журнал "Познайко". [Электронный ресурс]. – Режим доступа к ресурсу: <http://posnayko.com.ua/reader/knizhnaya-polka/h>

УДК 821.161.1

Людмила Черкун
(Херсон)

ПРИЕМЫ СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКОГО ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В ИРОНИЧЕСКИХ ДЕТЕКТИВАХ Д. ДОНЦОВОЙ

У статті розглядаються основні прийоми контекстуального використання фразеологізмів у творах Д. Донцової; робиться спроба визначити, з якою стилістичною метою автор трансформує ту чи ту фразеологічну одиницю.

Ключові слова: фразеологічна одиниця, типи трансформації, контекстуальне використання, експресивність.

The article is devoted to the study of main means of contextual usage of idioms in the texts of D. Dontsova; an attempt to define the author's stylistic aim of transformation of some idioms is suggested.

Key words: phrasiological unit, types of transformation, contextual usage, expressiveness.

Фразеологізми – одно из выразительных средств литературного языка. Использование фразеологизмов в речи, как правило, носит функционально целенаправленный характер. Уместное употребление фразеологических единиц повышает выразительность речи, придавая ей живой образный характер.

Отличительной чертой фразеологизмов признается устойчивый характер употребления и воспроизводимость в качестве готовых целостных единиц. Как уже отмечалось, одним из существенных признаков фразеологизмов является их образность, переносное значение компонентов как средство выразительности. Любое слово может быть средством образности, но только в определенном контексте. Фразеологизмы же – это изначально образные средства, готовые клише, вводимые в речь, чтобы придать ей выразительность, сделать ее яркой, образной, эмоциональной.

Однако со временем основное назначение фразеологизма – служить устойчивым образным средством – частично может снижать его выразительные свойства, а отсюда и стремление писателей преобразить стершийся оборот, наполнить его новым содержанием.

Цель данной статьи – проанализировать особенности употребления фразеологизмов, приемы их введения в контекст в иронических детективах Д. Донцовой.

Общеизвестно, что писатель более свободен в выборе и употреблении лексических и фразеологических средств. Выражением этой свободы является и творческое преобразование фразеологизмов в качестве средства актуализации устойчивого словосочетания или отдельных его компонентов, пародирования, построения каламбуров и т.п.

Для выражения художественно-образной информации и для создания дополнительных эмоционально-оценочных коннотаций Д. Донцова широко и мастерски использует фразеологические единицы. Причем это не только узусальное употребление фразеологизмов, как, например: *Золотце, Маргарита хорошая экономка, найти невороватую, умелую служащую трудно. Давай дадим ей шанс, не будем рубить с плеча* [3, с. 26].

Употребление в небольшом контексте сразу нескольких фразеологизмов само по себе стилистически информативно, но в произведениях писательницы широко используются дополнительные приемы окказионального преобразования устойчивых сочетаний.

Устойчивость, традиционность употребления – характерная черта фразеологизмов, но она носит относительный характер. Поэтому в художественной речи нередко наблюдается контекстуальное использование устойчивых словосочетаний. В основе актуализации экспрессивных потенций фразеологической единицы лежит нарушение принципа цельности номинации фразеологизма или нарушение принципа целостности его структуры.

Все случаи индивидуально-авторского преобразования УС могут быть условно объединены в две большие группы. К первой мы относим те случаи, когда фразеологизм претерпевает какие-либо внутренние изменения.

К этой группе принадлежат, например, те случаи, когда один из лексических компонентов фразеологизма заменяется синонимом или близким по значению словом. Обычно подобная замена имеет определенное смысловое или стилистическое задание: изменить стилистическую окраску фразеологизма или придать ему большую значимость, большую экспрессивность. Например:

*Наверное, кое-кому удастся **вылезти сухим из воды**, но Антонине не повезло – она стала жертвой шантажиста* [1, с. 138]. Как видим, стилистически нейтральный глагольный компонент фразеологизма "выйти сухим из воды" заменен просторечным словом **вылезти**, которое автору кажется более уместным в данной речевой ситуации.

Следует отметить, что на страницах произведений Д. Донцовой встречается еще один интересный пример употребления фразеологизма "выйти сухим из воды": *В организме Антона Борисовича выявили коктейль из сильнодействующих лекарств, но ведь Расковалов каждый день получал большое количество уколов. Короче говоря, Ольга **вылезла сухой из зловонной лужи*** [1, с. 53]. В этом случае от устойчивого словосочетания остался практически лишь один компонент – **сухой**, однако и этого достаточно, чтобы у читателя возникли ассоциации с известным фразеологизмом.

В следующем примере во фразеологизме "сходить с ума" используется иной глагол – **съехать**, также имеющий в своем значении сему "движение, перемещение". Такая замена компонента устойчивого сочетания актуализирует на нем внимание читателя:

- ...*Надо менять работу, пока с **ума не съехала*** [3, с. 21].

Целью замены может быть также достижение иронического эффекта: *Барабан хватает меня за плечи, разворачивает и цедит:*

- *Тараканова? Куда летим, **сломя мозг?*** [1, с. 72].

Или:

- *У меня отпуск, – осторожно ответила я. – Планировала **предстать перед твоими очами** через двенадцать суток* [3, с. 13].

Подобная замена компонентов фразеологизма синонимами, в том числе и контекстуальными, часто выражает отношение повествователя или его персонажей к лицам или явлениям, используется для подчеркнуто точного выражения мысли.

Большинство ученых придерживаются мнения, что замена лексического компонента (реже компонентов) фразеологизма является одним из самых распространенных типов контекстуальных трансформаций. Заменяемая лексема может быть не только синонимом или принадлежать к одной семантической (тематической) группе по отношению к окказионально варьируемому компоненту, но и вступать с ним в антонимические отношения. Например: *Касаткина спокойно перевернула эту страницу судьбы и наконец-то стала вести ту жизнь, о которой мечтала. **Фортуна повернулась к Полечке улыбающимся лицом*** [1, с. 282].

Нередко структурное преобразование фразеологизма, в частности, замена одного из компонентов, ведет и к смысловым изменениям, чему способствует речевой (как мы наблюдали в предыдущем примере) или ситуативный контекст. Например: *Варвара показала **пудовый кулак**.*

- *Вот так! Имей в виду, я с **норовом. Всегда свою точку зрения отобью*** [1, с. 31].

Выделенное сочетание, безусловно, ассоциируется у читателя с фразеологизмом "отстоять свою точку зрения", в котором заменен глагольный компонент. Но употребленная в предшествующем предложении лексема кулак актуализирует и прямое значение этого глагола.

Другим видом внутреннего преобразования является незначительное варьирование морфологических особенностей фразеологизма без изменения его лексического состава. Часты, например, замены одних глагольных форм другими: *Да что там бабы! Мужики некоторые **орали**. Но довольно скоро все вокруг узнали, что адвокат экзотическими*

насекомыми увлекается, и перестали ловиться на его удочку [3, с. 93]; ср.: "поймать(ся) на удочку".

Одним из приемов структурного преобразования фразеологизмов в детективах Д. Донцовой является намеренное расширение состава устойчивого словосочетания, введение в него дополнительных компонентов. Например: *Странная она была девушка, крайне обидчивая, подозрительная, очень ранимая, способная из одной мухи сделать трех слонов* [2, с. 297].

Частичное изменение структуры фразеологизма усиливает его семантическую и эмоциональную значимость, используется как средство характеристики ситуации и формирования читательского отношения.

В рассматриваемых произведениях мы находим примеры эллиптического употребления фразеологизмов, пропуск, отбрасывание одного или нескольких их компонентов. Семантически опорное слово в контексте не опускается, тогда как второстепенный в смысловом отношении элемент нередко подвергается эллипсису. Однако такая усеченная фразеологическая единица может быть правильно понята читателем лишь в том случае, если она в ее полном виде хорошо знакома, привычна для сознания. Например: *Это была совсем другая жизнь, какая-то нереально-прекрасная. Она ослепила Савельеву, и та поначалу не замечала некоторых странностей*.

Через год розовые очки с носа Надюши начали съезжать, и она призадумалась (1, с. 181); ср.: "смотреть сквозь розовые очки".

Кроме изменения структуры фразеологической единицы, в контексте наблюдается и ее смысловое преобразование: сочетание розовые очки воспринимается и в прямом, свободном значении, чему способствует лексическое окружение.

Один из приемов контекстуального употребления фразеологизмов в произведениях Д. Донцовой – полное разрушение грамматической конструкции устойчивого словосочетания и использование отдельных его лексических компонентов в изолированном виде. Например: – *Вовремя сделала мне внушение, – пояснил Коробок. – Вылила на мою вскипевшую голову ведро воды, и я успокоился* [3, с. 79]. Хотя в контексте не использован узуальный фразеологизм *окатить (облить) холодной водой*, с ним, безусловно, ассоциируется данная реплика и значение "охладить пыл, рвение" сохраняется.

Подобные случаи можно рассматривать как фразеологическую аллюзию, то есть намек, ссылку на хорошо известное устойчивое словосочетание. Так, в следующем примере используется лишь один из компонентов фразеологической единицы, но именно он выступает стилистической доминантой данного контекста:

- Я проиграла крупную сумму. Очень. Мне просто не повезло.

Я всплеснула руками.

- Здравствуйте, любимые грабли! Вы так и не бросили покер? [1, с. 186].

Во вторую большую группу могут быть объединены те случаи, когда внутренняя форма фразеологизма остается неприкосновенной, переосмысление же, обыгрывание его мы находим в окружающем контексте. При чтении всего контекста фразеологизм представляется иным, смысл его изменяется или приобретает иной оттенок. Сюда относятся многочисленные каламбурные построения, основанные на прямом, буквальном понимании переносного значения отдельных слов, входящих в состав сочетания, или всего сочетания в целом. Например: *Но Геннадий не внял доброму совету. Уж не знаю, какая муха укусила молчаливого парня, но насекомое постаралось на славу*.

Значительный интерес представляет метафорическое обыгрывание компонентов фразеологизма, когда образ, заложенный в устойчивое словосочетание, распространяется на несколько последующих предложений. Образные компоненты фразеологизма, повторяющиеся в следующей за ним речевой цепи, несут на себе образную значимость всей фразеологической единицы. Например: *Полных людей принято считать добродушными. Не знаю, как с остальными, но Зоя точно даже мухи не обидит. Маленькое уточнение: последней не следует конфликтовать с законом. Если насекомое нарушит Уголовный*

кодекс, оно не увидит на лице толстушки Зои понимания [1, с. 141]. Как видим, на раскрытии, конкретизации значений лексических компонентов устойчивого словосочетания строится целая цепочка образов и метафор.

Нередко обыгрывание семантики фразеологизма происходит при одновременной трансформации его структуры. Так, двойная актуализация фразеологического оборота наблюдается при введении в него дополнительного окказионального элемента в следующем примере: *Ушла Зинка злая, с тех пор со мной сквозь пластмассовые зубы здороваается* (2, с. 198).

Стилистический эффект основан на взаимодействии узуального фразеологически связанного (переносного) значения и контекстуального свободного (прямого) значения сочетания "сквозь зубы".

Таким образом, структурно и семантически измененные фразеологизмы широко представлены в иронических детективах Д. Донцовой. Авторские преобразования устойчивых словосочетаний всегда контекстуально уместны и выполняют определенную стилистическую функцию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Донцова Д.А. Приданое лохматой обезьяны: роман / Дарья Донцова. – М.: Эксмо, 2010. – 384 с.
2. Донцова Д.А. Путеводитель по Лукоморью: роман / Дарья Донцова. – М.: Эксмо, 2012. – 352 с.
3. Донцова Д.А. Шекспир курит в сторонке: роман / Дарья Донцова. – М.: Эксмо, 2011. – 352 с.
4. Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А.И. Молоткова. – М.: Русский язык, 1986. – 543 с.
5. Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты / Под ред. А.П.Сковородникова. – 2-е изд. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 480 с.

УДК 811.161.1

Надежда Чернявская
(Самара)

ОБРАЗНАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЧЕЛОВЕКА В ВИРТУАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ¹

Стаття присвячена аналізу метафоричних моделей, репрезентуючи внутрішній світ суб'єкта віртуального дискурсу в Інтернет-щоденнику.

Ключові слова: образна репрезентація, віртуальний дискурс, метафорична модель.

The article is devoted to the analysis of metaphorical models representing the inner world of the subject of the virtual discourse in the online diary.

Key words: imaginal representation, virtual discourse, metaphorical model.

Век информационных технологий создал совершенно специфическую коммуникативную среду, формирующую новые способы приобретения знаний, новые формы поведения и общения, новые категории мышления. Сетевые ресурсы – это особое пространство функционирования языка, уникальный тип дискурса, специфику которого составляют не столько особенности передачи информации, сколько интенции субъектов коммуникации, их потребность в самопрезентации и самореализации, и когнитивные механизмы их речевой деятельности. Наиболее эксплицитно виртуальная языковая личность

¹ Исследование выполнено при поддержке проекта № 12-14-63002 РГНФ.

проявляет себя в жанрах интимизированного общения. К таким жанрам, в первую очередь, относятся интернет-дневники.

Специфику жанровой формы виртуального дневника, в отличие от его классической версии, определяет синтез противоположных тенденций: анонимность и установка на достоверность; приватность и публичность; неадресованность и адресованность; монологичность и диалогичность. Ведение дневниковых записей реализует разнообразные функции, такие как психотерапевтическая, исповедальная, игровая, творческая, когнитивная, мемуарно-архивная, коммуникативная. Выбор дневниковой формы письма позволяет говорить о том, что пользователь уже достиг определенного уровня, определенной сложности организации сознания, которое готово к самоанализу и рефлексии, к познанию самого себя и окружающего мира.

Как культурно-психологический феномен дневник репрезентирует авторскую личность – творца особой действительности. С одной стороны, учитывая индивидуальный характер и различную тематику каждого дневника, следует говорить о сложности, а в некоторых случаях – о невозможности выявления общих языковых особенностей, свойственных дневниковому сознанию. С другой стороны, анализ языкового материала свидетельствует, что общие тенденции, безусловно, просматриваются. Одна из таких тенденций – процесс смещения разных лексико-семантических пластов, их диффузность, подвижность. В дневнике происходит смещение границ между категориями субъективного и объективного, положительного и отрицательного, абстрактного и конкретного, частного и общего. Проиллюстрируем это явление следующим примером: *"Домой хочу, в космос..."*. Содержание этого фрагмента указывает на отрешенное состояние субъекта, который испытывает потребность в обретении своего дома и места. Лексема *домой* сохраняет семантику тепла, уюта и защищенности. В доме находятся семья и близкие люди. Но место нахождения желаемого дома противоречит общепринятым представлениям. Желаемым пространством для отчужденного человека становится космос. Осознание сложности собственного бытия, противоречивости межличностных отношений выражается в парадоксальном афористичном отрицании: *Я кричу, а никто не слышит. Но не потому, что никто не хочет слышать, а потому, что я не хочу, чтобы услышали*; многоаспектной ассоциативности: *Богемность и хрусталь, Средневековье и менестрельность, поэзия и любовь, винтаж и ретро, Империя и мелодичность... Кто я сама? Если бы я знала точно...*; гиперболизированных сравнениях: *Несколько часов разлуки тянутся, будто дни, а дни означают вечность; Страдаю безумием до невозможности. Ищу приключения до сумасшествия*; оксюморонах: *немыслимые мысли, слушаю тишину, грустное счастье*; антитезах: *В таких вот маленьких деталях вся наша жизнь. В маленьких радостях и больших подвигах. В скромных секретах и грандиозных мечтах; Мир все-таки велик и мал до безобразия*. Мы видим, что в дневниковых записях конструируется образ внутреннего человека, а все используемые языковые средства направлены на репрезентацию картины мира автора дневника и его представления о современном человеке, в первую очередь о себе самом.

Приоритетным средством концептуализации внутреннего мира человека в виртуальных дневниковых записях является метафора. Можно утверждать, что тексты интернет-дневников составляют единое образное пространство, отражающее особенности авторского мировосприятия и мироощущения. В анализируемом материале представлены образные модели "Человек – животное", "Человек – растение", "Человек – вещество", "Человек – вместилище", "Человек – механизм".

Зооморфные метафоры используются в дневниках для концептуализации межличностных отношений и реализуют, главным образом, узуальные, в том числе символические смыслы. Примечательно, что в фокусе метафорического моделирования оказываются не внешний вид, а поведение, нрав, типичные повадки животных: *Я – кошка, которая гуляет сама по себе. как и все кошки, я люблю свободу. но между свободой и одиночеством, порой, не такая уж большая разница; Не хочу быть серой мышью;*

Чувствую себя зверем в клетке; Этот человек только может грызть мой мозг; Гавкать на всех не получилось из-за хорошего настроения. Иногда авторы дневниковых записей обращаются к переосмыслению традиционных образов: **Крылья** – свобода, только когда раскрыты в полете, за спиной они – тяжесть.

Фитоморфная метафора реализуется в двух противоположных аспектах. Увядание растений в проекции на эмоционально-психологическую сферу означает утрату жизнерадостности, оптимизма, надежды: *Когда увядает душа; Я чахну и вяну; Сухие стебли моей надежды; Мой цветной мир засох без влаги и любви.* С другой стороны, рост, цветение символизируют возвращение человека к полноценной духовной жизни: *Но распотанные тобой люди поднимаются, распускаются, цветут и живут дальше; Весна. Расцветают сердца; Набухают и распускаются почки. Видимо, я одна из них. Впереди – интересная жизнь и развитие; Чувствую аромат вдохновения.*

Источником метафорической экспансии является и неживая природа: *Мне снилось, что я лечу... что я лёгкое перо... и вдруг я стало камнем. Скорость моего полёта возросла, и я поняло, что лечу вниз... и Я ИСПУГАЛОСЬ... Я падало. падало. падало... я упало... Я ЗАПЛАКАЛО. Я ПОНЯЛО, что теряю...* Оксюморонная метаморфоза перо → камень и – как следствие – полет → падение реализует комплекс психических состояний (страх, боль, отчаяние), передает ощущение невозможности самоидентификации и предчувствие инобытия, эксплицируемое и грамматически – формой среднего рода глагольных лексем.

В качестве сферы-источника могут быть задействованы и артефакты. Посредством образа механического или электронного устройства репрезентируется человек действующий, творящий: *Сегодня почти весь день буксую из-за технической ошибки; Ты – совершенство... новый компьютер, не засорённый никакими программами, вирусами и файлами; Я переключаюсь в спящий режим; Я сегодня заряжаюсь светом и теплом! Растапливаю грусть, отчаянье и боль.* В то же время человек может ощущать себя элементом системы, малой частицей целого, что рождает ощущение несвободы, зависимости и принужденного пребывания в этой системе: *Я – всего лишь электрод,двигающийся по намеченному пути.*

При отождествлении человека с веществом, жидкостью, материей актуализируются такие человеческие качества, как пассивность, безволие: *Сегодня я бодра, и даже не пришлось отскрести себя с кровати; всему причиной затянувшееся межсезонье и слякоть, способствующие внутреннему раскисанию; Вся жизнь застыла, двигается еле-еле, и густая, как желе. Изю дня в день ничего не меняется.* Данные примеры дневниковых записей демонстрируют представления современного общества о человеке, утрачивающем субъективное начало. Посредством метафорической модели "человек – жидкость" репрезентируется ощущение зависимости человека, неспособности быть хозяином своей жизни, неуверенность: *Когда ты допьешь остатки меня, Любовь Моя?* В то же время осознание этого ощущения эксплицирует внутреннее сопротивление, несмирение.

Достаточно распространенной является интерпретация человека через образ вместилища: *Я осознала пустоты внутри себя; Существование таких людей не укладывается в сосуд моего разума; Заглянула мне в душу; Не хочется раскрывать душу; Иду до конца, даже когда знаю, что открою в себе ту дверь, которую хотела держать закрытой; За окном весна, но в моём мире осень.* Многие высказывания авторов интернет-дневников содержат образ наполненного / переполненного сосуда, который передает высокую степень проявления эмоций и чувств, интенсивность душевных переживаний: *Я наполнен до краёв тоской; В то время я до самых краев был наполнен ее пьянящим голосом; Задыхаюсь от переполняющей эйфории, выплескивающейся за края воображения.*

В текстах дневников отражается и такая особенность человеческой личности, как многомерность, расщепленность сознания, которая проявляется в персонификации отдельных свойств человека – составляющих различных сфер: эмоциональной – *Убей во мне радость; Скука полностью поглотила меня;* ментальной – *Воспоминания бегут за мной и*

настигают меня; *Моя совесть* упорно *трудится* и *фильтрует*, что можно, что нельзя; Именно *мысли отнимают* у меня львиную долю сил. Каждый звук способен взбудоражить и без того воспаленное, *измученное сознание*; физиологической – *Сердце, вырываясь* из грудной клетки, *носится в панике*; Вчерашняя встреча была *вычеркнута* из памяти, видимо, *мозг* ее так *тщательно вычеркивал*, что *довел* меня до головной боли. То или иное человеческое свойство персонифицируется, приобретает автономный характер и своеобразно "отчуждается" от человека, вступая с ним чаще всего в отношения противоборства.

Элементы эмоциональной и ментальной сферы часто вступают во взаимодействие, порой конфликтное: *Тревога – вечная свита* моих мыслей; *Мечтаю* наделить свой разум частичкой радости и *научить его улыбаться*; *Разум и душа тянут* меня в разные стороны; *Мозг борется* с душой, порождая шизофрению. Подобные фрагменты демонстрируют неоднозначность и противоречивость феноменов внутреннего мира человека.

Объективация абстрактных категорий осуществляется через чувственно воспринимаемые образы: *Наше одиночество, тихо спящее* на диване в гостиной; *Надежда подала* свою руку; *Кажется, что безумие обнимает* меня прохладными руками; *Моя душа* похожа на *сгорбленную старушку*, которая по-прежнему любит жизнь и радуется празднику.

Нередко в интернет-дневниках встречается уподобление составляющих ментальной сферы человека материи (*ткани, нити, полотну*): *В руках спицы, вяжу что-то, связывая мысли в узелки... всё больше запутываюсь, наверное, всё сама усложняю... надо потянуть за ниточку и всё само собой распухнет...* Множество отдельных, не связанных между собой мыслей автор пытается логизировать, соединить в упорядоченную структуру. Однако попытка разобраться в себе оказывается безуспешной. Это противоречивое состояние личности объективировано многозначной лексемой *узелок*. В контексте актуализируется несколько ее семантических признаков: "соединение, сосредоточение, связь" и "сложное переплетение, запутанность".

Таким образом, автор интернет-дневника в центр мироздания помещает человека в его динамических отношениях с миром. Именно человеческая личность выступает точкой отсчета в постижении всего многообразия жизни, в то время как связи между внешнеположенными человеку сферами являются для него менее актуальными.

УДК 811.161.1'42

Ольга Шутова
(Горловка)

АДРЕСАТ И АДРЕСАНТ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОГО ДИСКУРСА

У статті описуються адресато-адресантні відносини в науково-популярному дискурсі. Характеризуються їх ролі: комунікативні, психологічні та соціальні. Досліджуються засоби ведення діалогу та типи адресата в науково-популярному дискурсі.

Ключові слова: науково-популярний дискурс, адресат, адресант, комунікативна роль, психологічна роль, соціальна роль.

The addressee-addresser relation in the popular scientific discourse is distinguished in the article. Their roles as: communicative, psychological and social are characterized. The ways of carrying on a dialogue and types of addressee in the popular scientific discourse are examined.

Key words: the popular scientific discourse, addressee, addresser, communicative role, psychological role, social role.

Научно-популярный дискурс антропоцентричен. Вся его информативность нацелена на определенного адресата с позиции конкретного адресанта, который дифференцирует научную информацию по той или иной теме и доступно преподносит ее слушателю. Таким образом, фактор адресата и адресанта является для научно-популярного дискурса основополагающим.

Адресато-адресантные отношения в учебно-педагогическом дискурсе тщательно исследовала А.Р. Габидуллина, антропоцентризм директивных текстов описали А.И. Барташева, Л.В. Михайлова, С.В. Мясоедова, М.Ю. Олешков, И.С. Черватюк, М.Ю. Федосюк, Е.И. Шейгал, Т.В. Шмелева, позиции адресата и адресанта в масс-медийном дискурсе проанализировала Л.Н. Синельникова; данную проблему в юридическом дискурсе рассмотрели Т.В. Губаева, Л.В. Колесникова, Л.Е. Попова, А.К. Соболева и др. Сам по себе научно-популярный дискурс (НПД) в лингвистике практически не исследован, а отношения адресата и адресанта в данном типе дискурса еще никто не анализировал.

Цель нашей работы – описать роли и позиции адресата и адресанта в НПД. Задачи нашего исследования – во-первых, определить место адресата и адресанта в данном типе дискурса, во-вторых, описать их роли и отношения, в-третьих, охарактеризовать типы адресата и адресанта.

Под научно-популярным дискурсом мы понимаем сложное коммуникативное событие, которое сочетает в себе особенности как научного, так и популярного дискурсов, продуктом которого является сверхтекст.

Диалогичность данного типа дискурса прослеживается через всю его структуру: адресант всегда "ведет беседу" с адресатом, объясняя ему тот или иной научный факт. Например, М.В. Панов в "Занимательной орфографии", показывая способы письма, ведет диалог с предполагаемым читателем: *"Тут вы скажете: это не письмо, это картинка! А почему картинка не письмо? Подумаем!"* [4, с. 7]. Э.А. Варганьян в своей книге "Путешествие в слово" так общается с адресатом: *"А можно ли сочинить слово "на пустом месте"? Чтобы не имело оно ни рода, ни племени в неоглядном мире слов? Вот я произношу "курлембарута". Новое слово? Как бы не так. Просто набор бессмысленных звуков"* [1, с. 69].

Способы ведения диалога автора и читателя могут быть разными: адресант задает вопрос и предполагаемый адресат отвечает на него (см. 1-ый пример), или автор задает ряд предполагаемых вопросов адресата и сам дает на них же ответы (см. 2-й пример), или диалогичность прослеживается в многочисленных прямых или косвенных обращениях к слушателю. Так, А. Варганьян в "Путешествие в слово" пишет: *"Послушайте одну выдержку:..."* [1, с. 64] – прямое обращение, или В.В. Одинцов в книге "Лингвистические парадоксы" говорит читателю: *"Кто читал "Юрту Ворона" И. Ефремова, тот, наверное, помнит разговор старого рабочего Фомина с геологом Александровым"* [2, с. 56] – косвенное обращение.

Адресант занимает главенствующую позицию, играет роль наставника, и, учитывая его фоновые знания и возрастные особенности, подбирает научные факты, упрощает их и доступно излагает.

Адресант несет в своей речи мотивы, цели, выражает определенные интенции, эмоции, оценки, регулирует отношения, прогнозирует реакцию и действие адресата на свое изречение; он приспособляется к адресату для успешного осуществления своей цели.

В научно-популярном дискурсе адресант является носителем тех научных знаний, в которых нуждается адресат. Он не просто излагает определенную научную информацию, но и интерпретирует ее таким образом, что в ней прослеживаются мысли и идеи самого адресанта. Его психологическая роль в данном дискурсе – это Родитель [1, с. 45]. Автор может критиковать или, наоборот, поддерживать те или иные научные теории, направляя, таким образом, мышление адресата в то русло, в которое адресанту кажется исключительно верным. Например, Ю.В. Откупщиков в своей книге "К истокам слова" с помощью оценочных суждений якобы, столь же наивно, также "восстанавливал" критикует позицию

исследователя (кавычки в последнем суждении лишь усиливают его иронию и критику): *"Так, русский поэт и филолог В.К. Тредиаковский, живший в XVIII веке, считал, что название страны Норвегия представляет собой искаженную форму слова Наверхия и что страна эта получила свое наименование якобы потому, что расположена она на севере, то есть наверху. Столь же наивно Тредиаковский этимологизировал и другое географическое название – Италия. Здесь он также "восстанавливал" более древнюю форму Удалия, считая, что эта страна была названа так потому, что на много верст удалена от России, от севера"* [3, с. 21-22].

Социальная роль – это одобряемый обществом образец поведения, который соответствует конкретной ситуации общения и социальной позиции (статусу) личности. [4, с. 35] Довольно удачную классификацию социальных ролей предложила немецкая исследовательница У. Герхардт. Она подразделяет социальные роли на три группы:

1. Статусная роль (наследуемая) – это роли, которые человек получает по наследству, от рождения: половая, расовая, национальная, роль гражданина определенного государства, роль по типу вероисповедания.

2. Позиционная роль – это социальная роль, проигрывание которой предполагает владение соответствующей позицией на социальной лестнице (например, студент, преподаватель, начальник, подчиненный и т. д.); критериями данной роли могут служить, например, возраст, образование, профессиональная принадлежность, общественное положение.

3. Ситуативная роль – это более или менее фиксированный стандарт поведения и деятельности индивида, не привязанный непосредственно к позиционным ролям (например, роль пешехода, покупателя, зрителя, гостя, друга, врага). [там же, с. 36]

В.И. Карасик, Н.И. Формановская и др. различают постоянные и переменные социальные роли. Постоянные роли могут быть статусными (их определяют принадлежность к определенной социальной группе, расе, национальности, возраст и пр.) и позиционные (профессия, образованность, отношения "начальник-подчиненный" и т. д.). Они представляют собой иерархию вертикального взаимоположения коммуникантов: ниже – равный – выше, предполагающее наличие приоритетной позиции адресанта, т. е. позиции превосходства. Но социальные роли могут быть и ситуативными, и приоритетность адресанта здесь базируется на наличии большего объема информации, жизненного опыта.

Статусная роль адресанта практически не влияет на эффективность научно-популярного дискурса, т. к. гендерная, расовая, национальная принадлежность и вероисповедание говорящего не влияют на структуру, информативную обусловленность и цель научно-популярного дискурса.

Позиционная роль адресанта в данном дискурсе всегда выше позиционной роли адресата. Это автор научных трудов, ученый – тот, чья информация является неоспоримой, слова которого подтверждены научными фактами и примерами. Так, Ю.В. Откупщиков в книге "К истокам слова" объясняет значение слова этимология, обращаясь к трудам философов и к происхождению данного слова: *"Древнегреческое слово etymologia впервые встречается в сочинениях древних философов-стоиков. Происхождение этого слова, его этимологию можно установить без какого-то ни было труда: греческое etymos означает "истинный, верный", а logos – "смысл, значение". Таким образом, этимология стремится к отысканию "истинного значения" слова – почему мы называем что-либо так, а не иначе"* [3, с. 9].

Коммуникативная роль адресата в таком дискурсе – слушающий или непосредственно "читающий" научно-популярный текст. Учитывая экстралингвистические особенности дискурса, следует отметить, что непосредственными участниками научно-популярного его типа являются адресант – автор текста и адресат – тот, кто читает данный текст. В то же время необходимо упомянуть о возможном присутствии косвенного (вторичного) адресата – активного участника общения и наблюдателя – пассивного участника общения [4, с. 34].

Косвенный, вторичный адресат возникает в ситуации, когда общающиеся специально ориентируют свою речь на третьего, присутствующего либо в поле их зрения, либо в прогнозируемом пространстве. Например, чтение мамой детской энциклопедии сыну, где вторичный адресат – это сын, на которого и направлен научно-популярный дискурс мамы и автора текста.

Наблюдатель – это еще более пассивная роль присутствующего, либо вовлекаемого по ходу беседы в общение двоих, либо отторгаемого. Например, при чтении энциклопедии вслух в комнате может находиться человек, который не по своей воле становится слушателем – наблюдателем. Он оценивает информативность дискурса и может сделать это темой обдумывания и обсуждения (уже как говорящий со своим партнером). Наблюдаемая ситуация и коммуникация оказывают воздействие на наблюдателя – меняют его информационное поле, эмоциональное состояние, способствует принятию решения, а иногда и изменению мировоззрения. Наблюдатель в данном случае является опосредованным субъектом общения.

С точки зрения коммуникативных ролей Т.И. Шеловских различает: прямоадресованный дискурс и опосредованный, адресатоориентированный (прототипический) и адресантоориентированный (аутогенный) [7, с. 9]. Научно-популярный дискурс – это прямоадресованный, адресатоориентированный, т. к. он направлен непосредственно на адресата. В некоторых случаях встречается опосредованный тип такого дискурса, когда адресант для более понятного разъяснения того или иного научного факта использует художественный образ, или персонаж, общаясь с которым он поясняет, отвечает на его вопросы, конкретизируя и уточняя данную информацию. Например, в "Занимательной орфографии" М.В. Панова автор беседует с вымышленным персонажем, разъясняя, что такое пиктограмма: *"Я говорю:*

– Вот какая неясность, Иван Семеныч. Я про пиктограмму думаю. В одних книжках написано, что пиктограмма всегда должна быть наглядной, она рисует предмет...

– Конечно. Как же иначе? Тут сомнений нет, – решительно сказал Полушечный.

- А в других книжках сказано, что у пиктограммы важно другое. Она не связана с определенным словом, ее можно прочесть по-разному.

- Именно так! Сознайся, что это убедительно! – воскликнул Полушечный" [4, с. 13]

По психологической роли адресат такого дискурса – это Дитя [1, с. 45], которое учат, информируют, консультируют. Для осуществления цели научно-популярного дискурса – интерпретировать научную информацию таким образом, чтобы адресат смог понять ее, уяснить, а также следовать и применять ее на практике – адресант употребляет суггестивные методы воздействия. Например, Л.В. Успенский в книге "Слово о совах" сначала поучает, а затем косвенно советует через намек, что нужно делать, чтобы понять основы правописания: *"Повторю еще раз: чтобы хорошо знать правила и без труда подчиняться им, нужно понимать, на чем они основаны (поучение). А понять основания, на которых зиждутся правила нашего правописания, может лишь тот, кто основательно разберется в вопросе более широком – о связи между обоими видами нашего языка – устным и письменным"* (совет) [5, с. 31].

Адресат научно-популярного дискурса выполняет требуемое в связи с информативной потребностью и под давлением внутренних или внешних обстоятельств, связанных с актуальной для него прагматической ситуацией. Адресат то вынужден принимать такую роль (поучение), то принимает ее в своих интересах (совет). "Ожидаемая реакция адресата состоит в том, чтобы он выполнил казулируемое действие" [5, с. 12] Отсюда вытекают следующие возможные сценарии развития речевого поведения адресата в научно-популярном дискурсе:

а) если адресат следует принципу кооперации, т. е. ведет себя в соответствии с ожиданиями говорящего и выполняет действие, то интеракция имеет минимальную протяженность: совет → выполнение действия;

б) если адресат ведет себя некорпоративно и отказывается выполнить каузируемое действие, то интеракция может протекать по двум возможным направлениям: 1) адресант принимает отказ и интеракция заканчивается (адресат откладывает чтение энциклопедии, либо не принимает позицию адресанта и отрицает его поучение); 2) адресант не принимает отказа и настаивает на выполнении желаемого действия, приводя дополнительные аргументы, либо интересные примеры из жизни [6, с. 41]. Второе направление интеракции, когда адресат отказывается выполнить каузируемое действие адресанта хорошо проиллюстрировано М.В. Пановым в книге "Занимательная орфография", где автор объясняет различие между буквами и звуками в словах и ведет дискуссию с предполагаемым собеседником: "...*понаблюдайте, какой согласный у слова "сжать" самый первый. Только произносите просто, естественно, как обычно его произносите. Наверное, вы смогли заметить, что здесь первый согласный – [ж]. Произносится: [жжжат']. Именно так. Один читатель, шустрый, расторопный, мне и говорит: – Еще чего придумали – [жжжат']! Я вам вот так произнесу: [сжат'].* У меня в самом начале – [с]. Слушайте... И он с усердием произносит: с! жать! Произнести, конечно, можно. Если постараться. Искусственно. Следя, чтобы непременно был [с]. Но у нас речь о другом: не о том, как можно со старанием исказить русское слово, а о том, что произносится обычно в речи культурных людей. В обычной речи, когда не хотят "доказать" что буква равна звуку, а просто говорят, произносится: [жжжат']...Так все и говорят – если не кривляются, стараясь произнести почуднее или по какой-либо другой причине" [4, с. 23]. После автор также возмущается по этому поводу от имени его знакомого буквоеда Ивана Семеновича Полупшенного: "*Это безобразие! Кто смеет произносить не по буквам? Не допущу!...*" [там же, с. 23].

Построение и выбор лексического материала научно-популярного дискурса также зависит от социальной роли адресата. Т. е., если расовая и гендерная принадлежность практически не влияют на структуру НПД, то возрастные особенности явно учитываются. Этим определяется направленность текста или энциклопедии научно-популярного дискурса на определенные возрастные рамки адресата, например: *Н.М. Шанский "В мире слов. Пособие для учителей"* и *Э.А. Вартамян "Путешествие в слово: Книга для учащихся старших классов"*.

В научно-популярном дискурсе могут существовать одновременно три адресата – это фиктивный, гипотетический и реальный [3, с. 139]. Фиктивный адресат – это некий художественный образ, который специально создан адресантом. Так, М.В. Панов в "Занимательной орфографии" ведет дискуссию со своим соседом, разъясняя непонятные для него моменты, споря с ним, либо, наоборот, соглашаясь: "*Мой сосед Иван Семенович Полупшенный – очень требовательный и настойчивый. Пришел ко мне, сел в кресло и говорит: – Ты что-то пишешь. Советуйся со мной. Ведь ты многого можешь не знать, и я тебе буду помогать; надо ведь направлять твою мысль. Тем более, что мы соседи"* [4, с. 13].

Гипотетический читатель – это образ адресата в представлении адресанта, на которого ориентировано высказывание, т. е. посредник между автором и аудиторией, это круг читателей, на которых направлен дискурс, учитывая возрастные особенности, фоновые знания и их интересы. Реальный (эмпирический) читатель – это тот, кто непосредственно читает научно-популярное издание.

Отличаются они друг от друга прежде всего позицией: если фиктивный адресат находится внутри жанра НПД, то гипотетический и реальный – за его пределами (внутриположенный и внеположенный адресаты). Фиктивный и гипотетический адресат также отличаются друг от друга не только названием и позицией расположения (внутренней и внешней), но и способами выражения:

- фиктивный адресат выражен эксплицитно, гипотетический – имплицитно;
- фиктивный может быть персонифицирован, гипотетический – нет.

Фиктивный адресат является промежуточным звеном передачи информации в постоянном коммуникативном взаимодействии адресата и адресанта [2, с. 10].

Итак, адресато-адресантные отношения характеризуются ведущей позицией второго и ведомой первого. Адресант, автор научно-популярного дискурса, как правило, играет роль Родителя. Адресат, слушатель, читатель, в данном случае – это Ребенок с характерной для него непосредственностью, любознательностью и доверчивостью. В научно-популярном дискурсе автор всегда ориентируется на гипотетического читателя, на некий образ, представление об идеальном слушателе, у которого имеется необходимый уровень фоновых знаний, обладает определенными психологическими особенностями, присущими для его возраста, а также заинтересован в получении данной научной информации. Такой адресат может спорить или соглашаться с утверждениями адресанта, задавать ему вопросы и уточнять информацию, что не под силу реальному читателю, который находится за пределами контекста. Итак, цель адресанта НПД – преподнести научную информацию таким образом, чтобы адресат смог ее усвоить и применить на практике.

Изучение адресато-адресантных отношений в научно-популярном дискурсе является нам весьма перспективным, поэтому в следующих работах мы хотим рассмотреть факторы адресата и адресанта в рамках жанров научно-популярного дискурса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Берн Э. Игры, в которые играют люди. Психология человеческих отношений. Люди, которые играют в игры. Психология человеческой судьбы. – М.: Прогресс. 1988. – 400 с.
2. Венгринюк М. І. Адресат у художньому тексті (на матеріалі української прози ХХ століття) 2006 года : автореф. дис. ... канд. філол. наук. – Івано-Франківськ, 2006. – 20 с.
3. Воробйова О. П. Текстові категорії і фактор адресата: монографія. – К.: Вища школа, 1993. – 171 с.
4. Габидуллина А. Р., Жарикова М. В. Основы теории речевой коммуникации [Учебное пособие для вузов]. Изд. 2-е, перераб. и доп. – Горловка: Изд-во ГПИИЯ, 2005. – 282 с.
5. Храковский В. С., Володин А. П. Семантика и типология императива. Русский императив. – Л.: Наука, 1986. – 272 с.
6. Шейгал Е. И., Черватюк И. С. Власть и речевая коммуникация // Известия РАН. – 2005. – (Серия литературы и языка). Т. 64. – № 5. – С. 38–45.
7. Шеловских Т. И. Речевой акт совета: Функционально-прагматический анализ : (на материале французского и русского языков) : автореферат дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 1995. – 16 с.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

1. Вартаньян Э. А. Путешествие в слово [кн. для учащихся ст. классов]. – М.: Просвещение, 1982. – 223 с.
2. Одинцов В. В. Лингвистические парадоксы [кн. для учащихся ст. классов]. – М.: Просвещение, 1988. – 172 с.
3. Откупщиков Ю. В. К истокам слова. Рассказы о науке этимологии [кн. для учащихся]. – М.: Просвещение, 1973. – 256 с.
4. Панов М. В. Занимательная орфография [кн. для внеклас. чтения учащихся 7 – 8 кл.]. – М.: Просвещение, 1984. – 159 с.
5. Успенский Л. В. Слово о словах (очерки о языке) [для сред. и ст. шк. возраста]. – К.: Веселка, 1987. – 367 с.

ТРАДИЦИОННЫЙ ФОРМАНТ –СК В ЭКСПРЕССИВНОМ ТОПОНИМИКОНЕ

У статті розглянуті нестандартні астіоніми – назви міст України і Росії, утворені за допомогою традиційного суф.-ск, які функціонують у молодіжному середовищі. Показано, що цей суфікс не втрачає продуктивності і при наявності різних семантичних і структурних трансформацій первісної назви.

Ключові слова: експресивність, топонімія, молодіжний сленг, семантичні процеси в деривації, лінгвокреатив.

The article observes the nonstandard astionims – the names of the cities of Ukraine and Russia, formed with the help of the traditional suffix –sk, which function in the youth environment. This suffix is proved to keep its productivity in case of different semantic and structural transformations of the initial name.

Key words: expressivity, toponymy, youth slang, semantic processes in the derivation, lingvo-creativity.

Будучи одиницями лексическої системи, топоніми в живій речі і в художественному дискурсі можуть, виконуючи номінативну функцію, виступати також носителями експресивної функції, посилюючи різні коннотативні характеристики, в частині оціночності і емотивності. Експресивність мовних одиниць, по думці сучасних лінгвістів, служить для посилення виразності і впливової сили висловлювання. "Під експресивністю розуміють один з компонентів коннотації, внутрішнє присуще властивість слова. В ієрархії компонентів коннотації експресивність займає підпорядковане положення, сприяючи з допомогою семантичної контрастності кращому донесенню логічної і емоційно-оціночної інформації до перцепієнта" [13, с 320]. В останнє час багато ономастологів досліджують функціональні особливості топонімів в художественному тексті, де, як вказував Ю.А. Карпенко, їх стилістичний потенціал формується за рахунок насиченості ими тексту, за рахунок інтерпретації внутрішньої форми і частково за рахунок утворення експресивних топонімічних одиниць, яких, по його думці, в мові не дуже багато [8, с. 54 – 55]. С цим не можна не погодитися, якщо мати на увазі простір літературної мови, включаючого всі його нормативні прояви. Хоча і тут експресивні резерви мови великі, оскільки такі мовні феномени, як перифрази, поетическі синоніми, художественні описи, розширюють і поглиблюють арсенал виразності географічних позначень. Якщо ж враховувати весь національний континуум мови з його ненормативними субкодами, такими, в частині, як молодіжний сленг, широко проникаючий в мас-медіа і розмовну мову дорослих носіїв мови, поширеність в інтернет-комунікації абсолютної мовної свободи, то стане зовсім іншою картина.

В даній статті ми привертатимемо увагу до багатейшого експресивного топонімікону, представленою в просторі Інтернету [14] і відображеному неофіціальні (ненормативні) еквіваленти стандартних назв міст Росії і України. Цей пласт молодіжних геономіній частково вже був в полі зору дослідників: як арготическі їх розглядають в ряду робіт Е.С. Отин, запровадивши для них термін *сленгонім* [9; 10]; об актуалізації їх прагматического потенціалу писали ми в декількох статтях [1; 2; 3]; регіональними експресивними топоутвореннями присвячені праці деяких російських дослідників [12]. В даній роботі ми зосередимо увагу на використанні в експресивному топоніміконі такого

традиционного деривационного средства, как суффикс –ск-, и на тех словообразовательных и мыслительных процессах, которые при этом протекают. Наблюдения над способами образования экспрессивных топонимов, а также сопряжёнными с этим семантическими приращениями и процессами мышления позволяют исследовать механизм связи и вербализации сознания и некоторые национальные особенности носителей языка на данном участке ономастического поля [17]. Мы показываем разные типы эквивалентов и способы образования экспрессивных номинаций от нейтральных топонимов при сохранении их прежней референтной соотнесённости, но с вытекающим из новой формы изменением семантики, прагматической установки, стилистической окраски и сферы функционирования.

В древнерусском языке, обладающем, как и современный русский язык, большими аффиксальными возможностями, суффикс –ск явился тем продуктивным словообразовательным морфом, с помощью которого образованы названия многих древних русских городов: *Меньскъ* (до XVIII в. так назывался *Минск*, от названия реки Менка (Меня); первое упоминание в "Повести временных лет" под 1067 г.), *Брянск* из *Дьбрянскъ* (первое упоминание в Ипатьевской летописи под 1146 г.), *Мценск* (упомянут в документах 1147 г.), *Козельск* (упомянут в 1146 г.), *Мосальск* (упоминается в документах 1231 г.), *Мещовск* (известен с XII в.) [8, с. 40] и мн. др. городов. Эти названия первоначально представляли собой относительные прилагательные в краткой форме. Но поскольку топонимы – это имена существительные, то в этом лексико-грамматическом классе произошла специализация суффикса –ск, и он приобрел здесь исключительно топонимическое значение и при этом маркирующее именно названия городов. Об этом свидетельствуют многочисленные топонимы советского периода, номинации новых городов: *Ангарск*, *Советск*, *Волгодонск*, *Комсомольск*, *Оленегорск*, *Ильичёвск*. К этому типу примыкают названия городов, мотивированных фамилиями на –ский(-цкий): *Пржевальск*, *Дзержинск*, *Урицк* [15, с. 226].

М.А. Цеханович в работе, посвященной этому топоформанту в его исторической динамике, показывает, как изменяется структура топонима с суффиксом –ск при изменении административного статуса населенного пункта: в тех случаях, когда села переросли в города, их обычная финаль –ское изменялась на –ск. Например, село *Никольское*, но город *Никольск* (Вологодской обл.); село *Павловское*, но город *Павловск* (Ленинградской обл.). Так возникли астионимы (собственные имена городов) *Благовещенск*, *Борисоглебск*, *Сретенск*, *Троицк*, *Павловск* и др. [18]. Таким образом, суффикс –ск при нулевом окончании с древнейших времен был и всегда оставался активным и продуктивным "городским" словообразовательным средством. Молодежный сленговый топонимикон подчиняется, однако, другим законам. Здесь главный способ – усечение в его разнообразных вариантах: с финалями на согласный: *Алекс* (Александров), *Долгоп* (Долгопрудный), *Ек* и *Екат* (Екатеринбург), *Зелень* (Зеленоград), *Злат* (Златоуст), *Ирк* (Иркутск), *Кёниг* (вар. *Кёник*) (от немецкого названия Калининграда *Кёнигсберг*), *Ярск* (Красноярск), *Владик* (Владивосток и Владикавказ), *Днепр* (Днепропетровск), *Севас* и *Севаст* (Севастополь), *Симф* и *Симфер* (Симферополь) — или на гласный: *Орджо* (от старого названия Владикавказа *Орджоникидзе*), *Долгопа* (Долгопрудный), *Канда* (Кандалакша), *Конда* (Кондопога), *Коста* (Костомукша), *Комса* (Комсомольск-на-Амуре), *Ёшка* (Йошкар-Ола), *Беры* (Березники). Сокращение коснулось и некоторых официальных топонимов с исследуемым формантом, при этом телескопическое сокращение (усечение срединной части) находим в сленговых номинациях *Ульск* (Ульяновск), *Семск* (Семипалатинск), *Свердск* (Свердловск), *Краск*, *Крск* и *Кырск* (Красноярск), а усечение первого элемента сложно-суффиксального деривата *Красноярск* даёт краткое *Ярск*.

В целом сленгоимы с формантом –ск занимают в молодежном топонимическом пространстве заметное место, а процессы их образования и семантические приращения в них отличаются неоднородностью. В их массиве обнаруживаем в соответствии с классификацией производных слов, предложенной Е.С. Кубряковой (с точки зрения способов расширения их семантики), *аналогические*, *корреляционные* и *дефиниционные* словообразовательные процессы.

Аналогические производные, ориентирующиеся на определенный образец, в экспрессивном топонимиконе преобладают. "В этих словообразовательных процессах по аналогии механизмом процесса является копирование готового образца, причем образцом для подражания становится знакомая лексическая единица с определенной внутренней формой, которую и повторяет говорящий в акте номинации" [6, с. 26]. Производящей базой для ненормативных астионимов такого типа выступает официальная номинация, содержащая аффикс –ск. Особенностью словообразовательной трансформации является, при сохранении фонетической структуры слова (количества слогов и звукового сходства), игровое изменение мотиватора с целью достижения комического или саркастического эффекта: *Чикагинск* (Челябинск), *Сверхжлобск* (Свердловск), *Лоханск* (Луганск), *Днепропыльдымск* (Днепродзержинск), *Днепрожидовск* (Днепропетровск). Семантика данных новых названий с актуализированной внутренней формой отражает аллюзию (отсылку) к представлениям о заморском мегаполисе, национальной и поведенческой особенностям городов, об их экологическом неблагополучии. Мертвящее воздействие промышленности на человека в городах актуализируют номинации-трансформы: *Крематорск* и *Крематоровка*, *Некропетровск* и *Фенопетровск*. Номинация *Фенопетровск*, по нашему мнению, в первом своем элементе отсылает к *фенолу* – токсическому веществу, вызывающему ожоги при попадании на кожу, (но, возможно, и к *фене* – блатному языку); в обобщенном смысле – это экспрессивное название города, проживание в котором несет угрозу как физической, так и духовной жизни человека. Экспрессивность подобных номинаций создаётся, естественно, не суффиксом –ск, а включением когнитивных сем, отражающих аксиологические компоненты в восприятии и интерпретации названных топообъектов. В большинстве случаев здесь активизирована собственно лингвокреативная деятельность номинатора. Например, в именовании *Ижмурск* представлено соединение части нейтральной номинации города (*Ижевск*) с частью официальной номинации республики (*Уд-мур-тия*) и далее с топоформантом –ск. Но на выходе в семантические регистры топонима включается ещё и ассоциация с жаргонными *жмур*, *жмурик* "покойник", в результате чего возникает эффект языковой игры. В других случаях этот эффект опирается на иные, собственно лингвальные связи. Так, в экспрессивном разговорном топониме *Сверхжлобск* видим, как на паронимо-фонетическую аллюзию (*Свердловск* – *Сверхжлобск*) накладывается интерпретационный, оценочный компонент от включения просторечного слова *жлоб*. Существенными во всех случаях такого типа оказываются семантическая связь (иногда аллюзия) с нейтральной (официальной) номинацией, сохранение узнаваемости и включённость в семантико-стилистическую парадигму топонима.

Корреляционные процессы происходят в парах слов, также находящихся в отношениях словообразовательной производности [6, с. 29]. В неофициальных астионимах эти процессы продуцируют номинации, в которых производящей базой выступает официальный топоним, а формантами – разнообразные аффиксы, образующие однокорневые дериваты. Но поскольку речь идет об окказиональной деривации, то формантами могут быть как реальные аффиксы, так и различные "квазиаффиксы". Корреляционное образование интересно представлено в названии *Парижск* - так иронически именовал столицу Франции Владимир Высоцкий, объясняя: "Париж – это провинция". Валерий Перевозчиков в книге "Владимир Высоцкий. Посмертная судьба" приводит слова В.Смехова, вспоминавшего разочарование актера после второго посещения Парижа: "В обыденности растаяло очарование. Город серых клерков, скупердяй на скупердяе, жизнь посвящена добыче франка..." [11]. В этом случае именно суффикс –ск выполняет оценочную функцию, коннотативно подчеркивая негативное восприятие "столицы мира" российским артистом. Идея провинциализма Парижа, маркированная суффиксом –ск, опирается на тот лингвистический факт, что имена обеих столиц России (да и абсолютного большинства столиц республик СССР – кроме *Минска* и некоторых автономных, – и, разумеется, все названия зарубежных столиц) не содержали в своей структуре этого форманта. Следовательно, аффикс –ск является в сознании носителей русского языка не просто "городским", но еще и "нестоличным".

Нестандартные коррелятивные однокорневые дериваты-топонимы с "квазипрефиксацией" *ГЭбрянск*, *Гомск* возникли в результате целостного прочтения сокращений *г. Брянск*, *г. Омск*,

вызывающие у носителей языка определенные ассоциации. В экспрессивном астиониме *ГЭбрянск* нашла также отражение фонетическая особенность речи жителей города, которые произносят фрикативный звук [h] вследствие межэтнических контактов с территориально близкими Украиной и Беларусью. "Ситцевая" столица России Иваново представлена ироническим *Нирваново-Вознесенск*, актуализируя в сознании старое название *Иваново-Вознесенск* и относя к *нирване* – "блаженному состоянию покоя, достигаемому, согласно учению буддистов, путем полного отрешения от всего житейского" [16, с. 500], а согласно "Философской энциклопедии", в позднем буддизме нирвана становится неотличимой от небесного рая [7]. Но, судя по другому сленговому названию этого города, транслитерированного английской графикой *UBANОВО*, вызывающего ассоциацию с *Ухабово*, - трудно вообразить его в качестве рая на земле.

Частным случаем корреляционного словообразования следует считать, по Е.С. Кубряковой, так называемую обратную деривацию [6, с. 32], примером которой в нашем материале выступает разговорный топоним *Можсай*, зафиксированный еще В.И. Далем [4, с. 338]. И коррелятивное, и аналогическое словообразование в качестве "действующей пружины" имеют ассоциативную соотнесенность официальной и экспрессивной номинаций города.

Дефиниционные процессы словообразования базируются на мотивированности не словом, а суждением, высказыванием, содержащим дефиницию предмета, то есть на синтаксической основе. Такие процессы "имеют место тогда, когда наречению предмета или другого явления предшествует вынесение суждения о нем, основанного на приписывании ему определенных признаков и свойств" [6, с. 34]. В экспрессивном топонимиконе с названным типом мотивации, на наш взгляд, выступают астионимы, чью новую (возникшую в результате оценочно-экспрессивной трансформации) внутреннюю форму необходимо объяснять, интерпретировать. Таковы обозначения *Барабашиовск* (Харьков, по названию огромного рынка, что возле станции метро им. академика Барабашова), *Бабруйск* (Иркутск, на гербе которого изображен *бобр* – "устаревшее название уссурийского либо амурского тигра"), *Басурманск* (Казань, столица Татарии. *Басурман* – устаревшее название людей иной веры, главным образом исповедующих ислам; использовалось и как бранное слово). Интересны в этом типе дериватов названия Москвы – *Понаехавииск*, образованное (с полным игнорированием словообразовательной модели) от словосочетания с субстантивированным причастием "город понаехавших", свидетельствующее о демографическом состоянии столицы России (синоним *Нерезиновья*). На личность нынешнего мэра Москвы указывает наименование *Собянинск*. Подобных названий, мотивированных именами мэров, в экспрессивном топонимиконе немало: *деревня Добкино* (Харьков), *Лужква*, *Лужки* (Москва) и др. Разумеется, они не носят характера "мемориальных", а скорее коннотируют с указанием на безраздельную власть, в том числе над городскими объектами и финансами, со стороны городских начальников. Итак, дериваты-топонимы, образованные в результате дефиниционного типа словообразования, обладают более сложной семантикой, чем предшествующие типы: они имплицитно включают всю пропозициональную семантику исходного высказывания и диалог с реципиентом.

Таким образом, рассмотренные нестандартные астионимы с суф. -ск, обладают, благодаря актуализации внутрисловных, межсловных семантических процессов и компонентов апперцепционной базы участников коммуникации, мощным экспрессивным и прагматическим потенциалом, динамизирующим коммуникацию молодежи, "легко идущей на самые неожиданные и подчас эпатажные инновации" [10, с. 60]. При этом сам суффикс не сдает своих позиций, проявляя продуктивность или сохраняясь во многих дериватах с трансформированной, по сравнению с исходным топонимом, структурой. Он может обладать оценочностью или не обладать ею; в этом последнем случае вся семантическая и экспрессивная нагрузка полностью падает на корневую морфему. Анализ топонимических производных по семантическим схемам, выделенным Е.С. Кубряковой, показал многообразие мыслительных механизмов в процессе креативной номинативной деятельности, от ассоциаций до сложного перекодирования аналитических номинаций в однословные. Молодёжные топонимические сленгонымы выявляют общую тенденцию языка к возрастанию удельного веса игровой коммуникации в массово-информационном и повседневном общении.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гукова Л.Н. Экспрессивные топонимы как элементы ландшафтной картины мира / Л.Н. Гукова, Л.Ф. Фомина // И слово Ваше отзовется / Гуманитарный центр "Азбука". – К.: Издат. дом Дмитрия Бурого, 2012. – С. 90 – 102.
2. Гукова Л.Н. Экспрессивные номинации пространственных объектов в лингвокогнитивном аспекте / Л.Н. Гукова, Л.Ф. Фомина // Язык и ментальность: Сб. науч. ст. / Под ред. М.В. Пименовой. – СПб, 2010. – С. 312 – 319.
3. Гукова Л.Н. Типы неофициальных наименований географических объектов в современной русской речи / Л.Н. Гукова, Л.Ф. Фомина // Семантика и прагматика языковых единиц в синхронии и диахронии: Сб. науч. трудов. – Симферополь: КРП "Изд-во Крымнаучпедгиз", 2010. – С. 125 – 130.
4. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. – Т.2. – М.: Рус. яз., 1979.
5. Карпенко Ю.О. Стилiстика топонiмiї / Юрiй Олександрович Карпенко // Записки з романо-германської фiлологiї. – Одеса: Фенiкс, 2008. – С. 53 – 59.
6. Кубрякова Е.С. Типы языковых значений: Семантика производного слова / Отв. ред. Е.А. Земская. / Елена Самойловна Кубрякова. – Изд. 3-е. – М.: Книжный дом "ЛИБРОКОМ", 2009. – 208 с.
7. Кутасова И. Нирвана // Философская энциклопедия в 5-ти т. – М.: Сов.энциклоп., 1960 – 1970. Режим доступа: dic.academia.ru/dic.nsf/enc_philosophi/825
8. Морозова М.Н. Имена собственные русского языка (географические названия)/ М.Н. Морозова. – Ч. 2 . Учеб. пособие. – М.: Изд-во МГУ, 1977. – 96 с.
9. Отин Е.С. "Все менты – мои кенты..." (Как образуются жаргонные слова и выражения) / Евгений Степанович Отин. – Изд. 2-е, испр. и доп. – Донецк, 2010.
10. Отин Е.С. Сленговые собственные имена в онимном пространстве современного русского языка / Евгений Степанович Отин // *λόγος όνομαστική*. - №1 (3), 2009. – С.59 – 63.
11. Перевозчиков В. Владимир Высоцкий. Посмертная судьба. – М.: Вагриус, 2003. – 1001.ru/books/vysotskij/051.htm.
12. Потанухина И.Н. Городская неофициальная топонимика / И.Н. Потанухина // Русский язык в школе. – 2008. – № 10.
13. Приходько А.И. О соотношении оценочности, эмоциональности и экспрессивности в языке / А.И. Приходько // Язык и ментальность: сб. статей; отв. ред. М. Влад. Пименова. – Санкт-Петербург: СПбГУ, 2010. – С. 317 – 321.
14. Разговорные и сленговые названия городов Украины. Режим доступа: best-ukraine.com.ua/index.html?go=11365.
15. Русская грамматика. – Т. 1. – М.: Наука, 1980.
16. Словарь русского языка в 4-х т. – Изд. 2-е, испр. и доп. – Т.2. – М.: Рус. яз., 1982.
17. Супрун В.И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал / Василий Иванович Супрун. – Волгоград: Перемена, 2000. – 172 с.
18. Цеханович М.А. Суффикс –ск в русской топонимии и проблема наложения морфем в оттопонимических прилагательных // Вестник ПСТГУ. III. Филология, 2007. Вып.3(9). Режим доступа: pstgu.ru/download/1203350150.thsekhanovich.pdf

ВІДОМОСТІ ПРО АВТОРІВ

АБЖЕЛІЄВА Діана Арсенівна – викладач кафедри англійської філології РВНЗ "Кримський інженерно-педагогічний університет"

БАРБАРА Наталія Вячеславівна – кандидат філологічних наук, Конотопський Інститут Сумського державного університету

БАРИНОВА Ольга Віталіївна – аспірант кафедри загального та російського мовознавства, Дніпропетровський національний університет імені Олеся Гончара

БОГДАНОВА Людмила Іванівна – доктор філологічних наук, професор кафедри зіставного вивчення мов, Московський державний університет імені М.В. Ломоносова

БОЖКО Наталія Михайлівна – кандидат філологічних наук, доцент кафедри мовної підготовки, Харківський національний автомобільно-дорожній університет

БРАЖНИК Олена Мірзаянівна – кандидат філологічних наук, доцент кафедри мовознавства та російської мови, Горлівський інститут іноземних мов ДВНЗ "Донбаський державний педагогічний університет"

ВЕЛИЧКО Алла Василівна – кандидат філологічних наук, доцент, Московський державний університет імені М.В. Ломоносова

ВЛАДИМИРОВА Тетяна Євгенівна – доктор філологічних наук, доцент, професор кафедри російської мови Центру міжнародної освіти та професор кафедри російської мови та міжкультурної комунікації РУДН

ВОЙЦЕХІВСЬКА Наталія Костянтинівна – кандидат філологічних наук, докторант, Інститут мовознавства імені О.О. Потебні НАН України (м. Київ)

ГАБІДУЛЛІНА Алла Рашатівна – доктор філологічних наук, професор кафедри мовознавства та російської мови, Горлівський інститут іноземних мов ДВНЗ "Донбаський державний педагогічний університет"

ГАМАЛІ Ольга Ігорівна – кандидат філологічних наук, доцент кафедри російської філології та зарубіжної літератури, Криворізький педагогічний інститут ДВНЗ "Криворізький національний університет"

ГАЛАСЬВА Ганна – аспірант кафедри російської мови та загального мовознавства, Херсонський державний університет

ГЕРАСИМЕНКО Ірина Анатоліївна – доктор філологічних наук, доцент, Горлівський інститут іноземних мов ДВНЗ "Донбаський державний педагогічний університет"

ГЛАДКОВА Рита Яківна – кандидат філологічних наук, доцент кафедри російської мови та загального мовознавства, Херсонський державний університет

ГЛУЩЕНКО Володимир Андрійович – доктор філологічних наук, професор, завідувач кафедри загального, германського та слов'янського мовознавства, Донбаський державний педагогічний університет

ГОНЧАРОВА Зоя Василівна – аспірант кафедри російської філології та перекладу, Маріупольський державний університет

ГУЗЕНКО Світлана Валентинівна – кандидат філологічних наук, доцент, Миколаївський національний університет ім. В.О. Сухомлинського

ГУКОВА Ліна Миколаївна — кандидат філологічних наук, доцент кафедри прикладного мовознавства, Одеський державний університет ім. І.І. Мечникова

ДАСЬКО Анна Анатоліївна – кандидат філологічних наук, доцент кафедри лінгвістики, Міжнародний університет природи, суспільства та людини "Дубна"

ЖАДЛУН Маргарита Ігорівна – аспірант кафедри загального та російського мовознавства, Дніпропетровський національний університет імені Олеся Гончара

ІВАНОВА Людмила Петрівна – доктор філологічних наук, професор, Національний педагогічний університет імені М.П. Драгоманова

ІЗОТОВ Володимир Петрович – професор кафедри журналістики та зв'язків із громадськістю ФДБСУ ВПО, "Орловський державний університет" (Росія)

КАЛУГІНА Тетяна Василівна – кандидат філологічних наук, докторант, Національний педагогічний університет імені М.П. Драгоманова

КАНЄВСЬКА Ольга Борисівна – кандидат педагогічних наук, доцент кафедри російської філології та зарубіжної літератури, Криворізький педагогічний інститут ДВНЗ "Криворізький національний університет"

КАРПЕНКО Уляна Олексіївна – кандидат філологічних наук, доцент, Національний педагогічний університет імені М.П. Драгоманова

КЛИМЕНКО Тетяна Анатоліївна – кандидат філологічних наук, викладач, Дніпропетровський національний університет імені Олеся Гончара

КОЛЕСНІЧЕНКО Олена Леонідівна – старший викладач кафедри мовознавства та російської мови, Горлівський інститут іноземних мов, Донбаський державний педагогічний університет

КОСТЯНКО Юлія Олегівна – аспірант, Одеський національний університет імені І.І. Мечникова

КОЧ Наталя Володимирівна – доктор філологічних наук, доцент, завідувач кафедри української мови та лінгводидактики, Миколаївський національний університет імені В.О. Сухомлинського

КРАВЦОВА Юлія Валентинівна – кандидат філологічних наук, доцент кафедри російської мови, Національний педагогічний університет імені М.П. Драгоманова

КРАВЧЕНКО Валентина Олександрівна – кандидат філологічних наук, доцент кафедри російської філології та перекладу, Маріупольський державний університет

КУВАРОВА Олена Костянтинівна – кандидат філологічних наук, доцент кафедри загального та російського мовознавства, Дніпропетровський національний університет імені Олеся Гончара

МАНАСНКО Геннадій Миколайович – доктор філологічних наук, професор кафедри теорії та методики викладання історичних та філологічних дисциплін, Ставропольський державний педагогічний інститут

МАСЛОВА Валентина Авраамівна – доктор філологічних наук, професор, Вітебський державний університет (Білорусь)

МАТВЕСВА Наталія Петрівна – доктор філологічних наук, професор, завідувач кафедри англійської філології Інституту філології ЧГДУ імені Петра Могили

МЕЛЬНИК Марина Владимірівна – аспірант, Національний педагогічний університет імені М.П. Драгоманова

МЕНЬШИКОВ Ігор Іванович – доктор філологічних наук, професор кафедри російської мови, Дніпропетровський національний університет імені Олеся Гончара

МИРОНОВА Тетяна Юріївна – кандидат педагогічних наук, доцент, завідувач кафедри іноземних мов, Дніпропетровська державна фінансова академія

МУРАВЬОВА Ольга Вячеславівна – аспірант, Інститут мовознавства імені О.О. Потебні НАН України (м. Київ)

ОВЧАРЕНКО Вадим Миколайович – кандидат філологічних наук, доцент кафедри загального, германського та слов'янського мовознавства, Донбаський державний педагогічний університет

ОДІНЦОВА Ірина Володимірівна – кандидат філологічних наук, доцент, Московський державний університет імені М.В. Ломоносова (Росія)

ПЕТРОВА Луїза Олександрівна – доктор філологічних наук, професор, завідувач кафедри російської мови, Одеський національний університет імені І.І. Мечникова

ПКАЛОВА Ганна Миколаївна – аспірант кафедри загального та російського мовознавства, Дніпропетровський національний університет імені Олеся Гончара

ПІМЕНОВА Марина Василівна – доктор філологічних наук, професор, завідувач кафедри російської мови, Володимирський державний університет імені О.Г. та Н.Г. Столетових (Росія)

ПІМЕНОВА Марина Володимірівна – доктор філологічних наук, професор, завідувач кафедри загального мовознавства, Кемеровський державний університет (Росія)

ПРОСКУРИНА Любов Миколаївна – старший викладач кафедри філологічних та природничих дисциплін НАУ (м. Київ)

ПРОСЯНАЯ Олена Вікторівна – аспірант, Одеський національний університет імені І.І. Мечникова

РЯБІНІНА Ірина Миколаївна – кандидат філологічних наук, доцент кафедри загального, германського та слов'янського мовознавства, Донбаський державний педагогічний університет

СЕМБИРЦЕВА Валентина Павлівна – аспірант кафедри російського слов'янського та загального мовознавства, Таврійський національний університет імені В.І. Вернадського

СЕМИКОЛЕНОВА Олена Іванівна – кандидат філологічних наук, доцент, Таврійський національний університет імені В.І. Вернадського

СІНИЦЯ Ірина Анатоліївна – доктор філологічних наук, старший науковий співробітник, завідувач кафедри славістики, Київський національний лінгвістичний університет

СИНЯВСЬКА Ольга Євгенівна – аспірант, Київський національний університет імені Тараса Шевченка

СІТНІКОВА Олена Володимірівна – кандидат філологічних наук, докторант кафедри російської мови Інституту філології, Київський національний університет імені Тараса Шевченка

СОБЧЕНКО Наталя Сергіївна – аспірант, Одеський національний університет імені І.І. Мечникова

СТЕЦЕНКО Надія Михайлівна – аспірант Інституту філології, Київський національний університет імені Тараса Шевченка

СТОЛЯРСЬКА Олена Вікторівна – асистент, Дніпропетровський національний університет імені Олеся Гончара

СТРІЛОК Надія Володимирівна – аспірант, Одеська Військова Академія

СИРОМЛЯ Наталя Миколаївна – кандидат філологічних наук, доцент, молодший науковий співробітник, Київський національний університет імені Тараса Шевченка

ТРОПІНА Ніна Павлівна – доктор філологічних наук, професор, завідувач кафедри російської мови та загального мовознавства, Херсонський державний університет

УШАКОВА Наталя Ігорівна – доктор педагогічних наук, професор, завідувач кафедри мовної підготовки Центру міжнародної освіти, Харківський національний університет ім. В.М. Каразіна

ФОМІНА Людмила Федорівна – кандидат філологічних наук, доцент кафедри прикладного мовознавства, Одеський державний університет ім. І.І. Мечникова

ХОВАЛКІНА Олександра Олександрівна – доктор філологічних наук, професор, завідувач кафедри російської мови, Кримський державний медичний університет імені С.І. Георгієвського

ХРУЦЬКА Наталя Володимирівна – кандидат філологічних наук, доцент Інституту іноземної філології, Національний педагогічний університет імені М.П. Драгоманова

ЦИМБАЛЮК Єлизавета Вікторівна – аспірант кафедри російського, слов'янського та загального мовознавства, Таврійський національний університет імені В.І. Вернадського

ЧАБАНЕНКО Тетяна Сергіївна – аспірант, Таврійський національний університет імені В.І. Вернадського

ЧЕРКУН Людмила Іванівна – кандидат філологічних наук, доцент кафедри російської мови та загального мовознавства, Херсонський державний університет

ЧЕРНЯВСЬКА Надія Анатоліївна – кандидат філологічних наук, доцент кафедри російської мови, Самарський державний університет (Росія)

ШЕВЧЕНКО Юлія Юріївна – аспірант кафедри прикладної лінгвістики, Одеський національний університет імені І.І. Мечникова

ШУТОВА Ольга Олександрівна – кандидат філологічних наук, доцент кафедри іноземних мов автомобільно-дорожнього Інституту ДВНЗ "Донецький національний технічний університет"

Науковий вісник
Херсонського державного університету
Серія "Лінгвістика"

Випуск XVIII

Коректор	– Климович С.М.
Технічний редактор	– Карабута О.П.
Комп'ютерне макетування	– Фоменко С.А.

Підписано до друку 12.08.13.
Формат 60×84 1/8. Папір офсетний.
Друк цифровий. Гарнітура Times New Roman.
Умовн. друк. арк. 27,67. Наклад 300.

Видруковано у Херсонському державному університеті.
Свідоцтво серія ХС № 69 від 10 грудня 2010 р.
Видано Управлінням у справах преси та інформації облдержадміністрації.
73000, Україна, м. Херсон, вул. 40 років Жовтня, 4.
Тел. (0552) 32-67-95.